О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ 11

1. Зарождение и развитие удмуртского языкознания 13

1.0. Введение . . . . . –

1.1. Возникновение и начальный этап развития удмуртского языкознания . . . . . –

1.2. Удмуртское языкознание в начале и середине XIX в. (“период поисков новых источников”) 17

1.3. Третий период в истории удмуртского языкознания (“героическая эпоха” в финно-угроведении) 20

1.4. Четвертый период в истории удмуртского языковедения (“период утраченных иллюзий”) 22

1.5. Пятый период в истории удмуртской лингвистики (“период поисков своего лица”) 26

1.5.1. Центры изучения удмуртского языка . . . . . –

1.5.1.1. Удмуртский научно-исследовательский институт... 27

1.5.1.2. Факультет удмуртской филологии... 30

1.5.1.3. Лаборатория математической лингвистики 38

1.5.1.4. Кафедра удмуртской филологии 42

1.5.1.5. Научно-исследовательский институт национального образования... 43

1.5.1.6. Институт истории и культуры народов Приуралья 44

1.5.1.7. Представители коми лингвистической науки... . . . . –

1.5.2. О составе исследователей удмуртского языка 45

1.5.3. Научно-теоретическое направление... 46
1.5.4. Интеграция теоретического языкознания с прикладным 48
1.5.5. Комплексный характер современного удмуртского языкознания . . . . –
1.5.5.1. Описательная, экспериментальная и историческая фонетика 48
1.5.5.2. Лексикология, фразеология и лексикография 49
1.5.5.3. Исследования в области грамматики... 51
1.5.5.4. Диалектология... 53
1.5.5.5. Удмуртская ономастика... 56
1.5.5.6. Типолого-контрастивное исследование удмуртского языка... . . . . –
1.5.5.7. Контактологические проблемы в области удмуртского языкознания... 57
1.5.5.8. Методы ареальной лингвистики... 59
1.5.5.9. Текстологическое изучение памятников удмуртской письменности и подготовка их к изданию... 60
1.5.5.10. Изучение истории удмуртского литературного языка и его стилей 61
1.5.5.11. Составление учебных пособий для невладеющих удмуртским языком... 63
1.5.5.12. Прикладные вопросы удмуртского языкознания... 64
1.5.5.13. История удмуртского языкознания... 65
1.6. Однако за громким, казалось, перечислением достижений удмуртского языкознания... 67

2. Очерки об исследователях удмуртского языка 69

2.1. *T. G. Aminoff* / *Т. Г. Аминофф* (1838–1881) –

2.1.1. Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях 71

2.2. *Г. Е. Верещагин* (1851–1930) 113
2.2.1. Нырысетӥ удмурт тодосчи 115
2.3. *Б. Г. Гаврилов* (1854(?) – ?) 139
2.3.1. Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов 141
2.4. *Munkácsi Bernát* / *Бернат Мункачи* (1860–1937) 167
2.4.1. Б. Мункачи, удмуртъёс но удмурт калык кылос 169
2.4.2. Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов 188
2.5. *Y. Wichmann* / *Ю. Вихманн* (1868–1932) 203
2.5.1. Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания 205
2.6. *Fokos-Fuchs D. R.* / *Д. Р. Фокош-Фукс* (1884–1977) 231
2.6.1. Д. Р. Фокош-Фукс но удмурт кылтодон 233
2.7. *Д. В. Бубрих* (1890–1949) 239
2.7.1. Д. В. Бубрих и удмуртское языкознание 241
2.8. *Т. К. Борисов* (1891–1943) 259
2.8.1. Филологические труды Т. К. Борисова (К 110-летию со дня рождения) 261
2.9. *В. И. Лыткин* (1895–1981) 281
2.9.1. В. И. Лыткин но удмурт кылосбур 283
2.9.2. В. И. Лыткин как исследователь истории пермских языков 294
2.10. *Т. И. Тепляшина* (1924) 311
2.10.1. Кышномурт-тодосчи но нылкышно-ожгарчи 313
2.10.2. Т. И. Тепляшина и удмуртская лингвистика 322

2.11. *И. В.* *Тараканов* (1928) 343

2.11.1. Иван Васильевич Тараканов 345

2.11.2. И. В. **Тараканов** и проблемы исторической фонетики удмуртского языка 354

2.12. *В. К. Кельмаков* (1942) 381

2.12.1. О себе 383

2.12.2. Валентин (Валей) Кельмакович Кельмаков 398

2.13. *Csúcs Sándor* / *Шандор Чуч* (1943) 403

2.13.1. Венгер-удмурт профессор Шандор Чучлы – 60 арес 405

3. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 427

4. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 429

5. ИСТОЧНИКИ 432

6. ЛИТЕРАТУРА 435

П Р Е Д И С Л О В И Е

“*Историю науки можно строить по-разному: и как историю идей и методов данной науки, и как историю ее выдающихся представителей*”.

Р. А. Будагов [1988: 4]

Автор данной книги, предлагаемой вниманию читателей, предпочел второй путь, избрав объектом своего исследования творческую деятельность ряда выдающихся финно-угристов и удмуртоведов XIX–XXI вв. При этом он вполне дает себе отчет в том, что список ученых, представленных в книге, далеко не полный и, возможно, субъективно составленный. Нельзя, разумеется, создать полную историю удмуртского языкознания без творчества Ф. Й. Видеманна, А. И. Емельянова, И. В. Яковлева, С. П. Жуйкова, Т. Э. Уотилы, П. Н. Перевощикова, В. И. Алатырева, Д. Лако, Э. Итконена, М. Кёвеши, Б. А. Серебренникова, В. М. Вахрушева, К. Редеи, Р. Бартенс, М. Корхонена, Л. И. Калининой, Р. Ш. Насибуллина, Г. А. Ушакова, Э. Сий, П. Суйхконен, М. Г. Атаманова, А. Ф. Шутова, С. Сааринен, Б. И. Каракулова, И. Козмача, Л. Е. Кирилловой, Э. Винклера, Л. Л. Карповой, Ж. Шаланки, М. А. Самаровой, Н. В. Кондратьевой, а также ряда других молодых исследователей, уже внесших определенный вклад в удмуртскую лингвистическую науку. Но выбор автором для данного издания сделан, и читателю не остается ничего, кроме как примириться с ним. Автор же в свое оправдание назвал книгу не «Историей...», а лишь «Вехами истории...», отложив анализ творческой деятельности не включенных в данную книгу удмуртских языковедов до будущих времен.

Монография насквозь пронизана историзмом.

Во-первых, она посвящена отдельным моментам ***истории науки об удмуртском языке***. В целях, возможно, более цельного представления этой самой истории, очерки об отдельных ее творцах и героях все же предварены эскизным описанием развития удмуртской лингвистики с самого ее зарождения до наших дней.

Во-вторых, поскольку в удмуртском теоретическом языкознании за весь период его истории господствовали преимущественно описательный и сравнительно-исторический методы, то все ведущие языковеды при описании отдельных явлений и фактов удмуртского языка нередко

обращались также к истории их становления и развития. Поэтому не удивительно, что в данной книге существенное место отведено анализу определенных ***проблем истории удмуртского языка*** в творчестве каждого из представленных здесь лингвистов.

В-третьих, весь период истории удмуртского языкознания почти полностью совпадает с ***зарождением и развитием удмуртского литературного языка***, и, следовательно, отдельные проблемы его истории не могли быть не затронуты в творческой деятельности ряда удмуртских языковедов, что также нашло отражение в данной монографии.

Наконец, в-четвертых, и сама книга «Вехи истории удмуртского языковедения» в том виде, в каком она предлагается вниманию читателей, является ***результатом многолетней разработки***: отдельные ее разделы – первые версии статей о Д. Р. Фокоше-Фуксе и В. И. Лыткине – были обнародованы в республиканской печати еще в далекие 70-е гг. XX в. и были вызваны к жизни введением (с 1972 г.) в учебный план филологического факультета университета новой дисциплины – «История изучения удмуртского языка». Все ранее опубликованные очерки, включенные в данную книгу, были доработаны – одни в незначительной степени, другие же весьма существенно, на что указывается в начале каждого очерка.

Писать историю – определенного ли события в жизни общества, некоего ли жанра искусства или какой-либо отрасли науки – дело не очень благодарное для автора: с одной стороны, такой труд требует от него весьма широкой осведомленности в предмете исследования и посему больших усилий при написании, а с другой стороны, не дай бог! упустить ему какую-нибудь мелочь или нечто серьезное (уж как на это посмотрит читатель или рецензент) или не так оценить какой-то факт либо событие, – то это упущение или неточность в глазах отдельных пользователей смогут свести насмарку результаты огромного труда исследователя. При этом, конечно же, ни в коем случае нельзя снимать со счетов невольный авторский субъективизм (при всем его стремлении быть объективным) в оценке событий, явлений и фактов в истории науки! Если, допустим, поручить создание подобного труда одновременно нескольким авторам, то их *истории удмуртской лингвистики* будут различаться, и, возможно, не только в деталях... Поэтому автору данной работы, чтобы как-то успокоить себя и осадить особо рьяных критиков, остается напомнить себе и им слова В. В. Маяковского: “вот вам стило – пробуйте писать сами”! А пока автор выражает самую искреннюю благодарность всем тем, кто высказал свои замечания к рукописи данной книги, даже если и не все они были учтены им в полной мере...

Сентябрь 2011 г. *В. К. Кельмаков*

1. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.0. Введение

2010 год – не совсем круглый, но все же юбилейный для удмуртского языкознания: исполнилось 235 лет со дня выхода из печати первой удмуртской грамматики – книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [Соч. 1775].

Юбилеи, как известно, полезны в двух отношениях. С одной стороны, они дают каждому из нас в череде будней и повседневной суеты, из которых в значительной мере складывается не только жизнь отдельного человека, но зачастую и история общества, науки, культуры и т. д., возможность приостановиться, оглянуться назад, осмотреться кругом и соотнести нашу сегодняшнюю деятельность и продвижение в будущее с тем прошедшим и настоящим, из которых оно проистекает, выверить правильность нашего направления и соразмерить темпы движения с необходимостью и возможностями; с другой стороны, юбилеи, в частности касающиеся науки и культуры, красноречиво свидетельствуют о том, что эти самые наука и культура сегодняшнего дня не находятся уже на нулевой точке, начальном этапе, что они имеют свою историю, порою весьма длительную и поучительную...

1.1. Возникновение и начальный этап развития удмуртского языкознания

Если мы говорим сегодня не совсем определенно, что удмуртская письменность и удмуртское языкознание как комплексная наука возникли в XVIII в.[1], то история удмуртской граммати-

[1] В свете современных исследований время возникновения удмуртской письменности можно несколько конкретизировать первой третью XVIII в. (к 1726 г. относятся первые записи удмуртских слов Д. Г. Мес-

ческой мысли имеет весьма конкретную точку отсчета – 1775 год, тот самый год, когда были изданы «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Хотя XVIII столетие подарило нам три грамматики удмуртского языка, но первая, которой исполнилось 235 (точнее – 237!) лет, остается первой со всеми ее достоинствами и недостатками. Нам, людям лингвистической науки рубежа II и III тысячелетий, конечно, несложно с высоты достижений современной науки обнаруживать недостатки и просчеты первой грамматики, однако мы должны делать попытку вживаться в культурную жизнь и научную атмосферу той эпохи, когда были написаны «Сочиненія...», с тем чтобы должным образом оценить их достоинства и достижения.

XVIII век – это важнейшая веха в истории нашей страны, эпоха, когда Россия, с кровью и потом рвя пуповину длительного феодального застоя, стремилась в капиталистический мир со всеми вытекающими из этого последствиями: с развитием капиталистического производства и освоением нового вида эксплуатации трудового люда; с созданием общероссийского рынка и распространением идеологического давления на многочисленные народы империи в виде массовой их христианизации; с развитием наук, просвещения, началом изучения природных и людских ресурсов огромной страны, проявившемся в многочисленных крупных и малых экспедициях в различные ее концы и уголки; и массовым выступлением нещадно эксплуатируемых крестьян, вылившемся в самую мощную крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева. Во все эти противоречивые процессы, естественно, было втянуто и Удмуртское Прикамье.

Начало массовой христианизации и элементарного просвещения коренного населения этой европейской глуши России привели в конечном итоге к проявлению научного интереса к удмуртам – не случайно именно к XVIII в. относится зарождение уд-

---

сершмидтом: “Туннэ тодмо луэ, шедьтэм удмурт синпельметъёс пӧлысь тужгес но вашкалаез 1726-тй арын гожтэмын. Со Д. Г. Мессершмидт немец тодосчилэн Чупчи кузя улйсь удмуртъёслэсь люкам материалъёсыз” [Каракулов 2006: 58]); первые же печатные слова появились в книге Ф. Й. Страленберга, изданной в 1730 г. [Strahlenberg 1730].

муртской письменности, почти всех удмуртоведческих наук и элементов профессионального искусства – истории, этнографии, фольклористики, зачатков литературного творчества и, разумеется, языкознания.

Удмуртская лингвистика уже с самого своего зарождения в XVIII в. была комплексной наукой, включающей начатки таких его разделов, как лексикография, диалектология, ономастика, этимология и т. д.; однако вершину его составили три грамматики удмуртского языка: «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», приписываемые В. Пуцек-Григоровичу [Соч. 1775], «Краткой отяцкія грамматики опытъ» М. Могилина [Могилинъ 1786] и удмуртская грамматика некоего И. Мышкина (1795), рукопись которой пока еще не найдена[2]. Три грамматики за последнюю четверть XVIII в. – это был мощный рывок зарождающегося удмуртского языкознания в эпоху господства мировой сравнительно-исторической лингвистики XIX – начала XX в.

В этом сериале исключительное значение имеет, разумеется, первая печатная грамматика 1775 г. Не вдаваясь в детали ее структуры, в особенности графики, орфографии, языка и т. д., поскольку об этом уже кое-что писалось, следует отметить ее значение в духовной культуре удмуртского народа, которое заключается в следующем:

1) первая грамматика своим авторитетом положила конец возможным шатаниям в выборе между латинской и кириллической графическими системами в удмуртской письменности в пользу последней. Дело в том, что первые удмуртские материалы увидели свет в записи латинскими буквами (Д. Г. Мессершмидт, Ф. Й. Страленберг, Г. Ф. Миллер и др.), и не было бы ничего неожиданного в том, если бы утвердилось удмуртское письмо на основе латинской графики. Судьбу удмуртской письменности на основе кириллицы решили такие факторы, как относи-

[2] Б. И. Каракулов [2006: 124] приводит подробный список авторов и их трудов, прямо или косвенно свидетельствующих о существовании рукописи данной грамматики.

тельная многочисленность удмуртских письменных памятников, изданных – особенно в конце XIX в. – кириллическими буквами, с одной стороны, и наличие такого авторитетного печатного труда, эмпирически регулирующего употребление букв русского алфавита для записи удмуртских слов, как «Сочиненія...»;

2) первая печатная грамматика дала толчок к применению орфографических норм русского языка для удмуртского письма. Эта орфография, полученная от русской письменности XVIII в., в дальнейшем совершенствуясь в соответствии с изменением и развитием орфографии русского языка и приспосабливаясь к удмуртской фонетической системе языка, дошла до наших дней;

3) хотя рассматриваемая грамматика формально состоит лишь из морфологической части, однако эмпирически присутствуют в ней в различных формах почти все традиционные разделы современной научной грамматики: и **фонетика** (выявление фонологической системы удмуртского языка, без чего невозможно было бы создание буквенного письма), и **лексикография с элементами лексикологии** (наличие списков распределенных по лексико-семантическим группам и по частям речи слов с их русскими переводами), и **представления о синтаксисе** (подача синтаксически правильно составленных удмуртских предложений и словосочетаний). Дальнейшее развитие грамматической мысли шла в более четком проявлении имплицитно присутствующих разделов грамматики удмуртского языка и углублении их разработки;

4) язык первой грамматики примечателен тем, что невозможно определить его точную диалектную основу, хотя при аналитическом исследовании можно выявить наличие в его ткани различных диалектных стихий. Таким образом, этой грамматикой уже в XVIII в. было предугадано и имплицитно указано то направление в формировании и развитии удмуртского письменного (литературного) языка, которое теоретически было обосновано Г. Е. Верещагиным в конце XIX столетия в работе «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» [Верещагинъ 1895] и которое мы имеем в настоящее время: путем органического сочетания материалов самых различных диалектов [Кельмаков 2000: 78];

5) книга «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка» как ни один из иных письменных памятников удмуртского языка, опубликованных до нее, представила удмуртский язык с его специфичными особенностями тогдашнему научному миру, и в этом смысле она послужила его первым своеобразным гражданским паспортом, возвестившим миру о реальном существовании на Земле такого языка, который тогда назывался вотским. На последующие грамматики XVIII–XX вв., как бы хорошо и подробно они ни были составлены, такая роль уже не возлагалась.

Грамматики последней четверти XVIII в., составляя собой вершину удмуртского языкознания своего времени, одновременно завершили **первый** – ***начальный*** – **период** истории удмуртского языкознания (XVIII в.).

1.2. Удмуртское языкознание в начале и середине XIX в.
("период поисков новых источников")

С началом XIX столетия удмуртская лингвистика вступила во **второй период**, условно называемый "периодом поисков новых источников", который ориентировочно длился до конца 70-х гг. этого же века. Дело в том, что XVIII столетие, которое оставило нам три грамматики, один крупный словарь [Кротовъ 1785] и ряд менее значительных опубликованных и неопубликованных памятников письменности и языкознания, выжало из скудного лингвистического материала, имевшегося в распоряжении исследователей того времени или что могли собрать они сами, все, что было возможно. Но эпоха великих путешествий прошла, наступило время более спокойного осмысления эмпирического материала, однако для этого исследователи удмуртского языка или те, кто пожелал бы заниматься этим и не являлся носителем удмуртского языка, не имели в своем распоряжении ничего, кроме небольшого корпуса словарного материала в самых различных письменных источниках, к тому же весьма и весьма не совершенных по качеству записи. Бóльшая часть языкового материала оказалась неопубликованной, в том числе и самый крупный для того времени словарь Захарии Кротова и две грамматики удмуртского языка. До начала записи и массовой публикации

оригинальных фольклорно-диалектологических текстов (1880)[3] и зарождения профессиональной литературы на удмуртском языке (1889)[4] еще долгие восемь десятилетий.

В этих условиях помощь к ученым пришла с совершенно неожиданной стороны – от деятелей христианской церкви, которая в целях распространения своего влияния на неграмотную и лишь частично полуграмотную массу нерусского населения, почти абсолютно не владеющего ни русским, ни тем более старославянским языком, приступила с самого начала XIX столетия к переводу клерикальной литературы, "источников христианского просвещения", и изданию богослужебных книг на самых различных языках Урало-Поволжского региона: татарском, чувашском, удмуртском, мордовских, марийском и др. Многие переводы на удмуртский язык, составленные на территории распространения ряда диалектов, оседали в различных архивах, в том числе доступных для ученых того времени Петербургских; небольшая часть была издана, к примеру, по одной азбуке и одному-двум евангелиям на сарапульском и глазовском диалектах удмуртского языка [Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Еванг. Гл. 1847; Еванг. Сар. 1847]. Количество переводных изданий намного увеличилось ко второй половине XIX в. в связи с тем, что это дело перешло в распоряжение Переводческой комиссии.

С преимущественным или частичным использованием переводной литературы развивалось творчество в области удмурт-

[3] Начало ей было положено Б. Гавриловым с его фольклорно-этнографическим сборником «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880], и лишь затем последовали ранние издания зарубежных и отечественных исследователей (напр.: [Aminoff 1886; Munkácsi 1887; 1896; Wichmann 1893; 1901; 1901a; Кошурниковъ 1879; Багинъ 1897; и ряд др.]).

[4] "Первое печатное художественное произведение Г. Верещагина – стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» ('Сизый, сизый голубок...')" опубликовано под видом фольклорной колыбельной песни в его монографии «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии». Ныне это произведение признано первым оригинальным печатным художественным произведением на удмуртском языке" [Писат. Удм. 1989: 91–92].

ского языкознания таких ученых, как Х. К. Габеленц, Ф. Й. Видеманн и Б. Мункачи (частично).

Х. К. Габеленц (1807–1874) на основе рукописного евангелия пересмотрел положения первой удмуртской грамматики о шестипадежной системе удмуртского склонения и пришел в статье «Zur wotjakische Declination» (’К удмуртскому склонению’) [Gabelentz 1846] к выводу о том, что в удмуртском языке все же 12 падежей, а не 6 (или 7 – при родительном указаны два окончания: *-лэнь* и *-лэсь* [Соч. 1775: 1, 5]). Это была первая научная работа об удмуртском языке, написанная рукой зарубежного исследователя, и первая – по моим сведениям – публикация, которая усомнилась в непререкаемом авторитете первой печатной грамматики удмуртского языка.

Эстонский финно-угровед **Ф. Й. Видеманн** (1805–1887), крупнейший специалист своего времени, знаток и исследователь не только прибалтийско-финских языков, но и почти всех восточно-финских, своим научным творчеством составил эпоху в удмуртском языкознании[5] (причем все его труды в области удмуртоведения по праву носят эпитет “первый”): ему принадлежат первая *научная* грамматика – «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» (’Грамматика удмуртского языка с приложением небольшого удмуртско-немецкого и немецко-удмуртского словаря’) [Wiedemann 1851], первое научное исследование в области удмуртской диалектологии – «Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache» (’К изучению диалектов удмуртского языка’) [Wiedemann

[5] “Последователем А. Шёгрена был Ф. Видеман (F. J. Wiedemann, 1805–1887), труды которого по удмуртскому, марийским, мордовским языкам и особенно словари и грамматики коми и эстонского языков составляют неизменную ценность” [Основы 1974: 67]. “В России в этот период продолжалась целенаправленная работа по изучению финно-угорских языков. В первой половине XIX в. ведущую роль в этих исследованиях играли главным образом А. Шёгрен (Andreas Sjögren, 1794–1855) и Ф. И. Видеман (Ferdinand Johann Wiedemann, 1805–1887), эстонец по происхождению. Оба они, будучи членами Петербургской Академии наук, оказали большое влияние на развитие финно-угорского языкознания” [Хайду 1985: 346–347].

1858], первый относительно большой печатный словарь удмуртского языка в составе книги «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register» (’Коми-немецкий словарь с приложением удмуртско-немецкого и немецкого указателя’) [Wiedemann 1880: 461–692] и первая сопоставительная грамматика близкородственных удмуртского и коми языков – «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» (’Грамматика коми языка с учетом его диалектов и удмуртского языка’) [Wiedemann 1884].

1.3. Третий период в истории удмуртского языкознания
(“героическая эпоха” в финно-угроведении)

Творчество венгерского академика **Берната Мункачи** (1860–1937), который также использовал переводные издания последней четверти XIX столетия, уже относится к **третьему периоду** истории удмуртского языкознания, охватывающему конец XIX – середину 30-х гг. XX в., который хронологически совпадает с так называемой “героической эпохой” в истории финно-угроведения[6]. Именно в это время в исследование проблем удмуртского языкознания включились представители зарубежной гвардии энтузиастов-финно-угроведов, которые в труднейших бытовых условиях с применением истинно героических усилий добывали ценнейший лингвистический и фольклорный материал у малочисленных российских уральских народов, в их числе и у удмуртов.

Этот период в истории удмуртского языкознания имеет ряд особенностей, в большинстве своем характерных, кстати, и для тогдашней финно-угристики в целом[7]:

[6] Характеризуя общее состояние и основные тенденции развития финно-угроведения конца XIX – начала XX в., Я. Гуя писал: “Перед исследователями финно-угорских языков в этот период стояла двойная задача: с одной стороны, было необходимо собирать языковой материал и заботиться о его издании и, с другой – вести сравнительно-исторические исследования в соответствии с требованиями века” [Основы 1974: 67].

[7] “С расцветом финно-угорского языкознания к концу XIX – началу XX в. как в Венгрии, так и в Финляндии выходит на сцену второе поколение лингвистов, которые, продолжая сбор материала, считали

1) проводилась интенсивная полевая исследовательская работа по сбору и публикации оригинальных фольклорно-диалектологических текстов и словарного материала, предпринятая как зарубежными финно-угроведами (Т. Г. Аминофф [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1883; 1887; 1888; 1896], Ю. Вихманн [Wichmann 1893; 1901; 1901a]), Р. Лах [Lach 1926], так и отечественными (Б. Г. Гаврилов [Гавриловъ 1880], Н. Г. Первухин [Первухинъ 1888], И. Н. Смирнов [Смирновъ 1890: (Приложение) 39 + 4], С. Багин [Багинъ 1897] и др.). Усилиями этих ученых опубликован пространный текстовый корпус, записанный с различной степенью точности (в этом отношении публикации *зарубежных* исследователей как по объему, так и по качеству фиксации удмуртского языкового материала вне конкуренции), а также первый и до настоящего времени наиболее полный диалектологический словарь – «A votják nyelv szótára» (’Словарь удмуртского языка’) Б. Мункачи [Munkácsi 1896]; лексическое собрание Ю. Вихманна этого времени, используемое в форме картотеки исследователями-финно-угристами (оно осталось неизданным и увидело свет лишь через столетие [Wichmann 1987]);

2) удмуртское языкознание этого времени развивалось в зависимости от расположения центров его разработки в двух направлениях:

а) зарубежное – в теоретическом: составление словарей для научных целей, научная публикация значительного корпуса текстов, написание теоретических исследований с применением сравнительно-исторического метода и др.; и на этом поприще преуспели Т. Г. Аминофф (1838–1881), Б. Мункачи (1860–1937), Ю. Вихманн (1868–1932), К. Медвецки (? – ?), Т. Э. Уотила (1897–1947), Д. Р. Фокош-Фукс (1884–1977), Д. Лако (1908–1996) и др.;

своей задачей одновременно и пересмотр результатов, полученных основоположниками сравнительного финно-угроведения, на базе дальнейшей разработки сравнительно-исторической фонетики. В этот период, длившийся приблизительно до первой мировой войны, сравнительно-историческая фонетика становится основой финно-угроведческих исследований. ⟨...⟩ Самым интенсивным образом ведется в это время и сбор текстового и словарного материала по языкам” [Хайду 1985: 353–354].

б) отечественное (российское) – преимущественно в учебно-методическом: составление словариков для учебных целей, учебников по удмуртскому и русскому языкам для удмуртских школ (начальных классов), небольших грамматических очерков удмуртского языка. В этой области работали Г. Е. Верещагин (1851–1930), Вл. Ислентьев (? – ?), П. П. Глезденев (1867–1923), И. С. Михеев (1876–1937), В. Д. Крылов (1878–1919), А. И. Емельянов (1879–1942), И. В. Яковлев (1881–1931), С. П. Жуйков (1891–1967), Т. К. Борисов (1891–1943) и многие другие;

3) в теоретической разработке удмуртского языка этого времени преобладают, как и в финно-угроведении того периода, исследования зарубежных ученых, посвященные диалектной и исторической фонетике (Т. Г. Аминофф [Aminoff 1896: 7–20], Ю. Вихманн [Wichmann 1915], А. И. Емельянов [1927: 9–58], Т. Э. Уотила [Uotila 1933], Дь. Лако [Lakó 1934] и др.); в несколько меньшей степени привлекли внимание финно-угроведов вопросы исторической лексикологии (Б. Мункачи [Munkácsi 1884], Х. Паасонен [Paasonen 1902], Ю. Вихманн [Wichmann 1903] и др.), морфологии и словообразования (Т. Г. Аминофф [Aminoff 1896: 20–47], Д. Р. Фокош-Фукс [Fokos-Fuchs 1906], К. Медвецки [Medveczky 1911–1912], А. И. Емельянов [1927: 58–160] и др.), и можно назвать буквально единичные работы, посвященные проблемам удмуртского синтаксиса, и то лишь попутно (А. Клемм [Klemm 1912], Э. Беке [Beke 1913–1915]);

4) из лингвистических публикаций, произведенных в этот период российскими учеными, заслуживают особого внимания первая грамматика на удмуртском языке – «Удмурт кылрадъян» И. В. Яковлева [1927], «Грамматика вотяцкого языка» А. И. Емельянова [1927], диалектологический словарь «Удмурт кыллюкам» Т. К. Борисова [1932] и диалектологическая карта удмуртского языка, составленная С. П. Жуйковым [1935].

1.4. Четвертый период в истории удмуртского языковедения
(“период утраченных иллюзий”)

– середина 30-х – конец 60-х гг. – имеет весьма противоречивую характеристику: с одной стороны, подъем национального самосоз-

нания в начале периода и обусловленная им языковая активность удмуртского населения нашли проявление в стремлении к “удмуртизации” политической, экономической и культурной жизни в республике, отсюда настоятельная потребность всестороннего изучения удмуртского языка и развития его выразительных возможностей; с другой стороны, отсутствие кадров и возможностей для осуществления этих благих намерений, обусловленное:

а) разгулом культа личности и репрессий по отношению к национальным кадрам, в их числе и к ведущим лингвистам старшего и среднего поколения;

б) господством марризма, создавшем серьезные препятствия для внедрения сравнительно-исторического метода в отечественное удмуртское языкознание;

в) отсутствием должных контактов отечественного удмуртского языкознания с его зарубежной ветвью;

г) излишней политизацией науки и некомпетентностью руководства исследовательской работой, в том числе и в области языкознания, со стороны партийно-государственного аппарата республики;

д) необходимостью выполнения работ прагматического характера по языковому строительству в республике в ущерб фундаментальным теоретическим исследованиям[8].

[8] Трудности и противоречия в развитии удмуртского языкознания данного периода явились прямым отражением общей ситуации финно-угроведения в нашей стране: “Советской финно-угристике в первые 25 лет (т. е. с 1927–1952 гг. – *В. К.*) ее существования пришлось преодолеть огромные трудности. Большого напряжения потребовалось от ученых при создании письменности, формировании литературных языков, подготовке учебных пособий для национальных республик и округов. Одновременно проводилась большая работа по сбору материала для новых более интенсивных сравнительно-исторических исследований. Однако господство марризма значительно замедлило развитие сравнительно-исторической финно-угристики, поскольку «Новое учение о языке» было направлено прежде всего против сравнительно-исторического метода. Положение еще усугубилось вследствие изолированности, в которой оказалась советская финно-угристика” ([Основы 1974: 94]; см. также: [Майтинская 1981: 273–274]).

В качестве субъективного фактора следует назвать и то, что в различные годы этого периода во главе удмуртского языкознания оказались такие специалисты, которые не только сами публиковались непростительно мало[9], но и не занимались непростым делом подготовки молодых научных кадров ни у себя в республике, ни через аспирантуру за ее пределами (в Москве, Тарту). Так, доктор филол. наук П. Н. Перевощиков (1900–1965) и кандидат филологических наук В. И. Алатырев (1908–1984), работавшие в Удмуртском научно-исследовательском институте в 1937–1965 и 1955–1980 гг. (соответственно) и в определенные годы заведовавшие сектором языка того же самого института, не оставили после себя ни одного подготовленного ими дипломированного ученика; кандидат филологических наук, Заслуженный деятель науки РСФСР А. А. Поздеева (1905–1998), полтора десятка лет (1952–1967 гг.) заведовавшая кафедрой удмуртского языка и литературы УГПИ, имея при себе аспирантуру, подготовила лишь двух кандидатов наук.

В результате неблагополучного стечения вышеперечисленных обстоятельств удмуртское теоретическое языкознание этого периода тихо прозябало в тени немногочисленных коллективных работ: серии школьных учебников по удмуртскому языку, орфографического [УОС 1959], переводных русско-удмуртских [РУС 1942; РУС 1956] и удмуртско-русского [УРС 1948] словарей и научной грамматики удмуртского языка в трех частях [ГСУЯ 1962; ГСУЯ 1970; ГСУЯ 1974][10], составивших основной научный багаж рассматриваемого периода в истории отечественного удмуртского языкознания. Сюда же относится небольшое количество круп-

[9] В научном багаже А. А. Поздеевой, считавшейся одним из ведущих лингвистов республики, немногим более полутора десятка опубликованных трудов (ни одной, разумеется, монографии); в списке печатных трудов доктора филологических наук, профессора П. Н. Перевощикова насчитывается всего 34 наименования [СУЯ 1980: 169–170].

[10] Хотя публикация третьей, завершающей, части этой грамматики хронологически выходит за рамки рассматриваемого периода в истории удмуртского языкознания, однако данный труд по своему характеру принадлежит все же этому времени.

ных исследований: (1) «Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке» и «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» П. Н. Перевощикова [1939; 1959], «Порядок слов в удмуртском простом предложении» М. Н. Булычева [1947], сборник авторских статей «Вопросы удмуртского языкознания» и расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов «Выделительно-указательная категория в удмуртском языке» В. И. Алатырева [1959; 1970], выполненных и изданных в республике; и (2) «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» Д. В. Бубриха [1948], «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп» и «Историческая морфология пермских языков» Б. А. Серебренникова [1960; 1963], «Памятники удмуртской письменности XVIII века» и «Язык бесермян» Т. И. Тепляшиной [1965; 1970] и др., выполненных учеными других центров российского финно-угроведения и в большинстве своем изданных за пределами республики.

Некоторое количество монографических исследований зарубежных финно-угроведов было выполнено в рамках разработки общепермских проблем, и удмуртский язык в этих работах чаще всего предоставлял лишь материал для сравнительного изучения близкородственного коми: «Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen» (’Функции именных форм глагола в пермских языках’) Г. Стипы [Stipa 1960], «Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen» (’Послелоги в коми языке в сравнении с послелогами в удмуртском’) К. Редеи [Rédei 1962], «A permi nyelvek ősi képzői» (’Древние словообразовательные суффиксы пермских языков’) М. Кёвеши [Kövesi 1965], «Wortzusammensetzung und Stammformbildung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen» (’Словосочетания и сложные слова в коми языке в сравнении с удмуртскими’) И. Батори [Bátori 1969] и др.

Одной из немаловажных причин отсутствия устойчивого интереса зарубежных лингвистов к удмуртскому языку явилась длительная политико-экономическая закрытость Удмуртской – как ни одной другой – республики для зарубежных посетителей и, следовательно, недоступность свежего фактического материала по удмуртскому языку для исследователей.

1.5. Пятый период в истории удмуртской лингвистики
(“период поисков своего лица”)

В недрах четвертого периода трудами таких лингвистов, как П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев, В. М. Вахрушев (1918–1995), Т. И. Тепляшина (1924), И. В. Тараканов (1928) и др., все же готовился скачок в качественно новый – пятый – этап в истории удмуртского языкознания[11], который наступил с 70-х гг. XX столетия и продолжается до наших дней. Этот последний период характеризуется рядом особенностей.

1.5.1. Центры изучения удмуртского языка

Пожалуй, самым заметным достижением этого периода явилось то, что центр тяжести по изучению удмуртского языка переместился в Удмуртскую АССР / Удмуртскую Республику[12], где этой отраслью гуманитарной науки занимается ряд научных учреждений и высших учебных заведений с их соответствующими подразделениями:

● Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР / Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН (отдел филологических исследований);

[11] Подготовительную работу для качественно нового скачка в изучении финно-угорских языков на современном этапе историки финно-угроведения видят в следующем: “И все же в течение второй четверти XX в. в СССР велось собирание материала, составлялись и издавались словари, описательные грамматики” [Основы 1974: 94].

[12] Характеризуя именно этот период в истории финно-угроведения, П. Хайду писал: “Если и в Венгрии, и в Финляндии вопрос подготовки научной смены в области финно-угорского языкознания вызывает серьезные затруднения, то в Советском Союзе год от года появляются новые исследователи, и для многих из них финно-угорские языки являются родными. Благодаря педагогической деятельности ученых с мировым именем в Советском Союзе возникли новые центры финно-угорского языкознания (Ижевск, Йошкар-Ола, Новосибирск, Петрозаводск, Саранск, Сыктывкар, Томск, Ужгород). Исключительно быстрое развитие позволило Советскому Союзу стать одной из ведущих стран в области финно-угорского языкознания” [Хайду 1985: 375].

● Удмуртский государственный педагогический институт / Удмуртский государственный университет (факультет удмуртской филологии и Лаборатория лексикологии и лингвистического картографирования);

● Глазовский государственный педагогический институт (кафедра удмуртской филологии);

● Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики при Министерстве народного образования Удмуртской Республики.

При этом, разумеется, не следует умалять роль зарубежных финно-угроведов в исследовании удмуртского языка.

1.5.1.1. **Удмуртский научно-исследовательский институт** при Совете Министров Удмуртской АССР, созданный в 1931 г. (с 1 февраля 1988 г. – **Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН**) с его сектором/отделом языкознания (в последние десятилетия заведовали П. Н. Перевощиков (с 19.01.1943 по 01.10.1943 и с 01.07.1947 по 05.10.1965), Л. И. Калинина, В. И. Алатырев (с 08.10.1965 по 28.05.1972), В. М. Вахрушев и др. (по совместительству временно и недолго – И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков); в настоящее время – Л. Е. Кириллова) является одним из ведущих центров изучения удмуртского языка в республике. В рассматриваемый период – с 70-х гг. XX в. до наших дней – сотрудниками отдела языкознания института и при участии лингвистов из других учреждений и вузов республики и за ее пределами подготовлены и изданы/переизданы:

1) такие фудаментальные коллективные труды, как: удмуртско-русские [УРС 1983; УРС 2008] и орфографические (с уточнением и усовершенствованием орфографических и пунктуационных правил) [УОС 1984; УКШГК 2002] словари, научная грамматика современного удмуртского языка в трех частях [ГСУЯ 1962; ГСУЯ 1970; ГСУЯ 1974] и др.;

2) свыше двух десятков тематических сборников, составленных в 70-е гг. XX в. – начале XXI в. и внесших неоценимый вклад в удмуртское языкознание: «Записки Удм. НИИ. Вып. 21: Филология» [Зап. Филол. 1970], «Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2» [ВУЯ 1973], «Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3»

[ВУЯ 1975], «Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 4» [ВУЯ 1976], «200 лет удмуртской письменности» [Удм. письм. 1976], «Вопросы удмуртской диалектологии» [ВУД 1977], «Филологические исследования в Удмуртии» [ФИУ 1977], «О диалектах и говорах южноудмуртского наречия» [ДГЮН 1978], «Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии» [МУОТ 1980], «Словосочетания в удмуртском языке» [СУЯ 1980], «Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики» [ВУДО 1983], «Вопросы грамматики удмуртского языка» [ВГУЯ 1984], «Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка» [ВФГУЯ 1986], «Венгерские ученые и пермская филология» [ВУПФ 1987], «Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков» [Пермистика 1987], «XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докл. I: Языкознание» [ВФУК XVII I 1987], «Вопросы финно-угорской ономастики» [ВФУО 1989], «Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка» [ВДЛУЯ 1990], «Вопросы грамматики и контактирования языков» [ВГКЯ 1990], «Пермистика 2: Вихманн и пермская филология» [Пермистика 1991], «Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка» [ВДИУЯ 1992], «Первой удмуртской грамматике 225 лет» [ПУГ 2002] и др.;

3) транскрибированные тексты на различных удмуртских диалектах, подготовленные к изданию одним автором или коллективом авторов: «Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи» [МУД 1981], «Образцы речи удмуртского языка» [ОРУЯ 1982], «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [Кельмаков 1990];

4) рукописные и раннепечатные книги и исследования: удмуртско-русский словарь Захарии Кротова [Кротовъ 1785] (издан в 1995 г.), удмуртская грамматика Михаила Могилина [Могилинъ 1786] (опубликована в 1998 году), первые книги на удмуртском языке [Азбука Гл. 1847; Еванг. Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Еванг. Сар. 1847] (изданы в 2003 г.); часть лингвистического наследия Г. Е. Верещагина – грамматики удмуртского языка [Верещагин 2002] и удмуртско-русский словарь [Верещагин 2006];

5) немногочисленные исследования монографического и справочного характера, подготовка которых активизировалась пре-

имущественно с 90-х гг. XX в.: «Удмуртская лексикография» и «Синонимъёсын удмурт-ӟуч кылбугор (Удмуртско-русский словарь синонимов)» В. М. Вахрушева [1988 и 1995], «Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия» В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [1992], «Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)» и «Микротопонимия бассейна Кильмези» Л. Е. Кирилловой [1992 и 2002], «Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания» В. К. Кельмакова [2004а], «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» Л. Л. Карповой [2005], «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» Л. М. Ившина [2010] и др.

Однако академическому институту с 1–4 единицами (в предыдущие десятилетия) и 7 единицами штатных языковедов в настоящее время исключительно трудно выполнять возложенные на него по статусу обязанности по фундаментальному исследованию удмуртского языка; к тому же (скорее: поэтому) институт свои лингвистические кадры из-за их малочисленности вынужден зачастую использовать – в целях выполнения социального заказа – не всегда по специальности. Так, классные специалисты в своей области – по топонимии Л. Е. Кириллова и диалектологии Л. Л. Карпова – по плану института вынуждены заниматься в последние годы подготовкой к изданию памятников ранней удмуртской письменности: удмуртско-русского словаря Захарии Кротова [Кротовъ 1785], удмуртской грамматики Михаила Могилина [Могилинъ 1786], лингвистического наследия Г. Е. Верещагина – грамматик удмуртского языка и удмуртско-русского и русско-удмуртского словарей, нового удмуртско-русского словаря, на очереди – составление русско-удмуртского словаря, переработка правил удмуртской орфографии и пунктуации и издание нового академического орфографического словаря и др. По этой же причине, в частности, задерживается качественный рост языковедов: в отделе нет ни одного доктора наук.

С большой неохотой включался Удмуртский институт ИЯЛ и в организацию научных совещаний по проблемам удмуртского и финно-угорского языкознания. За рассматриваемый период вре-

мени (1971–2010 гг.) институт провел всего лишь три конференции, где рассматривались вопросы собственно удмуртского языкознания: 1) республиканскую научно-теоретическую и методическую конференцию «200 лет удмуртской письменности» (1975)[13]; 2) XVII Всесоюзную финно-угорскую конференцию (1987)[14]; 3) республиканскую научно-теоретическую конференцию “Первая грамматика удмуртского языка и развитие научного удмуртоведения, профессионального искусства и образования”, посвященную 225-летию издания книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (2000)[15]. По этой причине основная тяжесть организации запланированных для республики очередных заседаний симпозиума “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” (всех проводимых в Ижевске) и издания сборников в сериале «Пермистика» (начиная с 4-го выпуска) полностью перелагался на плечи факультета удмуртской филологии УдГУ (см. ниже, 5.1.2.3).

1.5.1.2. **Факультет удмуртской филологии** Удмуртского государственного университета, являющийся другим важнейшим центром изучения удмуртского языка в республике, появился лишь благодаря двум судьбоносным событиям в истории гуманитарного образования республики:

1) Постановление Совета Министров РСФСР за № 181 от 26 марта 1971 г. заобязало Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР «организовать в 1972 г. в г. Ижевске Удмуртский государственный университет на базе Удмуртского государственного педагогического института Министерства просвещения РСФСР» [Пузанов и др. 2001: 88] – торжественная презентация его состоялась во Дворце культуры “Ижмаш” 16 октября 1972 г.;

[13] Часть материалов включена в сборник «200 лет удмуртской письменности» [Удм. письм. 1976].

[14] К началу конференции тезисы были опубликованы в двух томах, первый из них посвящен вопросам языкознания [ВФУК XVII I 1987]. Некоторая часть материалов была разбросана по различным сборникам.

[15] Материалы изданы в сборнике «Первой удмуртской грамматике 225 лет» [ПУГ 2002]:

2) в 1992 г. под руководством ректора УдГУ профессора В. А. Журавлева и при деятельном участии первого проректора профессора Г. А. Ушакова удмуртскому отделению филологического факультета был придан статус самостоятельного факультета.

Создание в республике университета стало исключительно важным фактором развития удмуртской филологии (в том числе и лингвистической ее составляющей):

1) впервые в истории высшего филологического образования республики в солидном объеме были включены в учебный план такие специальные и обобщающие учебные дисциплины по языкознанию, как «Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию», «История изучения удмуртского языка», «Удмуртская диалектология», «Удмуртская ономастика», «Историческая грамматика удмуртского языка», «Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков», «Сравнительная грамматика финно-угорских языков» и др., которые не только значительно углубили лингвистическую подготовку удмуртских студентов, но и спровоцировали дальнейшее развертывание исследований в указанных направлениях, зачастую не пользовавшихся ранее особым авторитетом среди удмуртских лингвистов;

2) существенное увеличение учебной нагрузки по удмуртскому языку и предметам финно-угроведческого цикла дало возможность значительно расширить преподавательский корпус по удмуртской филологии (в том числе по удмуртскому языку);

3) факультет удмуртской филологии, ставший самостоятельным, получил возможность преобразовать свои структурные единицы, в результате чего в 1995 г. были организованы две лингвистические кафедры, занимающиеся удмуртским языком: общего и финно-угорского языкознания (5 постоянных членов[16], зав. кафедрой – доктор филол. наук, проф. В. К. Кельмаков), удмуртского языка и методики его преподавания (6 преподавателей, зав. кафедрой – доктор филол. наук, проф. И. В. Тараканов, с 2006 г. – доктор филол. наук А. Ф. Шутов, в настоящее время – канд. филол. наук Н. Н. Тимерханова).

[16] Сведения о кадровом составе кафедр даются по данным на 1 сентября 2011 г.

Основная обязанность членов этих кафедр – это:

1) преподавание студентам учебных дисциплин, связанных с современным удмуртским и финно-угорскими языками, историей их становления и развития – (1) лексикологии, фонетики, морфологии и синтаксиса современного удмуртского языка и др. (*кафедра удмуртского языка и методики его преподавания*); (2) диалектологии, исторической грамматики, истории изучения удмуртского языка, удмуртской и финно-угорской ономастики, а также коми, финского, венгерского языков, сравнительной грамматики пермских и финно-угорских языков и др. (*кафедра общего и финно-угорского языкознания*);

2) составление учебников, учебных и учебно-методических пособий, типовых и рабочих программ, методических разработок по этим предметам.

Научно-исследовательской же работе, в определенной степени связанной с учебно-методической деятельностью преподавателей, отводится далеко не первостепенная роль; и она проводится силами вышеназванных кафедр в различных направлениях.

1.5.1.2.1. Продолжается разработка теоретических и прикладных проблем удмуртского языкознания:

- описательной, экспериментальной и исторической фонетики и интонации (Т. А. Краснова В. К. Кельмаков);
- нормативной и исторической лексикологии, фразеологии и лексикографии (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Г. Н. Лесникова, С. В. Герасимова);
- грамматики (морфологии и синтаксиса) современного удмуртского языка (И. В. Тараканов, А. Ф. Шутов, В. К. Кельмаков, Н. А. Сергеева, Д. А. Ефремов, Н. В. Кондратьева, Н. И. Тимерханова, О. Б. Стрелкова, Е. А. Булычева);
- диалектологии удмуртского языка (В. К. Кельмаков, И. В. Тараканов, Д. А. Ефремов);
- удмуртской ономастики (М. А. Самарова);
- взаимодействия удмуртского языка и его диалектов с другими языками (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков);
- памятников удмуртской письменности (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков);

● истории удмуртского литературного языка (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Н. А. Сергеева);

● истории удмуртского языкознания (В. К. Кельмаков, И. В. Тараканов, Н. В. Кондратьева);

● прикладных вопросов удмуртского языкознания (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков);

● составление учебников и учебных пособий по удмуртскому языку для невладеющих удмуртским языком (В. К. Кельмаков, Н. В. Кондратьева, Н. Н. Тимерханова, М. А. Самарова, О. Б. Стрелкова); и др.

Лишь в последние два десятилетия (1990–2011 гг.) преподавателями факультета издан целый ряд монографических исследований, препринтов, авторских сборников статей и учебных пособий, имеющих также и несомненную научную значимость для удмуртского (и пермского) языкознания, напр.:

И. В. Тараканoвым – «Туала удмурт кыл: Лексикология» [1992], «Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь» [1993], «Исследования и размышления об удмуртском языке» [1998], «Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам. Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын» [УКШГК 2002], «Туала удмурт кыл: Нимвоштос» [2003], «Туала удмурт кыл: Каронкыллэн сям но дыр категориосыз» [2004], «Удмуртский язык: становление и развитие» [2007], «Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка» [2010];

С. В. Соколовым – «Биологической нимкылъёсын кылбугор (Словарь биологических терминов)» (в соавторстве с В. В. Туганаевым) [1994]; «Туала удмурт кыл: Юрттйсь (служебной) кылъёс» [2004];

В. К. Кельмаковым – «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [1990], «Удмуртское языкознание между VI и VII Международными конгрессами финно-угроведов: Краткий очерк» [1990а], «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах» [1992], «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт» [1993б], «Udmurtin murteet» (’Удмуртские диалекты’) (в соавторстве *С. Саариnен*) [Kel'makov и др. 1994], «Удмуртское языкознание между VII

и VIII Международными конгрессами финно-угроведов: Библиография» [1995], «Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография» [1998; 2-изд., стереотипное – 2006], «Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию» [1998а], «Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева» [1999], «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII дaур» [1999а], «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» (’Грамматика удмуртского языка и упражнения’) (в соавторстве с *С. Хянникяйнен*) [Kel'makov и др. 1999; 2-е изд., исправл. – 2008], «Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте» [2000а], «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» [2001в]; «Очерки истории удмуртского языкознания» [2001г], «К истории удмуртского и пермского языкознания» [2002], «Удмурт диалектология» [2002а], «Удмурт кылэз дышетон история: Программа. Библиография» [2002б], «“Удмурт дунне”-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс» [2003], «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка». Часть 1–2 [2003б; 2004], «Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания» [2004а], «Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания» [2005], «Очерки истории удмуртского литературного языка» [2008], «Шонересь-а гожъяськонысьтымы шонертэтъёс?» [2008а], «Удмурт кылъя школаын дышетскон книгаос сярысь» [2008б], «Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание» [2009], «И. В. Тараканов и вопросы исторической фонетики удмуртского языка» [2009а], «Удмурт кылын синонимъёс но синоним кыллюкамъёс» [2009б], «Удмурт синоним кыллюкам» [2009г], «Удмурт диалектология» [2010];

А. Ф. Шутовым – «Гипотаксис в удмуртском языке» [1999], «Туала удмурт кыл: Каронсям» [2003];

А. А. Алашеевой – «Туала удмурт кыл: Сямкыл» [2003];

Н. А. Сергеевой – «Удмурт кыллэн типологиез» [2007], «Удмурт литературной кыллэн кылдонэз но азинсконэз» [2008], «Удмурт кылын каронкыллэн бичето кабъёсыз» [2009], «Финн-

угор кылосбуре пыртон» (в соавторстве с Н. В. Кондратьевой) [Кондратьева и др. 2010];

Г. Н. Лесниковой – «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос» [2003];

М. А. Самаровой – «Чолöм!» [2007], «Наименования топообъектов Верхней Чепцы» [2010];

Н. Н. Тимерхановой – «Удмурт кыл: нырысь кутскисьёслы дышетскон книга» [2006];

Д. А. Ефремовым – «Имя прилагательное в удмуртском языке» [2009], «Туала удмурт кыл: Тодметним» [2010];

Н. В. Кондратьевой – «Удмуртский язык: Начальный курс» (в соавторстве с Л. П. Федоровой) [2004], «Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта)» [2010], «Категория падежа имени существительного в удмуртском языке» [2011], «Формирование падежной системы в удмуртском языке» [2011а], «Финн-угор кылосбуре пыртон» (в соавторстве с Н. А. Сергеевой) [Кондратьева и др. 2010];

О. Б. Стрелковой – «Туала удмурт кыл. Лыдним (Современный удмуртский язык. Имя числительное)» [2011]. И др.

Кроме того, отдельные актуальные вопросы удмуртского языкознания получают оперативное решение во многочисленных статьях, тезисах докладов и рецензиях на труды своих коллег, опубликованных преподавателями и аспирантами факультета в различных сборниках и журналах как в нашей республике, так и за ее пределами.

1.5.1.2.2. В недрах факультета удмуртской филологии (застрельщиком и в большинстве случаев исполнителем во всех случаях явился все же заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания) зародились пять сериалов научных и справочных изданий:

1) «Образцы удмуртской речи» – для осуществления научной публикации фольклорно-диалектологических текстов, собранных студентами факультета в ходе выполнения ими контрольных работ по удмуртской диалектологии: вып. 1: «Образцы удмуртской речи [1]: Северное наречие и срединные говоры» [Кельмаков

1981а]; вып. 2: «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [Кельмаков 1990];

2) «Удмурт вераськетъёс»/«Удмуртские говоры» – с целью представления в единой системе исследования в области удмуртской диалектологии или по другим лингвистическим темам с использованием диалектных материалов (всего 8 выпусков): [Кельмаков 1992; 1998; 2001г; 2002; 2003б; 2004; 2008], [Kel'makov и др. 1994];

3) препринты факультета удмуртской филологии – всего увидели свет девять выпусков (с указанием номеров): [Кельмаков 1999; 1999а; 2000а; 2001в; 2003; 2009; 2009а; 2009б; Шутов 1999]; без указания номера изданы: [Алашеева 2003; Тараканов 2003; 2004; Соколов 2004; Шутов 2003];

4) «Пермистика», ставшая печатным органом регулярно – раз в два года – проводимого симпозиума “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”. К настоящему времени различными центрами пермистики Удмуртской, Коми Республик и Пермского края изданы 12 выпусков (Ижевск – [Пермистика 1987; 1991; 1997; 2000; 2002; 2002а; 2008; 2009]; Сыктывкар – [Пермистика 1992; 1999; 2001]; Пермь – [Пермистика 2006]);

5) публикацией синонимического словаря удмуртского языка [Кельмаков 2009г] положено начало серийному изданию справочных и популярных пособий для школьников по удмуртскому языку, литературе и фольклору – “Удмурт кылосбур” (’Удмуртская филология’).

1.5.1.2.3. Факультет является инициатором и организатором научных совещаний по проблемам пермского и финно-угорского языкознания, в том числе и зонального/международного симпозиума “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”. В последние два десятилетия на факультете проведены научные совещания различного уровня[17] в 1985, 1986,

[17] О роли факультета удмуртской филологии в организации научных совещаний до 1998 г. подробнее см. в: «Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию» [Кельмаков 1998а].

1988, 1991, 1993, 1994, 1996, 1998, 2001, 2004, 2008, 2010 гг. с частичной публикацией материалов в виде отдельных сборников статей или тезисов (некоторые из них в Удмурт. ин-те ИЯЛ УрО РАН или совместно с ним), напр.: «Венгерские ученые и пермская филология» [ВУПФ 1987], «Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков» [Пермистика 1987], «Пермистика 2: Вихманн и пермская филология» [Пермистика 1991], «Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии» [Пермистика 1997], «Пермистика 5: Сб. ст.» [Пермистика 2002], «Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов» [Пермистика 2000], «Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии» [Пермистика 2002а], «Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии» [Пермистика 2009], «Пермистика 12: Материалы XII Международного симпозиума» [Пермистика 2008], «Материалы научной конференции по теме “Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов”» [ЛЯФУН 1993], «Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии» [ДСиК 2001], «Финно-угорские языки в образовательном пространстве» [ФУЯОП 2010] и др.

1.5.1.2.4. На факультете ведется систематическая подготовка научных кадров высшей квалификации через аспирантуру – в настоящее время аспирантуру по языкознанию имеют три доктора филологических наук, профессора: (1) *И. В. Тараканов* – под его руководством написали и защитили кандидатские диссертации 7 человек (Г. Н. Лесникова, С. А. Максимов, П. И. Воронцов, Е. Б. Белова, О. А. Гагарина, Т. М. Кибардина, А. А. Шибанов); (2) *В. К. Кельмаков* – защищены 10 диссертаций (М. А. Самаровой, Д. А. Ефремовым, Н. В. Кондратьевой, Л. Г. Пономаревой, Н. М. Люкиной, Л. М. Ившиным, О. Б. Стрелковой, А. В. Егоровым, О. В. Титовой, Е. А. Сундуковой); (3) *А. Ф. Шутов* – аспирантов, защитивших диссертацию, не имеет.

1.5.1.2.5. Многообразие тематики научных исследований, проводимых преподавателями и аспирантами факультета удмуртской филологии УдГУ, и форм их опубликования (от методических

разработок для студентов и разрозненных статей до авторских сборников статей, вузовских учебников и учебных пособий для удмуртских и зарубежных студентов, монографий и т. д.), организация и регулярное проведение научных совещаний различного уровня, осуществление международных связей в области преподавательской и научно-исследовательской деятельности и интенсивная работа по подготовке будущих специалистов по удмуртскому языкознанию профессорами факультета – все это выводит факультет в настоящее время на передовые рубежи современной лингвистической науки Удмуртской Республики.

1.5.1.2.6. Однако научно-исследовательская работа на факультете имеет и серьезные недостатки: 1) ведение лингвистических исследований, к сожалению, еще не стало массовым явлением на факультете – регулярную научную работу с публикацией серьезных монографических исследований, учебников, учебных пособий и препринтов ведут не все доктора наук, не говоря уже о многих кандидатах; 2) крайне мало издаются монографические исследования; 3) недостаточно регулярно оформляются исследовательские и издательские гранты; 4) исключительно робко ведется работа над докторскими диссертациями; и др.

1.5.1.3. **Лаборатория математической лингвистики / Межфакультетская проблемная учебно-научная лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии** Удмуртского государственного университета была открыта 1 сентября 1992 г. “для продолжения работы над Лингвистическим атласом Европы (ЛАЕ) и ***углубленного исследования удмуртского языка***” (выделение мое. – *В. К.*), как определил две ее основные задачи на IX Международном конгрессе финно-угроведов в августе 2000 г. заведующий лабораторией Р. Ш. Насибуллин [2000: 71], однако годом позже те области, на которые распространяется исследовательская деятельность лаборатории, были сужены до “***лексикологии и лексикографии***; исследования диалектов удмуртского языка методом лингвистической географии” [Пузанов и др. 2001: 147; см. также: Пузанов и др. 2006: 281]. В том же 1992 г. был укомплектован основной состав штатных сотрудников лаборатории, включающий, помимо заве-

дующего Р. Ш. Насибуллина, 1 старшего научного сотрудника, 4 научных сотрудников и 1 ведущего программиста (0,5 ставки), и этот состав штатных единиц (кстати, не занятых в учебном процессе университета) в целом сохранился вплоть до сегодняшних дней.

Лаборатория за 19 лет (свыше 120 “человеколет”) своего функционирования подарила удмуртскому языкознанию и читателям, помимо серии статей, следующие печатные труды[18]:

1) два первых тома «Диалектологического атласа удмуртского языка» [ДАУЯ 2009; 2010] (самое большое достижение лаборатории за 19 лет и серьезный вклад в удмуртское языкознание);

2) карманный словарь (в 3000 слов в удмуртско-русской части и 3500 – в русско-удмуртской) [Насибуллин и др. 1995], не претендующий, разумеется, на фундаментальный характер;

3) брошюра (в 36 с.) «Эллинизмы в удмуртском языке» Р. Ш. Насибуллина [2006];

4) пять русско-удмуртских (и др.) “системно-тематических словарей” в самых различных вариациях и комбинациях, из которых четыре имеют попарно (2–3-я и 4–5-я) одно и то же название, а два (2–3-я) – к тому же одних и тех же авторов (но опубликованы в различных издательствах), так что невольно создается впечатление, что и материалы у них в основном совпадают[19]: (1) «Сравнитель-

[18] Творческая деятельность лаборатории (уже с первых годов ее создания) и ее научного руководителя получила весьма высокую оценку в университетской печати. Через каждые пять лет университетские анналы в заштампованных выражениях наперебой возвещали: “***Отдельно следует отметить большие научные достижения*** (здесь и далее выделение мое. – *В. К.*) в области языкознания коллектива лаборатории математической лингвистики, возглавляемого к. ф. н. Р. Ш. Насибуллиным” [УдГУ 1996: 72]; “***Особо следует отметить научные достижения*** в области языкознания коллектива лаборатории математической лингвистики, возглавляемого д. ф. н. Р. Ш. Насибуллиным” [Пузанов и др. 2001: 147]; “***Особо следует отметить научные достижения*** д. ф. н. Р. Ш. Насибуллина и возглавляемого им коллектива лаборатории математической лингвистики” [Пузанов и др. 2006: 281].

[19] По крайней мере «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» Р. Ш. Насибуллина и В. Г. Семенова [Насибуллин и др. 2004а]

ный словарь пермских языков» [Насибуллин и др. 2004], (2) «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» [Насибуллин и др. 2004а], (3) «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» [Насибуллин, и др. 2006], (4) «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь» [Насибуллин и др. 2005], (5) «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь» [Игушев и др. 2007]. Кроме того, лаборатория представила материалы на некоторые тома «Лингвистического атласа Европы» (ЛАЕ)[20];

Сложно судить, является ли **литературоведческая** монография Л. В. Бусыгиной «Временем помечен, Поэт и человек...» [2009] плановой работой **языковедческой** лаборатории, однако следующие три издания, которые были выполнены ее будущими, действительными либо бывшими сотрудниками (выделены курсивом) или при их участии и заслуживают весьма серьезного внимания со стороны специалистов в области удмуртской филологии, все же несколько рискованно безоговорочно включать в список достижений лаборатории: 1) «Обратный словарь удмуртского языка» *Р. Ш. Насибуллина* и В. Ю. Дудорова [Насибуллин и др. 1992] (подписан к печати 20 февраля 1992 г. и вышел в свет до создания лаборатории); 2) «Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке» *Л. И. Калининой* [2001] (работа была выполнена в 80-е гг. XX в. по плану Удмуртского НИИ), 3) «Udmurttilais-suomalainen sanakirja» (’Удмуртско-финский словарь’) *С. Мак-*

от одноименного словаря, изданного через два года [Насибуллин и др. 2006], отличается лишь тем, что более позднее издание имеет «Алфавитный указатель» (с. 275–379), отсутствующий в раннем.

[20] “Все познается в сравнении”: за этот же период (1992–2011 гг.) кафедра общего и финно-угорского языкознания УдГУ, которая состоит из 5 штатных членов, в полной мере загруженных учебной работой, опубликовала – не включая в этот список серии статей и изданий, связанных с преподаванием венгерского, финского языков и некоторых других дисциплин – 42 книги и брошюры (монографии, вузовские учебники, учебные и учебно-методические пособия), из них 29 (в их числе 2 книги, изданные за рубежом) принадлежат В. К. Кельмакову, 5 – Н. В. Кондратьевой, 3 – Н. А. Сергеевой (методист) и т. д. (подробнее см. выше: 1.5.1.2.1).

симова, В. Данилова и С. Сааринен [USS 2008] (выполнен по плану Туркуского университета Финляндии, составление и издание финансированы финской стороной).

Лабораторией бессменно руководит кандидат/доктор филологических наук, профессор Р. Ш. Насибуллин – “Заслуженный деятель науки УР, Почетный работник высшего профессионального образования РФ” [ДАУЯ 2010: 4 (страница обложки)]), “один из ярких лингвистов Удмуртского университета” [Голдина 2001: 26], “один из ведущих специалистов по удмуртскому языку” [Бусыгина и др. 2006: 5], “автор атласа [удмуртского языка]” [Живут слова 2011: 3] и, судя по количеству публикаций (336 наименований изданных к его 70-летию трудов [Насибуллин: Биобиблиогр. указ. 2006]), чуть ли не самый продуктивный среди удмуртских языковедов, ныне здравствующих или уже покойных[21].

Под его руководством Межфакультетская проблемная учебно-научная лаборатория... вся устремлена в будущее – ***она полна творческих планов, прожектов и обещаний*** на издания: “... подготовлены к печати 3 монографии (Л. И. Калининой, А. Т. Байдуллиной, Р. Ш. Насибуллиным)” [УдГУ 1996: 73]; “подготовлен

[21] Что касается качественной стороны, то справедливости ради – в оправдание недостаточной продуктивности других удмуртских языковедов – следует заметить: 1) львиная доля работ из списка публикаций Р. Ш. Насибуллина (свыше 200 из 336) представляет собой небольшие заметочки и мелкие статейки, переводы стихов, песен, сказок, рассказов с татарского, башкирского, коми языков на удмуртский и с удмуртского на татарский и т. д., помещенные в детской («Дась лу!»/«Ӟечбур!»), республиканских, районных, ведомственных и пр. газетах («Байгурезь», «Байрак», «Вперед», «Герд», «Демократическая Удмуртия», «Иднакар», «Коммунизме», «Коммунизмлэн ӟардонэз», «Кызыл таң», «Наука Урала», «Неделя Удмуртии», «Ошмес», «Советской Удмуртия»/«Удмурт дунне», «Студенческий ритм», «Удмуртиысь комсомолец»/«Комсомолец Удмуртии», «Удмуртская правда», «Удмуртский университет», «Янаульские зори», «Яңарыш» и др.), в журнале для дошкольников («Кизили») и т. п.; 2) среди собственно научных публикаций преобладают в последние десятилетия соавторские; 3) в списке ***нет ни одного монографического исследования***, если не считать единственной брошюрки справочного характера в 36 страниц [Насибуллин 2006а].

к печати ⟨...⟩ «Словарь языка Кузебая Герда» (А. Т. Байдуллина, Л. В. Бусыгина)” [Пузанов и др. 2001: 147]; “Подготовлены к печати «Русско-удмуртско-татарский словарь» (Р. Ш. Насибуллин), «Словарь языка Кузебая Герда» (Л. В. Бусыгина), «Школьный удмуртско-английский, англо-удмуртский словарь» (С. А. Максимов, Р. Ш. Насибуллин, Г. А. Тронина и гражданин США Р. Хоскен), «Сводный словарь удмуртского языка»” [Шумилов 2006: 130]; “В 1996 г. должен выйти в свет «Удмуртско-английский, англо-удмуртский словарь»”, “Р. Ш. Насибуллин завершил создание трехъязычного «Русско-удмуртско-татарского словаря»”, “создан «Историко-хронологический словарь...»”, “служит исходным материалом...”, “в лаборатории ведутся исследования...”, “позволило выйти на создание...” и т. д., и т. п. [Пузанов и др. 2006: 281–282]; “Подготовлены к изданию: «Англо-удмуртский и удмуртско-английский словарь», «Русско-удмуртско-татарский словарь», многотомный «Историко-хронологический словарь...», «Словарь антонимов удмуртского языка»” и т. д. [ДАУЯ 2010: 4 (страница обложки)]...

Они, обещанные лет так 10–15 тому назад, еще не опубликованы, но ***читатели полны*** (пока!) ***надежды***, что “нынешнее поколение советских людей” (как когда-то любили писать) хотя бы в третьем десятилетии существования лаборатории увидит ее планы, прожекты и обещания воплощенными в реальные издания.

1.5.1.4. **Кафедра удмуртской филологии** Глазовского государственного педагогического института (зав. кафедрой канд. филол. наук, доц. О. П. Корепанова) работает в относительно плодотворном режиме. Хотя эта кафедра в 5,5 штатных единиц (языковедов и литераторов) образована как самостоятельное структурное подразделение филологического факультета ГГПИ в 1993 г., и перед ней стоят в первую очередь задачи учебно-методического обеспечения преподавания дисциплин, связанных с удмуртским языком и литературой, она уже успела зарекомендовать себя как особый центр изучения удмуртской филологии на севере республики:

1) помимо ряда небольших публикаций в виде статей, тезисов докладов, общих и рабочих программ и т. д., языковедами кафедры

изданы и более крупные учебно-методические пособия по удмуртскому языку: «Русско-удмуртский разговорник» и «Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс» Б. И. Каракулова [1997а; 2006], «Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков» М. К. Каракуловой и Б. И. Каракулова [2000]; и др.;

2) сотрудники кафедры приняли деятельное участие в организации ряда международных и региональных научных конференций, проведенных в 1996, 1997, 1999 и др. гг., на которых была представлена и удмуртская лингвистика;

3) член кафедры Б. И. Каракулов участвовал в формировании, редактировании и издании сборников по материалам некоторых из этих конференций: «Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития» (Ч. I [ДКФУН I 1997] и Ч. II [ДКФУН II 1997]); «История и культура финно-угорских народов» (Ч. 1 [ИКФУН I 1997] и Ч. 2 [ИКФУН II 1998]) и др.

1.5.1.5. **Научно-исследовательский институт национального образования** Удмуртской Республики при Министерстве народного образования УР (директор Института кандидат педагогических наук Н. И. Ураськина), был создан постановлением Правительства Удмуртской Республики от 31 декабря 1996 г. на базе Удмуртского филиала Института национальных проблем образования Российской Федерации (существовавшего в республике с 1989 г.). Этот институт, в обязанности которого вменено составление программ, учебников и методических пособий по удмуртскому языку и литературе (а также для других дисциплин гуманитарного цикла) для общеобразовательных учреждений республики, начиная с дошкольных и кончая средними школами, разумеется, непосредственно не занимается разработкой теоретических проблем удмуртского языкознания, тем не менее его функционирование в республике играет определенную положительную роль также и в развитии теоретической лингвистики в том отношении, что немногочисленные силы языковедов в последнее время значительно меньше отвлекаются на решение методических и чисто прикладных вопросов и задач, ибо ими занимается вышеназванный институт.

Однако положительная роль этого института в развитии теоретического и прикладного удмуртского языкознания была бы

еще более ощутимой, если бы в его ведение входило также составление учебников и учебных пособий по удмуртскому языку и литературе для педагогических, культурно-просветительских и др. училищ и вузов республики. Следовало бы помнить, что “национальное образование”, ради развития которого создан в республике данный НИИ, имеет продолжение и за стенами общеобразовательной школы.

1.5.1.6. **Институт истории и культуры народов Приуралья** имеет определенное отношении к истории удмуртского языкознания в связи с тем, что один из его сотрудников (на 0,5 ставки) – М. Г. Атаманов, ныне доктор филологических наук – вносит существенный вклад в удмуртскую лингвистическую (и историческую) науку с серией своих статей и рядом монографических исследований по ономастике: «Удмуртская ономастика» [1988], «Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов» [1990], «История Удмуртии в географических названиях» [1997], «По следам удмуртских воршудов» [2001] и др. Его стремление к историческим выводам на основе комплексного использования лингвистических данных с материалами фольклора, археологии, этнографии и письменных источников особенно ярко проявилось в книге «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов» [2005] и обобщающей монографии «Происхождение удмуртского народа» [2010]: “ученый стал знаковой фигурой не только в филологической науке, но и исторической” [Кириллова 2011: 71].

1.5.1.7. **Представители современной коми лингвистической науки** выросли на традициях В. И. Лыткина, который не только использовал удмуртские примеры в качестве сравнительного материала при решении финно-угорских, общепермских и/или коми проблем (ср., напр.: [1952; 1953; 1955; 1957; 1957а; 1964; 1968; КЭСК; и т. д.]), но и посвятил ряд своих работ собственно удмуртскому языку [1931б; 1970г; 1973; 1975а; Лыткина и др. 1959; и др.]. В ряде современных комиведческих исследований, выполненных в общепермском ключе, обильно вовлечен удмуртский материал, высказаны интересные соображения, положения и выводы о соответствующих явлениях удмуртского языка; и тем самым они вносят ощутимый вклад и в удмуртское

языкознание. Таковыми, к примеру, являются учебное пособие по сопоставительной грамматике пермских языков Е. А. Игушева [2000], монографии об антропотоминимической лексике пермских языков А. Н. Ракина [1996], о происхождении и функциях падежей в пермских языках Г. А. Некрасовой [2002; 2004], о первичных местоимениях пермских языков Г. В. Федюневой [2007; 2008] и др. В ряде работ А. Н. Ракина, собранных в авторском сборнике статей «Исследования по пермским языкам» [2009], анализируются не только коми и общепермские проблемы в отраслевой лексике, но и конкретно удмуртские; удмуртскому языку посвящено учебное пособие для коми студентов Е. А. Цыпанова «Удмурт кыввор да лыддянкуд» [2007].

1.5.2. О составе исследователей удмуртского языка

Последний период в истории удмуртской лингвистики отличается еще и тем, что несколько увеличился в нашей стране состав исследователей удмуртского языка, и научная деятельность абсолютного большинства из них, естественно, связана с вышеназванными центрами изучения удмуртского языка в республике:

1) в этот период продолжилась и/или продолжается научная деятельность таких ученых старшего поколения, как В. И. Алатырев, В. М. Вахрушев, В. Г. Калашникова (1922), Т. И. Тепляшина, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина (1933), Г. А. Архипов (1929–1998), С. К. Бушмакин (1932), Л. И. Калинина (1932), и др. Правда, большинство из них, находясь на пенсии, в настоящее время наукой уже не занимается, часть отошла в мир иной;

2) в той или иной степени развернулось лингвистическое творчество языковедов последующего поколения: К. А. Ложкиной (1936), Р. Ш. Насибуллина (1936), Г. А. Трониной (1937), Г. А. Ушакова (1938–2009), С. В. Соколова (1938–2011), В. К. Кельмакова (1942), В. В. Поздеева (1942), М. Г. Атаманова (1945), А. Ф. Шутова (1947), Б. Ш. Загуляевой (1947), А. А. Алашеевой (1951) и др.;

3) в конце этого периода вошли/входят в удмуртское языкознание молодые преподаватели и сотрудники соответствующих вузов и научных учреждений: (доктор филологических наук)

Н. В. Кондратьева (1976), (кандидаты филологических наук) Л. Е. Кириллова (1955), М. К. Каракулова (1955), Б. И. Каракулов (1957), Т. А. Краснова (1959), Г. Н. Лесникова (1961), Л. Л. Карпова (1962), Т. М. Кибардина (1965), С. А. Максимов (1967), П. И. Воронцов (1967–2002), М. А. Самарова (1967), Е. Б. Белова (1970), Т. Р. Душенкова (1973), Д. А. Ефремов (1975), Л. М. Ившин (1975), О. В. Титова (1978), А. В. Егоров (1980), С. Едыгарова (1981), О. Б. Стрелкова (1982), Е. А. Сундукова (1982), А. А. Шибанов (1979); (без ученой степени) Н. А. Сергеева (1958), В. Г. Семенов (1965), С. В. Герасимова (1976) и др.

Научный вклад вышеперечисленных лингвистов (1–3) в удмуртское языкознание, разумеется, неравномерен: если труды некоторых лингвистов старшего и среднего поколения, получили признание в мире финно-угроведения не только в нашей республике, но и за ее пределами (напр.: В. И. Алатырева, Т. И. Тепляшиной, И. В. Тараканова, В. К. Кельмакова, М. Г. Атаманова и др.), то многие из них, в их числе и молодые (напр.: В. Г. Калашникова, Г. А. Архипов, К. А. Ложкина, Г. А. Тронина, С. В. Соколов, В. В. Поздеев, А. А. Алашеева, В. Г. Семенов, Т. Р. Душенкова, С. В. Герасимова, О. В. Титова, А. А. Шибанов и т. д.) известны в удмуртском языкознании лишь несколькими статьями или посильным участием в коллективных исследованиях. Однако часть лингвистов последнего поколения (Л. Е. Кириллова, Б. И. Каракулов, Л. Л. Карпова, Г. Н. Лесникова, М. А. Самарова, С. А. Максимов, Д. А. Ефремов, Л. М. Ившин, Н. В. Кондратьева, С. Едыгарова и др.) уже заявила о себе одним или несколькими исследованиями прикладного и/или теоретического характера, свидетельствующими, вне всякого сомнения, о перспективности их авторов.

1.5.3. Научно-теоретическое направление,

которое к 70-м гг. становится ведущим в удмуртском языкознании – не только в зарубежном, но и в отечественном, – значительно повысило свой уровень по сравнению с предыдущими периодами, о чем свидетельствует ряд факторов:

1) венгерский финно-угровед Д. Р. Фокош-Фукс в 1963 г. высказал мысль: “В последние десятилетия особенно бурное разви-

тие получило изучение удмуртского языка в Советском Союзе" [Fokos 1963: 215][22], которую спустя десятилетие подтвердила другой венгерский специалист по пермским языкам – Энико Сий: "...отмеченный Д. Фокошем подъем продолжается и в наши дни" [Szíj 1972: 253];

2) определенные положительные сдвиги в развитии удмуртского языкознания, которые начали проявляться с конца 60-х гг. XX в. и которые не ускользнули от внимания зарубежных ученых, были замечены также и удмуртскими исследователями – в частности участниками республиканской научно-теоретической конференции 1975 г.: в отдельных докладах и выступлениях проскальзывала вполне справедливая мысль о том, что отечественное удмуртское языкознание, пережив этап "прикладной" деятельности, вступила к 70-м гг. в новый, теоретический, период своего развития, когда разработка многих вопросов удмуртского языкознания осуществляется с определенной коррекцией на (обще)теоретические проблемы и достижения сравнительно-исторического финно-угроведения;

3) не случайно именно в 1970 г. удмуртские лингвисты впервые в большом количестве приняли участие на III Международном конгрессе финно-угроведов[23], и с того времени участие

[22] Это было общей тенденцией развития мирового финно-угроведения, на что обратил свое внимание академик П. Хайду: "Современную (речь идет о 70-х гг. XX в. – *В. К.*) ситуацию в уральском языкознании характеризует и значительное расширение географии исследовательских центров. Помимо традиционных центров, во всем мире возникали все новые и новые финно-угроведческие исследовательские организации. Некоторые из них уже выдвинулись в число передовых по качеству выполняемых ими работ. Это относится в первую очередь к Советскому Союзу, где, естественно, налицо все предпосылки для развития финно-угроведения и где ⟨...⟩ путь к исследованию финно-угорских языков был проложен выдающимися учеными XVIII и XIX вв., работавшими в России" [Хайду 1985: 374].

[23] На I (учредительном) конгрессе финно-угроведов в 1960 г. (Будапешт) удмуртскую лингвистику представила лишь Т. И. Тепляшина, приехавшая туда в составе московской делегации; на II конгрессе (Хельсинки, 1965) никто из удмуртских языковедов не участвовал.

наших языковедов на международных форумах финно-угристов стало регулярным явлением.

1.5.4. Интеграция теоретического языкознания с прикладным

В этот период на качественно новой основе и на более высоком уровне происходит интеграция теоретического языкознания с прикладным в пределах отечественного удмуртоведения. Это значит, что если в предшествующие периоды истории удмуртского языкознания теоретические разработки лишь в области фонетики, грамматики и частично в лексикологии удмуртского литературного языка имели выход на преподавательскую практику (в ходе составления учебников удмуртского языка для школ и вузов и вузовского преподавания фонетики, лексикологии, морфологии и синтаксиса), то, начиная с 1972 г. в связи с преобразованием Удмуртского пединститута в университет, в вузовское преподавание был введен ряд новых теоретических дисциплин в виде общих и специальных курсов, которые востребовали в практике преподавания результаты исследований и в других областях удмуртского и финно-угорского языкознания.

Однако включение в вузовские программы новых учебных дисциплин не только привело к востребованности результатов прежних исследований в области удмуртского языкознания, но и поставило перед ним новые задачи по составлению учебников и учебных пособий по этим предметам и по расширению объектов теоретического исследования.

1.5.5. Комплексный характер современного удмуртского языкознания

В последние десятилетия удмуртское языкознание становится подлинно комплексной, многоотраслевой, наукой. Определенные результаты достигнуты за этот период в следующих областях.

1.5.5.1. **Описательная, экспериментальная и историческая фонетика**. Описание фонетики удмуртского литературного языка и диалектов осуществлялось на экспериментальной основе, и его материалы получили отражение в кандидатских диссертациях «Фонетическая характеристика ударения в современном удмурт-

ском языке» В. Н. Денисова [1980; 1980а], «Проблемы просодической интерференции при обучении студентов билингвов иностранному языку (На материале русского, английского и удмуртского языков)» Т. А. Красновой [1985; 1985а], «Вокализм удмуртских говоров (в экспериментальном освещении)» П. И. Воронцова [1999], «Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении)» Е. Б. Беловой [2000; 2000а], а также в книге «Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия» В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [Вахрушев и др. 1992], препринте «Функционирование удмуртских аффрикат» Е. Б. Беловой [2000в] и в серии статей вышеуказанных и иных авторов.

Проблемы исторической фонетики удмуртского языка разрабатывались в серии статей В. К. Кельмакова, содержание которых было обобщено в препринте/научном докладе «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» [Кельмаков 1993а; 1993б] и двухтомном учебном пособии «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» [Кельмаков 2003б; 2004]. Определенный вклад в разработку этой темы внесла книга И. В. Тараканова «Исследования и размышления об удмуртском языке», в которой впервые или повторно опубликован ряд статей, посвященных диалектной и исторической фонетике удмуртского языка [Тараканов 1998: 8–166].

В самом конце XX – начале XXI столетия вопросы исторической фонетики удмуртского языка разрабатывались в рамках коми и общепермской исторической фонетики и грамматики: «Коми кывлӧн историческӧй фонетика» (’Историческая фонетика коми языка’) Г. А. Некрасовой [2000], «Permilästen kielten rakenne ja kehitys» (’Структура и развитие пермских языков’) Р. Бартенс [Bartens 2000: 9–65], «Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen» (’Чередование гласный-ноль, синкопа и ударение в пермских языках’) М. Гайслера [Geisler 2005] и «Die Rekonsruktion der permischen Grudsprache» (’Реконструкция пермского праязыка’) Ш. Чуча [Csúcs 2005: 21–162]).

1.5.5.2. **Лексикология, фразеология и лексикография**. Материалы по удмуртской лексикологии и фразеологии в популярной форме обобщены И. В. Тараканом в его учебных пособиях

для студентов «Удмурт лексикая очеркъёс» [Тараканов 1971] и «Туала удмурт кыл: Лексикология» [Тараканов 1992].

Отраслевая и терминологическая лексика не оказалась популярным объектом исследования – можем назвать лишь одну монографию венгерского финно-угроведа Э. Сий («Термины родства и свойства в удмуртском языке») [Сий 1998] и кадидатскую диссертацию О. В. Титовой «Лексика конного транспорта в удмуртском языке» [2011; 2011а] (публикации по теме: [2005; 2006; 2008; 2008а; 2008б; 2009; 2009а; 2009б; 2010; и др.]).

Специальному теоретическому изучению удмуртской фразеологии предшествовало – и то довольно поздно – коллекционирование их в двух специальных словарях, составленных К. Н. Дзюиной – «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь» [Дзюина 1967] и «Средства образного выражения в удмуртском языке» [СОВУЯ 1996], имеющих почти одни и те же недостатки, в частности: 1) в обеих книгах отсутствует четкое разграничение фразеологизмов от других видов и жанров паремии (пословиц, поговорок, экспрессивно-эмоциональных слов и др.; 2) при фразеологизмах и сопутствующих им других образных средствах нет того контекста в виде предложений или отрывков (абзацев) из текстов различного содержания и стиля, который бы иллюстрировал их значение и способы употребления в письменной и устной речи; и др. Теоретическому же изучению удмуртских фразеологических единиц посвящены две диссертации: «Фразеология удмуртского языка» Г. Н. Лесниковой [1994; 1994а] (публикации по теме: [1992; 1992а; 1997; 1998; 2010; и др.]) и «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставленнии с венгерской)» А. В. Егорова [2010; 2010а] (публикации по теме: [2002; 2005; 2006; 2008; 2008а; 2009; и др.]).

Собирание словарного запаса удмуртского языка за этот период произведено в нескольких словарях различного типа: переводных удмуртско-русских [УРС 1983; 2008], орфографических [УОС 1984; УКШГК 2002], диалектологическом [Wichmann 1987], этимологическом (буквы А и Б) [Алатырев 1988], обратном [Насибуллин и др. 1992], синонимических [Вахрушев 1995; Кельмаков 2009г], системно-тематических [Насибуллин и др. 2004; Насибуллин и др. 2005; Игушев и др. 2007; Насибуллин и др. 2004а; Наси-

буллин и др. 2006], отраслевых (терминологических) – биологических [КБС 1978; Соколов и др. 1994], географических [Туганаев и др. 2003], химических [Конюхов 2002], лингвистических [КНК 2006] терминов.

Заметным явлением в удмуртской лексиографии последнего времени стало издание переводных словарей не только русско-удмуртских и удмуртско-русских, как традиционно имело место в предыдущие этапы истории удмуртского языкознания (исключение составляли лишь научные диалектологические словари Б. Мункачи [Munkácsi 1996] и Ю. Вихманна [Wichmann 1987]), но и нормативных удмуртско-венгерского [UMSz. 2002], удмуртско-финского [USS 2008], учебного удмуртско-английско-финского [Suihkonen 1995a], французско-удмуртского [Yédigarova и др. 2007] и др.

Длительная история лексикографической обработки словарного богатства удмуртского языка отражена попутно в учебных пособиях И. В. Тараканова [1971: 81–93; 1992: 117–135], специально – в книге «Удмуртская лексикография» В. М. Вахрушева [1988].

1.5.5.3. **Исследования в области грамматики** (морфологии и синтаксиса) удмуртского языка несколько оживились в последние годы рассматриваемого периода. После выхода из печати «Грамматики современного удмуртского языка» в трех частях [ГСУЯ 1962; 1970; 1974], отечественное удмуртоведение в данной области обогатилось несколькими коллективными или авторскими сборниками, включающими статьи на грамматическую тематику («Словосочетание в удмуртском языке» [СУЯ 1980], «Вопросы грамматики удмуртского языка» [ВГУЯ 1984], «Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка» [ВФГУЯ 1986], «Вопросы грамматики и контактирования языков» [ВГКЯ 1990]), «Исследования и размышления об удмуртском языке» и «Удмуртский язык: становление и развитие» И. В. Тараканова [2003: 168–242; 2007: 72–144] и др., рядом монографических исследований, посвященных преимущественно морфологии («Имя прилагательное в удмуртском языке» Д. А. Ефремова [2009], «Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта)», «Категория падежа имени существительного в удмуртском языке» и «Формирование падежной

системы в удмуртском языке» Н. В. Кондратьевой [2010; 2011; 2011а]), «Категория посессивности в удмуртском языке» С. Едыгаровой [2010], а также единичными брошюрками («Выделительно-указательная категория в удмуртском языке» В. И. Алатырева [1970], «Гипотаксис в удмуртском языке» А. Ф. Шутова [1999]). Обобщающее учебное пособие по морфологии удмуртского языка, не одно десятилетие составляемое на факультете удмуртской филологии, до сих пор, к сожалению, не завершено; изданы лишь отдельные пробные разделы ее в виде препринтов [Алашеева 2003; Тараканов 2003; 2004; Соколов 2004; Шутов 2003].

Принимая в расчет то, что учение о грамматике языка занимает одно из центральных мест в национальной лингвистике [Матезиус 2003: 208] и именно в этой части удмуртского языкознания (в частности в изучении морфологии удмуртского языка) наблюдаются серьезные отставания, на факультете удмуртской филологии запланирована планомерная разработка грамматических проблем и морфологии частей речи на диссертационном уровне. В последнее десятилетие защищены, к примеру, такие кандидатские (и докторская) диссертации:

А. Ф. Шутовым – (докторская) «Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке» [2002; 2002а] (препринт [1999] и важнейшие статьи по теме: [1978; 1978а; 1984; 1990; 1990а; 1992; 2000; 2000а; 2002; 2002а; 2002б] и др.);

Д. А. Ефремовым – «Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке» [2002; 2002а] (статьи по теме: [1999; 2000; 2002б; 2009; 2010; Кельмаков и др. 1997; и др.]);

Н. В. Кондратьевой – (кандидатская) «Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане)» [2002; 2002а] (публикации по теме: [2000; 2001; 2001а; 2001б; 2002б; 2009; и др.]); (докторская) «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)» [2011б; 2011в] (монографии по теме: [2010; 2011; 2011а]);

Т. М. Кибардиной – «Средства выражения модальности в удмуртском языке» [2003] (публикации по теме диссертации: [1999; 2002; 2002а; 2009; Анисимова и др. 2008; и др.]);

О. Б. Стрелковой – «Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте)» [2009; 2009а] (публикации по теме: [2005; 2005а; 2006; 2007; 2007а; 2008; 2009б и др.]);

А. А. Шибанова – «Наречия в удмуртском языке» [2011; 2011а] (публикации по теме: [2005; 2006; 2008; 2008а; 2009; 2009а; 2010; и др.]).

На различной стадии разработанности находятся диссертационные темы:

А. Л. Семеновой – «Союзы неместоименного происхождения в удмуртском языке»;

С. Н. Широбоковой – «Междометия в удмуртском языке».

В зарубежном финно-угроведении проблемы удмуртской грамматики рассматривались в двух формах: во-первых, как традиционно водится, преимущественно в общепермском или восточно-финском контексте, напр.: «Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi» (’Синтаксис инфинитных форм мордовского, марийского и удмуртского спряжения’) и «Permiläisten kielten rakenne ja kehitys» (’Структура и развитие пермских языков’) Р. Бартенс [Bartens 1979; 2000: 66–348], «Korpustutkimus kielitypologiassa sovellettuna udmurttiin» (’Исследование корпуса в языковой типологии применительно к удмуртскому языку’) П. Суйхконен [Suihkonen 1990]; во-вторых, в эскизной или научно-популярной форме как часть небольших самостоятельных очерков об удмуртском языке или приложений к учебным пособиям различного типа, ср.: «Chrestomathia Votiacica» (’Удмуртская хрестоматия’) Ш. Чуча [Csúcs 1990: 33–66], «Az udmurt (votják) nyelv alapjai» (’Основы удмуртского языка’) И. Козмача [Kozmács 2001: 26–45], «Udmurt» (’Удмуртский язык’) Э. Винклера [Winkler 2001] и др. В этом ряду, пожалуй, выделяется новейшая достаточно полная грамматика удмуртского языка, составленная Э. Винклером – «Udmurtische Grammatik» [Winkler 2011].

1.5.5.4. **Диалектология** как область удмуртского языкознания именно в последние десятилетия получила в республике относительно более интенсивное развитие, об этом недвусмысленно свидетельствуют следующие факторы:

1) вслед за изданием первого диалектологического сборника «Вопросы удмуртской диалектологии» [ВУД 1977] появилось

еще несколько сборников статей теоретического характера: «О диалектах и говорах южноудмуртского наречия» [ДГЮН 1978], «Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики» [ВУДО 1983], «Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка» [ВДЛУЯ 1990], «Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка» [ВДИУЯ 1992] и др.;

2) впервые в истории удмуртской диалектологии именно в этот период появились два монографических описания диалектов: бесермянского наречия – «Язык бесермян» Т. И. Тепляшиной [1970]) (серия публикаций, см. 2.10) и среднечепецкого диалекта – «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка» Л. Л. Карповой [1997] (с серией публикаций по теме: [1998; 2001; 2008; 2008а; 2008б; 2009; и др.]);

3) защищен ряд кандидатских диссертаций по следующим говорам: кукморскому [Кельмаков 1970], средневосточным [Бушмакин 1971; 1971а], закамским [Насибуллин 1973; 1973а], прикильмезским [Загуляева 1980; 1980а] и др.; на их основе и с использованием их материалов опубликованы серии статей. Наибольшее внимание было обращено на бесермянское наречие: спустя сорок лет после выхода из печати монографии и ряда статей о языке бесермян Т. И. Тепляшиной [1963; 1966б; 1970б; 1970к; 1971б; 1971г; 1975; 1975г; и др.] вновь к этому же диалекту обратилась Н. М. Люкина, которая в своей диссертации ([Люкина 2008; 2008а]) и ряде публикаций (напр.: [2005; 2005а; 2005б; 2006; 2007]) продемонстрировала существенные изменения в говорах бесермян, обусловленные влиянием смежных северноудмуртских говоров;

4) после почти векового перерыва была возрождена традиция научной публикации диалектных текстов[24] – первыми в этом отношении явились, пожалуй, И. В. Тараканов, В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина, еще в конце предыдущего периода начавшие публиковать диалектные текстовые записи на бавлинском [Тараканов 1959г], глазовском, бесермянском, слободском, тыловайском, шошминском [Лыткин и др. 1959: 226–227; Тепляшина

[24] Первая попытка публикации диалектных текстов была произведена, как известно, Б. Гавриловым [Гавриловъ 1880].

1962] диалектах; однако относительно более масштабное обнародование образцов бытовой и поэтической речи на диалектах удмуртского языка началось лишь с 80-х гг. XX в. изданием пяти сборников текстового материала: трех индивидуальных («Образцы удмуртской речи» В. К. Кельмакова [1981; 1990], «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» Л. Л. Карповой [2005]) и двух коллективных («Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи» [МУД 1981], «Образцы речи удмуртского языка» [ОРУЯ 1982]). Кроме того, тексты различной степени полноты представлены в качестве приложения к отдельным изданиям, не включенным в вышеназванные сборники (статьям, учебным и учебно-методическим пособиям, монографиям и т. д.): «Язык бесермян» [1970: 250–286], «Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия» [1970а: 190–196], «Заметки по верхнеижским удмуртским говорам» [1973: 213–223] Т. И. Тепляшиной; «Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II: Образцы речи» [1978а], «Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект» [1978б: 104–121], «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах» [1992: 101–107, 111–158], «Краткий курс удмуртской диалектологии» [1998: 173–193, 199–214, 217–23, 244–285, 305–322; 2002а: 61–171], «Удмурт диалектология» [2002а: 61–171] В. К. Кельмакова, «Udmurtin murteet» В. К. Кельмакова и С. Сааринен [Kel'makov, Saarinen 1994: 156–368]; «О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора» [1990: 72–84] и «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка» [1997: 212–221] Л. Л. Карповой, «Микротопонимия бассейна Кильмези» Л. Е. Кирилловой [2002: 529–571]; «Песни и сказы ушедших веков=Эгра кырӟа, Эгра вера» М. Г. Атаманова-Эграпи [2005: 49–142]; и др.;

5) новым для удмуртского языкознания явилось также исследование удмуртских говоров методом лингвистической географии, начатое публикациями Т. И. Тепляшиной [1975б], В. К. Кельмакова [1987а], Б. Ш. Загуляевой [1990] и масштабно продолженное Лабораторией математической лингвистики (в настоящее время: Межфакультетская проблемная учебно-научная лаборатория

лингвистического картографирования и исторической лексикологии); и др. К настоящему времени изданы два выпуска диалектологического атласа удмуртского языка [ДАУЯ 2006; 2010], выполненного этой лабораторией УдГУ;

6) появились обобщающие исследования по диалектологии в виде учебников для студентов финских («Udmurtin murteet» [Kel'makov и др. 1994]) и отечественных [«Краткий курс удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998; *2-е изд*. – 2006]) вузов.

1.5.5.5. **Удмуртская ономастика** продолжала разрабатываться, помимо как в нескольких коллективных сборниках («Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии» [МУОТ 1980], «Вопросы финно-угорской ономастики» [ВФУО 1989] и др.), также и в монографиях и серии статей Т. И. Тепляшиной («Антропонимические модели пермских языков» [1978]), М. Г. Атаманова («Удмуртская ономастика» [1988], «Удмурт нимбугор» [1990], «История Удмуртии в географических названиях» [1997], «По следам удмуртских воршудов» [2001], часть из многочисленных статей: [Атаманов 1977; 1980; 1980а; 1980б; 1981; 1982; 1983; 1983а; 1984; 1987; 1989; 2000; 2003; 2007]) и др., Л. Е. Кирилловой («Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)» [1992], «Микротопонимия бассейна Кильмези» [2002], статьи: [Кириллова 1992а; 1999; 2000; 2006; 2007; 2007а; 2007б; 2011; Kirillova 2002; 2005; и ряд др.]) и М. А. Самаровой («Наименования топообъектов Верхней Чепцы» [2010]; статьи: [Самарова 1994; 2000; 2001, 2002; 2005; 2006; 2007а; 2008; 2008а; 2010а; и др.]). Защищена кандидатская диссертация Е. А. Сундуковой «Ойконимия севера Удмуртии» [Сундукова 2011; 2011а] (опубликованные статьи по теме: [Сундукова 2005; 2005а; 2005б; 2005в; 2006; 2006а; 2010]).

Эти публикации были посвящены исследованию – как это нашло выражение и в обобщающем труде «Удмуртская ономастика» М. Г. Атаманова [1988] – преимущественно трех ведущих ветвей ономастики: этнонимики, антропонимики и топонимики. Последняя, пожалуй, в полном соответствии с обширностью и разнообразием самого эмпирического материала привлекала к себе внимание языковедов чаще, нежели другие ветви удмуртской ономастики.

1.5.5.6. **Типолого-контрастивное исследование** удмуртского языка проводилось, за исключением небольшой брошюры

В. К. Кельмакова «Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте» [2000а], преимущественно в виде написания «Сопоставительной грамматики русского и удмуртского языков» Г. А. Ушаковым [1982] и одноименного труда М. К. Каракуловой и Б. И. Каракуловым [Каракулов и др. 2000].

Это направление в удмуртском языкознании лишь набирает силы, о чем свидетельствуют, к примеру, сопоставительное изучение удмуртских сложноподчиненных предложений с определенными придаточными с соответстствующими явлениями в русском (и венгерском) языке в кандидатской диссертации и публикациях Н. Н. Тимерхановой [1995; 1998; 1998а; 1998б; 2009; 2010]; описание удмуртских фразеологизмов в сопоставлении с русскими в статьях Б. И. Осипова [1994; 1995; 1996], с венгерскими и русскими фразеологическими единицами в кандидатской диссертации «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)» А. В. Егорова [2010; 2010а]; и др.

1.5.5.7. **Контактологические проблемы в области удмуртского языкознания** продолжались разрабатываться преимущественно в тех же самых традиционных направлениях, что и в предшествующие периоды, – это:

1) древние контакты индогерманских и уральских (в том числе и пермских) народов и их языков [Joki 1973];

2) взаимодействие пермских и иранских языков (ср.: «Пермско-иранские языковые контакты» В. И. Лыткина [1975в]; разделы в работах И. В. Тараканова [1981а: 16–28; и др.]);

3) пермско-тюркские языковые контакты (связи удмуртского (и коми) языка с булгарским и татарским) – исследовались в серии статей К. Редеи и А. Рона-Таша [Rédei и др. 1973; 1975; 1980], в некоторых статьях В. К. Кельмакова [1974; 1975е; 1982; 1985; 2002в и др.], в докторской диссертации И. В. Тараканова [1985; 1985а] и серии публикаций по ее теме («Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» [1981а: 28–98], «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» [1982], «Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь» [1993]) и др.], монографии Ш. Чуча «Татарские заимствования удмуртского языка» [Csúcs 1990] и ряде его статей;

4) влияние русского языка на удмуртский – статьи Ш. Чуча [Csúcs 1970; 1972], докторская диссертация Р. Ш. Насибуллина [1999] и серия статей [Насибуллин 1995; 2001; 2001а; 2002; 2005; и др.].

Однако в последнее время в разработке указанных проблем появились и некоторые новшества:

1) были продолжены попытки выявления более глубинных пластов тюркских заимствований – древнетюркской лексики в удмуртском языке [Тараканов 1981а: 29–32; 1982: 16–21; 1982а: 146–151; 1993: 23–24; и др.], начатые еще В. И. Лыткиным [1967] и В. И. Алатыревым [1977; и др.]. Однако те свыше 15 древнетюркских заимствований, которые были выявлены И. В. Таракановым, "главным и, на сегодняшний день, единственным разработчиком гипотезы о наличии в пермских языках «древнетюркских» **добулгарских** заимствований" [Белых 2009: 34], не удовлетворяют тем фонетическим, хронологическим, ареальным и др. требованиям, на основе которых они могли бы быть квалифицированы как таковые (подробнее см.: [Напольских 1995; Кельмаков 2009в; Белых 2009: 33–37]);

2) начато исследование контактирования удмуртского языка с некоторыми родственными языками: марийским (ср.: «Пермско-марийские лексические заимствования» Г. Берецки [Bereczki 1977]), коми-пермяцким ([Rédei и др. 1975]);

3) объектом исследования стали опосредованные заимствования из других языков, никогда непосредственно не контактировавших с удмуртским, в частности французские, греческие, латинские и иные лексические элементы, попавшие в удмуртский язык через русское посредство – докторская диссертация «Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком» [2003] и ряд публикаций по ней Т. И. Зелениной («Интернациональная лексика в удмуртском языке» [1996], «Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь» [2000; 2002а], «Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах» [2001], «Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт» [2002], «Мно-

гоязычный словарь на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками» [Зеленина и др. 2003]) и некоторые работы Р. Ш. Насибуллина («Эллинизмы в удмуртском языке» [2006]; см. также статью: [1997]).

1.5.5.8. В области удмуртского языкознания **методы ареальной лингвистики** традиционно применялись в связи с исследованием проблем так называемого Волго-Камского языкового союза. Об этом в свое время писал, к примеру, Б. А. Серебренников: “В древние времена в Волго-Камье происходило какое-то более или менее интенсивное передвижение населения, не известное истории и не зафиксированное в летописях. Одна волна движения населения несомненно шла откуда-то из Сибири. Об этом ясно говорят типологические связи чувашского языка с тюркскими языками Сибири, известные черты сходства западного или мишарского диалекта с диалектами сибирских татар. В то же время наблюдался приток населения с юга. Несомненно также, что имело место движение марийских племен на северо-восток, в область, заселенную пермскими народами, о чем свидетельствуют вторичные черты типологического сходства, объединяющие марийский язык с пермскими языками. Эти исторические факты, по-видимому, способствовали сохранению некоторых общих типологических особенностей, типичных для финно-угорских и тюркских языков ***волго-камского ареала*** (выделение мое. – *В. К.*)” [Серебренников 1960: 289].

Еще более определенно высказался об этом Г. Берецки в работе «A Volga-Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai» (’Ареальные связи языков Волго-Камского региона’): “Európa északkeleti vidékeinek török és finnugor nyelvei között a hasszás és bonyolult kölcsönhatás következtében számos közös vonás alakult ki, úgyhogy bízvást beszélhetünk velük kapcsolatosan közös nyelvi areáról vagy nyelvszövetségről. A kérdésses nyelvi areához négy finnugor, a mordvin, cseremisz, votják és zürjén nyelv tartozik, meg három török, csuvas, tatár és baskír. E nyelvek között igen bonyolult érintkezés mutatható ki, amelyek számos közös vonást eredményeztek”[25] [Bereczki 1983: 207].

[25] “В результате длительного и сложного взаимовлияния тюркских и финно-угорских языков северо-восточного региона Европы воз-

Здесь же венгерский лингвист подтвердил свои положения генетически и типологически сходными явлениями из всех уровней системы языка (лексики и фразеологии, фонетики, словоизменения всех частей речи, синтаксиса) финно-угорских и тюркских языков Поволжско-Уральского региона.

Помимо этого, современная пермистика оперирует и более узким ареалом, о чем писал в своей кандидатской диссертации «Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели» С. А. Максимов [1999; см. еще публикации по ее теме: 1995; 1995а; и др.]. Судя по его научным выводам, многие удмуртско-коми-пермяцкие лексические схождения, не совпадающие с явлениями коми-зырянского языка, объясняются их (северно)удмуртско-южнокоми ареальным характером. Следует заметить, что удмуртско-коми-пермяцкие ареальные параллели обнаружены в последнее время не только в лексике, но и в фонетике и морфологии (см., напр.: [Кельмаков 2005: 15–90].

1.5.5.9. **Текстологическое изучение памятников удмуртской письменности и подготовка их к изданию** были начаты Т. И. Тепляшиной в книге «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [1965] и ряде ее статей [1965а; 1971; 1973а; 1998]. К 200-летнему юбилею книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» было произведено в республике ее факсимильное издание [Соч. 1775], положившее начало публикации серии памятников ранней удмуртской письменности: удмуртско-русского словаря: «Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ» [Кротовъ 1785] (в 1995 г.) и грамматики М. Могилина «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» [Могилинъ 1786] (в 1998 г.).

никли многочисленные общие черты, так что в связи с ними, несомненно, можем говорить о языковом ареале или языковом союзе. К рассматриваемому языковому ареалу относятся четыре финно-угорских – мордовские, марийский, удмуртский и коми – и три тюркских – чувашский, татарский и башкирский – языка. Между этими языками обнаруживаются весьма сложные контакты, результатом которых явились многочисленные общие черты”.

В настоящее время продолжается издание/переиздание рукописных и раннепечатных памятников удмуртского языка более позднего времени – середины XIX – начала XX столетия: ранние издания языковедческих трудов, переводы христианской литературы и первые книги учебного характера [Борисов 1991; Еванг. Гл. 1847; Еванг. Сар. 1847; Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847]; литературные произведения, фольклорные записи и лингвистические труды первого удмуртского ученого Г. Е. Верещагина [2001; 2002; 2004; 2006]; и др.

Опыты теоретического изучения некоторых рукописных памятников финно-угорских языков (удмуртского языка) XVIII–XIX вв. произведены Яношем Гуей («Vokabularium Sibiricum» ('Сибирьский словарь') Й. Э. Фишера [Fischer 1995]), В. К. Кельмаковым («Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева» [Кельмаков 1999]) и В. В. Напольских («Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта» [Напольских 2001]). Выявление, изучение и подготовка к изданию рукописных документов удмуртского языка весьма интенсивно ведется в настоящее время Л. М. Ившиным в его кандидатской диссертации [2009а], серии статей по ее теме [1999; 2001; 2001а; 2002; 2002а; 2002б; 2004; 2005; 2006; 2006а; 2007; 2009 и др.] и в обобщающей монографии «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» [Ившин 2010].

Некоторые методологические вопросы использования ранних памятников удмуртской письменности в научных исследованиях и практике вузовского преподавания удмуртоведческих дисциплин рассмотрены в ряде статей В. К. Кельмакова [2008в; 2008г; 2008д].

Поиски рукописных и раннепечатных памятников удмуртской письменности существенно были облегчены в результате издания Б. И. Каракуловым «Каталога дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке» [2006: 114–207].

1.5.5.10. **Изучение истории удмуртского литературного языка и его стилей**. Вопросы формирования литературного языка поднимались неоднократно на всем протяжении письменной

культуры удмуртского народа [Кротовъ 1785: 1а; Верещагинъ 1895; Бубрих 1992; и др.], однако это направление долгое время оставалось невостребованным в удмуртской лингвистике. И лишь в рассматриваемый период достигнуты определенные успехи – помимо опубликования ряда обзорных и частных статей (см., напр.: [Вахрушев 1975; Тараканов 1959г; 1986; 1994а; 1997; 1998а; Кельмаков 2001а; 2001б; 2004в; 2005б; и др.]):

1) была защищена кандидатская диссертация «Диалектная основа удмуртского литературного языка» [Каракулов 1987; 1987а], и по данной теме обнародованы им статьи и исследования (напр.: [Каракулов 1987б; 1991; 1994; 1997; 1997б; 2004; и др.]);

2) опубликованы два учебных пособия для вузов («Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс=История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века» Б. И. Каракулова [2006] и «Очерки истории удмуртского литературного языка» В. К. Кельмакова [2008], составлено методическое пособие для студентов («Удмурт литературной кыллэн кылдонэз но азинсконэз = Формирование и развитие удмуртского литературного языка» Н. А. Сергеевой [2008]).

Касаясь проблемы стилей, один из инициаторов создания Пражского лингвистического кружка В. Матезиус еще в 1947 г. писал, что для воспитания культуры родного (в его случае – чешского) языка нужны не только словарь и грамматика языка, но и книга по **стилистике**, “которая бы показала, как ⟨...⟩ литературный язык приспосабливается к требованиям различных функциональных стилей”, ибо “невозможно, да этого и не требуется, чтобы все при любых обстоятельствах писали одинаково”. И далее: “Однако мы можем и должны воспитать у людей чувство заботы о нашем языке и сделать последнее составной частью общего образования нашего народа. В связи с этим перед специалистами встает трудная задача по обучению стилю, чем у нас, особенно в высшей школе, к сожалению, пренебрегают” [Матезиус 2003: 207–209]. Чешский лингвист при этом ведет речь о стилистике *лингвистической*, а не *литературоведческой*. Свой вариант дифференциации этих двух понятий предложил, к примеру, А. В. Чичерин в книге «Очерки по истории русского литературного стиля»: “Долг литературо-

ведения – изучение литературного стиля, искусствоведческого, философского изучения, выработка плодотворного подхода к языку как первоэлементу литературного стиля. ⟨...⟩ Но литературоведение и лингвостилистика идут разными путями. Видя в языке литературного произведения первоэлемент, то есть основу стиля, литературовед подходит к языку, образу, композиции, эстетическому облику как к явлению из области искусства. У лингвостилистики свои серьезные задачи в изучении языковых и речевых стилей, но при подходе к произведению искусства метод лингвистических «наблюдений», изолирующих речевые факты, не может литературоведа удовлетворить. Чуждо литературоведу эстетическое бесстрастие лингвостилиста, ни к чему его статистика" [Чичерин 1977: 8].

В удмуртских же филологических науках – языкознании и литературоведении – не только отсутствует четкое разграничение "сфер влияния" двух видов стилистик, но и достаточного количества исследований в указанных направлениях. Имеющиеся в этом направлении книги – «Удмурт стилистикая очеркъёс» ('Очерки по удмуртской стилистике') Р. И. Яшиной [1990] и «Стилистика: текст бордын ужан амалъёс» ('Стилистика: методы работы над текстом') Г. А. Ушакова [2009] – являются скорее эклектическим соединением их с бóльшим или мéньшим уклоном в сторону стилистики литературоведческой. В первой произведено обобщение проблем, связанных с разновидностями стиля в удмуртском литературном языке вообще и с языком и стилем отдельных писателей в конкретности; вторая имеет методическую направленность.

1.5.5.11. **Составление учебных пособий для невладеющих удмуртским языком** как отрасль удмуртского языка появилась лишь в последнее время, и для удовлетворения этой настойчивой потребности были изданы русско-удмуртские [Загуляева 1991; Каракулов 1997], французско-удмуртский [Yédigarova и др. 2007] разговорники и учебные пособия по удмуртскому языку (и его диалектам):

1) для русскоязычной публики: «Дуно эше: Интенсивный курс удмуртского языка (начальный этап)» Б. Ш. Загуляевой и

А. Е. Решетниковой [Загуляева и др. 1998]; «Удмуртский язык: Начальный курс» Н. В. Кондратьевой и Л. П. Федоровой [Кондратьева и др. 2004]; «Марым, лэся...: Удмурт кыл нырысь кутскисьёслы» И. Ганеева и Ю. Перевозчикова [Ганеев и др. 2005]); «Тэ-тэ» А. А. Арзамазова [2005];

2) для венгров: «Удмуртская хрестоматия» Ш. Чуча [Csúcs 1990], «Удмурт кыл: Дышетскон книга» и «Az udmurt (votják) nyelv alapjai (oktatási segédanyag)» (’Основы удмуртского языка (учебное пособие)’) И. Козмача [Козмач 1998; Kozmács 2001]; «Удмурт кыл: Нырысь кутскисьёслы дышетскон книга» Н. Н. Тимерхановой [2006]);

3) для финнов: «Udmurtin murteet» (’Диалекты удмуртского языка’) В. К. Кельмакова и С. Сааринен [Kel'makov и др. 1994], «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» (’Грамматика удмуртского языка и упражнения’) В. К. Кельмакова и С. Хянникяйнен [Kel'makov и др. 1999]). Свидетельством популярности данного учебного пособия среди финских (зарубежных) пользователей является то, что оно в 2008 г. было выпущено вторым изданием;

4) для англоязычной публики: «Udmurt Texts» (’Удмуртские тексты’) П. Суйхконен [Suihkonen 1995];

5) для коми: «Чолöм! Дышетон пособие = Чолöм! Велöдан пособие» (’Привет! Учебное пособие’) М. А. Самаровой [2007], «Удмурт кыввор да лыддянкуд» (’Удмуртская лексика и хрестоматия’) Е. А. Цыпанова [2007]. И др.

1.5.5.12. **Прикладные вопросы удмуртского языкознания** – это в первую очередь усовершенствование правил удмуртской орфографии и пунктуации, что предпринимается регулярно по истечении определенного времени. В рассматриваемый 5-й период в истории удмуртского языкознания переработка свода правил производился дважды: в 1984 г. были изданы пересмотренные и уточненные правила (и орофографический словарь) 1959 г. (ответственный редактор нового варианта В. М. Вахрушев) [УОС 1984], в 2002 г. – “усовершенствованные” правила и словарь издания 1984 г. (ответственный редактор последней версии И. В. Тараканов) [УКШГК 2002].

Хотя разработчики/переработчики правил правописания во главе с ответственными редакторами каждый раз декларируют

свою миссию в усовершенствовании этих правил и уменьшении их количества по сравнению с правилами предыдущего свода[26], однако благие намерения их не всегда приводят к желаемым результатам:

1) из свода в свод кочуют неполно (т. е. учитывающие не все возможные случаи употребления языковых явлений), неточно, ошибочно, нелогично или противоречиво сформулированные правила;

2) вновь введенные правила не всегда стыкуются со старыми правилами или с фактами, появившимися в языке в последнее время;

3) уменьшение количества правил нередко производится за счет механического снятия некоторых старых (при сохранении, разумеется, языковых явлений, для правописания которых они были в свое время составлены) и т. д.

Указанного типа и прочие ошибки, неточности и противоречия особенно обильны именно в новом своде, так что труды по "усовершенствованию" орфографии и пунктуации современного письма, судя по последней версии правил орфографии и пунктуации, не только не достигли ожидаемых разработчиками и пользователями результатов, а напротив, ввели современное удмуртское письмо в тупик (подробнее см. в работах: «"Удмурт дунне"-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс» и «Шонересь-а гожъяськонысьтымы шонертэтъёсмы?» В. К. Кельмакова [2003: 31–78; 2008а]) и предельно затруднили составление учебников и методических разработок по орфографии и пунктуации для школ [Кельмаков 2008б], словарей и пр.

1.5.5.13. **История удмуртского языкознания**, восходящего своими истоками к XVIII столетию, к сожалению, еще не написана; лишь некоторые аспекты этой многогранной проблемы рассматривались в последние десятилетия в нескольких направлениях:

[26] "Правилоос волятэмын, вужъёсыз сярысь шӧдскымон кулэстэмын" [УОС 1984: 3]; "Сооc (правилоос. – *В. К.*) кӧня ке тупатъямын, волятэмын но выльдэмын. Правилоослэн лыдзы, вужъёсыз сярысь, шӧдскымон кулэстэмын, тужгес ик пусъёс пуктылон люкетаз" [УКШГК 2002: 3].

1) созданы (к сожалению, далеко не полные) общие или частные библиографические справочники:

● за определенный период истории удмуртской лингвистики («Библиография по удмуртскому языкознанию (со второй половины XVIII в. по 1976 год)» [Вахрушев 1977], «Удмуртское языкознание между VI и VII Международными конгрессами финно-угроведов: Краткий очерк», «Удмуртское языкознание между VII и VIII Международными конгрессами финно-угроведов: Библиография» [Кельмаков 1990а; 1995]; и др.;

● публикаций отдельных учреждений («Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР: 1931–1980» [Библ. указ. 1981], «Библиографический указатель трудов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и его сотрудников: 1981–1996 гг.» [Библ. указ. 1997], «Библиография научных трудов кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания» [Кельмаков 1988а]; и др.;

● по отдельным отраслям языкознания, напр., диалектологии («Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография» [Кельмаков 1998: 323–385]; исторической грамматике («Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Программа» [Кельмаков 2002г: 23–49]) и др.); истории удмуртского языкознания и о его творцах [Кельмаков 2002б: 43–131]; и др.;

● опубликованных трудов некоторых ученых, напр., П. Н. Перевощикова [Спис. трудов Перев.], Т. И. Тепляшиной [Кириллова 2009], И. В. Тараканова [Тараканов: Биобиблиогр. указ. 2003], Р. Ш. Насибуллина [Насибуллин: Биобиблиогр. указ. 2006], Г. А. Ушакова [Ушаков: Биобиблиогр. указ. 2008], В. К. Кельмакова [Кельмаков: Биобиблиогр. указ. 2002; 2007], А. Ф. Шутова [Шутов: Биобиблиогр. указ. 2007], М. Г. Атаманова [Спис. публ. Атам.] и др.;

2) опубликованы краткие обзорные работы, посвященные всему периоду истории удмуртской лингвистики или определенному этапу ее развития («Языкознание» [Алатырев 1970а], «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» [Вахрушев 1975], «Первая научная грамматика 1775 года и раз-

витие удмуртского языкознания» [Алатырев 1976], «Становление и развитие удмуртского языкознания в Удмуртии в 1917–1995 гг. (К 75-летию Удмуртской государственности)» [Тараканов 1998: 411–428], «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур» [Кельмаков 1999а]; и др.);

3) созданы очерки и/или краткие справки о творческой биографии или некоторых сторонах научной деятельности ряда исследователей удмуртского языка (более подробные сведения см. в: [Кельмаков 2002б: 69–131]). В этом отношении уникальной является книга «Megválosult gyermekálom (Munkácsi Bernat udmurtföldi útja)» (’Сбывшийся детский сон (Путь Берната Мункачи по удмуртской земле)’) Иштвана Козмача [Kozmács 2008], составленная им на основе дневниковых записей венгерского финно-угроведа с комментариями и примечаниями.

Относительно более подробная систематическая история удмуртского языкознания представлена в двух работах В. К. Кельмакова – в очерке «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» [2001в] и своеобразном “проспекте” для будущей моногрфии об истории удмуртского языкознания – «Удмурт кылэз дышетон история. Программа. Библиография» [2002б].

6. Однако за громким, казалось, перечислением достижений удмуртского языкознания

в последний период его истории не следует забывать о его серьезных недостатках, которые явственно заметны не только при сравнении его с аналогичной отраслью науки в других республиках, но и сами по себе. Например, как явствует из обзора развития удмуртского языка, в последний период преимущественное развитие получило исследование так называемых “вспомогательных отраслей” удмуртской лингвистики (диалектология, ономастика, история удмуртского языкознания и др.), вне поля серьезных исследований оказались центральные проблемы – вопросы грамматики и лексикологии. Научная грамматика, изданная в полном составе почти четыре десятилетия тому назад, нуждается в серьезной переработке; русско-удмуртский словарь 1956 г. совершен-

но не соответствует современным требованиям; современная удмуртская орфография и пунктуация в тупике...

Среди кардинальных недостатков современного удмуртского языкознания необходимо назвать следующие, теснейшим образом взаимосвязанные.

6.1. Удмуртская лингвистика до сих пор в полной мере не освоила те методы и приемы исследования языка, которые были выработаны мировой лингвистической наукой, за исключением описательного и в некоторой степени сравнительно-исторического. Кстати, эта особенность, по замечанию А. И. Кузнецовой [2000: 94–95], характерна для всего российского (и мирового) финно-угроведения в целом. Однако это упущение, даже если оно свойственно для всей мировой уралистики, тем не менее не перестает быть недостатком и современного удмуртского языкознания.

6.2. Крайне недостаточны фундаментальные монографические исследования по важнейшим проблемам языкознания, без которых оно не соответствует уровню современных требований и потребностей, а также учебники по удмуртскому языку для вузов, без которых удмуртская лингвистическая наука не сможет обрести “собственное лицо”.

6.3. Явно не хватаетт кадров, без которых эти важнейшие проблемы срочной востребованности не будут решены. Устранение этого недостатка невозможно без помощи со стороны республиканских властей: если при помощи аспирантуры, действующей при факультете удмуртской филологии в ближайшее десятилетие сможем подготовить определенный контингент кадров, то Правительство Удмуртской Республики должно заботиться о создании рабочих мест для них, благо формальные возможности для этого имеются, ибо в академическом институте в настоящее время работают лишь семь сотрудников (в соседних республиках их намного больше); в Институте национальных проблем образования республики вообще отсутствует отдел по разработке учебников и учебных пособий по удмуртскому языку и литературе для вузов республики и т. д.

2. ОЧЕРКИ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Ф О Т О

2.1. T. G. AMINOFF / Т. Г. АМИНОФФ
(1838–1881)

“Аминофф, Торстен (1838–1881): языковед. В финно-угорском языкознании возлагались на него большие надежды, но талант не смог развернуться. Так и добрался он до удмуртских земель, и хотя собранный материал относительно объема незначительный, но его ценность в области языкознания и этнографии очень большая. Считается пионером в пермской филологии, его значимость – после длительного перерыва – только сейчас начинает расцениваться как на родине, так и в Удмуртии” [FÉL 1990: 21].

“Удмуртская филология благодарна финскому ученому Т. Г. Аминоффу не только за его материалы и исследования в области удмуртского фольклора и диалектологии, но и за то, что в те далекие годы он первым из зарубежных финно-угроведов проложил дорогу к удмуртам, по которой впоследствии прошли (и пройдут) другие венгерские, финские и иные специалисты” [Кельмаков 1991: 102].

Lyhyt silmäys itäisten suomensukuisten kansain historiaan ennen heidän joutumistansa Wenäjän wallan alle (’*Краткий взгляд на историю восточнофиннских родственных народов до вхождения их в состав Российского государства*’) (1873).

Jumala käsitteen kehkiäminen votjakin kielessä (’*Развитие понятия бог в удмуртском языке*’) (1879. – S. 93–96).

Reseberättelse afgifven till Finska Vetenkapssocieteten (’*Отчет о поездке, предназначенный для Финского научного общества*’) (1879. – S. 224–238).

Wotjakilaisia kielinäytteitä (’*Образцы удмуртской речи*’) (1886. – S. 32–55).

Tietoja votjaakkien mytoloogiasta (’*Сведения из удмуртской мифологии*’) (1893. – 47 s.).

Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos (’*Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка*’) (1896. – S. 1–48).

2.1.1. Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях*

0.1. Воздавая честь знаменитым венгерскому и финскому ученым – собирателям фольклорных творений и исследователям языка удмуртов – Бернату Мункачи (1860–1937) и Юрьё Вихманну (1868–1932), отмечая их заслуги перед удмуртской культурой, мы не должны предавать забвению и имя того, кто самым первым из зарубежных ученых проложил нелегкую исследовательскую тропу к нашему народу, кто первым из зарубежных финно-угроведов изучал в полевых условиях удмуртский фольклор, мифологию и диалекты и "опубликовал" по ним серию работ: «Jumala käsitteen kehkiäminen votjakin kielessä» ('Развитие понятия бог в удмуртском языке') [Aminoff 1879], «Wotjakilaisia kielinäytteitä» ('Образцы удмуртской речи') [Aminoff 1886], «Tietoja votjaakkien mytoloogiasta» ('Сведения из удмуртской мифологии') [Aminoff 1893] и «Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos» ('Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка') [Aminoff 1896]. И не его вина, а беда и несчастье, что большинство из этих работ не было откорректировано самим собирателем и автором, что при некоторых его удмуртских изданиях значится не только его фамилия, но и имя его знаменитого преемника и талантливого исследователя финно-угорских языков Юрьё Вихманна...

Речь, естественно, идет о финском исследователе удмуртов Торстене Густаффе Аминоффе, который более чем 130 лет тому

---

* Первоначальный вариант опубликован в сб.: Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 95–109. Для данного издания статья существенно переработана и дополнена. Оформление конститутивных элементов слова (корневых и служебных морфем, фонем и др.) приведено в соответствие с современными требованиями, нередко добавлены переводы к приведенным формам, даже если они и отсутствуют у Т. Г. Аминоффа.

назад (1878) – за 7 лет до Мункачи и 13 лет до Вихманна – приезжал к удмуртам, и о котором удмуртская культурная общественность, к сожалению, не знает почти ничего, кроме, пожалуй, его имени и названия отдельных публикаций.

0.2. В научной библиотеке Тартуского государственного университета по некоторый финским источникам (напр.: Tietosanakirja. Helsinki, 1909. T. 1. P. 331; Suomen elämäkerrasto / Toimittanut ja kirjoittanut Ilmari Heikinheimo. Porvoo – Helsinki, 1955. P. 29; и др.) мне удалось выявить скудные биографические сведения об Аминоффе.

1.0. Родился он 1 ноября 1838 г. в местечке Нилсия (Nilsiä) в семье землемера Карла Хенрика Аминоффа (отец) и Марии Элизабет Коллан (мать). Военное поприще, которое им было выбрано в ранней юности, впоследствии перестало его прельщать, и он оставил его в 1861 г. в звании младшего лейтенанта.

Его научная деятельность в области финского языкознания началась под руководством Аугуста Алквиста (1826–1889), одного из “пионеров лингвистической палеонтологии, исследовавшей лингвистические факты с культурно-исторической точки зрения” [Основы 1974: 69]. В 1866 г. Аминофф совершил первую свою научную поездку – на крайний север, где собирал материал для кандидатской диссертации под названием «Исследования в области [финского] диалекта Крайнего Севера» (1871). В 1871 г. он снова в пути – в этот раз у финнов центральной Скандинавии, и в качестве отчета о своей научной командировке представил публикацию «Исследование о финнах Вермланда» (1876).

1.1. Третью – и последнюю – поездку Т. Г. Аминофф совершил в 1878 г., в этот раз к удмуртам. Творческая часть его пути началась – как впоследствии у Б. Мункачи и Ю. Вихманна – в Казани, где ему были оказаны радушный прием, моральная поддержка и содействие со стороны просветителя поволжско-приуральских “инородцев”, директора учительской семинарии профессора Н. И. Ильминского (1822–1891), неизменного помощника каждого из зарубежных ученых, чья дорога к финно-угорским народам пролегала через Казань. Не без его помощи были выбраны и те два населенных пункта, где в основном и проводилось Аминоф-

фом обследование удмуртских диалектов: с. Ошторма-Юмья (*улън-гурт*) Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Республики Татарстан) и с. Якшур-Бодья (*бöд'йа*) Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне центр Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики).

1.1.1. Наиболее интенсивная и результативная собирательская работа, судя по опубликованным материалам, шла в старинном удмуртско-кряшенском селе Ошторма-Юмья и его окрестностях, в частности, в д. Старая Юмья (*вужгурт*) и с. Нырья (*н'ö°рйа*). Село Ошторма-Юмья отмечается среди населенных пунктов периода Казанского ханства [Чернышев 1971: 287]; в 1710 г. в нем было 16 дворов, в 1716 г. насчитывалось 45 человек жителей обоего пола, из них удмуртов – 33 человека, новокрещеных удмуртов – 12 человек [Гришкина 1976: 125]. К концу XIX в. в селе сложился следующий национальный состав: крещеных удмуртов – 187 человек, старокрещеных татар – 89 человек и русских – 21 человек [Износковъ 1884: 134]. Село Ошторма-Юмья было своеобразным культурным центром данной округи: с 1840 г. действует церковь [Износковъ 1884: 134], и при ней, возможно, функционировала мало-мальская школа. По крайней мере, в конце XIX столетия здесь, по воспоминаниям старожилов, находилась одна из немногочисленных и к тому же самых старых школ Мамадышского уезда Казанской губернии. В ней, по всей вероятности, получили начальное образование видные удмуртские просветители на рубеже двух веков, уроженцы местного края, в частности, И. В. Васильев (1858–1927; д. Старая Юмья), И. С. Михеев (1876–1937; с. Ошторма-Юмья), М. П. Прокопьев (1884–1919; с. Нырья). Вплоть до 60-х гг. нашего столетия (до открытия средних школ в других деревнях) удмуртская средняя школа в с. Ошторма-Юмья явилась важнейшим центром просвещения местного населения – сюда приезжали учиться из удмуртских деревень Кукморского и Таканышского (был и такой некогда!) районов Татарской АССР за 25–40 километров, а также марийцы, татары, русские из окрестных деревень.

1.1.2. Важным центром образования и культуры для своей округи явилось и село Якшур-Бодья, где церковноприходская школа

для мальчиков была открыта в типовом деревянном помещении на три комнаты в 1863 г. Она, по всей вероятности, должна была функционировать в период пребывания здесь Т. Г. Аминоффа. Новшества же были введены лишь в 1896 г., когда было выстроено деревянное здание земского четырехклассного училища. В 1901 г. открылась школа и для девочек. С 1935 г. Якшур-Бодьинская школа стала семилетней, с 1939 г. – средней [Школы УАССР: 189].

1.1.3. В этих двух точках удмуртской языковой области в последней четверти прошлого столетия и протекала собирательская работа Т. Г. Аминоффа, результатом которой явились четыре вышеназванные публикации [Aminoff 1879; 1886; 1893; 1896], три из которых вышли в свет уже после смерти самого ученого (он умер очень рано – в 1881 г., вскоре после возвращения из удмуртской экспедиции). Две из них имеют большое значение для удмуртской филологии.

2. **«Wotjakilaisia kielinäytteitä»** (’Образцы удмуртской речи’) [Aminoff 1886] представляют собой публикацию текстов произведений удмуртского фольклора, записанных в четырех удмуртских селениях, – на территории распространения двух различных диалектов: казанского (совр. кукморский говор) и вятского или якшурского (совр. средневосточные говоры) (см. ниже таблицу 1).

Особенности удмуртской речи переданы посредством своеобразной (“аминоффской”) транскрипции на основе латинской графики; имеется параллельный перевод большинства (но не всех) текстов на финский язык. Паспортизация записей весьма неполная и непоследовательная: в одних случаях указано точное место фиксации текста (напр., загадки – в с. Нырья (с. 35), в д. Старая Юмья (с. 36–37), в с. Якшур-Бодья (с. 37–39), сказки – в с. Якшур-Бодья (с. 40–44) и т. д.); в других случаях указаны несколько населенных пунктов (см. загадки и заговоры – в с. Ошторма-Юмья и д. Старая Юмья (с. 45–55) и др.); в третьих же случаях о приблизительном месте записи можно догадаться лишь по диалектным особенностям текста (так, куриськон (с. 33) и загадки (с. 34–35) имеют ярко выраженные черты казанского диалекта). Информанты и точное время записи не указаны.

Таблица 1

Диалекты и населенные пункты	**Жанры удмуртскогого фольклора**					
	1*	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
I. Казанский диалект		4	1		27	162
1. с. Ошторма-Юмья				} 12	} 94	
2. д. Старая Юмья					19	
3. с. Нырья					5	
II. Вятский (якшурский) диалект						46
с. Якшур-Бодья	10				36	
ИТОГО:	10	4	1	12	184	208

Несколько сложнее обстоит вопрос о методике фиксации текстов. Часть записей, по-видимому, произвел сам Аминофф, на что вроде бы указывает помета (*itse*) ’сам’, которой снабжены отдельные тексты (см. с. 35, 36); но наряду с этим не исключено, что в сборе материала посильную помощь финскому ученому оказала и немногочисленная местная удмуртская интеллигенция (в публикации, к сожалению, нет об этом точных указаний).

Т. Г. Аминоффу не удалось самому подготовить свои записи к публикации и проследить их издание, по этой, вероятно, причине в опубликованных текстах оказалась масса описок, неточностей, противоречий и явных ошибок, так что использование их в диалектологических целях требует определенной осторожности; тем не менее эти устно-поэтические произведения имеют большое значение как для описательной и исторической диалектологии, так и для исторической фонетики удмуртского языка (подробнее см.: [Кельмаков 1976: 107, 109–110]). Ценность «Образцов удмуртской речи» для фольклористики определяется тем, что они, во-первых, являясь второй после книги Б. Гаврилова

* Цифры 1–6 в данном горизонтальном ряду обозначают следующее: **1** – сказки; **2** – песни; **3** – куриськон (языческая молитва); **4** – заговоры; **5** – загадки; **6** – ВСЕГО.

«Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880] публикацией оригинальных произведений удмуртского народного творчества, в определенной мере дополнили представление научной общественности того времени относительно богатства и жанрового разнообразия фольклора удмуртов; во-вторых, содержат такие оригинальные творения, которые в таком количестве и в такой совершенной форме нигде более не представлены – речь, естественно, идет о заговорах (с. 50–55), отдельные образцы которых прилагаются к данному очерку.

3. **«Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos»** (’Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка’) [Aminoff 1896], увидевший свет благодаря стараниям и заботам Ю. Вихманна, представляет собой очень сжатое и тем не менее довольно информативное сравнительное описание фонетической системы и морфологического строя двух далеких друг от друга диалектов – казанского и вятского (якшурского).

Работа состоит из следующих разделов:

ПРЕДИСЛОВИЕ (с. 3–5),

составленное издателем, т. е. Ю. Вихманном, и подписанное 23 апреля 1896 г. Кстати, издатель отмечает, что Аминофф в первую очередь более подробно изучил так называемые “казанский” (в с. Ошторма-Юмья Мамадышского уезда Казанской губернии) и “вятский” (или “якшурский”) (в с. Якшур-Бодья Сарапульского уезда Вятской губернии) диалекты, однако он имел возможность, помимо этого, познакомиться с “уфимским” диалектом через солдата-удмурта, находящегося в то время на службе в царской армии в Хамина (с. 4).

Ф О Н Е Т И К А (с. 7–20)

I. ***Обозначение звуков*** (с. 7–8): автором без разграничения фонем и их вариантов перечислено 11 гласных (*a*, *ë*, *e*, *i*, *e*, *õ*, *o*, *ö*, *u*, *u̯*, *ü*) и 24 согласных (*k*, *g*, *j*, *ñ*, *č*, *c*, *dž*, *dz*, *š*, *ž*, *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *p*, *b*, *(f)*, *v*, *w*, *m*, *r*, *l̮*, *l*) звука, встречающихся в совокупности в обоих диалектах (с. 7). При этом в работе дана характеристика специфичных диалектных звуков, встречающихся в исследуемых говорах:

1) при помощи букв *y* и *õ* отмечаются среднерядный (*i̯*) и заднерядный (*ə̄*) варианты фонемы *ы*, функционирующие в вятском и казанском диалектах соответственно (с. 7);

2) знаком *ë* отмечается широкий (открытый) позиционный вариант фонемы *е*, близкий к финскому *ä* (с. 7);

3) при помощи буквы *w* обозначается “соответствующий английскому *w* звук”, встречающийся “во всех диалектах удмуртского языка” (с. 7) “исключительно в начале слова” (с. 16). Весьма примечательный пример находим в другом месте работы: вят. *wačkaļa* ~ каз. *vaškaļa* ’древний, старинный’ (с. 18), *waśky* ’(?) спускайся’ (с. 20). Если доверить этим записям, то Т. Г. Аминофф застал еще в говоре с. Якшур-Бодья слабую фонему *ў* (*u̯*), функционирующую в анлаутной позиции перед гласным *а*, которая в настоящее время почти повсеместно уже утрачена (в качестве исключения сохранилась лишь в части говоров северного и южного наречий – подробнее о ней см.: [Кельмаков 1997; 1998: 83–86; Kel'makov 1996]);

4) Аминофф, носитель языка с полумягким “среднеевропейским” согласным *l* (*l̯*), характерным и для финского языка, “обнаружил” в удмуртском языке два варианта *л*: полумягкий *l* – в положении перед *i*, а также перед *е* с последующим палатальным согласным (ср. *toļes* ’стригунок’ – но: *toleź* ’луна, месяц’) и велярный, “известный по русскому и польскому (= *ł*) языкам гуттуральный звук” *ļ* – в остальных позициях (с. 7–8);

5) согласный *f* заключен в скобки, ибо встречается лишь “в нескольких самых поздних русских заимствованиях (напр., *funut* < рус. *фунтъ*)” (с. 8). И др.

II. *Ударение и его влияние на гласные* (с. 8–9): Как указывается в «Очерке...», ударение в удмуртском языке падает, как правило, на последний слог слова, однако имеются и исключения, среди которых определенный интерес представляют отмеченные Т. Г. Аминоффом глагольные и именные формы на *-my*, *-dy*, *-zy* с ударением на предшествующем этим суффиксам слоге: *baśtómy* ’возьмем’, *baśtódy* ’возьмете’, *baśtózy* ’возьмут’; *korkámy* ’наш дом’, *korkády* ’ваш дом’ (с. 8). Хотя приведенные в работе формы даны в “якшурском” диалектном варианте, однако подоб-

ный тип ударения в настоящее время для него (средневосточных говоров) не характерен и встречается лишь в казанском диалекте (в современном кукморском говоре); к тому же и в последнем он имеет место не в номинативе именных форм на *-мъ*, *-дъ*, *-зъ*, как указано в «Очерке...» (с. 8), а лишь в косвенных падежах притяжательного склонения (см.: [Kel'makov и др. 1994: 52–53; Кельмаков 1998: 74–75]. В дальнейшем в «Очерке...» и текстах этот тип ударения Аминоффом не отмечается.

Влиянием конечного ударения склонен объяснить автор «Очерка...» и явление регрессивной ассимиляции гласных, встречающееся в кукморском говоре, где имеется, "помимо обычного глубокого *и* (финского *и*), еще и *ụ*, который возникает, как правило, из *и*, когда за ним непременно следует *і* или *е*", напр.: *ļu-* 'стать, становиться' – *ļụiz* 'он стал'; *šu-* 'сказать' – *šụiz* 'он сказал', *šụet* 'он, оказывается, сказал'. Более того, гласный *ụ* аналогичным образом может, по мнению Аминоффа, возникнуть на базе первичного *и* и в таких словах (*mụš* 'пчела', *ụr* 'гной', *tụs* 'вид, облик', *bụs* 'туман', *kụs* 'талия, поясница' и др.), в которых *і* или *е* отпал, и о былом их наличии можно догадаться лишь по этимологическим соответствиям в родственных языках (ср.: *mụš* ~ ф. *mehi*) (с. 9). Последняя мысль, как нам известно, встретила справедливое возражение со стороны Ю. Вихманна [Wichmann 1915: 13].

III. *Гласные* (с. 10–15):

А. О гласных вообще (с. 10–11) – дается краткая характеристика отдельных диалектных звуков. По мнению автора, наиболее частыми являются гласные *а*, *і*, *у*, *и*, *о*, не ограниченные в своем употреблении определенными позициями в структуре слова; гласные же *õ*, *ö*, *ü* и *ụ* являются редкими и очевидно поздними по своему происхождению (с. 10).

Гласный *ö* характерен для всех диалектов и в абсолютном конце возможен лишь в односложных словах типа: *kö* 'камень' (с. 10).

В отношении гласного *ü* Аминофф пишет, что он исключительно редкий и возникает из *и* лишь в препозиции по отношению к *і* и палатальному согласному, см, напр., у Видеманна [Wiedemann 1851]: *dźüci* 'лиса', *kümky* (< тат.) 'горе', *kümń* 'три', *kümńan* 'теленок', *kün* 'мерзлый', *üj* 'ночь', *üśo* 'упаду'. Примечательно

то, что Аминофф совершенно справедливо локализует его в казанском и уфимском диалектах, в вятском же *и* сохраняется и в указанной позиции, напр.: каз. *küź* ~ вят. *kuź* ’длинный’, каз. *tüi* ~ вят. *tui* ’береста’, уфим. *küźo* ~ вят. *kuźo* ’хозяин’ (с. 10–11). Однако для читателя остается неясной фонетическое и фонологическое различия между данным гласным *ü*, с одной стороны, и *u̯*, – с другой (см. выше).

Отмечается, что долгих гласных в удмуртском языке нет, однако ауслаутные гласные односложных слов, по мнению автора «Очерка...», являются относительно долгими: *pū* ’дерево, древесина, дрова’ – но: *pu korany* ’рубить дрова’, *pī* ’сын’ – но: *piez* ’его сын’ (с. 11). В данном случае автор, возможно, переносит на удмуртский язык особенности, характерные для его родного языка, ср.: ф. *puu* ’дерево’.

В. Соответствия (чередование) гласных в различных диалектах (с. 11–13): помимо перечисления казанско-вятских междиалектных соответствий гласных (напр.: каз. *õ* // вят. *u*: *nõnaļ* // *nunaļ* ’день’, *põnõ* // *punu* ’собака’; каз. *õ* // вят. *e*: *ćõrektjaļo* // *ćerekjaļo* ’кричат’ (с. 11–12); и др.), вкратце останавливается на характерных удмуртских соответствиях финским (саамским) гласным (с. 13), напр.:

ф. *a* // удм. *u* (= *y*): *ala* // *uļ* ’низ’, *para* // *bur* ’хороший’, *maa* // *mu* ’земля’, *ajan* // *ujo* ’догоняю’, *vanha* // *vuž* ’старый’, *maksa* // *mus* ’печень’, *sarvi* // *śur* ’рог’, *anta-* ’дать’ // *ud-* ’дать пить’;

ф. *ä* // удм. *u* (= *y*): *pähkinä* // *puš-* ’орех’;

ф. *u* // удм. *u* (= *y*): *punon* // *puno* ’буду вить (заплетать)’, *puu* // *pu* ’дерево, древесина’, *tuohi* // *tui* ’береста’ и др. В последнем случае имеем дело скорее с корреспонденцией ф. *uo* // удм. *u*, нежели с ф. *u* // удм. *u*;

ф. *y* // удм. *u* (= *y*): *sytytän* // *suto* ’сожгу, спалю’, *jyvä* // *ju* ’хлеб в зерне’;

ф. *a* // удм. *y* (= *ы*): *vajoan* // *vyjo* ’утону’; также и с. *a* // удм. *y*: *nad*, *nadda* // *nyd* ’черенок, ручка’ (в. *nyel*, мс. *näl*, х. *nal*, мд. *ned*);

ф. *e* // удм. *y* (= *ы*): *menen* // *myno* ’пойду’;

ф. *u* // удм. *y* (= *ы*): *lumi* // *ļymy* ’снег’, *uuhi* // *yž* ’овца’, *kuusi* // *kyz* ’ель’, *luu* // *ļy* ’кость’ и др.;

ф. *ie* // удм. *y* (= *ы*): *liemi* // *ļym* ’бульон’;

ф. *y* // удм. *y* (= *ы*): *kynsi* // *gyžy* ’ноготь, коготь’.

Определенная некорректность финско-удмуртских сопоставлений Т. Г. Аминоффа в этом разделе заключается в том, что он не учитывает наличие в финском языке корелляции гласных по длительности.

С. Изменения гласных (с. 13–14) имеют место, по мнению автора, в двух случаях:

1) в составе сложных слов преимущественно в казанском диалекте, хотя возможны и в других. В этом разделе представляют серьезный интерес такие наблюдения автора в области диалектной фонетики, как:

а) “изменение *u* в *o*” в составе второго компонента сложного слова: *murt* ’человек’, но: *ud-mort* ’удмурт’; *dur* ’край, окраина’, но: *mu-dor* ’священный уголок в доме’, *mus-tor* ’грудь’; *mul'y* ’ягода, плод’, но: *tyk*(?*typ*)*-mol'i* ’желудь’, *puš-mol'i* ’орех’; *ui* ’ночь’, но: *kyktǫi* ’в течение двух суток’, *küińmǫi* ’в течение троих суток’;

б) изменение *u* второго компонента (*pū* ’дерево’, *puz* ’яйцо’) сложных слов в *y* (*õ*) в казанском диалекте: *pipõ* (< *pi-pū*) ’осина’, *kiśpõ* ’береза’, *ńõlpõ* ’пихта’, *šörpõ* (э: *śõrpõ*) ’вяз’, *puppõ* ’лутоха, лутошка’; *kurek-põz* ’яйцо (куриное)’;

в) переход *o* в *y* (*õ*), ср.: *šor* ’середина’, но: казАм. *lõm-šõr* ’обед, полдень’;

г) звукоизменение *y* в *u*, ср.: якш. *ļym* ’бульон’, но: якш. *ļum-šor* ’полдень’, якш. *ļum-byt* ’целый день’. И др.;

2) при словоизменении:

а) переход конечного гласного основы *y* (*õ*) в *i* перед “вокалическим окончанием”, если между корнем и окончанием появляется *j* (встречается в обоих говорах), напр.: *busy* ’поле’ – *busijë* ’в поле (илл.)’, *busijen* ’полем (инстр.)’;

б) конечный гласный глагольной формы *-y* изменяется в якшурском говоре в *i* перед частицей *in* (< *ini*), напр.: *araļozi-in* (< *araļozy-in*) ’уже сожнут’;

в) конечный гласный субстантивного корня *-a* перед показателями иллатива и инструменталя переходит в якшурском говоре в *-e*, напр.: *taba* ’сковорода’ – *tabeë* ’в сковороду (илл.)’, *tabeen* ’сковородой (инстр.)’;

г) конечный гласный корня *-о* перед последующим *е* изменяется в якшурском говоре в *и*, напр.: *pudo* ’скот’ – *puduez* ’его скот’, *ļuļo* ’живой’ – *ļuļuez* ’живого (акк.)’. И др.

Приведенные примеры обнаруживают ряд весьма тонких наблюдений Т. Г. Аминоффа в области удмуртской диалектной фонетики, однако его исторические комментарии к ним не во всех случаях соответствуют действительности. Так, корреспонденция *и* // *о* в словах типа: *murt* ’человек’ // *-mort*: *ud-mort* ’удмурт’, *dur* ’край, кромка’ // *-dor*/*-tor*: *mu-dor* ’священный уголок в доме’, *mus-tor* ’грудь (женская)’, *mul'y* ’плод, ягодка’ // *-mol'i*: *puš-mol'i* ’орех’ (с. 13–14) и др. – Аминофф склонен объяснить изменением *и* > *о*, хотя в действительности *о* в составе этих композит является более ранним, нежели *и* (см.: [Кельмаков 1978: 37]). В формах каз. *ļõm-šõr*, якш. *ļum-šor* ’полдень’, *ļum-byt* ’целый день’ компонент *ļõm-* // *ļum-* финский языковед ошибочно ставит в связь с удм. *ļym* ’бульон’ и видит изменение *у* > *и*, в то время как гласный *и* в *ļõm-* // *ļum-* является первичным (ср. удм. *нун-ал*, коми *лун* ’день’); следовательно, мы имеем в данном случае, напротив, звукопереход *и* > *у* (*õ*).

В ряде случаев Т. Г. Аминофф вполне справедливо воздерживается от исторического объяснения фонетических явлений (напр.: *pu* ’дерево’ > *-põ*: *pi-põ* ’осина’, *kiś-põ* ’береза’; *puz* ’яйцо’ > *kurek-põz* ’яйцо (куриное)’; *šor* ’середина’ > *-šõr*: *lõm-šõr* ’обед, полдень’), поскольку причина такого звукоперехода была выявлена лишь в наше время: он обусловлен стремлением архаичных периферийно-южных говоров (в их числе и казанского = кукморского) избегать огубленных гласных в пределах непервых слогов слова (см.: [Кельмаков 1975а: 83])

D. Выпадение гласных (с. 14–15): автор приводит разнообразные случаи выпадения/отпадения гласных (или даже целых слогов), имеющих место в обоих диалектах (или в каком-либо из них), напр.: *sļaļ* ~ *syļaļ* ’соль’, *skaļ* ~ *iskaļ* ’корова’, *prak* ~ *pyrak* ’всегда, постоянно’, *naļ* ~ *nunaļ* ’день’, *korkaź* (< *korka-aź*) ’сени’, *ug śot* // каз. *ug śotõ* ’не дам’, *karsa* (< *karysa*) ’делая’, *kartek* (< *karytek*) ’не делая’, *lyk* ~ *lykty* ’приходи’, *baśt* ~ *baśty* ’бери’, *börtsa* ~ *bördysa* ’плача’, *vutoś* ~ *vuytoś* ’до прибытия’, *śulem* ’сердце’ – *śulmyn* ’в сердце’, *gudri* ~ *gudyri* ’гром’ и др. (с. 14–15).

Примечательно еще одно явление выпадения гласного – как правило, *y* – в позиции перед сонорым или фрикативным (“сонантами”) с последущим превращением этих согласных в слогообразующие, отмечаемое автором в казанском диалекте: *gondr* (< *gondyr*) ’медведь’, *tl* (< *tyḷ*) ’огонь’, *kšno* (< *kyšno*) ’жена’ (с. 15). Спустя почти столетие, эта особенность фонемной синтагматики кукморского говора была подтверждена экспериментально [Кельмаков 1969: 91].

IV. *Согласные* (с. 16–20):

А. О согласных вообще (с. 16–17): речь ведется об особенностях дистрибуции согласных в фонетической структуре слова.

С точки зрения исторической фонетики ново и исключительно ценно замечание Т. Г. Аминоффа о том, что удмуртский язык в отношении анлаута несколько “моложе”, нежели финский. Об этом свидетельствует, по его мнению, то, что:

1) в начале удмуртского слова невозможны согласные *r* и *ñ*. Если неупотребление *ñ* в инициали слова является характерной особенностью всех финно-угорских языков, то *r* употребителен в начале слова даже в ближайшем родственном языке – коми, в удмуртском же ему соответствуют *d'ź* и *dž*, ср.: коми *rucj* // удм. *d'źući* ’лиса’, коми *rok* // удм. *džuk* ’каша’, коми *ryt* // удм. *džyt* ’вечер’ и др. (с. 16);

2) в удмуртском анлауте употребительны новые звонкие смычные *b*, *d*, *g* – правда, преимущественно в заимствованных словах, но иногда и в тех, которые имеют соответствия в других финно-угорских языках, напр.: удм. *bad'* ’ива’ // ф. paju, удм. *bur* ’хороший’ // ф. *para, удм. *diń* ’основание, комель дерева’ // ф. tyvi, удм. *gužem* ’лето’ // ф. kesä, удм. *gyžy* ’ноготь, коготь’ // ф. kynsi и др. (с. 16);

3) вопреки прафинно-угорскому синтагматическому правилу, в соответствии с которым в анлауте не могли употребляться сочетания согласных, в отдельных диалектах удмуртского языка имеется целая группа слов, в инициали которых могут встречаться сочетания двух согласных, возникших в результате выпадения определенного гласного между ними. К анлаутным сочетаниям согласных относятся *dr*, *gn*, *kń*, *kr*, *pḷ*, *pr*, *sḷ*, *śk*, *tr*: *drińći* (< *durinći*)

’оса’, *gnek* (< *gynek*) ’только, лишь’, *kńaga* (рус. *книга*) ’книга’, *kryž* (< *kyryž*) ’косой, кривой’, *prak* (< *pyrak*) ’всегда’, *sļaļ* (< *syļaļ*) ’соль’, *śkabyn* (< *iśkabyn*) ’друг, товарищ’, *tros* (< *tyros*) ’много’ и др. (с. 16).

В пределах непервых слогов как в начале их, так и в конце употребительны все согласные, в их числе согласные *r*, *ñ* и палатальные, за исключением *v*, который в конце слова не встречается, и *w* (= *u̯*), характерного исключительно для начала слова (весьма тонкое наблюдение!). Из сочетаний согласных в ауслаутной позиции возможны лишь *rd*, *rt*, *rs*: *burd* ’крыло’, *gurt* ’деревня’, *ćyrs* ’кислый’. Справедливости ради следует заметить, что за пределами внимания автора «Очерка...» остались сочетания *rś*, *lk*, *l'k* и нек. др. (с. 16–17).

В. Мена согласных в различных диалектах (с. 17–18):

1) примечательным в этом отношении является употребление *d'-* в казанском диалекте на месте вятского *j-*: вят. *ju* ’жито’ // каз. *d'u*, вят. *jyr* ’голова’ // каз. *d'õr* и др. Поскольку это явление встречается еще и в уфимском диалекте, носители которого живут в окружении татарского населения, T. G. Аминофф справедливо считает фонетическое изменение *d'-* < *j-* в указанных диалектах результатом татарского влияния (с. 17);

2) пожалуй, впервые в этой работе отмечается специфичное для казанского диалекта явление прогрессивной неполной ассимиляции *j* с предшествующим согласным *k* (*j* > *t'*) и носовыми *m* и *n* (*j* > *ń*), ср.: каз. *dukt'a* // вят. *dukja* ’глухарь’, каз. *takt'a* // вят. *takja* ’девичий головной убор’, каз. *ćõrekt'aļo* // вят. *ćerekjaļo* ’буду кричать’; вят. *emjaļo* // каз. *emńaļo* ’буду лечить’. В соответствии с этим одна из глагольных форм (“адвербиаль II отглагольного имени”) имеет формант *-ńa*: *võremńaz* (< *võremjaz*) ’по мере его шевеления, по мере его движения’, *d'uemńaz* (< *juemjaz*) ’по мере того, как он пьет’ (с. 17);

3) в якшурском говоре, за исключением анлаутной позиции, варьирует употребление согласных *d'ź* и *ź*, *dž* и *ž*, напр.: *kud'źo* ~ *kuźo* ’хозяин’, *kid'źo* ~ *kiźo* ’посею’, *kyd'źy* ~ *kyźy* ’как, каким образом’, *udž* ~ *už* ’работа’, *vydžy* ~ *vyžy* ’корень’ и др. Поскольку этим формам в коми-пермяцком языке соответствуют формы с аффри-

катами (*kydź* или *kyd'źi*, *köd'źa*, *udž*), то *d'ź* и *dž* в подобных словах являются первичными (с. 17);

4) Т. Г. Аминофф задолго до А. Пенттили [Penttilä 1927], Т. Э. Уотилы [Uotila 1933: 235–252] и Д. В. Бубриха [1948: 81–82] выявил инодиалектные соответствия каз. *ŋ* и даже фонетическую позицию для замещения его согласным *ń*: 1) каз. *ŋ* // якш. *m* (*bañ* // *bam* 'щека, лицо', *puñ* // *pum* 'конец'); 2) каз. *ŋ* // якш. *n* (*čõñ* // *čyn* 'дым', *čaña* // *čana* 'галка', *džyñy* (? ɔ: *džõñõ*) // *džyny* 'половина'); 3) каз. *ŋ* // якш. *ń* (*dińë* 'домой', *keńeš* 'совет', *eńer* 'седло', т. е. "в таких словах, в которых перед *ñ* стоит *i* или *e*") (с. 17). "Поскольку согласный *ñ* не является характерным для финно-угорских языков, кроме как в позиции перед *k* (*g*)", относительно его происхождения в казанском диалекте Т. Г. Аминофф присоединяется к мнению (правда, неверному) Ф. Й. Видеманна, согласно которому *ñ* является тюркским заимствованием, и это подтверждается, как полагает финский исследователь, тем, что он употребляется самостоятельно лишь на юге удмуртской языковой области, и в коми языке употребление носовых в перечисленных словах аналогично употреблению их в северных, ср.: якш. *pum* // коми *pom*, якш. *din* // коми *djin* (с. 17–18).

5) в работе отмечены случаи дезаффрикации аффрикат, характерной для казанского диалекта: 1) в инлаутном сочетании *čk* (> *šk*): вят. *ļučkaļo* // каз. *ļuškaļo* 'украду', вят. *pučkyn* // каз. *puškyn* (? ɔ: *puškõn*) 'внутри' (ср.: коми *pyčkyn*), вят. *wačkaļa* // каз. *vaškaļa* 'древний, старинный'; 2) в начале слова: вят. *čap* // каз. *šap* 'весьма, очень'; 3) *ć* > *ś* перед последующим согласным: *d'źeć* 'добрый, хороший' – *d'źeś ļu* 'до свидания' (с. 18).

6) автором замечено весьма важное для удмуртской диалектной фонетики соответствие казанского анлаутного *l'*- вятскому *j*-, напр.: каз. *l'ag* // вят. *jag* 'kangas; лес на песчаной почве', каз. *l'ugõt* // вят. *jugyt* 'светлый', каз. *l'uko* // вят. *juko* 'делю, разделю'. В данном случае примечательно то, что в говоре с. Якшур-Бодья Аминофф застал еще последнее слово с анлаутным *j*-.

7) представляет серьезный интерес употребление в единичных словах казанского диалекта согласного *b* на месте вятского *v*, отмеченное автором: каз. *borsaļo* // вят. *vorsaļo* 'закрою', каз.

škabyn // вят. *iškavyn* ’друг’ (с. 18). В более позднее время спорадическое замещение *v* согласным *b* в бесермянском наречии (ср.: *ben'* вм. *ven'* ’игла’, *bersok* вм. *veršok* ’вершок’, *biz'mo* вм. *viz'mo* ’умный’ и т. д. [Тепляшина 1970: 100] было приведено как один из языковых фактов, призванный свидетельствовать о “булгарском” (“древнечувашском”) происхождении бесермян [Тепляшина 1970в]. Фиксация аналогичного явления в казанском диалекте позволяет еще раз серьезно усомниться в этом (см. также: [Кельмаков 1985: 118].

Помимо перечисленных, зафиксирован ряд лексикализованных фонетических явлений.

C. Изменения согласных (с. 18–20):

1) важнейшим фонетическим явлением, относящимся к этому разделу, является, по мнению Аминоффа, регресивная ассимиляция звонких *b*, *d*, *g*, *z*, *ž* по глухости под влиянием последующих глухих: *börtsa* вм. *bördysa* ’плача’, *pytsaz* вм. *pydesaz* ’на его дно’. По этой причине притяжательные показатели аккузатива 2-го и 3-го лица выступают в двух вариантах: *-dë*/*-të*, *-zë/-së*, *-dës*/*-tës, -zës/-sës*, напр.: *muš* ’пчела’ – *muštë* ’твою пчелу’, *tyros* ’много’ – *tyrossë* ’многое (акк.)’ (с. 18–19);

2) в быстрой спонтанной речи оглушение одного из звонких согласных под влиянием соседнего глухого происходит в казанском диалекте в сложных словах и словосочетаниях, напр.: *ļut-čöž* (< *ļud* + *čöž*) ’дикая утка’, *kut-kozõ* (< *kut* + *gozõ*) ’оборки лаптей’, *śöt-tö* (< *śöd* + *tö*) ’черное озеро’ (с. 19).

3) в том же диалекте имеет место оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова (фразы), которые восстанавливают свою звонкость, если оказываются перед гласными частицы или иногда служебной морфемы, напр.: *śiot* ’будешь есть’ – *śioda?* ’будешь ли есть?’, *odik* ’один’ – *odigez* ’один из’, *põt* ’нога’ – *põden* ’ногами, пешком’ и т. д. (с. 19). И ряд др.

D. Элизия согласных (с. 20) – автор речь ведет о первичных согласных *m* и *k*, отпадающих в начальной форме слов, но восстанавливающихся в их основах косвенных форм перед суффиксами с инициальными гласными, напр.: *iń* ’небо, бог’ ~ *ińm-*, *śin* ’глаз’ ~ *śinm-*, *küiń* ’три’ ~ *küińm-*, *jun* ’сильный, крепкий’ ~ *junm-*; *paś* ’от-

крытый’ ~ *paśk-*, *pydes* ’дно’ ~ *pydesk-yn* ’на дне’, *d'źeć* ’добрый’ ~ *d'źećk-yn* ’по-доброму’, *uļep* ’живой’ ~ *uļepk-yn* ’живьем’ и др.

М О Р Ф О Л О Г И Я (с. 20–47)

I. *Имена, их происхождение и склонение* (с. 20–39).

Т. Г. Аминофф отмечает, что удмуртский язык сохранился в древнем состоянии “в том отношении, что он точно не отделяет друг от друга различные классы слов”. Прилагательные обычно употребляются и в качестве существительных: *bur* ’хороший’, ’добро, доброта’; *šońer* ’правильный’, ’правда’. Отдельные формы выступают как глагол, существительное и прилагательное (точнее: местоимение. – *В. К.*): *vań* ’имеется’, ’имущество, состояние’, ’всякий, весь’ (с. 20).

А. Сочетания имен (с. 21) – рассматриваются некоторые типы образования сложных слов. Весьма тонкое наблюдение: во многих сочинительных сложных словах с собирательным значением (типа: *ai-mumi* ’отец-мать, т. е. родители’, *ńun-vyn* ’старший брат-младший брат’ и др.) изменяются оба компонента, ср.: *myļ-kyd* ’настроение’ – *myļyd-kydyd* ’твое настроение’. Однако в ряде подобных слов – напр., *nyļ-pi* ’ребенок’, *vyļ-tyr* ’тело’ – изменяется лишь конечный компонент: *nyļ-pios* ’дети’; в таких словах изменение обоих компонентов (*vyļyd-tyryd* ’тело твое’, *pis-pu* ’дерево’ – *pisam-puam* ’на моем дереве’ и др.) имеет устаревший характер и встречается преимущественно в текстах языческих молитв (с. 21).

В. Образование имен (с. 22–24) – перечислены продуктивные и непродуктивные отыменные суффиксы: *-o* (*odig-śinm-o* ’одноглазый’), *-eś* (*vir-eś* ’окровавленный’), *-yt* (*šun-yt* ’теплый’), *-tem* (*ńim-tem* ’безымянный’), *-jem* (*kwamyn-kuro-jem* ’тридцатисоломенный’), *-es(k)* (*tijaļt-es* ’кусок, ломоть’), *-ļa* (*gurt-ļa(-paļ)* ’окрестности деревни’), *-oi*, *-iś* (*šor-iś* ’срединный’), *-ak* (*ken-ak* ’жена старшего брата’), *-yk* (*myž-yk* ’кулак’), *-ka* (< *kwa* ’шалаш’: *kor-ka* ’изба’, *gid'-ka* ’двор’), *-da* (*-yt* + *a*: *kuź-da* ’длиной с’), *-as*/*-os* (каз. *ken-as* // вят. *ken-os* ’клеть’), *-eti* (*kwińm-eti* ’третий’), *-sa* (*byt-sa* ’величиной с’) (с. 22–23).

Казанские удмурты заимствовали из татарского языка следующие суффиксы: *-ļõk* (*taza-ļõk* ’чистота’); *-ći* (*śuan-ći* ’свадебщик’) (с. 23).

К отглагольным именным относятся следующие суффиксы: *-et* (*gožt-et* ’письмо’), *-ep(k)* (*ul-ep* ’живой’), *-on*, *-an* (*śi-on* ’еда’, *uśt-on* ’ключ’), *-os* (*śor-os* ’вьющийся стебель’) (с. 24).

С. Склонение имен (с. 24–28).

Элемент *j* в показателе множественного числа *-jos* отдельных имен, а также после гласных во многих диалектах отпал, ср.: *pi* ’сын; парень’ – *pi-os* ’сыновья; парни’, *papa* ’птица’ – *papa-os* ’птицы’ (с. 19, 24). Между тем в казанском диалекте в качестве обычных зафиксированы формы типа: *so-jos* (якш. *so-os*) ’они’ (с. 30), *korka-jos-õ* ’мои дома’, *korka-jos-sõ-liś* ’(у) их домов’, *korka-jos-mõ-ļõ* ’нашим домам’ и т. д. (с. 34–35) – с показателем мн. числа *-jos* после основ на гласный.

В этом же разделе произведен обзор падежных суффиксов простого склонения в обоих диалектах и приведены парадигмы склонения имен существительных отдельных слов. Как мне кажется, здесь следовало бы обратить особое внимание на некоторые явления, отмеченные Аминоффом:

1) собственными показателями аккузатива он считает лишь *-ë* (*monë* ’меня’, *mon ad'źi murtë* ’я видел человека’), а во мн. числе – якш. *-ty* (*mon ad'źi kionjosty* ’я видел волков’); показатели же *-ez*/*-jez* и каз. *-õz* почему-то оставлены без внимания (с. 24, 27), хотя последний в парадигме склонения некоторых местоимений и отмечен в работе, напр.: каз. *mil'emõz* ’нас’, *til'edõz* ’вас’, *sojosõz* ’их’ (с. 29–30), *aśmesõz* ’нас самих’ и др. (с. 36);

2) элатив оканчивается на *-iś* (с. 24), хотя в таблице падежных формантов даны два варианта без указания диалектной принадлежности: *-iś*, *-yś* (с. 27) (судя по современным диалектным отношениям, это следует понимать так: первая морфема характерна для казанского диалекта, вторая – для вятского). В притяжательном склонении элатив имеет окончание в казанском диалекте *-iśk-*, в остальных – *-iśt-*: каз. *korkaśkõmõ* ’из нашего дома’, якш. *sarbaiśtyz* ’из его туеска’ (с. 24, 30); этот же каз. *-k-* на месте *-t-* других диалектов выступает и в формах отдельных местоимений: *mõniśkõm* (якш. *myneśtym*) ’у (от) меня’, *mil'eśkõm* (якш. *mil'eśtym*) ’у (от) нас’, *tõniśkõd* (якш. *tyneśtyd*, *töśtyd*) ’у (от) тебя’, *til'eśkõd* (якш. *til'eśtyd*, *tieśtyd*) ’у (от) вас’ (с. 30), *asliśkõm* (якш. *as-*

leśtym) ’у (от) меня самого’ (с. 36), *kudiśkõz* ’из которого’ (с. 37). Формант элатива на *-k-* (правда, без указания диалектной принадлежности) был отмечен уже Ф. Й. Видеманном: *karyśtym* (*-yśkym*) ’из моего города’, *karyśtyd* (*karyśkyd*) ’из твоего города’, *karyśtyz* (*-yśkyz*) ’из его города’ [Wiedemann 1884: 136–137]. Показатель элатива с конечным согласным *k*/*t* (*-iśk-*/*-iśt-*) является, по мнению Аминоффа, первичным (с. 31);

3) иллатив выражается с помощью форманта *-ë* или *-y* (*-õ*) (с. 24); причем, выбор варианта зависит не только от основы имени существительного или его числа (ср.: якш. *sarba-ë*, *sarbe-ë* ’в туесок’, *murt-ë* ’в человека’ – *śińm-y* ’в глаз’, *ńuļesk-y* ’в лес’, *murtjos-y* ’в людей’), но имеет и определенную диалектную окраску: в казанском диалекте для мн. числа характерен формант *-josë* (наряду с *-josõ*) (с. 27–28);

4) аблатив имеет в казанском диалекте формант *-liś*, в вятском – *-ļeś*, *-leś* (с. 25), ср.: каз. *soliś* (якш. *soleś* и др.) ’у (от) него’, каз. *sojosliś* (якш. *soosleś*) ’у (от) них’ (с. 30), каз. *korkamõliś* ’у (от) нашего дома’, *murtmõliś* ’у (от) нашего человека’ (якш. *apaimyļeś* ’у (от) нашей старшей сестры’ (с. 32), каз. *aśmeliś* (якш. *aśmeleś*) ’у (от) меня самого’ (с. 36), каз. *kińliś* ’у (от) кого’, *maliś* ’у чего, от чего’, *kočeliśkë* ’у какого-то’ (с. 37), *ninomõrliś*, *ninomõrezliś* ’ни у чего, ни от чего’, *taliś*, *tajezliś* (якш. *taleś*, *tajezleś*) ’у (от) этого’ (с. 38). Видеманн зафиксировал аблативные формы на *-lyś* и *-leś*: *altynlyś* ’из золота’, *ataz tśorjamleś val'on* ’до пения петуха’ [Wiedemann 1884: 119]. В наше время аблативные форманты *-лъс'*, *-лис'* (*-ўис'* и др.) отмечены в кукморском, шошминском, канлинском, бесермянском, нерегулярно в бавлинском говорах [Кельмаков 1998: 120];

5) терминатив отмечается в казанском диалекте морфемой *-oś*, в вятском – *-oź* и (с. Якшур-Бодья) *-od'ź* (последняя наиболее близка к коми *-öd'ź, -ed'ź*) (с. 25): напр.: каз. *čukaźeoś* // якш. *čukad'źod'ź* ’до завтра’, якш. *čuknaod'ź* ’до утра’ (с. 28). Эти морфемы с теми же самыми вариантами присутствуют и в составе деепричастных формантов: каз. *-toś*, якш. *-tod'ź*, *-toź*, напр.: каз. *kwaź saktõtoś* ’до рассвета’, *ton oźõ karõtoś mon ļõktõsa vuo* ’пока ты так делаешь, я успею прибыть’ (с. 42);

6) адвербиальное *-ja* употребляется, по мнению Аминоффа, в следующих формах: *so dyrja* ’в то время’, *so vetliz kyrja* ’он бродил по степи’ (с. 26), *jömyšezja* ’в соответствии с его плодом’ (с. 31). В парадигме склонения различных имен существительных (с. 27–29) формы этого падежа не представлены; однако приведен уникальный случай присоединения этого форманта (или частицы *ja*? – *В. К.*) к глагольной основе, характерного для казанского диалекта (хотя фонетика и указывает на якшурский), на что указывает перевод евангельского текста на казанский, откуда заимствован пример: *soļen vyļaz kidë* ***ponyja*** *so burmoz* ’как положишь руку на него, он поправится’ (с. 26) < *Тон мыныса солэн вылаз кидэ* ***поныя****, со бурмоз*⟨...⟩ (Еванг. 1877: 23). Ср. еще: *Сокы карлэн лӱэм муртйосыз Іисуслы пунтиҵ потиԓлям, Сое аджем бере солы милям ԓоросиҫ* ***кошкія*** *шӱса ԓалбариԓлям* (Еванг. 1877: 21). ’И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их’ (Библия 1988, 1021). *Кышно лыктыса солы ԓыбыртыса вэрам: эй дышэтиҫ, мыным* ***ԓуртыҫкыя*** *шӱэм* (Еванг. 1877: 41). ’А она (букв. ’женщина’), подойдя, кланялась ему и говорила: Господи! помоги мне’;

7) показатель “адвербиаль-элатива” в обоих диалектах одинаков: *-išen* (< формант элатива + формант инструменталя) (с. 26);

8) в формах типа каз. *jõriń* // вят. *gyrin* ’головой, на голову’, каз. *kõmiń*: *kõmiń uśiz* ’он упал лицом вниз’ автор «Очерка...» видит древний падежный формант каз. *-ń*, вят. *-n*, которому в финском соответствует *-ne* (*minne* ’куда’, *sinne* ’туда’), эст. *-ni*, в. *-nek* (с. 26).

9) сочетанием предшествующего суффикса с *-ļa* образовался показатель “аллатива” *-ļań*: *uļļań* ’вниз’, *vaļļań* ’вверх’, *aźļań* или *aźloń* ’вперед’ (с. 26);

10) падежный формант с пространственным значением *-ļa* употребляется в нескольких топонимах на *-a* в сочетании с формантами других падежей или без них, напр.: илл. *Nõrja-ļa* ’в Нырью’, элат. *Nõrja-ļaś* ’из Нырьи’, инесс. *Nõrja-ļan* ’в Нырье’ (с. 26–27).

D. Прилагательные и их сравнение (с. 29) – отмечается, что прилагательные в функции определения не склоняются (*vil' korka* ’новая изба’, *vil' korkan* ’в новой избе’), по падежам они могут изменяться, подобно существительным, лишь в том случае,

если употреблены без определяемого имени существительного. В функции сказуемого прилагательные согласуются с подлежащим во множественном числе, при этом получают окончание *-eś*, напр.: *gondyrļen piosyz bad'źyneś* ’детеныши медведя большие’, *soos uzyreś* ’они богатые’ (с. 29).

По мнению Аминоффа, суперлатив в удмуртском языке отсутствует. Что касается компаратива, то он может выражаться лишь синтаксически (*pynyliś l'apek* ’ниже собаки’, *myneśtym kužmojez* ’сильнее меня’) или с помощью суффиксов *-ges* (*-kes*) или *-gem* (*-kem*): *so uzyrges* или *uzyrgem* ’он богаче’, *muļteskes* ’больше’. Компаративные формы изменяются как и прочие прилагательные, напр.: (будучи самостоятельными) *pereśgesļen* ’у более старого’, *pereśgesjosļen* ’у более старых’; (в функции сказуемого) (с. 29) *sojos byd'źymgeseś* ’они более большие (взрослые)’. Как и в других финно-угорских языках, показатель компаратива может присоединяться к косвенным формам имен существительных: *kid'okyn* ’далеко’ – *kid'okynges* ’подальше’ (правда, в качестве примера приведено наречие. – *В. К.*), что указывает, по мнению Аминоффа, на относительно позднее происхождение компаратива (с. 29).

Е. Местоимения (с. 29–32, 36–38).

В личных местоимениях в описании Т. Г. Аминоффа обращает на себя внимание:

1) четкое противопоставление аккузатива местоимений мн. числа 1-го и 2-го лица в казанском и якшурском говорах: каз. *mil'emõz* // якш. *mil'emdy* ’нас’, каз. *til'edõz* // якш. *til'eddy* ’вас’ (с. 28–29);

2) наличие двух форм инструменталя ед. числа местоимений 1-го и 2-го лица в казанском (в якшурском лишь “полная”): каз. *monen ~ monenõm* (якш. *monenym*) ’(со) мной’, каз. *tonen ~ tonenõd* (якш. *tonenyd*) ’(с) тобой’ (с. 30);

3) функционирование ряда вариантных форм инструменталя мн. числа местоимения 2-го лица в якшурском говоре при одной в казанском: *til'edyn ~ til'edyny ~ tienyd ~ tienydy* (при каз. *til'edõn*) ’(с) вами’ (с. 30);

4) аналогичное явление отмечено в якшурском говоре и в аблативе: *til'eśtyd* (*tieśtyd*) ~ *til'eśtydy* (*tieśtydy*) (при каз. *til'eśkõd*) ’у (от) вас’ (с. 30);

5) инструменталь от *so* ’он’ в казанском – *sojen*, в якшурском – *soin* ’им, с ним’ (с. 30). Аналогичный формант *-jen* распространяется в казанском и на местоимение *ma* ’что’: *majen* ’(с) чем’ (с. 37);

6) отсутствие формы абессива (на *-tek*) от местоимений *mon* ’я’ и *ton* ’ты’ в обоих диалектах при наличии вышеназванной формы от местоимений *mi* ’мы’ (*mitek* ’без нас’), *ti* ’вы’ (*titek* ’без вас’), *so* ’он’ (*sotek* ’без него’) и каз. *sojos*, якш. *soos* ’они’ (каз. *sojostek*, якш. *soostek* ’без них’) (с. 30).

В раздел “Местоимения” же (непосредственно за личными местоимениями) включена автором система лично-притяжательных суффиксов и так называемое притяжательное склонение имен существительных с их парадигмами (с. 30–35). При этом автор обратил особое внимание на:

1) притяжательные суффиксы ед. числа, которые варьируют в зависимости от гласного – *-ë*, *-y* (каз. *-õ*); *-ed*, *-yd* (каз. *-õd*) и *-ez*, *-yz* (каз. *-õz*): *murtë* ’мой человек’, *śinmy* ’мой глаз, мои глаза’ (с. 31);

2) появление в 1-м лице ед. числа форманта *-m* “во всех других падежах”, за исключением номинатива и внешнеместных падежей, напр.: *korkam* ’в моей избе’, *murtenym* ’с моим человеком’, *śurestim* ’по моей дороге’ (с. 31);

3) порядок следования притяжательного суффикса и падежного форманта: во внешнеместных падежах, в абессиве и адвербиале притяжательные суффиксы следуют непосредственно за основой имени существительного, ср.: *vyn-y-ļy* ’моему младшему брату’, *suzer-e-ļen* ’у моей младшей сестры’, *apajeleś* ’у (от) моей старшей сестры’, *tir-my-tek* ’без нашего топора’, *jömyš-ez-ja* ’по его плоду’ (с. 31).

В параграфе усилительно-личных (“возвратных”) местоимений обращает на себя внимание:

1) вокалическое оформление местоимений ед. числа в казанском дилекте, отличное от якшурского: каз. *aćõm* // якш. *aćim* ’я сам’, каз. *aćõd* // якш. *aćid* ’ты сам’, каз. *aćõz* // якш. *aćiz* ’он сам’ (с. 36);

2) особенности образования формы мн. числа в обоих диалектах: каз. *aśmes* // якш. *aćmios* ’мы сами’, каз. *aśtes* // якш. *aćtios* ’вы сами’, каз. *aśses* // якш. *aćios* (ɔ: *aćsios*? – *В. К.*) ’они сами’ (с. 36);

3) в аккузативе (*-õz*) и инструментале (*-õn*) мн. числа падежный формант сочетается в казанском диалекте непосредственно с формой множественного числа номинатива, в то время как в якшурском формант аккузатива *-dys* присоединяется к основе косвенных форм мн. числа, ср.: каз. *aśmes-õz* // якш. *aśme-dys* ’нас самих’, каз. *aśtes-õz* // якш. *aśte-dys* ’вас самих’, каз. *aśses-õz* // якш. *aśse-dys* ’их самих’ (с. 36); каз. *aśmes-õn* // якш. *ø* ’нами самими’, каз. *aśtes-õn* // якш. *aśsenydy* ’вами самими’, каз. *aśses-õn* // якш. *ø* ’ими самими’ (с. 37).

4) для аблатива характерны особые форманты, имеющие закономерные диалектные вариации (см. выше), ср.: каз. *as-liśkõ-m* // якш. *as-leśty-m* ’у (от) меня самого’, каз. *as-liśkõ-d* // якш. *as-leśty-d* ’у (от) тебя самого’, каз. *as-liśkõ-z* // якш. *as-leśty-z* ’у (от) него самого’. И др.

Некоторые из вопросительных местоименных корней имеют фонетические различия по исследуемым диалектам, они сохраняются и в производных от них неопределенных и отрицательных местоимениях, ср.: (вопр.) каз. *kiń* // якш. *kin* ’кто’, каз. *kiṇlõ* // якш. *kinly* ’кому’ и др.; каз. *kõče* // якш. *köče* ’какой’; (неопр.) каз. *kińkë*, *kiń-no-kiń* ’кто-то, кто угодно’; каз. *kõčekë* // якш. *köčekë* ’какой-то, какой угодно’ (с. 37); каз. *ninokiń*, *ninokiń-no* // якш. *no-kin-no* ’никто’, каз. *ninokõče*(*-no*) ’никакой’ (с. 38).

В образовании отрицательных местоимений участвует в казанском диалекте приставка *nino-*, впервые, на мой взгляд, отмеченная Т. Г. Аминоффом, напр.: *ninokiń*, *ninokiń-no* (якш. *nokin-no*) ’никто’, каз. *ninomõr*, *ninomõr-no* (якш. *nomyr-no*) ’ничто, ничего’, каз. *ninokõče(-no)* ’никакой’ и др.

Среди указательных местоимений в казанском диалекте значится форма *õčë* (якш. *syčë*) ’такой (тот)’ (с. 38).

Следует заметить, ряд казанских диалектных местоименных форм (*aśmes* ’мы сами’, *aśtes* ’вы сами’, *õčë* ’такой (этот)’, *aćõd* ’ты сам’, *aśsesõz* ’их самих (акк.)’, *asliśkõd* ’у тебя самого’, *sojos* ’они’, *til'eśkõd* ’у тебя’, *ninokiń* ’никто’), отмеченные Т. Г. Аминоффом, встречается и в переводах Евангелия от Матфея на казанский диалект 1877 г. (что, вне всякого сомнения, подтверждает точность и тонкость наблюдений финского исследователя),

напр.: ***Аçмэс*** *айыбо ум луэ шӱидыкэ муртэ эн айыблалэ. Муртэ кижы айыпладыкэ,* ***аçтес*** *но ожы айыпо луоды. Муртлы кижы мэртанэн мэртадыкэ, тиледлы но* ***ычэен*** *мэртаçкоз* (Еванг. 1877: 16–17). ’Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; какою мерою мерите, такою и вам будут мерить’ (Библия 1988, 1018). *Тон садака люкон дыръяд мурт çиӈ ажын гӹнэ шугаджиçйос каик* ***аслыçкыд ачыд*** *эн шӧдыты,* ***сойос*** *вӧçаçкыны люкаçкон коркан ӆа урамын* ***аççесыз*** *мурт мед ушъялоз шӱса шугаджо* (Еванг. 1877: 14). ’Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди’ (Библия 1988, 1017). *...ти муртйослы* ***сойослэç*** *çолыкйоссэс удкэ кэчырэлэ иӈмиç Атайды* ***тилеçкыд*** *çолыкйоссэс но уз кэчыры* (Еванг. 1877: 15). ’...а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших’ (Библия 1988, 1017). ***Ни но киӈлэн*** *но кык кужолы кызмэт карэмэз уз лу* (Еванг. 1877: 15). ’Никто не может служить двум господам⟨...⟩’. И др.

F. Числительные (с. 38–39) – перечислены все формы от 1 до 10, названия десятков, некоторых сотен и тысячи, образование форм порядковых и “дистрибутивных” числительных (с. 38–39). Несомненый интерес для исторической фонетики представляют формы якш. и каз. *ńul′* (в последнем лишь в качестве варианта к *ńül′*) ’четыре’, зафиксированная, по моим сведениям, лишь в данном труде, и вят. *śurys* // каз. *surõs* ’тысяча’ (с. 38).

II. ***Глаголы, их происхождение и спряжение*** (с. 40–47).

A. Суффиксы словообразования глаголов (с. 40) – перечислены 11 суффиксов, однако они выделены не всегда корректно (напр.: *-kto*: *vožekto* ’позеленею’: собственно словообразовательный суффикс – *-ekt(y)*) и не все относятся к словообразовательным (напр.: *-ӆo*: *mõnõӆo* ’иду (пойду) часто’ (*-ӆ(y)* – суффикс многократного вида).

Между прочим отмечено употребление суффикса многократного вида II спряжения с основой глагола I спряжения: “*-l′l′aӆo*: *košk*il′l′aӆo (*košk*o ’ухожу’), *veral′l′aӆo* (*veraӆo* ’скажу’), *ad′ź*il′l′aӆo ’увижу иногда’ (*ad′źo* ’увижу’)” (с. 40).

B. Отглагольные имена (с. 40–41): к ним отнесены автором 8 форм, которые функционируют как причастия, отглагольные существительные, инфинитив, безличный глагол долженствования и т. д., определены их функции в сравнении с соответствующими финскими формами: *-ś* (*-iś*, *-aś*); *-em*, *-am*; каз. *-nõ* (*-õnõ*, *-anõ*) // якш. *-ny* (*-yny*, *-any*); *-on*, *-an*; *-ono*, *-ano*; *-mon*; *-ontem*, *-antem*; *-mte* (*-emte*, *-amte*). Пожалуй, тут следует заметить, что элемент *-a-* в морфемах *-aś*, *-am*, *-anõ* // *-any*, *-an*, *-ano*, *-antem*, *-amte* относится к основе глагола и, следовательно, не входит в состав формообразующих суффиксов.

C. Отглагольные наречия (с. 42) – перечислены удмуртские деепричастия, образованные с помощью следующих четырех формантов:

-sa: *kõrd'źasa orći* ’с песней прошел (проехал) мимо’, *õžõd uļõsa* ’через некоторое время’ (букв. ’прожив немного’);

-kõ (каз.) // *-ky* (якш.): *śijon d'uakõ* ’при просьбе еды’, *bertõkõd* ’когда ты возвращался домой’;

-toś (каз.) // *-tod'ź*, *-toź* (якш.): *so veratoś mon aćõm todo* ’прежде чем он скажет, я сам узнаю’;

-tek: *mõnõtek kil'oz* ’он отстанет от поездки’ (букв. ’не поехав останется’).

D. Спряжение глагола (с. 42–47) – даны парадигмы спряжения глаголов каз. *baśtõnõ* ’взять’, *veranõ* ’сказать’, якш. *kujany* ’бросать’, *ļuyny* ’быть’ (у автора: ’приходить’) в различных наклонениях и временах как в утвердительном, так и отрицательном аспекте. Определенный интерес с точки зрения диалектологии, современной и исторической морфологии удмуртского языка представляют, по моему мнению, следующие явления, отмеченные Т. Г. Аминоффом в этом разделе.

1. В 1-м лице ед. числа будущего времени в вопросительных предложениях сохранен древний показатель *-m*: каз. *ku lõktom?* ’когда мне прийти?’, каз. *lõktom-a mon* // якш. *lyktom-a* (*lykto-a*) *mon?* ’приду ли я?’, *ku baśtom końdon?* ’когда я возьму копейку?’, *ku mon kulom?* ’когда я умру?’ (с. 43).

2. Глаголы условного наклонения в якшурском говоре в ед. числе не изменяются по лицам, в то время как в казанском диалекте 2-е лицо и спорадически 3-е имеют личные окончания: якш.

kujasaļ ’я бы бросал’, ’ты бы бросал’, ’он бы бросал’ – каз. *verasaļ* ’я бы сказал’, *verasaļõd* ’ты бы сказал’, *verasaļ(õz)* ’он бы сказал’ (с. 43). К тому же и в отрицательном аспекте в казанском диалекте отрицательный вспомогательный глагол изменяется по лицам и частично по числам, в якшурском же – нет, ср.: каз. *öi baśtõsaļ* ’я бы не взял’ – якш. *öi kujasaļ* ’я бы не бросал’, каз. *öd baśtõsaļõd* ’ты бы не взял’ – якш. *öi kujasaļ* ’ты бы не бросал’, каз. *öz baśtõsaļ(õz)* ’он бы не взял’ – якш. *öi kujasaļ* ’он бы не бросал’, каз. *öm baśtõsaļmõ* ’мы бы не взяли’ – якш. *öi kujasaļmy* ’мы бы не бросали’, *öd baśtõsaļdõ* ’вы бы не взяли’ – якш. *öi kujasaļdy* ’вы бы не бросали’, *öz baśtõsaļzõ* ’они бы не взяли’ – якш. *öi kujasaļzy* ’они бы не бросали’ (с. 44).

3. В повелительном наклонении в казанском диалекте зафиксировано сочетание *med veraļë* (параллельно с *veraļë*) ’скажите’ (с. 43). Аналогичный способ выражения повелительного наклонения во 2-м лице мн. числа в свое время был отмечена еще и Б. Гавриловым в том же самом диалекте (причем обе возможные формы употреблены в пределах одного четверостишия и рифмуются друг с другом): *Жӧк котырад пукҫем куноед, Мӱэн но пуӆы* ***мед понэ****; Ми татиҫ кошкэм бере Мӱлэҫ но ческыд* ***улэлэ*** [Гавриловъ 1880: 5]. ’Гостю, сѣвшему за твой столъ, Положи (э: положите) ложку съ медомъ. Когда мы отсюда уѣдемъ, живите слаще меду’ [Гавриловъ 1880: 76]. По моим сведениям, в современном кукморском диалекте данная форма уже не употребительна.

4. Представлена полная (в якшурском диалекте) и неполная (в казанском) парадигма спряжения глагола в желательном наклонении (“оптативе”) – каз. *baśtõnõ* ’взять, брать’, *veranõ* ’сказать’ и якш. *ļuyny* ’быть’:

Утвердительный аспект (с. 43–44)

Ед. ч.	1 л.	*med baśto*	*med veraļo*	*med ļuo*
	2 л.	*med baśtod*	*med veraļod*	*med ļuod*
	3 л.	*med baśtoz*	*med veraļoz*	*med ļuoz*
Мн. ч.	1 л.	*med baśtom(õ)*	*med veraļo(õ)*	*med ļuomy*
	2 л.	*med baśtodõ*	*med veraļodõ*	*med ļuody*
	3 л.	*med baśtozõ*	*med veraļozõ*	*med ļuozy*

Отрицательный аспект (с. 45)

Ед. ч.	1 л.	–	–	*medam ļu(y)*
	2 л.	–	–	*medad ļu(y)*
	3 л.	*medaz baśtõ*	*medaz vera*	*medaz ļu(y)*
Мн. ч.	1 л.	–	–	*medam ļuë*
	2 л.	–	–	*medad ļuë*
	3 л.	*medaz baśtë*(*-teļë*)	*medaz veraļë*	*medaz ļuë*

В связи с приведенной парадигмой следует заметить:

1) еще Т. Г. Аминоффом, вне всякого сомнения, было предложено выделить в удмуртском языке так называемое желательное наклонение, которое не отмечается школьными и нормативной научной грамматиками современного удмуртского языка, и о наличии/отсутствии которого в последние годы вновь заговорили удмуртские языковеды;

2) весьма странно, что Аминофф привел неполную парадигму спряжения глагола в желательном наклонении (мн. число) в казанском диалекте, хотя именно в южных говорах (в том числе и в современном кукморском) парадигма желательного наклонения сохранилась в полной своей парадигме.

4. Из сложных форм прошедшего времени приведены парадигмы спряжения лишь двух как в форме индикатива, так и абсентива:

1) прошедшего длительного: (индикатива) *mon bõdtiśko vaļ* ’я (тогда) заканчивал’, *ton bõdtiśkod vaļ* ’ты (тогда) заканчивал’, *so bõdtë vaļ* ’он (тогда) заканчивал’и др. (с. 45); (абсентива) *mon bõdtiśko võļem* ’я (тогда) заканчивал, оказывается’, *ton bõdtiśkod võļem* ’ты (тогда) заканчивал, оказывается’, *so bõdtë võļem* ’он (тогда) заканчивал, оказывается’ (с. 45);

2) II плюсквамперфекта: (индикатива) *mon bõdtem vaļ* ’я (тогда) закончил было’, *ton bõdtemed vaļ* ’ты (тогда) закончил было’, *so bõdtem vaļ* ’он (тогда) закончил было’ и др. (с. 46); (абсентива) *mon bõdtemë võļem* ’я (тогда) закончил, оказывается’, *ton bõdtemed võļem* ’ты (тогда) закончил, оказывается’, *so bõdtem võļem* ’он (тогда) закончил, оказывается’ и др. (с. 46).

Завершается «Очерк...» парадигмами спряжения вспомогательного глагола *luδnδ* ’быть’ в настоящем и прошедшем временах изъявительного наклонения, условном и повелительном наклонениях (с. 46–47) и кратким перечнем описок (с. 48).

Работа Т. Г. Аминоффа «Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка», несмотря на свою краткость, представляла собой достаточно полное описание синхронного состояния (с определенными диахроническими экскурсами) фонетических особенностей и морфологического строя удмуртского языка на материале двух весьма далеких друг от друга и посему взаимодополняющих диалектов. Не случайно эта работа Т. Г. Аминоффа получила высокую оценку специалистов сразу же после выхода в свет (ср., напр.: [Szilasi 1896]) и не утратила своего значения вплоть до наших дней. Что же касается данного обзора (с весьма субъективным акцентированием внимания на отдельных явлениях, отмеченных финским исследователем), то он ни в коем случае не является полным переводом труда финского ученого и, следовательно, ни в коем случае не освобождает исследователя удмуртского языка от необходимости познакомиться с трудом Т. Г. Аминоффа в оригинале.

4. Удмуртская филология благодарна финскому ученому Т. Г. Аминоффу не только за его материалы и исследования в области удмуртского фольклора и диалектологии, но и за то, что в те далекие годы он первым из зарубежных финно-угроведов проложил дорогу к удмуртам, по которой впоследствии прошли (и пройдут) другие венгерские, финские и иные специалисты. Даже тот факт, что свою первую “финно-угорскую” экспедицию Ю. Вихманн совершил именно к удмуртам, непосредственно связан с обработкой и подготовкой к изданию осиротевших записей Т. Г. Аминоффа.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Избранные заговоры (№№ [1], 4, 9, 11, [12]) из публикации Т. Г. Аминоффа [Aminoff 1886] публикуются в двух вариантах записи:

1) с целью ознакомления студентов и специалистов с особенностями транскрипционной системы Т. Г. Аминоффа на латинице – в оригинальной записи финского ученого;

2) для бóльшей же доступности удмуртским читателям – эквивалентно транслитерированы с авторской транскрипции в транскрипцию на кириллической основе, применяемую в современной удмуртской диалектологии; при этом оригинальные тексты на кириллическом шрифте подаются мною (вопреки Аминоффу – на латинице) в курсиве.

Явные ошибки в записи или описки издательского характера устранены (см. примечания в сносках). Написание простых/сложных слов приведено в соответствие с современными орфографическими правилами. Пропуски стандартных повторов-формул в публикации Аминоффа в транскрипции на кириллице восстановлены и заключены в квадратные скобки. Параллельный перевод текстов на русский язык, а также разбиение “прозаических” строк на стихотворные произведен автором данной книги.

Поскольку заговоры записаны финским ученым на территории распространения казанского (кукморского) говора, комментирование особенностей их языка и устранение ошибок (описок) проводится на основе современных материалов данного говора.

1. ([1]). Siń ŭśem kõl

1. S'őt tő puškõn, śőd ćorõg,
S'őd ćorõklõ ku ke siń ŭśoz,
Sokõ siń med ŭśoz.

2. Zareź võliś šukkiez ku ke baśtõsa, siń ŭśkõtemez luoz, sokõ siń med ŭśoz.

3. Sĭzĭmdon no sizim turlõ śŭresvož luoz, śures-vožõn turõm śaśka luoz, – śaśkajez ku ut'õsa siń ŭśkõtemez luoz, sokõ siń med ŭśoz.

4. Kõrõn kõr dźŭćõ vetlë, so dźŭćõlen gur ulaz ku ke zor vu põčaloz, sokõ sĭń med ŭśoz.

5. Sĭzimdon no sizim śor luoz, ńuleskõn soje ut'õsa ku ke siń ŭśkõtemez luoz, sokõ siń med ŭśoz.

6. S'őd vu puškõn, śőd ĭz luoz, soje baśtõsa ku ke siń ŭśkõtemez luoz, sokõ siń med ŭśoz.

7. S'őd gureźez ur kõrõsa ku põr potõsa vetlemez luoz, sokõ siń med űśoz.

8. S'őd kendžalilõ ku ke gon potemez ad'źemez luoz, sokõ siń med űśoz.

9. S'őd kõilen ku ke kõl d'õlaz ku ke gon potoz, sokõ siń med űśoz.

10. Kuš-mekanliś põrćõ, põrćõ ku ke lõddźõsa pottoz, sokõ siń med űśoz.

11. Võle koškiś lud d'(z)ad'(z)eklen põdezlõ ut'õsa, ku ke siń űkõtemez luoz, sokõ siń med űśoz.

[Aminoff 1886: 50–51]

1. ([1]). с'ин' ӱс'эм кол

1. с'ӧ°т тӧ° пушкън с'ӧ°д[27] *чоръг,*
с'ӧ°д чоръклъ кукэ с'ин[28] *ӱс'оз,*
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

2. зарэз' вълис' шукиэз
кукэ бас'тъса,
с'ин' ӱс'кътэмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

3. с'из'ъмдон но с'из'ъм турлъ
с'ӱрэс вож луоз,
с'урэс вожън туръм с'ас'ка луоз, –
с'ас'кайэз ку ут'ъса,
с'ин' ӱс'кътэмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

4. кърън кър ӟӱчъ вэтлэ,
со ӟӱчълэн гурулаз
кукэ зор ву пъӵалоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

[27] Здесь и далее глухость/звонкость согласных в публикациях Т. Г. Аминоффа в транслитерации сохраняется.

[28] Явная ошибка (отсутствие указания на палатальность *s', l'* перед *i*) печати (записи) в словах типа *s'in'* ’глаз’, *sĭzĭmdon* ’семьдесят’, *nõgõli* ’мяч’, и др. здесь и далее автором данного издания устранена.

5. с'из'ъмдон но с'из'ъм с'ор луоз,
н'улэскън сойэ ут'ъса
кукэ с'ин' ӱс'къ̈тэмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

6. с'ӧ°д ву пушкън с'ӧ°д из луоз,
сойэ бас'тъса
кукэ с'ин' ӱс'къ̈тэмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

7. с'ӧ°д гурэз'эз ур къ̈ръса,
ку пър потыса вэтлэмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

8. с'ӧ°д кэнӝал'илъ
кукэ гон потэмэз
аӟ̈ӟ̈эмэз луоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

9. с'ӧ°д къ̈йлэн
кукэ къл вълаз
кукэ гон потоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

10. куш-мэканлис' пърчъ,
пърчъ кукэ лъӟ̈ӟ̈ъса поттоз,
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

11. вълэ кошкис' луд д$^{з'}$ад$^{з'}$ эклэн
пъдэзлъ ут'ъса,
кукэ с'ин' ӱс'къ̈тэмэз луоз
сокъ с'ин' мэд ӱс'оз.

3. [9.] Заговор от сглаза

1. В черном озере черная рыба,
Когда черную рыбу сглазит,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

2. Когда с моря,
Пену взяв,
Сумеет сглазить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

3. Семьдесят и семь различных
Перекрестков дорог,
На перекрестке – травяные цветы (будут), –
Когда глянув на цветы,
Сумеет сглазить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

4. На воле вольная лиса бродит,
Когда [шерстка] под побородком
Пропитается дождевой водой,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

5. Семьдесят и семь куниц (будет),
Когда глянув на них в лесу,
Сумеет сглазить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

6. В черной воде черный камень (будет),
Достав его,
Когда сумеет сглазить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

7. Прорыв проход сквозь черную гору,
Когда сумеет [по нему] ходить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

8. Когда сумеет увидеть
Черную ящерицу,
Заросшую шерстью,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

9. Черной змеи
Верх языка
Когда зарастет шерстью,

Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].
10. У трутового гриба дырки,
Дырки когда сосчитает,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

11. Летящего вверх дикого гуся
Ноги увидев,
коли сумеет сглазить,
Тогда пусть [сможет] сглазить [этого человека].

2. (4.) P o ś k õ k õ l

Pužei śur võle ku ke pośkõ potoz, sokõ med potoz.
Skal śur – val gõžõ – kaza śur.

[Aminoff 1886: 52]

2. (4.) пос'къ къл

пужэй с'ур вълэ
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз.

скал с'ур [*вълэ*
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз.]

вал гъжъ [*вълэ*
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз.]

каза с'ур [*вълэ*
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз.]

2. (4.) Заговор против фурункула

На олений рог
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит [на этого человека].

На коровий рог
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит [на этого человека].

На лошадиное копыто
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит [на этого человека].

На козий рог
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит [на этого человека].

3. (9.) Murt sőrem kõl

Kős kõzes mõd-puñen puktõsa, kuar ku-ke potoz, sokõ med sĭ'oz, med vedńaloz.

Sĭzĭmdon sizim turlõ põčalez kĭsal' karõsa, pőśtõsa ku-ke siõnõ vormoz(õ), sokõ j. n. e.

Sizĭmdon sĭzim turlõ palaš luoz, štõk luoz, soje kĭsal' karsa, ku-ke sĭjõnõ vormoz, sokõ j. n. e.

S'őd zareźoñ vu-oš, soje pottõsa põd-põdeskiś derĭze ku-ke ńulõsa bõttoz, sokõ j. n. e.

S'őd zareźõn vu-už luoz, so užez eñerasa, võlaz pukśõsa, kutõsa ku-ke vetlemez luoz, ku-ke podes(k)iśkõz derĭze ńulõsa bõttoz, sokõ med j. n. e.

Zareźõn śőd iĭz-nõgõlĭ luoz, soje pottõsa, kuškõsa ku-ke siõnõ vormoz, sokõ j. n. e.

Zareź põdesõn aźveś nõgõli luoz, soje šettõsa, pottõsa ku-ke siõnõ vormoz, sokõ j. n. e.

Zareź põdesõn altõn-nõgõli luoz, soje kuškõsa, pottõsa ku-ke sĭjonõ vormoz, sokõ j. n. e.

Zareź põdesõn ĭndźõ-nõgõli luoz, soje kuškõsa j. n. e.

Zareź põdesõn ćujõn nõgõli luoz, soje kuškõsa j. n. e.

Zareź põdesõn kort nõgõlĭ luoz, soje kuškõsa j. n. e.

[Aminoff 1886: 53–54]

3. (9.) мурт сӧ°рэм кыл

кӧ°с кызэс мыд-пуŋэн пуктыса,
кӧвар кукэ потоз,
сокъ мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз.

с'из'ымдон с'из'ым турлъ пыӵалэз
кисал' каръса, пӧс'тыса
кукэ с'иынъ вормоз(ъ),
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

с'из'ымдон с'из'ым турлъ
палаш луоз, штык луоз,
сойэ кисал' карса,
кукэ с'ийынъ вормоз,
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

с'ӧ°д зарэз'ын ву-ош,
сойэ поттыса,
пыд-пыдэскис' дэризэ
кукэ н'улыса быттоз
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

с'ӧ°д зарэз'ын ву-уж луоз,
со ужэз эŋэраса,
вылаз пукс'ыса, кутыса
кукэ вэтлэмэз луоз,
кукэ пыдэс(к)ис'кыз дэризэ
н'улыса быттоз,
сокъ мэд [*с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

зарэз'ын с'ӧ°д из нъгыл'и луоз,
сойэ поттыса, кушкыса
кукэ с'иынъ вормоз,
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

зарэз' пыдэсын аз'вэс' нъгыл'и луоз,
сойэ шэттыса, поттыса
кукэ с'иынъ вормоз,
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

зарэз' пъдэсън алтън нъгъл'и луоз,
сойэ кушкъса, поттъса
кукэ с'ийънъ вормоз,
сокъ [*мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз*].

зарэз' пъдэсън инӟъ нъгъл'и луоз,
сойэ кушкъса[*, поттъса*
кукэ с'ийънъ вормоз,
сокъ мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз].

зарэз' пъдэсън чуйън нъгъл'и луоз,
сойэ кушкъса[*, поттъса*
кукэ с'ийънъ вормоз,
сокъ мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз].

зарэз' пъдэсън корт нъгъл'и луоз,
сойэ кушкъса[*, поттъса*
кукэ с'ийънъ вормоз,
сокъ мэд с'иоз, мэд вэдн'алоз].

3. [9.] Заговор от чужой порчи

Посадив высохшую ель обратным концом,
Когда [на ней] появятся листья,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

Семьдесят семь видов ружей
Превратив в кисель, сварив,
Когда сможет поесть,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

Семьдесят семь видов
Шашек будет, штыков будет,
Превратив их в кисель,
Когда сможет поесть,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

В черном море водяной бык,
Вытащив его,
Грязь с подошвы его ног

Когда полностью вылижет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

В черном море водяной жеребец (будет),
Оседлав того жеребца,
Схватив, садясь на него,
Когда сумеет ездить,
Когда грязь со дна
Полностью вылижет
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

В море черный каменный мяч (будет),
Достав его, отыскав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

На дне моря серебряный мяч (будет),
Отыскав его, достав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

На дне моря золотой мяч (будет),
Отыскав его, достав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

На дне моря жемчужный мяч (будет),
Отыскав его, достав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

На дне моря чугунный мяч (будет),
Отыскав его, достав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

На дне моря железный мяч (будет),
Отыскав его, достав,
Когда съесть сумеет,
Тогда пусть съест, околдует [этого человека].

4.(11.) V o ž e k t e m k õ l

Vož bod'pu polõn vož džők, vož džők võlõn vož tűśtõ, vož tűśtõ polõn vož puńõ, vož puńõ polõn vož šõd, so šõdes sijõsa med koškoz.

[Aminoff 1886: 55]

4. (11.) вожэктэм[29] кол

вож бад'пу[30] *полън вож ӝсӧ°к*[31]*,*
вож ӝсӧ°к вълън вож тӱс'тъ,
вож тӱс'тъ полън вож пун'ъ[32]*,*
вож пун'ъ полън вож шъд –
со шъдэс с'ийъса мэд кошкоз.

4. (11.) Заговор против желтухи ('зеленухи')

В зеленом ивняке ('иве') зеленый стол,
На зеленом столе зеленая миска,
В зеленой миске зеленая ложка,
В зеленой ложке зеленый суп –
Поев того супу, пусть уйдет.

[29] В речи пожилых кукморских удмуртов желтуха (болезнь Боткина) называется *чужэктон* или *чужэктон-вожэктон*, и время ее распространения ассоциируется с наступлением весны и появлением первой зелени. Это старинное поверие и нашло, по-видимому, отражение в данном заговоре.

[30] В оригинале ошибочное написание: *bod'pu*; это слово ни в одном из диалектов еще не зафиксировано мною с корневым гласным *о*.

[31] Анлаутные велярные аффрикаты *ӝс-* и *ӵ-* в позиции перед -Г*ж*(-) и -Г*ш*(-), как правило, заместились в кукморском говоре палатальными аффрикатами *ӟ-*, *ч-* или палатальными смычными *д'-*, *т'-*: *ӟужът*, *д'ужьт* (удм. лит. *ӝсужыт*) 'высокий', *чуж*, *т'уж* (удм. лит. *ӵуж*) 'желтый'; в остальных случаях (т. е. не перед указанными сочетаниями) они перешли в шипящие *ж-* и *ш-*: *жӧ°к* (удм. лит. *ӝсӧк*) 'стол', *шъη* (удм. лит. *ӵын*) 'дым'. Возможно, в конце XIX в. велярные аффрикаты в анлауте еще сохранялись в речи жителей отдельных населенных пунктов.

[32] В современном кукморском говоре слово имеет два вокалических варианта: *пун'ъ* и *пӱн'ъ* 'ложка'.

5. [12.] D' õ r b e r õ k t o n

Busõje kĭźem d'źek-uźõm kiźõ ćeber aćkë, oźõ ćeber med aćkom. Mon taliś d'õrze berõktiśko.

Kuaź saktõtoś midad tőz, šundõ pukśõtoś midaz ćida, pal sińtiz ur med vijaloz, pal sĭńtiz vir med vijaloz, monë adźemez potõsa, čužektõsa med uloz.

Voź võlõn ćalma-ćaća kiźõ ćeber aśkë, oźõ ćeber med aśkom. Lõmšõr vutoś midaz töz. Mon taliś d'õrze berõktiśko.

Voź võlõn turlõ ćaća kiźõ ćeber aśkë, oźõ ćeber med aśkom. Mon ponna čužektõsa kuaś mõsa űjez iźõtek kuaśmõsa med uloz. Mon taliś d'õrze berõktiśko.

Turõm polõn uzõ-borõ kiźõ ćeber aśke, oźõ ćeber med aśkom. Mon bordĭś midaz beźõ. Mon taliś d'õrze beryktiśko.

N'uleskõn kiźõ kismam emeź ćeber aśkë, oźõ ćeber med aśkom. Mon d'õrze j. n. e.

Põnõ l'öm kiźõ ćeber j. n. e.

S'ala-sijon kiźõ ćeber j. n. e.

Busijõn ar turlõ uźõm kiźõ j. n. e.

S'öd l'öm kiźõ ćeber j. n. e.

S'öd suter kiźõ ćeber j. n. e.

Zareź võlti ku orćono, zareź šukĭjez ku baśtõsa sijono, midaz beź. Mon taliś j. n. e.

Zareź võlõn śőd kõjen, śőd baka, sojë ku pőśtõsa sijono; medaz beź.

[Aminoff 1886: 55]

5. (12.) д'ър бэръктон

бусъйэ[33] *киз'эм ӟэк уз'ъм*

[33] В большинстве южноудмуртских диалектов (в том числе и в кукморском говоре) конечный гласный *-ы* (*-ъ*) именной основы перед суффиксальным *й* замещается гласным *и*: кукм. *шукъ* ’пена’ ~ *шукийо* ’пенистый’, *чъртъ* ’шея’ ~ *чъртийэ* ’моя шея’ и др. Это явление отмечено и самим Т. Г. Аминоффом: *busy* ’поле’ ~ илл. *busijë* ’в поле’, инстр. *busijen* ’(с) полем’ [Aminoff 1896: 14]. Исходя из вышесказанного, форму *Busõje* (*бусъйэ*), как написано в тексте присушки, можно считать ошибочной (см. *Busijõn*, строка 37), хотя не исключена возможность, что архаичный язык заговора сохранил более раннюю форму.

киз′ъ[34] *чэбэр ачкэ*[35],
оз′ъ чэбэр мэд ачком.
мон талис′ д′ързэ бэръктис′ко.

кўаз′ сактътос′ мидад[36] *тӧ°з,*
шундь пукс′ътос′ мидаз чида –
пал с′ин′тиз ур мэд вийалоз,
пал с′ин′тиз вир мэд вийалоз,
монэ аӟӟэмэз потъса,
ӧужэктъса[27] *мэд улоз.*

воз′ вълън чалмачача
киз′ъ чэбэр ас′кэ,
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком –
лъмшър вутос′ мидаз тӧ°з.
мон талис′ д′ързэ бэръктис′ко.

воз′ вълън турлъ чача
киз′ъ чэбэр ас′кэ,
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон понна ӧужэктъса[27]*-кўас′мъса,*
ӱйэз из′ътэк кўас′мъса мэд улоз.
мон талис′ д′ързэ бэръктис′ко.

туръм полън узъ-боръ
киз′ъ чэбэр ас′кэ,
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком –

[34] Зафиксированная здесь и далее (напр. строки 12, 17, 23 и др.) форма *киз′ъ* ’как’ в кукморском говоре (по крайней мере, в тех населенных пунктах на территории распространения кукморского говора, в которых работал Аминофф) в настоящее время не употребляется (общераспространенной является форма *къз′ъ*).

[35] В данном случае для кукморского говора более характерно сочетание *-с′к-*: *ас′кэ* ’виднеется, кажется’ (см. строки 12, 17, 23, 28 и т. д.). Об этом писал и сам Т. Г. Аминофф [Aminoff 189б: 18].

[36] По смыслу более подходящим является форма 3 лица *мидаз тӧ°з* ’пусть не выдержит’ (см. аналогичное сочетание в строке 6), что и отражено в переводе.

мон бордис′ мидаз бэзъ[37].
мон талис′ д′ързэ бэръктис′ко[38].

н′улэскън киз′ъ
кис′мам эмэз′ чэбэр ас′кэ,
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ [*бэръктис′ко*].

пънъл′ӧ°м киз′ъ чэбэр [*ас′кэ,*
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ бэръктис′ко].

с′алас′ийон киз′ъ чэбэр [*ас′кэ,*
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ бэръктис′ко].

бусийън ар-турлъ уз′ъм
киз′ъ [*чэбэр ас′кэ,*
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ бэръктис′ко].

с′ӧ°д л′ӧ°м киз′ъ чэбэр [*ас′кэ,*
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ бэръктис′ко].

с′ӧ°д сутэр киз′ъ чэбэр [*ас′кэ,*
оз′ъ чэбэр мэд ас′ком.
мон д′ързэ бэръктис′ко].

зарэз′ вълти ку орчоно,
зарэз′ шукийэз ку бастъса с′ийоно –
мидаз бэз.

[37] Глагол *бэзънъ* ’отвернуться, разочароваться, отвыкнуть’ употребляется в удмуртских диалектах с велярным *з*, поэтому ошибочное написание *з′* в указанных словах устранено.

[38] У Аминоффа: *beryktiśko*. Явно ошибочно употребление якшурского *ы* вместо казанского (кукм.) ъ.

50 мон талис' [д'ързэ бэръктис'ко][39].

зарэз' вълън с'ӧ°д къйэн с'ӧ°д бака,
сойэ ку пӧ°с'тъса с'ийоно –
мэдаз бэз.

5.[12.] Присушка

Посеянная в поле ржаная озимь
Какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я привораживаю этого [человека].

До рассвета пусть не выдержит,
До заката пусть не вытерпит –
Из одного глаза пусть гной польется,
Из другого (’одного’) глаза пусть кровь потечет,
От желания свидеться со мной
Пусть пожелтеет.

Цветок италмас на лугу
Каким красивым кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
До наступления полудня пусть не выдержит.
Я привораживаю этого [человека].

Всевозможные цветы (’цветок’) на лугу
Какими красивыми кажутся,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Ради меня пусть пожелтеет-присохнет,
Пусть иссохнет, ночей не спит.
Я привораживаю этого [человека].

Ягоды в траве
Какими красивыми кажутся,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Пусть от меня не отвернется.

[39] Смысл двух последних строф не совсем ясен. Перевод условный (буквальный).

Я привораживаю этого [человека].

Спелая малина в лесу
Какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Жимолость какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Ягоды бересклета какими красивыми кажутся,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Всякая озимь в поле
Какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Черная черемуха какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Черная смородина какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я его привораживаю.

Когда по морю пройти,
Когда, собрав морской пены, наесться –
Пусть [от меня] не отвернется.
Я привораживаю этого [человека].

На море – черная змея с черной лягушкой,
Когда, отварив, их съесть –
Пусть [от меня] не отвернется.

Ф О Т О

2.2. Г. Е. ВЕРЕЩАГИН
(1851–1930)

“В истории удмуртской культуры, в национальной науке и литературе выдающейся – вплоть до наших дней едва ли оцененной по достоинству, значимости, даже чуть ли не забытой – фигурой является Григорий Егорович Верещагин⟨...⟩” [Domokos 1975: 216].

“Верещагин – личность удивительная: учитель, священник, литератор и, наконец, многогранный исследователь народной жизни. Последняя ипостась, быть может, самая главная; неслучайно он сам отмечал, что пятьдесят лет своей жизни он отдал науке” [Владыкин и др. 2004: 19].

“⟨...⟩Г. Е. Верещагин, теоретически полагая необходимым принять в качестве диалектной основы общеудмуртского книжно-письменного (удмуртского литературного) языка северное наречие удмуртского языка («глазовский диалект»), считал возможным и необходимым употребление форм самых различных удмуртских диалектов; более того, в своей практической деятельности показал пути и способы сотворения текста с использованием разнодиалектного материала” [Кельмаков 2004в: 31].

Вотяки Сосновскаго края (1886. – 218 + 3 с.).

Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи (1889. – 198 с).

О книгахъ на вотскомъ языкѣ (1895. – 21 с.).

Руководство к изучению вотского языка (1924. – 120 с.).

Собрание сочинений. Т. 4: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки (2001. – 222 с.).

Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию (2002. – 291 с.).

Собрание сочинений. Т. 5: Литературные сочинения (2004. – 416 с.).

Собрание сочинений: Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь (2006. – 288 с.).

2.2.1. Нырысетӥ удмурт тодосчи*

Туэ 225 ар тырме удмурт кыллэн нырысетӥ грамматикаез – «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» книга – потэм дырысен, нош вуоно арын удмурт калык пусъёз нырысетӥ тодосчиезлэн Григорий Егорович Верещагинлэн вордскемез дырысен 150 ар тырмемзэ. Та кык дано но дуно учыросъёсыз (событиосыз) ог 75 ар висъя ке но, соос куспын туж юн пушгерзет вань: Г. Е. Верещагин быдэс улонэз ӧоже удмурт калыклэсь ым-пель (устной) лулчеберетсэ эскериз но, сое XVIII даурын кылдэм гожъяськетэн валчеяса, ас калыкезлэсь культуразэ вылӥ европейской ӧошталаозь (уровенёзь) жутыны тыршиз.

Г. Е. Верещагин, нырысетйез удмурт тодосчи, педагог-югдытйсь, этнограф, фольклорист, кылбурчи но гожъясь, кӧня ке ужаз удмурт кылтодон удысысь но куд-ог ужпумъёсыз эскерон бордын. Мыным тодмо солэн печатласа поттэм кык ужез: «**О книгахъ на вотскомъ языкѣ**» (поттэмын Вяткаын 1895-тӥ арын) [Верещагинъ 1895] но «**Руководство к изучению вотского языка**» [Верещагин 1924]. Со сяна, Удмурт научно-исследовательской институтлэн кигожтэм фондаз возисько солэн киын гожтэм удмурт-ӟуч но ӟуч-удмурт кыллюкамъёсыз но «**Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч**[40] **кылын**» нимо книгаез [Удм. грамм.]. Таизлэн грамматикаезлэн гожтэм арез пусъемын ӧвӧл.

Г. Е. Верещагин та ужъёсаз удмурт тодосчиос пӧлын нырысьсэ кылем даурлэн пумаз ик ини вераськон жутӥз быдэс уд-

---

* Нырысьсэ печатламын таӵе изданиын: Вордскем кыл. – 2000. – 6-тӥ №. – 67–81-тӥ б. (соин ик куд-ог датаос но лыдпусъёс котькуд учыре туннэ нуналлы уг тупало). Книгае пыртэмын кӧня ке тупатъям но йылтэм вариантэз.

[40] Татын но азьланяз кылъёсыз гожтон авторлэн (Г. Е. Верещагинлэн) кадь ик кельтэмын; тиреез (–) но вакчи гожез (-) уже кутон гинэ туала виэсэпъёсъя (нормаосъя) радъямын.

мурт калыклы валамон книга печатлан кыл кылдытон сярысь. Тачё малпанэ вуиз со, XIX даурын удмурт кылэ берыктыса поттэм книгаосыз эскерыса. Со гожтэ, берыктэм книгаос, пе, удмурт калыклэсь гожтэт тодонлыксэ но огъя культуразэ ӝутон удысын трос ик пайда уг сёто, малы ке шуоно берыктосъёс (переводъёс) удмурт кыллэсь кылрадъян стройзэ тӥяса но кыӵе ке интыысь удмуртъёслэн вераськемзылы тупатыса гинэ лэсьтэмын. Соин ик соос мукет интыын улӥсь удмуртъёслы быдэсак ик валамон уг луо [Верещагинъ 1895: 2]. Вань удмурт калыклы валамон луись гожъяськон кыл лэсьтонлэсь кулэлыксэ удмурт тодосчи тужгес ик юн пусйиз кигожтэм грамматикаезлэн азькылаз: “Та грамматика гожтэмын кык кылын: Удморт-сямен, дзюч-сямен. Татын верамын со-сярысь, кызӟы вордске кыл, кызӟы, кылбурез валаны-понна, кулэ шонер вераськыны, гожъяськыны. Кин лыдзӟыкыз кӧче кылэз уз вала, соэ медаз вунэты; ма луоз со – дзюч-сямэн кулэ тодыны. Удмуртлэн кылыз ичи; татын верасько тазӟы, отын – озӟы. Мед луоз од’иг кыл. Азьло дзючлэн-но сыче-ик вылэм. Грамматика потэм-но, луэм од’иг кыл. Мед луоз Удмортлэн-но од’иг кылыз” [Удм. грамм.: 1][41].

Та уретын тунсыко луо удмурт тодосчилэн тачё малпанъёсыз:

[41] Та грамматикалэн удмурт но ӟуч вариантъёсыз кылысь кылэ уг тупало, соин ик вылйын сётэм цитаталэн ӟуч кылын вариантэныз но лыдзӟисез тодматыны кулэен лыдъясько: “Настоящая грамматика написана на двух языках – Вотском и русском. Здесь помещены этимологическия и синтаксическия сведения. Кто – читая грамматику, какое нибудь слово не поймет, пусть не забывает его. Язык вотяков словами скуден; здесь говорят так, а там иначе. Пусть будет один язык. Прежде и у русских в языке был безпорядок. Грамматика появилась, и стал один язык. Таким надо быть и вотскому языку. Пусть говорят одним языком” [Удм. грамм.: 1].

Цитаталэсь ӟуч кылын вариантсэ лыдзӟем бере но пумозяз ик валамон уг на луы, кыӵе пуштросэн кутэмын удмурт текстын *кылбур* кыл. Сое валамонгес каре та ик кигожтэтысь тачё шуос: ***Кылбурез*** *валаны-понна, кулэ вераськыны-но, гожтыны-но шонер*. ’Чтобы **речь** была понятна, надо говорить и писать правильно’ [Удм. грамм.: 2]. Озьыен, *кылбур* – со ’стихотворение’ ӧвӧл, кызьы али валаны дышемын, нош ’речь’.

1) пӧртэм интыосын улӥсь удмуртъёс турлы сямен верасьскемен сэрен, одйг-ог интыосысь удмуртъёс понна поттэм книгаосысь вань кылъёсты мукет интыосысь удмуртъёс уг но валало;

2) удмуртъёслэн но луыны кулэ ваньзылы валамон луись, вань удмуртъёсыз огазеясь одйг гожъяськон но книга поттон кылзы;

3) сыӵе огъя гожъяськон кыл кылдытыны понна, удмурт кыллэсь тодослыко кылрадъянзэ гожтоно.

Ӟуч яке вашкала славян кылъёсысь удмуртэ берыктосъёсысь (переводъёсысь) Г. Е. Верещагин пусъе таӵе тырмымтэоссэс [Верещагинъ 1895: 2–3]:

1) соос ӵемысь берыктэмын пӧртэм диалектъёсы (“кыӵе ке тодмо инты понна”) но, ӟуч оригинал кузя мыныса, букваысь буквае, удмурт кыллэсь кылрадъян катъёссэ тӥяса;

2) соин ик берыктэм книгаослэн кылзы секыт, соосты валаны шуг со интыын но, кытын улӥсь удмуртъёс понна соос берыктэмын;

3) пыртэмын мултэс луись букваос[42], кылсярысь, Б. Гавриловлэн «Произведенія народной словесности...» книгаяз [Гавриловъ 1880]: **ӧ** но **ӱ** [43].

[42] “И въ фонетическомъ отношеніи переводы едва-ли удачны, такъ какъ введены знаки лишніе и неудобопроизносимые...” [Верещагинъ 1895: 2].

[43] Та учыре Г. Верещагинлэсь Б. Гавриловез “мултэс” букваос кутэмез понна пыкылэмзэ быдэсак шонерен лыдъяны нокызьы но уг луы, тужгес но **ӱ** пумысен: огласянь, «Произведенія народной словесности...» – берыктос ӧвӧл, диалектэн гожтэм фольклор материалъёсын книга; нош мукет ласянь, Б. Гавриловлэн кузон диалектысь аспӧртэмлыко *ӱ* гласной фонемаез пусъён понна пыртэм **ӱ** букваез трослы шонергес луэ, аслаз Г. Верещагинлэн ӵектэм **jу** (~ *йу*) = **ю** букваез сярысь, малы ке шуоно *ӱ* фонемаын, кызьы Г. Верещагин янгышен гожтэ (“*ӱ* стоитъ въ одномъ же отношеніи къ звукамъ: русскому *ю*, французскому *ие*, немецкому *ju*. Да и зачемъ было вводить этотъ знакъ (ӱ), когда у-, въ соединеніи съ j-, составляетъ такъ называемую іотированную гласную...” [Верещагинъ 1895: 3]), *й-* элементэз ӧвӧл, мукет сямен вераса, **ӱ** буква Б. Гавриловлэн книгаяз йотированной гласноез уг возьматы.

Ваньмызлы валамон луись одйг кыл кылдытонэз кутскыны ӵектэ со удмурт графикалы реформа лэсьтон бордысен, озьы бере, кызьы ужпумез вала Г. Верещагин, удмурт графикаез выльдыны кулэ, нош со понна таӵе ужрадъёс кутоно [Верещагинъ 1895: 2–10][44]:

1) йотированной гласнойёсыз возьматон понна пыртоно ja, ji, jo, jö, jы сочетаниос, соку, пе, “туж трос удмурт кылъёсыз шонер вераны дышыны луысал”, кылсярысь: *сjор* ’куница’ (Верещагинлэн янгышен ’кузница’ гожтэмын. – *В. К.*), *сjала* ’рябчик’, *jöл* ’молоко’, *jыр* ’голова’ но мукет (та кылъёсыз тазьы верано: *сёръ*, *сяла*, *йöлъ*, *йыръ*);

2) азьпалаз сылӥсь согласнойлэсь чурыт луэмзэ возьматӥсь чурыт пус (**ъ**) интые пыртоно (**’**) пус: *сін* ’глаз’ – *сін’jос* ’глаза’, *тур* ’тетерев’ – *тур’jос* ’тетерева’, *сі* ’ешь’ – *с’і* ’почтеніе, почитаніе’ (та кылъёс тазьы верасько: *синъ*, *синъёсъ*, *туръ*, *туръёсъ*, *си*, *съи*[45]);

3) **и** но **і** букваос интые вань учыръёсы кутоно **і**-ез, малы ке шуоно, куараоссы соослэн одйг кадь;

4) **й** но **ь** букваосыз воштоно одйг **j** букваен, кудйз согласной бӧрсьын сылыкуз возьматоз азьпаласьтыз согласнойлэсь небыт луэмзэ, нош гласной бӧрсьын дыръяз – *й* фонемаез[46]: *пенj* ’зола’,

---

[44] Вераны кулэ: соос ваньмыз сямен асэстэмын Н. Роговлэн комипермяк кылъя грамматикаысьтыз [Роговъ 1860].

[45] Ӵапак таӵе амалэн – **и** азьпала **ъ** пуктыса – ӵектӥз вал *д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т* куараослэсь *и* фонемаез возьматӥсь **и** но **і** букваос азьпалан чурыт луэмзэс пусйыны Вл. Ислентьев: *съис* ’ситечко’, *тъи* ’вы’ но мукет (пырпочгес учкы: [Кельмаков 1999: 23]).

[46] Таиз но положение меӵак басьтэмын Н. Роговлэсь: “J послѣ согласныхъ заменяетъ русское ь, а после гласныхъ й, напр.: *канj* ’кошка’, *панj* ’ложка’, *туj* ’дорога’, *вај* ’дай’, *јај* ’мясо’ и т. п.” Эшшо: “... ь и j изображаются общей для нѣсколькихъ звуковъ буквой j; напр.: *вонj* ’поясок’, *кај* ’птичка’, произносятся *вонь*, *кай*” [Роговъ 1860: 3, 4]. Кызьы ке Н. Роговлэн книгаяз, озьы ик Г. Верещагинлэн ужаз но ӧвӧл пусъемын *j*-лэн кыл кутсконын гласнойлэн азьпалаз кутӥськемез. Таин валче тодэ вайыны кулэ на, дыр, тани мае: удмурт графикалэн историяз **j** буква, Б. Гавриловлэн ӵектэмезъя, кутыны кутскемын ни вал чылкак мукет – ие-

пунјы ’ложка’, *јусј* ’лебедь’, *витј* ’пять’, *сјуј* ’глина’, *туј* ’береста’ (та кылъёс верасько: *пень*, *пуньы*, *юсь*, *вить*, *сюй*, *туй*);

5) *ӝ* но *ӟ* фонемаосыз возьматйсь **дж** но **дз** букватэчетъёс интые, Н. Роговлэн грамматикаяз кутэм **дж** но **дӟ** букваосыз пыртоно: *джуј* ’мохъ’, *джӧк* ’столъ’, *дјолјгырі* ’воробей’, *дус* ’лавка’ но мукет (та кылъёс верасько: *джуй*, *джӧкъ*, *дзёльгыри*, *дзюсъ*);

6) **ӵ** букваен артэ пыртоно на, пе, нимысьтыз **ч** букваез, кудйз возьматэ *т* но *ч* куараослэсь сылйсь кужмоятэм (?) *ч*-ез, кылсярысь, та выллем кылъёсын: *тачэ* ’этакій’, *сычэ* ’такой’, *кӧчэ* ’какой’[47];

роглифической – функциен (гожъяськон удысын кык удмурт диалектъёслэсь яркыт фонетической пӧртэмлыксэс “ӵошкатон” понна): “Буква **J** у Казанскихъ вотяковъ произносится какъ *дь*, у Вятскихъ вотяковъ она произносится какъ *ї*”, яке эшшо: “**J** в началѣ слова у Казанскихъ Вотяковъ и въ срединѣ слова повсемѣстно произносится какъ *дь*; у Вятскихъ Вотяковъ въ началѣ слова произносится какъ *й*” [Гавриловъ 1880: 4, 187] Та выллем гожъян шонертэт возиськиз на эшшо ХХ даурлэн кутсконаз но: “**J**. Та букваез Вятскій удмортъёс **й** кадик чырдо: *йыр*, *йулташ*. Казанскій удмортъёс **дь** кадик чырдо: *дьыр*, *дьултош*. Со гожтыськe кыллэн азяз гынэ” [Михеевъ 1907: 67].

[47] Таяз учыре, Н. Роговлэн **ч** букваезлэсь пуштроссэ пумозяз валаны тыршытэк, сое механически гинэ асэстыса, Г. Верещагин юмоке шеде. Куке Н. Рогов гожтэ: “Ч есть усиленное ч, состоящее из т и ч, выговариваемых вместе; напр.: *кыче* ‘куда‘, *тачe* ‘сюда‘” [Роговъ 1860: 3], – со шонер, малы ке шуоно та кылъёсын **ч** буква зэмзэ ик возьматэ кык (*т* + *ч*) куараез; туала коми-пермяк кылын та кылъёс озьы ик кык букваен гожтйсько: *кытчӧ* (= удм. лит. *кытчы*), *татчӧ* (= удм. лит. *татчы*). Нош Г. Верещагин кутэ со ик **ч** букваез, солэсь пуштроссэ Н. Роговлэн сётэм коми-пермяк кылъёсызлы матын гожтйськись удмурт кылъёсын валэктыса (“Ч есть усиленный звукъ ч, онъ состоитъ из *т* и *ч* и выговаривается вместе...” [Верещагинъ 1895: 5]), чылкак мукет учыр понна – *ӵ* куараез возьматон вылысь: *тачэ* (= удм. лит. *тачe*), *сычэ* (= удм. лит. *сыче*), *кӧчэ* (= удм. лит. *кыче*). Соинтэк-а ачиз ик Г. Верещагин бератаз пусъёно луиз: “Впрочемъ, знакъ этотъ не особенно и нуженъ, такъ какъ различіе между изображаемымъ имъ звукомъ и звукомъ *ш* (= *ӵ*. – *В. К.*) не очень большое. Онъ необходимъ только для лингвистическихъ статей” [Верещагинъ 1895: 6]. Озьы ке но, пумозяз валантэм луыса кыле, маин пӧртэм луэ *тачэ* (= *тачe*) кылысь *ч* куара *кочшыш* (= *коӵыш*) ’кошка’ кы-

7) *ӵ* фонемаез пусйыны понна уже кутоно Н. Роговлэсь ӵектэм **чш** буквазэ: *чшын* ’дымъ’, *кочшыш* ’кошка’, *чшана* ’галка’, *чшуж*’-*ем* ’солод’;

8) Алабго уездын пумиськись “*н*-лэсь но *г*-лэсь сылйсь ныр-пыръем куараез” возьматйсь **нг** букваез гожъяськонэ пыртыны кулэ ӧвӧл, малы ке шуоно, огласянь, “чылкыт” *н* но *нг* куараос вискын пӧртэмлык бадӟым ӧвӧл, нош мукет ласянь, *нг* куара пумиськe бигеръёсын артэ улйсь удмуртъёслэн вераськоназы гинэ[48];

9) *а* азпалан кутйськись *к* + *ў* сочетаниез пусъён понна алфавитэ пыртоно латынь **q** букваез: *қала* ’шалашъ’, *қажсы* ’коростель’, *қалем* ’раковина’, *қара* ’голосъ’ (та кылъёс верасько: *кў́ала*, *кў́ажсы*, *кў́алемъ*, *кў́ара*)[49];

10) одйг куараез ик пӧртэм изданиосын турлы сямен гожтонэз палэнтоно. Кылсярысь, Г. Верещагинлэн чакламезъя, шор радысь шор ӝутскемо *ӧ* куараез кылем даурлэн пумаз пӧртэм авторъёс пусъё 3–4 пумо букваосын: М. Веске – **ы̆** (**ъы**) пусэн[50], миссионер-

---

лысь *чш*-лэсь но малы меда сое возьматйсь буква одно ик кулэ “лингвистической статьяос” понна.

[48] Г. Е. Верещагин меӵак уг ке но вера, валаны луэ: *η* фонемаез со вашкала удмурт куара шуыса уг лыдъя, со, пе, берлогес ини куд-ог удмурт вераськетъёсы бигер кылысь вуэм (“...этотъ звукъ усвоенъ только тѣми вотяками, которые живутъ около татаръ”...; эшшо: “онъ слышится только въ мѣстностяхъ, населенныхъ около татаръ”) [Верещагинъ 1895: 7].

[49] *кў-* сочетаниез нимысьтыз амалэн возьматон пумысен Г. Е. Верещагин гожтэ: “Не введенъ составителями и переводчиками вотскихъ книгъ въ свой алфавитъ... необходимый латинскій знакъ q...” [Верещагинъ 1895: 7]. Мон тазьы веранэз чылкак шонер луэ шуыны ӧйгес дйсьтысал, малы ке шуоно В. А. Ислентьев эшшо XIX даурлэн 80-тй аръёсаз, Г. Верещагинлэн та ужез потэмлэсь тросльі азьло, кылдытэм кигожтэм удмурт кыллюкамаз ӵектйз вал ини таӵе учыре уже кутыны ярамон **кӯ** сочетаниез: *кӯазь*, *кӯак*, *кӯака*, *кӯажи* но мукет (со сярысь учкы: [Кельмаков 1999: 23]). Г. Верещагин Вл. Ислентьевлэн та уженыз тодматскыны ӧз быгаты, луоз.

[50] Мон уг тодйськы, кытысь Г. Верещагин шедьтйз М. Вескелэсь удмурт *ӧ* фонемаез возьматон понна кутэм **ъы** буквазэ, нош **ы̆** букваез (шонергес вераса, **ы** вылын тильда [~] пусэз) зэмзэ ик пумитаны луэ Вескелэн ужысьтыз: “Такой звук *ы̆* встрѣчается также въ вотяцкомъ

ской общество – **ӧ** но Вл. Ислентьев – **ǒ** букваен. Кылсярысь: (Веске) *ы̆с* ~ (Мисс. об-во) *ӧс* ~ (Ислентьев) *ǒс* ’дверь’, (Веске) *нʼыкы* ~ (Мисс. об-во) *нӧкы* ~ (Ислентьев) *нǒкы* ’сливки, сметана’. Г. Е. Верещагин ваньмыз пӧлысь шонерен лыдъя **ӧ** куарапусэз, кудйз ке бӧрысь зэмзэ ик юнмаз туала удмурт графикаын.

Но куд-ог мукет.

Г. Е. Верещагинлэн вылйын возьматэм ӵектонъёсыз ас понназы тунсыкоесь, соос пӧлысь котькудйзлэн аслаз дунлыкез, но соосыз ваньзэсты ӧош, огломак, кулэезъя дунъян понна, лыдэ басьтыны кулэ тани мае: со ӵектонъёс ваньмыз сямен басьтэмын коми-пермяк кылъя нырысетй грамматикаысь – Н. Роговлэн «Опытъ грамматики пермяцкаго языка» [Роговъ 1860] книгаысьтыз. Кема дыр ӧоже кыстйськись гожъяськет сям-йылолтэм коми-пермяк кыл понна Роговен XIX даурлэн шор вакытаз лэсьтэм ӵектонъёс, оло, шонересьно луыны быгатысалзы (озьы ке но, отын но соос улонэ пыӵатэмын ӧй вал), нош XVIII даурысен вис карытэк гожъяськон но книга поттон традициё удмурт кыллэсь графиказэ но орфографизэ, кудъёсыз пумен но каллен – сюосын лыдъяськись пӧртэм пумо печатлам книгаос пыр – кылдйзы но XIX даурлэн пумызлы кужмоесь выжыос лэзизы, Г. Верещагинлэн ӵектэмъёсызъя гинэ чутрак воштыны но выльдыны луонлык ӧй ни вал. Меӵак верано ке, кулэез но ӧй вал.

Нош кин быдэсъяны кулэ вал, графикаез но орфографиез чутрак выльдыса, вань удмуртъёслы валамон гожъяськет кыл кылдытон понна чаклам ужрадъёсыз, куке тыро-пыдо удмурт писательёс но ӧй вал на, удмурт интеллигентъёс но чиньыен лыдъямон гинэ вал? Та пумысен тодосчилэн аслаз малпанъёсыз вылэм. Ӟуч кылын гожтэм книгаосыз удмуртэ берыктон но удмуртъёс понна дышетскон книгаос лэсьтон ужез сётоно огъя филологиез но удмурт кылэз тодйсь-валась муртъёслэсь люкам ни-

---

языкѣ, рядомъ съ звукомъ *ы*, какъ я самъ слышалъ въ Казани изъ устъ самихъ вотяковъ, напр. *льы̆м* ’черемуха’, *ньы̆р* ’вѣтвь’, *ньы̆л* ’стрѣла’, *нʼы̆кы* ’сливки’, *ы̆с* ’дверь’, *ы̆скэм* ’плеваніе (шонергес луысал: ’блевание’. – *В. К.*)’, *ы̆вы̆л* ’нѣтъ’, *пы̆лы* ’большой палецъ’, *пы̆ртэм* ’матерія’. (Въ словарѣ Видемана не вѣрно написано *l'öm*, *ńör*, *nöl*, *nöki*, *ös*, *öskon*, *övyl*, *övol* = *evyl*, *pöli*, *pörtem*)” [Веске 1889: 8].

мысьтыз комиссия кие. “Нош удмурт кылэ берыктон но та кылын книгаос кылдытъян понна сыӵе комиссия бырйыны уг ке луы, – азьланьтэ со, – каникул дыръя (июне, июле но августэ) Кузонэ ӧтьыны кулэ вылэм удмуртъёслэн пӧртэм улон интыысьтызы дышетйсьёсыз. Соослы косоно, нырысь ик, удмурт кыллэсь фонетиказэ эскерыны; нош собере, куке вань аспӧртэмлыко удмурт куараосыз гожтон понна пусъёс быръемын луозы но ваньмыз дышетйсьёс соос ласянь одйг малпанэ вуозы, тодйсьвалась муртлэн кивалтэмез улсын огъя кужымен берыктон борды кутсконо”. Берыктэм книгалэсь ӟечсэ-уродзэ но вань удмуртъёслы валамон луэмзэ тодон вылысь, сое печатласа поттэмлэсь азьло киын гожьяса ысъяно пӧртэм интыосысь удмуртъёс доры. Сыӵе амалэн дасяса печатлам берыктэм книгаосыз ӵектоно гурт школаосын уже кутыны, класслэсь йылтй лыдӟон книга карыса; со сяна, соосты кутыны быгатысалзы вӧсьчиос (священникъёс) но дышетйсьёс, асьсэос удмурт кыллы дышетскон понна [Верещагинъ 1895: 20–21].

Кызьы валаны луэ Г. Е. Верещагинлэн гожъямъёсызъя, удмурт кылэ берыктосъёслэн кылзы – мукет сямен вераса, огъя удмурт литературной кыл – яркыт тодметъёстэм но паськытгес вӧлмем диалект вылэ инъяськыса, валчеяны кулэ вань удмурт диалектъёслэсь узырлыксэс[51]; литературной кылэз кылдытон, радъян но волятон уже пыриськыны кулэ вань диалектъёсын вераськись удмуртъёслэн представительёссы. Г. Е. Верещагин меӵак уг пусйы, кыӵе диалект вылэ инъяськыны кулэ удмурт литературной

[51] Ватсаны кулэ, XX даурлэн 30-тй аръёсаз та выллемгес ик малпанъёссэ ялйз вал Д. В. Бубрих но: “В литературном удмуртском языке надо пользоваться богатством всех диалектов удмуртского языка. Это не исключает необходимости в вопросах оформления литературного удмуртского языка держать преимущественное равнение на какую-либо определенную группу диалектов”. Нош кыӵе диалект литературной кыллы инъет луыны кулэ, со пумысен Д. В. Бубрих гожтэ: “Само собою разумеется, что в качестве диалектной базы литературного языка надо брать говор, не представляющий никаких исключительных особенностей, не уклоняющийся резко от “средних” норм языка, больше способный мирить, чем ссорить” [Бубрих 1992: 6–7, 16].

кыл. Озьы ке но, солэн ужъёсызъя валаны луэ: литературной кыллы инъет луыны кулэ кадь уйпал улоскыл (наречие). Со сярысь валаны луэ таче фактъёсъя:

1) Г. Е. Верещагинлэн ивортэмезъя, “чылкыт удмурт кыл” возиськемын Глазов уездын гинэ[52], озьы бере, ӵапак татын вӧлмем чылкыт удмурт вераськет вылын ик инъяськыны кулэ, дыр, литературной кыл но;

2) удмурт тодосчи янгышен лыдъя Вл. Ислентьевлэн книгаяз кутйськись *но* союзэн герзаськем огвыллем членъёсын конструкциосыз: *пукись курег но душес*, *вал но чуньы*, *ыж но ыжпи* но мукет; соос интые кутоно, пе, вылэм “*пукысь куреген, душесэн*”, “*валэн, чуньыэн*”, “*ыжен, ыжпіэн*” выллем тэчетъёсыз [Верещагинъ 1895: 10–12]. Сыӵеос пумисько Г. Верещагинлэн грамматикаяз но: ***Коркаен***, ***кеносэн****-куспын кык сажем*. ***Гондырен, адямиэн*** *сярчы кизильлям*. [Верещагин 1924: 28, 114]). Ӵапак та выллем конструкциос характерной луо уйпал но шор вераськетъёслы. Мукет сямен вераса, та учыре норма карыса басьтоно уйпал удмурт конструкциосыз;

3) данак уйпал фонетической но грамматической формаосыз но нимаз кылъёсыз (мукет диалект кылъёсын но формаосын артэ) ӵем гинэ норма карыса кутэ Г. Е. Верещагин аслаз «Руководство»-яз но. Тани, кылсярысь, соос пӧлысь куд-ог тужгес но син шоры йӧтйсьёсыз.

Ф о н е т и к а у д ы с ы н: *-мы*, *-ды* суффиксэн пумъяськись глагол формаосын (Г. Верещагинлэн ивортэмезъя, “изъявительной наклонениись трос лыдын 1-тй но 2-тй лицоосын”) ударение усе та суффиксъёслэн азьпалысьтызы слоге: *Ми шудйськ**о**мы*. *Тӥ кырдӟаськ**о**ды*. [Верещагин 1924: 107][53].

[52] *η* куаралэсь Глазов уездын кутйськымтэзэ лыдэ басьтыса, Г. Верещагин азьланьтэ: “...чистый вотский языкъ сохранился только въ названномъ уѣздѣ” [Верещагинъ 1895: 7].

[53] Таче типъем ударение пусъемын вал ини нырысетй удмурт грамматикаын: *ти вераскóды* ’вы сказываете’, *ми верáмы* ’мы сказывали’, *ти верáды* ’вы сказывали’, *соïôсъ верáзы* ’они сказывали’, *ти вералóды* ’вы скажете’, *соïôсъ медъ вералóзы* ’они пусть скажутъ’, *ми верасáл-*

М о р ф о л о г и я у д ы с ы н:

1) “али дырысь” причастие пӧрме *-ысь*[54] итэтэн: *Быдэн одйг манет сётоно* ***кураськысьёслы***. ***Гырысьёс*** *тупато герыоссэс.* ***Шудысьёслэн*** *крезьёссы сӧриськиллям.* ***Висьысьёс*** *эм-юм юо час-пырат.* ***Мӧзмысь*** *пинал. Вуз* ***карысь*** *мынэ вуз карыны.* ***Нуысь*** *адями жаде. Вина* ***юысь*** *кема уг ул.* ***Гожтысь*** *гожтэ,* ***гырысь*** *гыре* [Верещагин 1924: 12, 31, 32, 47, 104, 114];

2) 1-тӥ но 2-тӥ лицоысь трос лыдын нимвоштосъёслэн адзон падежзы пӧрме *-дыс* итэтэн: *милемдыс*, *тӥледдыс* (*Мумытэмдылэсь басьтэ пӧраны* ***милемдыс***. ***Тӥледдыс*** *ачидэсты кулэ-на дышетыны* [Верещагин 1924: 32, 64]) – пумиськe *милемыз* форма но (*Тӧлпериез выль дӧдьыаз кыткиз-но,* ***милемыз*** *пуксьыны косйз* [Верещагин 1924: 44]);

3) со ик нимвоштосъёслэн сётон падежзы пӧрме *-лы* кылпумтэк (***Милем*** *кулэ сион*. ***Тӥлед*** *кулэ сион*. *Куректон* ***милем*** *лыктӥз. Кин дэрем* ***тӥлед*** *вуроз, Кыш‘ялоз, дйсьтэс миськоз?* [Верещагин 1924: 57, 118]);

4) кужмоятйсь муртъем нимвоштосъёслэн трос лыд формазы пӧрме тазьы: *ачимес*, *ачидэс*, *ачизэс* (***Ачимес*** *та ужез лэсьтомы*. ***Ачидэс****-сярысь уд малпаськe*. ***Ачидэс*** *бен тӥ кин’ёс?* ***Ачизэс****-валлин кванермизы.* ***Ачимес****-кадь лэсьто.* ***Ачидэс****-вамен вамышто.* ***Ачизэс****-но соос со сярысь уг тодо-на. Апады тӥляд ӧвӧл,* ***Ачидэс*** *тӥ пичиэсь* [Верещагин 1924: 49, 56, 58, 60, 61, 64, 118]) – соин валче сётэ на плеоназм амалэн кылдэм формаосыз но: *ачимеос*, *ачидэос*, *ачизэос* (***Ачимеос****-дорозь ветлоно*. ***Ачидэос****тэк ужды уз быр*. ***Ачизэос****тэк ужзы уз быр* [Верещагин 1924: 58, 59]);

5) I спряжениысь глаголъёслэн возвратной залогзы яке 1-тӥ но 2-тӥ лицоысь али дыр формазы пӧрмемын *(-т-/-д-)-ск-* суффиксэн: *Пожар луэ-но, уксёэз* ***сутске***. *Шорысен* ***кутскы***. *Нумыр* ***ватскиз*** *кыед-пучкы. Калык вапум орчем-бере озьы-ик* ***вошт-***

мывалъ ’мы бы сказывали’, *ти верасáлдывалъ* ’вы бы сказывали’ но о. а. [Соч. 1775: 47–49].

[54] Вл. Ислентьевлэн книгаысьтыз *пукись курег* сочетаниысь причастие пӧрмытйсь *-ись* суффикс сярысь со гожтэ: “Здѣсь неправильное употребленіе флексии *ись*, вмѣсто *ысь*, мы объясняемъ только ошибкою составителя” [Верещагинъ 1895: 11].

скоз, *кызьы* ***вошткскиз*** *коть кӧче адями. Тон кытцы-ке мыныны* ***медскод*** *вал. Вераськын* ***уд быгатскы****. Сиэмед потэ –* ***бӧрдскод***, *Висиськод ке – ӟуриськод. Нонэмед-ке-но уг пот*, *Мусторме ялан* ***сётско****. Сяська лудын уг* ***адскы****-нӥ.* [Верещагин 1924: 11, 15, 16, 66, 102, 116, 118]) – но: ***медйськомы*** (вакчиятыса: ***медском***) [Верещагин 1924: 100]);

6) изъявительной наклонениись тодмотэм ортчем дырлэн ӧвӧлтон формаез *ӧвӧл* кылын пӧрме: ***Ӝытозь нюлэскам-но, ноки****нэ-но* ***ӧвӧл ыбем (ыбымтэ)****... Со-бере со кык муртэн* ***ӧвӧл пумиськылэм****. Мон ужме* ***ӧвӧл быттйськем****. Тӥ уждэс* ***ӧвӧл быттӥллльям***. [Верещагин 1924: 49, 87]) – одйгаз учыре скобкаосын сётэ на соос пӧлысь огезлэсь лымшор диалект вариантсэ но (*ыбымтэ*);

7) повелительной наклонениись глаголлэн *мед* частицаен герӟаськыса пӧрмыны быгатэ: ***Мед гожты***. ***Мед дум*** *валдэ.* ***Мед возьма****.* ***Мед гожтыты***. *Я* ***мед мын*** *араны*[55] [Верещагин 1924: 81, 101]);

8) условной наклонениись глагол одйг лыдын лицоя уг вошъяськы: *Мон* ***гожтысал***. *Тон* ***гожтысал***. *Со* ***гожтысал***. *Тон* ***гожтысал*** *гожтэт* [Верещагин 1924: 81–82]). Но музон со выллем.

Л е к с и к а у д ы с ы н (чылкак уйпал луись яке фонетика ласянь гинэ уйпал диалектлы тупась кылъёс):

дйнь- кылдйньлэсь пӧрмем нимберъёс: *Петыр пуке мон-****дйням***. *Куноосы мынӥзы бускель* ***дйне***. *Сик-****дйньын*** *улыны умой: пу*

[55] Косон сямлэн таӵе амалэн пӧрмем формаез али куд-ог уйпал диалектъёсын гинэ возиськемын на, нош азьло со паськытгес вӧлмемын вал, дыр. Со сярысь верало таӵе учыръёс: 1) Б. Гаврилов XIX даурлэн пумаз (1873–1875-тӥ аръёс котырын) “казанской” диалектысь гожтӥз таӵе кырӟан: *Жӧк котырад пукӵем куноед, Мӱэн но пуӈы* ***мед понэ***; *Ми татиӵ кошкэм бере Мӱлэӵ но ческыд* ***улэлэ*** [Гавриловъ 1880: 5]. Татын туж тунсыко луэ на соиз: туала вакытэ ышем *мед понэ* форма рифмаямын асьме вакытэ стандартной луись *улэлэ* формаен; 2) Т. Г. Аминофф-лэн 1878-тӥ арын люкам материалъёсызъя гожтэм грамматикаяз но артысь сётэмын таӵе “казанской” формаос: Трос лыд 2-тӥ лицо – *veraḷë* (*med veraḷë*) [Aminoff 1896: 43].

кыдёкын ӧвӧл [Верещагин 1924: 16, 30] ~ пумисько **дор-** (лымшор диалектысь) кылдӥньлэсь пӧрмем нимберъёс но: *Ветло Петыр* ***дорозь***. *Гид-**дортӥ** бызьыло ыж‘ёс. Лыктӥсько Петыр-**дорысь**. Мон Петыр-**дорын** пуки. Вал‘ёсы-**дорозь** бусыэ ветлӥ* [Верещагин 1924: 26, 28, 29, 30, 40];

кытцы, **татцы**, **отцы**: ***Кытцы** мынод? Апаэ-лэся **татцы** кышетсэ вунэтэм. **Отцы** сётэмын вал апаэ Петыр Иванлы. **Кытцы** ветлӥд? – **Отцы-татцы**. Мыным **отцы** ветлоно ӧвӧл вылэм. Тон **кытцы**-ке мыныны медскод вал* [Верещагин 1924: 35, 37, 44, 69, 97, 102]. Зэм, та выллем *-цӵ-* куаратэчетэн наречиос куспаз-куспаз пумисько, уйпал улоскылын сяна, мукет диалектъёсын но;

лекатыны: *Зэмзэ верасько: со адями калыкез **лекатэ**-но, ачиз калыклэсь-но урод* [Верещагин 1924: 69];

мумы ~ **муми**: *Пинал муртлы **мумы**тэк урод. Тон **мумы**тэмлэсь гинэ **мумы**. Кунян ветлэ **муми**з-бордын. **Муми**длы пумит эн кариськы: **муми**длэсь-вылтӥ уд лу. **Муми**-тэк мӧзмисько. **Муми** пыриз кенсы. **Муми** мынӥз тон палад. **Мумы**тэм‘ёс **мумы**оссытэк мӧзмо. ...**муми** котьма-пӧртэм пыжем-пӧзьтэм пӧраз. Сииськон-дыр вуиз-но, **муми** куноосыз жӧк сьӧры пуктӥз* [Верещагин 1924: 9, 10, 12, 16, 25, 30, 31, 53, 54];

питчал: *Со кырӟась сюрес-вылэ потӥз-но пумитам лыктыны кутскиз; **питчал**эз пельпумаз...* [Верещагин 1924: 75];

пол: ***Пол**-улын ветло шыр‘ёс* [Верещагин 1924: 30];

сик: *Кион‘ёс вузо **сик**-сьӧрын. Вал‘ёс бусыись кошко **сик**-сьӧры. Парсьёс пыро **сик**е. Ог пол **сик**ын мон гондырез адӟи. Одйг пол мон мынӥсько вал вал-вылын, **сик**етӥ. Мон **сик**ын эмезь октӥсько вал* [Верещагин 1924: 33, 34, 72, 74, 115] ~ шерос пумиське **нюлэс(к-)** (лымшор диалектысь) но **тэль** (шор вераськетъёсысь) кыл но: *Милям-пе та **нюлэск**ын коркамы кыктэтӥ... Лудын бубыли-но уг лоба, Чалмыт-но **тэль**ын, **нюлэск**ын...* [Верещагин 1924: 49, 119];

сурзы, **сурзыд**, **сурзыз**: ***Сурзы** апаэлэсь чебер. Пичи **сурзыд** (сузэред) апаэдтэмлэсь гинэ апа. Апаэз-вӧзын пуке **сурзыз*** [Верещагин 1924: 35, 36, 38];

тэрскыны: *Та адямиэз ӟеч **терскемез**-понна вылтӥ каризы* [Верещагин 1924: 33];

ялам: *... со ошмес пичи-ке-но, вуэз солэн ноку-но уг быр,* ***ялам*** *жуль! шуса кичке. Бусыысь кошкем-но уг пот,* ***ялам*** *отын шудысал.* ***Ялам*** *мон ужасько. Мынъны мон* ***ялам*** *медйсько. Со куноын вина* ***ялам*** *юиз... Лек тöл* ***ялам*** *вузса ветлэ* [Верещагин 1924: 21, 24, 68, 101, 114, 118] ~ **ялан** (лымшор диалектысь) вариант но пумиськe: *Сииськыкызы* ***ялан*** *со сярысь та-сярысь вераськизы* [Верещагин 1924: 30]. Но куд-ог мукет.

Уйпал диалектъёсыз инъет карыса басьтйз ке но аслаз грамматикаез понна удмурт тодосчи (со сярысь, мон сямен, тырмыт верало ини вылйын сётэм материалъёс), со пöртэм мукет вераськетъёсысь кылъёслэсь, формаослэсь но явлениослэсь.öз палэнскылы. Кылсярысь, Г. Е. Верещагинлэн грамматикаяз, норма карыса, данаказ учыръёсы таӵе лымшор удмурт формаос кутэмын:

1) макенимъёслэн но куд-ог нимвоштосъёслэн *-ыз* итэтэн трос лыдын адзон падеж формазы: *Отын пичи пинал‘ес шудо, иӵко* ***сяськаосыз****, куяло со иӵкем сяськаоссэс одйгогзы-вылэ. Пильмо ин* ***нунал‘ёсыз*** *пеймыт каре. Мон* ***вал‘ёсыз*** *кышкатй-но, соёс дымбыр! кошкизы. Мынам апаэ* ***куноосыз*** *сурен сектаз... Ӝытпал вуиз-но, куноос люкаськизы;* ***соосыз*** *чаен сектазы. Мон гань кыллыыса,* ***кизилиосыз*** *лыдзисько. Ма верало соос, озьы-ик-пе вера пычкылэ соос****ыз*** [Верещагин 1924: 23, 31, 53, 54, 69, 70, 78] ~ та функциын *-ты* итэт но шерос гинэ кутэмын: *Тйледдыс* ***ачидэсты*** *кулэ-на дышетыны. Со вина* ***юысьёсты*** *урод каре-но, ачиз кудзьымон юылэ* [Верещагин 1924: 64, 65];

2) *-кы* итэтэн дырез возьматйсь депричастие: ***Ызьыкым*** *кузь куко Демьян мон-вамен вамыштйз. Тыл-дорын* ***пукыкыз*** *няньзэ сиыса быттэм.* ***Сииськыкызы*** *ялан со сярысь та-сярысь вераськизы. Кваӵ зяр* ***потыкы*** *чирдэ уӵы. Тырттэм уробо* ***мыныкы*** *шалтыр! шалтыр! шуэ. Тыр уробоослэсь ю* ***пыртыкы*** *зир! зар! кылйське. ...соэ* ***басьтыкыз*** *кизэ саптаз... Сикысь* ***потыкым*** *зир! зар! маке кылйське – ялам мынйсько. Куноме корка* ***пыртыкы*** *малпай: маин мон таэ утялто? Гуртам* ***вуыкы*** *пумиськи пиэным. Со кырзаз, бусыэ* ***мыныкы*** [Верещагин 1924: 9, 49, 54, 68, 74, 76, 106]. Та учыре *-ку* суффиксэн форма книгаысь öз шедьы.

Шор вераськетъёслыгес тупась явлениос пöлысь грамматикаын кутэмын таӵеосыз:

1) возвратной залогысь яке страдательной функциен кутйськись глаголъёслэн вакчиямзы: *Пыласькысьёс вуэ* ***куӵко*** (*куштйськ*о интые). *Монэным уж* ***лэчке*** (*лэсьтйськ*е интые) [Верещагин 1924: 33, 57];

2) глагол формаослэн пӧртэм позициосысьтызы *ы* гласной усён: *Нянь сии кӧт* ***тырмон***. *Мон туннэ сур юи шӧм* ***пырмон***. *Укноэз солэн йыр-****тэрмон*** *гинэ. Калык* ***висьны*** *кутскиз ужан дыр‘я. Валлэсь визьзэ* ***тодын*** *уг лу. Ляльчиос ужазы* ***жадьмон***. *Даскыкетӥ нуналаз* ***ветлын*** *кутски* [Верещагин 1924: 8, 9, 11, 25, 32, 46]);

3) аффрикатаослэн куд-ог учыръёсы кыллэн шораз но пумаз мултэс кутйськемзы: *Со ӧз-а меда* ***луӵка***. *Нумыр потӥз кыед-****пуӵкысь***. *Корка-валлапалан лоба* ***дуӵес***. *Отын пичи пинал‘ёс шудо*, ***иӵко*** *сяська*... ***Шуӟимем*** *салдат*. *Мон тонэ дорам* ***воӟисько****но*, *тон дыртйськод. Кытын* ***уӝало***, *отын тыр уло*. *Кызьы ӧй туртты*, *со* ***уӝез*** *лэсьтэме ӧз лу*. *Пунэмен уксёдэ басьтйке-но*, *кема уг* ***воӟ*** *– сэрыт берен сёто*. ***Уӝало****-но*, *кӧты сюмаса уг ул*. ***Чукаӟе*** *ма луоз – тодмо ӧвӧл*. ***Кваӟ*** *ӟяр потыкы чирдэ уӵы*. ...***кы-ӟы*** *бен мон уси... Покчи шур-сьӧры* ***выӝи****-но*, *сюрес кырыж кошкиз... Ма верало соос*, ***оӟьы****-ик-пе вера*... [Верещагин 1924: 15, 16, 17, 49, 65, 66, 68, 73, 74, 78];

4) мугез возьматон учыре *дуре* нимберен конструкцилэн кутйськемез: *Тон-а мынод ву-****дуре****?* Син шоры йӧтымон соиз: автор примечанияз солы сётэ синоним луись мукет диалект формаосыз: “Говорят еще: *ву-лы* (лымшор. – *В. К.*), *ву-понна* (уйпал. – *В. К.*)” [Верещагин 1924: 29].

Та выллем одйг диалектысь кылэз мукетысьтыз формаен валэктон учыръёс пумисько грамматикалэн мукет интыосаз но, кылсярысь: *Вина юэме-валлин мон* ***куанерми***. Пусъем кыллы книга бамлэн улаз тачӗ валэктон ватса на: “Говорят и *начарми*” [Верещагин 1924: 14]; ***апа*** ’сестра’ (“Некоторые говорят *аки*, *акы*”), ***кыйы*** ’овсянка’ (“Говорят еще *ӟильле*”) [Верещагин 1924: 19]; *Одйг адямилы шедем* ***вӧзаз*** *маке тылобурдо...* (“Говорят еще *дзюрныаз*”) [Верещагин 1924: 67]; *Кышномуртлы йырси весь ветлыны* ***уг тупа*** (“Говорят еще *уг кельишы*”) [Верещагин 1924: 69]; *Кӧняке мыныса,* ***капка****-доры вуимы* (“Говорят еще *дзезьы – дерга*”) [Верещагин 1924: 73].

Пӧртэм диалектъёсысь вуэмын, луоз, озьы ик тодмоснимъёслэн но наречиослэн *-гес*/*-гэм* итэтэн ӵошатон степень формаоссы: *Тынад валэд мынам валэлэсь* ***чебергес***. *Куноын ӟеч-ке-но, гуртын* ***ӟеч-гес***. *Со-понна юисько сур, мед-пӧй сюлмы* ***капчигес*** *луоз* [Верещагин 1924: 28, 65, 66] ~ *Пичиэз пиэ бадӟымезлэсь* ***визьмогем***. ***Курытгес*** ~ ***курытгем*** [Верещагин 1924: 28, 48]). Зэм, куд-ог диалектъёсын (шошма вераськетын, Дебес палан но музон) таос пуштроссы но стильзы ласянь чик висъяськытэк, артэ кутӥсько.

Эшшо одӥг учырен пумиськиськом на ай Г. Е. Верещагинлэн та грамматикаяз – кыл шорысь *-ртч-*(*-рдч-*) куаратэчетъёслэн вакчияса кутӥськеменызы: *Бакчаам одӥгез* ***сярчы*** *будӥз йыр-бытча*. *Бускельёслы кулэ* ***урче*** *улыны*. ***Орчыт*** *ӟеч лэсьтӥд*. *Калык вапум* ***орчем****-бере озьы-ик воштскоз*, *кызьы воштскиз коть кӧче адями. Калык валлян* ***урче*** *улэм. Милям дышетскысьмы* ***орчыт*** *лек. Чебер гужем* ***орчиз*** *ини* [Верещагин 1924: 27, 31, 48, 66, 68, 69, 118]) ~ одӥг гинэ шуосысь удалтӥз шедьтыны та сочетанилэсь кузь (быдэс) формазэ: *Калыклы* ***урдче*** *улоно* [Верещагин 1924: 25]. Со понна ӵемысь гинэ кутӥське талы матын луись *-ртт-* сочетание: *Кызьы* ***ӧй туртты***, *со уӝез лэсьтэме ӧз лу*. ***Тырттэм*** *уробо мыныкы шалтыр! шалтыр! шуэ*. *Тон будод – бадӟым луод – Пӧраны мыным* ***юрттод***... [Верещагин 1924: 66, 76, 117].

Та фонетической явление (*-р*СС- > *-р*С-) удмурт диалектъёсын туж шер пумиське: пусъемын со бесерман улоскылын, кукмор но шошма вераськетъёсын, кӧня ке пумиськылэ ик Яр ёросысь куд-ог гуртъёслэн вераськетъёсазы но, оло нош, кыӵе ке мукет интыын [Кельмаков 1998: 108–110].

Б. Гавриловлэн казанской шуон диалектэн вераськись удмуртъёслэсь гожтыса басьтэм фольклор текстъёсаз ӵем гинэ пумиське вакчиям форма (*-р*СС- > *-р*С- сяна, эшшо *-л′*СС- > *-л′*С-), кылсярысь: *Гуреж выжыяд покчи ҫуресед Чик пыд* ***водҍонтэм*** *лӳёсалкэ* (4-тӥ б.); *Вордэм нуныед соу ке луоз Дауыред* ***орчоз*** *туж эрке* (5-тӥ б.); *Аӝады* ***кертэм*** *аӝ кшетды Кушага шало лӳёсалкэ* (8-тӥ б.); ***Бурчиӈ*** *но путо пуӈаз уко,* ***Кэртэмлы*** *бӹдэ жыкатэ* (11-тӥ б.); *Жижек араны потон дыръя Ҫурло* ***мерчемдэ*** *шӧддид-а?* (29-тӥ б.); *Тӧ пери уатӈ, уатӈ! шуса вераса мынэ вылэм кеч кыз улиҫ потэм но* ***вортыса*** *кошкэм*, *кэч ҫӧрэ та но бижыса мынэм*

вылэм сётымтэ (66-тӥ б.); *Ки* ***орчемлиҫ*** *кыл* ***орчемлиҫ*** *утӌ Иӈмарэ*, *быдзым Иӈмарэ*, *Амиӈ Иӈмарэ* (72-тӥ б.) но мукет.

Со выллем ик формаос пумисько казанской диалектэ берыктыса поттэм книгаосын но, кылсярысь:

«Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На вотяцкомъ языкѣ» [Св. Ист. 1877] книгаын: *Иӈмар вэрам: муртлы огназ улыны жеҫ эвӧл, солы ӧшано* ***гуртыҫкиҫ*** *лӳытомы шӳэм* (Св. Ист.: 5); *Одик пол Авраам ас салашез* (*балаганэз*) *ажын пукон дыръяз* ***орчыса*** *мыниҫ кюӈ* ***орчиҫэз*** *аджем. Со бере Авраам Иӈмарлы* ***лыбыртэм*** *но корказ бертэм* (Св. Ист.: 14);

«Милям Господь Іисус Христослэн чӹн Евангеліеез. Матөей гожтэм Евангеліе» [Еванг. 1877] книгаын: *Со сойослы сое вэрам дыръя одиг тӧрэ мурт Со дорэ лыктыса Солы* ***лыбыртыса*** *вэрам...* (Еванг. 1877: 23); *Со дыръя Іисус суббота* (*арӈа бер*) *ныналэ лу бусыиҫэн* ***орчыса*** *мынэм...* (Еванг. 1877: 29); *Тиледлы чынзэ вераҫко: ти музъемын киӈе дӳмидыкэ со иӈмын но дӳмэм луоз, киӈэ музъемын* ***перчидыкэ*** *со иӈмын но* ***перчем*** *луоз* (Еванг. 1877: 48);

«Краткій славяно-вотскій словарь» [Слав.-вот. сл. 1892] кыллюкамын: *Курэк чипӳйоссэ бурд улаз ӆуканы* ***тыртэм*** *каик, Мон но тынэҫкыд пиӈаӆӆостэ кӧӈа пол ӆуканы* ***тыртиҫко*** *вал* [Слав.-вот. сл. 1892: 25]; *...мон Солэн пыдэ кутчанэзлиҫ ҫумыссэ* ***перчыны*** *но уг сылыҫкы* [Слав.-вот. сл. 1892: 41]; *Іисусэз киЈокиҫэн аЈжыса, со дорэ дыртыса мыныса, Солы Јыбыртэм* [Слав.-вот. сл. 1892: 51];

Н. Первухин [Первухинъ 1888] уйпал фольклор произведениосаз чаклано формаосыз кык вариантэн ик сётэ: (быдэс) *тулысъ* ***уртчэ****-валчэ потонъ дырья* ’весною во время нашего выхода на общую работу’ (7-тӥ б.), *Арамъ ю-месъ лудъ вылысь гуртэ* ***вортты*** *шулдыръ нуналъдэ сетъ* ’Пошлите нам ясный день, чтобы свезти намъ съ поля домой сжатый хлѣбъ’ (28-тӥ б.), *синъ тырмымонъ, ки* ***быртты****монъ* ’чтобы было на что смотреть, чтобы было что пощупать руками’ (29-тӥ б.) ~ (вакчиям) *обинь-э-кэ* ***вортимы*** ’когда мы свеземъ [снопы] къ гумну’ (14-тӥ б.), *Тау!* ***юрты****ды дзэчъ уждэсъ быттыны ужаны* ’Благодарю васъ, за то, что вы помогли намъ полевыя работы привести къ хорошему концу’ (28-тӥ б.). Текстъёсаз пумиськись трос орфографической тырмымтэоссэ лыдэ басьтоно ке, малпан кылдэ, вакчиям сочетаниосын

формаосыз янгышен гожтэмын, дыр, шуыса, малы ке шуоно солэн материал люкам интыысьтыз туала вераськетъёсын та формаос кутйсько быдэс *-ртт-* но *-рчч-* сочетаниосын.

Со сяна, ватсаны кулэ на: XVIII даурысь бадзымесь гожъям синпельметъёсын но (кыказ ик грамматикаосын но З. Кротовлэн кыллюкамаз) фонетика ласянь “вакчиям” формаос кутэмын, кылсярысь: *шарцӥ̀* ’рѣпа’, *мертэ́мъ пӯ* ’садъ’, *кускертóнъ* ’опояска’, *циркéмъ* ’быстрый’, *орцӥ́тъ лéкъ* ’злѣйшїй’, *перьцинӹ* ’развязывать’, *вертаськò* ’шатаю’, *ибыртыськò* ’жалуюсь, кланяюсь’ и пр. [Соч. 1775: 23, 24, 30,39, 86, 100, 102]; *вертаскò* ’обращаю, шатаю, машу, движу, прикасаюсь’, *кертыскò* ’связываю, повязываю, вяжу, завязываю, перевязываю’, *куркыскò* ’отбиваю’, *курцискò* ’кусаю, угрызаю, прокусываю’, *кусъкертóнъ* ’препоясаніе, поясъ, кушакъ’, *мертыскò* ’сажу, ниву насаживаю’, *мерцéмъ* ’заноза’, *орцискò* ’переѣжжаю, прохожу’, *перцискò* ’развязываю, распутываю, рѣшу, отрѣшаю’, *тыртѐмъ* ’порожній, простый, пустый’, *урцѐ* ’вмѣстѣ, купно’, *юртòнъ* ’вспоможеніе’ [Кротовъ 1785: 23, 86, 103, 104, 105, 135, 158, 168, 227, 244, 281]; *сярцӥ̀* ’рѣпа’, *бурцӥ́нъ* ’шолкъ’, *тырътéмъ* ’простой, пустой’, *курцилыскó* ’кусаю, грызу’, *мертыско* ’сажу ниву’, *орцискó* ’продолжаю’, *орцемъ-gужемъ* ’летось’ и др. [Могилинъ 1786: 33, 36, 59, 85, 88, 89, 104]; и т. д.

Туннэ нуналэ шуг на валэктыны, кытысь шедьтӥз но малы пыртӥз Г. Верещагин тачé амалэн (*-рСС- > -рС-*) вакчиям формаосыз норма карыса аслаз грамматикаяз.

Одйг яке пӧртэм кылъёслэсь турлы диалектысь яке огшоры вераськонысь (просторечиысь) вариантъёссэ, тужгес ик вакчиятэм формаосыз, кылбурлэн кабаз быгатыса инъян луонлыкез но возьматйз Г. Верещагин аслаз грамматикаяз, кылсярысь:

Эке-ке, нылы-пиэ!
Куректон ***милем*** *лыктӥз.*
[Верещагин 1924: 118].

Лек тӧл ялам ***вузса*** *ветлэ –*
Вузэ лудын, вузэ гуртын.
[Верещагин 1924: 118].

Чебер гужем орчиз ***ини****.*
Шунды ***ватскиз*** *пилем сьӧры;*
Сяська лудын ***уг адскы нӥ****;*
Кваро писпу голик луиз.
[Верещагин 1924: 118].

Мал *тон, шуныт нунал,* ***мал*** *тон кезьыт луид?*
Муш чуркааз пыриз, кут квар-улэ ***ватскиз****.*
Ю-но, турын-но, сяська-но ***уг буд ини****.*
[Верещагин 1924: 118].

Туннэ, нуназе, пинал‘ёс,
Кулэ возь вылэ мыныны.
. . . . . .
Отын тюрагай но чирдэ,
Лоба бубыли-но отын;
Чечы отын муш-но басьтэ,
Кибы-но ***адске*** *квар-бордын;*
Отын чирдэмез кылӥське
Лобась уӵылэн-бурдолэн.
Учкод-ке вылэ – ***адӟиське***
Каллен ветлэмез пилемлэн
Шулдыр возь-вылын, пинал‘ёс.
Отысь мыл уг поты ***кошкын****...*
[Верещагин 1924: 119].

Мал *секыт лулскиськод,*
Кудоэ-мусоэ?
Мал *жуммем-кадь тусэд?*
Мал *йырдэ мыкыртӥд?*
. . . . . .
– Бен ***малы*** *лулскиськод...*
[Верещагин 1924: 119].

Озьыен, вань удмуртъёслы валамон луись гожъяськон кыллы инъет карыса Г. Е. Верещагин уйпал улоскылэз ке но басьтйз, со мукет удмурт диалектъёслэсь но аспӧртэмлыкъёссэс санэ поныны кулэен лыдъяз; со гинэ ӧвӧл – аслаз книгаяз возьматйз, кызьы соос пӧлысь кулэ учырлы тупамонзэ бырйыса, соосты куспазы герӟаса, зэмос куэт (текст) кылдытоно. Умой-а со пӧрмиз, яке урод-а, но со вал “Удморт”-лэн (Г. Е. Верещагинлэн та книгаын псевдонимез) вариантэз. Кызьы тодйськом, сыӵегес амалэн одйг ӧре огазеямын вал пӧртэм диалектъёсысь визылъёс нырысетй удмурт грамматикаын но – 1775-тй арын поттэм «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» ужын; ӵапак озьы кылдйз но сыӵе сюрестй азинскиз удмурт литературной кыл Октябрь революция бере. Озьы Г. Е. Верещагин удмурт кыл сярысь печатлам ужъёсыныз удмурт литературной кыллэн историяз одйг нюжае герӟаз XVIII даурлэсь пумзэ XX даурлэн кутсконэныз.

Удмурт кыллэн грамматической строезлэн аспӧртэмлыкъёсыз сярысь чакламъёссэ Г. Е. Верещагин огъяз, валамон ини, «Руководство к изучению вотского языка» книгаяз. Та 120 бамъем книга аслаз теоретической положениосызъя но материалэз радъян амалъёсызъя кӧнялы ке висъяське асьмелы тодмо мукет удмурт грамматикаослэсь.

Нырысетй грамматикаын [Соч. 1775] выллем ик, татын но ӧвӧл фонетикаез пыр-поч эскеронлы сйзем люкетэз, удмурт фонетикаысь куд-ог явлениос гинэ нялтас эскерисько «Руководство»-лэн «О звуках и буквах» (5-тй б.), «О слогоударении» (107–108-тй б.) разделъёсаз; со сяна, фонетикая кӧня ке тодэтъёс «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» ужаз но сётэмын вал ини.

Морфологилы грамматикалэн самой бадӟым люкетэз висъямын (6–106-тй б.). Удмурт морфологиен тодматон выллем луо «Особенности вотского языка» но «Послесловие» (6–18-тй б.) разделъёс. Нимысьтыз раздел висъяса эскеремын таӵе вераськон люкетъёс: макеним (19–44-тй б.), тодмосним (45–49-тй б.), лыдним (50–54-тй б.), нимвоштос (54–64-тй б.), союз (65–67-тй б.), наречие (б7–74-тй б.), междометие (74–78-тй б.), каронкыл (78–106-тй б.). Нимберъёс, частицаос но модальной кылъёс мукет грамматической формаосын но аффиксъёсын валче эскеремын «Послесловие» люкетын.

Авторлэн удмурт синтаксис удысысь чакламъёсыз пыртэмын «Расположение слов», «О частях» но «Знаки препинания» (108–116-тй б.) разделъёсын. Книгалэн пумаз, удмурт кылысь ӟуче берыктон понна текстъёс карыса, авторлэн 10 кылбуръёсыз ватсамын (116–120-тй б.).

Та книгаез пумозяз пыр-поч лыдӟем бере, вачепумитъем (противоречивой) мылкыдъёс кылдо, малы ке шуоно отын удмурт кыллэн грамматикаез сярысь шонересь но лэчытэсь чакламъёсын валче ик пумисько куд-ог категориосыз но явлениосыз умойтэм яке чылкак янгыш валэктон учыръёс. Кылсярысь, макенимъёслэсь вошъяськемзэс эскерыкуз, автор удмурт кылысь 24 падеж шедьтэ ке, соос пӧлысь 12-сэ гинэ шонерен лыдъяны луэ. Тани соос: ниман (*-ø*), возьматон (*-лэн*, *-лэсь*; Верещагин люкон падежез но татчы ик пыртэм), адӟон (*-э*, *-эз*), сётон (*-лы*), лэсьтон (*-ын*, *-эн*), кельтон (*-тэк*; татчы ик янгышен пыртэмын *-тэм* итэто тодмоснимъёс), вуон (*-озь*), тупан (*-я*), интыян (*-ын*), ортчон (*-этӥ*), потон (*-ысь*), пырон (*-э*).

Нош кылемъёсыз 12 падеж нергеос послелоген сочетаниослэсь но отглагольной формаослэсь сыло. Тани, шуом, ӧошатон падежлы автор таӵе примеръёс сётэ: *кыз-ӝужда*, *кор-зӧкта*, *луд-пасьта*, *йыр-бытча*, *йыр-тэрмон*, *тӧл-кадь*, *сажем мурда*, *кудӟем-мурт-музэн*, *визьтэм-сяен*, *кырым-ёрос*, *сажем-кузьда* (27-тй б.); дыр падежзэ Г. Верещагин таӵе примеръёсын валэктэ: *гербер-дырья*, *со-чож*, *аран вакыт*, *гербер ёрсын*, *тулыс тырысен* (29-тй б.); яке предостерегательный: *Жугиськысьлэсь палэнскы!* (30-тй б.).

Та выллем примеръёс тырмыт возьмато ини, Г. Е. Верещагинлэн падеж категория сярысь валанъёсыз янгышесь луо шуыса. Сыӵе ик кылъёс вераны быгатйськом куд-ог мукет категориосъя но грамматической формаосъя. Озьы ик автор янгышен огазеям “послесловие”[56] шуон вераськон люкетэ нимберен вал-

[56] Та нимкылэз Г. Верещагин удмурт кылъя нырысетӥ печатлам ужаз ик кутӥз вал ини: “Здѣсь, или отъ незнанія, или отъ опущенія правил вотской рѣчи, вслѣдствіе неправильнаго употребленія при подлежащихъ и сказуемыхъ **послесловія** (висъяй мон. – В. К.) *но*, употребляема-

чеям макенимъёсыз (*ӝуждала*, *мурдала*), наречиез (*пырак*), частицаосыз но модальной кылъёсыз (*пӧй*, *пе*, *вылды*, *арна*, *дыр*), союзэз (*ке*), предлогез (*быдэн*), падеж кылпумъёсыз (*-э*, *-лэн*, *-лань*, *-тэк*, *-озь*, *-лэсь* но музон), пӧртэм типъем (кыл пӧрмытӥсь, форма кылдытӥсь) итэтъёсыз (*-тэм*, *-лык*, *-мон*, *-эмын*, *-алэс*, *-эсь* но трос мукет).

Г. Е. Верещагинлэн таяз ужаз пумиськись янгышъёсыз но тырмымтэосыз валэктыны луэ таӵе мугъёсын:

1) со вакытэ туж ляб эскеремын но дышетэмын на вал-ай огъя грамматической теория, тужгес ик агглютинативной типъем кылъёс ласянь (удмурт кыл, кызьы тодйськом, оглом агглютинативной луэ);

2) тырмыт ӧй на юнмамын вал, тужгес ик Россиын, удмурт кыллэсь структуразэ научно описать карон традиция;

3) Г. Е. Верещагин нимысьтыз лингвистической образование ӧз басьты, соин ик со пыр-поч тодмо ӧй вал кызьы ке огъя кылтодонэн, озьы ик финно-угроведение удысысь инъет кылдытӥсь данак исследованиосын. Аслаз гожъямъёсызъя гинэ асьмеос тодйськомы: Г. Е. Верещагин лыдӟем П. И. Савваитовлэсь коми кылъя но Н. Роговлэсь коми-пермяк кылъя грамматикаоссэс[57]; озьы ик со тодйз, луоз, солэсь азьло но со вакытэ удмурт кылъя Россиын потэм теоретической но методической ужъёсыз (ныры-сетӥ удмурт грамматикаез, Вл. Ислентьевлэсь, И. Михеевлэсь, П. Глезденевлэсь но мукетъёсызлэсь выльданъёссэс). Нош XIX даурлэн пумаз но XX даурлэн кутсконаз асьме странаысь но кунгож сьӧрысь тодосчиослэсь – Ф. Й. Видеманнлэсь, Т. Г. Ами-

---

го въ смыслѣ русскаго союза *и*, получились совершенно другія понятія" [Верещагинъ 1895: 11].

[57] "Прежде, чѣмъ приступить къ составленію книги или переводу, слѣдовало бы заняться фонетикой языка и ввести въ употребленіе для означенія тѣхъ и другихъ звуковъ уже введенныя знаки, при этомъ, если книга составляется или переводится на вотскій языкъ, слѣдовало бы прочесть слѣдующія сочиненія: 1) грамматику зырянскаго языка – Савваитовъ 1850 и 2) опытъ пермяцкаго языка – Рогова. Въ сочиненіяхъ этихъ переводчики нашли бы существующіе въ вотскомъ языкѣ звуки, исключая тѣхъ, которыхъ требуется ввести вновь" [Верещагинъ 1895: 20].

ноффлэсь, Б. Мункачилэсь, Ю. Вихманнлэсь, К. Медвецкилэсь, Й. Балашшалэсь, А. Клеммлэсь, Д. Р. Фокош-Фукслэсь – кунсьӧр (тужгес ик венгер но финн) кылъёсын поттэм ужъёссэс лыдзӟыны гинэ ӧвӧл, шедьтыны но ӧз, дыр, быгаты. Ваньмыз со, валамон ини, кӧнялы ке лябомытӥз «Руководство»-лэсь огъя теоретической ӧошталазэ (уровеньзэ) но ӟечлыксэ.

Озьы ке но, Г. Е. Верещагинлэсь удмурт кылтодон удысысь рользэ эскерыку, нырысь ик тодамы ваиськом солэсь удмурт кыллэн аспӧртэмлыкъёсыз сярысь лэчытэсь но тунсыкоесь чакламъёссэ. Туала удмурт кылтодон понна но дуноесь луо солэн, кылсярысь, таӵе визьпумъянъёсыз.

1. Удмурт кылын грамматической род категория ӧвӧл, нош пудо-животъёслэсь айы-мумы луэмзы возьматӥське пӧртэм лексической амалъёсын: ***айы*** *кион* – ***мумы*** *кион,* ***айы*** *ӵӧж* – ***мумы*** *ӵӧж* (6-тӥ б.).

2. Лично-притяжательной суффиксъёс удмурт кылын, кинлэн-малэнзэ возьматэм сяна, огдыре ик сёто на кыллы нуныянэркеян значение (20-тӥ б.).

3. *Нерге* макеним, суффикслы матэктыса, макенимлы ултӥян шӧм сётыны быгатэ, озьы со тупа ӟуч кылысь *-ишк*, *-онк* итэтъёслы: *вал-нерге* “лошадёнка”, *корка-нерге* “домишко, избенка”, *визь-нерге* “умишко” (20-тӥ б.). Тодосчилэсь таӵе малпанзэ бӧрысь потэм удмурт грамматикаос лыдэ ӧз басьтылэ ке но, солэсь шонер луэмзэ возьмато туала удмурт литературной кылын кутӥськись данак примеръёс:

Векчи кызьпу пучъёсыз одйг кузьдаесь ӵогылыса, ***ӝӧк нерге*** *пӧрмытъяло*, *вылаз кыз но ньылпу лыс тыро* (Кедра Митрей. Секыт зӥбет, 102). *Собере кинлэсь ке Сибире мынӥсь муртлэсь скрипкаен шудэмзэ адӟем*, *со дырысен вань сюлэм-шугез скрипка бордын луэм*, *ачиз лусъем*, *волятэм но* ***скрипка нерге*** *пӧрмытэм* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт, 16). *Олексей*, *офицер но солэн* ***ординарец нергеосыз*** *гинэ кылизы на* (П. Блинов. Улэм потэ, 23). *Дас ньыль арес вал ни мыным, куке тыриськон понна эксэй закон вань* ***юрт нергемес*** *вузаса лэзиз* (Ф. Кедров. Быръем произведениос, 165). – *Пыре, пыре, тани капка но пась. Пие, мын кеносэз усьты,* ***шыкыс нергеосты*** *но усья, мед утчалозы, оломар мал-*

панзэс сьӧразы медаз нуэ, ас синмынызы адӟыса мед кошкозы (М. Петров. Вуж Мултан, 164). *Мон, кинжалэным пичи писпуосты вандылыса но ньылпу лысэз тӥяса, куазь пеймыт луытозь пичияк* ***тылыс нерге*** *лэсьтӥ* (Т. Архипов. Лудӟи шур дурын I, 166). ***Карт нергеез*** *мырдэм пыд йылаз сылэ*, *кудӟемын* (И. Гаврилов. Вордйськем палъёсын, 17). *Йӧгу сьӧрын нош ик* ***сарай нерге*** (И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 235). *Поршур палан йӧназ шуръёс ик ӧвӧл, одйг* ***шур нерге*** *вань ке, отын пиналъёс гинэ ӵыписькыса шудо* (Г. Красильников. Тонэн кылисько, 183). *Алигес бертӥ институтысь (ӝомыт вал ини город пыр ортчыку): стенгазета суреданэн сэрен ӝегано луиз (мон отын* ***художник нерге****, хотя мон усто ке но уг суредаськы)* (Р. Валишин. Тӧл гурезь, 308). *Бригадир Ладилэн озьы но тазьы гинэ лэсьтэм* ***шалаш нергеысьтыз*** *одеялэн шобыртэм мугорез тыл дуре матэгес кыскиз* (С. Шихарев. Пушнер веник, 56). – *Станцие товарлы мыно*. *Митрей шуонэз –* ***товаровед нерге*** (Е. Самсонов. Зор бере, 48). *Дунне пыдсы ышем колхозысь пичильтык* ***организация нергеын*** *но*, *вашкала дыръёсы обросъёс музэн*, *со «инмаръёсмылэн» тусбуйёссы вань* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран, 36). *Милям бакчамы война вакытэ но быдэсак гырымтэ вал – шор вадесказ*, *льӧмпуэн мунчо вискын*, *ог-кык сотка быдӟа* ***возь нерге*** *улӥз* (П. Чернов. Егит дыр кырӟанъёс, 6). *Кыӵе ке кылем-мылем, ныгпог карыса ныркем, ас кужымезлы но быгатонэзлы оскисьтэм* ***адями нерге*** *ӧвӧл ни – вань йӧнала адямиос кадь ик, шумпотонэз но, ӟечез-чеберез но, шӧгез-кузьытэз но – вань улонэз, улон вирсэръёслэсь кызьы но кудлань шуккиськемзэс умой-умой шӧдйсьвалась адями* (Г. Перевощиков. Гужем лымы, 207). *Со куспын нылъёс* ***шыд нерге*** *пӧзьтӥллям ини* (И. Гусев. Ӟукыртэ, ӝуштэ сюрес, 124). *Окыль соку киыныз но, пыдыныз но пыкиськиз вал – аслам коркае,* ***пудо-живот нергее*** *вань, пе* (Никвлад Самсонов. Койык мус, 25). *Сыӵе* ***сюкась нергеен*** *юись уд луы* (Елена Никитина – Уд. 11.08.2004, 1). – *Вади, мон ке тонэ возьмасько-витисько, нош тон со* ***кышно нергееныд*** *кылдэ лӧдйськод на* (В. Агбаев – Уд. 19.12.2007, 8). *Азьло ик астэ урод малпанъёсын пачылмытӥд ке, кусыпъёс амалтэк куашкалозы, адями аслыз уго* ***программа нерге*** *кылдытэ* (Е. Сарамакова – Уд. 25.01.2008, 13). Но трос мукет.

4. Одйг лыд формаен существительнойёс контекстын возьматыны быгато предметлэсь трос луэмзэ но, кылсярысь: *Отын пичи пинал‘ёс шудо, иӵко* ***сяська****, куяло со сяськаоссэс одйг-огзывылэ. Солэн коркаэз липемын* ***пулэн****, гидэз –* ***курен*** (22–23-тй б.).

5. Удмурт кылын кылъёслэн предложениын интыяськон радзы, ӟуч кылын сярысь, чурытгес, соин ик, кылъёслэсь интыяськон радзэс воштыса, кылтэчетлэн пуштросэз но музонмыны быгатэ (23–24-тй, 45-тй б.). Кылсярысь, *курыт кушман, тӧдьы лымы, сьӧд эгыр* выллем тэчетъёсысь кылъёслэсь интызэс воштоно ке, кылтэчетъёс шуосъёслы (предложениослы) пӧрмо: *Кушман курыт. Лымы тӧдьы. Эгыр сьӧд* (45-тй б.).

6. Положительной но превосходной степенен тодмоснимъёс, глагол азе интыяськыса, наречие выжо: *курыт* ’горький’ – *туж курыт* ’очень горький’, *ӟеч* ’хороший’ – *туж ӟеч* ’очень хороший’ но мукет – но: ***курыт*** *лэсьтйд* ’горько сделал (ты)’, *ортчыт* ***ӟеч*** *лэсьтйд* ’весьма хорошо сделал (ты)’ (48-тй б.). Но трос музон со выллем.

«Руководство к изучению вотского языка» книгалы огъя дунъет сётыку, соглаш луытэк уг быгатйськы Удмурт академической центрлэн та книга сярысь «Предисловие» люкетаз верамъёсыныз: “В основу этого труда положена не систематика законов вотского языка, а только нащупывание этих законов – особенностей. Он дает несколько сырой, но чрезвычайно ценный материал оригинального характера. В нем указаны новые методы исследования и изучения этого языка, хотя они не вполне доведены до конца” [Верещагин 1924: 3].

Г. Е. Верещагинлэн удмурт кылтодон удысын заслугаосыз эшшо но мургес выльдамез кулэ каро на-ай, солэсь печатламтэ грамматиказэ, кыллюкамъёссэ, диалектология понна но туж дуно луись фольклор текстъёссэ лыдэ басьтыса но соосты калык азе печатласа поттыса... Али нош эскерем материал вылын гинэ но вераны быгатйськом: солэн вань удмуртъёс понна одйг литературной кыл кылдытон понна нюръяськонын, удмурт кылэз но диалектъёсыз тодослыко эскерон удысын тыршемъёсыз но энтузиазмез туала удмурт кылосбурчиослы (филологъёслы) но адӟем карымонэсь луо.

Ф О Т О

2.3. Б. Г. ГАВРИЛОВ
(1854(?) – ?)

“Та гожтэм кылбуръёс ваньмыз ик удмурт кылын гожтэмын но, со ик нош ӟуч кылын берыктыса пуктэмын. Со сяна, книга пумаз «Поверья и обряды вотяков» нимо гожтэмын, удмурт улоноскон вашкала сямъёс сярысь уно, тунсыко гожтэмын. Соин та книга али ке но ас дуно дунзэ уг ышты, сое котькыӵе дышеткем удмуртлы тодны, лыдӟыны, ӝӧквыл книга карыны кулэ” [Герд 1929а: 40].

“Заслуживают уважения работы Б. Гаврилова. Знание удмуртского языка позволило ему собрать богатый материал по этнографии и фольклору. Его «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний» ⟨...⟩ представляют первый опыт более или менее полного издания произведений народного творчества удмуртов. Сказки, песни и загадки были записаны по-удмуртски и переведены на русский язык. Сборник Б. Гаврилова сразу же привлек внимание специалистов, тексты его переведены Б. Мункачи на венгерский, М. Бухом – на немецкий языки” [Владыкин и др. 1984: 24].

Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній (1880. – 189 с.).

Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода (1891. – С. 80–156).

2.3.1. Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов*

0. В 2010 г. исполнилось 130 лет со дня опубликования книги «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній», которые были “записаны, переведены и изложены **Борисомъ Гавриловымъ** во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній” и изданы в Казани в 1880 г. [Гавриловъ 1880].

1.1. Составитель этого сборника священник Борис Гаврилович Гаврилов родился в крещено-татарском селе Никифорово Абадинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии в 1854 г.; дата же смерти в доступных мне в данный момент источниках точно не указывается[58].

В отдельных источниках [Владыкин и др. 1980: 48] указывается, что д. Никифорово имело татарско-удмуртское население, и Б. Гаврилов с детства был двуязычным, что вызывает некоторые сомнения, поскольку Б. Гаврилов вынужден был изучать удмуртский язык в результате специальных поездок в удмуртские деревни, о чем сообщается как им самим (“Въ 1873 году я жилъ в этой деревнѣ, по поручению начальства, изучая языкъ Вотяковъ...”), так и Н. И. Ильминским (“Борисъ Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ был командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и

---

* Впервые опубликована в: LU. – 2001. – № 3 (XXXVII). – С. 174–192. Для данной книги несколько переработана.

[58] Б. Мункачи, будучи в 1885 г. в экспедиции у удмуртов, имел желание посетить о. Б. Гаврилова, однако его отговорили от этой возможной встречи под тем предлогом, что тот лежит в этот период на смертном одре [Munkácsi 1887: VII]. Е. Ф. Шумилов называет весьма неопределенные годы жизни Б. Гаврилова – “ок. 1854, д. Никифорова Мамадышского у. Казанской губ. – до 1900 Малмыжский у.” [Энц. Удм. Респ. 2000: 262].

Вятской губерніи для изученія вотяцкаго языка") [Гавриловъ 1891: 80. Примеч.]. В конечном счете он, по-видимому, овладел удмуртским языком в совершенстве; так в письме к П. П. Масловскому от 7 сентября 1881 г. Н. И. Ильминский охарактеризовал его следующими словами: "В Умякѣ служитъ священникомъ, крещенный татаринъ изъ учениковъ о. Василія Тимоѳеевича, Борисъ Гавриловъ, очень даровитый, знатокъ вотяцкаго языка..." [Харламповичъ 1907: 163].

Образование получил в Казанской крещено-татарской школе; кроме того, по свидетельству Н. И. Ильминского, он "своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафію Николаевичу Воронцу" [Гавриловъ 1891: 80. Примеч.]. Некоторое время работал учителем в удмуртской д. Ашмяк Казанского уезда; в этот период использовал в качестве учебного пособия тексты, переведенные им самим на удмуртский язык, в их числе и некоторые книги [Владыкин и др. 1980: 48]. В 1872–1877 гг. ездил по удмуртским деревням Казанской и Вятской губерний (или длительное время проживал в некоторых из них)[59] с целью освоения удмуртского языка и сбора полевых материалов по духовной культуре удмуртов[60], и результатом этих поездок стали две работы Б. Г. Гаврилова: уже вышеупомянутые «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880] и «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода» [Гавриловъ 1891][61].

[59] Такой предельный срок назван В. Е. Владыкиным и П. К. Поздеевым [1980: 48], в других источниках указываются несколько иные даты.

[60] Н. И. Ильминский писал: "...не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ" [Гаврилов 1891: 80. Примеч.].

[61] Е. Ф. Шумилов указывает еще и на третью публикацию Б. Гаврилова – «Обряды и поверья вотяков» (Казань, 1887) [Энц. Удм. Респ. 2000: 262]. Эта работа мне не знакома, да и в специальном исследовании по истории удмуртской этнографии она не приводится [Владыкин и др. 1984: 24–26, 96–97]. Судя по тому, что ее название недвусмысленно напоминает заголовок его первой книги, сведение о третьей работе Б. Га-

1.2. Б. Г. Гаврилову приписывают также составление «Букваря» и перевод на казанский диалект удмуртского языка ряда религиозных книг, в их числе: «Начатки христианского учения», «О главных церковных *праздниках* господних и богородичных», «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ» (Казань, 1877. 190 с.), «Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея» (Казань, 1877. 82 с.), «Наставление св. Тихона Задонского» [Владыкин и др. 1980: 48; Уваров 2000: 67]. Среди них наиболее значимой с точки зрения отражения дифференциальных признаков казанского диалекта и разработки последнего в качестве книжно-письменного языка являются, на мой взгляд, «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта» [Св. Ист. 1877] и «Евангеліе отъ Матѳея» [Еванг. 1877].

2. Хотя сборник **«Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній»** [Гавриловъ 1880] – не первая и не единственная книга, которая была издана на удмуртском языке (или с включением значительного материала на удмуртском языке) задолго до Октябрьской революции, якобы подарившей удмуртам письменность, однако он занимает исключительное положение в истории духовной культуры удмуртского народа, в частности в области гуманитарных наук. Уникальность и новаторский характер этой книги заключается в следующем.

2.1.1. Во-первых, она представляет собой первый в истории филологической культуры опыт публикации большого корпуса оригинальных текстов на удмуртском языке – произведений важнейших жанров фольклора. Правда, и до нее были уже попытки издания связных текстов на удмуртском языке, однако последние представляли собой либо переводы на удмуртский язык с русского (в частности, еще в конце XVIII в. были переведены молитва «Отче наш» и два стихотворения [Бутолин 1941; Тепляшина 1965: 225–233])[62] или с иного языка (так, например, ряд книг, из-

---

врилова об удмуртах, возможно, представляет собой результат недоразумения.

[62] Первыми книгами на удмуртском языке, как общеизвестно, являются следующие: [Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Еван. Гл. 1847 и

данных в Казани до и после появления сборника «Произведенія...» с использованием графической системы и орфографии последних, были, по всей вероятности, переведены Б. Гавриловым с языка татар-кряшен)[63]; что же касается произведений удмуртского фольклора, опубликованных до книги Б. Гаврилова, то они либо крайне незначительны по объему[64], либо изданы в вольном пересказе на русском языке.

2.1.2. Во-вторых, она является первым в России опытом научной публикации удмуртских фольклорно-диалектологических текстов в собственных записях автора, включающей – правда, не всегда полно и последовательно – почти все элементы таковой:

1) оригинальные тексты представлены в соответствующей записи (в орфографии или транскрипции) с попыткой сохранения их диалектных особенностей;

2) осуществлен перевод их на другой, более распространенный (в данном случае – русский), язык;

3) имеется паспортизация текстов;

4) к последним приложены определенные лингво-этнографические комментарии.

Благодаря вышеназванными особенностям, «Произведенія...» приобретают исключительную важность для удмуртской диалектологии и фольклористики.

Еванг. Сар. 1847; Блиновъ 1867] и др. Существование более ранних изданий – «Евангелия от Луки» (СПб., 1824) и «Евангелия от Матфея» (Казань, 1846), приводимых И. В. Тараканoвым в статье «Памятники удмуртской письменности» [Энц. Удм. Респ. 2000: 539–540], весьма гипотетично; по крайней мере и сам автор в личной беседе выразил недоумение, из какого источника заимствованы сведения о них.

[63] К таковым, по-видимому, относятся и книги «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ», «Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея», «Ӱгет. Святой Тихон дӹшетем ӝеҫ кылъёс / Наставленіе христіанское Св. Тихона» и нек. др., изданные в Казани же за два-три года до появления сборника «Произведенія...» с использование графической системы и орфографии последних.

[64] Еще в XVIII в. были зафиксированы и частично опубликованы Н. П. Рычковым и М. Могилиным некоторые произведения малого жанра удмуртского фольклора [Поздеев 1976: 117–118].

2.1.3. В-третьих, сборник выступает в качестве первого оригинального текстового источника для изучения удмуртских диалектов, преимущественно южных[65], чему в существенной мере способствовало, с одной стороны, наличие паспортизации текстов, хотя и далеко не полной, и, с другой стороны, попытка относительно точной фиксации составителем сборника особенностей территориально-структурных вариантов удмуртского языка. Правда, и эти благие намерения не всегда были достигнуты в достаточной мере.

2.1.4. В-четвертых, преимущественно через эту книгу, наиболее популярную среди удмуртских изданий миссионерского общества того времени, удмуртские филологи познакомились с довольно сложной системой письма, весьма приближенной к транскрипции, с той системой, которая была уже апробирована в ряде предыдущих переводных изданий, менее доступных читателям и исследователям, нежели «Произведенія...» (см., напр.: [Св. Ист. 1877; Еванг. 1877; Ӱгет 1878]). И не случайно отдельные современные исследователи, ссылаясь лишь на «Произведенія...», не совсем обоснованно приписывают авторство этой системы Б. Гаврилову (напр.: [Тараканов 2001: 298]), или в крайнем случае указывают на его «Произведенія...» как на первоисточник ряда специфичных – “гавриловских” – знаков (напр.: *ŏ*, *ӧ*, *ж* и др.) [Тепляшина 1965]. Хороша была эта система графики и орфографии или не совсем, вопрос еще требует более детального изучения, но практическое использование ее в других изданиях имело

[65] Северноудмуртские диалекты уже в XVIII в. получили достаточно полное отражение в точно локализованных памятниках письменности, какими являются словарь Захарии Кротова [Кротовъ 1785] и грамматика М. Могилина [Могилинъ 1786]; что касается южных говоров, то «Произведенія...» Б. Гаврилова являются, пожалуй, первым весьма крупным источником их изучения, имеющим относительно точную локализацию. В этом отношении в наиболее выгодном положении оказался “казанский диалект” (современные кукморский и шошминский вместе взятые), с территории распространения которого происходит основная масса фольклорных произведений, включенных в рассматриваемый сборник Б. Гаврилова.

место в конце XIX в. и после выхода сборника «Произведенія...» (ср., напр.: [Слав.-вот. сл. 1892]).

2.1.5. В-пятых, имея в качестве приложения также и описание ряда календарно- и семейно-обрядовых праздников и этнографических реалий, заключающее в себе “немало новых для того времени интересных деталей” [Владыкин и др. 1984: 25], «Произведенія...» являются ценным источником и для удмуртской этнографии.

2.2. Данный очерк посвящен описанию некоторых особенностей графики и орфографии рассматриваемого письменного памятника и выяснению его значения как источника изучения удмуртских диалектов.

3.1. Для записи удмуртского текста Б. Гаврилов использовал составленную им самим или выработанную миссионерским обществом особую графическую систему, включающую следующие 49 букв:

Аа	Дж/дж	і	Нн	Рр	Ув/ув	Ыы
Ӓ[66]	Ее	Йй	Ӈӈ	Сс	Ӱӱ	Ъъ
Бб	ӗ	Ј	ҥ	Çç	ф	ъ
Вв	Жж	Кк	Оо	Тт	Цц	Ҍ
Гг	Ӝӝ	Лл	Ӧӧ	Тш/тш	Чч	Ээ
Дд	Зз	Ԯԯ	Ӧ̆	Ҭҭ	Шш	Юю
Дж/дж	Ии	Мм	Пп	Уу	ь	Яя

По особенностям своего начертания эти 49 букв делятся на следующие группы:

1) общеизвестные буквы русского алфавита, в абсолютном большинстве уже внедренные в удмуртское письмо начиная с XVIII в. и сохранившиеся в удмуртском языке вплоть до наших дней (31): Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Öö, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ъ, Ээ, Юю, Яя;

[66] Строчной буквы **ӓ** не удалось обнаружить в книге, так же как и прописных вариантов – для букв **ӗ**, **і**, **ҥ**, **ф**, **ь**, **ъ** и **ҍ**.

2) одиночные общеизвестные буквы кириллицы или латиницы с определенными модификациями, дополнительными штрихами и диакритическими значками или без таковых, не закрепившиеся в современной удмуртской графике (14): Ӓ (= *ӓ*), Ӝ ӝ (= *ź*, *ǯ*), ӗ (= *į*, *ə*), І (= *i*), Ј (= *d′- // j-*; *-d′(-)*), Ԓ ԓ (= *l′*), Ӈ ӈ (= *ń*), Ҥ (= *ŋ*), Ӧ ӧ (= *ȯ*, *u̇*, *o*; *į // ə*), Ҫ ҫ (= *ś*), Ҭ ҭ (= *t′*), Ӱ ӱ (= *u̇*), Ы ы (= *į // ə*), Ѣ (= *e*);

3) сочетания букв первой группы и в одном случае первой и второй групп, также чуждые для современной графики (4): Дж/дж (= *ǯ*), Дж/дж (= *ǯ*), Тш/тш (= *č*), Ув/ув (= *u̯*).

3.2. Явная избыточность графических средств (49 букв для обозначения менее чем 40 фонем, в совокупности представленных в диалектных текстах сборника), и сочетание на практике слогового принципа письма, заимствованного из традиционной русской графической системы, с транскрипционным (с подлинно буквенным), в определенной степени предопределили противоречивые особенности орфографии сборника: с одной стороны, дали возможность достигнуть относительной точности в фиксации фонетических особенностей удмуртских диалектов, в том числе весьма сложного в фонетическом отношении казанского; с другой стороны, спровоцировали непоследовательное использование громоздкой графики, допускавшей неоднозначное решение орфографической проблемы. Так, например, в текстах встречаются следующие случаи непоследовательного применения различных возможностей:

1) буквы **ӧ** и **ӧ** для фиксации фонемы *ȯ* (*Жӧк вылад вӧлдэм жӧк кышетэд* (с. 4) [*žȯk* и *vȯldem*] ’Скатерть, которая постлана на твоемъ столѣ’ (с. 75)[67], *кӧкы-* (с. 5) ~ *кӧкы-* (с. 32) ’колыбель’, *çӧд пӧжы* (с. 16) ’черные рукавицы’, *вӧт-* (с. 16) ~ *вӧт* (с. 32) ’сон, сновидение’, *Çӧд ӈулэс çӧрти çӧд пылэм лыктэ* (с. 5)

[67] Здесь и далее в случаях заимствования перевода слов, словосочетаний и предложений, изввлеченных из книги Б. Гаврилова, указывается страница нахождения не только выписанного примера, но также и его перевода (перевод текста следует не непосредственно за оригиналом, а расположен в середине книги вслед за всеми удмуртскими текстами); при этом авторский стиль и орфография перевода полностью сохранены.

’За темнымъ лѣсомъ идетъ черная туча’ (с. 76), *Тӑлы но калпак тӑлы медло* (с. 10) ’Бѣлый колпакъ пусть будетъ бѣлымъ’ (с. 80), *Ай тӑл тӑлоз*, *тӑл тӑлоз* (с. 27) ’Ахъ, дуетъ вѣтер, подуваетъ’ (с. 94), *лӑл-* (с. 12) ’молоко’);

2) специфичные или обычные согласные буквы в сочетании с последующей йотированной гласной, или даже специфичная согласная буква + йотированная/нейотированная гласная для обозначения палатальных согласных фонем:

а) согласной фонемы *d′* (*д*, *л* [68] и *ж*): *дят* (с. 18) ~ *лат-* (с. 16, 20) [*d′at*] ’чужой’, *дезам* (с. 19) ’съ медной оправой’ (с. 88) ~ *жез* (с. 20) ’медь, медный’, *гид-* ~ *гиж*: *Бадзым гидиҫэн пичи гиже ыштыртод* (с. 49) ’Изъ большаго клѣва въ маленькій клѣвъ перетащишь’ (с. 114), *тӑлы* ~ *тӧди* (с. 50) ’белый’;

б) согласной фонемы *ź* (*ж* в сочетании с последующей буквой *а* (*-жа-*) или *я* (*-жя-*): *Шын вуэдлэн кужаяз* [*kuźaja(-)*] (с. 9) ’Вдоль речки Шуни’, *Канисар вӱлэн кужаяз* (с. 17) ’по Коньсарской рѣчкѣ’ (с. 86) ~ *Та Шыӈыл шурлэн кужяяз* (с. 22) ’По этой реке Шуни’, *Вэтлимы ӈулэс кужяяд* (с. 26) ’Ходили мы по лѣсу’ (с. 93), *Ву кужяяды ӧй ветлысал* (с. 33) ’Не ходилъ бы я около вашей рѣки’ (с. 99);

в) согласной фонемы *l′* (*л* + и/i и йотированные буквы или *ӆ*): (каз.) *жоргиліос-* (с. 4) [*ǯorgil′i*] ’воробьи’; (сред.) *телети* (с. 62) ~ *теӆэти* (с. 63) [*tel′*] ’по лесу’; *силез-* ~ *силӆез-* (с. 63) [*sil′*] ’мясо (акк.)’;

г) согласной фонемы *ń* (*ӈ* или *н* в сочетании с последующей йотированной буквой): *пиӈал(-)* (с. 6 и др.) ~ *пинял(-)* (с. 13 и др.) [*piń*a*l*] ’молодой; дитя’; *ӈулэс* (с. 5) ’лес’ ~ *нюлескын* (с. 57) [*ńules*] ’в лесу’;

д) согласной фонемы *ś* (*с* в сочетании с последующей *и* или йотированной буквой; *ҫ* с последующей нейотированной буквой; *ҫ* в сочетании с последующей *и* и йотированной буквой): *мар си-*

[68] В отношении этого знака Б. Гаврилов писал: “Буква **J** у Казанскихъ вотяковъ произносится какъ дь, у Вятскихъ вотяковъ она произносится какъ і” [Гавриловъ 1880: 4]. Правда, сам же Б. Гаврилов употребляет этот знак не всегда последовательно.

жоно (с. 60) [*śiźo-*] ’какой зарок дать’ ~ *мар çижомы* (с. 60) ’какой зарок дадим’; (глаз.) *çакан* ’рогожа’ [*śakan*] ~ *коçяк-* (с. 55) [*kośak*] ’окно’;

е) согласной фонемы *t′* (*т* в сочетании с последующим *и* или йотированной буквой или *ӆ*): *витид-* (с. 7) [*vit′id-*] ’ты ждал’ ~ *öӆи* (с. 37) [*ȯt′i*] ’я позвал, я обратился’, *пунгитӆе* (с. 20, 30), *пунгитӆэ* (с. 21) ’навстречу’ ~ *пыктяçком* (с. 21) ’обопрусь’, *тактядэс* (с. 33) ’вашу такью (девичий головной убор)’;

ж) согласной фонемы *ǯ* (*ж* или *з*): *жажжек-* (с. 3) ~ *жяжек* (с. 34) ’гусь’, *Зяик(-)* (с. 18) ~ *Жяиг(-)* (с. 31) – река Яик;

4) буквы **ӱ** и **ю** для фиксации фонемы *u̇*: *мӱш* (с. 10, 50) [*mu̇š*] ’пчела’, *кӱс-* (с. 5 и др.), *жӱк* (с. 16) [*ǯu̇k*] ’воз’ ~ *кюӈ* (с. 3 и др.) [*ku̇ń*] ’три’, *кюс-* (с. 18, 34) [*ku̇s*] ’поясница’, *нюӆ(-)* (с. 21 и др.) [*ńu̇l′*] ’четыре’;

5) буквы **и** и **і** для обозначения фонемы *i* (последняя буква в сочетаниях *-ij-*): (каз.) *кижили* (с. 5) [*kiźil′i*] ’звезда’ ~ *кижиліен* [*kiźil′ij-*] (с. 49) ’со звездой’, *сіимы* (с. 26) [*śijimi̯*] ’мы поели’, *катанчилы* (с. 34) [*katańči-*] ’занавеске’ ~ *катанчіед* (с. 37) [*katańči̯-*] ’твоя занавеска’, *кони* (с. 56) [*końi*] ’белка’ ~ *коніез* (с. 56) [*końij-*] ’белку’, (глаз.) *дöди* (с. 55) [*dȯd′i*] ’сани’ ~ *дöдіез* (с. 55) [*dȯd′ij-*] ’сани его’, *кіон* (с. 57) [*kijon*] ’волк’;

6) буква **ѣ** (при наличии букв **э** и **е**) для обозначения фонемы *е* в тех русских заимствованиях, которые по правилам дореволюционной русской орфографии писались через ѣ (*ѣ*): (сред.) *кык бъеглой* (с. 62) ’двое беглых’, *со бъеглойос* (с. 62) ’эти беглые’;

7) буквы **э** или **е** для обозначения гласного *е* после непалатальных согласных: (каз.) *çӱрэс-* (с. 9) ~ *çӱрес-* (с. 10, 19) [*śu̇res*] ’дорога’, *кэ* (с. 3, 10, 11) ~ *ке* (с. 5, 26) [*ke*] ’если’, *çиӈкашйостэс* [*śińkaš-*] ’брови ваши (акк.)’ (с. 4) ~ *сиӈкаштес* (с. 5) [*śińkaš-*] ’брови ваши (акк.)’, *çирмэт* (с. 6, 21) [*śirmet*] ~ *çермет-* (с. 27) *śermet*] ’узда’, *оти но тати ветлэм çамен* ~ *оти но тати ветлэм çамэн* (с. 7) [*śamen*] ’ходя туда и сюда’ (с. 77), *ветлыкыд* (с. 24) [*vetli̯ki̯d*] ’когда ты ходил’ ~ *вэтлимы* (с. 26) [*vetlimi̯*] ’мы ходили’, *буйоллеç* [*bujolleś*] ’от краски’ – *уйоллэç* [*ujolleś*] ’от хитрости, от бойкости’ (с. 9), *кэжсыт* (с. 18) ~ *кежсыт* (с. 24) [*keźi̯t*] ’холодный’, *кышэт-* (с. 26, 26) ~ *кышет-* (с. 32) [*ki̯šet*] ’платок’. И т. д.

4. В композиционном отношении сборник Б. Гаврилова весьма прост: он содержит удмуртские фольклорные тексты различных жанров на языке оригинала (с. 3–73), их переводы на русский язык с некоторыми комментариями к ним (с. 74–143), удмуртские легенды и предания в переложении на русский язык (с. 144–154), описание поверий и обрядов северных удмуртов на русском языке (с. 155–186), “произношеніе буквъ со значками” (с. 187) и опечатки (с. 187–189).

4.1. Сборник содержит произведения следующих жанров традиционного удмуртского фольклора: 1) песни: а) четырехстрочные – 216, (б) так наз. сюжетные – 24; 2) загадки – 172; 3) сказки – 14; 4) куриськоны (языческие молитвы) – 5; 5) легенды и предания – 5. Причем произведения большинства жанров (1–4) даны на удмуртском и русском языках и меньшая часть (легенды и предания) – лишь в переводе на русский.

4.2. Эти тексты на удмуртском языке репрезентируют в основном три группы говоров: 1) “казанский диалект” (по современному диалектному членению удмуртского языка близкородственные *кукморский* и *шошминский говоры*, несколько отличающиеся друг от друга преимущественно лишь в фонетическом отношении); 2) средне-западные говоры (или *увинско-вавожская группа* срединных говоров); 3) “глазовский диалект” (*среднечепецкий диалект* северного наречия). Жанровое и количественное распределение фольклорных произведений по указанным диалектам может быть представлено в следующей таблице 2 (см. ниже).

5. Как явствует из таблицы, абсолютное большинство удмуртских текстов репрезентируют “казанский диалект” в целом; сказки и куриськоны (языческие молитвы), имеющие более точную паспортизацию с указанием населенного пункта их фиксации, относятся конкретно к кукморскому или шошминскому говору. Что касается четырехстрочных песен удмуртов, “живущихъ въ Казанской губерніи и въ южной части Малмыжского уѣзда Вятской губерніи” (с. 3–37), и 75 загадок, записанных “въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи и въ пограничныхъ съ Каз. губ. селеніяхъ Вятск. губер.” (с. 48–51), то их отнесение к кук-

морскому или шошминскому говору не представляется возможным, за исключением тех случаев, когда в самом тексте песни упоминается тот или иной конкретный топоним; в последнем случае принадлежность песни тому или иному говору очевидна. Напр.: ***Шыӈыл*** *но пiос купес эвӧл, Купес пiослеҫ кэм эвӧл* (с. 9). ’Жители Шунбашскiе хотя не купцы, но не хуже купцовъ’ (с. 79); ***Шын*** *вуэдлэн кужаяз Гаӈыз чыбор вудор ваӈ* (с. 9) ’Около рѣчки Шуни есть пестрогрудая цапля’ (с. 79); ***Каӈсар*** *нылйослэн кыржамзы* ***Каӈсар*** *вӱосад шуккиҫкоз* (с. 18). ’ПѢнiе Коньсарскихъ дѣвушекъ отдается на Коньсарской водѢ’ (с. 87). Встречающиеся в вышеприведенных отрывках из песен ойконимы *Шыӈыл* (= д. Верхняя Шунь), *Каӈсар* (= д. Канисар) и гидроним *Шын* (= р. Шунь), расположенные в современном Кукморском районе Республики Татарстан, недвусмысленно указывают на принадлежность этих текстов кукморскому говору. Однако таких случаев чрезвычайно мало. Справедливости ради следует добавить, что эти явные кукморские тексты в фонетическом отношении ничем не отличаются от тех, которые могли бы быть записаны на территории распространения шошминского говора.

Таблица 2

Диалекты		**Жанры удмуртского фольклора**			
		песни	загадки	сказки	молитвы
“Казанский диалект”	кукм. говор	216	75	6	2
	шошм. говор			4	1
Срединные говоры		23		4	1
Северное наречие			20		1
Без точной паспортизации			77		
ВСЕГО		**239**	**172**	**14**	**5**
ИТОГО: 430					

Небольшое количество текстов репрезентирует срединные говоры (23 песни, 4 сказки и 1 куриькон) и “глазовский диалект”

(20 загадок и 1 куриськон). Часть материалов (77 загадок – с. 51–54), записанных “въ разныхъ мѣстностяхъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи” и не поддающиеся более точной локализации, не могут быть отнесены к какому-либо конкретному диалекту, и использование их в качестве источников изучения определенных говоров – к тому же при весьма несовершенной орфографии сборника – сопряжено с непреодолимыми трудностями.

5.1. Из этого следует, что книга Б. Г. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» является важнейшим источником изучения в первую очередь “казанского диалекта” удмуртского языка, хотя определенные сведения могут быть получены также о срединных говорах (увинско-вавожская группа) и северном наречии (среднечепецкий диалект) удмуртского языка.

Так, на основе текстового корпуса на казанском диалекте можно выявить более 20 фонетических и свыше 15 морфологических дифференциальных признаков кукморско-шошминской группы говоров. Вот некоторые из этих явлений.

5.1.1.1. В области фонемной парадигматики:

1) наличие фонемы *u̇* (Гавриловъ 1880: **ӱ**, **ю**): употребительной в соседстве как с велярными, так и палатальными согласными: *лӱ* (с. 3) ’будь’ (лит. *лу*), *шӱса* (с. 3) ’говоря, сказав’ (лит. *шуыса*), *кюӈ* (с. 68) ’три’ (лит. *куинь*), *ҫӱрэс-* (с. 9) ’дорога’ (лит. *сюрес*), *мӱш* (с. 10 и др.) ’пчела’ (лит. *муш*), *кюс-* (с. 18, 34) ~ *кӱс-* (с. 32, 33) ’поясница’ (лит. *кус*), *кӱж* (с. 31, 56) ~ *кюж* (с. 34) ’длинный, долгий’ (лит. *кузь*), *тӱс-* (с. 32) ’облик’ (лит. *тус*);

2) функционирование фонемы *ŋ* (Гавриловъ 1880: **нг**): *шынг(-)* (с. 48) ’дым’ (лит. *ӵын*), *шанга(-)* (с. 5) ’галка’ (лит. *ӵана*), *банг-* (с. 14, 31) ’щека’ (лит. *бам*), *пунгыӈ* (с. 14) ’против, навстречу’ (лит. *пумит*), *лангыш* (с. 7) ’ошибка; ошибочный’ (лит. *янгыш*), *энгэр* (с. 28) ’седло’ (лит. *энер*), *кэнгер* (с. 48) ’ограда’ (лит. *кенер*), *сэнгыс* (с. 51) ’нитка’ (лит. *сӥньыс*), *жынгы* (с. 68, 69) ’половина’ (лит. *жӟыны*) и т. д.;

3) спорадическая попытка зафиксировать *ə̑* (заднерядный вариант *i̮*), характерный для кукморского говора (шошм., удм. лит. *ы*) посредством букв:

а) **ы̆**[69] – *ды̆ды̆к(-)* (с. 7 и др.) ’голубь’ (кукм. *дə̂дə̂k*, шошм. *dį-dį̆k*), *ты̆пы̆* (с. 23) ’дуб’ (кукм. *тə̂рə̂*, шошм. *tįpį*), *жы̆т* (с. 64) ’вечером’ (кукм. *žə̂t*);

б) **ӗ** – *чиӂӗмдон ~ çижымдон* (с. 24), *çижӗмдон* (с. 68) ’семьдесят’ (кукм. *śiźə̂mdon*, шошм. *śiźįmdon*);

в) **ӧ** – *тӧшак* (с. 49) ~ *тышак* (с. 33) ’перина’ (кукм. *тə̂šak*, шошм. *tįšak*);

г) **е** (*кеӆоз* (с. 50) ’останется’ (кукм. *kə̂l'oz*, шошм. *kil'oz*); и др.

5.1.1.2. В области фонемной синтагматики:

1) употребление фонемы *и̇* (шошм.) или *и* (кукм.) в конце односложных основ: *уз кэ лӱ* (с. 14, 21) ’если не будет’ ~ *узлу* (с. 25), *уз лу*, *узлу* (с. 67) ’не станет’, *уз кэ лу* (с. 36) ’если не будет’, *ву* (с. 3) ~ *вӱ* (с. 11) ’вода’, *çӱ ар* (с. 35) ’столетний’ ~ *çу арэс* (с. 66) ’столетний’ и др.;

2) замещение *į* (~ *ə̂*) гласным *і* в первом слоге десятка корней перед палатальным согласным: *тиç* (с. 5, 30) ’семя’ (сев. *tįs'*), *вилӆ(-)* (с. 48 и др.) ’новый’ (сев. *vįl'*), *кижы* (с. 8 и др.) ’как’ (сев. *kįz'į*), *ижыны* (с. 59) ’спать’ (сев. *įźįnį*), *килем* (с. 60) ’он остался, оказывается’ (сев. *kįl'em*), *çежы пиж ~ çеж пиж* (с. 65) ’толокно’ (сев. *śeźį pįź*) и пр.;

3) замещение (правда, не всегда последовательное) первичного *і ~ ə̂* гласным *і* в конце именной и глагольной основы перед суффиксальным *й*: *шукіез* (с. 11) ’пена его’ (лит. *шукыез*), *дӧдіе* (с. 16) ’в сани’ (лит. *дӧдьые*), *коніез* (с. 56) ’белку’ (лит. *коньыез*), *шаліед* (с. 28) ’камешки-то’ (лит. *шальыед*), *çежіе* (с. 34) ’овес мой’ (лит. *сезьые*) ~ *çурыед* (с. 4) ’перекладина-то’ (лит. *сюрыед*), *гозыез* (с. 60) ’веревка его’ (лит. *гозыез*), *кудыен* (с. 60) ’с лукошком’ (лит. *кудыен*) и т. д.;

4) употребление в первом слоге небольшой группы корней гласного *į* на месте *і* других диалектов: *гынэ* (с. 5) ’только, лишь, лишь только’ (лит. *гинэ*), *жынгыртоз* (с. 6) ’зазвенит’ (лит. *жингыртоз*), *жыкатэ* (с. 11) ’давит’ (лит. *жӧикатэ*), *чырды-* (с. 25)

[69] По наблюдениям Л. Л. Карповой [1997: 34], этой же буквой отмечает Б. Гаврилов заднерядный вариант гласного *į* и в глазовском диалекте.

’петь (о соловье)’ (лит. *чирды-*), *ышкиçкыса* (с. 64) ’общипавшись’ (лит. *ишкиськыса*), *жсыры* (с. 12) ’шарнир’ (лит. *ӟиры*);

5) вставка неэтимологического *-і-* или *-i-* между конечными сочетаниями согласных: *çурыс(-)* (с. 4 и др.) ’тысяча’ (лит. *сюрс*), *мырык* (с. 49) ’пень’ (лит. *мырк* ’тупой’), *гырык-* (с. 56, 57) ’дупло’ (лит. *гырк*), *париç* (с. 56, 57) ’свинья; здесь: кабан’ (лит. *парсь*) и пр.;

6) употребление *і* на месте лит. *и* (< праудм. **и*) в первом слоге ряда основ: *шыды-* (с. 6 и др.) ’играть’ (лит. *шудыы-* < праудм. **šüdі-*), *пыны* (с. 19, 68) ’собака’ (лит. *пуны*), *нынал* (с. 26 и др.) ’день’ (лит. *нунал*), *пыны-* (с. 28, 31) ’вить, плести’ (лит. *пуны-*), *тышак* (с. 33) ’перина’ (лит. *тушак*), *лыбо* (с. 4, 33) ’столб’ (лит. *юбо*), *нынажэ* (с. 50) ’днем’ (лит. *нуназе*);

7) нерегулярная замена *-и(-)* на *-і(-)* в непервых слогах слова: *кунылам* (с. 7) ’у меня под мышкой’ (*-ыл-* < *ул* ’низ’), *кечпы(-)* (с. 9 и др.), *кичпы* (с. 27, 68) (лит. *кызьпу*) ’береза; березовый’ (*-пы* < *пу* ’дерево’), *курэк-пыз* (с. 49) (лит. *курег пуз*) ’яйцо (куриное)’ (*-пыз* < *пуз* ’яйцо’), *лӧгы* (с. 50) (лит. *йӧгу*) ’погреб, ледник’ (*-гы* < *гу* ’яма’), *мусыр* (с. 64) (лит. *мусур*) ’медовуха, брага’ (*-сыр* < *сур* ’пиво’) и др.;

8) замещение велярных *n*, *t*, *d* палатальными *ń*, *t'*, *d'* (Гавриловъ 1880: **н** ~ **нь**, **т**, **т҄**, **д**, **д҄**) в положении после *і* (изредка – *е*): *пиӈал(-)* (с. 6 и др.), *пинял(-)* (с. 13 и др.) ’молодой, юный; дитя’ (лит. *пинал*), *кылчиӈ* (с. 9) ’ангел’ (лит. *кылчин*), *киӈ(-)* (с. 9 и др.) ’кто’ (лит. *кин*), *бурчиӈ* (с. 11 и др.) ’шелк; шелковый’ (лит. *буртчин*), *Иӈмар(-)* (с. 13 и др.) ’Бог; небо’ (лит. *Инмар*), *çиӈ(-)* (с. 14 и др.) ’глаз, глаза’ (лит. *син*), *летыӈ* (с. 36) ’лен’ (кукм. *д'этин'*; лит. *етӣн*), *ниӈ* (с. 51, 57) ’лыко’ (лит. *нин*); *пунтиӈ(-)* (с. 7 и др.) ’против, навстречу’ (лит. *пумит*), *кибеӈ* (с. 6, 15) ’магазин’ (кукм. *кэбит'* ’магазин’; лит. *кебит* ’кузница’); *гиш(-)* (с. 25 и др.) ’хлев’ (лит. *гид*) и т. д.;

9) упрощение группы согласных *-р*СС-, *-л'*СС- в корне слова в *-р*С-, *-л'*С-: *пыд волчонтэм* (с. 4) ’такой, чтобы ноги не скользили’ (лит. *пыд вольтчонтэм*), *орчоз* (с. 5) ’пройдет’ (лит. *ортчоз*), *ажады кертэм* (с. 8) ’подвязанный вами спереди’ (лит. *азяды керттэм*), *Килет но валлеç чиркемлыкзе* (с. 16) ’Бодрость

(акк.) рыжаго коня’ (с. 85) (лит. *кельыт но валлэсь чырткемлыксэ*), *Çурло мерчемдэ шӧдид-а?* (с. 29) ’чувствовалъ ли, какъ тупился (точнее: вонзался. – *В. К.*) твой серпъ’ (с. 95) (лит. *сюрло мертчемдэ шӧдйд-а*), *курчысал* (с. 33) ’я укусил бы’ (лит. *куртчысал*), *сэртыса* (с. 50) ’разбирая, распутывая’ (лит. *сэрттыса*), *вортыса кошкэм* (с. 66, 68) ’он побежал, он умчался’ (лит. *вортыса кошкем*), *лыбыртыçко* (72) ’кланяюсь’ (лит. *йыбырттйськo*) и т. д.;

10) попытка отметить гортанный смычный согласный, встречающийся на месте обычных согласных (глухие согласные *k*, *t* и *p* вместо ожидаемых *g*, *d* и *b* перед последующим звонким): *окзе* (с. 4) ’одного’ (кукм., шошм. *o’ze*; лит. *огзэ*), *ок гынэк* (с. 8) ’лишь один’ (кукм. *o’ gə̑nek*, шошм. *o’ gi̯nek*; лит. *ог гинэ*), *окназ* (с. 65) ’он один’ (кукм., шошм. *o’naz*; лит. *огназ*), *арлеç çекытзе* (с. 9) ’тяжесть лет’ (кукм. *arliś śekə̑’ze*, шошм. *arliś śeki̯’ze*; лит. *арлэсь секытсэ*), *кышэтзе* (с. 26) ’ее платок (акк.)’ (кукм. *kə̑še’ze*, шошм. *ki̯še’ze*; лит. *кышетсэ*), *шыдэтлы* (с. 29) ’за суп твой’ (кукм. *šə̑de’lə̑*, шошм. *ši̯de’li̯*; лит. *шыдэдлы*), каз. *Камлэн паçкытзэ* (с. 32) ’ширину Камы’ (кукм. *kamliś paśkə̑’ze*, шошм. *kamliś paśki̯’ze*; лит. *Камлэсь паськытсэ*), *капзэ* (с. 65) ’куль его (акк.)’ (кукм., шошм. *ka’ze*; лит. *кабзэ*) и др.;

11) замещение анлаутного *j-* согласным *l'-* перед -V*g(-)* в ряде корней: *люгыт* (с. 4, 9) ’свет, светлый’ (лит. *югыт*), *ляг-* (с. 10) ’сосновый бор’ (лит. *яг*), *люгдоз* (с. 20) ’светает’ (лит. *югдоз*);

12) изменение анлаутного *j-* в *d'-* или *ǯ-* (Гавриловъ 1880: **ј-**, **ж-**, **д-**; иногда в сочетании с последующей йотированной буквой): *луом* (с. 1) ’выпьем’ (лит. *юом*), *ливор(-)* (с. 4, 13) ’весть, известие’ (лит. *ивор*), *лыл(-)* (с. 5 и др.) ’верхушка’ (лит. *йыл*), *лыр(-)* (с. 6 и др.) ’голова’ (лит. *йыр*), *лускимы* (с. 7) ’мы распрягли’ (лит. *юскимы*), *ломыш* (с. 7 и др.), *лумыш* (с. 10) ’плод, фрукт’ (лит. *емыш*), *лырçi(-)* (с. 18), *лырçы(-)* (с. 28 и др.) ~ *дырçi(-)* (с. 36) ’волосы’ (лит. *йырси*); *жез* (с. 20) ’медь, медный’ ~ *лез* (с. 48) ’проволока’ (лит. *ез*) ~ *дезам* (с. 19) ’съ медной оправой’ (*ыргонам*) (с. 88), *дят* (с. 18) ~ *лат-* (с. 16 и др.) ’чужой’ (лит. *ят*) и т. д.;

13) случаи дезаффрикации первичных аффрикат в различных позициях в структуре слова:

а) *ǯ̌- > ž-*: *жуатэлэ* (с. 4) ’зажгите’ (лит. *ӝ̈суатэлэ*), *жокыт но кызэт* (с. 5) ’густая да ель’ (лит. *ӝ̈окыт но кызэд*), *жӧ̆к ~ жӧк-* (с. 4) ’стол’ (лит. *ӝ̈ӧк*), *жыкатэ* (с. 11) ’давит’ (лит. *ӝ̈икатэ*), *жыд* (с. 16), *жыт* (с. 50), *жы̆т* (с. 64) ’вечером’ (лит. *ӝ̈ыт*), *жуйы* (с. 50) ’мох’ (лит. *ӝ̈суй(ы)*), *жыӈы* (с. 68) ’половина’ (лит. *ӝ̈ыны*), *жутэм* (с. 67) ’приподнял, оказывается’ (лит. *ӝ̈сутэм*) и др.;

б) *č̌ > š*: *шыӈ-* (с. 4) ’дым’ (лит. *ӵын*), *шаӈа-* (с. 5) ’галка’ (лит. *ӵана*), *кошо* (с. 50) ’сорока’ (лит. *коӵо*), *пышал(-)* (с. 60, 61) ’ружье’ (лит. *пыӵал*), *гашало* (с. 61) ’навзничь’ (лит. *гаӵоло*), *шапак* (с. 64) ’как раз’ (лит. *ӵапак*);

в) *-c(-) > -s(-)*, *-ś(-)*: *купес-* (с. 9 и др.) ’купец’ (< рус. *купец*), *стабеҫэ* (с. 65) ’въ ставецъ’ (с. 133) и др.;

г) *č̌ > ś*: *жеҫ* (с. 4 и др.) ’добрый; хорошо’ (лит. *ӟеч*), *биҫа-* (с. 7), ’собирать’ (лит. *бича-*), *уҫкиҫ-* (с. 18) ’смотрящий, глядящий’ (лит. *учкись*), *ҫуанҫи* (с. 36) ’свадебщик’ (лит. *сюанчи*), *ҫорыг* (с. 48, 50) ’рыба’ (лит. *чорыг*), *паҫкатыса* (с. 64) ’прижимая’ (лит. *пачкатыса*);

14) замена велярных аффрикат перед -V*š(-)* или -V*ž(-)* палатальными аффрикатами или палатальными смычными:

а) *č̌ > č̑*: *чӧж* (с. 11, 64) ’утка’ (лит. *ӵӧж*), *кык чошен* (с. 11) ’вдвоем’ (лит. *ӵошен*), *чуж* (с. 12, 34) ’желтый’ (лит. *ӵуж*), *чужморт-* (с. 34) ’дядя по матери’ (лит. *ӵужмурт*);

б) *ǯ̌- > ǯ̑-*, *d'-* (Гавриловъ 1880: ж-, ɟ-): *жужалоз* (с. 9) ’взойдет’ (лит. *ӝ̈ужалоз*), *жужыт* (с. 13 и др.) ’высокий’ (лит. *ӝ̈ужжыт*); *Мугормы лужаса вӱэдыр* (с. 17) ’Мы приходимъ уже въ возрастъ’ (с. 86) ~ *Мугорзы жужаса уз вуы* (с. 27) ’Не успѣютъ придти въ возрастъ’ (с. 94) (лит. *ӝ̈ужаса*). И др.

5.1.1.3. Кроме того, отмечено иное фонетическое оформление единичных слов, характерное для современных кукморского и/или шошминского говоров, но отличающееся от форм литературного языка, например: *ажля* (с. 67), *ажда* (с. 69) ’сперва; ранее’ (лит. *азьло*), *арак* (с. 15, 59) ’самогон; вино’ (лит. *аракы*), *ашъян* (с. 6) ’головной убор замужней женщины’ (лит. *айшон*), *ачыз* (с. 4 и др.) ’он сам’, *ачым* (с. 21 и др.) ’я сам’ (лит. *ачиз*, *ачим*), *бадзым* (с. 10 и др.) ’большой’ (лит. *бадӟым*), *бон* (с. 21, 70) ’да, же’ (лит. *бен*), *боржа-* (с. 58) ’закрывать’ (лит. *ворса-*),

быдзым (с. 68 и др.) ’старший; великий’ (лит. *быдзӧым*), *бытмоз* (с. 25) ’кончится’ (лит. *быроз*), *бытса* (с. 64) ’величиной с’ (лит. *быдзӧа*), *вужер-* (с. 9) ~ *вожэр-* (с. 50) ’тень’ (лит. *вужер*), *гы̆нэк* (с. 8 и др.) ~ *гынэк* (с. 8) ’лишь, только’ (лит. *гинэ*), *далтэм* (с. 20, 24) ’(он) уродился’ (лит. *удалтэм*), *дышмон* (с. 16, 72) ’враг; злодей’ (лит. *тушмон*), *жижек* (с. 4, 29) ’рожь’ (лит. *ӟег*), *жоргилі-* (с. 4) ~ *жолгыри* (с. 33) ’воробей’ (лит. *ӟӧльгыри*), *икэм* (с. 71, 72) ’гумно’ (лит. *итым*), *ӆивор-* (с. 4, 13) ’весть, известие’ (лит. *ивор*), *ӆырçы(-)* (с. 28 и др.) ’волосы’ (лит. *йырси*), *ӆючы* (с. 56) ’лиса’ (лит. *ӟичы*), *каик* (с. 8 и др.) ’подобно, будто’ (лит. *кадь*), *кельшы-* (с. 6 и др.) ’понравиться, быть по нраву’ (лит. *кельшы-*), *кенас-* (с. 28) ’клеть’ (лит. *кенос*), *кӧдо* (с. 7, 15) ’сват’ (лит. *кудо*), *леçана* (с. 31) ’кроме, помимо’ (лит. *сяна*), *мискиля* (с. 49) ’катается’ (лит. *нискыла*), *налпа-* (с. 7 и др.) ’думать’ (лит. *малпа-*), *отсы* (с. 61 и др.) ’туда’ (лит. *отчы*), *ӧсоз* (с. 48) ’блюетъ’ (удм. лит. *ӧскоз*), *паджа* (с. 49) ’лестница’ (лит. *падзӧа*), *пеӈмыт* (с. 9) ~ *пелӆмыт* (с. 51) ’темный’ (лит. *пеймыт*), *пӧлын* (с. 13 и др.) ~ *полын* (с. 19, 26) ’среди’ (лит. *пӧлын*), *поçкы* (с. 12) ’стриж’ (лит. *пӧськы*), *пушмоли* (с. 30) ’орех’ (удм. лит. *пушмульы*), *сунеп-* (с. 23) ’ил’ (лит. *сумед*), *сурсыву* (с. 27) ’березовый сок’ (лит. *сурсву*), *çӱж* (с. 65) ’горсть, горстка’ (лит. *сузь*), *татсы* (с. 10 и др.) ’сюда’ (лит. *татчы*), *торогой* (с. 6) ’жаворонок’ (лит. *тюрагай* ~ *турагай*), *тӧ* (с. 65 и др.) ’озеро’ (лит. *ты*), *турым* (с. 13 и др.) ’трава; сено’ (лит. *турын*), *тэкчы-* (с. 20 и др.) ’прыгнуть’ (лит. *тэтчы-*), *тӵамак* (с. 59) ’табак’ (лит. *тамак*), *ум-* ’сон’: *Чукна но умэд сак медло* (с. 11) ’Утромъ сонъ твой пусть будетъ осторожнымъ’ (с. 80), *Выдыса умэ уг уçыçкы* (с. 20) ’Ложась спать, не могу заснуть’ (с. 88) (лит. *умм-*), *чужморт-* (с. 34) ’дядя по матери’ (лит. *ӱужмурт*), *чыректяны* (с. 69) ’кричать’ (лит. *черекъяны*), *эвӧл* (с. 6 и др.) ~ *эвол* (с. 9 и др.) ’нет, не имеется’ (лит. *ӧвӧл*) и т. д.

5.1.2. В области морфологии:

1) множественное число от имен существительных и некоторых местоимений на конечный гласный образуется с помощью форманта *-jos* (лит. *-ос*): *куӝойос* (с. 6, 16) ’хозяева, богачи’ (лит. *кузёос*), *ву куарайос-* (с. 33) ’журчание воды’ (лит. *ву куараос*), *мак çаçкайосыд* (с. 35) ’цветы-то мака’ (лит. *мак сяськаосыд*),

коркайос- (с. 35) ’дома’, *укнойос-* (с. 36) ’окна’ (лит. *укноос*), *тайос* (с. 57, 65) ’эти’ (лит. *таос*), *сойос* (с. 57 и др.) ’они’ (лит. *соос*), *семняйосызлы* (с. 69) ’членам своей семьи’ (лит. *семьяосызлы*);

2) разделительный падеж образуется при помощи окончаний *-liś* (чаще) или *-leś* (несколько реже) (лит. *-лэсь*): *туганйосылиҫ* (с. 20) ’(от) моих родственников’ (лит. *родняосылэсь*), *солиҫ* (с. 21, 57) ’его (абл.)’ (лит. *солэсь*), *Иӈмарлиҫ* (с. 24) ’от Бога’ (лит. *Инмарлэсь*), *уколиҫ* (с. 28) ’из позумента (серебряных нитей)’ (лит. *уколэсь*), *ческыт умэлиҫ* (с. 29) ’от моего сладкого сна’, *кагазлиҫ векчи* (с. 35) ’тоньше бумаги’, *бурчиӈлиҫ небыт* (с. 35) ’мягче шелка’, *писпулиҫ* (с. 58) ’из дерева’, *Ки орчемлиҫ кыл орчемлиҫ утӈ Иӈмарэ* (с. 72) ’Отъ длинныхъ рукъ (убійцъ), отъ длинныхъ языковъ (сплетенъ), храни Боже’ (с. 141) и др. ~ но: *мӱлэҫ но ческыд* (с. 5) ’слаще меда’; *Самаваредлэҫ моторэз Буйоллеҫ эвӧл манерлеҫ* (с. 9) ’Красота твоего самовара не отъ краски, а отъ формы’ (с. 79), *важйослеҫ эвол чабейлеҫ* (с. 10) ’не из полбы, из пшеницы’ и т. д.;

3) показателем исходного падежа имен существительных является морфема *-iś* (лит. *-ысь*) *кӧкыиҫ нуны* (с. 5) ’младенец из колыбели’ (лит. *кӧкыысь нуны*), *Букариҫ* (с. 6) ’из Бухары’ (лит. *Бухараысь*), каз. *пинялиҫ* (с. 13) ’смолоду’ (лит. *пиналысь*), *Кузониҫ* (с. 21) ’из Казани’, *бакчаиҫ* (с. 28) ’с огорода’, *Мускоиҫ* (с. 36) ’из Москвы’, *пужым гырыкиҫ* (с. 57) ’из дупла сосны’, *Глаз кариҫ* (с. 59) ’из города Глазова’;

4) отдалительный падеж имеет формант *-iśen* (лит. *-ысен*): *вожиҫэн* (с. 8) ’когда еще зелен’ (лит. *вожысен*), *кожиҫен кожэ* (с. 11) ’из залива в залив’ (лит. *кожысен коже*), *гуртиҫэн гуртэ* (с. 11) ’из деревни в деревню’ (лит. *гуртысен гуртэ*), *Иӈмариҫэн музъемиҫэн* (с. 49) ’И с неба, и с земли’, *выжулиҫэн* (с. 58) ’из подполья’;

5) разделительный и исходный падежи притяжательного склонения имен существительных и отдельных местоимений содержат элемент *k* вместо *t* других диалектов и литературного языка: *тилеҫкыд жеҫзэ* (с. 6) ’лучше вас (акк.)’ (лит. *тӱлесьтыд ӱечсэ*), *милеҫкым куикыез* (с. 7) ’нашу печаль (акк.)’ (лит. *милесьтым кайгуэз*), *тыныҫкыд* (с. 8) ’тебя (абл.)’ (лит. *тынэсьтыд*), *атай коркаҫкыт* (с. 29) ’из твоего отцовского дома’ (лит.

атай коркасьтыд), *кунокаиçкыз* (с. 65) ’с его постоялого двора’ (лит. *кунокуаысьтыз*);

6) винительный падеж множественного числа имен существительных и некоторых местоимений образуется с помощью форманта *-i̧z* (лит. *-ыз ~ -ты*, *-ыз ~ -ды*) *Милемлы пуӈиӈ мыниçйосыз* (с. 7) ’(Людей) идущихъ противъ насъ’ (с. 77) (лит. *милемлы пумит мынӧсьёсыз ~ мынӧсьёсты*), *нылйосыз* (с. 29) ’девушек’ (лит. *нылъёсыз ~ нылъёсты*), *та кіонйосыз* (с. 60) ’этих волков’ (лит. *та кионъёсыз ~ кионъёсты*), *разбойникйосыз* (с. 60) ’разбойников’ (лит. *разбойникъёсыз ~ разбойникъёсты*); *тиледыз* (с. 11) ’вас’ (лит. *тӧледыз ~ тӧледды*), *милемыз* (с. 59) ’нас’ (лит. *милемыз ~ милемды*), *сойосыз* (с. 70) ’их’ (лит. *соосыз ~ соосты*);

7) в качестве показателя пролатива обобщен исключительно формант *-ti* (лит. *-этӧ ~ тӧ*): *урамтиды орчон дыръя* (с. 16) ’когда (я) проходилъ по вашей улицѢ’ (с. 85) (лит. *ураметӧды ~ урамтӧды*), *тӧр укнотид* (с. 37) ’черезъ окно въ переднемъ углу’ (с. 102) (лит. *тӧр укноетӧд ~ тӧр укнотӧд*), *укноти(-)* (с. 64, 70) ’в окно, через окно’ (лит. *укноетӧ ~ укнотӧ*);

8) употребляется иллативная морфема *-е* вместо *-i̧* других диалектов в некоторых именах существительных и послелогах: *нюлескэ* (с. 57), *нюлэскэ* (с. 60 и др.) ’в лес’ (лит. *нюлэскы*), *Ваçкимы Маржан карйосэ* (с. 10) ’прибыли в городъ Марзянъ’ (с. 80) (лит. *каръёсы*); *полэ* (лит. *пӧлы*): *чынаяк полэ* (с. 29) ’въ чайную чашку’ (с. 96), *дорэ ~ доре* (лит. *доры*): *та туган дорэ* (с. 12) ’к этому родичу’, *вармэс бабаез дорэ* (с. 64) ’к тестю’, *тӧ дорэ* (с. 65) ’к озеру’, *анайез дорэ* (с. 66) ’к его матери’, *Кам дорэ* (с. 70) ’к Каме’, *çӧрэ* (лит. *сьӧры*): *кэч çӧрэ* (с. 66) ’за зайцем’, *со çӧрэ* (с. 66) ’за ним’;

9) дательный падеж от местоимений *mi* ’мы’ и *ti* ’вы’ оформляется с помощью форманта *-li̧* (удм. лит. с формантом *-лы* и без него): *милемлы* (с. 7, 29) ’нам’ (лит. *милемлы ~ милем*), *тиледлы* (с. 9) ’вам’ (лит. *тӧледлы ~ тӧлед*);

10) множественное число усилительно-личных местоимений имеет стяженный или спорадически употребляемый полный “северноудмуртский” вариант формы: *ачмес* (с. 15 и др.) ’мы сами’ (лит. *асьмеос*), *ачтес* (с. 24, 35), *ачтэс* (с. 36) ’вы сами’ (лит. *ась-*

тэос), *ачсез* (с. 58 и др.) ’они сами’ ~ *ачымэс* (с. 64) ’мы сами’ (лит. *асьмеос*);

11) винительный падеж усилительно-личных местоимений множественного числа образуется иначе, нежели в литературном языке: *ачмесыз* (с. 70) ’нас самих’ (лит. *асьмемыз*), *ачсэсыз* (с. 70) ’их самих’ (лит. *асьсэзыс*):

12) отмечена приставка *nino-*, служащая для образования отрицательных местоименных наречий (и местоимений): *ни но кижсы* (с. 67) ’никак’ (лит. *нокызьы*);

13) отрицательная форма 3-го лица множественного числа глаголов неочевидного прошедшего времени имеет особую форму: *Сойос ачсез çiины* ***тодэмтэзы*** (с. 65) ’Они сами не знали, какъ ѣсть [овсяную муку]’ (лит. *тодйллямтэ*); *Сойос вошты* ***шеттымтэзы*** *но солы вожзы потыса со Виçтэм тазес быттыны бертиллям* (с. 69–70) ’Они не нашли такого человѣка, который бы промѣнялъ и, разсердившись, вернулись, чтобы убить плѣшиваго-дурака’ (с. 138) (лит. *шедьтйллямтэ*);

14) имеются случаи образования отрицательной формы прошедшего простого очевидного времени на базе формы будущего с двухкратным повтором частицы *па*: *Нап* ***узна луына*** *шуса ношик вайыса жоктиллям*, *ожсы но нап лӱэмтэ* (с. 65) ’Говоря, что еще все не густѣетъ, опять отнесли и высыпали, вода все-таки не густѣла’ (с. 133) (удм. лит. *ӧз луы (на)*);

15) спорадическое употребление особой формы повелительного наклонения с частицей *med* ’пусть, пускай’ при обычной форме без нее: *мед понэ* (с. 5) ’положите’ ~ *улэлэ* (с. 5) ’живите’;

16) образование деепричастия с временным значением при помощи форманта *-kį* (лит. *-ку*): *гырыны потыкыд* (с. 15) ’когда выѣзжаешь пахать’ (с. 84) (лит. *потыкуд*), *кабан çӱрыкыд* (с. 15) ’когда хлѣбъ складываешь въ скирды’ (с. 84) (лит. *сюрыкуд*); *Пырыкыз лызэн пыроз*, *потыкыз тӓ'ыен потоз.* (*Ниӈ пуппы.*) (с. 49) ’Когда входить (въ избу), входитъ сизымъ, а когда выходитъ, выходить бѣлымъ. (Молодая липа, съ которой въ избѣ сдираютъ лыко для лаптей.)’ (с. 114) (лит. *пырыкуз*, *потыкуз*), *нуыкызы* (с. 67) ’когда они несли’ (лит. *нуыкузы*);

17) деепричастный формант *-toś* (лит. *-тозь*): *узыен боры киçматоç* (с. 7, 10) ’пока земляника с клубникой не созрели’ (лит.

кисьматозь), *тӧлы кам бусэд уçытоç* (с. 24) ’до тѣхъ поръ, пока не спадетъ туманъ на бѣлый Камъ’ (с. 92) (лит. *усьытозь*), *çiшмы ломыш тырытоç* (с. 26) ’наѣлись плодовъ до сыта’ (с. 93) (лит. *тырытозь*), *ум куштиçкылэ кулытоç* (с. 26) ’не станемъ разлучаться до смерти’ (с. 93) (лит. *кулытозь*), *та нужнайосыз адӝытоç* (с. 19) ’чѣмъ видѣть такую нужду’ (с. 87) (лит. *адӟытозь*), *мугормы латэ потытоç* (с. 33) ’до тѣхъ поръ, пока не наступило время отдать насъ чужимъ’ (с. 99) (лит. *потытозь*), *пуп лыктытоç* (с. 68) ’до прихода попа’ (лит. *лыктытозь*). И др.

5.1.3. Лексические диалектизмы кукморского и/или шошминского говоров, зафиксированные в текстах казанского диалекта (запись в фонетическом отношении не всегда точная):

абi- (с. 64) ’теща’ (лит. *варманай*);

алтын (с. 14, 68) ’золото, золотой’ (лит. *зарни*);

бабай (с. 57) ’дед’ (лит. *песятай*), *вармэс бабай-* (с. 64) ’тесть’ (лит. *варматай*, *вармай*);

валлян (с. 56) ’в старину; въ древнее время’ (лит. *азылон*);

дӱэ (с. 50) ’верблюд’ (лит. *верблюд*, *дуэ*);

жин (с. 56) ’сходка’ (лит. *ӧтчам*, *кенеш*);

заман (с. 5) ’время, года́’ (лит. *дыр*, *вакыт*);

зангари (с. 16), *зaнгари* (с. 22) ’голубой’ (лит. *чагыр*);

лал (с. 31) ’грива’ (лит. *изнэс*);

лат- (с. 16), *дят* (с. 18) ’чужой’ (лит. *мурт*, *сьӧр*, *ят*);

ломыра- (с. 70) ’развалиться, разрушиться’ (лит. *куашка-*);

каза (с. 59) ’коза’ (лит. *кеч*);

калай (с. 9) ’жесть, жестяной’ (лит. *корт лист*);

карындаш- (с. 4) ’родственник’ (лит. *ӵыжы-выжы*, *родня*);

кибетъ (с. 6, 15) ’магазин’ (лит. *магазин*, *лавка*);

коңдон (с. 18) ’(серебряная) монета’ (удм. лит. *манет*);

кубыз (с. 14) ’скрипка’ (лит. *скрипка*, *кубыз*);

кушкема- (с. 8) ’скучать’ (лит. *мӧзмы-*);

кызыны- (с. 9) ’влюбиться’ (лит. *синмаськы-*);

мотор(-) (с. 29) красивый’ (лит. *чебер*, *мотор*);

мӱ (с. 5) ’мед’ (лит. *чечы*);

мырык ’пень’ (с. 49): каз. *Эксей ижы кычелтык*. (***Мырык*** *лылын лӹмӹ*.) (с. 49) ’Царская шапка блестящая (*кычелтык* – слово

неупотребительное, означаетъ блестки на снѣгу). (Снѣгъ на пнѣ.)’ (с. 113) (лит. *лӥял*, *мырк*);

назык (с. 18, 50) ’стройный’ (лит. *веськыт*, *веськрес*);

нярак (с. 37, 65) ’весь, полностью’ (лит. *быдэсак*, *вичак*);

паҫ ’шуба’: *шуныт валэн-паҫэн* ’с теплыми шубами-лошадьми’ (с. 71: 141) (лит. *шуба*);

пегжем (с. 70) ’беглый, беглец’ (лит. *беглой*);

ракмат (с. 70) ’спасибо’ (лит. *тау*);

сагыны- (с. 12) ’скучать, грустить’ (лит. *мӧзмы-*);

сендыра- (с. 58) ’полати’ (лит. *полать*, *сэндра*);

соу (с. 5) ’живой’ (лит. *улэп*);

тегыз (с. 22) ’ровный’ (лит. *ӵошкыт*);

теӆбуго (с. 22) ’вожжи’ (лит. *биньгозы*, *тэльбуго*);

туган (с. 12) ’родственник’ (лит. *ӵыжы-выжы*, *родня*);

турто (с. 49, 50) ’оглобля’ (лит. *вайыж*);

узеӈги (с. 20) ’стремя’ (лит. *энер лёгет*);

уҫто (с. 67) ’дыра, отверстие’ (лит. *пась*);

чалмо чачя (с. 22) ’купальница европейская’ (лит. *италмас*);

ыргыты- (с. 66) ’кинуть, бросить’ (лит. *зӥртыны, ыргытыны*) и т. д.

5.1.4. В целом создается такое впечатление, что если бы по “казанскому диалекту” удмуртского языка не имелось ничего, кроме этой книги Б. Гаврилова, то и в этом случае мы смогли бы составить определенное представление о данном диалекте. Однако при этом следует заметить, что: во-первых, в книге получили отражение лишь наиболее яркие особенности “казанского” диалекта, в абсолютном большинстве своем являющиеся общими для обоих (кукморского и шошминского) говоров, которые в совокупности составляют структурно-территориальную единицу удмуртского языка, дореволюционными исследователями именуемую “казанским диалектом”; что же касается тех частных языковых явлений, которые служат для дифференциации кукморского и шошминского говоров, то они или не получили отражения в сборнике, или из-за неполной паспортизации текстов их невозможно приписать конкретному говору; во-вторых, в текстах “казанского диалекта” встречаются такие фонетические и морфоло-

гические особенности, которые в настоящее время не характерны ни для кукморского, ни для шошминского говора, в частности, спорадическое сохранение *į* (кукм. *ə̑* и шошм. *į* > *i*):

1) перед *ś* в суффиксе возвратного залога глаголов: *кылзыҫкыны* (с. 8) ’послушать’ (кукм. *kə̑lz-iśkə̑-nə̑*, шошм. *kį̱u̯z-iśkį-nį*), *вордыҫкем* (с. 10) ’родимый’ (кукм., шошм. *vord-iśk-em*), *кылыҫкоз* (с. 11) ’раздастся, разнесется’ (кукм. *kə̑l-iśk-o-z*, шошм. *kį̱u̯-iśk-o-z*), *мед аджыҫкоз* (с. 34) ’пусть виднеется’ (кукм., шошм. *med a’ǯ̌-iśk-o-z*), *вордыҫкид-а* (с. 34) ’ты родился ли?’ (кукм., шошм. *vord-iśk-i-d-a*), *пыныҫкыны* (с. 65) ’вить (веревку), заниматься витьем’ (кукм. *pə̑n-iśkə̑-nə̑*, шошм. *pį̱n-iśkį-nį*) и др.;

2) перед *ś* в показателе настоящего времени глагола: *угдыр шыдыҫкы* (с. 14) ’не играю, наверно’ (кукм. *u’ də̑r šə̑d-iśk-ə̑*, шошм. *u’ di̯r šį̱d-iśk-į*), *умэ уг уҫыҫкы* (с. 20) ’не засыпаю’ (кукм. *ute ug u̯ś-iśk-ə̑*, шошм. *ute ug u̯ś-iśk-į*), *улыҫко* (с. 68) ’живу; пребываю’ (кукм., шошм. *ul-iśko*), *лыбыртыҫко* (с. 72) ’кланяюсь’ (кукм. *d'ə̑-bə̑rt-iśko*, шошм. *d'į̱bi̯rt-iśko*) и т. д.;

3) перед *j* в именных основах (*гуреж выжыяд* (с. 4) ’под горой-то’ (кукм. *və̑ži-ja-d*, шошм. *vi̯ži-ja-d*), *нуныед* (с. 5) ’дитятко твое’ (кукм., шошм. *nuni-jed*), *чиӈыйад* (с. 10) ’на твой палец’ (кукм., шошм. *čiń̑i-ja-d*), *бусые* (с. 15) ’в поле’ (кукм., шошм. *busi-je*), *лымыед* (с. 20) ’снег-то’ (кукм. *lə̑mi-jed*, шошм. *li̯mi-jed*), *чуӈыед* (с. 25) ’жеребенок твой’ (кукм., шошм. *čiń̑i-jed*), *интыяз* (с. 26) ’на месте (его)’ (кукм., шошм. *inti-ja-z*), *бусыез* (с. 51) ’поле (акк.)’ (кукм., шошм. *busi-jez*), *тӧлыен* (с. 49) ’белым; в белом’ (кукм., шошм. *tȯd'i-jen*) и пр.

5.2. Относительно небольшой корпус включенных Б. Гавриловым в данный сборник текстовых материалов по срединным говорам и глазовскому диалекту, с одной стороны, и мощное воздействие казанского диалекта на Б. Гаврилова, которым, по-видимому, он овладел в совершенстве и через призму которого пропускал записываемые на других удмуртских диалектах тексты, с другой, чрезвычайно затрудняют выявление различительных признаков иных структурно-территориальных единиц удмуртского языка; но тем не менее можно указать на некоторые особенности этих диалектов, получившие отражение в книге.

5.2.1. Особенности срединных говоров:

а) сохранение гласного *ɨ* в ряде корней перед палатальным согласным: *ыжом* (с. 64) ’поспим’, *быжэ* (с. 64) ’выходит замуж’;

б) употребление *i* в корне слов на месте *ɨ* ~ *ə* в казанском диалекте: *гинэ* (с. 44) ’только, лишь’;

в) функционирование аффрикат (*дж*, *тш*) в тех позициях, в которых в казанском встречается щелевой согласный: *çермэт жедж* (с. 40) ’повод узды’, *кыдж пу* (с. 41), *кедж пу* (с. 43) ’береза’, *котшо* (с. 40, 46) ’сорока’;

г) сохранение сочетания *-л'*СС- и *-р*СС- в основе слова: *палӈткаçкы-* (с. 41) ’расплескаться’ (кукм. *pal'kaśkə̑-*), *турттто* (с. 63) ’стараются, пытаются’ (кукм. *tə̑rto*);

д) сохранение в определенной группе слов *j-* в позиции перед -V*k(-)* и -V*g(-)* (в казанском на его месте употребляется *l'-*) (*Jукиç-контэм кіосмэс луконо луим* (с. 42) ’пришлось развести руки (т. е. разстаться съ ними), хотя мы этого не хотѣли’ (с. 106), *Jаг* (с. 43), *ляг* (с. 44) ’сосновый бор’, *тыл лугытэн* (с. 41) ’при свете огня’) (казанский вариант этих форм см. выше: 5.1.1.2, пункт 11);

е) функционирование характерной для срединных говоров стяженной формы суффикса возвратного залога (*бэрыткэм* (с. 41) ’повернулся, обратился (оказывается)’, *куткэм* (с. 63) ’она начала’);

ж) употребление суффикса инструменталя в функции соединительного союза *по* ’и’ при однородных именах существительных (*кіонэн гондырэн* (с. 52) ’волк и медведь’ (кукм. *kijon no gondə̑r*), *укноен гурэн* (с. 52) ’окно и печь’ (кукм. *u'no no gur*), *мумы корэн*, *вӧлдэтэн* (с. 53) ’матица и потолочины’ (кукм. *mumə̑kor no vӧldet*) и пр.);

з) наличие специфических лексем (*ӈуӈ* (с. 45) ’старший брат’, *телӈ-* (с. 61, 62, 63) ’лес’, *мумиз* (с. 63) ’мать ее’, *айыз* (с. 63) ’отец ее’) и др.

5.2.2. Некоторые дифференциальные признаки северного наречия:

а) сохранение велярности *d* после *i*: *гид* (с. 54) ’хлев’;

б) образование пролатива с помощью форманта *-ɨti*: *лудыти* (с. 55) ’по полю’;

в) наличие направительного падежа (позднего происхождения) на *-ӈ-*: *одиг огзыӈе* ’(они) друг к другу’ (с. 55);

г) употребление ряда специфических лексических диалектизмов: *шыкыс* ’сундук’ (с. 54), *çакан* ’рогожа’, *кобла* ’кобыла’, *биӈгозы* ’возжи’ (с. 55) и др.

6.1. Книга Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» оказалась крайне ожидаемым явлением в удмуртской филологии конца XIX в. Своевременность ее издания нашла выражение в том, что:

с одной стороны, она сразу же после выхода привлекла к себе внимание зарубежных ученых того времени, и буквально через 2–3 года часть текстов из нее была переиздана Максом Бухом на удмуртском и немецком языках [Buch 1882: 90–104, 110–122] (всего 26 песен, 51 загадка, 5 образцов четырехстрочных песен паремиологического характера или отрывков из них и 10 преданий и сказок – последние лишь на немецком языке) и Бернатом Мункачи с параллельным переводом на венгерский язык [Munkácsi 1883] (всего 6 сказок, 120 загадок, 117 песен и 5 языческих молитв). Именно на материале этой двуязычной книги этот молодой венгерский ученый получил начатки знания удмуртского языка;

с другой стороны, она возглавила собой целую серию последовавших в конце XIX – самом начале XX в. аналогичных публикаций удмуртских фольклорно-диалектологических текстов, составленных как зарубежными учеными с параллельным переводом удмуртских текстов на финский, венгерский и немецкий языки (Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1887], Ю. Вихманном [Wichmann 1893; 1901; 1901a]), так и отечественными – с приложением переводов их на русский язык (Н. Г. Первухиным [Первухинъ 1888], И. С. Смирновым [Смирновъ 1890: 1–39], С. Багиным [Багинъ 1897], И. Васильевым [Wasiljev 1902: 125–139; Васильевъ 1906: 337–345] и др.).

6.2. Его современники (в их числе И. Н. Смирнов) и последующие исследователи, не обремененные определенными политическими и прочими предубеждениями, весьма положительно отозвались о книге Б. Гаврилова.

Так, вполне современно звучат слова И. Н. Смирнова о сборнике, высказанные им печатно 120 лет тому назад: “Сборникъ Га-

врилова составляетъ первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведеній народнаго творчества Вотяковъ. ... Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, но въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадьярскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говоритъ переводъ на нѣмецкій языкъ въ книгѣ M. Buch. Первое мѣсто по количеству в сборникѣ занимаютъ пѣсни, но съ культурно-исторической точки зрѣнія бóльшаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія... Преданія о Тутоѣ и Янтамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушеніи куалы въ Вяткѣ, объ Идна-батырѣ заключаютъ вѣсьма цѣнныя историческія и бытовыя черты" [Смирновъ 1890: 280–281].

По мнению К. Герда [1929а: 40], сборник Б. Гаврилова не потерял своей ценности и в наше время (в 20–30-е гг. XX в.) и должен стать настольной книгой для каждого образованного удмурта.

Современные исследователи огромное историческое значение данной книги видят в следующем: во-первых, она послужила своего рода учебной хрестоматией по удмуртской литературе для обучения и воспитания многих просветителей и деятелей удмуртской культуры конца XIX – начала XX столетия (И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Г. П., М. П., А. П. и М. П. Прокопьевых, И. Шкляева, Кедра Митрея и др.); во-вторых, она положила конец измышлениям о том, что удмуртский народ не имеет своего собственного устно-поэтического творчества [Владыкин и др. 1980: 48, 49].

ФОТО

2.4. MUNKÁCSI Bernát / Бернат МУНКАЧИ
(1860–1937)

“Центральной ареной целеустремленной деятельности Мункачи явилость исследование родственных венгерскому или некогда контактировавших с ним народов и языков. Уже в самом начале своего творческого пути он отлично знал неизмеримую важность, но вместе с тем и запущенность этой области. Видел: что самой горящей задачей нашего сравнительного языкознания является продолжение работы Регули: собирание в полевых условиях досточного количества и надежного материала. Видел и с радостью отправлялся в приносящие лишения и страдания поездки за духовными ценностями. Пешком и верхом, на лодке и в склонной опрокинуться телеге, сквозь горящие хвойные леса и через непроходимые – более чем китайские стены – болота он всегда достигал своей цели и всегда доставал то, что искал” [Zsirai 1937: 550].

“Мы с уверенностью можем утверждать, что Мункачи сыграл самую большую роль в популяризации удмуртов в Венгрии и Западной Европе” [Домокош 1967: 92].

Votják nyelvmutatványok (’*Образцы удмуртской речи*’) (1883. – 247–302 old.).

Votják nyelvtanulmányok (’*Этюды по удмуртскому языку*’) (1884. – 35–155, 428–447 old.).

Votják népköltészeti hagyományok (’*Народнопоэтические традиции удмуртов*’) (1887. – 335 1.).

A votják nyelv szótára (’*Словарь удмуртского языка*’) (1896. – XVI + 758 l.)

Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben (’*Арийские и кавказские элементы в финно-венгерских языках*’) (1901. – 669 l.).

Újabb votják irodalom (’*Новейшая удмуртская литература*’) (1927. 18–24 old.).

Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken (’*Народные обычаи и народная поэзия удмуртов*’) (1952. – XXXVII + 715 S.).

2.4.1. Б. Мункачи, удмуртъёс но удмурт калык кылос

0. Удмурт но венгер калыкъёслэсь кусыпъёссэс, удмурт калыклэсь кылоссэ Венгриын эскерон удысын котькинлэсь трос ужаз, луоз, Бернат Мункачи академик (1860–1937). Та уже со студент дыръяз ик кыстйськиз. Удмурт кылын но калык кылосэн тодматскон понна, солы бадзым юрттэт сётйз Борис Гавриловлэн «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» нимо удмурт но ӟуч кылын поттэм книгаез [Гавриловъ 1880]. Та книга вылын удмурт кыллы дышетскем сяна, татысь троссэ текстъёссэ Мункачи, латынь буквaосын транскрибировать карыса но вӧзазы венгер кылэ берыктэмзэс ватсаса, **«Votják nyelvmutatványok»** (’Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы’) нимын «Кылтодонъя ивортонъёс» журналлэн 17-тй номераз [Munkácsi 1883] поттйз.

1. Б. Гавриловлэсь орфографиен но транскрипциен ӝыныёурдсо гожъям материалзэ – 120 мадиськон, 6 выжыкыл, 21 сюжето но 96 нььльчур кырӟан, 5 куриськон – Б. Мункачи, венгер но мукет финно-угроведъёслы уже кутымон карон понна, тазьы поттйз (тусъет карыса, пӧртэм вераськетъёсысь пичиесь куэтъёс сётйсько; ӟуч кылэ берыктэмез Б. Гавриловлэн, венгер кылэ – Б. Мункачилэн):

1) “казанской” шуон (туала кукмор но шошма) диалектысь:

Пукçимы валлэн ӝеçйосаз
Ваçкимы Марӝан карйосэ,
Со Марӝан карэз киӈ аджем?
Вордыçкем ӌуртлеç киӈ тырэм?
[Гаврилов 1880: 10]

Съли мы на хорошихъ лошадей и прибыли в городъ Марзянъ. Кто видалъ этотъ городъ Марзянъ? Кому надоѣлъ домъ, въ которомъ онъ воспитывался?

[Гаврилов 1880: 80]

Pukśimь vallen ʒeśjosaz,	Felültünk jó lovakra,
vaśkimь Marʒan karjosä;	lementünk *Marʒan* varosába;
so Marʒan karez kin aʒem?	*Marʒan* várost kilátta?
bordьśkem d'urtleś kiń tьrem?	a házat a hol fölnevelkedett, ki unta meg?

[Munkácsi 1883: 275]

2) “малмыж” шуон (туала шор вераскетъёс) диалектысь:

Покчи пыжэн ми лыктим, жаным.
Баджим пыжэн ми кошком, жаным;
Куаро пулэн куар ултиз ми кошком;
Лысо пулэн лыс ултиз ми кошком;
Коӈи биӂон вугалти ми кошком;
Çала çибсон шур дурти ми кошком;
Дукъя годкан ӈяг вырти ми кошком;
Мӧй душэс çамэн кырмыса ми кошком;
Вариш çамэн ширтыса ми кошком.

[Гавриловъ 1880: 44]

Мы, душенька, пріѣхали на маленькомъ кораблѣ. Мы уѣдемъ, душенька, на большомъ кораблѣ. Мы поѣдемъ подъ листьями деревьевъ, распустившихъ листья. Мы поѣдемъ подъ хвоями хвойныхъ деревъ. Мы поѣдемъ по низменности, гдѣ бѣгаютъ бѣлки. Мы поѣдемъ мимо рѣки, гдѣ свиститъ рябчикъ. Мы поѣдемъ по высокому мѣсту бора, гдѣ гогочетъ глухарь. Уѣзжая, мы такъ же схватимъ, какъ старый ястребъ. Мы также скоро поѣдемъ, какъ ястребъ (спускающійся на свою добычу).

[Гавриловъ 1880: 108]

Pokči pьžen mi lьktim, ʒanьm,
baʒim pьžen mi koškom, ʒanьm;
kuaro pulen kuar ultiz mi koškom;
lьso pulen lьs ultiz mi koškom;
końi biʒon vugalti mi koškom;
śala śibson šur durti mi koškom;
dukja godkan jag vьrti mi koškom;

mʉj dušes śamen kĺrmĺsa mi koškom;
variš śamen širtĺsa, mi koškom.

Kis hajóval jöttünk mi, lelkem,
nagy hajóval mentünk mi el, lelkem;
leveles fának levele alatt megyünk mi el;
tűzlevelű fának tűzlevele alatt megyünk el;
evet futotta alacsony helyen megyünk el;
császár-madárfüttyü patak mellett megyünk el;
fajd kiabáló fenyvesdombon megyünk el;
öreg ölyv módjára megragadva, megyünk el;
héja módjára repülve, megyünk el.
[Munkácsi 1883: 288]

3) “глазов” шуон (уйпал улоскыл) диалектысь:

Остэ Иӈмарэ Кылдыçинэ, шуддэ çот Кылдыçинэ, жеç нылын пiен улымон. Быдцым Эксеймы жеç мед улоз, солиç вытсэ воштыны, казназэ тырыны мед ӌурттод. Остэ Иӈмарэ кылдыçинэ, жеç живот шуд çот, жеç животэн жеç улыны мед кылдод, жеç уваӈен-бурэн улыны мед кылдод. Бытцым Эксеймы милоссэ мед çотоз, жеç арзэ мед çотоз. Всякой притчалеç вожма Кылдыçинэ, кыллэç, дэйлеç вожма, тыллиç пулеç вожма. Остэ Иӈмарэ, гэр бэр ӌудэ жеç мед вуттод.

[Гавриловъ 1880: 73]

Господи Боже, Творецъ, дай счастье, Творецъ, чтобы жить намъ съ хорошими сыновьями-дочерьми. Великій Царь нашъ пусть живетъ хорошо; платить Ему подать, наполнять его казну помоги намъ. Господи Боже, Творецъ, дай хорошее счастье, скотину; съ хорошей скотиной суди хорошо жить, суди намъ жить съ хорошимъ богатствомъ. Великій Государь пусть дастъ намъ свою милость, пусть дастъ мирные годы. Творецъ, храни насъ отъ всякой невзгоды, храни отъ языковъ (сплетенъ), отъ повѣтрій, храни отъ огня и дерева (говорится къ слову, какъ въ 3 молитвѣ слова: лошадь-шуба). Господи Боже, послѣ пашни уроди хлѣбъ хорошо.
[Гавриловъ 1880: 142]

Ostä iṅmarä kʌ̊ldʌ̊išinä, šuddä šot kʌ̊ldʌ̊išinä, ʒeś nʌ̊lʌ̊n pien ulʌ̊mon. bʌ̊ʒʌ̊m eksejmʌ̊ ʒeś med uloz, soliś vʌ̊tsä voštʌ̊nʌ̊, kaznazä tʌ̊rʌ̊nʌ̊ med jurttod. ostä iṅmarä kʌ̊ldʌ̊išinä, ʒeś život šud šot, ʒeś životen ʒeś ulʌ̊nʌ̊ med kʌ̊ldod, ʒeś uvaṅen-buren ʒeś ulʌ̊nʌ̊ med kʌ̊ldod. bʌ̊ʒʌ̊m eksejmʌ̊ milossä med šotoz. ʒeś arzä med šotoz. vśakoj pritčaleś voʒ́ma kʌ̊ldʌ̊išinä, kʌ̊lleś, dejleś voʒ́ma, tʌ̊lliś, puleś voʒ́ma. ostä iṅmarä, ger ber judä ʒeś med vuttod.

Uram, istenem, *Kʌ̊ldʌ̊išin*em (? teremtőm), add szerencsédet teremtőm, hogy jó lánynyal-fiúval (gyermekekkel, családdal) éljünk. Eljen jól a mi nagy czárunk; segíts az ő adóját megváltani (megfizetni), kincstárát megtölteni! Uram istenem, teremtőm, adj jó barom szerencséjét [t. i. szerencsét, hogy jó barmunk legyen]; intézd, hogy a jó barommal jól éljünk (élni); intézd, hogy gazdagsággal éljünk (élni)! Nagy czárunk hadd adja meg kegyelmét, jó (békés) éveket adjon! Mindeféle bajtól őrizz meg, teremtőm; [rágalom] szótól, dögletességtől őrizz! tűztől, fától őrizz! Uram istenem, szántás után hozd jól elő gabonádot!

[Munkácsi 1883: 293]

Татын кулэ ӧвӧл, дыр, тэкшерыны, макем шонер пусъем Б. Гаврилов куинь удмурт вераськетъёслэсь аспӧртэмлыко тодметъёссэс но макем ӟеч сётэм солэсь удмурт текстъёссэ аслаз транскрипциеныз Б. Мункачи – соос пумысен музон дыре но мукет интыын вераськыны луысал. Но одно ик пусйыны кулэ – Мункачи та публикациеныз кык ласянь пайдаё уж лэсьтӥз:

1) кунгож сьӧрысь финно-угроведъёслэн киязы удмурт кылын материал вуттыса, соослэсь саклыксэс удмурт кыл вылэ но выжтыны юрттӥз;

2) ӵапак та печатлосаз Б. Мункачи улон сётӥз латынь шрифт вылын кылдытэм нимысьтыз пусъёсын транскрипциезлы. Бернат Мункачилэн та транскрипци сӧзнэтэзлэсь аспӧртэмлыксэ чаклаӥ луысал кӧня ке удмурт диалект куараосыз пӧртэм авторъёслэн ужъёсазы кутэм пусъёсын вачепумит пуктыса: Ю. Вихманнлэн публикациосаз но ӟуч но латынь шрифтэн туала удмурт диалектологиын кутэмъёсыныз:

Б. Мункачи	Ю. Вихманн	Удм. диал. (ӟуч шрифтэн)	Удм. диал. (лат. шрифтэн)
i̊	*i̯*	*ы*	*i̯*
e̊	*e̯*	*ъ*	*ə*
ɵ	*ɐ̯*	*ӧ*	*ɐ̯*
ӧ̯	*ӧ*	*ӧ°*	*ȯ*
ӧ̈	*ш*	*ӱ*	*u̇*
ǯ̌	*d̯ž*	*жс*	*ǯ̌*
ǯ	*d′ź*	*ӟ*	*ǯ*
ҫ̌	*t̯š*	*ӵ*	*č*
č	*t′š*	*ч*	*č̆*

Ачиз-а Б. Мункачи кылдытйз таче транскрипци системазэ, яке кинлэсь ке-а асэстйз, туннэ нуналъёсы мечак вераны шугъяськисько; но та сёзнэт азьланяз уже кутйськоз на солэн данак исследованиосаз но солэн юрттэменыз поттэм музон ужъёсын: кызьы ке удмурт кыллы но калык кылослы сйземъёсаз [Munkácsi 1884; 1887; 1887–1890; 1896; Lach 1926; но мукет], озьы ик мукет кылъёсъя но огъя финно-угроведениея ужъёсаз (ӵошаты, кылсярысь: [Munkácsi 1901; но о. а.]).

2. Вуоно араз та журналлэн ик 18-тй номераз печатласькиз солэн удмурт кылъя нырысетйез зэмос тодослыко исследованиез – **«Votják nyelvtanulmányok. 1. Idegen elemek a votják nyelvben»** (’Удмурт кылъя эскизъёс. 1. Удмурт кылын яткыл элементъёс’) нимо статьяез [Munkácsi 1884]. Та бадзымос уж сылэ куинь люкетлэсь:

1) кутсконаз XVIII–XIX даурысь удмурт кылын гожъям синпельметъёслы вакчияк обзор сётйське;

2) кыкетй – самой бадзым – люкетэз удмурт кылысь тюрк но тюрк кылъёс пыр удмуртэ шедем араб но перс элементъёсыз эскеронлы сйземын;

3) куинетй люкетаз удмурт кылысь ӟуч асэстэмъёс сярысь вераськон мынэ.

3. Б. Мункачилэн та кык ужъёсыз туж яркыт возьматйзы, макем валаса но тыршыса дасяськиз егит венгер тодосчи удмуртъёс

доры лыктыны: удмурт кылэз валаны дышетскем сяна, со удмурт кылэз теория ласянь выльдан (исследовать карон) борды но басьтйськиз ини. Озьы XIX даурысь 80-тй аръёслэн шоразы со дась вал ини удмуртъёс доры экспедиције потыны. Зэмзэ ик, удмурт кылъя материалъёс тырмыт луымтэез лыдэ басьтыса, сравнительно-исторической финно-угроведениез кылдытйсь тодосчи Й. Буденц аслаз дышетскисез азе туж кулэ ужпум пуктйз – удмурт кыллэсь диалектъёссэ эскерон, соосъя лексика но куэт материал люкан. Тодосъёсъя Венгер Академия та ужез умоен лыдъяз но, 1885-тй арын апреле Б. Мункачи сюрес вылын вал ини.

4.1. Мункачи Казане вуиз 15 нунал куспын. Тарту университетысь И. А. Бодуэн де Куртенэ профессорлэн гожтэт пыр дэмламезъя, татысен со нырысь ик пумиськиз мыдвыжыос понна кылдытэм учительской семинарилэн директореныз Н. И. Ильминскиен. Ӟеч пумитаз сое профессор: Казанской, Вятской но Уфимской губерниослэн картаоссыя маршрутъёс пусйылйз; возьматйз, кыче удмурт гуртъёсын материал люканы умойгес луоно; вӧзаз сюрес-чи но юрттйсь луыса ветлыны сётйз семинариысь самой усто дышетскись Николай Ивановез (вордйськемын туала Удмурт Элькунысь Дэри ёросын); Казаньын дыръяз удмурт кылын вераськонзэ волятыны, удмурт текстъёсыз транскрибировать карыны но берыктыны юрттйсе юнматйз семинариысь ик Иван Соколов нимо удмурт пияшез (вордйськемын туала Татарстан Элькунысь Кукмор ёросын).

Мункачи Николай Ивановен ӵош нырысь ик ужаны кутскиз Ижкар дорысь Вуж Ӟумъя (Старый Сентег) но Вуко Чудӟи (Куӵо, Шабердино) гуртъёсын. Вуж Ӟумъя – Николай Ивановлэн вордскем гуртэз, дораз но, котыр гуртъёсын но семинаристэз умой тодо вал, соин ик тодмо мурт вуэмен материал люканы каньыл луиз.

Ӵыдонтэм синмаськиз Мункачи Вуж Ӟумъялась Омель Такъянайлы: йырсазё, кыллы но кыланы-бураны усто адями вылэм со. Омель Такъянайлэн сётэм сюан но огшоры кырӟанъёсыз, выжыкылъёсыз, легендаосыз Мункачилэн вуоно публикациезлы зэмос инъет выллем луизы.

Со сяна, мукет усто информантъёс но шедьылйзы ик. Тани, кылсярысь, Омель Такъянайлэн сюаназ Дйньтэмысь лыктэм Дарья

Микалля но Огапья Тарасова сюанчиослэсь гожтэмын одйгез самой чебер удмурт сюан кырӟан (улйын сётэм та кырӟанэз но солы матын луись мукетсэ, учкыны но лыдӟыны каньылгес мед луоз шуыса, строфаослы люкылйз но кириллицаен транскрипцие выжтйз та книгалэн авторез; со дыре ик орфографиез но пунктуациез кӧнялы ке туалалы матын каремын ке но, Мункачиен пусъем диалект тодметъёс возьыны тыршемын):

Туж бадӟин гуртэ вуэммы вал,
та гуртэз кыӟы потом, малпам вал;
ныллэн йугытйааз ми потими вал.

туж бадӟин ву вылэ вуэммы вал,
та вуэз кыӟы потом, малпам вал;
чабак чорыг йугытйа ми потими вал.

туж бадӟин лудэ вуэммы вал,
та лудэз кыӟы потом, малпам вал;
йулэн йугытйааз ми потими вал.

туж бадӟин воӟ вылэ вуэммы вал,
та воӟэз кыӟы потом, малпам вал;
с'ас'ка йугытйа ми потими вал.

туж бадӟин йагэ но вуими вал,
та йагэз кыӟы потом, малпам вал;
пужим кил' йугытйа ми потими вал.

туж бадӟин сурдэ ми вуими вал,
та сурдэз кыӟы потом, малпам вал;
кыӟпу йугытйа ми потими вал.

уллан' вас'кис' полыкэз адӟэммы вал,
кинлэн калыкэз кожамды вал;
Агланской кунлэн калыкэз вал.

[Munkácsi 1887: 253–254]

Сюан кырӟанлэсь та выллемгес ик вариантсэ гожтыны удалтӥз Шактапи гуртысь Оляна Прокопьевналэсь:

Туж бадӟим гуртйосы вуэммы вал,
ныллэн укс'о йугытйаз ми потим.

туж бадӟим ву дурэ вуэммы вал,
чабак чорыглэн йугытйаз ми потим.

туж бадӟим лудйосы вуэммы вал,
йулэн йугытйаз ми потим.

туж бадӟим волокйосы вуэммы вал,
кыӟпу йугытйа ми потим.

туж бадӟим воӟйосы вуэммы вал,
итамат с'ас'ка йугытйа ми потим.

туж бадӟим вӧл'ийосы вуэммы вал,
л'эгэчпу с'ас'ка йугытйа ми потим.

[Munkácsi 1887: 255]

Та кырӟанъёс пӧлысь нырысетӥзэ тодмо удмурт кылбурчи М. Петров (тодамы ваёмы: Мункачи М. Петровлэн вордскем гуртаз но вуылйз!) синйылтӥз но, со вылэ пыкиськыса, ас вакытэзлы тупась пуштросъем «Ленин эш дышетӥз вормыны» нимо одйгзэ тужгес но усто политической кылбурзэ кылдытйз, кудйз огдыре ик яркыт возьматэ удмурт калык кылбуретлэсь но чеберлыксэ:

Туж бадӟым ожъёсы ми вуэммы вал,
Та ожъёсын кызьы вормод – малпан вал:
Ленин эш дышетӥз вормыны.

Туж бадӟым тэльёсы ми вуэммы вал,
Та тэльёсты кызьы потод – малпан вал:
Ленин эш валэктӥз потыны.

Туж паськыт зарезен пумиськимы вал,
Та зарезез кызьы выжод – малпан вал:
Ленин эш выжытӥз милемыз.

Чик вутэм кыръёсы ми вуэммы вал,
Кӧс кыръёстӥ кызьы мынод малпан вал:
Ленин эш нуылӥз милемыз.

Туж бадзӧым нюръёсы ми вуэммы вал,
Со нюръёсты кызьы потын паймим вал:
Ленин эш сюресъёс лёгылӥз.

Туж ӝужыт гурезе ми вуэммы вал,
Та гурезе кызьы тубод – малпан вал:
Ленин эш азьпалан тубылӥз.

Туж уно тушмонэз ваньзэ пазямы,
Ас музъеммес тушмонъёслэсь сузямы:
Ленин эш дышетӥз вормыны.

Котькыӵе кышкытэ со вал азьпалан,
Шунды выллем шуд ваиз со асьмелы:
Ленин эш, туж бадзӧым тау тыныд!
(Петров І, 77-тӥ б.)

4.2. Куазь шуныт луыса но музъем шупектыса, Вуж Ӟумъя пал информантъёс гырон-кизён борды басьтӥськизы. Со муген Мункачи берен Сарапул пристане потӥз но Кам кузя Вятка шур вожозь васькиз. Соколки гурт дорысь пристаньысен удмурт фольклорез люкась бигер этнограф доры – Борис Гаврилов дӥне – Умяк черкогуртэ пыраны малпаз. Пароход возьмасьёслэсь соку ӵапак кылӥз: адзем потоно адямиез кулоно кадь висе, пе. Валесын кыллись муртлы акыльтонтэм вылысь, малпанэзлэсь куштӥськоно луиз, нош мукет интые мыныны ужкагазэз ӧй вал – сыӵе ужкагаз сётыны быгатэ губернатор гинэ. Казане гожтэт ыстоно луиз. Арня возьмам бере, ответ вуиз. Губернатор Н. И. Ильминскийлэн но университетысь С. К. Кузнецов этнографлэн куремзылы пумит луымтэ: венгер тодосчилы кытын мылкыдыз вань, отын ужаны луонлык сётэмын вал.

Календарь июнь толэзьлэсь вуэмзэ возьматэ вал ини – Мункачи Кам кузя ик Сарапул пыр выльысь лыктӥз Вуж Ӟумъяла. Вужӟумъяос куарсурлы дасясько вылэм ини. Мункачиен Ивановлы та нуналъёсы, юри тупатэм кадь, Дӥньтэмысь (Дӥньтэм Бӧдь-

ялась) кен ваемзэс адзъыны кемдйз. Кык гуртоос огазьын шулдыръяськон вакытэ гожтыны удалтйз 3 куриськон, 36 мадиськон но 19 сюжето кырӟан.

4.3. Тодосчилэсь шумпотон мылкыдзэ öз сӧре туала Кизнер ёросысь Вуж Мултан (али Короленко) черкогуртын но. “Татын калык монэ туж шуныт пумитаз, – гожтэ Мункачи дневниказ. – Турнан дыр кемдэмен, арня нуналъёсы гинэ быдэн кык-куинь час ужано луиз ке но, 13 бадзым кырӟан, 50 мадиськон, 2 выжыкыл, 2 куриськон но грамматикая 1 очерк гожтыны кылдйз”.

4.5. Гажано куноез сямен пумитазы Мункачиез но Николай Ивановез Селта черкогуртын. Татысь шаерчи В. Капачинский сослы нимаз-нимаз капчи уробоос сётйз. Корт уробояз пуксьыса, соосын ӵош ачиз но потйз сюрес вылэ. Капачинскиен но Иванович ӵош Мункачи дугдылйз Мадьярово, Юмга-Омга, Шактапи (Большой Чибирь) гуртъёсы. Калык кылос ваньбурзыя укыр емышоесь вылйллям Юмга-Омга но Шактапи. Кылъя материал но кылос бичасьёс татысь гожтйзы пичигес эпической мадь (былина), муш утён гур, мадиськонъёс но куриськонъёс.

Материалъёс пӧлын тужгес но син шоры йӧтымон Шактапиысь Вася Савва песятайлэсь гожтэм «Калмез бакатыръёс» эпической мадь. Мункачиен Иванов та текстэз кылбурен чуръятэк гожтйзы ке но, солэсь кырӟан луэмзэ Мункачи ачиз ик пусъе. Солэсь верамзэ санэ поныса, асьме вакытысь венгер филолог, кылбурчи но берыктйсь Геза Кепеш Савва песятайлэсь та кырӟанзэ венгер кылэ чурен-чурен радъяса берыктйз. Со дырысен «Калмез бакатыръёс» нимо батыр мадь венгер кылын пӧртэм бичетъёсын туж трос пол печатласькылйз ини. Тани солэн оглюкетэз:

Inmi̊n pil'em uja, muźem vi̊li̊n bakati̊r koškä. l'ogämez kwat' iźkämiś ki̊liśkä, mi̊nämez muźemäz zurkatä. ta Bursin bakati̊r; – por Mudroä daśaśkä dallaši̊ni̊. “ki̊tči̊ mi̊nkod muso kartä?” – jua ki̊šnoez. “porjos dori̊ ožmaśki̊ni̊, kužmojosi̊n joznaśki̊ni̊!” “än mi̊n, än mi̊n! ǯeč mi̊gordä šormaloz̨i̊, duno ji̊rdä bi̊tti̊loz̨i̊”.

Мункачилэн прозаен гожтэм удмурт мадьысьтыз та уретсэ калык кылбур чуръёсы тазьы радъяны луоно:

Инмын пил'эм уйа,
муз'эм вылын
бакатыр кошкэ.
л'огэмэз
кӯат' из'кэмыс' кылис'кэ,
мынэмэз
муз'эмэз зуркатэ.
та Бурсин бакатыр
пор Мудроэ дас'ас'кэ
даллашыны.
– кытчы мынкод,
мусо картэ? –
йуа кышноэз.
– порйос доры
ожмас'кыны,
кужмойосын
йознас'кыны!
– эн мын, эн мын!
ӟэч мыгордэ
шормалозы,
дуно йырдэ
быттылозы.

[Munkácsi 1887: 61]

Темаезъя, сюжетэзлэн ӝог но бугырес азинскемезъя, ритмикаезлэн пезьгыт луэмезъя та кырӟанэз зэмзэ ик пыртыны луэ батыръёс сярысь геройлыко эпик произведениос пӧлы. Со кылдэмын луыны кулэ нимаз-нимаз улйсь удмурт выжыос огъя бадӟым бӧляке одйг калык луыса огазеяськон вакытэ.

Солэсь но, оло, вашкалагес кырӟан гожтӥллям Мункачиен Николай Иванов Юмга-Омга гуртысь Омельян песятайлэсь – «Муш ӧтён гур» шуиське со (куэтлэн оглюкетэз гинэ Мункачилэн орфографиеныз но латынь шрифтэн транскрипциеныз сётйське, огломак – кириллической транскрипцие выжтыса но кылъёслэсь валче/нимаз гожтйськемзэс туалалы матэ карыса):

Ožonän, piričään šor-šor karod-kä – ta šorı̊!
vaǯ-kä vası̊ljosı̊d gažalod-kä – ta šorı̊!
zarı̊ǯ-kä ta-paljostid kuškod-burjod-kä – ta šorı̊!
Kam ǯoz-kä bod-dorı̊śt̊id kuškod-burjod-kä – ta šorı̊!
dukt'a-kä kotkan mu-vı̊rjostid kuškod-burjod-kä – ta šorı̊!
koń̊-kä bı̊źon vugaljostid kuškod-burjod-kä – ta šorı̊!
kı̊z-pu-kä surd-uljostid kuškod-burjod-kä – ta šorı̊!⟨...⟩

[Munkácsi 1887: 317–318]

Ожонэн, пиричээн шор-шор карод кэ – та шоры!
ваӟ кэ васылйосыд гажалод кэ – та шоры!
зарыӟ кэ тупалйостид кушкод-бурйод кэ – та шоры!
Кам ӟоз кэ боддорыс'тыд кушкод-бурйод кэ – та шоры!
дукт'а кэ коткан мувырйостид кушкод-бурйод кэ – та шоры!
кон'ы кэ быз'он вугалйостид кушкод-бурйод кэ – та шоры!
кызпу кэ сурд улйостид кушкод-бурйод кэ – та шоры!
бэрыӟ дай заӈарйостэ кушкод-бурйод кэ – та шоры!
л'эмо кэ бурдоэныд лыктод кэ – та шоры!
с'усто кэ бубийэныд лыктод кэ – та шоры!
айы кэ пусйэм с'иро пуэд – та шорын.
бушэн мынон дырйа, тыройэн бэртны карод мэда?
н'ыл' эро кэ жӧк вылэ пуктыны чэчыдэ с'отод мэда?
ӟэч калыкэн с'имон-йумон с'отод мэда?

“Та кырӟанэз, – вера Мункачи, – удмуртъёс «Муш утён гур» шуо. Сое мушкась кырӟа, палдоно палэплы выль уморто лэсьтыкуз, соин ик вань кылъёсыныз кырӟан вазиське мушъёслы”. Отйяз учёной нимаз-нимаз валэктэ кырӟанысь вуж но вунэм кылъёслэсь – архаизмъёслэсь – пуштроссэс: *пирича* ’уморто пушез лэсьтон ожон’, *ӟоз* ’ярдур’, *кушкыны* ’утчаны (синмын)’, *вугал* ’нёжал’, *сурд* ’(кызьпу) сик, тэль, куак’, *бубы* ’пыд (пубы – *ныл-пиослэн веран кылзы*)’, *зангар* ’уморто лэсьтыны ярась гырк беризь’, *буръёд* ’быръёд’ но мукет.

4.6. Будапештысь потыкуз ик, Б. Мункачи малпаз вал вань удмурт диалектъёсыз эскерыны. Таӵе малпанэн со Селталась Удмуртилэн уйшор палаз – Балезино черкогуртэ (удмурт нимызъя Узягурт) – мынӥз. Сюресэз тодосчилы капчи ӧз йӧты: шальтрам уробоез куинь пол кымаськылӥз; одйг интыетӥ жиетыса, тыл но пень пазяса ӝуась лысо нюлэс пыр потоно луиз. Вылаз ик ветлэмез но пайдаез туж ик уно ӧз луы: Балезино удмуртъёслэсь 4 куриськон но 1 нуны веттан кырӟан гинэ гожтыны удалтӥз. Татысь шаерчи нергеос И. Н. Утробинэн В. А. Флёров пичи удмурт-ӟуч кигожтэм словарь ӧй ке кузьмасалзы, кылос люкасьёслэн мылкыдзы воксё куашкасал, дыр.

4.7. Балезиноысь венгерен удмурт мынйсь-ветлйсьёс Казань пала Шаркан пыр кошкизы. Шарканысен Мункачи шумпотыса пумиськиз татысь дышетйсен, со вакытэ тодмо удмурт этнографен Г. Е. Верещагинэн. Верещагин кыдёкысь лыктэм выль тодмозэ гожтытйз 10 мадиськон, 4 кырӟан но 1 выжыкыл. Вордскем интыяз – Полом черкогуртын – вераськемзыя гожтытйз, Сосновка черкогурт котырысь удмуртъёслы сйзем книгаезлэн кигожтэтысьтыз лыдӟыса. Выжыкылзэ мадиз ӟуч кылын. Удмурт кылэ сое берыктйз Мункачилэн одйгез юрттйсез Иван Соколов.

4.8. Шарканысен Мункачи кошкиз Башкириысь удмуртъёс доры. Дугдылйз татысь Можга гуртэ (али со Янаул ёросэ пыре). Можгалась Апсывыр песятай но солэн кузпалэз сётйзы 1 куриськон но 3 кырӟан. Отйяз Казане дыртытэк öйлась: уксё басьтыны, сюрес вылын сурыкмыны вуэм дйсьсэ но пыдкутчанзэ воштыны. Азьланьын Мункачилэн планэз бадӟым на вал: öй вал на эскеремын Елабуга уездысь удмуртъёслэн вераськонзы но кырӟан-веран сямъёссы. Нунал но уй куспын, 29-тй августэ ӵукна, уездлэн центраз вуиз. Кураково черкогурт пыр потыса лыктйз Алнаш черкогуртлы матысь Актэмыр (Елкибаево) гуртэ.

4.9. Мункачилэн дневниказ Актэмырысен кылдйзы таӵе чуръёс: “Вуимы ӵапак умой вакытэ. Выль чечы октон нерге каро вал удмуртъёс. Тупатэм сямзыя йыбырттэмзы но виро сётэмзы бере, туж юн шулдыръяськыны кутскизы. Мон но асме юоназы пыриськытоно луи. Удмуртъёс куно карыны быгатэмзэс туж усто возьматйзы. Огез но мукетыз кыктой ӵоже утялтйзы самой ӟеч сюсё чечыен, ӵуж табанен, аракыен но мукет ческытэсь удмурт сиён-юонъёсын. Котьмакем сюлвори ке но, азьлане мыныны конь-донэн дун öз басьтэ. Кураковое монэ берен асьсэос келязы, самой тузйӟ валъёссэс кыткыса”.

Актэмырын Мункачи улйз 30-тй но 31-тй августэ, со дыр ӵоже гожтйз 35 мадиськон, 15 кырӟан но 1 куриськон.

4.10. Мункачилэн берпуметй вуылэм гуртэз – Вандэмо (Монашево). Кин тодэ, оло, Михаил Петровлэн анаеныз-атаеныз но татысен пумиськиз? Оло нош, Александр Белоногов кылбурчилэн песятаеныз но? Котьма ке но, вуоно удмурт писательёслэн вашкала гуртооссы лыктэм муртлы ӟечкын возьматйськыны быгатй-

зы. Малы лыктэмзэс кенешын ивортэмзы бере, кырӟан-веран сётонзэс соос, выт тыронэз кадь, одно ик быдэстоно ужен лыдъязы. Одйг-кык час куспын тодосчилэн тетрадяз выльёсыз 12 кырӟан но 1 куриськон кылдйзы.

Люкам материал, Мункачилэн чакламезъя, та гуртлэсь вераськет пӧртэмлыксэ эскерыны тырмыт вал ини; мукет диалектъёсъя но гожтосъёс данак люкаськемын. Венгер тодосчи удмурт сюресчизэ но юрттйсьсэ Николай Ивановез дораз бертыны косйз. Удмурт музъемлы, удмурт калыклы берпумзэ тау карыса, ачиз но вырӟиз вордйськем шаераз бертыны. Бертйз лыктэм сюресэз кузя, Казаньысен. Сентябрь толэзьлэн нырысетй числоосаз.

4.11.1.Кузь сюрес вылэ потон азяз Мункачи выльысь эскериз люкам материалъёссэ. Чыры-пыры шакресъёссэ волятыны солы татын юрттйз на удмурт семинарист Иван Соколов. Со ик дор калыкезлэсь – Улынгуртысь (Татариысь Мамадыш ёросысь Нижняя Уча гурт) – люкам материалзэ Мункачилы Будапештэ но ыстйз на. Со материалъёс пӧлын 20 чакласьконъёс (приметаос), 165 кырӟан (ваньмыз соос 4 чуръемесь) но акашка нерге утён сярысь бадӟымос гожет (очерк).

4.11.2. Ачиз гожтыса, Б. Мункачилэсь материалзэ узырмыты-ны юрттйз Николай Иванов но. Соос пӧлын ик вал «Шунды эмеспи» выжыкыл. Асьме дорын со нырысьсэ печатласькиз алиенгес гинэ, туала литературной кыллэн куронъёсызъя тупатъяса.

5. Б. Мункачилэн 1885-тй арын люкам материалъёсыз потйзы 1887-тй арын Будапештын, **«Votják népköltészeti hagyományok»** (’Удмурт калык кылбуретлэн традициосыз’) нимо книгаен [Munkácsi 1887]. Быдӟалаез – 336 бам. Отчы пыртэмын 277 кырӟан, 175 чакласькон, 148 мадиськон, 16 выжыкыл но ишанкыл, 10 легенда но предание, 15 куриськон, 12 визькыл, лэчыткыл, 5 пелляськон, 1 этнографической верос но мукет жанръёсысь произведениос. Книгалэн пумаз сётэмын Вуж Ӟумъялась удмурт нылкышно, пиосмурт но инты нимъёс. Котькудйз куэт берыктэмын венгер кылэ, пуштроссыя валэктонъёс сётэмын, ӟеч-ӟеч возьматэмын произведенилэн ку, кытын но кинлэсь гожтэмез.

Бичетаз автор сётэ удмурт вераськетъёсъя куд-ог теоретической малпанъёссэ но. “Мынам чакламея, – шуэ со, – удмурт кылын висъяны луэ вить диалект: *сарапул*, *малмыж*, *глазов*, *кузон*

но *уфа*. Соос пӧлын тужгес но висъяське *кузонэз*. Отын мукет диалектъёсысь *i̊* (= *ы*), *ʊ* (= *ӧ*), кыл кутсконысь *j-* (= *й-*) куараос интые верало *e̊* (= *ъ*), ымдуръям *ӟ* (= *ӧ°*) но *d′-* (= *д′-*) куараос. *Сарапул* диалектлэн яркыт тодметэз огъя удмурт *š*, *č* яке *ž*, *ǯ* куараос интые *č́*, *ǯ́* куараосыз кутон бордын луэ. *Уфа* вераськетлэн висъясь тодметъёсыз – *a̮* (= *a°*) но кыл кусконысь *d′-* (= *j-*) куараос" [Munkácsi 1887: XII].

Удмурт фольклористика понна но та публикация туж дуно, угось со Б. Гавриловлэн книгаез бӧрсьы [Гавриловъ 1880] кыкетйез бадзым удмурт фольклор бичет, кытчы пыртэмын калык кылослэн ваньмысьтыз сямен жанръёсысьтыз произведениос. Соя адзыны луэ, кыче вылэм асьме калык творчество даурлэсь трос талэсь азьло. Соя ик тодыны быгатйськом, кычеосыз ӟуч калык произведениос но библи мадёсъёс соку пыриллям вылэм ини удмурт калык репертуаре[70].

Нимаз адямилэсь дунне шоры учконзэ паськытатыны но удмурт культуралы азинскыны дышетсконлэн но ӟуч культуралэн макем пайдаё луэмез сярысь нимысьтыз пусъё куд-ог ньыльчур кырзанъёс. Вераны кулэ: кузон удмуртъёс туж кемалась дырысен тодмо вал ини дышетскон-югдытскон ужен, угось данакен шедьылйзы Казаньысь но со котырысь пӧртэм школаосы. Чапак соос пӧлын XIX даурлэн пумаз ик вӧлмемын вылэм ини таче ньыльчуръёс яке отысь люкетъёсыз:

[70] Та выллем ик малпанъёссэ ас вакытаз пыр-поч ивортйз вал К. Герд но, Б. Мункачилэн но Ю. Вихманнлэн фольклор публикациосынызы гержаса: "Сыче гожтэмлэн мар пайдаез вань? Тани мар: Вихман но Мункачи асьме удмурт доры ветлэмлы тани 30 ар луэ ини (статья печатламын вал 1929-тй арын. – *В. К.*). Табере, кытысь мае соёс гожтйзы, тйни со гуртъёсы мыныса кыктэтсэ но куиньметсэ но калыккылосэз гожтыны луоз. Гожтэм берамы, вачепуктэт но лэсьтэмын луоз: 30 ар чоже та гуртысь калыккылос воштйськем-а, ӧвӧл-а; вераськон сямзы та гуртын воштйськем-а, ӧвӧл-а? Воштйськем-ке, маиз воштйськем, кызьы воштйськем? Сокы асьмелэн, – кызьы калыккылос, кызьы вераськон сям воштйське, улэ, маиз быре, маиз кыле – тйни со асьмелэн син азямы туж сайкыт пуксёз. Сокы асьмелэн калыккылослэсь, вераськон кыллэсь воштйськон законъёссэ но умойгес тодэммы луоз" [Герд 1929: 20].

Гожйас'кон тълъ лэс'тъсал
алтън но шуон макэлис';
утчай но шэтти мон тонэ
из'он но кэнас пошкис'къд.
[Munkácsi 1887: 245]

Гожтэмэ потъса уг гожтис'къ,
музон тълъйос ӧ°з кэ лу.
улэмэ потъса уг улис'къ,
аслам анакайэ ӧ°з кэ лу.
[Munkácsi 1887: 288]

Ин'марэз ӧ°шйаса мон кърӟасал,
уг дър тодис'къ гожтэтлъ;
мон гожтэтлъ но дъшэчкон дърйа
кошкиз, дър, мънам агайэ.
[Munkácsi 1887: 311]

Дъшэчкис'эд чърдоз Кузонън,
Кузонън ӧ°вӧ°л, карйосън;
дъшэчкис'эд кайик чърдъса,
тодмас'кънъ луоз мэдам дӱн'н'айэн.
[Munkácsi 1887: 329]

Азьло ваненыз но муртлэсь асэстэмен гинэ уг буйгатскы удмурт калык. Солэн вань аслаз импровизаторъёсыз – визьбуро, кыллы усто кылбурчиосыз но крезьгурчиосыз. Кылсярысь, Актэмырысь Миклай Ӧртэмей Мункачилы вить сыӵе кырӟан сётэм. Мункачилэн гожъямезъя, “Ӧртэмей[71] кырӟан пӧрмытыны быгатэменыз туж данъяське; макем капчиен сётйське солы та уж,

[71] Кылем даурысь 70-тй аръёсы Актэмырын мыным удалтйз на Ӧртэмей песятаез тодйсь мӧйы адямиосын пумиськыны. Соослэн ивортэмзыя, импровизатормы лапег гинэ мугоро но туж шумприч пересь, пе, вал.

адӟиське солэн син куспетӥ кылдытэм кырӟанэзъя, кытын со вера куиньнамы сярысь (ачиз сярысь, Николай Иванов но мон сярысь):

Ачмэос пукис'ком кун'намы,
ачмэлэс' с'инмы кӯат';
тил'ад с'инды вол'ыткэс,
мынам с'инмы
тил'ад мында уг тоды”.

[Munkácsi 1887: 285]

5.1. Б. Мункачилэн та ужез асьме дорын вачепумит луись дунъет басьтӥз. 20-тӥ аръёслэн пумазы К. Герд, кин ас кияз кутыса ик тодматскыны быгатӥз вал та книгаен, солы туж вылӥ дунъет сётӥз; книгае пыртэм турлы текстъёслэсь лыдзэс нимаса, со азьланяз гожтэ: “Та кылбурет ваньмыз ик, кызьы, кытын удмуртъёс верасько, озьы ик кельтыса, удмурт кылын гожтэмын; вӧзаз мадьяр кылын берыктыса гожтэмын. Та книга туж ӟеч, туж умой ужаса быдэстэм книга” [Герд 1929а: 40].

5.2. Но соин валче ик бӧрысьгес ужам выльдасьёс (исследовательёс) книгаез кулэезъя дунъяны ӧз быгатэ яке солэсь чик ӧвӧлтэм шекъёссэ шедьтыны тыршылӥзы. Кылсярысь, П. Яшин «Об удмуртском фольклоре» статьяяз ивортэ, удмуртъёслэн, пе, Мункачилэн малпамезъя, асьсэлэн зэмос калык кылоссы ӧвӧл, ваньмыз сямен сюжетъёс асэстэмын мукет калыкъёслэсь[72]. Политической но утилитарной дунъян критерийёс вылэ пыкиськыса, «Удмурт калык кылбуретлэн традициосыз» книгалэсь мукет палась тырмымтэоссэ пусъе Н. П. Кралина но: Мункачилэн гожтэм 175 чакласьконъёсыз пӧлысь ог дасояз гинэ, пе, вань инкуазь но

[72] “В 1885 году венгерский лингвист Бернард Мункачи посетил Сарапульский, Малмыжский, Казанский (Б. Мункачи таяз ачиз ӧз вуылы. – *В. К.*), Елабужский и Глазовский уезды и через 2 года в 1887 году в Будапеште издал сборник «Остатки народной поэзии вотяков». ...Мункачи утверждает, что у удмуртов своего оригинального фольклора нет, что почти все сюжеты заимствованы у других народов” [Яшин 1948: 4].

гурт возёс (сельской хозяйство) сярысь тунсыкоесь чакламъёс, кылемъёсыз – ӧвӧлтэмъёслы осконъёс, вӧт тунанъёс но мукет со выллем; соослэн, пе, нокыче но практической кулэлыксы но пайдазы ӧвӧл. Зэм, обзорезлэн пумаз ватса ик: соос, пе, дуноесь луо удмурт кыллэсь но пӧртэм осконъёслэсь историзэс эскерон понна[73]. Но куд-ог мукет.

5.3. Б. Мункачилэсь «Удмурт калык кылбуретлэн традициосыз» книгазэ та выллем тырмыт но/яке шонер луисьтэм дунъян учыръёс герӟаськемын, мынам малпамея, куинь муген:

1) бӧрысьгес ужась фольклористъёс, асьсэос венгер кылэз валамтэенызы, мултэс оскиськизы К. Герд вылэ, кудйз Мункачилэн книгаезлэсь «Votják népköltészeti hagyomanyok» (’Народнопоэтические традиции удмуртов’) нимзэ янгышен берыктйз «Остатки народной поэзии вотяков» шуыса;

2) туж тросэз выльдасьёс (исследовательёс) та книгаез ас синмынызы адӟыны но сое лыдӟыны ӧз быгатэ: фольклор куэтъёс укыр аспӧртэмлыко транскрипциен печатламын, соослэн берыктоссы (переводзы) но вӧзазы сётэм валэктонъёс венгер кылын гожтэмын, со сяна, книгаез берло аръёсозь но Удмурт шаерын шедьтыны шуг вал;

3) Советъёс вакытысь тодосчиос книгаез чылкак мукет – политизированной – критерийёсъя дунъяны тыршизы.

[73] “Так, венгерский лингвист Бернард Мункачи записал значительное число образцов народной поэзии. В 1887 году им была издана книга «Остатки народной поэзии вотяков», в которую вошло 175 примет и поверий. Записи Мункачи, дополненные ученым Д. Р. Фокошем-Фуксом (цитатая валантэм, Мункачилэсь кыче записьёссэ 1952-тй арын поттйз Д. Р. Фокош-Фукс; вылйын нимам книгаысь шуыса кожа ке Н. П. Кралина, со шонер ӧвӧл. – *В. К.*), изданы в 1952 г. книгой «Народные обычаи и песни вотяков», куда вошло 24 народных выражений. ... Из 175 примет лишь до десяти содержат интересные наблюдения над природой и сельским хозяйством. Основная же масса примет и поверий представляет собою суеверия, истолкование сновидений, счастливые и несчастливые предзнаменования. Естественно, такие приметы не имеют практического значения и смысла. Записи их ценны как факты истории языка, верований и суеверий” [Кралина 1960: 5–6].

6. Удмурт калыкез, солэсь кылзэ но кыл устолыксэ мур гажамзэ но ӟырдыт яратэмзэ Мункачи туж умой возьматӥз 1952-тӥ арын Хельсинкиын печатлам удмурт фольклорно-этнографическо-диалектологической бичетэныз но [Munkácsi 1952]. Печате сётыны сое ачиз автор ӧз ни вуы, куспетӥ луэм ужзэ йылаз-пумаз вуттӥз дышетскисез Давид Рафаэль Фокош-Фукс профессор. Таиз сборник, 1887 арысез сярысь, куинь поллы ёрос бадӟымгес. Удмурт калыклэн 1917-тӥ арозь улон-вылонэзъя энциклопедиез шуыны луоз сое – маиз но отын ӧвӧл: выжыкылъёс, легендаос, калык веросъёс, мадёсъёс, мадиськонъёс, визькылъёс но лэчыткылъёс, кырӟанъёс, нылпи фольклорысь произведениос, вашкала удмурт нимъёс, удмурт калыклэн нерге утёнъёсыз, шудон-серектон сямъёсыз...

Кылдэмез но огшоры ӧвӧл та бичетлэн – текстъёс герман ож дыръя пленэ сюрем удмурт солдатъёслэсь люкамын вал.

Нырысетӥ дунневыл жугиськон дыръя, 1915–1916-тӥ аръёсы, Мункачи филология ласянь трос юрттӥз Австриысь ачиз кадь ик быдӟым тодосчи-музыковедлы Роберт Лахлы со ожгарпленнойёслэн ик 81 удмурт кырӟанъёсынызы книга дасяны. Книга потӥз Венаын 1926-тӥ арын **«Gesänge russischer Kriegsgefangener»** (’Ӟуч ожгарпленнойёслэн кырӟанъёссы’) сузьетын [Lach 1926].

7. Шумпотыса пусйыны кулэ: Бернат Мункачилэн удмурт кылосбур удысын тыршемез буш ӧз кыльы: одйг ласянь, солэсь кичӧлтонзэ эшшо но ӟырдыт мылкыдын азинтӥзы но азьланьто Венгриысь данак мукет тодосчиос – кылчиос Габор Берецки, Карой Редеи, Шандор Чуч, Эникӧ Сий, Иштван Козмач, Жужа Шаланки, музыковедъёс Ласло Викар, Давид Сомьяш-Шифферт, литературовед Петер Домокош но трос мукетъёсыз; нош мукет ласянь, асьсэос но удмурт кылосбурчиос пумен быдэ вуо ини, солэсь но музон венгер тодосчиослэсь венгер но мукет кунсьӧр кылъёсын гожъямъёссэс творчески уже кутыса, асьсэ духовной культуразэс вылӥ ӵошталаын (уровеньын) эскерыны.

2.4.2. Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов*

В апреле 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения и 125 лет со времени приезда в удмуртские земли венгерского академика Бернаты Мункачи (1860–1937), языковеда и этнографа, литературоведа и историка, фольклориста и педагога. Будучи высокообразованным специалистом своего времени, владея многими финно-угорскими, а также целым рядом западных (немецким, латинским, (?) французским) и восточных (арабским, персидским, турецким, татарским, чувашским, (?) осетинским) языков, Б. Мункачи оставил после себя огромное творческое наследие – при жизни им было опубликовано 357 наименований работ: статей, рецензий, словарей, монографических исследований, фольклорно-диалектологических изданий (порою многотомных) по венгерскому, мансийскому, удмуртскому, марийскому, чувашскому, татарскому, осетинскому и другим языкам и народам.

Бернат Мункачи был ярким представителем своей страны и времени, но отнюдь не единственным. Еще до рождения Б. Мункачи, когда в мировую лингвистику уверенно внедрялся сравнительно-исторический метод, видный венгерский философ, лингвист и историк Пал Хунфальви (1810–1891) – “этот высокообразованный ученый с чистой логикой и огромной эрудицией” [Zsirai 1936: 2] – призвал специалистов заниматься изучением родственных языков: “Кто является профессиональным языковедом, кто хочет быть преподавателем венгерского языка в наших школах, от тех не я, а обязанность, уважение к венгерской науке требуют, чтобы они изучали родственные языки” [Zsirai 1936: 11; см. также: Hajdú 1962: 389]. И еще: “До тех пор, пока наши языковеды не изучили финские и тюркские языки, ни грамматические, ни лексикологические наши книги не будут соответствовать нуждам языкознания” [Szily 1910: 6]. Очень важно то, что этот клич стал программой действия виднейших финских и венгерских фин-

* Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Устинов, 1987. – С. 12–24. Внесены уточнения и дополнения.

но-угроведов середины и второй половины XIX и начала XX столетия. Оставляя свои уютные кабинеты, ученые финно-угроведы первых поколений – эти поистине великие сподвижники науки – отправлялись (порой на многие годы) в глухие удмуртские и марийские, мордовские и коми селения, в дымные и холодные чумы хантов и манси, дальние кочевья ненцев и саамов в поисках того бесценного фольклорного и лингвистического материала, который в силу ряда объективных исторических причин не мог быть собран представителями самих этих народов и которого так недоставало для серьезных теоретических обобщений по языку, мифологии, культуре и истории своего и родственных народов. Это была героическая эпоха в истории финно-угроведения, эпоха "великих собирателей" (как впоследствии были названы в финно-угристике ученые этого периода), эпоха, питавшая своими соками последующие этапы развития науки о финно-угорских народах, в том числе и удмуртской лингвистики за рубежом.

Собирание и публикацию богатого фольклорного наследия малых финно-угорских и самодийских народов, изучение их языка, культуры и истории финно-угроведы этого периода воспринимали как свой интернациональный долг по отношению к малым родственным народам, как личную обязанность перед наукой. Вот что писали в этой связи венгерские ученые в 1842 г.: "У нас нет морей и заокеанских колоний, куда могли бы снаряжать научные экспедиции, чтобы расширить круг универсальной учености; нет ни северного и южного полюсов, к которым могли бы отправляться наши путешественники-первооткрыватели, дабы привести в изумление другие народы и снискать их уважение к нам. Наше происхождение и родственники по языку – вот те полюса, вокруг которых мы можем и сможем только мы сделать открытия, если не хотим ждать – и ждать безуспешно – со стороны, только мы и обязаны их совершить" [Zsirai 1936: 2]. Под этими словами всей своей жизнью "подписались" Антал Регули (1819–1858), Матиас Александери Кастрен (1813–1852), Игнац Халас (1855–1901), Бернат Мункачи (1860–1937), Юрье Йоосеппи Вихманн (1868–1932), Хейкки Паасонен (1865–1943), Кустаа Фредерик Карьялайнен (1871–1919), Арттури Каннисто (1874–1943), Эден

Беке (1883–1964), Давид Рафаэль Фокош-Фукс (1884–1978) и многие другие венгерские и финские ученые, которые своим самоотверженным трудом в деле освоения “финно-угорских полюсов” завоевали себе почетное место в мировой финно-угристике.

Определенный интерес к удмуртскому языку впервые проявил в Венгрии основоположник финно-угорского сравнительно-исторического языкознания Йожеф Буденц (1836–1892), который еще в отдельных ранних работах использовал удмуртские лексические материалы [Budenz 1864; 1867–1869]. Однако величайшая заслуга Й. Буденца и основанной им в Венгрии школы финно-угорской компаративистики перед удмуртским языкознанием заключалась в другом – она дала ему “светящегося пламенем оригинальности Берната Мункачи” [Rubinyi 1947: 236], который не без совета и поддержки своего учителя всерьез и на всю жизнь заинтересовался языком и духовной культурой удмуртского народа.

Родился Бернат Мунк (фамилию Мункачи его семья приобрела в 1881 г.) в апреле 1860 г. в Румынии, в городе Надьварад. Первоначальное образование получил в местной гимназии, и стремление к изучению восточных языков и культур (еще в гимназии он начал изучать турецкий язык) привело его впоследствии в Будапештский университет, где он был прилежнейшим учеником трех маститых венгерских ученых: основоположника сравнительно-исторического финно-угроведения Йожефа Буденца, профессора венгерского языка Жигмонда Шимони (1853–1919) и крупного ориенталиста, специалиста по тюркским языкам Армина Вамбери (1832–1913). “В особенности большое влияние оказал на всю его духовную жизнь Буденц, который установил тесные дружеские связи со своим учеником; большей частью его поддержке Мункачи обязан и тем, что позднее смог отправляться на заграничные поездки и таким образом достичь своей самой заветной цели” [Szinnyei 1903: 379]. “Он (Й. Буденц. – *В. К.*) был тем, кто клубящиеся туманные мечтания моих юношеских порывов... сформировал в реальную идею, мои планы на будущее направил на определенную стезю”, – признался в одном из писем сам Мункачи [Zsirai 1938: 1].

В начале 80-х гг. Б. Мункачи приступил к изучению удмуртского языка, в чем неоценимую помощь оказала ему книга Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880], первый сборник удмуртских фольклорных текстов, изданных на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык. Берната Мункачи покорила неброская, своеобразная красота удмуртского фольклора. “Удмурт в общем трудолюбивый, но наряду с этим веселый и добродушный, можно сказать, человек поэтической души. Кто умеет наслаждаться проявлениями наивного народного духа, тот найдет много прекрасного в их песнях, в остроумных загадках и рассказах”, – писал он, познакомившись с книгой Б. Гаврилова. Даже отдельные извлечения из нее – 120 загадок, 6 сказок, 21 сюжетная и 96 коротких (четырехстрочных) песен, 5 куриськонов – были опубликованы им в Венгрии в своеобразной (“мункачиевской”) транскрипции на латинской графической основе[74] и с параллельным переводом на венгерский язык под названием **«Votják nyelvmutatványok» (**’Образцы удмуртской речи’) [Munkácsi 1883]. Завершает эту его первую удмуртскую публикацию небольшой удмуртско-венгерский диалектологический словарь (прообраз будущего «Словаря удмуртского языка» [Munkácsi 1896]), включающий такие слова из текстов, “которые не встречаются в удмуртском словаре Видеманна, или, если встречаются, то в иной форме, с иными суффиксами, иногда в другом значении” [Munkácsi 1883: 294].

В 1884 г. вышло первое его оригинальное исследование в области удмуртского языкознания – **«Votják nyelvtanulmányok»** (’Этюды по удмуртскому языку’) [Munkácsi 1884], посвященное обзору ранних письменных памятников и выявлению тюркских и русских заимствований в удмуртском языке. Эта работа показала большую осведомленность Б. Мункачи в литературе об удмуртах, теоретическое и практическое знание им языка и тем самым готовность приехать к удмуртам для сбора материала в полевых ус-

[74] Образцы текстов, записанных этой транскрипцией, см. выше, в очерке «Б. Мункачи, удмуртъёс но удмурт калык кылос».

ловиях. И, действительно, весной 1885 г. двадцатипятилетний молодой человек с неуемной энергией и огромным желанием работать на благо финно-угорской науки приехал в Казань с целью попасть на удмуртские земли. Директор учительской семинарии профессор Н. И. Ильминский предоставил в его распоряжение двух лучших семинаристов-удмуртов – Николая Ивановича Иванова, уроженца д. Старый Сентег современного Завьяловского района Удмуртской Республики, и Ивана Михайловича Соколова, выходца из д. Нижняя Уча современного Кукморского района Республики Татарстан. Эти семинаристы оказались незаменимыми помощниками молодого венгерского ученого: при пособничестве Ивана Соколова Б. Мункачи составил словарь кукморского говора, а также существенно пополнил текстовой материал четырехстрочными песнями, которые И. Соколов записал в своей родной деревне в период летних каникул; а Николай Иванов был попутчиком венгерского ученого-филолога на всем протяжении его экспедиции по удмуртской земле. “Умный и талантливый, – отзывался о нем Б. Мункачи, – ...основательно знает свой народ, полностью понимает мои цели, программу моей работы” [Munkácsi N. 1943: 78, 74]. За лето и осень 1885 г. Б. Мункачи совместно с Николаем побывал в современных Завьяловском, Кизнерском, Алнашском, Селтинском, Балезинском, Шарканском (в с. Шаркане встретился с первым удмуртским ученым Г. Е. Верещагиным) районах нашей республики, Янаульском районе Башкортостана и Елабужском районе Татарстана. Маршрутом поездки венгерского исследователя по удмуртской земле руководило “стремление собрать текстовой и словарный материал во всех местах проживания удмуртов и тем самым добыть сведения об удмуртских диалектах” [Munkácsi 1887: XII]. Богатый и разнообразный материал, собранный венгерским филологом на территории распространения самых различных диалектов удмуртского языка, впоследствии лег в основу двух его книг: в 1887 г. издал сборник фольклорно-диалектологических текстов, а в 1890–1896 гг. – словарь удмуртских диалектов.

Представление о богатстве его фольклорного сборника **«Votják népköltészeti hagyományok»** (’Народнопоэтические традиции

удмуртов’) [Munkácsi 1887] дают следующие цифры: в него вошли 277 песен, 175 примет и поверий, 148 загадок, 12 пословиц и поговорок, 16 сказок, небылиц и быличек, 15 куриськонов, 10 легенд и преданий, 5 заговоров, 1 рассказ этнографического содержания и др. Весь этот разнообразный материал, расположенный по жанрам фольклора, дан в фонетической транскрипции на латинской графической основе с сохранением диалектных особенностей; удмуртские тексты снабжены переводом их на венгерский язык и комментариями лингвистического и этнографического характера. Этот сборник вслед за вышеупомянутой книгой Б. Гаврилова явился вторым крупным научным изданием произведений удмуртского устно-поэтического творчества. Недаром он получил самую высокую оценку как отечественных, так и зарубежных ученых. Так, казанский этнограф И. Н. Смирнов, автор крупного обобщающего исследования об удмуртах, писал о нем: “Главную ценность книги г[осподина] Мункачи составляет необыкновенная тщательность, с которой он транскрибирует вотские тексты. Как свод научно транскрибированных вотских текстов, книга г[осподина] Мункачи не имеет подобных себе в нашей литературе и должна стать образцом для каждого исследователя, желающего посвятить свой труд изданию инородческих текстов” [Смирновъ 1890: 291]. С высокой положительной оценкой этого труда Б. Мункачи выступили в различное время удмуртский поэт и ученый Кузебай Герд [1929: 20], венгерский языковед М. Жираи [Zsirai 1938: 2], финский академик Ю. Тойвонен [Toivonen 1938: 30] и ряд др.

Трех(четырех?)ъязычный удмуртско-венгерско-немецко(-русский) **«A votják nyelv szótára» (**’Словарь удмуртского языка’) [Munkácsi 1896] – уникальный в истории удмуртского языкознания лексикографический труд, который органически сочетает в себе элементы различных видов словарей:

1) диалектологического (слова даны в диалектной форме с указанием на их диалектную принадлежность);

2) исторического (многие слова имеют указание на письменный источник их употребления);

3) трех- (иногда и четырех-)язычного переводного – с удмуртского на венгерский, немецкий и (порою) на русский языки;

4) толкового (значение многих слов нередко объясняется не только через перевод, но и путем пространного толкования на венгерском, немецком, а иногда и русском языках, а также подбора минимального контекста их функционирования – пословиц, поговорок, загадок, примет, строчек из песен, отрывков народной прозы, фраз из переводной литературы и т. д.);

5) этимологического (заимствования снабжены пометами, указывающими на язык-источник) и пр.

Чтобы получить некоторое представление о своеобразии его транскрипции и лексикографической разработке слова, приведу несколько словарных статей:

> *kozmal-* [elavúlt szó, melynek jelentését közlőim nem ismerik; Gavr. is azt mondja róla: можно перевести: помилуй, спаси, благослови; но истиннаго значенія этого слова никакіе Вотяки не знаютъ, ни Казанскіе, ни Вятскіе; – előfordúl azonban az imádságokban, pl. *Iṅmarä kozma!* Gavr. im. 1. | *óstä Inmarä, kozma Inmarä, badʒim Inmarä!* VNpk. im. 4, 5. s széltiben használják az 1847. évben készült vallásos nyomtatványok. Ez utóbbiakban jelentése: áldani, megáldani (благословлять) | segnen. – *kozmasa tijaltiz (ńańäz)* благословивъ преломилъ (хлѣбъ). Glaz. Mát. 26, 26 | *kozmatäk kel'tiz sojä* megáldatlanúl hagyta őt. Sar. Azb. 30 | *ajĭzlän kozmamez* (благословеніе отца). Azb. Sar. 37. – Ugyanígy: *kijad-pĭdad baśtĭ, kozma Inmarä!* прими руками и ногами и благослови насъ, о Инмаръ! Perv. III. 29. és Ucseb. 32. – ‚*kozmanĭ* begnadigen, verzeihen, segnen; danken, kozmam gnade‘ Wied.] – **Szól.** *kozma Inmarä voźma!* (mennydörgéskor mondják | spruch beim donnerwetter). – **Közm.** *óstä kozma, sĭt'andä korma!* uram segíts, vakard meg a segged! (köti az ebet a karóhoz, aztan nem tartja szavát; хоть молитву и сказалъ, а задъ зачесалъ; крестился, да и на первомъ же шагу и провалился). Perv. 68.
>
> *kozmal'l'al-* (frequ.): *kozmal'l'az, vĭlaz kizäs ponĭsa* (благословилъ ихъ, возлагая на нихъ руки). Glaz. Mát. 10, 16.
>
> *kośak* [or.] ablakfázat (косякъ) s maga a rámás nagy ablak (megkülömböztetve a kicsiny, rámátlan *ukno*-ablaktól) | fensterstock und das damit versehene fenster. I. M, – VNpk. tm. 54.
>
> *košo* (Kaz.) szarka | elster; l. *koćo.*
>
> [Munkácsi 1896: 183]

Первое и второе словарные статьи, вместе взятые, представляют по существу мини-исследование употребления архаизма *козма-*

ны с приблизительным значением ’благословить, помиловать, простить’ в фольклорных произведениях и переводных текстах, выполненное с использованием 7 (!) источников конца XIX в.; в третьей словарной статье имеется указание на заимствованный характер слова [*or.* = рус.], в четвертой – на диалектную принадлежность (*Kaz.* = “казанский диалект”).

Словарь был составлен Б. Мункачи, по его же словам, за рекордно короткий срок – всего за 14 (!) месяцев неутомимого труда – на основе личных диалектологических записей с использованием материалов предшествующих лексикографических источников (например, словарей Ф. И. Видеманна), переводной литературы второй половины XIX в. и диалектных публикаций Б. Гаврилова, Т. Г. Аминоффа, Г. Е. Верещагина и других.

Сам Б. Мункачи писал об этом словаре: “Я имею счастье сообщить, что «Словарь удмуртского языка» в эти дни завершен. Я уже перерос возраст сентиментализма, но тем не менее – в смущении признаюсь – когда сегодня после обеда присовокупил последнюю карточку к рукописи словаря, слезы хлынули у меня из глаз. Добрый “Инмар” помогал мне до сих пор. Чего не удалось Регули, Кастрену, Аминоффу, а именно самим позаботиться о собственных собраниях и привести их в надлежащий порядок, то божья милость предоставила мне! Хоть и безмолвно, но все-таки с огромным усердием в течение полных 14 месяцев трудился я над этим моим произведением, в период работы над которым исключительно вдохновляющим оказалось сознание того, что он окажет науке значительную услугу. Не без скромности осмелюсь надеяться, что в кругу специалистов... он встретит признание” [Munkácsi N. 1943: 101– 102].

Автор не ошибся: удмуртский словарь тепло был встречен финно-угроведами. Несколько позднее М. Жираи писал, что “...энциклопедический «Удмуртский словарь» как по богатству материала, так и в отношении тщательности толкования до сих пор не имеет себе равных в своем роде” [Zsirai 1938: 2]; финский академик Ю. Тойвонен отметил, что он “является и долго еще будет важнейшим источником изучения удмуртского языка” [Toivonen 1938: 31]. Действительно, этот словарь не утратил своего значения

вплоть до наших дней, о чем свидетельствуют хотя бы следующие факты: зарубежные исследователи в своих историко-этимологических трудах в качестве источника по удмуртской лексике обращаются в первую очередь именно к этому словарю; материалы из него были использованы при составлении диалектологических словарей И. В. Яковлевым [1919], Т. К. Борисовым [1932], а также «Удмуртско-русских словарей» последних лет [УРС 1983; УРС 2008].

В отдельных работах отмечается, будто бы Б. Мункачи дважды приезжал к удмуртам. Так, Т. И. Тепляшина [1965: 14] пишет: “В словаре представлен ряд удмуртских диалектов, из которых четыре изучены автором лично во время поездок к удмуртам в 1885 и 1887 гг.”. Ей вторит второй выпуск серии «Ими гордится удмуртская земля» (Ижевск, 1978): “В 1887 г. [Б. Мункачи] посетил удмуртов Бирского уезда Уфимской губернии” (с. 5).

Это сообщение о “второй поездке” венгерского ученого к удмуртам в 1887 или в каком-либо другом году, ставшее с чьей-то легкой руки общим местом многих популярных и научно-популярных публикаций о Мункачи в нашей республике и за ее пределами, едва ли соответствует действительности; по крайней мере, ни сам исследователь, который аккуратно вел дневниковые записи о своих экспедициях, ни его финские и венгерские биографы – насколько мне известно по моим, к сожалению, далеко не исчерпывающим сведениям – нигде не упоминают этого факта. Правда, сам Б. Мункачи отмечает, что в 1888 г. по пути следования к манси ему удалось встретиться с двумя удмуртами – выпускником учительской семинарии Петром Васильевым, уроженцем Елабужского уезда (населенный пункт не указан) и Максимом Кирилловым, выходцем из с. [Малая] Пурга, – и записать у них значительный лексический материал, включенный в «Словарь удмуртского языка» с пометами V. и K. [Munkácsi 1896: VII, XI]. Весь его путь к манси очень схематично выглядит таким образом: 13 марта 1888 г. Б. Мункачи и К. Папаи через Варшаву и Вильнюс отправились в Санкт-Петербург, где с помощью Ф. Й. Видеманна и В. Радлова за несколько дней получили соответствующие документы, предписывающие местным властям оказывать ученым в период их командировки всяческое содействие; затем

через Москву и Нижний Новгород (Горький) прибыли в Казань. Прежде чем добраться на пароходе до Перми и далее перебраться за Урал к своим сибирским родственникам по языку, венгерские исследователи две недели провели в Казани в обществе известных ученых М. Веске, И. Н. Смирнова и Н. И. Ильминского [Ká1mán 1981: 28–33]. Именно в это время в Казани, а не на их родине, могла произойти случайная встреча Б. Мункачи с вышеназванными информантами-удмуртами.

Все же еще одна возможность свела венгерского ученого с сынами полюбившегося ему народа. Это было в годы I Мировой войны. Когда еще шла бессмысленная кровопролитная война, венгерские ученые обратились в военное министерство с просьбой, чтобы оно разрешило использовать российских солдат различной национальности, попавших в австрийский плен, для записи от них фольклорно-диалектологических материалов. Такое разрешение было получено, и венгерские лингвисты различных специальностей начали работу с представителями того народа, изучением языка которых они занимались: Э. Беке записывал марийские тексты, Д. Р. Фокош-Фукс – коми, И. Куношш – татарские, а Б. Мункачи, разумеется, приступил к работе с удмуртскими крестьянами в солдатской шинели. В Эстергомском лагере для военнопленных ему удалось в различное время встречаться с 25 информантами, представлявшими различные диалекты удмуртского языка. За относительно короткий срок ему удалось записать от них богатый и разнообразный текстовой и лексический материал, который впоследствии готовил к публикации. В последние годы своей жизни он работал вместе со своим учеником и другом Д. Р. Фокош-Фуксом. К концу 30-х гг. большинство прозаических текстов, транскрибированных на латинской графической основе и снабженных параллельным переводом на немецкий язык, было готово к изданию. Но вскоре сам Б. Мункачи умер (1937), на народы Европы обрушился с кровавой войной немецкий фашизм...

В двух изданиях увидели свет записи Мункачи начала XX в. Свыше 80 удмуртских песен с нотами опубликовал он совместно с австрийским композитором Робертом Лахом в 1926 г. в 1 томе серийного издания **«Gesänge russischer Kriegsgefangener»** (’Пес-

ни российских военнопленных') [Lach 1926]. Но с основной частью его материалов научный мир смог познакомиться лишь через 15 лет после смерти самого собирателя благодаря стараниям и заботам Д. Р. Фокош-Фукса. Они вышли отдельной книгой под названием **«Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken»** ('Народные обычаи и народная поэзия удмуртов') [Munkácsi 1952]. Эта книга – поистине энциклопедия патриархальной жизни удмуртов конца XIX и начала XX столетия, высказанная устами полуграмотных и неграмотных крестьян в солдатской шинели [Кельмаков 1974а: 46; несколько иначе: Уваров 1983: 16] – занимает по богатству и разнообразию включенного в нее материала почетное место среди аналогичных удмуртских изданий. По моим подсчетам, традиционные жанры удмуртского фольклора представлены в ней следующим образом: песен – 566, сказок – 37, легенд и преданий – 3, загадок – 58, пословиц и поговорок – 38, примет и поверий – 29, языческих куриськонов – 12, заговоров – 7, рассказов этнографического и бытового содержания – 34 и т. д. Среди последних – рассказы о рождении ребенка, женитьбе и похоронах, об охоте и земледелии, о новоселье и различных праздниках, о разнообразных обычаях и обрядах удмуртов. В конце книги в качестве приложения даны старинные личные имена и топонимы, бытующие в различных уездах с удмуртским населением Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской и Самарской губерний. Рецензируя эту книгу, финский ученый Мартти Лиимола пришел к выводу: "Содержание тома многосторонне и ценно... Публикацией этого прекрасного тома, который стоил ему многих жертв, Фокош-Фукс снискал перед наукой большие заслуги" [Liimola 1953: 50].

Академик Бернат Мункачи использовал любую возможность для пропаганды и популяризации удмуртского народного творчества в Венгрии и Западной Европе. В этой связи хочется обратить внимание на следующий факт. В конце 80-х гг. XIX в. в Вятке вышло многосерийное издание Н. Первухина под названием «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда». III эскиз этой серии полностью был посвящен устно-поэтическому творчеству северных удмуртов. Б. Мункачи, с тем чтобы познакомить венгерских читателей с содержанием тома, в рецензии на три выпуска этого издания [Munkácsi 1887–1890] включает 3 песни, 3 ку-

риськона, 14 пословиц и поговорок, извлеченных из книги Н. Первухина, и венгерские переводы к ним. В семи различных изданиях Б. Мункачи в общей сложности опубликовал 1843 номеров произведений удмуртского фольклора (см. ниже, таблицу 3).

Многие ли из удмуртских фольклористов имеют возможность гордиться тем, что они сделали достоянием читающей зарубежной публики такое количество и разнообразие произведений поэтического творчества своего народа! Нельзя не признать справедливость слов Петера Домокоша [1967: 92]: “Мы с уверенностью можем утверждать, что Мункачи сыграл самую большую роль в популяризации удмуртов в Венгрии и Западной Европе”.

Таблица 3

Произведения удмуртского устно-поэтического творчества в публикациях Берната Мункачи

Жанры удмуртского фольклора	**Публикации Б. Мункачи**							
	1*	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
1. Легенды и предания		10					3	13
2. Сказки, небылицы, анекдоты	6	13					37	56
3. Мифологические рассказы, былички		3					20	23
4. Рассказы этнографического и бытового содержания		1					34	35
5. Куриськоны	5	15	3				12	35
6. Заговоры		5					7	12
7. Песни и частушки	117	277	3	6	80	1	566	1050

* Цифры 1–8 в этом горизонтальном ряду обозначают следующее (в том числе издания Бертната Мункачи): **1** – Munkácsi 1883; **2** – Munkácsi 1887; **3** – Munkácsi 1887–1890; **4** – Munkácsi 1916; **5** – Lach 1926; **6** – Munkácsi 1927; **7** – Munkácsi 1952; **8** – ВСЕГО.

8. Пословицы и поговорки		12	14				38	64
9. Загадки	120	148					58	326
10. Приметы и поверья		175					29	204
11. Формулы проклятий		11						11
12. Формула божбы		1						1
13. Детские песенки							9	9
14. Считалки							4	4
ИТОГО	248	671	20	6	80	1	817	1843

Находясь за тысячи километров, в условиях, когда в Венгрии установился фашистский режим и прекратились всякие политико-экономические и культурные связи между нашими странами, Бернат Мункачи, по словам Домокоша [1967: 91–92], “сохраняет интерес к любимому народу, удмуртам, с радостью следит за признаками пробуждения национального самосознания и тепло оценивает его расцветающую художественную литературу”. Последняя его удмуртоведческая работа – статья **«Újabb votják irodalom»** (’Новейшая удмуртская литература’) [Munkácsi 1927] – была опубликована в год десятилетнего юбилея победы Октябрьской революции в нашей стране. Завершая эту статью, Мункачи писал: “Надеемся, что начавшееся одновременно с признанием национального языка культурное движение будет твердой гарантией сохранения и развития нации удмуртов в любой обстановке превратностей политической судьбы. Приветствуем знаменосцев удмуртского национального просвещения с подобающим родственному по языку народу братским чувством: *“Удмурт калык шудо-буро мед луоз! Legyen boldog a votják nép!”* (“Да будет счастлив удмуртский народ!”) [Munkácsi 1927: 24].

Это было духовным завещанием великого ученого небольшому удмуртскому народу, большую любовь к которому венгерский академик Б. Мункачи бережно пронес через всю свою долгую и многотрудную жизнь.

Б. Мункачи не оставил после себя крупных теоретических исследований в области удмуртского языкознания – кажется,

“сбор материала, описание, толкование были теми областями, где достоинства ученого проявились у Мункачи наиболее ясно, где он достиг результатов исторической значимости” [Zsirai 1938: 3]. Об этом, несомненно, свидетельствуют 10 его значительных публикаций: «Votják nyelvmutatványok» (’Образцы удмуртской речи’) [Munkácsi 1883], «Votják nyelvtanulmányok» (’Эскизы по удмуртскому языку’) [Munkácsi 1884], «Votják népköltészeti hagyományok» (’Народнопоэтические традиции удмуртов’) [Munkácsi 1887], рецензия на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда»Н. Первухина [Munkácsi 1887–1890], «A votjákok közt» (’Среди удмуртов’) [Munkácsi 1892], «A votják nyelv szótára» (’Словарь удмуртского языка’) [Munkácsi 1896], «Jelentés az esztergomi fogolytáborban végzett votják nyelvi és néprajzi tanulmányaimról» (’Отчет о моей лингвистической и этнографической исследовательской работе по удмуртам, проведенной в Эстергомском лагере для военнопленных’) [Munkácsi 1916], «Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge» (’Песни русских военнопленных. 1. Удмуртские, коми-зырянские и коми-пермяцкие песни’) [Lach 1926], «Újabb votják irodalom» (’Новейшая удмуртская литература’) [Munkácsi 1927], «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (’Народные обычаи и народная поэзия удмуртов’) [Munkácsi 1952]); несколько мелких статей и заметок: «Votják varázsige egy volgai bolgár esküben» (’Удмуртское заклинание в клятве волжских булгар’) [Munkácsi 1909], «Zürjén-votják nyelvű hettita feliratok» (’Коми-удмуртскоязычные хеттские надписи’) [Munkácsi 1910], «Újabb votják kiadványok» (’Новейшие удмуртские издания’) [Munkácsi 1927a], «Egy magyar szó a votják nyelvújításban» (’Одно венгерское слово в удмуртском движении обновления языка’) [Munkácsi 1928], – непосредственно посвященные удмуртам, и целый ряд исследований, выполненных с использованием и удмуртского материала, которые входят в золотой фонд удмуртской филологии.

Огромная заслуга Б. Мункачи перед удмуртской (resp. пермской) филологической наукой заключается еще и в том, что он

непосредственно как педагог или опосредованно – своими трудами как ученый и личным обаянием как человек – воспитал целую гвардию специалистов по удмуртскому и коми языкам, в их числе профессора Давида Рафаэля Фокош-Фукса (1884–1977), своего ближайшего ученика, друга и достойного преемника на ниве пермской филологии. Не случайно первый свой научный труд Д. Фокош-Фукс посвятил удмуртскому языку – это «A lokativusz-féle határozók a votjákban» (’Обстоятельства места в удмуртском языке’) [Fokos-Fuchs 1906]. Это Д. Фокош-Фукс подготовил и издал осиротевшее после смерти собирателя удмуртские фольклорно-диалектологические материалы Берната Мункачи – книгу под названием «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов» [Munkácsi 1952]. Вероятно, не без совета своего учителя Д. Фокош-Фукс впоследствии направил основную свою творческую деятельность на другую ветвь пермских языков – коми – и сыграл в области коми филологии почти такую же роль, что и сам Мункачи – в удмуртской.

Мункачи не ждал и, к сожалению, при жизни не дождался особых почестей и благодарностей с нашей стороны, он – как и его предшественники и многие его ученики и последователи – честно и добросовестно, отдавая всего себя, выполнял свой долг ученого, оставляя себе лишь надежду, что его труды пойдут на благо финно-угорской науки, которой беззаветно служил, и возрождающегося к новой жизни народа, который он бескорыстно любил.

Ф О Т О

2.5. Y. WICHMANN / Ю. ВИХМАНН
(1868–1932)

“Без научной деятельности и стимулирующего влияния Вихманна финно-угорское языкознание не встало бы на современный уровень” [Sebestyén 1928: 231].

“Удмуртов, коми, марийцев выдающиеся специалисты исследовали и до Вихманна, и одновременно с ним, и после него, однако всякий знает, что в отношении языковой и тематической многогранности, фонетической трезвости и достоверности в области всех трех языков его записи наилучшие, его сведения и выводы наиболее неоспоримые” [Zsirai 1937: 565].

“Финский ученый Юрьё Йооссеппи Вихманн относится к славной плеяде финских ученых. Его имя тесно связано с пермским языкознанием” [Туркин 1991: 45].

“Ю. Вихманн, сделавший в конце XIX и начале XX в. ряд публикаций по фольклористике, диалектологии, исторической фонетике и лексикологии пермских языков, стоит в одном ряду с известными финно-угроведами Ф. Й. Видеманном и Б. Мункачи и относится к числу основоположников удмуртского теоретического языкознания” [Тараканов 1991: 60].

Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche (’*Образцы удмуртской речи I: Песни, Молитвы и заговоры*’) (1893. – XX + 200 S.).

Matkakertomus votjaakkien maalta (’*Отчет о поездке на удмуртские земли*’) (1893. – S. 8–17).

Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen (’*Образцы удмуртской речи II: Пословицы, загадки, сказки, предания и рассказы*’) (1901. – IV + 200 S.).

Wotjakische Chrestomathie mit Glossar (’*Удмуртская хрестоматия со словарем*’) (1901. – V +134 S.; 1954. – 167 S.).

Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (’*Чувашские заимствования в пермских языках*’) (1903. – XXVIII + 171 S.).

Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre (’*Материалы к марийскому именному словообразованию*’) (1913–1918. – S. 1–42).

Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische (’*К истории вокализма первого слога в удмуртском языке с учетом вокализма коми*’) (1915. – XIV + 96 S.).

Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute (**l* und **l'*), bes[onders]. in den permischen Sprachen und im Ostjakischen (’*К истории финно-угорских l-овых звуков* (**l und *l'*), *в особенности в пермских языках и хантыйском*’) // FUF. – 1915a. – № 1–3 (XV). – S. 1–55.

Zur permischen Grammatik (’*К пермской грамматике*’) (1923–1924. – S. 143–163).

Wotjakischer Wortschatz (’*Удмуртский словарь*’) (1987. – XXIII + 421 S.

2.5.1. Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания*

0.1. Имя Юрьё Йоосеппи Вихманна, талантливого ученого, крупнейшего представителя финской школы компаративистики на рубеже двух веков, неутомимого исследователя удмуртского, коми, марийского и других финно-угорских языков, в нашей республике незаслуженно остается в тени. Это особенно заметно, если принять к сведению ту относительную популярность, которой пользуется имя его современника и коллеги – венгерского академика Берната Мункачи – в культурной среде Удмуртии: в республиканской периодической печати и различного рода изданиях довольно часто появляются статьи удмуртских ученых, освещающие вклад венгерских финно-угроведов – и не в последнюю очередь Б. Мункачи – в удмуртскую филологию (см. напр.: [Поздеев 1970; Кельмаков 1977; 1977а; 1980; 1988; Уваров 1980; 1981; 1983; 1988; [Уваров] 1989; и др.]); опубликованы также дневниковые записи его поездки к удмуртам в 1885 г. [Уваров 1981]; он включен в состав тех деятелей науки и техники, творческая биография которых подробно проанализирована в специальном выпуске серии «Ими гордится удмуртская земля (Биобиблиографический указатель литературы. Вып. 2: Деятели науки и техники» / Республиканская библиотека Удмуртской АССР им. В. И. Ленина. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 4–5); изданы избранные произведения удмуртского фольклора из его публикаций (Мункачилэн кузьымез / Сост. А. Уваров. Ижевск: Удмуртия, 1983. 191 б.) и, наконец, выпущен специальный сборник статей “Венгерские ученые и пермская филология” [ВУПФ 1987], посвященный юбилею этого финно-угроведа.

---

* Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 10–32. Внесены незначительные уточнения и дополнения.

0.2. О Вихманне же удмуртские читатели знают несправедливо мало. Помимо обобщающих работ о вкладе зарубежных ученых, в изучение культуры удмуртского народа, в которых определенное внимание обращено и на творческую деятельность Ю. Вихманна (ср., напр.: [Кельмаков 1980а; 1981; 1982; Тараканов 1984; Тепляшина 1987]; и др.), лишь три статьи – по моим, возможно, неполным сведениям – посвящены непосредственно этому финскому исследователю [Кельмаков 1978в; Овчинников 1987; 1988]. Только и всего за последние десятилетия (напоминаю: очерк опубикован 1991 г.)! Малочисленность публикаций в республиканской прессе о Вихманне, по-видимому, можно объяснить следующими причинами:

во-первых, необыкновенно яркая фигура Берната Мункачи, вдохновенного собирателя и пропагандиста фольклорных творений удмуртского народа, в определенной мере заслонила собой в сознании удмуртских филологов всех других зарубежных исследователей удмуртской культуры, в их числе и Ю. Вихманна;

во-вторых, следует заметить, что наше культурное общество с несравненно бóльшим интересом относится к своему фольклору и литературе, а также к их творцам и собирателям, к последним, несомненно, должен быть причислен и Б. Мункачи, нежели к своему языку и его исследователям – Ю. Вихманн же в существенной степени может быть отнесен к этой второй категории лиц;

в-третьих, некоторые наши филологи – популяризаторы науки – неплохо знают венгерский язык; к тому же в последние десятилетия они смогли установить довольно тесные контакты со своими венгерскими коллегами и тем самым имеют доступ ко многим важным венгерским источникам, в то время как финским языком никто из современных удмуртских ученых не владеет, и посему финноязычные документы и исследования (в том числе касающиеся и творческой деятельности Ю. Вихманна) для них недоступны.

0.3. Между тем научное наследие Ю. Вихманна для удмуртской филологии имеет отнюдь не меньшее значение, чем творчество Б. Мункачи, а в некоторых аспектах – например, в историко-теоретической разработке проблем пермского (и удмуртского!)

языкознания – несравнимо превосходит последнее. И поэтому II симпозиум по актуальным вопросам пермистики, состоявшийся 2–3 марта 1988 г. на филологическом факультете Удмуртского государственного университета [Кельмаков 1989], и сборник статей, составленный на основе материалов этого зонального симпозиума[75], наряду с решением других, не менее важных проблем, призваны помочь нашим филологам и культурной общественности республики осмыслить роль и место творческого наследия выдающегося финского ученого, ординарного профессора финно-угорского языкознания Хельсинкского (Гельсингфорсского) университета, заместителя председателя Финно-угорского общества, зарубежного члена Венгерской Академии наук Юрьё Вихманна в развитии удмуртской и коми филологической науки.

1.1.0. Родился Юрьё Вихманн 8 сентября 1868 г. в небольшом поселке Лиминка северной Финляндии, в высокообразованной семье священника немецкого происхождения. Время его учебы и формирования как личности совпало с хорошим для Финляндии периодом развития национального самосознания финского народа, роста национальной интеллигенции. Лицейскую учебу молодой Вихманн завершил в Оулу (ныне самый северный университетский город Финляндии) именно в тот 1883 г., когда 15 ноября образовалось знаменитое Финно-угорское общество, сыгравшее впоследствии (и вплоть до наших дней) огромную роль в сборе материала и изучении языка, фольклора, этнографии и древней истории почти всех уральских народов и публикации исследований и материалов по ним. В годичном отчете о своей работе за 1884 г. это общество писало: “Духовная деятельность – это единственная область, в которой наш народ может иметь некоторое значение в ряду остальных народов, однако для изучения нет другой отрасли, в которой скромные материальные средства сулили бы столько успехов, помимо прошлой и современной жи-

[75] Речь идет о сборнике статей «Пермистика 2: Вихманн и пермская филология» [Пермистика 1991], куда была включена данная статья о Ю. Вихманне. Сборник содержит серию статей, характеризующих жизнь и творческую деятельность его в области удмуртской и коми филологии (с. 10–94).

зни финно-угорских народов" (цитир. по: [Sebestyén 1928: 225]). Эти мысли полностью разделял Ю. Вихманн, который, став с сентября 1887 г. студентом Хельсинкского университета, наряду с изучением латыни и санскрита, с огромным интересом обратился к финно-угорским языкам [Sebestyén 1928: 225–226] и уже в те же годы "ясно увидел, что судьба финно-угорской науки, в которую он влюбился в Хельсинкском университете, зависит от того, удастся ли овладеть свежим материалом соответствующего количества и качества" [Zsirai 1937: 565].

1.1.1. Эти высокие научные интересы увлекли его в путь, и уже 13 июля 1891 г. "выдающийся сотрудник общества" магистр философии Юрьё Вихманн в свои неполные 23 года отправился в Россию с целью исследования в полевых условиях частью совершенно неизвестных, частью весьма неудовлетворительно изученных своими предшественниками Т. Г. Аминоффом и Б. Мункачи диалектов и народной поэзии удмуртов Вятской и Уфимской губерний. Целый год (без одной недели) находился он в пути, из этого времени 8 месяцев он полностью провел среди удмуртов. Сам Вихманн писал: "Так как я счел весьма необходимым практически выучить диалект, чтобы мои удмуртские штудии имели хоть какие-либо шансы на успех, я решил оставаться на одном месте как можно дольше. Так жил я в Карлыгане почти пять полных месяцев" [Wichmann 1893: VII]. Находясь в селе Большой Карлыган (ныне Мари-Турекский район Марийской АССР), он совершил двухнедельный выезд в д. Бусурман Можга (вероятно, с. Можга Можгинского района); далее из Карлыгана отправился, ненадолго останавливаясь в с. Селты и его окрестностях, прямо в г. Глазов и задержался там, на территории распространения северного наречия, около двух месяцев. Тем временем записывал фольклорно-диалектологические материалы в дд. Бабино, Верхние Парзи (Чебершур), Солдырь, Котнырево, Кельегурт (?) нынешнего Глазовского и д. Бараны Красногорского районов, неделю пробыл в бесермянской деревне Ежево Юкаменского района. Кроме того, с помощью учителя народной школы Т. Р. Будина (родом, вероятно, из д. Солдырь) просмотрел и перетранскрибировал удмуртские тексты Н. Г. Первухина, издан-

ные в 1888 г. в весьма неудовлетворительной записи [Первухинъ 1888], и этим существенно пополнил свои текстовые материалы по северноудмуртским говорам. Далее, из Глазова через удмуртские деревни Слободского района (упомянуты в его работах Круглово и Омсино) отправился в г. Вятку (ныне Киров) с тем, чтобы по реке Вятке спуститься прямо в г. Казань, исходный и конечный пункт его экспедиции к удмуртам [Wichmann 1893: VII, X–XI; 1915: XII). За время этой поездки он, судя по его же отчетам, записал 550 песен, 10 причитаний, 40 молитв-куриськонов, 37 заговоров, 70 пословиц, 440 загадок и 55 сказок, легенд и преданий. Им были собраны также, помимо богатого лексического материала, топонимы, антропонимы, около 15 танцевальных и песенных мелодий; среди южных удмуртов сделал важные наблюдения относительно удмуртской мифологии, смог участвовать на нескольких языческих жертвоприношениях и сделать фотоснимки [Wichmann 1893a].

Через некоторое время, летом 1894 г., он снова приехал к удмуртам – главным образом для сбора лексического материала по “малмыжскому” и “уфимскому” диалектам (срединные и закамский говоры) и пополнения своих текстовых записей [Wichmann 1901: III].

1.1.2. Большинство записанных им фольклорных текстов в фонетической транскрипции и с параллельным переводом на немецкий язык было издано в двух томах под названием **«Wotjakische Sprachproben»** (’Образцы удмуртской речи’) [Wichmann 1893; 1901], а также частично включены в учебное пособие по удмуртскому языку для финских студентов **«Wotjakische Chrestomathie mit Glossar»** (’Удмуртская хрестоматия со словарем’), выдержавшее уже два издания [Wichmann 1901a; 1954]. Текстовые публикации Ю. Вихманна (см. таблицу 4), исполненные в исключительно точной фонетической транскрипции, не могли быть обойдены вниманием со стороны его современников и последователей. Уже через три года после выхода в свет I выпуска «Образцов удмуртской речи» [Wichmann 1893] в журнале «Nyelvtudományi Közlemények» появилась довольно подробная его характеристика на фоне имевшихся в то время удмуртских фольклорно-

диалектологических публикаций, и в первую очередь, естественно, в сравнении с уже известной книгой Б. Мункачи «Народно-поэтические традиции удмуртов» [Munkácsi 1887]. В рецензии говорилось: “Весьма отрадно то, что ценное удмуртское собрание Мункачи теперь пополнилось коллекцией Вихманна. Очень поучительна эта коллекция с точки зрения фольклора, ибо она расширяет наши знания в области удмуртской народной поэзии, религии и обычаев многочисленными новыми сведениями. Впрочем, материал в сборнике большей частью того же самого рода, что и у Мункачи: различные песни, молитвы, заговоры и поверья; правда, иного содержания. Новыми являются у Вихманна причитания, которые исполняет невеста перед расставанием с отцовским домом (и какие собрал еще Паасонен у мордвы), далее отдельные плачи по покойнику. Зато очень ценны в сборнике Мункачи предания и сказки, каковых у Вихманна нет[76]. Но в то же время Вихманн дает краткую информацию об удмуртском стихосложении и даже несколько песен раскладывает на ноты. Словом, обильный материал смог бы найти фольклорист в этих томах, и было бы весьма желательным, чтобы не только языковед проявил к ним интерес” [Szilasi 1896: 493]. К заслугам сборника Вихманна с лингвистической точки зрения рецензент относит прежде всего то, что в нем впервые представлены или существенно дополнены, по сравнению с книгой Мункачи, материалы по “малмыжско-уржумскому”, “елабужскому”, “глазовскому” и “бесермянскому” диалектам (между прочим сообщает, что финскому ученому удалось приобрести удмуртско-русский (в 5 тыс. слов) и русско-удмуртский (в 15 тыс. слов) словари, составленные Вл. Ислентьевым) [Szilasi 1896: 493–494]. Высоко оценил эти публикации Ю. Вихманна и К. Герд, который писал: “Этот сборник – отличная настольная книга. Кто занимается исследованием удмуртского народного творчества, изучением удмуртского языка, тому трудно будет обойтись без этой книги” [Герд 1929а: 40].

[76] Сказки и предания Ю. Вихманн включил во второй выпуск «Образцов удмуртской речи», вышедшей из печати несколько позднее [Wichmann 1901], о чем рецензент, естественно, не мог знать.

Таблица 4

Произведения удмуртского фольклора в публикациях Ю. Вихманна [Wichmann 1893; 1901; 1954]

Диалекты и населенные пункты	Жанры фольклора								
	1*	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1. М.-урж. (шошм.)									598
с.Большой Карлыган (М-тур., Мари-Эл)	337	2	10	20	41	176	5		
д.Сизьнер (Балт., Татарстан)							7		
2. Елаб. (южн.)									231
д.Бусурман Можга (Можг.)	70		5		7	44	10		
д.Юртошур-Какси (Алн.)	16			1 5		64			
д.Старый Утчан (Алн.)									
3. Глаз. (сев.)									222
д.Бабино (Глаз.)	3	5	15				7		
д.Верхние Парзи (Глаз.)	8	2					5		
д.Кельегурт (?)	3				4	92	3		
д.Бараны (Красног.)							2		
д.Солдырь (Глаз.)	1				11		1		
д.Котнырево (Глаз.)			2	1			2		
д.Круглово (Слоб., Кировск. обл.)			1						
[Первухинъ 1888]	14	4	27		3		6		

* Цифры 1–9 в данном горизонтальном ряду означают следующее: **1** – песни; **2** – причитания; **3** – куриськоны; **4** – заговоры; **5** – пословицы; **6** – загадки; **7** – сказки, легенды; **8** – рассказы этнографического и бытового содержания и **9** – ВСЕГО по диалектам.

4. Бес. (бес. нар.) с. Ежево (Юкам.)	5	4	4			5	3	2	23
5. Малм. (сред.) д.Чужьял (Селт.)							19	3	22
6. Уфим. (зак.) д.Большой Качак (Калт., Башкортостан)					25	45		3	73
ИТОГО	453	17	64	36	91	445	54	5	1169

Что касается способа передачи удмуртского произношения на письме, венгерский рецензент публикаций Вихманна выражает сожаление, что тот отказался от более ранней транскрипции Мункачи в пользу новой транскрипционной системы, предложенной в 1901 г. Э. Н. Сетеля [Setälä 1901], и это создает дополнительные трудности в восприятии и использовании материалов обоих ученых, в особенности не носителями удмуртского языка [Szilasi 1896: 494]. Однако, признавая в определенной мере и правоту М. Силаши, все же следует заметить, что данный шаг Ю. Вихманна оказался исторически оправданным, ибо, во-первых, транскрипция FUF-а, примененная им для записи спонтанной удмуртской речи в текстовых публикациях (и, естественно, в других – теоретических – работах), “обеспечила более высокую точность этим собраниям, нежели предшествующим” [Lakó 1969: 391]; во-вторых, рассматриваемая транскрипционная система получила впоследствии всеобщее распространение и, уточненная и усовершенствованная специалистами (см., напр.: [Лыткин 1960; Fokos-Fuchs 1973; Rédei 1973; 1973a; 1973b]), используется в пермистике и в наши дни.

Говоря о значении удмуртских публикаций Ю. Вихманна для финно-угорской фольклористики, И. Шебештьен писала: “Этим объемистым трудом он, с одной стороны, великолепно дополнил наши знания относительно удмуртских диалектов, которые до сих пор были представлены в нашей науке лишь собраниями и записями Аминоффа и Мункачи, с другой стороны, опроверг – совместно с более поздними публикациями текстов – то довольно рас-

пространенное мнение, что народная поэзия финно-угорских народов, проживающих в Восточной России и Западной Сибири, бедна и не имеет цены ни в отношении содержания, ни с точки зрения формы" [Sebestyén 1928: 226].

1.1.3. Кроме как у удмуртов, еще у трех финно-угорских народов проводил Ю. Вихманн собирательскую работу с последующей частичной публикацией материалов: в 1901–1902 гг. – у коми, 1905–1906 гг. – у марийцев и в 1906–1908 гг. – у северных чанго и восточных венгров, и этим принес двойную пользу финно-угристике: с одной стороны, как верно заметил Э. Н. Сетеля [Setälä 1933: 3], "для науки спасен богатый запас материалов, которые, в противном случае, в переменчивых обстоятельствах навсегда могли быть утеряны из области человеческих знаний"; с другой стороны, благодаря этой собирательской работе в начале своего творческого пути, Вихманн "во всей своей научной деятельности... мог опереться на практическое знание языка, на личный опыт, собранный самим материал..." [Sebestyén 1928: 228].

1.2. Последующая жизнь Ю. Вихманна внешне, казалось бы, ничем не примечательна: до 40-летнего возраста работал учителем в различных школах г. Хельсинки, с 1909 г. (в 40-летнем возрасте) стал экстраординарным профессором финно-угорского языкознания, с 1920 г. – ординарный профессор финно-угорского языкознания Хельсинкского университета. Но она наполнена большим творческим зарядом, напряженным трудом по обработке и изданию своих записей, теоретическому осмыслению собранного им самим и его предшественниками и современниками материала, поисками истины на избранном им научном поприще. "Едва ли имеется в финно-угорских науках такая область, где бы он, наряду с обработкой огромного собранного материала, не проводил основательные частные исследования. Исключительное владение языковым и фактическим материалом, а также огромный опыт способствовали тому, чтобы он мог видеть все более остро, во многих случаях мог сказать больше, метче, лучше, чем предшественники, – высказывался ли по поводу сложных переплетений финно-угорских фонетических, лексических и морфологических проблем, распахивал ли перед нами двери в жизненные условия и духовный

мир родственных народов, сопровождал ли нас в растворяющуюся в тумане империю древней истории" [Zsirai 1937: 566]. Но как человек своего времени, представитель финно-угорской компаративистики конца XIX – начала XX столетия и в соответствии с общими устремлениями и потребностями этой отрасли науки на рубеже двух веков – Ю. Вихманн охотнее обращался к вопросам (см. также: [Gombocz 1933: 348; Lakó 1969: 394; и др.]):

1) исторической фонетики финно-угорских (в их числе удмуртского и коми) языков;

2) исторической лексикологии и этимологии;

3) исторической морфологии.

Именно в этих областях наиболее весомым оказался его вклад и в удмуртское (пермское) языкознание.

2.0. Есть, правда, еще одна отрасль языкознания, разработка которой объективно предшествовала историко-лингвистическим штудиям языковедов этого периода, – это ***диалектология***. Однако изучение диалектов как таковых не входило в конечные задачи финно-угроведов-компаративистов прошлого, и территориально-структурные единицы языка интересовали их прежде всего в той мере и постольку, в какой мере и поскольку они могли служить источником (порою даже единственным) изучения истории языка во всех его аспектах. И не случайно в начальный период истории удмуртской диалектологии (вторая половина XIX – начало XX вв.) явно преобладали текстовые и лексические публикации по диалектам, в то время как из исследований теоретико-описательного характера едва ли можно назвать две специальные работы – это статьи Ф. Й. Видеманна «К диалектологии удмуртского языка» [Wiedemann 1858], положившую начало научной удмуртской диалектологии, и Т. Г. Аминоффа «Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка» [Aminoff 1896], являющуюся по своим целевым установкам не столько собственно диалектологическим исследованием, сколько фонетическим и морфологическим описанием удмуртского языка (обрати внимание на название работы!), проведенным – за неимением в распоряжении ученых того времени единой кодифицированной литературной формы – на основе его диалектных (вятского и казанского) вариантов.

2.1. Не оставили после себя ни одного описательного или обобщающего исследования в области удмуртской диалектологии также ни Б. Мункачи, ни Ю. Вихманн, но при этом собрали в полевых условиях и большей частью успели обнародовать огромный корпус текстового и лексического материала; и эта работа очень высоко оценивалась самим Ю. Вихманном (напр., в письме к Й. Папаи от 13 июня 1911 г.): “Примем к сведению, что все, что мы, языковеды, издаем, со временем устаревает, кроме языковых текстов и наших словарей” (цитируется по: [Fokos-Fuchs 1959: 7]. В изданиях **«Wotjakische Sprachproben»** (’Образцы удмуртской речи’) [Wichmann 1893; 1901] введены Ю. Вихманном в науку тексты в идеально точной записи по 6 диалектам: “глазовскому” (северное наречие), “малмыжскому” (срединные говоры), “елабужскому” (южный диалект), “уфимскому” (закамский говор), “малмыжско-уржумскому” (шошминский говор) и “бесермянскому” (бесермянское наречие); причем по двум последним – впервые. Пять удмуртских диалектов в образцах речи с небольшим диалектолого-этимологическим словарем представлены им в учебном пособии для финских студентов под названием **«Wotjakische Chrestomathie mit Glossar»** (’Удмуртская хрестоматия со словарем’) [Wichmann 1901a; 1954]. Сюда не был включен диалект бесермян, проблема происхождения которых до сих пор дискутируется в науке, хотя Ю. Вихманн в то время считал их обудмуртившимися тюрками [Wichmann 1893: VII; “... якобы потомки каких-то татар” – Szilasi 1896: 494].

2.2. Сложным и трудным путем дошел до исследователей лексики удмуртского и финно-угорских языков обширный словарный материал, собранный Ю. Вихманном в полевых условиях на территории распространения всех изученных им удмуртских диалектов. Эта богатая коллекция диалектной лексики не была издана при жизни собирателя в виде отдельного словаря, тем не менее она была обильно использована автором во всех его историко-фонетических и этимологических штудиях, посвященных удмуртскому языку. Более того, этими данными, с любезного разрешения их собирателя, широко пользовались многие финские исследователи, в частности Т. Э. Уотила, Ю. Тойвонен и другие;

а через их труды (или непосредственно из вихманновской картотеки) они вошли в самые различные этимологические словари финно-угорских языков, в том числе и новейший фундаментальный «Uralisches Etymologisches Wörterbuch» (’Уральский этимологический словарь’) [UEW 1986–1991], подготовленный и изданный Институтом языкознания Венгерской Академии наук.

И лишь в самом конце 80-х гг., через 95 лет после первой поездки Ю. Вихманна к удмуртам и 55 лет после его смерти, этот диалектологический словарь удмуртского языка усилиями не только самого собирателя, но еще и двух финских ученых смог увидеть свет отдельной книгой – **«Wotjakischer Wortschatz»** (’Удмуртский словарь’) [Wichmann 1987]. Этот лексикографический труд получил чрезвычайно высокую оценку в финно-угроведческой печати: “С изданием «Удмуртского словаря» был предоставлен в распоряжение языковеда обширный архивный материал, и в отношении плодотворного влияния его на исследование финно-угорской лексики, пожалуй, не приходится сомневаться. Перед нами шедевр, в создании которого были заняты три поколения. Поздравления нижеподписавшегося (профессора П. Алвре. – *В. К.*), к сожалению, уже не дойдут до Ю. Вихманна и Т. Э. Уотилы, и поэтому могут быть направлены в адрес доктора филологических наук профессора Микко Корхонена, который за свои длившиеся в течение 25 лет старания и труды по опубликованию словаря заслужил наше глубочайшее уважение” [Alvre 1989: 74].

2.3. Помимо всего перечисленного, сведения о некоторых особенностях удмуртских диалектов разлиты в обобщающих трудах Ю. Вихманна, посвященных другим проблемам пермского языкознания, – исторической фонетике [Wichmann 1915], исторической лексикологии [Wichmann 1903] и др.

3.0. Непосредственно после сбора диалектных материалов в полевых условиях финский ученый смог обратиться к осмыслению ***истории фонетического строя удмуртского языка*** и уже в 1897 г. защитил докторскую диссертацию по историческому вокализму – работа вышла в 1915 г. под названием **«Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische»** (’К истории вокализма первого слога в уд-

муртском языке с учетом вокализма в коми’) [Wichmann 1915]. В этой работе Ю. Вихманн впервые с использованием удмуртских диалектных данных и удмуртско-коми соответствий сделал попытку восстановить праудмуртскую систему гласных, состоявшую, по его мнению, из 7 единиц, т. е. из всех тех фонем, которые характерны для абсолютного большинства удмуртских и (коми) диалектов: *а (= *a)[77] *о (= *o), *и (= *y), *ę (= *ӧ), *į (= *ы), *е (= *э), *i (= *u) [Wichmann 1915: 1–48].

3.1. Хотя Ю. Вихманн [Wichmann 1915: 18–19] и заметил “различные артикуляции” между диалектными *ӧ* и *ӧ°* (у Вихманна *ę* и *ӧ*), а также “различные нюансы” в диалектных *ы* и *ъ* (у Вихманна: *į* и *į̂*; у Аминоффа: *y* и *ɔ̃*), однако в данной работе он не поставил вопроса о том, который из вариантов той или другой фонемы является исторически первичным, который – вторичным, а также как и когда возникли вторичные варианты. Фонемы же *ӱ* (у Вихманна: *ш*) и *ӓ* (у Вихманна: *ȧ*, *ӓ*), характерные лишь для говоров периферийно-южного диалекта, являются, по его мнению, вторичными и восходят к самым различным источникам.

3.1.1. Так, фонема *ӓ*, функционирующая в настоящее время в татышлинском, красноуфимском, закамском говорах и в части кукморского и бавлинского говоров в соседстве с палатальными согласными, возникла из первичного *а* под влиянием консонантного окружения, ср. уфим. *зȧриź* ’море’ ~ елаб. *зариź*, каз. *зареź*, малм. *зарі̊ʒ́*, глаз. *зарид'ź*; уфим. *тȧńи*, уфимСм. *тäńи* ’вот’ ~ м.-урж., елаб., малм., *таńи*, глаз. *таń*, каз. *тėńи* и др.; в тюркских же заимствованиях *ӓ* удмуртских диалектов восходит к татарскому оригиналу, напр.: уфим. *ȧд'ȧми* ’человек’ ~ м.-урж., елаб., малм., глаз. *ад'ами*, сар. *ад'ами* (тат. *ӓдӓм*); уфим. *ȧį̇бȧт*, уфимСм. *ӓį̇бат* ’хоро-

[77] В скобках даны соответствующие знаки из современной фонетической транскрипции на основе кириллицы. Здесь и далее языковой материал, который был представлен Ю. Вихманном в довольно сложной фонетической транскрипции на латинской графической основе и по техническим причинам был переведен нами на кириллический шрифт, в данной публикации по возможности восстанавливается; порою авторские примеры приводятся в более полном составе, нежели было представлено в первом издании моей статьи.

ший, красивый’ ~ казГ. *aḭbat* (тат. *äjbät*); уфим. *ämäl* ’средство, способ’ ~ малм., глаз., елабИсл. *amal*, каз., сар. amal (тат. *ämäl*) и т. д. [Wichmann 1915: 4–5]. Последнее мнение Ю. Вихманна находит единодушную поддержку у современных удмуртских языковедов [Тараканов 1959в: 188, 203; 1973: 142; 1982: 128; Кельмаков 1968: 195; 1970: 123; 1974: 58–59; Насибуллин 1972: 50–51; и др.].

3.1.2.1. Сложнее обстоит дело с фонемой *ӧ*, представленной во всех говорах периферийно-южного диалекта. Ю. Вихманн, как, кстати, и его предшественник Т. Г. Аминофф [Aminoff 1896: 9, 10–11], приписал ей вторичное происхождение из первичного *ӧ*:

1) под влиянием палатального окружения (соседства), ср.: уфим., м.-урж., елаб., глаз. *duńńɛ*, каз. *dünja* ~ малм. *duńjɛ*, сар. duńńe ’мир, свет’; уфим., м.-урж., елаб. *uḭ*, каз. *üj* ~ малм., сар., глаз. *uḭ* ’ночь’; уфим., м.-урж., малм., елаб., глаз. *śuḭ*, каз. *śüj* ’земля, глина’ ~ сар. śuj; и др. [Wichmann 1915: 9–10];

2) под влиянием контактно последующих переднерядных *и* и э, напр., уфим. *luoz* ’будет’ ~ *lɯem*, м.-урж. *luoz* ~ *lɯem*, *lɯiz*, *lɯiḭ*, елаб. *luoz* ~ *lɯem*, *lɯɛ*, *lɯiz*, *lɯiḭsa*, *lɯ* (< **lɯiḭ*), казАм. l̨u ~ lu̯iz, каз. lüẽnẽ, lüem, lü ’стать, становиться’; уфим. *šuĵnĵ* ~ *šɯem*, *šɯid*, м.-урж. *šuoz* ~ *šɯem*, *šɯiz*, *šɯsa* (*šɯiḭsa*), елаб. *šuoz* ~ *šɯem*, *šɯsa* (*šɯiḭsa*), глаз. *šuĵnĵ* ~ *šɯem*, *šɯsa* (*šɯiḭsa*), казАм. šu ~ šu̯iz, šu̯em ’сказать’, малм. *šunḭ*, сар. šu-, šuiśk-; и др. [Wichmann 1915: 10];

3) в словах типа м.-урж., елаб. *muš*, каз. *müš*, *muš* ’пчела’, м.-урж., елаб. *tɯš*, каз. *tüš* ’борода’, м.-урж., елаб. *kɯs*, каз. *küs* ’поясница’, уфим. *pɯž*, *puž*, м.-урж. *pɯž*, каз. *püž* ’сито, решето’ и т. д. [Wichmann 1915: 13], в которых *ӧ* выступает в велярном окружении, появление рассматриваемого гласного Ю. Вихманн объясняет несколько иначе, нежели Т. Г. Аминофф. Последний, как известно, возникновение *u̯* (*ӧ*) из *и* (*ӧ*) в подобных словах приписал ассимилирующему воздействию переднерядных гласных *i* и *e* не только в тех современных формах, где эти переднерядные гласные следуют за *i* (*šu-* ’сказать’ ~ *šu̯iz*, *šu̯em* ’он сказал’), но и в таких, в которых *i* и *e* некогда наличествовали во втором слоге удмуртского слова (*u̯r* ’гной’, *tu̯š* ’борода’, *tu̯s* ’облик, вид’, *ku̯s* ’поясница, талия’ и др.) и сохранились вплоть до настоящего

времени лишь в отдельных финно-угорских языках, ср. удм. *mi̯š* ’пчела’ ~ ф. *mehi* [Aminoff 1896: 9]. В отношении третьего случая Ю. Вихманн высказывает справедливое сомнение, “ибо очевидно, что переход *u* > *ш* является очень новым палатализационным явлением, которое следует отнести лишь к периоду самостоятельного развития удмуртского языка”, а между тем “переднерядный (среднерядный?) гласный этимологического (первичного) второго слога в словах типа *kuz*, *lul*, *muš*, *pul*, *puž*, *sul*, *tug*, *zud* несомненно отпал уже в прапермское время” [Wichmann 1915: 13]. В связи с этим Ю. Вихманн высказывает собственное предположение, согласно которому появление *ш* (*ӥ*) между велярными согласными обусловлено влиянием дистантно последующих *i* или *e* суффиксальной морфемы (к примеру, окончания элатива *-iś*, иллатива *-e, -ɛ* и др.) с дальнейшим обобщением *ш*-овой формы корня для всех случаев, ср.: *muš* ’пчела’ ~ элат. *mušiś* ’из пчелы’ > *muš*-. Такая возможность подтверждается живыми формами, зафиксированными в отдельных диалектах, ср.: м.-урж. *tug* ’хмель’ ~ *tugiś*, *kudi̯* ’лукошко’ ~ *kudi̯ɛ*, елаб. *kuki̯* ’кукушка’ ~ *kuki̯ɛd* ’кукушка твоя’ [Wichmann 1915: 13–14). Добавлю от себя, что и эта гипотеза не совсем приемлема, ибо она не объясняет, почему в одних корнях появилась и утвердилась фонема *ӥ* (*müš*, *pӥl* и др.), а в других в аналогичном же велярном окружении сохранилась *u* (*vuž* ’старый’, *tul* ’клин’, *kuk* ’нога’, *sur* ’пиво’, *dur* ’край, окраина’ и т. д.);

4) в словах татарского или булгарского происхождения диалектное *ӱ* (*ш*) восходит в большинстве случаев к *ӱ*, (редко к *u*) оригинала, напр.: каз. kürka ’индюк’ (тат. kürkä); елаб. *kurbon*, каз. kürbon ’жертва’ (чув. χurban); м.-урж., елаб. *kuno*, глаз. *kuno*, *kuno* ’гость’ (чув. χuna); м.-урж. *tušak* ’перина’(тат. tüšäk); м.-урж., елаб. *turli̯*, каз. türli ’различный, разнообразный’ (тат. törlö (< *türlü), чув. *türlä*); м.-урж., елаб. *tus*, каз. tüs ’облик’ (тат. tüs, tös, чув. tüś); м.-урж. *suret*, каз. sürät ’рисунок’ (тат. sürät) и др. [Wichmann 1915: 12–13).

3.1.2.2. Сходного мнения о вторичном характере *ӱ* (*ш*) придерживался и Д. В. Бубрих, который писал: “Диалектное удмуртское *у*ы (т. е. *ӱ* – *В. К.*), как принято думать, не имеет особенно

глубоких исторических корней. Наблюдено, что это *у*ы употребляется почти всегда в соседстве мягких согласных, а в немногочисленных остающихся случаях вроде *пу*ы ’дерево’ может быть извлечено из форм, где было в соседстве с *й* – ср. *пу*ы*(й)ын* ’в дереве’ и т. п. Во всяком случае это диалектное *у*ы не имеет никакой поддержки в коми языке” [Бубрих 1948: 33].

3.1.2.3. Однако последующие изыскания удмуртских и коми диалектологов и специалистов в области исторической фонетики пермских языков не подтвердили основных аргументов Д. В. Бубриха в пользу вторичности *ӱ*, ибо:

во-первых, было выявлено, что употреблением периферийно-южного *ӱ* в велярном окружении и не перед возможным *й* (ср.: *кӱс* ’поясница’, *гӱдъри* ’гром’, *дӱн* ’чистый, прозрачный’ и т. д.) охвачены десятки корней;

во-вторых, для этой периферийно-южной фонемы в других удмуртских говорах характерны иные соответствия, нежели для *у* [Кельмаков 1975б: 97–98];

в-третьих, удмуртское *ӱ* имеет особую корелляцию и в ключевых коми диалектах, в частности, в верхнесысольском и коми-язьвинском: удмуртскому (диалектному) *ӱ* в первом соответствует закрытое *о* (= *о̂*), во-втором – гласный *у*, удерживающий на себе ударение (= *у́*) (ср. удм. диал. *кӱз* ’пара; чета’ ~ вс. *го̂з* ’пара’, кя. *гу́зйа* ’чета’; удм. диал. *кӱр* ’луб, лубок’ ~ вс. *ко̂ра*: *ко̂ра дод'* ’обитые лубом сани’; удм. диал. *лӱл* ’душа’ ~ вс. *ло̂л*, кя. *лу́л*; удм. диал. *тӱш* ’борода’ ~ вс. *то̂ш*, кя. *ту́ш*; удм. диал. *пӱнъ* ’собака’ ~ вс. *по̂н*, кя. *пу́н*; и др.), в то время как удмуртскому *у* в обоих диалектах, как правило, соответствует гласный *о* (удм. *гужэм* ’лето’ ~ вс. *гожӧм*, кя. *гожөм*; удм. диал. *куръ-* ’просить’ ~ вс., кя. *кор-*; удм. *дун* ’цена ~ вс., кя. *дон*; удм. *муг* ’причина, надобность’ ~ вс., кя. *мог* ’дело’; удм. *пум* ’конец’ ~ вс., кя. *пон*; и др.) [Лыткин 1956: 139–140].

Все это, естественно, опровергает мнение Аминоффа-Вихманна-Бубриха о секундарности диалектной фонемы *ӱ* (*ӥ*) и дает возможность возвести ее по меньшей мере в праудмуртскую древность [Кельмаков 1975б: 98], поставив тем самым под сомнение

гипотезу Ю. Вихманна о семигласном праудмуртском вокализме (см. еще и: [Бубрих 1929]).

3.2. У Ю. Вихманна нет специальной работы, посвященной вокализму непервых слогов в удмуртском языке, однако попутно с рассмотрением других проблем он высказал определенные соображения и по этому вопросу. В частности, анализируя особенности фонетической адаптации булгарских заимствований в удмуртских диалектах, отметил следующую закономерность: исконный гласный непервого слога *a* булгарских слов заместился в удмуртском языке гласным *o* в тех словах, в которых в первом слоге представлен гласный *y* (редко *o*), соответствующий чувашскому *o* ~ *y* (своего рода дистантная прогрессивная ассимиляция гласных по огубленности, напр.: *buśono* ’свояк (муж сестры жены)’ (= чув. *puz'ana*, *poz'ana*), *kuno* ’гость’ (= чув. *χ͡ʷna*, хuna), *kuromo* ’вяз, вязки’ (= чув. *χurama*, хorama), *śurlo* ’серп’ (= чув. *śurla*, *śorla*), *t'śokmor* ’дубина’ (= чув. čukmár, čokmár), *ukśo* ’деньги’ (= чув. *ukśa*, okśa) и др.; в других же случаях чувашскому *a*, как правило, соответствует удмуртское *a* непервого слога, в особенности в тех словах, где булгарское *a* первого слога замещено в удмуртском языке гласным *a*, напр.: *aŋa* ’полоса (земли)’ (= чув. *ana*), *arlan* ’хомяк’ (= чув. *arlan*), *šabala* ’отвал плуга’ (= чув. šabala), *t'śarlan* ’чайка’ (= чув. *t'śarlan*), *ṭ̡šaŋa* ’галка’ (= чув. *t'šana*) и т. д. [Wichmann 1903: 26–27]. Впоследствии это положение было подхвачено другими учеными для объяснения особенностей вокализма непервого слога различных категорий слов в удмуртском языке: в исконной финно-угорской лексике, ранних татарских (и русских) заимствованиях (ср.: [Lakó 1934: 27–28; Csúcs 1972: 34; Molnár 1974: 110; и др.]), и даже ошибочно возведено в ранг строгой закономерности и основной причины появления огубленных гласных (в данном случае *o*) в непервых слогах удмуртского слова [Тараканов 1960: 128]. Правда, ассимилятивная теория проникновения огубленных гласных в непервые слоги слова не нашла подтверждения [Кельмаков 1975г: 75–77], но в этом нет вины финского языковеда, ибо его теория предельно ясно объясняет то, для чего она была создана: сохранение глас-

ного *-*а(-)* непервых слогов в одних словах (*ӵана* ’галка’, *така* ’баран’, *кабан* ’скирда’ и т. д.) и субституцию его гласным *-о(-)* (< *-*а(-)*) в других (*коӵо* ’сорока’, *сугон* ’лук’, *кузё* ’хозяин’, *тушмон* ’враг, неприятель’, *улмо* ’яблоко’ и др.).

3.3. Ю. Вихманн не оставил после себя работы, систематически излагающую историю согласных в удмуртском и коми языках – это было выполнено его ближайшим учеником Т. Э. Уотилой в книге «К истории консонантизма в пермских языках» [Uotila 1933], выпущенной с посвящением памяти Ю. Вихманна, однако в его исследованиях общего характера или написанных на другие темы можно найти ряд интересных мыслей, предположений, догадок относительно рассматриваемой проблемы.

3.3.1. Так, весьма интересно положение о том, что о прапермской фонеме **η* речь, по всей вероятности, может идти в первую очередь в тех случаях, “где удмуртские *n*, *ń* корреспондируют с *η*, *m*; причем, в коми языке выступает *n*, или также *m*” ср., напр.: уфим., м.-урж., елаб., малм. *baη*, сар., глаз. *bam*, Wied. также: ban ’лицо, щека; склон; острие (ножа)’ ~ к. *ban* ’тж.’ | х. puŋat ’сторона’, ? мс. *+pāñχwiñ*: *p. sampä* ’широкоглазый’; м.-урж., елаб., глаз. *diń*, уфим., малм., сар., *diη*, Wied. также: dyn ’комель, толстый конец древесины’ ~ к. *d'in*, *din*, кп. *dįn* ’тж.’ | в. *tő*, мр. *tįη*, ф. tyvi; уфим., м.-урж., елаб., малм. *puη*, глаз. *pum*, Wied. также: pun ’конец, кончик, верхушка’ ~ к. *pom*, *pon*, кп. *pon* | мс. *+poñ*, *+päñ*, *+päñk*, *+puñk*, в. fej, fő, мд. ре, с. bagje, ф. pää; и др. [Wichmann 1903: 21–22].

3.3.2. В булгарских заимствованиях удмуртского языка сочетание “*назальный* + *гоморганный смычный*” представлено двояко: в одних словах, встречающихся как в удмуртском, так и коми языке, рассматриваемое сочетание пережило процесс деназализации, ср. удм. *kudį* ~ к. *kud* ’лукошко, корзина, короб’ (= чув. *kunDĭ*); удм. *gubi* ~ к. *gob* ’гриб’ (= чув. (лит.) *кӑмпа*); и др.; а в словах, представленных лишь в удмуртском языке, консонантное сочетание сохранено без изменения, ср. удм. (XVIII в.) kandelem (также: kangelem, kemdel'e) ’свидетель’ (= чув. kündeleń, также: kündelegeń, küldelä'ń), удм. (диал.) *tiŋgil'i* ’ось (напр. в телеге)’ (= чув. *tiŋGəl*), удм. (диал.) *eŋgeį* ’невестка’ (= чув. *iŋGe*) [Wich-

mann 1903: 23–25]. На этой основе Ю. Вихманн делает весьма важный вывод о том, что процесс деназализации сочетаний типа *-*mp*- (> -*b(-)*) протекал в общепермский период и охватил не только исконную лексику (ср. удм. *ыбыны* 'стрелять' = ф. ampu-; *ӧды* 'сила, мощь', к. *ӧд* 'скорость, темп; жар в печи; сила' = ф. into 'рвение, усердие, воодушевление', *удыны* 'поить, дать пить', к. *удны* = ф. anta- 'давать', *мугор* 'тело, корпус', к. *мыгӧр* = мр. *moŋgə̑r* 'тело; организм'; и др.), но и заимствованную, в том числе и булгарские заимствования общепермского характера (*куды*, *губи*). Более поздние булгарские лексические заимствования, попавшие лишь в удмуртский язык, т. е. уже после распада общепермского единства (kandelem, *tiŋgil'i*, *eŋgeį̑*), сохранили носовой элемент, ибо к этому времени был уже завершен прапермский процесс звукоперехода "*mb > *b*, *nd > *d*, *ng > *g*"[78] [Wichmann 1903: 24–25]. Этот вывод вполне разделяется и современными специалистами в области истории пермских языков (ср., напр.: [Лыткин 1957: 91–92; Тепляшина 1978: 291–292]).

3.3.3. Пермские языки, как общеизвестно и в настоящее время, характеризуются устойчивым сохранением оппозиции велярности/палатальности согласных, и в этом отношении они могут считаться ключевыми: "...коми-удмуртские данные нередко прямо-таки являются решающими" [Setälä 1902: 220] и для различения праязыковых анлаутных *s- и *ś- [Setälä 1902: 269, 271; также см.: Paasonen 1907: 29], и при реконструкции двух различных – палатальной и велярной – аффрикат для финно-угорского языка-основы [Setälä 1902: 245; Wichmann 1906: 25, 38–39], и для уточнения количества плавных в финно-угорский период [Wichmann 1915a: 2, 14] и т. д.

Эта особенность пермских языков дала возможность Ю. Вихманну использовать их материалы в качестве критерия истинности при верификации определенных праязыковых реконструкций.

---

[78] Из этого правила имеются исключения типа: удм. *kudį̑r*-: *mįį̑-kudį̑ro* 'отороченный бобром' (= чув. *χʊnDʊr*, *χĭndĭ̑r*), удм. *ugį̑* 'серьги в ушах' (= чув. *uŋʊĭ̑*) [Wichmann 1903: 23–24], свидетельствующие, по-видимому, о том, что самые ранние удмуртские заимствования могли еще застать живой процесс деназализации сочетаний типа *-*mp*-.

3.3.3.1. Так, данные удмуртского и коми языков, в определенной степени подкрепленные и самодийским материалом, были положены финским компаративистом в основу реконструкции палатальной и велярной аффрикат в финно-угорском языке-основе и определения их рефлексаций в современных венгерском и финском языках (см. его работу **«Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden Affrikaten nebst einem Exkurs über die finnisch-ugrischen anlautenden Klusile»** ('К истории финно-угорских анлаутных аффрикат вместе с экскурсом на финно-угорские анлаутные смычные') [Wichmann 1911]), а также особенностей их репрезентации в диалектах марийского языка (см. работу **«Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden *s*- und *č*-Laute im Tscheremissischen»** ('К истории финно-угорских анлаутных *s*- и *č*-овых звуков в марийском языке') [Wichmann 1906]). В этой последней работе с учетом материалов пермских языков он первым указал на тот интересный факт, что финно-угорские **s* и **ś*, вопреки общепринятому мнению, не во всех марийских диалектах совпали с репрезентантом **š*, а их различие сохранилось до сих пор в малмыжском диалекте.

3.3.3.2. Также и историю финно-угорских *l*-овых согласных он рассматривает на новой основе: с преимущественным использованием материалов пермских и хантыйского языков он доказывает, что в финно-угорском праязыке было не три, как полагал Х. Паасонен [Paasonen 1917: 36], а только два вида плавных согласных фонем – велярная (**l*) и палатальная (**l'*) (см. статью **«Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute (*l und *l'), bes[onders]. in den permischen Sprachen und im Ostjakischen»** ('К истории финно-угорских *l*-овых звуков (**l* и **l'*), в особенности в пермских языках и хантыйском') [Wichmann 1915a]). И это мнение Ю. Вихманна, в отличие от более позднего предположения Ю. Тойвонена [Toivonen 1929: 82], является общепринятым и в настоящее время.

3.3.4. Весьма интересны для удмуртского языкознания и "попутные" замечания Ю. Вихманна об истории *л*-овых звуков в пермских языках, высказанные в данной работе:

1) пермские согласные *л* и *л′* восходят не только к финно-угорским **l* и **l′*, но и в отдельных случаях соотв. к **δ* и **δ′* [Wichmann 1915a: 14], ср.: а) удм. *сюлэм*, к. *сьӧлӧм* ’сердце’ (~ ф. *sy**d**än*, мд. *се**д**ей*) (удм., к. *л* < фуг. **δ*); б) удм., к. ***ль**ӧм* ’черемуха (ягода)’ (~ ф. ***t**uomi*, мд. *ляйме*); удм., к. ***выль*** ’новый’ (~ ф. *uu**t**e-*, мд. *о**д***, в. *ú**j***) (удм., к. *л′* < фуг. **δ′*);

2) в некоторых случаях анлаутное *л′-* в удмуртском языке развилось из финно-угорского **j-*, напр.: *люктаны* ’поить (напр., скот)’, *люкмес* ’прорубь’, *люкыны* ’делить’, *люк* ’куча’, *лякма* ’замок (внутренний)’; диал. *л′аг* ’бор (сосновый)’, диал. *л′угыт* ’свет; светлый; светло’ и др. Одним из условий изменения *j-* > *л′-* в удмуртском языке Ю. Вихманн справедливо считает его позицию перед -V*k(-)* и -V*g(-)* [Wichmann 1915a: 5; ср. также: Uotila 1933: 73].

4. Как и вообще у ранних финно-угроведов, и в творчестве Ю. Вихманна существенное место занимала ***этимология*** [Lakó 1969: 394]. Этимологии, нередко его собственные, обильно представлены во всех его работах независимо от того, посвящены ли они фонетическим изысканиям, морфологическим проблемам или же исследованиям языковых контактов. Так, в работе **«Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen»** (’Чувашские заимствования в пермских языках’) [Wichmann 1903] подробно рассмотрено происхождение свыше 175 удмуртских слов. В отдельных историко-фонетических исследованиях им использовано, например, следующее количество этимологических параллелей финно-угорского или общепермского характера, имеющих и удмуртские соответствия: «К истории финно-угорских *l*-овых звуков...» [Wichmann 1915a] – 200 этимологий, «К истории финно-угорских анлаутных аффрикат...» [Wichmann 1911] – 121, «К истории финно-угорских анлаутных *s*- и *č*-овых звуков в марийском языке» [Wichmann 1906] – 51, **«Zum Stufenwechsel im Ungarischen»** (’К чередованию ступеней в венгерском языке’) [Wichmann 1907] – 13 и т. д. Кроме того, в серии статей под названием **«Etymologisches aus permischen Sprachen»** (’Этимологии из пермских языков’), опубликованной в журнале «Finnisch-ugrische Forschungen» (’Финно-угорские исследования’) с 1901

по 1924 г., он дает объяснение происхождению и истории 104 пермских слов, среди них около шести десятков удмуртских.

5. Из дневниковых записей явствует, что при сборе лингвистического материала Ю. Вихманн всегда и везде обращал внимание и на ***морфологические*** явления и свои наблюдения в этой области пермского языкознания изложил в нескольких статьях. Впервые же вопросами теоретической грамматики удмуртского языка он столкнулся, пожалуй, в связи с подготовкой к изданию работы рано умершего предшественника Т. Г. Аминоффа «Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка» [Aminoff 1896], в отношении которой М. Силаши некогда писал, что она "и при наличии грамматик Видеманна[79] окажет хорошую услугу, в особенности из-за своей краткости" [Szilasi 1896: 492], и оказался прав.

5.1. Ряд вопросов синхронной и диахронической морфологии (преимущественно словоизменения) и исторической фонетики (попутно) пермских языков был рассмотрен Ю. Вихманном в небольшой, но "огромной важности" [Lakó 1934: 41] статье **«Zur permischen Grammatik»** ('К пермской грамматике') [Wichmann 1923–1924]. В этой работе, посвященной форме выражения и происхождению отдельных пермских падежей, для специалистов в области удмуртского языкознания несомненный интерес представляют, например, следующие положения, которые были поддержаны или уточнены и развиты далее учеными последующих поколений.

5.1.1. Деление удмуртских и коми падежей в зависимости от взаимосочетаемости падежного окончания и притяжательного суффикса на две группы: 1) "*падежное окончание + притяжательный суффикс*" (инессив, элатив, иллатив, инструменталь, прозекутив, терминатив, эгрессив, транзитив) и 2) "*притяжательный суффикс + падежное окончание*" (аккузатив, адессив, аблатив, аллатив, каритив, аппроксиматив, конзекутив, комитатив, преклюзив), имеющие почти точное совпадение в обеих ветвях пермской группы языков, – восходит к общепермскому периоду [Wichmann 1923–1924: 148–149].

[79] Речь идет о книгах: [Wiedemann 1851; 1884].

5.1.2. Отсутствие в удмуртском языке специального падежа совместности – комитатива (ср. коми комитатив на *-kȩd*, диал. *-mi̯d*, кп. *-kȩt*) привело к тому, что комитативное значение передается с помощью инструменталя, основным значением которого является выражение орудийности [Wichmann 1923–1924: 146].

5.1.3. Из двух древних падежей – прозекутива и транзитива (пролатива) – в коми языке падежную функцию сохранил лишь прозекутив на *-öd* и др. (к. *tujed*, *tujȩd*, кп. *tujet'* ’(вдоль) по дороге’), в удмуртском же языке в результате слияния двух падежей – лишь транзитив (пролатив) на *-mu* и др. (малм. *tel'eti* ’по лесу’, глаз. *ṭšaṭṭšait'i* ’в лесу, по лесу’, *korka kotîrîki* ’вокруг дома’, м.-урж. *a r t' š a t i* ’по Арску, через Арск’). В коми языке реликты последнего падежа с формантами *-ti*, редко *-t'i* и *-k'i* (~ удм. *-ti*, *-t'i*, (>) *-ki* и др.) сохранились лишь в наречных формах, ср.: *se-n* ~ *se-n-i* ’там’, *ta-n* ~ *ta-n-i* ’здесь’ и др. [Wichmann 1923–1924: 154–158].

Мнение Ю. Вихманна о том, что прапермский суффикс пролатива **-ti* (> удм. *-mu*, *-m'u*, *-ки*; к. *-mu*, *-m'u*, *-к'i*) является сложным образованием и восходит к сочетанию двух локативных элементов – **-t* (ср. удм.-к. *kị̄tị̄ś* ’откуда?’; удм. *tatị̄n*, к. *tatȩn* ’здесь, тут’ и др.; далее: в. *köz-t* ’между, среди (где?)’, мс. *tå-t*, х. *to-t* ’там’) и **-i* (ср. к. диал. *i̯l-i* ’далеко, вдали’ – *i̯l-* ’даль’, *vi̯l-i* ’высоко, в вышине’ – *vi̯l-* ’верх, поверхность’) [Wichmann 1923–1924: 158–159], вполне приемлемо и находит поддержку и у других ученых (см., напр.: [Серебренников 1963: 59, 84]).

5.1.4. Аккузатив единственного числа выражается в удмуртском языке при помощи суффикса *-ɛ* (~ к. *-ɛ*, *-ȩ*):

1) в простом склонении: а) *monɛ* (~ к. *mȩnɛ*, *menȩ*) ’меня’, *kiśɛ* (~ кп. *kinȩ*) ’кого?’, *ma i̯ɛ* ’что?’; б) *murtɛ*: елаб. *ad'd'źem pereś murtɛ* ’увидел старого человека’[80];

[80] Вслед за Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1896: 24] Ю. Вихманн придерживается мнения о том, что в выражении м.-урж. *burɛ vaji̯ni̯* ’поминать’ *bur-ɛ* представляет собой форму аккузатива от имени *bur* ’добро, доброе’ (букв. ’доброе (акк.) приносить’), хотя возможна и иная интерпретация: рассматриваемое сочетание является скорее частным случаем реализации модели “*иллатив имени* + *глагол движения*”; ср. также:

2) в притяжательном склонении: *pimɛ* ’моего сына’, *pizɛ* (~ к. *pisɐ*) ’его (ее) сына’, *astɛ* (к. *aśtɛ*, кп. *aśtɐ*) ’тебя самого’ и т. д. (Справедливости ради следует заметить, что этот суффикс аккузатива имен в простом склонении не нашел упоминания в научной грамматике удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 93]).

В остальных случаях (чаще всего) употребительно аккузативное окончание *-ez*, *-es* (~ *-es, -ɐs*): *murtez* (~ к. *mo̯rtes*, кп. *mortɐs*) ’человека (акк.)’, *purtmes* (~ к., кп. *purtnʲimɐs*) ’наш нож (акк.)’ [Wichmann 1923–1924: 159–160].

Насколько мне известно, впервые именно Ю. Вихманн указал на историческую связь суффикса аккузатива удм. *-ɛ* ~ к. *-ɛ*, *-ɐ* с этимологическим конечным гласным именной основы, который, как правило, отпал в общепермский период, но сохранился в аккузативе, приняв на себя функцию выражения определенности прямого объекта, отмечаемой в финно-угорский период при помощи суффикса аккузатива **-m* [Wichmann 1923–1924: 160]; и это положение находит единодушную поддержку специалистов в области пермских языков [Lakó 1934: 40; Лыткин 1957: 84; Serebrennikov 1962; Серебренников 1963: 35]. Что касается элемента *-z* ~ *-s* в удм. *-ez* ~ к. *-ɛs*, *-ɐs*, то он восходит, как утверждает Ю. Вихманн, к притяжательному суффиксу 3-го лица единственного числа [Wichmann 1923–1924: 160].

5.1.5. Ю. Вихманн показатель элатива *-ыс′*, (>) *-ис′* возводит к прапермскому **-śt-*, элемент *-t-* которого сохранился в удмуртском языке лишь в притяжательном склонении, оказавшись в положении перед последующим гласным (напр.: диал. *kariśtʲim*, *kariśkʲim* (*-k-* < *-t-*) ’из моего города’), в коми языке – в реликтовом виде в некоторых послеложных формах (*мыс′*, *мыс′т*, *мыс′ти*, *мыс′тӧн* ’после’). Этот элемент – как полагает Й. Синнеи и с ним соглашается Ю. Вихманн – восходит к финно-угорскому аблативному суффиксу (ср. ф. партитив на *-ta*/*-tä* и т. д.); пермское же п а л а т а л ь н о е *-ś-* в *-śt-* Й. Синнеи ставит в этимологическую связь с н е п а л а т а л ь н ы м ф.-с.-мд. *-s-* в окончании элатива

тод-э вайыны ’вспоминать, вспомнить’ (букв. ’приводить (приносить) на память’).

ф. **-sta**, с. **-ste**, мд. **-sta**, что вызывает справедливое возражение со стороны Ю. Вихманна; и поэтому пермское *-ś-*, как он считает, все еще ждет своего убедительного объяснения [Wichmann 1923–1924: 162–163]. В последнее время загадка пермского элатива была разрешена: К. Редеи [Rédei 1980] убедительно доказал, что суффикс элатива пермских языков *-ыс′*, *-ис′*, *-ыс′т-* образовался в прапермское время из словообразовательного суффикса имен *-i̯ś*/*-iś*. И т. д.

5.2. В основополагающем исследовании **«Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre»** (’К марийскому именному словообразованию’) [Wichmann 1913–1918] Ю. Вихманн обращается к другому важному разделу морфологии – к словообразованию: подвергает анализу 37 таких марийских суффиксов, которые в исследованиях предшествующих авторов или вообще не нашли упоминания, или объяснены неудовлетворительно. Это исследование вызывает интерес у удмуртоведов тем, что история марийских морфем рассмотрена на широком финно-угорском фоне и нередко приведены параллели и из пермских языков.

5.3. О пристальном внимании Ю. Вихманна к вопросам морфологии пермских языков свидетельствует и следующий факт: именно по совету финского профессора одно из первых своих крупных исследований В. И. Лыткин посвятил морфологической проблеме. Речь идет о работе «Az *-s* névszókézők a permi nyelvekben» (’*C*-овые именные словообразовательные суффиксы в пермских языках’) [Lytkin 1927], за которую коми языковед получил ученую степень доктора философии.

6. Не все положения, теории и гипотезы, высказанные Ю. Вихманном в его многочисленных публикациях, не все предложенные им этимологии выдержали испытание временем (напр., предположение о вторичном характере фонемы *ӱ* (*ɯ*) в удмуртских диалектах (подробнее см.: 3.1.2.1– 3.1.2.3); реконструкция четырех рядов смычных для финно-угорского анлаута: **p-*, **t-*, **k-*; **ph-*, **th-*, **kh-*; **b-*, **d-*, **g-*; и **bh-*, **dh-*, **gh-* [Wichmann 1911]; и некоторые другие), но они не ушли бесследно, ибо – по образному выражению польского академика Х. Ловмяньского – ни одна гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в битве за пра-

вое дело, “гибнет не напрасно, служа выяснению научной истины” (цитируется по: [Пашуто 1985: 11]).

Оценивая вклад Ю. Вихманна в финно-утроведение, венгерский профессор И. Шебештьен писала в 1928 г.: “Без научной деятельности и стимулирующего влияния Вихманна финно-угорское языкознание не встало бы на современный уровень” [Sebestyén 1928: 231]. Под “стимулирующим влиянием”, по всей вероятности, следует понимать не только образцовые текстовые публикации и теоретические исследования, достойные подражания для ученых последующих поколений (это естественно, весьма важно), но и личное обаяние Вихманна как ученого, как “университетского преподавателя высшего ранга, одного из выдающихся, которых имел наш (Хельсинкский. – *В. К.*) университет” [Setälä 1933: 2] и как человека, что неизменно отмечают у него все, кто имел счастье встречаться с ним. В творческой личности Ю. Вихманна неразрывно спаяны и ученый, и учитель, и пропагандист науки, на что обратил особое внимание венгерский его коллега: “Вихманн Ю., наряду с Сетеля и Паасоненом, был наиболее выдающимся членом старшего поколения финских языковедов, не только как ученый, но и как университетский педагог... Помимо научной деятельности в узком смысле слова... большую работу проводил по популяризации науки” [Gombocz 1933: 348].

24 июня 1969 г. на заседании Венгерского лингвистического общества, посвященном 100-летию со дня рождения Ю. Вихманна, почетного члена этого общества с 1912 г., венгерский академик Д. Лако сказал: “По крайней мере для меня ясно, что таких ученых, каким был Юрьё Вихманн, несправедливо оценивать лишь по тому, что они сотворили за письменным столом. Без них не возникли бы теоретические обобщения, даже если бы и появились, то их основа была бы слишком шаткой, ценность весьма незначительной, и это обстоятельство приличествует учитывать теоретическим работникам” [Lakó 1969: 397].

Исходя из логики развития удмуртского языкознания и с учетом его современного состояния и вклада Юрьё Вихманна в удмуртскую (и пермскую) филологию, я рад присоединиться ко всем этим прекрасным и справедливым словам.

Ф О Т О

2.6. FOKOS-FUCHS D. R. / Д. Р. ФОКОШ-ФУКС
(1884–1977)

“Имя Фокоша Давида хорошо знает не только венгерский научный мир, но и знают, чтят и ценят в Советском Союзе, в первую очередь в Коми Автономной Республике, Финляндии, Скандинавии – везде, где занимаются финно-угорским языкознанием” [Kálmán 1960: 140].

“Во всех трудах Фокоша мы видим богатую эрудицию и строгую методику исследовательской работы. Выдвигаемые им положения всегда детально аргументируются и подтверждаются хорошо подобранным фактическим материалом” [Лыткин 1962б: 274].

“Д. Р. Фокош-Фукс ⟨...⟩ всегда щедро делился своими разносторонними знаниями. Его простота и душевность, фанатическая преданность науке снискали ему признание и глубокое уважение ученых разных поколений” [Туркин 1978: 79].

“Д. Р. Фокош-Фукс прожил долгую жизнь, полную творческих дерзаний и открытий, осуществляя собой живую связь времен и поколений, передавая эстафету удмуртоведения и пермистики современным венгерским ученым” [Кельмаков 1987: 157].

A lokativusz-féle határozók a votjákban (’*Обстоятельства места в удмуртском языке*’) (1906. – 207–250, 399–447 old.).

Egy zürjén-votják képzőről (’*Об одном коми-удмуртском словообразовательном суффиксе*’) (1912–1913. – 85–99 old.).

Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen (’*Материалы к грамматике пермских языков*’) (1913–1918. – S. 1–10).

Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen (’*Компаратив и суперлатив в финно-угорских языках*’) (1949. – S. 147–230).

Grammatikalischer Abriss (’*Грамматический очерк*’) (1954. – S. 135–166).

Die Verbaladverbien der permischen Sprachen (’*Деепричастия пермских языков*’) (1958. – S. 273–342).

A permi nyelvek határozói igenéveiről (’*О деепричастиях пермских языков*’) (1958a. – 275–319 old.).

Syrjänisches Wörterbuch I–II (’*Коми словарь*’) (1959. – 1564 S.).

Die Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft, mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachverwandtschaft (’*Роль синтаксиса в вопросе о языковом родстве с особым вниманием на родство урало-алтайских языков*’) (1962. – 137 S.).

Eine neue ausführliche wotjakische Grammatik (’*Новая обстоятельная удмуртская грамматика*’) (1963. – S. 104–109).

2.6.1. Д. Р. Фокош-Фукс но удмурт кылтодон

Быдэс нимыз солэн Давид Рафаэль Фокош-Фукс, нош удмуртъёс понна со огшоры гинэ – Фокош-Фукс. Таче вакчи нимтулын сое тодэ котькудйз удмурт, кин тунсыкъяське аслаз калыкезлэн историеныз но кылыныз, кин гажа но дунъяны быгатэ ас кылзэ но культуразэ эскерись но дышетйсь тодосчиосыз.

Удмуртъёслэн йырвизьмазы но сюлмазы Фокош-Фукслэн нимыз пыраклы интыяськиз Б. Мункачилэн нимыныз артэ. Соосыз огазеяз та кык венгер тодосчиослэн ӵош лэсьтэм ужзы – 1952-тй арын Хельсинкиын поттэм **«Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken»** (’Удмуртъёслэн калык сямъёссы но калык кылбуретсы’) [Munkácsi 1952] нимо книга.

Та книга – XIX даурлэн пумысьтыз но XX даурлэн кутсконысьтыз удмурт патриархальной улонлэн зэмос энциклопедиез – сйё-дано инты басьтэ та выллемесь ик мукет ужъёсын артэ [Гавриловъ 1880; Aminoff 1886; Munkácsi 1887; Первухинъ 1888; Wichmann 1893; 1901]. Книга тырмытэмын удмурт калык кылдытосъёсын: 600-лэсь трос кырӟанъёсын, данак выжыкылъёсын, мадиськонъёсын, визькылъёсын, лэчыткылъёсын, языческой куриськонъёсын, пелляськонъёсын но мадёсъёсын. Со сяна, нуны ваён, кузпалъяськон но кулэм муртэ келян сярысь, пӧйшуран, музъем ужан, выль корка пырон но юондыр ортчытон пумысь, калык сямъёс но сэбедъёс сярысь турлы интыысь но пӧртэм арлыдъем удмурт воргоронъёслэсь гожтэм мадёнъёс но веранъёс. Книгалэн пумаз ватсамын пӧртэм утемъёсысь (уездъёсысь) гуртъёсын пумиськылйсь вуж адями нимъёс но инты нимъёс.

Ожгар шинелен дйсям удмурт воргоронъёслэн ымынызы верам “энциклопедиез” люкан, огазеян но калык азе радъяса поттон бордын ужазы Бернат Мункачи но солэн матысь юрттйсез Давид Рафаэль Фокош-Фукс.

Нырысетй империалистической жугиськон вакытэ Австро-Венгер империе шедем удмурт ожгарпленнойёслэсь фольклор но

диалект материал люкан бордын Б. Мункачи ужаз 1915 арлэн май толэзьысеныз 1916 ар пумозь. Солэн информантъёсыз пӧлын вал пӧртэм интыосын вордйськем но турлы диалектэн вераськись удмуртъёс – ваньмыз-ӧвӧлэз 25 мурт:

1) **уйпал улоскыл** (6 мурт): а) ч у п ч и ш о р д и а л е к т – 5: *Трофим Баженов*, *Михаил Горбушин*, *Фёдор Лаврентьев*, *Гаврил Перевощиков*, *Егор Поздеев*; б) ч у п ч и в о ж д и а л е к т – 1: *Дмитрий Балтачев*;

2) ш о р в е р а с ь к е т ъ ё с (ува-вавож вераськет) – 2 мурт: *Ефрем Худяков*, *Терентей Марков*;

3) **лымшор улоскыл** (17):

а) л ы м ш о р д и а л е к т – 6: *Евдоким Биктимиров*, *Семён Федотов*, *Кузьма Егоров*, *Илья Михайлов*, *Михаил Семенов*, *Николай Андреич Внебрачный*;

б) п а л э н ы с ь л ы м ш о р д и а л е к т (11):

– кукмор вераськет – 3: *Василий Семёнов*, *Баймет Шактин*, *Сайфулла Тукташов*;

– шошма вераськет – 1: *Ижбай Ишмурзин*;

– бавлы вераськет – 1: *Николай Лукьянов*;

– татышлы вераськет – 1: *Акмадыша Джандусов*;

– камсьӧр вераськетъёс – 4: *Сабырзян Мухаяров*, *Мардымша Мурадшин*, *Сабыртин Шаяхматов*; *Калян Галямшин*;

– канлы вераськет – 1: *Ахмадьян Тимирзянов*.

Б. Мункачи вакчи дыр куспын быгатйз туж узыр материал люканы. Ожмаськон йылпумъяськем бере, венгер тодосчи люкам фольклорно-диалектологической куэтъёссэ (текстъёссэ) пумен печатласа поттон вылысь дасяны кутскиз. Бӧрысь аръёсаз Мункачи, улонэзлэн азьпалаз учкыса выллем, ужзэ Фокош-Фуксэн валче азинтйз. Зэм но, книгаез пумозяз радъяса вуттон но сое печате келян уж бератаз быдэсак дышетскисезлэн но эшезлэн пельпум усиз вылаз.

Выль вакытэн но выль юрртйсен валче таизлэн книгалэн транскрипци сӧзнэтэз но чутрак воштйськем. Сое син азе яркытгес пуктон вылысь, ӵошатыса сётйсько кык – «Votják népköltészeti hagyományok» [Munkácsi 1887] но «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» [Munkácsi 1952] – книгаысь одйг ньыль-

чуръем кырӟанэз: гожтэмын со пӧртэм вакытэ но пӧртэм гуртысь, но кыкез ик одйг (кукмор) вераськетэн:

ʑi ʑek-no aran' potɛ̊kɛ̊d	*d'ź́ek, d'ź́ek no aranę poton-dęrja*
śurlo mertčämdä šu̯did-a?	*śurlo mertt'šemdä šǫ̈did-a?*
atɛ̊kaj korkaś potɛ̊kɛ̊d	*ataį̈-korkaś poton-dęrja*
kü̯t kuräktämdä šu̯did-a?	*kǫ̈t kuräktämdä šǫ̈did-a?*
[Munkácsi 1887: 204]	[Munkácsi 1952: 311–312]

30-тӥ аръёслэн пумазы данакез латынь транскрипциен но, озьы ик немец кылэ берыктыса радъям прозаической куэтъёс дась вал ини. Нош ӝоген ачиз Б. Мункачи кулйз (1937-тӥ арын 21-тӥ куарусёнэ), Европаысь калыкъёс вылэ войнаен ожалскиз герман фашизм...

Шимес ожгар ортчыса гинэ, Б. Мункачи бӧрсьы кылем кигожтэтэз калыке поттыны быгатйз ини Давид Рафаэль Фокош-Фукс. Книга потйз Финляндиын 1952-тӥ арын, «Финн-Угор Огъялыклэн ужъёсыз» нимо сузьетлэн 102-тӥ томез луыса.

Б. Мункачилэсь люкам материалъёссэ нимаз книгаен поттыса, Фокош-Фукс удмуртъёслэн сюлмазы аслаз дышетйсезлы но матысь эшезлы ноку быронтэм-вужмонтэм синпельмет пуктйз. Та книгаез поттэм сяна, Фокош-Фукс удмуртъёс но удмурт кыл сярысь номыр ӧй ке но гожтысал ни, со озьы но весяклы пырысал удмурт кылосбур тодослэн дырсюресаз (историяз). Нош солэн данак мукет ужъёсаз яке нимысьтыз, яке нялтас эскерисько удмурт фонетикалэн, морфологилэн, синтаксислэн, лексикалэн но диалектологилэн та дырозь тырмыт эскерымтэ яке ченгешоно ужпумъёсыз.

Фокош-Фукс финн-угор тодосэ пыриз кылем даурлэн кутсконаз. Со тунсыкъяське но тодэ ваньзэ сямен туала финн-угор кылъёсыз, аслэсьтыз тодослыко исследованиоссэ вӧлмытэ ваньмаз сямен финн-угор кылъёс вылэ. Нош тужгес но трос, мылыськыдысь ужа со венгер кыллы матын луись об-угор (ханты но манси), перм (удмурт но коми) кылъёсыз тодослыко эскерон бордын. Та кылъёсъя бадӟымесь публикациосыз пӧлы пыро, кылсярысь, таӵе ужъёсыз: **«Zürjén népköltészeti mutatványok»** (’Коми калык кылбуретысь тусэтъёс’) (Budapest, 1913. – 143 l.), **«Zürjén**

szövegek» (’Коми куэтъёс’) (Budapest, 1917. – 224 l.), **«Volksdichtung der Komi (Syrjänen)»** (’Комиослэн (зырянъёслэн) калык кылбуретсы’) (Budapest, 1951. – 472 l.), 20.000 кылъем кык томен **«Syrjänisches Wörterbuch»** (’Коми кыллюкам’) (Budapest, 1959. – 1564 l.) но мукет.

Аслаз научной исследованиосаз Д. Р. Фокош-Фукс, XIX даурлэн пумысьтыз но XX даурлэн кутсконысьтыз тодмо венгер но кунгож сьӧрысь мукет финно-угроведъёс сямен ик, тужгес но бадӟым инты висъя удмурт но мукет финн-угор кылъёсыз ***сравнительно-исторической амалэн*** эскеронлы.

Та амалэн ик гожтэмын солэн удмурт кылъя нырысетйез бадӟым ужез – **«A lokativusz-féle határozók a votjákban»** (’Удмурт кылын интыез возьматйсь обстоятельствоос’) [Fokos-Fuchs 1906] нимо статьяез. Печатламын со Венгриын потйсь одйгаз туж тодмо «Nyelvtudományi Közlemények» (’Кылтодонъя ивортонъёс’) нимо журналын (вис карытэк потэ 1862-тй арысен).

«Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen» (’Перм кылъёслэн грамматиказылы материалъёс’) [Fokos 1913–1918] нимо пичи гинэ статьяяз венгер тодосчи эскере куд-ог суффиксъёслэсь но падеж кылпумъёслэсь кылдэмзэс но функциоссэс.

Удмурт морфологиын (озьы ик синтаксисын но) одйгез та дырозь йылаз-пумаз вуттымтэ ужпум луэ глаголлэсь пӧрмем формаослэсь категориальной пуштроссэс эскерон. П. Н. Перевощиковлэн «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» [Перевощиков 1959] нимо ужез потэм бере но, умой-умой тодмо ӧз на луы удмурт кылысь деепричастиослэн зэмос лыдзы: вить гинэ-а соос (*-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь*, *-мон* итэтъёсын), кызьы пусъе П. Н. Перевощиков, яке тросгес-а. Али ке но тыропыдо валэктэмын ӧвӧл на *-(э)мен*, *-мтэен*, *-(э)мысь*, *-мтэысь*, *-(э)мъя* итэто пӧрмем каронкыл формаослэн категориальной пуштроссы. Удмурт тодослыко кылрадъянлэн кыкетй книгаяз [ГСУЯ 1970] куд-огез соос пӧлысь нимамын деепричастие шуыса, нош нырысетй книгаезлэн [ГСУЯ 1962] «Деепричастие» (269–293-тй б.) ёзэтаз соос сярысь пал кыл но ӧвӧл поттылэмын; А. В. Конюховалэн но Р. И. Яшиналэн удмурт кылъя дышетскон книгаязы *-мен* но *-мъя* итэтэн кылъёс отглагольной существительнойёслэн лэсь-

тон но тупан падеж формаоссы шуыса нимамын. Ваньмыз та выллем вачепумит луись малпанъёс пото эскероно глагол формаослэн аспӧртэмлыксы бордысь но соосыз ӟеч-ӟеч эскерымтэен. П. Н. Перевощиков, деепричастиосъя туж бадӟым монография гожтыса вылысь, вылӥын нимам переходной но ченгешоно формаос вӧзтӥ соосыз адӟымтэяськыса ортчиз, удмурт кылын соос чик но ӧвӧл кожалод.

Та ласянь Д. Р. Фокош-Фукслэн немец но венгер кылын огдыре **«Die Verbaladverbien der permischen Sprachen»** (’Перм кылъёслэн деепричастиоссы’) / **«A permi nyelvek határozói igenéveiről»** (’Перм кылъёслэн деепричастиоссы сярысь’) [Fokos 1958; 1958a] поттэм ужез тросльı юрттэ кылдэм ужпумез шонергес но мургес эскерыны. Дасо мында итэтъёсын пӧрмем глагол формаосыз кылдэмзы но пуштроссы ласянь пыр-поч эскерыса, со таӵе визьпумъянэ (выводэ) вуэ:

1) *-тозь*, *-тэк*, *-кы* (*-ку*), *-са* суффиксэн глагольной формаос зэмос деепричастие луо;

2) деепричастилы матын луэ *-(э)мен* итэто форма;

3) нош *-(э)мъя*, *-мон*, *-мтэ*, *-(о)н*, *-(о)нъя* итэто кылъёсыз деепричастие шуыны уг луы.

Венгер тодосчилэн таӵе малпанэз отглагольной формаосыз эскеронын йылаз-пумаз уг ке но вутты, солэн пайдаез тани ма бордын: Фокош-Фукс та ужпумез ***пуктэ*** удмурт кылчиос азе, солэн секыт яке ченгешоно луэмезлэсь кышкатэк, солэсь палэнскытэк.

Удмурт кылъя но диалектъёсъя материалъёс но адӟем карымонэсь тодослыко малпанъёс шедьтыны луэ Д. Р. Фокош-Фукслэн огъя финн-угор но перм кылъёсысь кылрадъян ужпумъёслы сӥзем ужъёсысьтыз, удмурт изданиослы рецензиосысьтыз [Fokos 1912–1913; 1949; 1954; 1963; 1963a].

Трос удмурт материал кутэмын Д. Р. Фокош-Фукслэн берло потэм бадӟым ужаз – **«Die Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft, mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachverwandtschaft»** (’Кылъёслэсь ӵыжы-выжы луэмзэс возьматонын синтаксислэн ролез, тужгес ик урал-атай роднялык вылэ саклык висъянын’) [Fokos-Fuchs 1962] нимо книгаяз. Кылтодонын кемалась дырысен ини ченгешон мы-

нэ, родственной-а луо финн-угор (урал) но алтай кылъёс. Одйгъёсызлэн тодосчиослэн малпамзыя, урал но алтай кылъёс туж вашкала ӵыжы-выжыос луо, нош мукетъёсыз кылчиос чылкак мукет визьпумъянэ вуо. Та ужпумез эскеронын та дырозь уже кутэмын ке вал фонетикаысь, морфологиысь но тужгес ик лексикаысь огвыллем луись явлениос, Фокош-Фукс урал-алтай роднялык сярысь эсэпланэз (гипотезаез) валэктонэ нырысьсэ кыске синтаксисэз.

Фокош-Фукс туж сак эскере но чакла Совето Союзысь удмурт кылтодонлэсь будэмзэ, шумпотэ удмурт кылчиослэн ас кылзэс эскерон удысын басьтэм азинсконъёссылы. Та сярысь венгер тодосчи ивортэ удмурт тодослыко грамматикалэн нырысетӥ книгаезлы [ГСУЯ 1962] сӥзем рецензияз: “Берло дасо аръёс ӵоже тужгес ик вылэ ӝутскиз удмурт кылэз Советской Союзын дышетон” [Fokos 1963a].

Д. Р. Фокош-Фукс ноку но ӧз вуылы Удмурт шаере, но со гожтэтъёс пыр ӟеч кусып возиз но возе тросэныз удмурт филологъёсын: Ф. К. Ермаков литературоведэн, П. Н. Перевощиков, И. В. Тараканов, В. И. Алатырев, А. С. Белов кылчиосын но кудог мукетъёсыныз со вакытэ, куке Удмурт Элькун пытсамын вал но удмурт тодосчиослы кунгожсьӧр адямиосын кусып возьыны укыр ик лэземын ӧй вал. Венгер кылчи но удмурт филологъёс огогзылы ысъязы асьсэлэсь ужъёссэс но мукет кулэ луись тодослыко но чеберлыко литература.

Давид Рафаэль Фокош-Фукс... Удмуртъёс уг тодо солэсь быдэс нимзэ – соослы со Фокош-Фукс гинэ. Тросэз-а меда тодэ, туэ та венгер кылчилы 90 арес тырме шуыса? Озьы ке но, тодмо тодосчи вань кужымзэ сётыса тырше кылтодонэз азинтон удысын, аслаз ужъёсыныз юрттэ удмурт кылтодонэз но вылӥ ӵошталае ӝутыны.

Ф О Т О

2.7. Д. В. БУБРИХ
(1890–1949)

“Основоположником советского финно-угорского языкознания был Д. В. Бубрих (1890–1949), который занимался преимущественно проблемами истории прибалтийско-финских, волжских и пермских языков. Его работы по исторической фонетике финского языка (1948) и удмуртского языка (1948), по исторической грамматике финского (1955) и эрзя-мордовского (1953) языков – прекрасные образцы синтеза, исходящего из системного анализа языковых фактов в рамках единой системы взглядов. Бубрих был ученым большой трудоспособности (о чем свидетельствует большое количество его работ), а его деятельность по воспитанию научных кадров принесла хорошие плоды” [Хайду 1985: 375].

“Заслуга Д. В. Бубриха состоит в том, что он не только создал советское финно-угроведение как самостоятельную комплексную науку, имеющую свой объект и метод исследования, но и отстоял его в трудные годы” [Керт 1992: 10].

“Имя члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Владимировича Бубриха вошло в историю советского финно-угроведения как символ бескорыстного служения истине” [Тараканов 1992а: 46].

К вопросу о пермском вокализме (1929. – С. 18–19).

Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) (1948. – 112 с.).

Историческая фонетика финского-суоми языка (1948а. – 232 с.).

Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР (1948б. – С. 47–80).

Грамматика литературного коми языка (1949. – 126 с.).

Историческая грамматика эрзянского языка (1953. – 272 с.).

Историческая морфология финского языка (1955. – 186 с.).

Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. (1992. – С. 3–28).

2.7.1. Д. В. Бубрих и удмуртское языкознание*

Дмитрий Владимирович Бубрих – выдающийся советский финно-угровед, заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР (ныне Карельская АССР), член-корреспондент АН СССР – сыграл выдающуюся роль в формировании и развитии уральского языкознания в нашей стране, в особенности в финно-угорских автономных республиках. В его многогранной деятельности на поприще уралистики в 20–40 гг. следует особо выделить три основных направления, имевшие важные положительные последствия и для удмуртской лингвистики.

1. Вся жизнь и научная деятельность Д. В. Бубриха, за исключением периода эвакуации в г. Сыктывкар (1941–1944) и пребывания в Петрозаводске (1944–1945), прошли в Петербурге – Ленинграде. С 1920 г. по 1935 г. он работал в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, занимая должность профессора; параллельно с этим с 1922 г. он преподает в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете, а с 1925 г. вплоть до конца своей жизни возглавлял кафедру финно-угорских языков этого университета; с 1934 г. заведует сектором финно-угорских языков Института языка и мышления АН СССР. Работая преподавателем в ведущих учебных заведениях и занимая важные посты в научных учреждениях Санкт-Петербурга, известного своими давними и славными традициями в финно-угристике (они связаны с именами А. М. Шёгрена (1794–1855), М. А. Кастрена (1813–1852), Ф. Й. Видеманна (1805–1887), М. П. Веске (1843–1890), Н. И. Ан-

* Впервые увидела свет под названием «Д. В. Бубрих и удмуртское языкознание: Послесловие и примечания к статье «Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.» (К 100-летию со дня рождения)» в кн.: Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – С. 29–47. Для данного издания частично переработана.

дерсона (1845–1905) и др.), Д. В. Бубрих имел отличную возможность готовить молодые кадры из представителей самих финно-угорских народов – мордвы, карел, марийцев, коми и др. Из удмуртов под руководством Д. В. Бубриха получили ученую степень кандидата филологических наук П. Н. Перевощиков (1900–1965), А. А. Поздеева (1905–1998) и В. И. Алатырев (1908–1984).

2. В первые десятилетия после Октябрьской революции, когда национальные республики не имели еще своих научных центров по изучении языка и культуры коренных народов, Д. В. Бубрих выступил инициатором и организатором широкомасштабных лингвистических экспедиций к носителям финно-пермских языков. Такие экспедиции, одной из важнейших задач которых явилось определение и описание тех диалектов и группы говоров, которые могли бы быть положены в основу формирующихся литературных языков, были проведены в Мордовии (1927 и 1928 гг.), Удмуртии (1929 г.) и Карелии (1930 г.). Эти экспедиции не только собрали богатый фактический материал по соответствующим языкам (что само по себе исключительно важно), но и помогли активизации местных научных сил на решение неотложных лингвистических задач в республиках, а также установлению непосредственных контактов научных сотрудников на местах с вузами и научными учреждениями Ленинграда, благодаря его стараниям превратившегося в 30–40-е гг. в крупный центр изучения финно-угорских языков и кузницу подготовки национальных кадров. Начиная именно с 30-х гг. Д. В. Бубрих установил и до конца своей жизни поддерживал тесные личные связи с языковедами финно-угорских автономных республик, в особенности “со своими бывшими учениками, направлял их работу, помогал им советами, рецензировал и редактировал их труды, организовывал для них совещания в целях обмена опытом работы” [Лыткин и др. 1962: 5–6].

Огромная организационная работа Д. В. Бубриха в области финно-угроведения нашла также такое своеобразное воплощение, как Всесоюзная конференция финно-угроведов. Первая Всесоюзная научная конференция по вопросам финно-угроведения состоялась именно по инициативе и под руководством Д. В. Бубриха

с 23 января по 4 февраля 1947 г. в Ленинградском государственном университете. На ней было прочитано 54 доклада учеными Ленинграда, Москвы, Саратова, Петрозаводска, Ижевска, Саранска, Йошкар-Олы, Сыктывкара и др.; самим организатором конференции было зачитано 6 докладов, из которых 2 были посвящены общим проблемам финно-угроведения, 4 – частным темам [Дубровина 1962: 17]. Эта конференция, подведя итоги развития финно-угроведческой науки в нашей стране за 30 лет послеоктябрьского периода и наметив перспективы на будущее, заложила традицию будущих подобных всесоюзных форумов, которые в течение нескольких десятилетий функционировали как своеобразный орган, призванный координировать исследовательскую работу в области уралистики на местах. Аналогичные конференции были проведены во всех финно-угорских автономных республиках, а также других центрах финно-угроведения нашей страны. Последняя – XVII – Всесоюзная конференция финно-угроведов состоялась в 1987 г. в Ижевске с участием ученых Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Ужгорода, Саранска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, Чебоксар, Перми, Казани, Елабуги, Уфы, Новосибирска, Томска, Свердловска, Эстонии и Венгерской Республики; всего было прочитано 8 докладов на двух пленарных заседаниях и 240 докладов и сообщений – на секционных [Ванюшев и др. 1988: 233].

В целях координации деятельности советских финно-угроведов, работающих разобщенно в самых различных республиках и городах, по инициативе Д. В. Бубриха было создано серийное издание «Советское финно-угроведение», отдельные тома которого выходили в основном под его редакцией [Лыткин и др. 1962: 6]. С 1965 г. функцию этого издания взял на себя всесоюзный журнал «Советское финно-угроведение» (с 1990 г. – «Linguistica Uralica»).

3.0. Огромную роль в развитии финно-угроведения в национальных республиках (в их числе и в Удмуртии) сыграли научные труды Д. В. Бубриха, посвященные как общим проблемам уралистики, так и конкретным языкам. Круг его научных интересов как финно-угроведа определился в 20–30-е гг. Будучи уче-

ным-полиглотом – по свидетельству В. В. Сенкевич-Гудковой [1950: 186], он “знал все прибалтийско-финские языки (финский, эстонский, карельский, вепсский и водьский), все волжско-финские языки (марийский и два мордовских: мокша и эрзя), все пермские языки (коми и удмуртский), все саамские языки... и угорский язык (венгерский), ...в последние годы своей жизни он уже приступил к... изучению” хантыйского и мансийского языков, “в круг научных интересов... вошел еще и ненецкий язык”, – Д. В. Бубрих в своих сравнительно-исторических исследованиях пользовался материалами почти всех уральских языков; однако преимущественное внимание уделил на мордовские, посвятив им около 40 печатных работ [Дубровина 1962: 8], из прибалтийско-финских языков – на карельский и финский, и в несколько меньшей степени на пермские – удмуртский и коми. Об этом же, спустя 30 лет, пишет и Д. В. Цыганкин: “В галерее отечественных финно-угроведов он занимает достойное место: его научная концепция исключала всякую профессиональную замкнутость и шаблон: наоборот, она давала ему в руки ключи, кроме славистики, от дверей многих финно-угорских языков: карельского и финского, коми и удмуртского и, конечно, от мордовских языков” [Цыганкин 1992: 25].

3.1. Первая из немногочисленных пермистических работ Д. В. Бубриха – это статья **«К вопросу о пермском вокализме»** [1929], представляющая собой своеобразный отзыв на докторскую диссертацию Ю. Вихманна «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische» (’К истории вокализма первого слога в удмуртском языке с учетом вокализма в коми’) [Wichmann 1915]. Эта небольшая по объему работа (всего 1,5 с.) по ряду позиций имела программный характер для дальнейшего развития исторической пермистики.

Во-первых, в отличие от своего финского предшественника, постулировавшего для праудмуртского периода семь гласных фонем (столько же, сколько единиц характерно для вокалических систем большинства диалектов удмуртского и других пермских языков)[81], Д. В. Бубрих высказывает в данной работе предполо-

[81] Возможная логика постулирования Ю. Виманном семигласной системы была озвучена Д. В. Бубрихом в более поздней работе (правда,

жение о восьмом гласном. Логика его суждений гениальна в своей простоте. Он обратил внимание на то, что хотя в относительно недавнем прошлом в удмуртском языке и состоялось сужение древнего **o* в *у*, охватившее не только исконную лексику (при сохранении *о* в коми языке), напр.: к. *дон* ~ удм. *дун* 'цена, стоимость', к. *морт* ~ удм. *мурт* 'человек', к. *шор* 'ручей' ~ удм. *шур* 'река' и др., но и сравнительно поздние тюркские и русские заимствования, напр.: рус. *коса* > удм. *кусо* 'коса', рус. *окно* > удм. *укно* 'окно' и т. д. (всего, по Бубриху [1948], около 130 корневых слов), однако не всякое удмуртское *о* при этом перешло в *у* – в определенной части слов *о* сохранилось вплоть до наших дней, напр.: *мон* 'я', *вож* 'зеленый', *зор* 'дождь', *кораны* 'рубить', *ожон* 'долото', *тодыны* 'знать, ведать' и т. д. А это могло иметь место, по мнению Д. В. Бубриха, только потому, что "на месте теперешнего *о* тогда не могло быть *о*, так как иначе это *о* тоже перешло бы в *у*. На месте теперешнего *о* был какой-то другой гласный" [Бубрих 1929: 19]. Причем этим гласным не могло быть ни *э*, ни *ӧ*, ибо они сохранились на своих местах; следовательно, на месте теперешнего *о* в праудмуртском языке стоял некий гласный *икс*, представлявший собой восьмую единицу в системе. Правда, Бубрих не смог (по всей вероятности, в небольшом эссе и не ставил цели) выявить точный набор дифференциальных признаков искомого восьмого гласного; к тому же и в различных по времени издания работах высказывает несходные суждения относительно его фонетических свойств:

1) *X*, возможно, "был гласным передним среднего подъема лабиализованным" [Бубрих 1929: 19], т. е. *X* = **ȯ* или **ӧ*. Впоследствии эта гипотеза была принята на вооружение некоторыми финно-угроведами, напр., Кароем Редеи [Rédei 1982];

2) или, переводя позднее этот *X* в прапермскую плоскость, уточняет: "Вполне ясно только то, что он был гласный среднего

переносясь а прапермскую глубину): "Нет надежных оснований думать, что в древнее пермское время в первом слоге слова употреблялось больше семи гласных, т. е. больше, чем в удмуртском и коми языках в большинстве их диалектов" [Бубрих 1948: 33].

подъема” [Бубрих 1948: 33], а возникший на его базе праудмуртский *о* имел, по его мнению, открытый характер [Бубрих 1948: 46]. Исходя из этих уточнений, современные исследователи реконструировали *Х* то как **ɔ* [Harms 1967], то в виде **ɐ* [Кельмаков 1978]. Последняя реконструкция была подкреплена еще и материалом удмуртско-марийского языкового взаимодействия [Кельмаков 1993].

Во-вторых, в этой работе Д. В. Бубрих продемонстрировал метод комплексного использования таких источников изучения истории фонетической системы удмуртского языка, как материалы заимствований и свидетельства родственных языков. При отсутствии ранних письменных памятников[82] и крайней неразработанности к тому времени удмуртских диалектов – важнейших источников изучения истории языка – Д. В. Бубрих вынужден был довольствоваться лишь вспомогательными источниками и выжать из них максимум возможного: ему удалось не только определить направление фонетического изменения (не в коми языке произошло расширение более раннего *у* в *о*, а, напротив, в удмуртском состоялось сужение **о* в *у*), но и примерное время протекания этого процесса: “Ряд турецких заимствований и такие русские заимствования, как *кусо* ’коса’, свидетельствуют, что на удмуртской почве ***сравнительно недавно*** (выделение мое. – *В. К.*) произошел переход *о* > *у*” [Бубрих 1929: 18].

В-третьих, Д. В. Бубрихом именно в этой работе была сделана первая попытка периодизации истории удмуртского языка – он выделил в ней два этапа: “Удм. стар.” и “Удм. нов.” [Бубрих 1929: 19], т. е. *старый удмуртский язык* с 8-гласным вокализмом (до перехода **о* > *у*) и *новый удмуртский язык* с современным 7-гласным вокализмом. В более поздней работе – в книге «Исто-

[82] Как известно, наиболее ранние письменные памятники удмуртского языка (по меткой характеристике Д. В. Бубриха [1948: 28], “свидетельства наблюдателей”) восходят к I трети XVIII в., когда важнейшие фонетические процессы праудмуртского периода были уже завершены; и они, эти памятники, отражают преимущественно современный этап развития фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка.

рическая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» – он противопоставляет “пермский период..., когда звучала еще древняя пермская речь”, нашим дням, “когда звучит современная удмуртская речь”[83]. И эти положения Д. В. Бубриха оказались в исторической пермистике весьма перспективными и получили в исследованиях современных специалистов определенное уточнение и не всегда однозначную разработку [Кельмаков 1976в; Csúcs 1983; Чуч 1992]. Тем не менее однозначно выделяются в истории удмуртского языка *прапермский период* и различные этапы *праудмуртского*, о чем Д. В. Бубрих впервые заговорил – хотя и не совсем последовательно и полно – еще в данной работе 1929 г.

3.2. Проблемы диахронической фонетики удмуртского языка более подробно разработаны Д. В. Бубрихом в книге «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» [Бубрих 1948]. Это исследование является частью фундаментального труда «Сравнительная грамматика финно-угорских языков», к написанию которого он приступил в послевоенные годы, но из-за неожиданной смерти в 1949 г., к сожалению, не успел завершить. По его плану, эта монография должна была состоять из двух томов, посвященных вопросам исторической фонетики финно-угорских языков (I том) и исторической морфологии в связи с синтаксисом (II том); причем каждый том должен был включать ряд частных монографий по отдельным языкам. Из задуманного сериала им были написаны пять монографий, часть которых увидела свет уже после его смерти: «Историческая фонетика финского-суоми языка» [Бубрих 1948а], «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» [Бубрих 1948], «Грамматика литературного коми языка» [Бубрих

[83] “В данной книге мы к сравнению с удмуртским языком привлекаем только язык, объединяемый с удмуртским в так называемых пермских рамках, – коми язык. В этих рамках сравнение позволяет выяснить историю удмуртского языка в течение так называемого пермского периода – от древнего пермского времени, когда звучала еще древняя пермская речь до наших дней, когда звучит современная удмуртская речь. Древнее пермское время, а с ним и древняя пермская речь уходят в глубину I тысячелетия нашей эры” [Бубрих 1948: 28].

1949], «Историческая грамматика эрзянского языка» [Бубрих 1953], «Историческая морфология финского языка» [Бубрих 1955] [Дубровина 1962: 13–14].

Книга **«Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)»** охватывает широкий круг вопросов как современной нормативной и диалектной, так и исторической фонетики удмуртского языка, нередко увязывая последние с общепермскими проблемами. Монография имеет четко продуманную, логически стройную и ясную композицию.

Из 8 глав одна – ***первая*** (с. 6–27) – посвящена описанию фонетической системы современного удмуртского литературного языка с учетом отдельных диалектных особенностей, при этом характеристика многих удмуртских фонем произведена в сравнении с аналогичными фонемами коми и русского языков. Из известных к тому времени по трудам зарубежных финно-угроведов (напр.: Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна и др.) и отечественным публикациям двух диалектных гласных – *ӳ* и *ӓ*, Д. В. Бубрих оперирует лишь первой фонемой, наиболее распространенной в южных говорах [Бубрих 1948: 6, 8, 11, 12 и др.] и дает ей следующую, вполне приемлемую и в наши дни, характеристику: “Диалектное *у*ы – гласная фонема среднего ряда, верхнего подъема, сильно огубленная. Как гласная среднего ряда *у*ы вполне соответствует *ы*. Как огубленная *у*ы вполне соответствует *у*. Пример: южн. *пу*ы ’дерево’ (обычно *пу*)” [Бубрих 1948: 18]. Из диалектных согласных вводит в круг рассмотрения фонему *н*г (= *η*) [Бубрих 1948: 6, 7, 10], снабдив ее следующей фонетической и функциональной характеристикой: “Согласные вроде *г*, *к* (и диалектн. *н*г) называются заднеязычными” [Бубрих 1948: 10]. И: “Диалектное *н*г – заднеязычная носовая фонема. Примеры: *сін*г*ыс* ’нить’ (обычно *сін’ыс*), *ӵан*г*а* ’галка’ (обычно *ӵана*), *бан*г ’щека’ (обычно *бам*). Следует заметить, что в положении перед *г* и *к* звучание *н*г выступает повсеместно, но там, где оно только в этом положении и выступает, оно составляет всего-навсего вариант фонемы *н*. Пример: *дон*г*ыны* (точнее: *дон*г*гыны. – В. К.*) ‘сунуть, толкнуть‘” [Бубрих 1948: 20].

Что касается различных диалектных произносительных вариантов отдельных фонем (напр., *ы*, *ӧ* и др.), то Д. В. Бубрих, несомненно, имел о них представление, однако в своих исторических построениях не принимал их в расчет, и, естественно, в его работе и не поднимается вопрос о первичности одного из вариантов и о причинах возникновения вторичных. В частности, в отношении вариантов фонемы *ы* (*ы* ~ *ъ*), отмеченных в свое время Т. Г. Аминоффом как *y* ~ *õ*, Б. Мункачи как *i̊* ~ *e̊*, Ю. Вихманном – *i̯* и *î̯*, сказано лишь следующее: “Привлекает внимание ненапряженное произнесение *ы*. В некоторых диалектах эта ненапряженность приобретает характер редуцированности. С этим связано понижение образования *ы*” [Бубрих 1948: 18]. Не совсем точна и характеристика литературного удмуртского *ӧ* как “слабо огубленного” [Бубрих 1948: 18], что неоднократно подчеркивалось в более поздних исследованиях, напр.: “...гласный *ӧ* удмуртского литературного языка определяется как нелабиализованный средневерхнего подъема средне-заднего ряда” [ГСУЯ 1962: 19]; “[*ӧ*] определяется как нелабиализованный гласный среднего отодвинутого назад ряда среднего подъема” [Акмаров 1965б: 156].

В ***главах II–III*** (с. 28–56) произведена реконструкция прапермского вокализма первого слога и на основе удмуртско-коми лексических соответствий прослежены судьбы этих гласных в удмуртском языке. Причем Д. В. Бубрих считает возможным постулировать для вокализма прапермского периода, как до этого Ю. Вихманн для праудмуртского языка, всего лишь семь единиц: “Нет надежных оснований думать, что в древнее пермское время в первом слоге слова употреблялось больше семи гласных, т. е. больше, чем в удмуртском и коми языках в большинстве их диалектов” [Бубрих 1948: 33]. Удмуртское диалектное *ӟ* (у Бубриха – *у*ы), не имеющее, по мнению Д. В. Бубриха, “никакой поддержки в коми языке”, и коми диалектные закрытые *о*, *ӧ*, *э* (соотв. *o̯*, *ӧ̯* *э̯*), которые также “не имеют никакой поддержки в удмуртском языке” и, возможно, “возникли, хотя и в невыясненных условиях, в ходе обособленного развития коми языка” [Бубрих 1948: 33], как можно думать, не дают оснований превысить количество прапермских гласных более указанной им цифры. Однако в более

поздних исследованиях пермистов в этой области не подтвердились предположения Д. В. Бубриха ни в отношении количества прапермских фонем (в частности, Э. Итконен [Itkonen 1954: 332] восстановил для прапермского языка 11 гласных фонем, В. И. Лыткин [1964: 231–233] – 14, К. Редеи [Rédei 1969: 139–140] для раннего прапермского языка – 13, для позднего прапермского – 11; и т. д.), ни в отношении позднего (по возникновению) характера удмуртского *ӧ* [Кельмаков 1975б: 97–98], коми *o̯*, *ə̯* и др.

Поскольку, исходя из реконструированной семигласной системы прапермского языка, весьма непросто объяснить все многообразие удмуртско-коми соответствий гласных, Д. В. Бубрих был вынужден постулировать для прапермского периода ряд чередований гласных, напр.: *о ~ а* [Бубрих 1948: 46–47], *любой гласный ~* э (условно) [Бубрих 1948: 47–50] и др.

Главы IV–V (с. 57–78) посвящены восстановлению состава гласных фонем непервых слогов слова в прапермский период и анализу их развития и употребления (отпадения, выпадения) в современных удмуртском и коми языках. В построениях почти всех специалистов в области исторической фонетики пермских языков наиболее характерными чертами вокализма непервого слога являются следующие положения:

1) его исключительная бедность, особенно заметная в сравнении с составом гласных, функционировавших без каких-либо ограничений в пределах первого слога слова, напр.: в реконструкции В. И. Лыткина из 14 прапермских гласных в непервых слогах могли стоять едва ли только три – **a*, **i*, **ε* [Лыткин 1964: 239]; в поздний прапермский период в непервых слогах выступали, по мнению Д. Лако, также три гласных: *-a*, *-i* и *-į* [Lakó 1934: 54–56], по мнению же К. Редеи, – четыре: **a*, **ε*, **į*, и **i* [Rédei 1969: 137] и т. д.;

2) невозможность употребления огубленных гласных: “лабиализованные гласные в непервом слоге не встречались” [Лыткин 1964: 239].

Что касается реконструкции Д. В. Бубрихом вокализма непервых слогов прапермского слова, то она в отношении первого правила также не составляет исключения: из семи постулируе-

мых им прапермских гласных в непервых слогах он допускает лишь четыре – **о*, **а*, **ы* и **э* (условно) [Бубрих 1948: 57]. Однако включение огубленного гласного **о* в этот состав вступает в явное противоречие с синтагматическим фонетическим законом финно-угорской (прапермской и раннепраудмуртской) поры, ограничивающим функционирование огубленных гласных лишь пределами первого слога. Причем, такое предположение высказано Д. В. Бубрихом чисто декларативно, без какой-либо аргументации, о чем можно судить, например, из его "полемики" с А. И. Емельяновым: "Историко-сравнительная разработка пермского вокализма непервых слогов слова – дело несравненно более простое, чем историко-сравнительная разработка пермского вокализма первого слога. Звукосоответствия были ясны всем исследователям, подходившим к пермским языкам с историко-сравнительной точки зрения. Но порядок в этой области не был наведен. Поэтому возможен был, например, совершенно неправильный подход А. И. Емельянова в «Грамматике вотского (точнее: вотяцкого. – *В. К.*) языка» к удмуртским *о* и *а*. По А. И. Емельянову, оба этих удмуртских гласных восходят к одному и тому же гласному, причем *а* представляет собою какое-то "архаическое" (отставшее от общего развития языка) звучание, а *о* – "не-архаическое". Это просто непонятно. За наведение порядка в области изучения пермских гласных непервых слогов слова пришлось взяться нам" [Бубрих 1948: 68]. Как можно заметить, в этом вопросе оказался прав скорее А. И. Емельянов, нежели Д. В. Бубрих (см. подробнее: [Кельмаков 1975а: 66–73]).

В трех заключительных главах книги «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» [Бубрих 1948: 79–110] рассмотрены "судьбы согласных в начале слова" (***глава VI*** – с. 79–86), "судьбы согласных в середине слова" (***глава VII*** – с. 87–105) и "судьбы согласных в конце слова" (***глава VIII*** – с. 106–110). Подобный позиционно обусловленный анализ диахронического развития системы согласных вполне оправдан, ибо – как свидетельствуют исследования в области финно-угорской (resp. пермской) исторической фонетики – история почти каждо-

го праязыкового согласного в современных дочерних языках в значительной мере зависела от той позиции, которую он занимал в фонетической структуре слова. Эта зависимость обнаруживается не только в том, что различные позиции имели собственный набор консонантных единиц (по мнению Д. Лако [Lakó 1965: 12–31]), 19 финно-угорских праязыковых согласных в полном составе употреблялись лишь в инлауте, в начале же слова не встречались *δ и *η) или характеризовались различной комбинаторикой согласных (если в анлауте могли употребляться лишь одиночные согласные, то для инлаута были свойственны также их геминаты или сочетания с другими согласными – см.: [Lakó 1965: 31]), но и в том, что при прочих равных условиях одни и те же согласные в анлаутной позиции давали в удмуртском языке иные рефлексы, нежели в ин- и ауслаутной позиции, напр.: фуг. (resp. оп.) **r*, устойчиво сохранившийся в удмуртском языке в середине и конце слова (доперм. **were* > удм. *вир* ’кровь’, доперм. **kere* > удм. *кур* ’луб(ок)’, доперм. **kerjä-* > удм. *куры-* ’просить’, доперм. **tarзkз* > удм. *тури* ’журавль’, оп. **darз* (< ии.: санскр. *dárvi-* ’ложка’, парач. *du'rē*, *du'rī* ’большая ложка’) > удм. *дуры* ’половник, поварешка’ и др. – здесь и далее праязыковые реконструкции и этимологические параллели, кроме оговоренных случаев, даются по: [КЭСК]), в начале слова регулярно заместился аффрикатами *ӝ-* или *ӟ-* (примеры см. ниже). Или еще: если финно-угорские инициальные смычные **k-*, **t-*, **p-*, как правило, сохранились в неизменном виде (**k-* > удм. *к-*: доперм. **käte* > удм. *ки* ’рука’; **t-* > удм. *т-*: доперм. **tule* > удм. *тыл* ’огонь’; **p-* > удм. *п-*: доперм. **päŋä* > удм. *пум* ’конец’) или спорадически озвончились (**k-* > удм. *г-*: доперм. **künče* > удм. *гижы* ’ноготь, коготь’; **t-* > *д-*: доперм. **tüŋe* > удм. *дӥнь*, диал. *диŋ* ’основание, комель’; **p-* > удм. *б-*: доперм. **pзrtз* > удм. *борд(дор)* ’стена’), то инлаутные одиночные смычные регулярно исчезали (ср.: **-k-* > удм. *ø*; доперм. **wäke* > удм. *-ви*: *ёзви* ’сустав’; **-t-* > удм. *ø*: доперм. **śata* > удм. *сю* ’сто’, доперм. **mɛte* > удм. диал. *му* ’мед’; **-p-* > удм. *ø*: доперм. **kopa* > удм. *ку* ’кожа, шкура’, доперм. **repä-će* > удм. *ӟи-чы* (*-чы* – древний словообразовательный суффикс) ’лиса’).

Целый ряд положений Д. В. Бубриха, призванные объяснять определенные явления и процессы исторического консонантизма удмуртского языка и представленные в этих главах, даже если они и не всегда подтверждались в трудах последующих исследователей, вызывает несомненный интерес у специалиста. Здесь же остановлюсь лишь на нескольких.

3.2.1. “Сочетание *ква* в начале слова в древнее пермское время развилось в каких-то условиях из сочетания *ко*”. Этот процесс Д. В. Бубрих представляет следующим образом: когда гласный *о* (в *ко-*) по неизвестной причине расширился в *а*, согласный *к*, имевший перед *о* в этом сочетании определенный признак огубленности, не утратил этот признак, а, напротив, развил его в особый звук *в* (точнее – *ў*) [Бубрих 1948: 79]. Это предположение, впоследствии полностью воспринятое И. В. Тараканoвым [1964: 78], несомненно весьма интересно, однако, на мой взгляд, оно больше ставит вопросы относительно причин и условий возникновения анлаутного *куа-*, нежели дает ответы на них.

3.2.2. Вслед за Т. Э. Уотилой [Uotila 1933: 47–50] Д. В. Бубрих останавливается на замещении анлаутного прапермского **r-* в удмуртском языке согласным *йс-* (в обычных условиях) или *ӟ-* (“при том условии, если дальше следовало *ч’* или *ӟ’*, *з’* или *с’*. В последнем случае ясна ассимиляторная направленность изменения”), напр.: удм. *йсог* ’быстрый’ – к. *рэгыд*, удм. *йсомыт* ’сумрак’ – к. *рӧмыд*, удм. *йсыж* ’ломкий, хрупкий’ – к. *рыж*, удм. *йсуй* ’мох’ – к. *рой* и др.; удм. *ӟ‘эз‘ыны* ’распороть’ – к. *рэз‘авны*, удм. *ӟ‘із‘эг*, чаще (сокращенно) *ӟ’эг* ’рожь’ – к. *руӟ’ӧг*, удм. *ӟ’ич’ы* ’лиса’ – к. *руч‘* и др. [Бубрих 1948: 81]. Т. Э. Уотила еще замечает, что переход **r-* на удмуртской почве в *d'ź* протекал не непосредственно, а через промежуточный этап **ḍẓ̌* [Uotila 1933: 49]. Заслуживает внимания и предположение относительно причины возникновения этого синтагматического фонемного изменения, впервые (как мне кажется) высказанное Д. В. Бубрихом в данной работе: “Весьма возможно, что этот звукопереход отражает своеобразное вторжение в удмуртскую речь тюркских звуковых установок: в тюркских языках *р* в начале слова неизвестно” [Бубрих 1948: 29].

3.2.3. “В коми языке при следующих *ж* и *ш* в начале слова употребляются только *ӟ’*, *ч’*, но не *жӧ*, *ӵ*. Тут налицо диссимиляторное отношение. Примеры: *ӟ’ужгыны* ’шипеть’ (о раскаленном железе, опущенном в воду), *ч’ужны* ’родиться’. При последующих *жӧ*, *ӵ* в начале слова употребляются только *жӧ*, *ӵ*. Тут, наоборот, ассимиляторное отношение. Примеры: *жӧужӧсыд* ’высокий’, *ӵоӵ* ’вместе’ [Бубрих 1948: 84–85]. Это положение, поддержанное впоследствии и В. И. Лыткиным [1957: 118] и др., весьма важно и для объяснения аналогичных явлений, имеющих место и в отдельных удмуртских диалектах.

3.2.4. Причину появления звонких согласных (имеющих и глухую пару) в начале прапермского слова Д. В. Бубрих склонен видеть в прогрессивно-ассимилятивном воздействии конечного звонкого согласного или гласного первого члена словосочетания (в композитах – первого компонента) на глухое начало второго члена (в сложных словах – второго компонента) (явления внешнего и внутреннего сандхи), спорадически встречающемся в пермских языках: “По всей видимости, звонкие могли появиться вместо глухих при том условии, если данное слово тесно примыкало к предшествующему слову, оканчивающемуся на звонкий звук (гласный, согласный). На это указывают хотя бы такие случаи, как коми *бол‘* ’пузырь’, употребляющееся только в сочетании *вабол‘* ’водяной пузырь’. Особый интерес представляют удмуртские, с одной стороны, *вім‘-тон* ’пятьдесят’, *кват‘-тон* ’шестьдесят’, *т‘амыс-тон* ’восемьдесят’, *укмыс-тон* ’девяносто’, а с другой стороны, *н‘ыл‘-дон* ’сорок’, *с‘із‘ым-дон* ’семьдесят’, где *тон*, *дон* первоначально представляло собой отдельное слово (вероятно, в конечном счете тождественное с *дун*, в сложных словах и *дон* ’стоимость, цена’)” [Бубрих 1948: 85–86]. Впоследствии звонкий анлаут распространился и на случаи свободного (не связанного) употребления второй части композиты/словосочетания в качестве самостоятельного слова. В доказательство своей правоты Д. В. Бубрих ссылается на аналогичное явление в мордовских языках, напр.: мд. *кандан* ’несу’, но: *мон гандан* ’я несу’, *тол* ’огонь’, но: *мон‘ долом* ’мой огонь’; В. И. Лыткин [1968: 20] добавляет примеры из марийского языка: *нужгол* ’щука’ (*нуж*

’крапива’, *кол* ’рыба’), *идымбече* ’огород’ (*идым* ’гумно’, *пече* ’изгородь’).

Все же как бы интересно ни было это предположение, оно, на мой взгляд, не раскрывает всех обстоятельств распространения звонких согласных в пермском анлауте: с одной стороны, указанного типа прогрессивно-ассимилятивное озвончение глухого начала второго корня композиты/словосочетания для современных удмуртского, и коми языков в целом не свойственно – Д. В. Бубрих перечислил почти все имеющиеся единичные случаи (не спасает положения и ссылка В. И. Лыткина [1968: 20] на то, что “такое явление прогрессивной ассимиляции имело место” когда-то “также в пермских языках”, ибо результаты его действия ничтожно малы – те же самые вышеназванные примеры) и, с другой стороны, указанного типа озвончение последующего глухого под влиянием внешнего сандхи в мордовских и марийском языках носит регулярный характер[84], однако для них не свойственно возникновение анлаутного звонкого согласного на месте первичного финно-угорского глухого, напр.: доперм. **pančз* > удм. *быж* ’хвост’, к. *бӧж* ~ мр. *поч*; доперм. **perä* > удм. *бер* > ’зад, задний’, ’поздний, поздно’, к. *бӧр* ’зад, задок’, ’обратно, назад’ ~ мдЭ. *пря*, фолькл. *pir'a* ’голова, вершина, кончик’; доперм. **para* > удм. *бур* ’правый’, (в сочетании *ӟечбур* ’здравствуй’) ’хороший’, к. *бур* ’хороший’ ~ мр. *поро*, мдЭ. *паро*; доперм. **künče* > удм. *гижы*, диал. *гыжы* ’ноготь, коготь’, к. *гыж* ~ мр. *кӱч*, мдЭ. *кенже*; и др.

3.2.5. Вслед за Т. Е. Уотилой [Uotila 1933: 235–248] и др. субституцию ин- и ауслаутного **η* согласными фонемами *m*, *n*, *ń* объясняет исходя из особенностей фонетической структуры слова: “... в удмуртском языке древнее $н_г$ перешло вообще в *н*, но ме-

[84] Ср. напр.: “Замена глухих согласных звонкими коррелятами в положении после звонких в мордовских языках носит чисто фонетический характер, т. е. относится к категории регулярных, закономерных изменений. И в то же время эта регулярность ограничена и проявляется лишь на стыках слов и корней” [ГМЯ 1980: 41]. “В марийском языке основным видом ассимиляции является прогрессивная ассимиляция...” [Грузов 1960: 119].

жду двумя передними гласными в *н* (скорее ошибочно, нужно: *н′* – *В. К.*), а в случае, если слово начинается на губной гласный, – в *м*; *н′* отражает ассимиляторное воздействие передних гласных, *м* – ассимиляторное воздействие губного согласного. Только единичные случаи неясны" [Бубрих 1948: 93]. И т. д., и т. п.

В целом книга Д. В. Бубриха «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)», представляя собой систематизированное обобщение результатов изысканий многих поколений специалистов (в их числе зарубежных) в области исторической фонетики удмуртского и коми языков с учетом диалектных данных, известных ко времени написания книги, сохранила свою значимость вплоть до наших дней и является настольной книгой для всех тех, кто интересуется исторической фонетикой удмуртского языка.

3.3. Третье исследование Д. В. Бубриха в области удмуртского языкознания – статья **«Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.»** – осталось неопубликованным и в настоящее время хранится в Рукописном фонде Удмуртского ин-та ИЯЛ, Д. 192, Л. 1–65. Материалы, относящиеся к данной работе и представленные в деле, состоят из следующих частей:

1) рукописное вступление и первая вставная глава (л. 9–21);

2) их машинописный вариант относительно поздней перепечатки (л. 1–8);

3) машинопись 1-го варианта статьи с рукописными вставками (№№ 2–5) (л. 22–52);

4) второй, дополненный и переработанный, вариант статьи, перепечатанный с учетом рукописных вставок и вычеркиваний автора (л. 53–65).

Существование статьи в двух вариантах объясняется тем, что она в первоначальном виде была завершена Д. В. Бубрихом в с. Зуре (ныне Игринский район Удмуртской Республики) 20 июня 1930 г. и, по всей вероятности, отпечатана уже в его отсутствие (рукопись первого варианта статьи, к сожалению, не сохранилась). В период же дополнительной поездки в Удмуртию весной 1933 г. автор, готовя работу к публикации, имел возможность

внести в нее определенные коррективы (см. вступительную часть статьи), т. е. вычеркивал отдельные предложения или целые абзацы, нередко заменяя их новыми вставками.

В этой статье «Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.», написанной задолго до появления более фундаментального исследования – книги «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)», Д. В. Бубрих поднимает и в большинстве случаев своеобразно решает такие проблемы, которым не будет места в будущей книге – о диалектной основе литературного языка, о системе удмуртской орфографии, о возможном переходе на латинскую графику и т. д.; наряду с этим достаточно подробно рассмотрены и такие вопросы, которые имеют непосредственное отношение к проблематике книги – об историческом развитии некоторых фонетических особенностей одного из говоров северноудмуртского наречия. И в том, и в другом отношении статья, написанная на злобу дня шесть десятилетий тому назад, не утратила своей актуальности и в наше время[85].

Весьма примечательны труды Д. В. Бубриха и в методологическом отношении. Хотя он, будучи учеником академика А. А. Шахматова, воспитанный на лучших традициях компаративистики, в своей конкретной исследовательской практике и пользовался сравнительно-историческим методом, однако декларативно был вынужден от него открещиваться, ибо в период господства в советском языкознании так называемой “яфетической теории”, созданной акад. Н. Я. Марром, которая в 30–40-е гг. была объявлена единственным марксистским направлением в советской лингвистике, пользование “буржуазным”, “идеалистическим”, “космополитичным” и посему “идейно нам чуждым” сравнительно-историческим методом и его приемами и атрибутами преследовалось не только идейно и морально, но и организационно. В этих условиях идеологического террора в языкознании Д. В. Бубрих в одной из своих статей («Отношение мордовского языка к дру-

[85] Шесть десятилетий спустя, статья была издана с редакторскими примечаниями и комментариями В. К. Кельмакова [Бубрих 1992].

гим финно-угорским языкам» – 1946) вынужден был даже писать: “Совершенно очевидно, что выставленный традиционной наукой финно-угорский праязык – не помощь, а помеха в научной работе. Предлагаемые традиционной наукой прафинно-угорское склонение, прафинно-угорское спряжение и т. д. – мертвые, антиисторические построения, созданные путем примитивной проекции сходства между языками в гипотетический праязыковый план, без всякого анализа сходствующих явлений, без всякого интереса к их происхождению даже в тех случаях, где их происхождение вскрывается "без особого труда"” (цитируется по: [Сенкевич-Гудкова 1950: 190]). И в то же время в статье «К вопросу о пермском вокализме» и книге «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» он сделал все для того, чтобы как можно полнее реконструировать фонетическую систему праудмуртского языка / общепермского праязыка как некоего исходного пункта развития удмуртского и коми языков, как важнейшего инструмента для моделирования формирования и развития удмуртского и коми вокализма и консонантизма. Д. В. Бубрих “фактически признавал и финско-эстонский праязык” [Алпатов 1991: 133].

Если в одной из своих ругательских статей Г. П. Сердюченко в 1949 г. писал: “Поражает, в частности, то, что именно сотрудником этого института проф. Д. Бубрихом написана историческая фонетика финского-суоми языка, построенная на принципах старого индоевропейского языковедения с признанием “праязыка” в качестве исходной позиции” (цитируется по: [Алпатов 1991: 159]), то это не только служит подтверждением того факта, что “в 40-е гг. под прикрытием цитат из Марра Бубрих вернулся к сравнительно-историческому языкознанию” [Алпатов 1991: 159], но и звучит в наши дни как признание исключительной научной честности и большого гражданского мужества выдающегося советского/российского финно-угроведа.

Ф О Т О

2.8. Т. К. БОРИСОВ
(1891–1943)

“Способности к языкам у Т. К. Борисова были поразительными. Он блестяще знал удмуртский, русский, французский язык, изучил татарский, марийский, коми и калмыцкий язык. Жизненные и творческие интересы его были беспредельны. Этнограф, фольклорист, лингвист, врач, общественный, государственный и партийный деятель – таков неполный круг занятий Трофима Кузьмича Борисова, одного из самых замечательных сынов удмуртского народа” [Куликов 1991: VI].

“Национального в нем было, пожалуй, больше чем в ком-либо из исторических личностей удмуртской национальности. Среди государственных, политических и общественных деятелей Удмуртии нет фигуры, которая столь много вобрала, впитала в себя все ценное, прогрессивное и лицеприятное, что есть в самом удмуртском народе. Трофим Кузьмич был и остается гордостью народа” [Павлов 1994: 301].

Удморт кылбуръёс / Сост. (1919. – 36 б.).

Удмурт стихотворенняос / Сост. (1919. – 64 б.).

[Грамматика вотского языка (1919. – 56 с.)].

Песни южных вотяков (1929. – XVII + 102 с.).

Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь (1932. – XXII + 374 с.

Удмурт кыллюкам=Толковый удмуртско-русский словарь / 2-е изд. (1991. – XXXII + 384 с.).

Калмыкия: Социально-экономический очерк о Калмыцкой автономной области (1926. – 97 с.).

2.8.1. Филологические труды Т. К. Борисова
(К 110-летию со дня рождения)*

Трофим Кузьмич Борисов – видный общественный, государственный и политический деятель, публицист, врач, этнограф, фольклорист и языковед – родился 19 ноября 1891 г. в д. Кизекгурт (Кизеково) Алнашского района Удмуртской Республики. Начальное образование получил в земской школе, далее обучался в двухклассном училище в с. Алнаши, в Елабужском городском и Казанском техническом училищах. В 1912–1913 гг. он студент историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1914–1916 гг. – медицинского факультета Казанского университета. После окончания университета был мобилизован на Минский фронт в качестве врача; находясь на фронте в 1917 г. вступил в партию большевиков.

После демобилизации в 1918 г. был избран в г. Елабуге председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 31 октября 1918 г. под руководством Т. К. Борисова вышел первый номер газеты «Гудыри» ('Гром'). В 1920 г. он организовал Комиссариат по делам удмуртов в г. Сарапуле и стал инициатором созыва Всеудмуртской конференции коммунистов-удмуртов, на которой было принято решение об организации автономной области. Занимал различные должности в Удмуртской АО; в 1923–1925 гг. работал секретарем Калмыцкого обкома ВКП(б), за этот период написал книгу «Калмыкия: Социально-экономический очерк о Калмыцкой автономной области» (М.; Л.: ГИЗ, 1926. 97 с.). В связи с переводом И. А. Наговицына в Москву был отозван в Удмуртию и 11 августа 1925 г.

---

* Вордскем кыл. – 2001. – 9-тй №. – 33–47-тй б. Несколько сокращенный вариант под названием «О трудах Т. К. Борисова в области удмуртской филологии (К 110-летию со дня рождения)» опубликован в: LU. – 2002. – № 3 (XXXVIII). – С. 207–214.

избран председателем Вотской АО. В 1929–1932 гг. заведовал облздравотделом; в 1932 г. поступил в аспирантуру института им. Броннера и одновременно работал врачом-венерологом в Подмосковье.

Т. К. Борисов неоднократно арестовывался:

1) в январе 1928 г. был осужден к 5 годам лишения свободы; наказание в течение 6 месяцев отбывал в г. Сыктывкаре (затем судимость была снята);

2) 14 января 1933 г. был арестован и в июне того же года был осужден по “Делу СОФИН”; сидел в Иркутском централе, затем отбывал наказание в Алма-Ате и Кустанае;

3) в 1940 г. был вновь осужден, наказание отбывал а Малгобекском свинцовом руднике. Умер в Кентауском (Актюбинском) лагере НКВД 4 июня 1943 г.

Источники указывают разные годы реабилитации: “Реабилитирован в 1988 г.” [Писат. Удм.: 58] и “Реабилитирован по всем судимостям Пост. Пленума Верх. суда СССР от 20 сент. 1989 г.” [Энц. Удм. Респ. 2000: 208; Писат. и литерат. Удм. 2006: 23].

Литературным творчеством и гуманитарными науками заинтересовался еще будучи студентом Петербургского университета; тогда же, в 1913 г., начал собирать южноудмуртские народные песни, легшие в дальнейшем в основу его сборника «Песни южных вотяков» [Борисов 1929]. С 1918 по 1923 г. почти каждый номер газеты «Гудыри» выходил с его публицистическими статьями, стихами, листовками. В 1919 г. составил и издал две антологии удмуртской поэзии – на северном диалекте (Удморт кылбуръёс. – Вятка, 1919. – 36 б.) и южном (Удмурт стихотворенняос. – Елабуга, 1919. – 64 б.). Вместе с К. Гердом организовал при редакции газеты «Гудыри» литературную студию; в 1921 г. возглавил подготовку первого съезда удмуртских писателей; инициировал создание Всеудмуртской ассоциации революционных писателей.

Что касается его филологического творчества, то в этой области гуманитарной науки Т. К. Борисов известен, по имеющимся сведениям, тремя трудами.

1. Как свидетельствуют некоторые библиографии и справочники [Вахрушев 1977: 95; Писат. Удм.: 59], в 1921 г. им была издана книга **«Грамматика вотского языка»** (Казань: Казанский издательский подотдел, 1919. 56 с.). К сожалению, мне не удалось ознакомиться с ней визуально: не оказалось ее ни в библиотеке Удмуртского государственного университета, ни в библиотеке Удмуртского института, языка и литературы УрО РАН, ни в Национальной библиотеке Удмуртской Республики. Если эта грамматика действительно существует (в принципе Т. Борисов в меру своих филологических способностей вполне был готов к написанию подобного труда), то она является современницей еще двух удмуртских грамматик, написанных марийским просветителем П. П. Глезденевым (Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка, 1921. – 55 с.) и русским финно-угроведом А. И. Емельяновым (Грамматика вотяцкого языка[86]. – Казань, 1921) – последняя также отсутствует в библиотечных фондах Удмуртской Республики. Сравнительное изучение их и оценка научной значимости каждой из них является, следовательно, делом другого исследования.

2. Сборник **«Песни южных вотяков»**, основная часть материала для которого была собрана автором и составителем в дд. Кизеково, Кучеряново, Ромашкино, Шайтаново, Асаново, Мукшур Алнашского района в 1913 г. и в дальнейшем дополнена записями, произведенными в 1925–1926 гг. студенткой Восточного педагогического института Ниной Борисовой (в с. Варзи-Ятчи и д. Кизеково Алнашского района), курсанткой Ижевской совпартшколы Дарьей Ивановой (в д. Вишур Алнашского района) и учеником Ижевской школы фабрично-заводского ученичества Федором Петровым (в деревнях “Троицкой волости Можгинского уезда”). Сборник включает 463 текста на удмуртском языке с подстрочными переводами их на русский язык, произведенными самим Т. Борисовым с помощью его товарищей Канигина и Сапарова [Борисов 1929: XVI–XVII].

[86] Кроме того, А. И. Емельянову принадлежат следующие грамматики: «Сравнительная грамматика угрофинских наречий» (Казань, 1922) [Вахрушев 1977: 102] и «Грамматика вотяцкого языка» [Емельянов 1927].

Книга предваряется краткой вводной статьей «О народных песнях (Литературно-критический обзор)» [Борисов 1929: III–XVII], анализирующей тексты как с содержательной (преимущественно) стороны, так и с точки зрения формы (вскользь). Т. Борисов рассматривает такие явления и понятия, получившие отражение в южноудмуртской народной песне, как: “праздники и пирушки” (с. III–IV), “гостеприимство” (с. IV–V), “дружба” (с. V), “любовь” (с. V–VII), “типы молодых людей” (с. VII–VIII), “молодость” (с. VIII–IX), “замужество” (с. IX–X), “трудовой быт” (с. X), “оптимизм” (с. X–XI), “пессимизм” (с. XI), “солдатчина” (с. XI–XII), “религиозность” (с. XII), “природа” (с. XII–XIII) и др.

Исходя из содержательной же стороны весь приведенный им в сборнике песенный репертуар южных удмуртов распределен по следующим четырем неравным частям:

1) «Юон дыр‘я кырӟанъёс»/«Праздничные песни» (с. 3–80);

2) «Яратонэз вераса кырӟан‘ёс»/«Любовные песни» (с. 80–92);

3) «Сюан дыр‘я кырӟан‘ёс»/«Свадебные песни» (с. 92–97);

4) «Салдат‘ёслэн кырӟан‘ёссы»/«Солдатские песни» (с. 98–102).

В образной системе приведенных в сборнике песен Т. Борисов особо выделяет сравнение “своих личных переживаний” “с явлениями природы”, и на основе этого большинство южноудмуртских (в особенности периферийно-южных) произведений данного жанра имеет четырехстрочную композицию (по моим подсчетам, 403 из 463, что составляет 87 % от общего количества включенных в сборник песен)[87]:

Ой, иньмын но кизили туж тырос,
чик веть ӧвӧл толэзьлэсь люгытэз.
Калык полын калык туж тырос но,
чик веть ӧвӧл тӥлесьтыд мусоез.

На небе звезд очень много, но нет светлее луны. На свете людей очень много, но милее вас никого нет [Борисов 1929: XIII–XIV].

[87] Здесь и далее по традиции издания языковых материалов тексты на удмуртском языке даются курсивом, хотя Т. Борисов не пользовался им в своем сборнике.

Однако встречаются также песни 2–14-строчные (2-строчных – 21 песня, 3-строчных – 10 песен, 5-строчных – 6 песен, 6-строчных – 13 песен, 7-строчных – 1 песня, 8-строчных – 5, 9-строчных – 2, 12-строчная – 1, 14-строчная – 1 (в общей сложности 60 из 463, что составляет 13%). Приведу несколько образцов нечетырехстрочных песен (с переводами самого издателя без исправлений и уточнений):

66. Юон но луоз, юмшан луоз.
Чик кырӟантэм юмшан‘ёс мар луоз?

66. Будут праздники, будут и гулянья. Без песен что и за гулянья будут? [Борисов 1929: 16].

67. Ум бӧрдылэ, ум кайгыре
Ум быттэ та дунне кайгуэз.
Шундйен толэзь ми ӧвӧл.
Шундйен толэзь ми ке лусалмы,
быттыр дуннее пиштысалмы.

67. Не будем плакать, не будем горевать: всеравно не кончим мирского горя. Мы не солнце и не луна. Если бы мы были солнцем и луной, по всему миру светили бы [Борисов 1929: 17].

91. Азвесь зындэс, азвесь поскес
кияд секыт етӥз-а?
Кияд секыт, ой, етымтэ,
пи басьтэмлэсь курдад-а?
Ӝуткам чалма, чильпам туго,
йырад секыт етӥз-а?
Йырад секыт, ой, етымтэ,
тӧл басьтэмлэсь курдад-а?

91. Серебряное кольцо и серебряный браслет! Они для твоих рук тяжелыми показались? Тяжелыми для рук твоих не показались. Разве побоялась, что парни отберут? (Перевод второй части песни в книге отсутствует) [Борисов 1929: 23].

153. Ӟуж уӧы пи кадь но бон мон лусал.
Ӟуж уӧы пи сяин чирдыса мон верасал.
Под‘яч сяин гож‘яса пукысал.

153. Ведь если бы я был как желтый соловей, то рассказал бы вам также, как поёт желтый соловей. Посиживал бы пописывая, как писарь [Борисов 1929: 35].

Восьмистрочные песни представляют собой, как правило, сочетание двух четырехстрочных, имеющих параллелизм образов. Что же касается развернутых песен в 12 и 14 строк, то их только две: в одной имеется попытка развернуть нехитрый сюжет, малохарактерный для удмуртской народной песни (см. № 70), другой разворачивается за счет последовательного нанизывания параллельных образов (весьма характерная композиция для так называемых “сюжетных” удмуртских народных песен) (см. № 226):

70. Укно дуре пуксем вал,
тӧдьы етӥнь черсэм вал.
Чалма дэра куэм вал,
мон укнотӥ уськем вал.
Оти лыктэ туганэ,
кияз арганзэ вае,
пӧртэм гурзэ шыдыса,
шуласа но вераса:
“эн бӧрд, эн бӧрд, Марья (а)пае,
ачим калыке нуо.
Ачим калыке ӧй нуы ке,
тани гожтэт гож‘яло.
Тани гожтэт ӧй ке гож‘я,
тани адӟиськыны берто”.

70. Села бы я на окошечко, попряла бы я белый лен. Попряла бы я холста для чалмы, я в окошечко бы посмотрела. Там идет мой милый, на руках несет гармошку, играя разные напевы, подсвистывая и наговаривая:

“Не плачь, не плачь, моя сестра Маруся, в люди тебя унесу. Если же в люди тебя не унесу, то сейчас же письмо напишу. Если письмо не напишу, вот на свидание я пойду” [Борисов 1929: 18].

226. Кыре-буре потыса мон марлы паймисько?
Мон паймисько даурелэн шулдырезлы.
Нюлэскы мыныса марлы паймисько?
Мон паймисько писпулэн кузезлы.
Калыке потыса марлы паймисько?
Мон паймисько адямилэн йöноезлы.
Возь вылэ потыса марлы паймисько?
Мон паймисько италмас сяськалы.
Вудуре васькыса марлы паймисько?
Мон паймисько вулэн кошкемезлы.
Синьуськонэн уськыса марлы паймисько?
Мон паймисько банэлэн кöсэктэмезлы.

226. Выходя на волю, чему я удивляюсь? Я удивляюсь красоте мира. Придя в лес, чему я удивляюсь? Я удивляюсь высокому росту деревьев. Выйдя в люди, чему я удивляюсь? Я удивляюсь гармонии людей. Придя на луг, чему я удивляюсь? Я удивляюсь желтому лютику. Спустясь на берег, чему я удивляюсь? Я удивляюсь течению реки. Смотря в зеркало, чему я удивляюсь? Я удивляюсь бледности своего лица [Борисов 1929: 51].

Перевод песен в книге – нередко смысловой, а не буквальный – произведен Т. Борисовым, как у некоторых его предшественников: Б. Гаврилова [Гавриловъ 1880], Ю. Вихманна [Wichmann 1893] и др., – в прозе[88], причем переводы расположены

[88] Кстати, И. Васильев не только перевод, но даже и оригинал песен расположил прозой, хотя стихотворная строфа в них явно просматривается: *ягетъи потъи ягъ варижъ кадь,* // *сурдэтъи потъи туй югытъя,* // *нюретъи потъи выжъ куарая,* // *кыретъи мынъи вал пыдъ куарая,* // *бусые пыри ю сюрел югытъя,* // *гуртэ пыри липетъ югытъя* // *Каметъи потъи камыж бодъиен* [Васильевъ 1906: 337]. ’По бору прошелъ на подобіе лесного ястреба, // по лѣсу прошелъ по свѣту бересты, // по оврагу прошелъ по шуму мостовому, // степью прошелъ по лошадиному топоту, // въ поле вошелъ по свѣту ржаного цвѣта, // в деревню

по образцу вихманновского издания удмуртских текстов в нижней половине каждой страницы, так что оригинальный текст и его перевод оказываются на одной и той же странице, что существенно облегчает пользование книгой.

Т. Борисов, владевший удмуртским, русским, французским (по другой версии, еще и латинским [Со вал... 2003]) языками, изучавший татарский, марийский, коми, калмыцкий [Куликов 1991: VI] и имевший определенное знакомство с финно-угроведческой литературой [Кельмаков 2001: 7–8], видел в публикуемых текстах не только произведения одного из лирических жанров удмуртского фольклора, но и двоякий источник: во-первых, для изучения системы и структуры удмуртского языка (“Запись песен оставлена по возможности фактическая, хотя бы она и шла в разрез принятым в последнее время правилам правописания на вотском языке. Это сделано с той целью, чтобы придать данному труду значение не только как популярной, народной книге для распространения среди самой народной массы, но и значение научно-лингвистического труда по изучению пока что неизученного вотского языка” [Борисов 1929: XVII]); во-вторых, для обогащения образной системы удмуртского литературного языка (“В песнях очень много характерных народных оборотов, и в этом отношении они представляют неоценимый клад дальнейшего развития только что начавшегося литературного книжного удмуртского языка” [Борисов 1929: XIV]).

И в регулярном толковании в сносках южноудмуртских лексических диалектизмов узкого распространения, встречающихся в текстах песен, удмуртский исследователь преследовал, как мне представляется, две взаимосвязанные цели: с одной стороны, сделать понятными публикуемые им материалы для носителей различных диалектов, в том числе и северных; с другой стороны, создать условия для постепенного возможного включения южноуд-

---

зашелъ по свѣту крышъ, // по камѣ прошелъ съ камышевою тростью... [Васильевъ 1906: 338] (полностью сохранена орфография оригинала публикации; курсив же удмуртского текта и выделение двумя косыми чертами стихотворных строк мои. – *В. К.*).

муртских диалектизмов в “только что начавшийся литературный книжный удмуртский язык”, напр.: *атайлэн* (в сноске: *айылэн, дядяйлэн*, с. 3) ’отца (ген.)’; *анайлэн* (в сноске: *мумылэн*, с. 3) ’матери (ген.)’; *тышакез* (в сноске: *валесэз*, с. 3) ’ее постель’; *тузонэз* (в сноске: *копотез*, с. 3) ’ее пыль’; *турлы* (в сноске: *пӧртэм*, с. 7) ’различный, разнообразный’ и (в сноске: *коть кыӵе*, с. 16) ’всякий, любой’; *улмопуды* (в сноске: *яблоня*, с. 8) ’ваша яблоня’; *арама* (в сноске: *тэль*, с. 8) ’роща, лесок’; *ямез* (в сноске: *шулдырез*, с. 10) ’его красота, его уют’; *урам* (в сноске: *ульча*, с. 10) ’улица’; *салкымаз* (в сноске: *кезьытаз*, с. 10) ’в его тень, в его прохладу’; *пакилэн* (в сноске: *пуртлэн*, с. 11) ’ножа (ген.)’; *куяр* (в сноске: *огреч*, с. 11) ’огурец’; *кӧгӧрсинь* (в сноске: *дыдык*, с. 11) ’голубь’; *кайгуэз* (в сноске: *кӧткуректонэз*, с. 11) ’горе (акк.)’; *бусы* (в сноске: *луд*, с. 12) ’поле’; *тату* (в сноске: *уртче*, с. 13) ’вместе, дружно, мирно’; *апай* (в сноске: *ака*, с. 13) ’старшая сестра; тетя’; *иньшыр* (в сноске: *итым*, с. 14) ’гумно’; *ум кайгыре* (в сноске: *ум куректэ*, с. 17) ’не будем горевать’; *алама* (в сноске: *урод*, с. 35) ’плохой, дурной’; *кадыр* (в сноске: *дан*, с. 35) ’честь, почет’; *бай* (в сноске: *узыр*, с. 36) ’богатый’; *кагазэ* (в сноске: *бумагае*, с. 38) ’моя бумага’; *капкаосыз* (в сноске: *ӟезьыосыз*, с. 38) ’их ворота’; *зангари* (в сноске: бидер кыл ’татарское слово’, – *лыз*, с. 53) ’голубой’; *базытэк* (в сноске: *оскытэк*, с. 57) ’не надеясь’; *курдаса* (в сноске: *кышкаса*, с. 60) ’боясь’; *гыль* (в сноске: *сяська*, с. 61) ’(комнатный или декоративный) цветок’; *ят* (в сноске: *мурт*, с. 75) ’чужой, чуждый’; *эльтыр* (в сноске: *эльтыр* – каракуль, с. 85) и т. д.

В этом отношении Т. К. Борисов не был первым: аналогичный способ сделать доступным текст, составленный на одном диалекте удмуртского языка, и для носителей других говоров был уже использован задолго до него издателями первых книг на удмуртском языке. Так, в книге «Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія» [Еванг. Гл. 1847] параллельно использованы лексемы различной диалектной принадлежности, причем нередко в одни предложения в качестве основного варианта включены одни диалектные формы, другие – в ка-

честве поясняющих в скобках (без отсылки на соответствующий диалект), в другие предложения – те же самые формы в противоположном назначении, напр.:

Бицяло́-а атàсъ дзi͡орздòнъ-лэ̀сь виноградъ-э̀зъ, либо ***арыхманъ-лэ̀сь*** (*люгы-лэ̀сь*) *смоква-э̀зъ?* ’Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или с репейника смоквы? (с. 42). *⟨...⟩кылъ-дэ̀ гинѐ ве́ра Тонъ, бурмòзъно мынàмъ* ***варъ*** (*медò*). ’⟨...⟩а только скажи слово, и выздоровѣтъ слуга мой’ (с. 47). *~ Сокѝикъ* ***медò****, солэ̀нъ* ***(варъ)*** *бурмы̀зъ*. ’И слуга его выздоровѣлъ в тотъ самый часъ’ (с. 49). *Потысà-но квинь* ***зая̀тъ*** (***часъ***) *дырья̀, адзѝзъ музднъi͡осы̀зъ вузъ-каронъ-интиѝнъ тэ̀къ сылысы̀осы̀зъ*. ’И вышедши около третьяго часа, увидѣлъ другихъ стоящихъ на торгу праздно’. *~ Ношъ потысà квать укмысъ-но* ***часъэ̀нъ*** (***заятъ увакы̀тъ***); *озíикъ карѝзъ*. ’Опять вышедши около шестаго и девятаго часа, то же сдѣлалъ’ (с. 150). И др.

В аналогичном издании на “сарапульском” диалекте – в книге «Господа нашего Іисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» [Еванг. Сар. 1847] – комментарии в скобках к южноудмуртским диалектным словам, как правило, даны в отличие от предыдущей книги с отсылкой на “глазовский” диалект (Глаз., глаз.), напр.:

Воць (Глаз. ***виця̀къ*** или ***долакъ***) *бóнъ выжиi͡осъ Авраамълэ̀сь кутскисà Давидъ-дорозь, дасъ ниль выжѝ⟨...⟩* ’И такъ всѣхъ родовъ отъ Авраама до Давида, четырнадцать родовъ⟨...⟩ (с. 4). *Сокы Иродъ адзиса*, *Нодомуртъi͡осъ-лэ̀сь* ***мыскы̀лъ*** (глаз. ***Серѐмъ***) *карэмъзэ̀сь*, *тужъ вожзэ̀ ваѝзъ⟨...⟩* ’Тогда Иродъ увидя, что онъ осмѣянъ отъ Волхвовъ, весьма разгнѣвался⟨...⟩’ (с. 9). *Цюкынды-рыськэ̀мъ берэ̀ Іисусъ* ***замàнъ*** (глаз. ***соку-ѝкъ***) *вуѝсь потызъ*; *та́ни-но Со уватцы̀къ устськѝзъ Инъ*, *Іоаннъ-но адзѝзъ Инмаръ-лэ̀сь уваськэ̀мъ Лулъ-зэ̀,* ***кэгэрсѝнъ*** (глаз. ***дыдзы̀къ***) *тусъѐмъ Со вылэ̀ лыктэ̀мъ-зэ̀*. ’И какъ скоро Іисусъ крестившись, вышелъ изъ воды; Се отверзлись Ему Небеса и Іоаннъ увидѣлъ Духа Божія, который сходилъ какъ голубь и ниспускался на него’ (с. 14). *Іисусъ отыѕь потыкы̀зъ, кы̀къ* ***сукы̀ръi͡осъ*** (Глаз. ***синтэ̀мъi͡осъ***) *бэ̀рыся̀зъ мынысà, церекъясà-но веразы̀: жа́ля милемы̀зъ Іисусъ Давидъ пи!*

’Когда Іисусъ шелъ оттуда; двое слѣпыхъ, идучи за Нимъ, кричали и говорили: умилосердись над нами, Іисусъ, Сынъ Давидовъ!’ (с. 60). И др.

Еще более разнообразно использованы диалектизмы в издании начала XX в. – в книге «Господа нашего Іисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на удмуртском языке» [Еванг. 1912]. Перевод в целом произведен на “казанский” диалект удмуртского языка, однако в ней использованы лексические и фонетические диалектизмы не только “казанского”, но и других диалектов, причем тремя различными способами:

1) в одних предложениях формы “казанского” диалекта толкуются путем приведения в сносках соответствий из других говоров, напр.: ⟨...⟩*Иродъ Нуныез війытон понна Сое утчатыны* ***тыртэ*** (в сноске: ***Ӧдъя***); *шуэм. Іосифъ уйын султыса Нуныез но* ***анайзэ*** (в сноске: ***Мумызэ***) *но басьтыса Египетэ кошкем* (с. 6). ’⟨...⟩ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет’ (Библия 1988, 1012). *Милям* ***атаймы*** (в сноске: ***аймы***, ***бубымы***) *Авраамъ шуса мылкыдады эн малпалэ* (с. 8). ⟨...⟩не думайте говорить в себе «отец у нас Авраам»⟨...⟩ (Библия 1988, 1013). *Дёскыт капка,* ***амсыр*** (в сноске: ***Сюбет***) *сюрес кулонтэм улонэ пыртэ*, *соёсыз* ***ыжыт*** (в сноске: ***Ичи***) *муртъёс гынэ шетто. Ӧрекчи* (в сноске: ***Алдась***) *пророкъёслэсь возьмаськелэ*⟨...⟩ (с. 19). ’⟨...⟩потому что тесны ворота и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков⟨...⟩’ (Библия 1988, 1019);

2) в других местах в качестве основного варианта использованы формы других диалектов, “казанские” присутствуют лишь в сносках для толкования иных диалектных явлений, ср.: *Сьӧлыкъёссэс вераса со вамен Іордан вуын* ***креститься карыльям*** (в сноске: ***Крашине пырыльям***, ***чукынылъям***) (с. 8). ’⟨...⟩и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои’ (Библия 1988, 1013). *Галилея зарезьлэн дуртӥз ветлыкыз Со кык* ***братъёсыз*** (в сноске: ***Агай-вынъёсыз***): *Петръ шуэм Симонэз, солэсь вынзэ Андрейез адӟем*⟨...⟩ (с. 10) ’Проходя же возле моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея⟨...⟩’ (Библия 1988, 1014). *Іисусъ Петрлэн корказ лыктэм бе-*

раз, солэн ***вармумыезлэсь*** (в сноске: ***Абіезлэсь***) *пöсь-кылен висьыса кыльлемзэ адзем. Іисус солэн кіяз јэтыськыса нялтас, пöсь-кылез* ***бырем*** (в сноске: ***Быдмем***)⟨...⟩ (с. 21). ’Придя в дом Петра, Иисус увидел тёщу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее⟨...⟩’ (Библия 1988, 1020);

3) в третьих случаях формы казанского и других диалектов использованы равноправно в качестве основных вариантов в пределах одного и того же предложения, ср.: *Вожпоттысеныд сюрес вылын дыръядйк тупа; озьы öд-ке кары, со тонэ судьялы сётоз, судья* ***ляльчіёсызлы*** (в сноске: ***Дяльчіосызлы, медоосызлы***) *сётыса, тонэ* ***тюрмае*** (в сноске: ***Казаматэ***) ***борзатоз*** (в сноске: ***Ворсатоз, борзатоз***) (с. 13). ’Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу⟨...⟩’ (Библия 1988, 1016).

Однако в отличие от переводчиков вышеприведенных книг Т. Борисов был несколько стеснен в способах использования материалов различных говоров. Поскольку Т. Борисов не сам составлял тексты, а лишь публиковал уже готовые, то его роль в данном случае заключалась лишь в толковании южноудмуртских диалектизмов в языке песен с помощью их соответствий в других говорах, а не в разнообразии включения их в структуру текста.

Тем не менее подобное трепетное отношение Т. Борисова к языку публикуемого им песен ставит рассматриваемый сборник – несмотря на имеющиеся в нем орфографические ошибки и описки – в один ряд с лучшими образцами фольклорно-диалектологических публикаций на удмуртском языке, произведенных в конце XIX – начале XX в. как отечественными, так и зарубежными исследователями удмуртского языка: Б. Г. Гавриловым [Гавриловъ 1880], Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886], Н. Г. Первухиным [Первухинъ 1888], Б. Мункачи [Munkácsi 1883; 1887], Ю. Вихманном [Wichmann 1893; 1901; 1901a], И. Н. Смирновым [Смирновъ 1890: (Приложение) 39 + 4], С. Багиным [Багинъ 1897] и др., с одной стороны, и делает вполне ожидаемым для финно-угроведов появление в скором времени следующего исследования Т. К. Борисова в области удмуртского языкознания – диалектоло-

гического словаря «Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь» [Борисов 1932], с другой.

В заключение рекогносцировочного анализа сборника Т. Борисова «Песни южных вотяков» следует заметить, что:

во-первых, книга представляет собой памятник духовного наследия удмуртского народа достаточно серьезной культурно-исторической значимости, и посему она достойна переиздания с целью ознакомления и современных удмуртских читателей с ее материалами;

во-вторых, опыт публикации удмуртских народных песен с анализом их с содержательной стороны во вводной части сборника и классификацией песенного репертуара по семантическим признакам получил дальнейшее продолжение и развитие в удмуртской фольклористике, в частности в трудах М. П. Петрова «Удмурт калык кырӟан‘ёс (Ньыльчур‘ёс)» [УКК 1936], П. К. Поздеева «Жингырты, удмурт кырӟан!» [ЖУК 1960] и др., правда, с одним существенным отличием: в работах этих авторов отсутствует перевод удмуртских песен на русский (или какой-либо другой) язык.

3. Источником для его 3-го труда – **«Удмурт кыллюкам»** (’Удмуртский словарь’) – послужили, как свидетельствует «Предисловие» к нему, следующие категории изданий:

1) печатные словари конца XIX – начала XX в. (Ф. Й. Видеманна, Б. Мункачи, Г. С. Лыткина, Я. Ильина, В. Д. Крылова, П. Д. Горохова, С. П. Жуйкова и др.);

2) тексты произведений удмуртского фольклора, опубликованные Ю. Вихманном, К. Гердом, И. В. Яковлевым, Сарман Педором, Т. Борисовым и др.;

3) материалы, извлеченные из периодической печати (газет «Гудыри», «Сюрло», «Азьлань», «Выль гурт», «Удмурт коммуна», журналов «Кенеш», «Пичи дэменчи» и др.);

4) грамматики, учебники и учебные пособия (*К. Герд*. Шуныт зор (Хрестоматия), *И. В. Яковлев*. Удмурт кылрад‘ян. Элементарная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1930; Первоначальный учебник вотского языка; *А. И. Емельянов*. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927; и др.);

5) художественные произведения удмуртских писателей, изданные в 20-е гг. (*К. Герд*. Крезьчи; *Арк. Багай*. Перепеч. Кылем нуналъёс; *М. О. Волков*. Кристос Батуев. Парсь Петя; *К. Митрей*. Юбер батыр. Секыт зйбет. Мон-А-Чим; *К. С. Яковлев*. Туноёс; *И. С. Михеев*. Пелляськись. И т. д.) [Борисов 1991: XXIII–XXIV];

6) рукописи Г. Е. Верещагина, о чем говорится в предисловии к еще неизданному вотско-русскому словарю Г. Е. Верещагина (из устного сообщения Л. М. Ившина).

Словарь имеет не столько нормативный, сколько диалектологический характер; однако при фиксации диалектных форм автор вынужден был воспользоваться не транскрипцией, а практическим удмуртским письмом (названным им “транскрипцией”), о чем он и сообщает в предисловии к нему: “В общем, несмотря на ряд недостатков существующей удмуртской транскрипции, при составлении словаря пришлось руководствоваться установленными правилами, хотя вначале словарь составлялся академической транскрипцией по образцу проф. Вихмана” [Борисов 1991: XV]. Это и понятно, ибо словарь предназначался для практического пользования людям, в большинстве своем не знакомым с транскрипцией, тем более на латинской графической основе.

Но и при использовании практической орфографии Т. К. Борисову удалось сохранить определенные фонетические особенности произношения диалектных форм с указанием на их диалектную принадлежность, в частности:

1) употребление анлаутного *д′-* в периферийно-южном диалекте на месте *й-* других[89], напр.: *дюн* кр. юж., *юн* ’крепкий’ (с. 94); *дьӧл* кр. юж., *йӧл* ’молоко’ (с. 95); *ивор* сев., *йивор* ср., юж., *дьывор* кр. юж. ’весть, известие’ (с. 114); *йӧ*, *дьӧ* кр. юж. ’лед’ (с. 117); *ю*, *дю* кр. юж. ’хлеб в поле зерном’; *юбо* ср., *дюбо* кр. юж., *йыбо* сев., юж. ’столб’ (с. 363); *ял карыны* юж., *дял карыны* кр. юж., *шутэтскыны* сев. ’отдыхать’ (с. 368); и т. д.;

[89] “Звук «*й*» других говоров в начале слова на крайне-южном наречии переходит в «*дь*». Данный признак резко выдает южанина-удмурта” [Борисов 1991: XVII].

2) наличие сонанта *η* в южных говорах на месте иных носовых в других диалектах, напр.: *ан* сев., *анг* юж. ’челюсть’ (с. 15); *бам* сев., ср., *банг* юж. ’щека, лицо’ (с. 24); *зым* сев., *зынг* ’запах’ (с. 109); *дӥнь* юж., ср., *дӥнг* кр. юж., *дынь* сев., м., *дын* сев. ’край предмета, конец предмета, корень и место роста листьев растений, тупая сторона острых предметов, верховье реки’ (с. 86); *сингыс* юж. *синьыс* сев. *синыс* ср. ’нитка’ (с. 255); *янак* ср., *янгак* юж., *дянак* кр. юж., *косяк* сев. ’косяк’ (с. 369) и др. Кстати, относительно распространения этого согласного в удмуртской языковой области и восточно-финских языках и его происхождения автор придерживается вполне приемлемого и в настоящее время мнения: “Северная граница носового звука «*н*»[90] идет по границе бывших волостей Бурановской, Советской, Нылги-Жикьинской, Вавожской и Водзимонской. Звука «*н*» носового совсем нет у коми-зырян и коми-пермяков, ближайших соседей по языку. Он имеется в языке мари-черемис. У мари он распространен во всех наречиях языка, напр. в словах: *анга* – полоса, *чанга* – галка, *онга* – доска, *анг* – отверстие. У мордвы этот звук сохранился только эрзи-мордвы, напр. в словах: *пенгэ* – дрова, *ленгэ* – лыко... Этот «*н*» носовой по своему историческому происхождению берет начало из пра-угро-финского языка, так как имеется и в мадьярском языке” [Борисов 1991: XIV];

3) употребление палатальных *н′*, *т′* и *д′* в позиции после *и* в южных говорах на месте велярных *н*, *т* и *д* других говоров, напр.: *кинь* юж., *кин* сев. ’кто’ (с. 133); *пинал* сев., ср., *пинял* юж. ’молодой, юный, ребенок, дитё’ (с. 221); *синкаӵ*, *синькаш* юж., *сингаӵ* ср. ’брови’ (с. 256); *гид* сев., ср., *гидь* юж. ’задворье, задний двор, загон, хлев’ (с. 74); *итыны* сев., ср., *итьыны* юж. ’соединить два конца’; ’пришить’; ’привезать’ (с. 116); *пумит*, *пунить* юж. ’навстречу, направить против’ (с. 234);

4) употребление аффрикат в срединных говорах на месте щелевых в других говорах[91], напр.: *выж* юж., *выӝ* ср., *пол* сев. ’пол’

[90] Отдельные фонемы и языковые примеры для удобства восприятия даются курсивом , хотя у Т. Борисова они не выделены.

[91] “С р е д и н н о е н а р е ч и е изобилует аффрикатами. Аффрикаты имеются хотя и во всех наречиях, но в срединном наречии они

(с. 69); *ӟсажы* юж., *ӟсаӟы* ср., *уктӥс* сев., з. ’полка’ (с. 101); *ӟсожон*, *ӟсоӟсон* ср. ’толокно’ (с. 102); *ӟсужаны*, *ӟсуӟсаны* ср. ’всходить, подниматься, расти’ (с. 103); *ӟезӧыны* ср., *ӟезьыны* ’пороть, распороть’ (с. 110); *ӟузьыны*, *ӟузӧыны* ср. ’хлебнуть’ (с. 113); *кузьыт*, *кузӧыт* ср. ’соленый, солено’ (с. 149); *кызӧы*, *кызьы* сев., юж. ’как’ (с. 157); *воӵкыны* ср., сев., *вошӵськыны* юж. ’переместиться, сдвинуться с места, переменить место, одежду, переодеться’ (с. 62); *ӵошкыт*, *ӵоӵкыт* ср. ’ровный, ровно’ (с. 333); *ӵуӵкон* ср., *ӵушиськон* юж. ’полотенце’;

5) употребление *ӯ-* в позиции перед *а* в северных и некоторых иных говорах на месте *в-* других диалектов[92], напр.: *уазь* з., сев., *вазь* ’рано’; *уазьыны* сев., *вазьыны* юж. ’окрикнуть, звать’; *уакыт* сев., *вакыт, вадес, дыр* ’время, пора’; *уалы* сев., *валы* кр. юж. ’бережая лошадь’; *уамен* сев., *вамен* юж. ’поперек, поперечный’; *уань* з., сев., *вань* ’есть, имеется’; *уапум* сев., *вапум*, *вапун* юж. ’время, пора’; *уарс* сев., *варсь* ср. ’сусло пивное’; *уаськыны* з., сев., *васькыны* ’сходить, слезать’; *уатскыны* з., сев., *ватскыны* в., сев., *ваткыны* ср., *ватӥськыны* юж. ’спрятаться’; *уашкала* сев., *вашкала* юж. ’старина’ (с. 296) и др.;

6) употребление начального *кв-* перед последующими *а* или *и* в отдельных срединных говорах на месте *кӯ-* северных и южных диалектов, напр.: *ква* ср., *куа* юж., сев. *квала* ср., *куала* ’шалаш’ (с. 127); *кважи* ср., *куажи* сев., юж. ’коростель’; *квачь* ср., *куазь* ’погода’; *кважыртыны* ср., *куажыртыны* юж., сев. ’хрустеть’; *квара* ср., *куара* сев., юж. ’голос, крик, звук’; *квашканы* ср., *куашканы* юж., сев. ’развалиться’; *квинь* ср., *куинь* сев., юж. ’три’ (с. 128); *куака*, *квака* ср. ’ворона’ (с. 144); *куар*, *квар* ср. ’лист’ (с. 145);

встречаются и в тех случаях, где их нет в других наречиях. Данным признаком срединное наречие ближе стоит к коми-зырянскому языку” [Борисов 1991: XVI].

[92] “Неслоговое «*у*» остается в северном наречии и там, где он во всех говорах переходит в «*в*». Примеры: *уалес* (сев.), *валес* (юж., ср.) – постеля. *Уаллян* (сев.), *валлян* (юж., ср.) – в старину. *Уадес* (сев.), *вадес* (юж., ср.) – пора” [Борисов 1991: XVI].

7) употребление гласного *у* или *ы* в первом слоге слов (в зависимости от диалекта)[93], напр.: *зумон*, *зымон* ’процесс ныряния в воду’; *зундэс* кр. юж., *зынгдэс* юж. *зумдэс* ср. юж. ’кольцо, перстень’ (с. 108); *нымыр* юж., *нумыр* сев., ср. ’червь’ (с. 199); *пуны*, *пыны* ’собака’; *пуныны* ср. *пыныны* юж. ’вить веревку, косу плести’ (с. 235); *шыдыны*, *шудыны* ’играть’ (с. 353) и др.;

8) функционирование в десятке корней гласного *и* в южном наречии на месте *ы* в северном, напр.: *бизьыны* юж., ср., бес., *бызьыны* ’бежать, течь’, ’выходить замуж’ (с. 29); *виль* юж., ср. *выль* сев. ’новый’ (с. 53); *пизь* юж., ср., *пызь* сев. ’мука’ (с. 220); *тысь* ср. *тӥсь* ’зерно, семя’ (с. 293); *ызьы*, *изьы* ’шапка’ (с. 356); и др. И т. д.

Однако возможности практической графики и орфографии литературного языка того времени в целях фиксации диалектных особенностей произношения не были безграничны; при отсутствии в графической системе специальных букв для обозначения особых диалектных звуков последние оказываются не отмечен-

[93] Попытка исследователя интерпретировать междиалектные соответствия фонем в терминах исторической фонетики – перехода одной фонемы в другую – не всегда венчается успехом. Так, в отношении данного явления Т. Борисов пишет: “Звук «*ы*» южного наречия в некоторых словах в северном наречии ***переходит*** (выделение мое – *В. К.*) в «*у*»: *пыны* (юж.), *пуны* (сев. ср.) – собака; *кыыны* (юж.) *куыны* (сев. ср.) – ткать; *сокы* (юж. бес.), *соку* (сев.) – тогда; *мынык*ы, *ветлыкы* (юж.), *мыныку*, *ветлыку* (сев., часть ср.) – во время хождения” [Борисов 1991: XVI]. Если морфема *-кы* (с *ы*) в южных формах *сокы*, *мынык*ы, *ветлыкы* действительно является первичной по отношению к сев. *-ку* (с *у*), то южн. *пыны*, *кыыны* (с корневым *ы*) и сев. *пуны*, *куыны* (с корневым *у*) одинаково вторичны и восходят к более ранним формам на *ӱ*, последовательно сохранившимся в отдельных периферийно-южных говорах, напр.: шошм. *пӱны*, *кӱыны*, бавл. *пӱнӹ*, *кӱӹнӹ*, татш. *пӱнь*, *кӱънъ* и др. Неправ Т. Борисов и в том случае, когда утверждает: “В северном наречии в отличие от остальных наречий имеется выпадение звука «*л*» в начале слов: *югыт* (сев.), *люгыт* – светло; *юкмес* (сев.), *люкмес* – прорубь” [Борисов 1991: XVI]. Здесь, напротив, имеем сохранение более раннего *й-* в северных диалектах и переход их в *л′-* (а не в *л-*!) в южных.

ными. Так, словарь «Удмурт кыллюкам» не фиксирует такие яркие фонетические особенности диалектов как:

1) наличие фонемы *ӱ* в периферийно-южных говорах. Правда, автор дает ей вполне квалифицированную характеристику, точно определяет ее территориальную распространенность и находит ей типологическую параллель в других родственных и неродственных языках Волго-Камья: “Имеется еще звук среднего ряда, между передним и задним «*у*», который в удмуртской практической письменности когда-то обозначался через «*ӱ*», а еще раньше через «*Ӱ*». Примеры: *уй*, *ӱй* – ночь, *ку*, *кӱ* – кожа. Этот звук наиболее распространен в крайне-южном наречии, хотя имеется и в других наречиях удмуртского языка. Подобного звука нет ни у коми, ни у мордвы. Он встречается у мари, напр.: *ӱй*[94] – масло, *йӱд* – ночь, *вӱд* – вода. В чувашском языке звук «*ӱ*» является обычным (*ӱпре* – мошка, *сӱре* – борона)” [Борисов 1991: XIV];

2) заднерядный характер гласной фонемы *ы*, встречающийся в бесермянском наречии, в отдельных говорах северного наречия, южного и периферийно-южного диалектов и отмечаемой в транскрипции на кириллической основе знаком ъ, ср.: отд. говоры южн. и сев., бес. *кък* ~ другие диал. *кык* ’два’, отд. говоры южн. и сев., бес. *мънэ* ~ другие диал. *мынэ* ’идет, едет’, отд. говоры южн. и сев., бес. *татън* ~ другие диал. *татын* ’здесь’ и др. Наличие этого варианта гласного *ы* (правда, лишь в диалектах северного наречия) было замечено исследователем: “В части северного наречия с охватом незначительного количества населения существует редуцированный «*ы*», характеризующийся краткостью и сравнительной широкостью произношения” [Борисов 1991: XIV–XV];

3) огубленное произношение *ӧ*, отмечаемое в научной транскрипции на основе кириллицы знаком *ӧ*° и характерное для большинства периферийно-южных говоров. И нек. др.

[94] Здесь и далее в удмуртских диалектных, марийских и чувашских примерах пишется буква **ӱ**, хотя у Т. Борисова на ее месте ошибочно стоит буква **у** [Борисов 1991: XIV].

Примечательно то, что у Т. Борисова еще в те времена были вполне приемлемые представления о диалектном членении удмуртского языка на “северное наречие” (по старой терминологии “глазовский” диалект), “срединное наречие” (“сарапульский” и “малмыжский” диалекты), “южное наречие” (“елабужскимй диалект”) и “крайне-южное наречие” (“казанский” и “уфимский” диалекты) и об основных дифференциальных признаках их как в области фонетики, так и на морфологическом уровне [Борисов 1991: XV–XVIII]. Естественно, он не смог предусмотреть те возможные уточнения в диалектном членении удмуртского языка, которые будут внесены впоследствии в связи с описанием ранее неизученных диалектов. Так, говоря о дальнейшем дроблении “крайне-южного наречия” (по современной терминологии, *периферийно-южного диалекта*) он оперирует лишь “верхне-завятским” (совр. *шошминский*), “нижне-завятским” или “казанским” (совр. *кукморский*) и “закамским” (совр. *буйско-таныпский*) говорами [Борисов 1991: XVIII], поскольку бавлинский, татышлинский, красноуфимский и др. говоры тогда еще не были описаны.

Несмотря на некоторые неточности, множество описок и определенный примитивизм в фиксации фонетических особенностей диалектной лексики, обусловленные его “научно-практической целевой установкой”, «Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь» Т. К. Борисова, наряду с «A votják nyelv szótára» (’Словарем удмуртского языка’) Б. Мункачи [Munkácsi 1896] и «Wotjakischer Wortschatz» (’Удмуртским словарем’) Ю. Вихманна [Wichmann 1987] (материал был собран в конце XIX в.), вплоть до сегодняшних дней является одним из важнейших диалектологических словарей удмуртского языка и пользуется как источник удмуртской лексики непререкаемым авторитетом у специалистов по финно-угорской этимологии. Не случайно он, наравне со «Словарем удмуртского языка» Б. Мункачи [Munkácsi 1896], «Удмуртско-русским словарем» [УРС 1948] и «Русско-удмуртским словарем» [РУС 1956], упоминается в качестве одного из основных источников удмуртской лексики при составлении этимологических словарей финно-угор-

ских языков, напр.: «Краткого этимологического словаря коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева [КЭСК: 341], «Uralisches Etymologisches Wörterbuch» (’Этимологического словаря уральских языков’) К. Редеи [UEW 1986: XXVII] и др.

Учитывая его непреходящую значимость и для современного удмуртского языкознания, «Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь» был переиздан Удмуртским институтом ИЯЛ УрО РАН в 1991 г. тиражом в 500 экземпляров и вновь стал библиографической редкостью.

В заключение следует заметить, что вышеуказанные труды Т. К. Борисова ставят его автора в один ряд с такими российскими исследователями удмуртского языка III периода в истории удмуртской лингвистики (80-е гг. XIX – середина 30-х гг. XX в.), какими являются И. В. Яковлев, А. И. Емельянов, С. П. Жуйков и некоторые другие.

Ф О Т О

2.9. В. И. ЛЫТКИН
(1895–1981)

“В. И. Лыткин ⟨...⟩ в одном лице объединяет крупнейшего представителя классического финно-угорского языкознания и новой, зарождающейся советской финно-угристики” [Основы 1974: 95].

“Среди ведущих представителей советского финно-угроведения после Бубриха следует назвать доктора филологических наук проф. В. И. Лыткина ⟨...⟩ [Хайду 1985: 377].

“Научная деятельность В. И. Лыткина исключительно богата и многогранна. Он написал более 200 научных трудов. Из-под его пера почти одновременно выходили работы по современной и исторической фонетике, лексикологии, морфологии пермских языков, преподаванию языков, взаимодействию языков... В. И. Лыткин свою научную деятельность успешно сочетал с педагогической. Человек большой и щедрой души, он постоянно заботился о росте научных кадров, особенно в финно-угорских регионах” [Жеребцов и др. 1997: 12, 16].

К происхождению суффикса множественного числа *-yos* в удмуртском языке (1931б. – С. 107–111).

Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь (1952. – 175 с.).

К вопросу о вокализме пермских языков (1952. – С. 58–106).

Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам: С обзором диалектов и диалектологическим словарем (1955. – 128 с.).

Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика (1957. – 136 с.).

Понудительный залог в пермских языках (1957. – С. 93–113).

Коми-язьвинский диалект (1961. – 228 с.).

Исторический вокализм пермских языков (1964. – 270 с.).

Краткий этимологический словарь коми языка (1970. – 386 с.) (В соавт. Е. С. Гуляевым).

Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка (1970. – С. 185–188).

Проблема лексического ударения в финно-угорских языках (1970. – С. 245–263).

Лабиализация гласных в пермских и марийском языках (1972. – С. 101–113).

О современном состоянии и задачах удмуртского языкознания (1973. – С. 3–8).

Сравнительная фонетика финно-угорских языков (1974. – С. 108–212.).

Лабиализация общепермского **e* в удмуртском языке (1975. – С. 168–172.

Коми кывлӧн историческӧй морфология (1977. – 86 лб.).

Коми кывлӧн историческӧй лексикология (1979. – 73 лб.).

2.9.1. В. И. Лыткин но удмурт кылосбур*

Табере асьмеос оскыса вераны быгатйськом, удмурт литературной кыл йыг-йыг юнмаз ни шуыса, бӧрысь дасо аръёс ӵоже со сокем узырмиз – одйг радэ султыны быгатйз дуннеысь культурной кылъёсын: та кылын потйзы бадзымесь жанръем трос дасо произведениос (романъёс, повестьёс, поэмаос, пьесаос но мукетъёсыз), пото уно тиражен газетъёс но журналъёс; та кылын вераны луэ самой мур малпанэз, возьматыны луэ самой неж мылкыдъёсыз” [Лыткин 1973: 4–5].

Удмурт кыллэсь азинскемзэ, солэсь узырлыксэ, туала вакытэ кужымзэ но луонлыкъёссэ такем вылй но соин валче ик шонер дунъяны быгатысал сыӵе адями гинэ, кин умой вала вордскем кылмес, ӟеч тодэ удмурт культурамес но мур гажа сое кылдытйсь калыкез. Сыӵе адямиос пӧлысь вал финно-угроведение удысын быдэс дуннелы тодмо коми тодосчи, кылосбур тодосъёсъя доктор, профессор Василий Ильич Лыткин, пӧртэм странаосысь данак тодослыко кенешъёслэн но обществоослэн сйё-дано ёзмуртсы. Василий Ильичлэн кузь но творческой емышъёсын узыр улон сюресэз люконтэм герӟаськемын вал удмурт кылтодонэн, удмурт литератураен но оглом удмурт лулчеберетэн. Ачиз коми тодосчи со сярысь туж огшоры но вылтйяськытэк ивортйз Ижевскын 1970-тй арын, Удмурт автономилы 50 ар тырмонлы сйзем научной конференциын лэсьтэм докладаз:

“Удмурт кыл сярысь та дыр ӵоже гожтэм научной ужъёсыз тодэм сяна, мон тодмо яке тодмо вал ваньмыныз сямен валтйсь удмурт кылосбурчиосын (филологъёсын): кылчиосын, фольклористъёсын но литературоведъёсын. Со сяна, Т. И. Тепляшинаен

* Ныръсетй вариантэз печатламын таӵе изданиын: Молот. – 1977. – 12-тй №. – 54–58-тй б. Та книгаын поттон понна, статья кылыз, стилез но пуштросэз ласянь кӧнялы ке тупатъямын но выльдэмын.

валче ачим но **кöня ке** (пусйи мон. – *В. К.*) пыриськи удмурт кылтодонысь куд-ог ужпумъёсыз эскеронэ” [Лыткин 1973: 3].

“Кöня ке...” Нош ми, удмурт кылосбурчиос, тодйськомы, кудмында дырзэ быдтйз но кöня кужымзэ сётйз Василий Ильич удмурт кылэз дышетонлы, аслэсьтыз ужзэ огшоры гинэ **кöня ке** шуыса дунъян понна! 300-лэсь трос тодослыко ужъёсыз пöлысь ог 50-эз сйземын меӵак удмурт кыллы, яке коми но удмурт кылъёсысь огъя ужпумъёсыз сэрттон-пертчонлы. Нош со 50 уж пöлын – монографиос, вузъёс понна дышетскон книгаос, статьяос. Солэсь нимзэ ӟеч тодо Удмурт кун университетлэн удмурт кылосбур факультетысьтыз студентъёс – угось Василий Ильичлэсь тодослыко исследованиоссэ соос уже куто “Финн-угор филологие пыртон”, “Туала удмурт кыл”, “Удмурт кылэз дышетон история”, “Удмурт диалектология”, “Удмурт ономастика”, “Удмурт кыллэн исторической грамматикаез”, “Перм но финн-угор кылъёсыз ӧошатон грамматика”, “Финн-угор кылъёсыз ӧошатон грамматика” дисциплинаосъя семинаръёслы но практической занятиослы дасяськон дыръязы, удмурт кылъя курсовой но дипломной ужъёс гожъякузы. Коми профессор тодмо но матын ваньмызлы удмурт филологъёслы, малы ке шуоно котькудйз соос пöлысь аслаз научной ужаз одно ик пыкъяськылйз/пыкъяськылэ Василий Ильичлэн трос пумо исследованиосыз вылэ, уно пол пумиськылйз но вераськылйз соин, солэсь визь-кенешъёс басьтылйз. В. И. Лыткинлэн кивалтэмез улсын аспирантураын дышетскизы но кылосбур тодосъёсъя кандидат луизы Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, С. В. Соколов; со ик оппонировать кариз В. М. Вахрушевлэсь, И. В. Таракановлэсь но Ф. К. Ермаковлэсь кандидат диссертацизэс.

Василий Ильич Лыткин асьмемын öвöл ини – кылемын солэн азьвыл Совето Союзын но дуннеысь трос мукет странаосын (Венгриын, Финляндиын, Франциын, Германиын) потэм ужъёсыз, сайкыт тусбуйыз, со сярысь малпанъёс но тодэ ваёнъёс.

Тодэ ваёнъёс ик вутто асьмемыз Усть-Сысольск (али Сыктывкар) дорысен 3 иськемын сылйсь Тентюково коми гуртэ (али дыре Коми Элькунлэн шоркарез пушкы пыремын ини), кытын 1895-тй арын 27-тй толсуре куанер крестьян семьяын вордйськиз

Василий Ильич Лыткин. (Татын чакланы луэ удмурт но перм кылъёсъя тодосчиослэн вордскем дырзыя кылдэм син шоры йӧтымон тунсыко радэз – котькуд вить арскын выль кылчи: 1890 – Д. В. Бубрих, 1895 – В. И. Лыткин, 1900 – П. Н. Перевощиков, 1905 – А. А. Поздеева...)

Кык арес дыръяз кулӥз Василий Ильичлэн атаез, вуоно тодосчилы пичиысен ик ас вылаз чидано луиз куанер крестьянлэсь секыт улон-вылонзэ, шӧмъяно луиз, макем курыт вал со вакытысь ужась адямилэн нюламеныз будэтэм нянь. Но со шудо ик адями вылэм: самодержавие вакытэ сюосын-сюрсъёсын таланто егит адямиос, дышетскыны луонлык сюрымтэен, асьсэлэсь зэмос сюрессэс шедьтыны ӧз быгатэ – дуннелы асьсэды возьматытэк ик улонысь кошконо луизы, нош Лыткинлы ас вакытэз понна ӟеч образование басьтыны удалтӥз. Нырысь со гуртысьтыз кык классъем школаын дышетскиз, собере – Усть-Сысольскысь городской училищеын, 1916-тӥ арын Тотьмаысь учительской семинариез йылпумъяз. Нырысь-валысь эксэй армиын служить кариз, нош бӧрысьгес кияз пыӵалэн уйпал но польской фронтъёсын ожмаськиз, егит Совето властез утён понна. 1921-тӥ арлэн пумысеныз В. И. Лыткин дышетон ужаз берытске, мылысь-кыдысь басьтйське коми кылын выль советской школаез кылдытон борды.

Октябрь революция бере нырысь аръёсысен ик азьвыл зӥбем калыкъёслэн культуразылы азинскыны паськыт сюрес усьтйськиз, соос пӧлысь выль интеллигенцилы будыны луонлык кылдӥз. Коми советской интеллигенцилэн нырысь представительёсыз пӧлы ӵапак пыре В. И. Лыткин но. 1922-тӥ арысен со дышетскиз 1-тӥ Московской университетысь кылосбур факультетлэн ӟуч ёзлюкетаз (отделенияз), 1926-тӥ арысен – финн-угор кылъёсъя аспирантураын. МГУ-ын солы А. М. Селищев, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон но мукет тодмо славистъёс дорын дышетскыны шуд усиз. Егит аспирантлы со вакытэ шуг на ай вал ӟуч но огъя кылтодон удысын басьтэм тодон-валанъёссэ коми кылэз эскерон понна уже кутыны; та ласянь советской финн-угор тодос но бадӟым юрттэт сётыны ӧз быгаты. Соин ик Василий Ильич кема дырлы Финляндие, Германие но Венгрие стажировкае ыстэмын вал – егит Совето республика граждан ож но интервенция бере

сыӧ секытэсь аръёсы но коньдон висъяны быгатйз, национальной кылосбур удысысь тодосчиез кунгож сьӧрын дышетон понна. Кык ар ӧоже со тодмо финно-угроведъёс дорын дышетскиз: Юрьё Вихманн, Юрьё Тойвонен, Йожеф Синнеи, Золтан Гомбоц но мукетъёсыз финн но венгер учёнойёс шырыт кузьмазы солы асьсэлэсь бадзым научной опытсэс но финно-угроведение удысын тодэм-валамъёссэс. Венгриын ик Василий Ильич пумиськылйз, луоз, удмурт культураез эскерись тодмо академик Бернат Мункачиен но перм кылъёсъя бадзым тодосчи Давид Рафаэль Фокош-Фуксэн. Угось ӧапак татын солэн стажировкаез тужгес но пайдаё ортчиз: Лыткин Будапешт университетлэн быдэс курсэз понна экзаменъёссэ экстернэн сётйз.

Кунгож сьӧрысь берытскыса, 1929–33-тй аръёсы В. И. Лыткин МГУ-ын но Коми кун пединститутын доцент луыса ужаз, СССР-ысь ЦИК-лэн Уйпал калыкъёсъя научно-исследовательской институтаз – научной ужась луыса. 1939–48-тй аръёсы со вал доцент, собере (1947-тй арысен) профессор, Оренбургысь пединститутын огъя кылтодонъя но зуч кылъя кафедралэн кивалтйсез; 1948–49-тй аръёсы Московской областной пединститутын зуч кылъя кафедраен кивалтйз, 1949–59-тй аръёсы Рязаньысь пединститутын зуч кылъя кафедралэн кивалтйсез луыса ужаз, огдыре ик СССР-ысь Тодосъёсъя академилэн Кылтодонъя институтысьтыз финн-угор кылъёсъя секторын ужаны кутскиз, нош 1962–1972-тй аръёсы та секторен кивалтйз. 1972-тй арын пенсие потыса, Василий Ильич кема дыр ӧоже та секторын ик ужаз на, СССР-ысь Тодосъёсъя академилэн Коми филиалаз но Сыктывкар кун университетын коми кылъя научной консультант луыса. Кулйз В. И. Лыткин 27-тй гудырикошконэ 1981-тй арын.

Нырысетйзэ научной ужзэ В. И. Лыткин 1921-тй арын «Удж» (’Уж’) нимо элькун газетын поттйз, со «Зырянский литературный язык» шуыса нимаське; нош берпуметйосыз ужъёсыз печатыись 1979-тй арын потэмын. Озьы жыны даурлэсь кема ӧоже тодос удысын ужанназ В. И. Лыткин, кызьы пусъемын вал ини, ог 200-лэсь трос научной исследование поттйз. Пӧртэм ужпумъёслы сйземын соос: перм кылъёслэн графиказылы но орфографизылы,

финн-угор кылъёслэн исторической грамматиказылы но лексикологизылы, коми литературной кыллэн жужан но будон сюресэзлы, коми литературоведенилы но фольклористикалы. Нош тужгес но мыло-кыдо ужаз тодосчи коми но удмурт кылъёслэсь азинскон сюрессэс сэрттон-пертчон бордын. Со сярысь верало солэн удмурт кыллэсь но материалъёссэ кутыса гожтэм нырысетйосыз ужъёсыз но: «Коми числительные» [Лыткин 1924], «К происхождению суффикса множественного числа *-yos* в удмуртском языке» [Лыткин 1931б] но мукетъёсыз. Нош Венгриын стажировкаын дыръяз венгер кылын гожтэм «Az *-s* névszóképzők a permi nyelvekben» (’Перм кылъёсын *с*-о суффиксъёс’) [Lytkin 1927] нимо ужез понна В. И. Лыткин философияя доктор тодослыко степень басьтйз.

Перм кылъёс сярысь бадзым наукае нырысь вамышъёсысеныз ик коми тодосчи туж зеч валаз: коми но удмурт кылъёслэсь историзэс тыро-пыдо но шонер эскерон понна, нырысь-валысь люкано но радъяно та кылъёсысь диалектъёс сярысь тодэтъёсыз (сведениосыз) но вашкала гожъям синпельметъёсыз (памятникъёсыз). Азьланяз ӵапак та кык удысъёслы ик Василий Ильич туж бадзым саклык висъяз.

Коми диалектъёсыз эскерон бордын В. И. Лыткин 20-тй аръёсы ик ужаны кутскиз ини но та удысын данак статьяос поттйз; 40–60-тй аръёсы та уж вылэ выльысен берытскыса кӧня ке бадзымесь исследованиос гожтйз. Одйгезлы туж аспӧртэмлыко коми диалектлы сйзем **«Коми-язьвинский диалект»** [Лыткин 1961а] нимо книгаез туннэ нуналэ но удмурт но коми тодосчиослы адзем карымон луэ, эскерымтэ диалект сярысь исследование гожтон понна. Коми но удмурт диалектъёсъя узыр материал пыртэмын В. И. Лыткинлэн **«Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам: С обзором диалектов и диалектологическим словарем»** [Лыткин 1955] нимо книгаяз. Книгалэн кутсконаз автор туж вакчияк гинэ удмурт но коми кылъёслэсь историзэс сётэ; валэктэ, удмурт но коми кылъёсын, пе, ог 80 процентэз пала кылъёс яке чылкак одйг кадесь, яке туж матынэсь. Та кык ӵыжы-выжы кылъёслэсь матын луэмзэс возьматон понна, Василий Ильич ас вакытаз пичи гинэ текст кылдытйз вал – сое комиос

но удмуртъёс но одйг кадь валало (ударенизэ гинэ комиос нырысетй слоге пукто):

“Ваня, дугды, эн бӧрд! Сьӧрам вайи кампет, сакар, чай, кушман, кык кило сьӧд нянь, ма (палэнысь лымшор удмурт верась-кетъёсын – *му* ’чечы’). *Пуксьы, ю пӧсь чай! Ми пуксим, чай юим”.*

Тодмо тодосчи кылъёсмылэсь ог-огмылы валамон луэмзэс юнматйз на таӵе серемес кылбурен:

Сьӧд сизь, ветлы нюрын!
Бадьпу йылын юсь.
Пипу йылын тури...
Та матын – эн усь.

Валамон ини, та академической книгае таӵе тумошо текстъёс шедьыны ӧз быгатэ, озьы ке но быдэс книгаын бӧрсьысь бӧрсьы артэ пуктыса возьматэмын пӧртэм коми но удмурт диалектъёсысь куэтъёс (текстъёс).

Василий Ильич та книгазэ оглом коми материал вылынгес поттйз, книга но “І люкетэз” шуыса пусъемын. Тодосчи удмурт куэтъёсын кыкетй люкетсэ но лэсьтыны малпа на вал, дыр, нош сыӵе ужпумез со ас дыраз быдэстыны ӧз быгаты: укыр ляб эскеремын на вал удмурт диалектъёс, тросэзъя вераськетъёсъя материалъёс но люкамын ӧй на вал. Соин ик коми тодосчи 40–50-тй аръёсы удмурт диалектъёсыз дышетон борды но басьтйськиз.

Тамара Ивановна Тепляшинаен валче В. И. Лыткин эскериз уйпал удмурт диалектъёсыз Глазов, Юкаменск, Красногорск, Балезино ёросъёсын, вал озьы ик Киров областьысь Круглово черкогуртын. Люкам материалзы вылын соос «Некоторые особенности глазовского диалекта» [Лыткин и др. 1959] нимо статья поттйзы. 50-тй аръёсы ик кӧня ке дыр ӵоже шошма удмуртъёс дорын (кылсярысь, Киров областьысь Малмыж ёросысь Порез гуртын) улйзы но та туж вашкала шӧмъем удмурт диалектъя узыр материал люказы. Ӵошен люкам материалзы вылын Т. И. Тепляшина шошма вераськетлы сйзем пичияк статья [Тепляшина 1961] гожтйз, нош ачиз Василий Ильич соосыз исторической исследованиосаз уже кутйз. 60-тй аръёсы В. И. Лыткин но Т. И. Теп-

ляшина удмурт диалектъёсъя материал люкан программалэсь нырысь вариантсэ лэсьтйзы, бӧрысьгес сое тупатъяса но будэтыса Т. И. Тепляшина «Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах» нимын [Тепляшина 1966] поттйз. Кема дыр ӵоже та программа удмурт аспирантъёслы диалектологияя диссертацизылы материал люканы но Удмурт кун университетлэн удмурт кылосбур факультетысьтыз студентъёслы диалектологияя гуртвыл практикаын ужаны бадзым юрттэт сётйз.

Кыкетй ужпумъя – вашкала коми гожъям синпельметъёс сярысь – Лыткин 20–30-тй но 40-тй аръёсы ог дасо мында статьяос поттйз, кылсярысь: «О коми литературе: Древнепермская письменность» [Лыткин 1926], «К истории коми письменности» но «О говоре древнекоми письмен» [Лыткин 1931; 1931а], «Древнекоми тексты» [Лыткин 1932], «Происхождение древнепермской азбуки» [Лыткин 1948] но мукет. Та статьяосын XIV даурлэн кыкетй жыныяз кылдытэм коми гожъяськет сярысь вераськон мынэ. 24 букваем вашкала коми азбукаез 1375-тй ар котырын Стефан Храп (бӧрысь нимамын вал Пермский шуыса) кылдытйз, вашкала грек, славян букваослэсь но куд-ог коми пасъёслэсь (“пусъёслэсь”) вылтуссэс лыдэ басьтыса. 1379-тй арын Стефан коми шаере, отын христианствоез вӧлмытон понна ыстэмын вал. Усть-Вымь черкогуртэ интыяськыса, Стефан вашкала коми кылэ данак христианской книгаосыз берыктэ, священникъёсты но монахъёсыз коми кылын чирдыны но черкын служба нуыны дышетэ. Стефан Пермский кулэм бере (1396-тй арын), сое воштйсь епископъёс коми кылэз тодымтэен, вашкала коми кыл черк службаысь пумен кошке, вуныны но ышыны кутско аспӧртэмлыко букваосын гожтэм вашкала текстъёс но книгаос. XX даурозь кӧня ке пичиесь гожтэмъёс гинэ возиськизы. Сыӵе луэ вашкала коми гожъяськетлэн (письменностьлэн) туж вакчияк дырсюресэз (историез).

Тодмотэм куарапусъёсын гожтэм вашкала коми куэтъёсыз лыдзон борды басьтйськылйзы вал ини Василий Ильичлэсь азьло ик тодмо тодосчиос, соос пӧлын Г. С. Лыткин, кылосбур тодосъёсъя доктор А. С. Сидоров но мукетъёсыз. Нош та ужез пумозяз

быдэстыны кужымез но тодон-валанэз тырмиз огъя фонетика удысын ӟеч дасям тодосчилэн но коми кыллэн историезъя тодмо специалистлэн В. И. Лыткинлэн гинэ.

Та удысын Василий Ильич «Древнепермская графика» темая 1943-тӥ арын кандидат диссертация утиз, нош куинь ар ортчыса – 1946-тӥ арын – «Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков» темая ужез понна солы кылосбур тодосъёсъя доктор учёной степень сётэмын. Ас вакытаз со бадӟым событие вал: егит советской финно-угроведенилы туж кулэ вал вылӥ квалификациё специалистъёс. Бӧрысьгес докторской диссертациезлэсь инъетсэ СССР-ысь Тодосъёсъя академилэн издательствояз печатласа нимысьтыз книгаен поттӥз – **«Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь»** [Лыткин 1952] нимын. Та монография удмурт но коми кылъёслэсь историзэс дышетонын бадӟым вамыш луиз, соин ик со вылӥ дунъет басьтӥз кызьы ке асьме странаын, озьы ик кунгож сьӧрын но (Венгриын, Финляндиын, Францыын, Англиын). Удмурт профессор П. Н. Перевощиков 1954-тӥ арын та книга сярысь гожтӥз: “Книгалэн авторезлы удалтӥз быдэсак сямен восстановить карыны нимъёслэсь падежъя вошъяськон сӧзнэтсэс (системазэс), притяжательной суффиксъёс кутон амалзэс, глаголъёслэсь вошъяськон сӧзнэтсэс. Тунсыкоесь луо авторлэн грамматикаысь куд-ог пичиесь ужпумъёс сярысь чакламъёсыз но...” [Перевощиков 1954: 236]. Нош Б. А. Серебренников книгалэн азькылаз пусъе: “Та уже шедем материалъёс, соосыз туала коми, коми-пермяк но удмурт кылъёслэн диалектъёссы сярысь конкретной исследованиосын ватсано но мукет финн-угор кылъёслэн историысьтызы фактъёсын узырмытоно ке, азьланяз коми но удмурт кылъёслэсь исторической грамматиказэс но озьы ик финн-угор кылъёслэсь огъя сравнительно-исторической грамматиказэс кылдытонлы оскымон инъет луыны быгатозы” [Серебренников 1952: 7].

Финно-угроведениысь академиклэсь та кылъёссэ Василий Ильич ачиз ик уж вылын туж умой быдэстӥз 50–60-тӥ аръёсы гожтэм трос исследованиосаз: «К вопросу о вокализме пермских языков» [Лыткин 1952а], «Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика» [Лыткин 1957], «Некоторые вопросы

вокализма финно-угорских языков» [Лыткин 1962а], «Исторический вокализм пермских языков» [Лыткин 1964], «Вопросы акцентуации пермских языков» но «Проблема лексического ударения в финно-угорских языках» [Лыткин 1965; 1970в], «К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках» [Лыткин 1968], «Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках» [Лыткин 1968б], «Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка» [Лыткин 1970г], «Лабиализация гласных в пермских и марийских языках» [Лыткин 1972а], «Лабиализация общепермского **e* в удмуртском языке» [Лыткин 1975а], «Коми кывлӧн историческӧй морфология» [Лыткин 1977а] но трос мукет. Та выллем ужъёсаз В. И. Лыткин, удмурт, коми но музон финн-угор кылъёсысь материалъёсыз уже кутыса, пырпоч эскере нырысетӥ слогысь вашкала финн-угор гласной куараослэсь историзэс но исторической морфологиысь куд-ог ужпумъёсыз.

60-тӥ аръёслэн шорысенызы тодосчи финн-угор кылъёсысь нырысьтэм слогъёсысь гласнойёслэсь кутӥськон катрадлыксэс (закономерностьсэс) эскерыны кутскиз. «Некоторые вопросы вокализма непервого слога финно-угорских языков» [Лыткин 1965а], «Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков» [Лыткин 1968в], «К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка» [Лыткин 1968г], «Об огласовке *s*-овых словообразовательных суффиксов существительных в пермских языках» [Лыткин 1969а], «Об огласовке некоторых девербальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков» [Лыткин 1970а] но мукет статьяосаз Василий Ильич пӧртэм финн-угор кылъёслэн материалъёссы вылын оскымон валэктӥз, вашкала финн-угор дӥнькылысь нырысьтэм слогъёсын сюбег **e* но паськыт **a*/**ä* гласнойёс гинэ кутӥськыны быгато вылэм шуыса. Гласнойёсыз кутон удысын таӵе вашкала финн-угор аспӧртэмлыклэн пытьыосыз, В. И. Лыткинлэн чакламезъя, удмурт кылын но возиськем, кылсярысь, асъян суффиксъёсын. Кема дыр ӵоже тодосчиос йӧнала валэктыны ӧз быгатэ вал, малы удмурт кылын одйгъёсаз учыръёсы одйг лыдысь асъян суффиксъёс кутӥсько *ы* гласноен (кылсярысь: *пыд-**ы***, *нылы-**ы**д*, *ки-**ы**з*), нош му-

кетъёсаз учыръёсы – э (орфография сямен куддыръя *е*) гласноен (кылсярысь: *пи-**е***, *вал-**э**д*, *воз-**е**з*). Финно-угроведъёслэн III калык-куспо конгрессы дыръя Таллиннын лыдзём «О вокализме неперв-ых слогов финно-угорских языков» [Лыткин 1970б] нимо докладаз Василий Ильич узыр примеръёс вылын туж валамон возьматйз: удмурт кылысь асъян итэтъёсын *ы* гласной куара кутйськe, пе, вашкала финн-угор сюбег *-*е* интые, нош э куара – вашкала паськыт *-*а*/*-*ӓ* интые.

1974-тй арын “Наука” издательство **«Основы финно-угорского языкознания»** нимо куинь томъем коллективной исследованилэсь нырысетй книгазэ [Основы 1974] поттйз. Та ужез бы-дэс редактировать кариз но бадзымос люкетсэ – «Общие сведения о финно-угорских языках» (18–28-тй б.) но «Сравнительная фонетика финно-угорских языков» (108–213-тй б.) – гожтйз ачиз В. И. Лыткин. Татын Василий Ильич огъяса сётйз финн-угор кылъёслэн исторической фонетиказы сярысь трос дасо аръёс ӧоже тыршемъёссэ но малпамъёссэ. Та книга нырысь ик тодосчиос понна гожтэмын ке но, “Финн-угор кылъёсыз ӧошатон грамматика” курсъя дышетскон книга луэ. Со бордын бадзым заслугаез одйгезлэн авторезлэн но редакторезлэн: Василий Ильич быгатэ вал угось наукаысь туж секыт ужпумъёс сярысь но валамон, лыдзись доры капчиен вуымон карыса гожъяны.

Коми профессор озьы ик коми но удмурт лексикалэсь кылдон но азинскон сюрессэс, лексика удысысь перм кылъёслэсь мукет бускель кылъёсын кусып воземзэс эскерон бордын но пайдалыко ужаз. Та ласянь адзем карымонэсь луо солэн, кылсярысь, таче ужъёсыз: «О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках» [Лыткин 1951], «Из истории словарного состава пермских языков» [Лыткин 1953], «Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками» [Лыткин 1955а], «О древнетюркских элементах в лексике пермских языков» [Лыткин 1967], «Пермско-иранские языковые контакты» [Лыткин 1975в] но трос музон. Та выллем статьяосаз В. И. Лыткин, азьвыл тодмо этимологиосыз радъяса сётэм сяна, трос выль кылъёслэсь кылдэмзэс сэрттэ-пертче. Нимаз кылъёслэн этимологизылы сйзьыса, со пӧртэм журналъёсын но бичетъёсын «Этимо-

логии из пермских языков» выллем нимын быдэс сериен пичиесь статьяос поттйз на. Коми но удмурт кыллэн исторической лексикологиезъя трос дасо аръёс ӧоже чакламъёссэ но малпамъёссэ Василий Ильич огъяны быгатйз кык бадзымесь изданиосын: «Краткий этимологический словарь коми языка» (М., 1970) [КЭСК] но «Коми кывлӧн историческӧй лексикология» [Лыткин 1979] книгаосын. Нырысетйез книга (со Е. С. Гуляевен валче гожтэмын) тужгес но кулэ луэ удмурт кыллэн исторической лексикологиез понна но, малы ке шуоно татын авторъёс ог 1750 пала удмурт кыллэсь но кылдэмзэс но азинскемзэс сэрттйзы-пертчизы (пыр-почгес – [Кельмаков и др. 1973] – рецензиысь учкыны луоз).

Перм кылъёслэсь историзэс эскеремен валче В. И. Лыткин удмурт но коми кылъёслэсь нормативной научной грамматикаоссэс кылдытонлы но бадзым саклык висъяз. Василий Ильичлэн авторствоеныз но солэн кивалтэмез улсын «Современный коми язык. Ч. I: Фонетика, лексика, морфология» [СКЯ 1955] но «Коми-пермяцкий язык» [КПЯ 1962] книгаос поттэмын; Т. И. Тепляшинаен ӧош В. И. Лыткин удмурт научной грамматикалэсь «Фонетика» люкетсэ [ГСУЯ 1962: 7–55] гожтйз.

В. И. Лыткинлэн кылдытослыкез тырмыт возьматэмын ӧй луысал, солэсь коми литератураез азинтон бордын ужамзэ ӧм ке пусйысалмы. Быдэс дуннелы тодмо филолог-тодосчиез аслаз вордскем элькуназ кылбурчи шуыса но тодо на. Илля Вась – Комиысь одйгез мӧйы писатель, коми советской литератураез кылдытйсьёс пӧлысь одйгез. Со революцилэсь азыло ик ини гожъяны кутскиз, 1929-тй арын солэн нырысетй сборникез потйз – «Кывбуръяс». Бӧрысь аръёсы но ӵем потазы кылбурчилэн турлы книгаосыз – кылбур бичетъёсыз, нылпиослы кылбурен гожтэм выжыкылъёсыз. Коми кылэз усто тодйсь кылбурчи-тодосчи, Илля Вась вордскем кылаз А. Пушкинлэсь, Д. Бедныйлэсь, В. Маяковскийлэсь, С. Есенинлэсь, С. Маршаклэсь, К. Чуковскийлэсь, венгер кылбурчи Ш. Петефилэсь трос произведениоссэс берыктйз. Солэн берыктэмъёсыз пыр коми калык ас кылыныз тодматскыны быгатйз К. Гердлэн, Ашальчи Окилэн, М. Петровлэн самой усто кылбуръёсынызы. А. Клабуковлэн «Тютю Макси» нылпи поэмаез

вылэ пыкиськыса, коми кылбурчи «Ичӧтiк Максим» (’Пичи Максим’) поэмазэ кылдытйз. Ассэ *кывбур* кылэз но коми литературной кылэ, удмурт кылысь асэстыса но коми кыллэн фонетикаезлы тупатыса, Илля Вась пыртйз.

Василий Ильич Лыткинлэн наука, искусство удысын но дышетон ужын тыршыса ужамез вылӥ дунъямын: солы сётэмын РСФСР-ысь наукая но культурая сйё-дано ужась, Коми АССР-ысь И. А. Куратов нимо государственной премилэн лауреатэз дано нимъёс; нош вордскемез дырысен 80 арес тырмонэзлы вылӥ награда – Калыкъёслэн эшъяськонзы орден – сётэмын.

Уг вунэто Василий Ильичлэсь нимзэ но ужъёссэ кызьы ке асьме элькунын, озьы ик Комиын но. Солэн ужъёсыз университетысь дышетскон программаосы пыртэмын, юбилейёсыз дыръя асьме элькунысьтымы периодика солы сйзем статьяос, нош куд-ог дыръя – солэсь удмурт кылэ берыктэм чеберлыко гожтосъёссэ печатла. 1985-тӥ арын УдГУ-лэн кылосбур факультетысьтыз экзаменационной кун комиссия вылӥ дунъет сётйз В. П. Афанасьевалэн «В. И. Лыткин как исследователь удмуртского языка» нимо диплом ужезлы. Нош Коми республикаын 1986-тӥ арын, тулыспал толэзе, тодосчилэн вордскем дырысеныз 90 ар тырмонлы сйзьыса нырысетйез «Лыткинской лыдӟон» ортчытэмын вал. Солэн ужаз удмурт тодосчиос но пыриськизы.

2.9.2. В. И. Лыткин как исследователь истории пермских языков*

Профессор Василий Ильич Лыткин – Заслуженный деятель науки и культуры Российской Федерации, Заслуженный деятель науки и техники Коми Республики, кавалер ордена Дружбы народов, член ряда зарубежных научных и ученых советов и обществ, в их числе Финно-угорского общества (Финляндия), редколлегии журнала «Ural-Altaische Jahrbücher» (Германия) и т. д. – получил известность в мировой финно-угристике в первую очередь как

* Пермистика 5: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 9–28.

крупнейший специалист в области пермского языкознания. Изданные им монографии, учебники и учебные пособия для вузов, серия многочисленных статей, рецензии на труды своих коллег финно-угроведов вошли в золотой фонд коми и удмуртского языкознания наряду с публикациями по пермистике таких общепризнанных финно-угроведов, как Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Д. Р. Фокош-Фукс, Т. Э. Уотила, Э. Итконен, Б. А. Серебренников, Г. Стипа, М. Кёвеши, К. Редеи, Р. Бартенс, Ш. Чуч и др.

Будучи коми по национальности, В. И. Лыткин писал, естественно, в первую очередь о коми языке, однако его творческая деятельность и научное наследие по ряду причин имеют большое значение и для удмуртской лингвистики:

во-первых, из более чем 300 своих научных публикаций свыше 50 В. И. Лыткин посвятил непосредственно удмуртскому языку (ср., напр.: «Некоторые особенности глазовского диалекта» [Лыткин и др. 1959], «Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка» [Лыткин 1970г], «О современном состоянии и задачах удмуртского языкознания» [Лыткин 1973], «Лабиализация общепермского *е* в удмуртском языке» [Лыткин 1975а] и др.) или общепермским проблемам (таковых значительно больше), одинаково актуальным как для коми, так и для удмуртского языковедения;

во-вторых, в абсолютном большинстве его исследований общефинно-угорского направления, наряду с коми и другими материалами, обильно привлечены также и факты удмуртского языка;

в-третьих, В. И. Лыткин оказал огромную помощь в воспитании кадров удмуртской филологии – и как научный руководитель аспирантов (под его руководством написали или завершили свои кандидатские диссертации Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, С. В. Соколов); и как оппонент кандидатских и докторских диссертаций удмуртских ученых (П. Н. Перевощикова, В. М. Вахрушева, Ф. К. Ермакова, И. В. Тараканова); и как умный и взыскательный редактор фундаментальных исследований удмуртских ученых, и доброжелательный консультант и советчик во многих начинаниях в области удмуртской филологии.

Исключительно многообразна и обширна тематика его научных исследований. Им разрабатывались вопросы коми литературного языка и диалектологии, языковые контакты и история отдельных суффиксов, проблемы исторической фонетики и диалектологии русского языка и этимологии отдельных слов, нормативная грамматика пермских языков и вопросы ономастики, древнекоми письменность и вопросы научной транскрипции пермских языков, проблемы развития и совершенствования литературных языков пермских языков и многое другое. Но одна проблематика является, на мой взгляд, ведущей – стержневой – в его научной деятельности, которой он остался верен всю свою долгую творческую жизнь – это история пермских языков на всех уровнях его системы: фонетическом, лексическом и грамматическом (преимущественно морфологическом). Хотя все его исследования имеют, естественно, высокую самостоятельную значимость, однако, создается впечатление, что для них присущ еще “второй план” – некая подчиненность вышеназванному ведущему направлению его лингвистического творчества, в связи с чем значимость каждого отдельно взятого его труда существенно повышается. Сказанное относится, в первую очередь, к его исследованиям в области диалектологии коми и удмуртского языков, с одной стороны, и древнепермской письменности – с другой. Не случайно разработка основных источников изучения истории языка – диалектов и древних письменных памятников – в творчестве В. И. Лыткина в основном предшествовала написанию им классических трудов по истории пермских языков.

К изучению коми диалектов В. И. Лыткин приступил еще в конце 20-х гг., а в начале 30-х появились уже его первые работы. Некоторые из них имели исключительно важное значение для будущих его исторических штудий, напр.: «Диалект Кобры» [Лыткин 1930], «Некоторые фонетические особенности ижемского говора» [Лыткин 1930б], «Краткий обзор диалектов коми языка» [Лыткин 1930а] и др. Позднее им были опубликованы два отдельных труда – **«Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам: С обзором диалектов и диалектологическим слова-**

рем» [Лыткин 1955] и «Коми-язьвинский диалект» [Лыткин 1961а].

Первая книга, включающая помимо теоретического введения («Пермские языки и их диалекты» – с. 5–36) и (в качестве приложения) коми диалектологического словаря с отдельными параллелями из удмуртского и финского языков («Материалы к коми диалектологическому словарю» – с. 89–127) также и диалектные тексты преимущественно по коми языкам («Коми-пермяцкие говоры» – с. 37–53; «Коми-язьвинские говоры» – с. 54–60; «Коми-зырянские говоры» – с. 61–80), предназначалась для студентов "при изучении курса коми диалектологии и при сопоставительном изучении пермских языков" [Лыткин 1955: 3]. Что же касается удмуртского диалектного языка, то он представлен лишь 1–2 текстами по "глазовскому", "малмыжскому", "елабужскому", "малмыжско-уржумскому" и "уфимскому" говорам (с. 81–84), извлеченными из «Удмуртской хрестоматии со словарем» Ю. Вихманна [Wichmann 1901a]. Непропорционально слабая репрезентация удмуртских диалектов в данной хрестоматии "по пермским языкам" находит объяснение в том, что: во-первых, к моменту составления рассматриваемой книги удмуртская диалектология еще не располагала достаточным количеством записанных и/или опубликованных текстов, равномерно представлявших все удмуртские говоры (по крайней мере, большинство из них), и, во-вторых, В. И. Лыткин, по-видимому, предполагал посвятить удмуртскому языку отдельный – второй – выпуск в этом сериале: не случайно «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам" имеет помету "Часть 1». К сожалению, этот замысел ни при жизни В. И. Лыткина, ни в более позднее время, когда в распоряжении удмуртских диалектологов уже имеется значительный корпус опубликованных и неопубликованных диалектных текстов, не получил осуществления.

Вторая книга – **«Коми-язьвинский диалект»**, имеющая весьма стройную и целесообразную композицию и написанная простым языком (как умел писать Василий Ильич порою о весьма непростых вещах!), стала образцом для составления монографических исследований подобного характера по диалектам перм-

ских языков. Сам же диалект, сохранивший в своей системе весьма архаичные элементы и явления, стал впоследствии одним из ключевых при реконструкции фонетических особенностей прапермского языка-основы и общекоми состояния.

Что касается удмуртских диалектов, то их изучением в 30–40-е гг. никто из языковедов всерьез не занимался (несколько подробнее см. [Кельмаков 1992а: 27–28]), а старые фольклорно-диалектологические и лексические материалы, записанные и изданные в конце прошлого и начале нашего века Б. Гавриловым [Гавриловъ 1880], Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886; 1896], Б. Мункачи [Munkácsi 1887; 1896], Ю. Вихманном [Wichmann 1893; 1901; 1901a], Б. Мункачи и Р. Лахом [Lach 1926: 1–99] и др., были, разумеется, явно недостаточны для использования их В. И. Лыткиным в его лингвоисторических штудиях. Поэтому коми ученый сам взялся в 50-е гг. за исследование ключевых, по его мнению, говоров удмуртского языка. Им совместно с Т. И. Тепляшиной были обследованы кругловский и глазовский диалекты северного наречия и шошминский говор периферийно-южного диалекта (южное наречие); причем по некоторым из них были впоследствии опубликованы специальные исследования (см. выше: [Лыткин и др. 1959; Тепляшина 1961]). Кроме того, он участвовал в составлении первого варианта программы по собиранию материалов по удмуртским диалектам, которая позднее была существенно переработана и издана Т. И. Тепляшиной [1966].

К изучению второго важнейшего источника истории пермских языков – языковой системы древнепермской письменности – В. И. Лыткин также приступил еще в 20-е гг., ср., напр., его работы: «О коми литературе: Древнепермская письменность» [Лыткин 1926], «К истории коми письменности» [Лыткин 1931], «Происхождение древнепермской азбуки» [Лыткин 1948] и т. д. В 1943 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Древнепермская графика», а через три года – докторская на тему «Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков». На основе последней В. И. Лыткин издал в 1952 г. монографию **«Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь»** [Лыткин 1952], ставшую существенной вехой в разра-

ботке исторической грамматики пермских языков, поскольку в данной работе, как можно догадаться из замечаний Б. А. Серебренникова [1952: 7], произведено научно достоверное описание промежуточного этапа между реконструированным прапермским языковым состоянием и современными удмуртским и коми языками. В своей рецензии на эту книгу П. Н. Перевощиков [1954: 226] писал: “В. И. Лыткин прекрасно использовал свои богатые знания диалектов коми языка, знания удмуртского языка в целях восстановления на основе сравнительно-исторического метода трудных мест текстов, сочетаний слов и грамматических форм древнепермского языка”. Далее он соглашается с Б. А. Серебренниковым [1952: 7] в том, что “материалы, содержащиеся в этой работе, будучи дополнены конкретными исследованиями диалектов современного коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков, могут послужить прочной базой для создания в будущем исторической грамматики коми языка и удмуртского языка, а также общей сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков” [Перевощиков 1954: 227].

1. Б. А. Серебренников и П. Н. Перевощиков, несомненно, оказались правы: на основе предварительной разработки важнейших источников истории языка – древних письменных памятников и современных диалектов с привлечением материалов родственных языков и др. – В. И. Лыткину удалось в дальнейшем создать серию исследований по исторической фонетике пермских языков. К ним в частности относятся следующие книги: **«Историческая грамматика коми языка. Часть I: Введение. Фонетика»** [Лыткин 1957] и «Исторический вокализм пермских языков» [Лыткин 1964].

Первая книга содержит системное изложение материала обо всех основных фонетических процессах, имевших место в прошлом и служивших формированию парадигматических и синтагматических особенностей фонетического строя современного коми языка; причем эти процессы и явления разделены В. И. Лыткиным на две группы: 1) “древнейшие фонетические изменения” (с. 66–93), т. е. фонетические изменения общепермского периода и 2) “звуковые изменения более позднего времени” (с. 94–124), т. е. собственно коми фонетические процессы.

В данной работе коми профессор в сжатой и доступной для студентов форме обобщил как свои собственные наблюдения, так и достижения своих коллег – предшественников и современников. К анализу отдельных проблематичных явлений он еще вернется и попытается разрешить их позднее более детально с привлечением дополнительного материала по пермским языкам или на широком финно-угорском фоне: в частности, сужения и спорадической лабиализации широких неогубленных гласных первого слога финно-угорской непроизводной основы – в статье «Лабиализация гласных в пермских и марийском языках» [Лыткин 1972а]; см. еще [Лыткин 1975а]); озвончение глухих финно-угорских согласных в начале слова – в работе «К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках» [Лыткин 1968] и др.

Книга «Историческая грамматика коми языка...» является учебным пособием не только для коми студентов, но и для удмуртских, а именно в той ее части, которая посвящена развитию фонетической системы коми (и удмуртского) языков в общепермский период (с. 66–93).

Вторая книга – монография **«Исторический вокализм пермских языков»** [Лыткин 1964] – является одним из центральных исследований коми профессора не только в области исторической фонетики, но и во всем его научном творчестве. На основе огромного количества этимологических параллелей, составленных с использованием как литературных, так и диалектных форм удмуртского, коми и других финно-угорских языков, ученый производит реконструкцию вокализма первого слога прапермского языка и прослеживает развитие отдельных фонем в современных пермских языках и их диалектах (с. 26–233); предлагает свою собственную версию о характере финно-угорского словесного ударения и развитии его в пермских языках (с. 235–243). При этом наибольший упор он делает на такие ключевые, по его мнению, коми диалекты, как верхнесысольский, коми-язьвинский и др., и в значительно меньшей степени опирается на данные удмуртского языка в совокупности его диалектов, что, естественно, не могло не сказаться на научной достоверности его теоретических построений.

Возможно, с этим связана небесспорность отдельных идей и гипотез, высказанных им в этой книге и в некоторых других исследованиях. В частности, вызывает определенные сомнения реконструированная им прапермская система вокализма первого слога, включающая в себя 14 гласных фонем (*a, *ε, *ϱ, *$\underset{\cdot}{\varrho}$, *$\underset{\cdot}{\varepsilon}$, *$\underset{\cdot}{\varepsilon}$, *$\dot{o}$, *$\underset{\cdot}{\dot{o}}$, *$\ddot{o}$, *$\underset{\cdot}{\ddot{o}}$, *$\dot{u}$, *$i$, *$u$, *$\ddot{u}$ [Лыткин 1964: 231–233]), среди которых 9 огубленных (для справки: у Э. Итконена [Itkonen 1954: 332] всего 11 прапермских гласных фонем и среди них 5 огубленных):

во-первых, маловероятно наличие столь большого числа гласных фонем в системе, не знающей гармонии гласных (считается, что прафинно-угорская палатальная гармония гласных в прапермский период была утрачена);

во-вторых, типологически едва ли представимо реальное существование вокалической системы с 9 огубленными гласными фонемами: *ϱ, *$\underset{\cdot}{\varrho}$, *$\dot{o}$, *$\underset{\cdot}{\dot{o}}$, *$\ddot{o}$, *$\underset{\cdot}{\ddot{o}}$, *$\dot{u}$, *$u$, *$\ddot{u}$; к тому же в одной из более поздних работ он постулирует для прапермского языка еще и десятую (!) огубленную гласную фонему – *ε° (пятнадцатую фонологическую единицу в системе) [Лыткин 1972а: 102];

в-третьих, с трудом воспринимается также и постулат о том, что в финно-угорском праязыке вообще отсутствовало фиксированное на каком бы то ни было слоге словесное ударение [Лыткин 1964: 234], неоднократно повторяемый им и в последующих исследованиях на эту тему (ср., напр.: [Лыткин 1965; 1970в; 1974: 212–213] и др.).

Однако даже ошибки и заблуждения пытливого ученого значимы, ибо они побуждают мысль на поиски типологически и исторически более приемлемых решений. К тому же и сам В. И. Лыткин не делал догмы из своих гипотез, положений и теорий. Под давлением свежих фактов и/или при новом ракурсе размышлений над проблемой он мог отказаться от своих прежних предположений в пользу новой – собственной или чужой – гипотезы. Так, например, для объяснения причины сужения и спорадической лабиализации широких неогубленных финно-угорских гласных первого слога в прапермский период он в разное время выдвинул три совершенно различные, сменяющие друг друга теории, при этом

порою сам же отмечал слабые стороны своей предшествующей гипотезы:

1) “компенсационная”, т. е. в ответ на отпадение конечного гласного основы произошло “компенсационное удлинение” гласного первого слога с последующим сужением (и частичной лабиализацией) его [Лыткин 1952а: 61–63; 1957: 82];

2) “субстратная” – сужение гласного первого слога произошло под влиянием языка-субстрата, ассимилированного “диалектами финно-угорского праязыка”, которые легли впоследствии в основу пермских и частично марийского языков [Лыткин 1964: 219–220]. “Влияние языка-субстрата на прамарийцев и прапермян, занимавших смежную территорию, конечно, было возможно. Однако, очень трудно объяснить, почему в одних словах наблюдается лабиализация, а в других ее нет” [Лыткин 1972а: 103];

3) “ассимиляционная”, т. е. под влиянием последующих твердых согласных, предположительно имевших в прапермский период огубленный характер [Лыткин 1972а: 112].

Кстати, о последней гипотезе. Она, как известно, типологически была воспринята В. И. Лыткиным из исторической русистики, где фонетический переход *е* > *о*, имевший место в древнерусском языке, специалисты связывают с ассимилятивным воздействием последующих твердых согласных (“основным фонетическим положением, в котором в русском языке осуществлялось изменение *е* в *о*, является положение перед твердым согласным”, ср.: *н'есу́ – н'ос*, *вес'е́лье – вес'о́лый*, *с'ело́ – с'о́ла* и др. [Иванов 1964: 190]), которые в древнерусском языке, находясь в положении перед гласными непереднего ряда (особенно перед *о*, *у*, в меньшей степени перед *а*, *ъ*, частично – перед *ы*), имели, по терминологии А. А. Шахматова [Шахматовъ 1915: 133–135], лабиовеляризованное произношение (типа: *л'эд°ъ*, *с'эл°о́*, *н'эс°у́* и пр.), сохранившееся в отдельных севернорусских говорах до недавнего времени [Черных 1962: 94; Иванов 1964: 190]. В связи с этим Василий Ильич пишет: “Может быть, так же обстояло дело в прамарийском и прапермском языках, т. е. твердые согласные в отличие от мягких тоже были огубленными и оказали лабиализующее влияние на предшествующие гласные? ... Фактиче-

ский материал... как будто бы не противоречит этому положению: дано там около ста примеров на лабиализацию гласных, стоящих перед твердым согласным, и более двух десятков слов на отсутствие лабиализации гласных, стоящих перед мягким согласным...” [Лыткин 1972а: 112–113].

Аналогичным образом этот же тезис о лабиализирующем воздействии огубленных твердых согласных использует В. И. Лыткин и при объяснении фонетического соответствия удм. *о* ~ к. *э* (< прап. **е*): “в этом (удмуртском – *В. К.*) языке, по-видимому, лабиализованные твердые согласные сохранялись дольше, чем в других пермских языках, и продолжали влиять на предшествующий иллабиальный гласный (в данном случае *е*) лабиализующе” [Лыткин 1972а: 112–113].

Однако при всей привлекательности и данная гипотеза (как и две предыдущие) имеет слабые стороны: во-первых, трудно представить себе твердые лабиализованные согласные прапермского (даже праудмуртского) и прамарийского языков, которые еще относительно недавно оказывали огубляющее воздействие на предшествующие неогубленные гласные (в удмуртском – на *е*), но тем не менее не сохранились ни в одном из – даже самых архаичных – диалектов пермских и марийского языков; во-вторых, невозможно объяснить волнообразный, хронологически выжидательный, характер лабиализующего воздействия гипотетических огубленных согласных на предшествующие гласные: вначале в “раннеобщепермский” (возможно, допермский) период [Лыткин 1972а: 109], а затем, спустя тысячелетия, в ранний праудмуртский период – именно к этому времени (приблизительно к XIV–XV вв.) отнесено мною возникновение вторичного *о* из неогубленного **ҽ* (по Лыткину – из прап. **е*) [Кельмаков 1978: 37].

По всей вероятности, необходимо искать иные пути, чтобы удовлетворительно объяснить явление сужения и спорадической лабиализации широких финно-угорских гласных первого слога основы в пермских языках, и творческие искания В. И. Лыткина окажутся в данном случае весьма полезными для его коллег, учеников и последователей.

Еще одна гипотеза, высказанная В. И. Лыткиным в книге «Исторический вокализм пермских языков», не получила подтверждения, но тем не менее спровоцировала исследователя к поискам других путей решения намеченной проблемы. Речь идет о междиалектной корреспонденции *и* // *į* в пределах первого слога (ср.: *šudįnį* // *šįdįnį* ’играть’, *uno* // *įno* ’много’, *kuno* // *kįno* ’гость’, *muńo* // *mįńo* ’кукла’ и др.), широко представленной в удмуртском языке. По мнению В. И. Лыткина, “в этих словах *į* развилось из *и* в силу редукции (потери лабиализации) в безударном положении” [Лыткин 1964: 21]. Однако определенные разряды слов находятся в явном противоречии с данным положением: это, во-первых, односложные слова, содержащие ту же самую междиалектную корреспонденцию *и* // *į* и в силу особенностей своей фонетической структуры не способные иметь ударения (*kus* // *kįs* ’поясница, талия’, *kur* // *kįr* ’луб(ок)’, *pul* // *pįl* ’доска, тес’ и др.); во-вторых, многосложные слова с гласным *и* в первом слоге, который все же сохраняется во всех диалектах, т. е. не вступает в междиалектную корреспонденцию с *į* (*kutįnį* ’держать; поймать, схватить’, *ulįnį* ’жить, проживать’, *turįn* ’трава, сено’ и т. д.) и др. Дальнейшие размышления над этими фактами с учетом материалов и других архаичных диалектов (в частности, в результате дополнения междиалектной корреспонденции *и* // *į* третьим членом – *ӥ*, встречающимся с некоторыми перебоями в периферийно-южных говорах, ср.: *nunal* // *nįnal* // бавл., татш. *nӥnal*, шошм. *nӥnoų*, кукм. *nə̑nal* ’день’; *punį* // *pįnį* // бавл. *pӥnî*, шошм. *pӥnį*, татш. *pӥnə*, кукм. *pə̑nə̑* ’собака’; *zundes* // *zįndes* // бавл., шошм. *zӥndes*, кукм. *zundes* ~ *zӥndes*, татш. *zə̑ndes* ’перстень’ и др.) привели в конечном счете к постулированию на основе рассматриваемой междиалектной корреспонденции гласных *и* // *į* // *ӥ* праудмуртской гласной фонемы **ӥ* [Кельмаков 1975б: 98].

Начиная с середины 60-х гг. разработка проблем исторической фонетики пермских языков развивается В. И. Лыткиным в двух направлениях.

С одной стороны, на основе расширенных данных по пермским диалектам уточняются и конкретизируются те положения, которые в более сжатой форме были изложены уже в предше-

ствующих его работах, в частности, в книге «Исторический вокализм пермских языков». К исследованиям данного круга можно было бы отнести, например, такие статьи, как: «Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках» [Лыткин 1968б], «Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков» [Лыткин 1973а], «Отражение закрытого *ǫ и открытого *ǫ̇ пермских языков в словах, заимствованных из этих языков в другие» [Лыткин 1975б], «К вопросу о происхождении прапермского *ȯ» [Лыткин 1975], «Лабиализация общепермского *e в удмуртском языке» [Лыткин 1975а] и др.

С другой стороны, решение отдельных вопросов пермской исторической фонетики переносится им на финно-угорскую плоскость, ср., напр., работы: «К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках» [Лыткин 1968], «О вокализме непервого слога финно-угорских языков» [Лыткин 1970б], «Лабиализация гласных в пермских и марийском языках» [Лыткин 1972а] и др. Наиболее масштабную реализацию получила эта вторая тенденция в двух обобщающих работах В. И. Лыткина по сравнительно-исторической фонетике финно-угорских языков:

1) «Введение: Звуковые соответствия в финно-угорских языках», предпосланное к КЭСК (с. 9–28) [Лыткин 1970] и

2) «Сравнительная фонетика финно-угорских языков» [Лыткин 1974].

Никогда еще до В. И. Лыткина сравнительно-историческая фонетика финно-угорских языков не преподносилась с таким пристальным вниманием к особенностям пермской фонетической системы – можно было бы сказать, с позиций пермских языков, – как в этих двух его работах.

2. Параллельно с исторической фонетикой В. И. Лыткин разрабатывал также и историческую лексикологию пермских языков. К наиболее ранним опытам автора по этой тематике относятся статьи «О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках» [Лыткин 1951] и «Из истории словарного состава пермских языков» [Лыткин 1953]. Эти статьи достойны упоминания не только потому, что являются первыми наиболее крупными исследованиями по исторической лексикологии коми и

удмуртского языков, но и потому, что они, манифестируя два направления в разработке коми ученым проблем исторической лексикологии (составление этимологий и теоретическая разработка проблем истории лексического состава пермских языков), оказались в определенной степени его программными публикациями.

В частности вторая работа, включающая в себя обширный список этимологий удмуртских и коми слов различного происхождения, стала отправным пунктом для того направления в исследовательской практике В. И. Лыткина, которое через серию публикаций под названиями «Этимологии из пермских языков» (см. в журнале «Советское финно-угроведение» за 1965, 1966, 1967, 1969, 1974, 1976, 1977, 1978 и др. гг.), «Этимологии некоторых марийских слов» [Лыткин 1964а], «К этимологии марийских слов» [Лыткин 1968а] и т. д. привело в итоге к своему логическому завершению – созданию этимологического словаря. **«Краткий этимологический словарь коми языка»** [КЭСК], составленный В. И. Лыткиным (буквы А – К) в соавторстве с Е. С. Гуляевым (буквы Л – Я), вышел из печати в 1970 г. – к III Международному конгрессу финно-угроведов. В связи с его выходом коми язык стал первым из уральских языков, обладавших в то время завершенным (хотя и однотомным) этимологическим словарем – многотомные этимологические словари финского [SKES] и венгерского [MNyTESz и MSzFE] языков, а также диалектолого-этимологический словарь хантыйского языка, составленный в Германии [DEWOS], в то время еще не были завершены.

«Краткий этимологический словарь коми языка» содержит около 2900 этимологий, из которых 2/3 систематизированы или интерпретированы по-новому и 1/3 материала полностью разработана самими авторами [Кельмаков и др. 1973: 389]. Хотя в этом словаре, как явствует уже из его названия, этимологизирована, в первую очередь, лексика коми-зырянского языка и в качестве заглавного даны, естественно, коми слова, тем не менее он имеет исключительно важное значение и для специалистов-удмуртоведов, ибо в нем представлена этимология свыше 1700 удмуртских

слов (кстати, до его появления удмуртские студенты и нередко также и специалисты пользовались в качестве этимологического справочника работами Лыткина «Из истории словарного состава пермских языков» и «Исторический вокализм пермских языков»). Даже в настоящее время, уже после выхода из печати первого тома «Этимологического словаря удмуртского языка» В. И. Алатырева [1988], содержащего 778 словарных статей, «Краткий этимологический словарь коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева по своей полноте, научности и доступности сохраняет за собой первенство в качестве справочного пособия по удмуртской этимологии.

С вышеназванной работы «О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках» по существу началась теоретическая разработка В. И. Лыткиным основных проблем исторической лексикологии пермских языков, которая развивалась в дальнейшем преимущественно в заданном русле изучения многосторонних контактов пермских языков с другими и выявления пластов лексических заимствований как результат такого контактирования. Некоторые выводы и итоги исследований в этом направлении получили отражение, в частности, в следующих его работах: «Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками» [Лыткин 1955а], «Вепсско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах» [Лыткин 1956а], «О некоторых тюркских заимствованиях в коми языке» [Лыткин 1958], «Карельско-вепсские заимствования в коми языке» [Лыткин 1961], «К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах» [Лыткин 1963], «О древнетюркских элементах в лексике пермских языков» [Лыткин 1967], «Древнейшие русские заимствования в коми языке» [Лыткин 1969], «Прибалтийско-финские заимствования пермских языков» [Lõtkin 1970], «К этимологии русского слова *туес*» [Лыткин 1972], «Финно-угорские заимствования в русском языке» [Лыткин 1972б], «Пермско-иранские языковые контакты» [Лыткин 1975в] и т. д.

Исследовательская работа в этом направлении завершилась в творчестве В. И. Лыткина написанием учебного пособия для

студентов по исторической лексикологии коми языка – **«Коми кывлӧн историческӧй лексикология»** [Лыткин 1979]. Книга, которая была составлена на основе спецкурса, прочитанного им в последние годы жизни в Сыктывкарском государственном университете, состоит из четырех частей и содержит, помимо вводного раздела (с. 4–21), в систематизированном виде анализ всех основных путей и способов развития лексического богатства коми языка: перехода слов из предшествующих языковых эпох – уральской, финно-угорской, финно-пермской, прапермской, древнекоми (с. 22–46), образования новых лексем средствами коми словообразования (с. 47–49); заимствования – из индоевропейского праязыка (в уральский и финно-угорский периоды), иранских языков, булгарского, прибалтийско-финских и русского (с. 50–71).

Книга, написанная доступным языком и касающаяся почти всех проблем истории становления лексического богатства коми языка, примечательна еще и как образец составления подобного рода исследований, ибо в удмуртоведении еще такого нет.

3. Историческая морфология пермских языков привлекала меньшее внимание В. И. Лыткина, нежели история фонетики и лексики, хотя еще в 20-е гг. он посвятил ей одно из первых своих серьезных исследований. Речь идет о работе «*С*-овые суффиксы в пермских языках» [Lytkin 1927], за которую он получил ученую степень доктора философии. Далее время от времени им публикуются отдельные работы, посвященные нормативной и исторической морфологии коми и удмуртского языков, напр.: «К происхождению суффикса множественного числа *-yos* в удмуртском языке» [Лыткин 1931б; Lytkin 1930], «Понудительный залог в пермских языках» [Лыткин 1957а], «Об имени прилагательном в коми языке» [Лыткин 1962], «Об огласовке *s*-овых словообразовательных суффиксов в пермских языках» [Лыткин 1969а], «Об огласовке некоторых девербальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков» [Лыткин 1970а], «Зачатки объектного спряжения в коми языке» [Лыткин 1977] и др. Под редакцией и при соавторстве В. И. Лыткина были изданы вузовские учебники коми [СКЯ 1955] и коми-пер-

мяцкого [КПЯ 1962] языков, где им были написаны разделы и параграфы о функционировании и истории отдельных категорий и форм.

В конце своего творческого пути, уже находясь на пенсии, на базе одного из спецкурсов он издал учебник по исторической морфологии коми языка – **«Коми кывлӧн историческӧй морфология»** [Лыткин 1977а], предназначенный для студентов университета. В работе подведены определенные итоги его исканий в этой области, хотя, естественно, использованы материалы и выводы также и других исследователей исторической морфологии пермских языков.

4. Никто заранее не знает своего последнего часа; смерть подступает к каждому из живущих внезапно, без предупреждения и не дожидаясь, когда тот завершит свои земные дела. История любой науки, в том числе и финно-угристики, изобилует фактами, когда ее деятели, уходя в мир иной, были вынуждены оставлять труды своей жизни незаконченными.

Бернат Мункачи, после того как была дописана последняя карточка к рукописи «Словаря удмуртского языка» [Munkácsi 1896], выразил искреннюю благодарность “доброму удмуртскому Инмару” за то, что Он помог венгерскому автору довести до конца свою книгу: “... Чего не удалось Регули, Кастрену, Аминоффу, а именно самим позаботиться о собственных собраниях и привести их в надлежащий порядок, то божья милость предоставила мне!” (цитируется по [Munkácsi N. 1943: 101–102]). Однако и сам Мункачи все же не избежал печальной участи оказаться в ряду тех, кто ушел от нас с незавершенной жизненной программой: фольклорно-диалектологические тексты, собранные им в годы I Мировой войны от военнопленных-удмуртов, увидели свет лишь через 15 лет после его смерти благодаря сыновним заботам его ученика и сподвижника Д. Р. Фокош-Фукса [Munkácsi 1952]; что касается его лексических материалов, то они вплоть до наших дней хранятся неизданными в рукописном архиве Венгерской Академии наук.

Кто знает, может быть, и у Василия Ильича Лыткина также были свои дальнейшие планы и замыслы, которые волею судеб

остались невыполненными и неосуществленными. Но судя по логике его творческой деятельности и по тому, что́ он оставил нам, последующему поколению пермистов, невольно создается впечатление, что он оказался в этом отношении более счастливым человеком. В какой бы области исторической пермистики он ни работал, в его творческом наследии можно найти как серию публикаций предварительного, подготовительного характера (имеющих, вне всякого сомнения, и свою самостоятельную ценность), так и обобщающую монографию – своеобразный итог его размышлений в этом направлении. Хороша она или не очень, достаточно полна или менее – судить, наверное, нам, его ученикам и последователям.

И продолжить его дела предстоит тоже нам.

Ф О Т О

2.10. Т. И. ТЕПЛЯШИНА
(1924)

“Тепляшина, Тамара Ивановна ⟨...⟩ – одна из наиболее известных удмуртских языковедов” [FÉL 1990: 300].

“Круг интересов [Т. И. Тепляшиной] весьма широк, но абсолютное большинство работ ее посвящено рассмотрению вопросов удмуртской диалектологии, фонетики, ономастики и лексикологии” [Тараканов 1994: 3].

“Тамара Ивановна Тепляшина, кандидат филологических наук, автор свыше сотни научных трудов, ветеран войны, некогда счастливая супруга и коллега В. И. Лыткина, ныне мать двоих детей и (пра)бабушка многих (пра)внуков-(пра)внучек, является знаковой фигурой в удмуртском языкознании, ибо с ее именем и научной деятельностью связано возрождение к развитию на новом этапе ряда отраслей удмуртской лингвистики: диалектологии, ономастики и изучения памятников ранней письменности” [Кельмаков 2009: 3].

“Т. И. Тепляшина внесла неоценимый вклад в удмуртское языкознание” [Ившин 2009: 63].

Фонетическая характеристика тыловайского говора (1957. – С. 114–140).

Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка (1961. – С. 125–139).

Памятники удмуртской письменности XVIII века (1965. – 324 с.).

Удмуртский язык (1966. – С. 261–280).

Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах (1966. – 96 с.).

О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы (1967. – С. 211–233).

Язык бесермян (1970. – 288 с.).

Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия (1970. – С. 156–196).

Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова (1971. – С. 129–139).

Заметки по верхнеижским удмуртским говорам (1973. – С. 196–223).

Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах (1975. – С. 179–185).

Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках (1978. – С. 266– 325).

Антропонимические модели пермских языков (1978. – 138 с.).

2.10.1. Кышномурт-тодосчи но нылкышно-ожгарчи

Туэ (2004-тӥ арын) толшор толэзьлэн шор вадьсаз, кема аръёс ӵоже вис каремез бере, Удмурт кун университетэ вуылӥз Т. И. Тепляшина – тодмо удмурт кылчи, кылосбур тодосъёсъя кандидат. Кылем даурысь 50–80-тӥ аръёсы СССР-ысь Тодосъёсъя академилэн Кылтодонъя институтысьтыз финн-угор кылъёсъя секторын уно аръёс ӵоже ужанназ, со туж трос кужымзэ понӥз удмурт кыл сярысь тодосэз азинтонлы. Т. И. Тепляшина – удмурт кылтодонлэн историез но туннэ нуналэз: удмурт кылосбур факультетын уже кутӥсько солэн трос лыдъем публикациосыз; кема аръёс ӵоже пенсиын ке но ини, ачиз мылысь-кыдысь тунсыкъяськe туала удмурт кылтодонэн, дырын-дырын потыло на статьяосыз но; тани али но со вуиз перм кылъёслы сӥзем IX калыккуспо симпозиуме.

Туэ 9-тӥ южтолэзе солы тырме 78 арес. Сюлмо удмурт кышномуртэ но тодосчиез, анаез но ожгарчиез ӟечкыласа, солы юн тазалык но кузь даур мылкыд каремен валче, кулэен лыдъясько солы кузьманы аспӧртэмлыко статья. Со радиоверан луыса кылдӥз но 1980-тӥ арын оштолэзе чузъяськиз вал, куке Т. И. Тепляшина кӧня ке дырлы вуылӥз вал Удмурт шаере но мылкыд кариз удмурт студентъёсын пумиськыны. Ас вакытаз дасязы но калыке вӧлмытӥзы та радиоверосэз Удмурт кун университетысь доцент В. К. Кельмаков, Удмурт радиолэн корреспондентэз В. В. Котков (**Корреспондент**) но дикторез Р. С. Куликова (**Диктор**). Нырысьсэ печатьын поттон азьын (Вордскем кыл. – 2002. – 4-тӥ №. – 80–88-тӥ б.) радиоматериал стилез но терминологиез ласянь ӧжытак тупатъямын, тодосчилэн научной творчествоезлы сӥзем люкетэз кӧнялы ке паськытатэмын, научной аппаратура ватсамын.

Корреспондент. Али но, азьвыл сямен ик, пӧртэм удысъёсын тыршо гажано нылкышноосмы. Соос – дышетӥсьёс, инженеръёс, лэсьтӥськисьёс, вузкарисьёс, скал кыскисьёс... Тазьы вераны кутскид ке, дунне вылысь вань профессиосыз нимано луоз, дыр. Туннэ ми тодматомы на тӥледыз СССР-ысь Тодосъёсъя ака-

демилэн Кылтодонъя институтысьтыз финн-угор кылъёсъя секторын ужась филологи тодосъёсъя кандидатэн Тамара Ивановна Тепляшинаен. Алигес Тамара Ивановна вуылйз вордскем шаераз – Удмуртие. Соин ик наука удысын ужасьёс но, студентъёс но шумпотйзы та иворлы. Университетын ортчиз туж шуныт пумиськон. Студентъёс эшшо но ӟечгес тодйзы шаерысьтымы нылкышно-тодосчи сярысь. Тани ма вера филологи тодосъёсъя кандидат Удмурт кун университетысь доцент Валентин Кельмакович Кельмаков Тамара Ивановна Тепляшиналэн научной творчествоез сярысь.

В. К. Кельмаков. Туала удмурт кылтодонын сйё-дано инты басьтэ Тамара Ивановна Тепляшиналэн тодослыко творчествоез. Со печатласа поттйз ини 100-лэсь трос научной исследованиос[95], соос пӧлын нимаз книгаос, статьяос, рецензиос, докладъёслы тезисьёс... Та ужъёсаз удмурт тодосчи пӧртэм ласянь сэрттэ-пертче вордскем кылмес, удмурт кылтодонлэн данак удысъёсаз ивортэ аслэсьтыз чакламъёссэ но малпанъёссэ. Нош тужгес ик мыдыськыдысь ужа со куинь удысъёсын: 1) удмурт диалектъёсыз эскерон бордын; 2) удмурт ономастикая ужъёс гожъян удысын но 3) вашкала гожтэм синпельметъёсыз калык азе поттонын.

Таос пӧлын но вань на солэн самой яратоно темаез – со удмурт диалектология. Угось аслэсьтыз тодослыко сюрессэ но Тамара Ивановна диалектолог луыса кутскиз: пыр-поч эскериз Ита шур котырын улйсь удмуртъёслэсь вераськемзэс но 1955-тй арын «Удмурт кыллэн тыловай (итадур) диалектэз» нимо кандидат диссертацизэ [Тепляшина 1955] утиз. Со вал удмурт кыллэн интыысь вераськетъёсыз сярысь нырысетйез бадӟым уж – диссертация; со бордысен ик удмурт диалектологилэн историысьтыз куинетй – зэмос тодослыко – вакыт кутске. Бӧрысьгес ини, 50–70-тй аръёсы, Тамара Ивановналэн лёгем сюрес выльтйз мыныса, диалектъёс сярысь диссертациос гожтйзы данак удмурт кылчиос: И. В. Тараканов («Удмурт кыллэн бавлы диалектэзлэн фонетика удысысь аспӧртэмлыкъёсыз (экспериментальной амалэн

[95] Тамара Ивановналэн публикациосыныз самой берло поттэм библиографиын 121 позиция лыдъяське [Кириллова 2009: 29–39].

эскерыса)» [Тараканов 1959; 1959а]), В. К. Кельмаков («Удмурт кыллэн кукмор диалектэз» [Кельмаков 1969; 1970]), С. К. Бушмакин («Удмурт кыллэн шор-ӵукпал вераськетъёсызлэн фонетика но морфология удысысь аспӧртэмлыкъёссы» [Бушмакин 1971; 1971а]), Р. Ш. Насибуллин («Удмурт кыллэн камсьӧр вераськетъёсыз» [Насибуллин 1973; 1973а]), Б. Ш. Загуляева («Калмез кузянаысь удмурт вераськетъёс» [Загуляева 1980; 1980а], кинъёс удмурт кылтодонэз пӧртэм диалектъёслы сйзем диссертациосыныз узырмытйзы.

Ачиз Тамара Ивановна но мытэм ужзэ öз аналты. Огназ яке кузпалэныз В. И. Лыткин профессорен валче со ортчиз удмурт кыл улослэн туж трос пӧртэм интыостйз: вуылйз асьме элькунысь данак ёросъёсы, Татариысь, Башкириысь, Мари Элысь, Киров но Пермь улосъёсысь удмурт гуртъёсы. Аслаз люкам материалъёсыз вылэ пыкиськыса но азьвыл ужам тодосчиослэсь исследованиоссэс лыдэ басьтыса, со кӧня ке дасо статьяос но удмурт диалектология удысысь нырысетйзэ бадзым монография – **«Язык бесермян»** (’Бесермянъёслэн кылзы’) нимо книга [Тепляшина 1970] – гожтйз но печатласа поттйз ини. Та книгаяз со пыр-поч эскере бесермянъёслэсь азьвыл но туала вакытэ улэм интызэс, соос сярысь азьвыл гожъямъёсыз, та выжылэн кылдэмез пумысен пӧртэм эсэпланъёсыз; нош книгаезлэсь самой бадзым люкетсэ, валамон ини, бесермян кыллэсь фонетика но морфология удысын пӧртэмлыкъёссэ сэрттон-пертчонлы висъя. Та книгаезлэн исторической визьпумъянэныз – бесермянъёс, пе, кыӵе ке тюрк выжысысь калык вылйллям но бӧрысь удмурт кылэ выжиллям – пумозяз соглаш луыны шуг, озьы ке но, «Бесермянъёслэн кылзы» монография удмурт кылтодонын диалектологилэн куронъёсызъя радъям пумтэм узыр материалэныз туж дуно луэ.

Со сяна, Тамара Ивановналэн эшшо одйг бадзым ужез вань на – со нимаське **«Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах»** (’Удмурт диалектъёс сярысь тодэтъёс люкан понна юалляськон вакчияк программа’) [Тепляшина 1966]. Та программа удмурт диалектологъёслы – тодосчиослы, аспирантъёслы но студентъёслы – бадзым юрттэт сётэ; Удмурт кун университетысь студентъёс, ӵапак та программа

вылэ пыкиськыса удмурт диалектъёслы сйзем диплом ужъёссылы материал люкало; та программа студентъёслэн диалектологияя гужемлы быдэ ортчытйськись лудвыл практикаоссы дыръя но уже кутйське.

Экспедициосы ветлыса, диалектъёс сярысь материал люкан дыръяз, Тамара Ивановна Тепляшина озьы ик бадзым саклык висъяз удмуртъёс пölын кутйськись пиосмурт но нылкышно нимъёсыз, гурт котырын пумиськись инты нимъёсыз гожъянлы. Та материалъёс вылын солэн удмурт антропонимикая но топонимикая трос дасо статьяосыз кылдйзы. Удмурт кылтодонлэн та удысаз но Тамара Ивановна сюрес лёгисьёс пölын вал: удмурт кылчиос пölысь нырысьсэ аснимъёсыз мур но тырмыт эскерыны кутскиз. Та удысын тужгес но адзем карымон луэ солэн берло потэм **«Антропонимические модели пермских языков»** (’Перм кылъёсын адями нимъёслэн модельёссы’) книгаез [Тепляшина 1978а].

Т. И. Тепляшина вуж удмурт гожтэм синпельметъёсыз выльдан удысын но бадзымесь азинсконъёс басьтйз. Со трос ужаз Москваысь, Ленинградысь, Кировысь, Казаньысь архивъёсын; удмурт кылын гожтыса кельтэм пичиесь но бадзымесь кыллюкамъёслэсь, куэтъёслэсь (текстъёслэсь) но мукет со выллем материалъёслэсь оглюкетсэс со Москваын 1965-тй арын поттйз **«Памятники удмуртской письменности XVIII века»** (’XVIII даурысь удмурт гожъяськетлэн синпельметъёсыз’) нимо книгаен [Тепляшина 1965]. Книга туж ас дыраз потйз: одйг ласянь, со тодосчиос кие шедьтыны шуг луись вуж удмурт гожтэм синпельметъёсыз вуттйз; нош мукет ласянь, удмуртъёслэн Октябрь революцилэсь азьло гожъяськетсы öй вал шуыса янгыш веранъёслы но гожъянъёслы пум поныны луонлык сётйз.

Т. И. Тепляшина удмурт кыллэсь нормативной но исторической фонетиказэ эскерон удысын но бадзым уж лэсьтйз:. В. И. Лыткинэн ӵош удмурт научной грамматикалэсь «Фонетика» люкетсэ [ГСУЯ 1962: 7–55] гожтйз. Москваысь Тодосъёсъя академилэн Кылтодонъя институтаз ужаса, Тамара Ивановна огназ яке В. И. Лыткинэн валче институтлэн планэзъя кылдытэм бадзымесь огъясь исследованиосы гожъяз удмурт но перм кылъёс ся-

рысь очеркъёс; сыӵеесь луо, кылсярысь, **«Удмуртский язык»** (’Удмурт кыл’) [Тепляшина 1966а] но **«Пермские языки»** (’Перм кылъёс’) [Тепляшина и др. 1976] ужъёсыз. Удмурт кыллэсь исторической фонетиказэ дышетйсь студентъёслы но аспирантъёслы, озьы ик научной ужасьёслы тодмо солэн **«Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках»** (’Вашкала финн-угор кылвыжылэн структураезлэн перм кылъёсын типология ласянь пумен воштйськемез’) [Тепляшина 1978]. Отын тодосчи узыр этимологической материал вылын яркыт возьматэ туала удмурт кыллэн фонетической структураезлэн финн-угор вакытысен кутскыса туннэ нуналозь азинскон сюрес вылысьтыз пӧртэм воштйськон процессъёсыз. Соос пӧлын: 1) кылдӥнь пумысь куара усён; 2) кыл пуме кылем одйген согласнойёслэн усемзы яке возиськемзы; 3) деназализация но трос мукет со выллем мудрон кылъёсын нимам воштйськонъёс. Ваньмыз со выллем маръёс ке огшоры радио кылзйсьёслы (но лыдзйсьёслы) чик валантэм но кулэтэм кадь потозы, нош зэмос удмурт кылосбурчи луыны малпасьёс понна соос тодмоесь но туж кулэесь. Собере, соосыз валатэк но тодытэк, удмурт кыллэсь азинскон сюрессэ но син азе пуктыны уг луы.

Со выллем секыт научной ужпумъёс студентъёс понна валамонэсьгес луо, дыр, куке соос асьсэос пумисько но вераськыны быгато наука удысын ужась адямиосын, кыӵеосыз пӧлы пыре Тамара Ивановна Тепляшина но. Алигес со Ижевскын вал но удмурт студентъёсын пумиськыны быгатйз.

Тамара Ивановнаез, асьме элькунысь сяна, шаерысьтымы но озьы ик кунгож сьӧрысь финно-угроведъёс но умой тодо, одйг ласянь, валамон ини, солэн трос лыдъем тодос ужъёсызъя; мукет ласянь, сое пӧртэм конференциосысь, симпозиумъёсысь но конгрессъёсысь ӵем гинэ пумитаны луэ. Финно-угроведениея турлы интыосын ортчытэм нъыль калыккуспо конгрессъёс пӧлысь со кыказ вуылйз, удмурт тодосчиослэн представительзы луыса. Али удмурт учёной финно-угроведъёслэн V калыккуспо конгрессазы мыныны дасяське. Со туэ август толэзе Финляндиысь Турку карын ортчоз. Конгресслэн программаяз пыртэмын Тамара Ивановна Тепляшиналэн но удмурт диалектъёсысь выль кылдэм па-

дежъёслы сйзем **«О новых удмуртских падежах»** нимо докладдэз[96]. Докладын (статьяын) уйпал вераськетъёсын вöлмем *-н′* элементо кылпумен та выллем падежъёс сярысь вераськон мынэ: *соос-**н′ын*** ’соос дйньын, соос дорын’, *соос-**н′э*** ’соос дйне, соос доры’, *соос-**н′ыс′*** ’соос дйньысь, соос дорысь’, *соос-**н′оз′*** ’соос дйнёзь, соос дорозь’ но со выллем. Кызьы валэктэ Тамара Ивановна, выль падеж кылпумъёсысь *н′* элемент *дйнь-* нимберлэн кылвыжыез бордысь пöрмемын: соос *дин′ын* > соос-*н′ын*, соос *дин′ыс′* > соос-*н′ыс′*, соос *дин′э* > соос-*н′э* но о. а.

Наукае сюрес... Капчиен öз сётскы со удмурт нылкышнолы. Пöсьсэ но кезьытсэ но адзоно луиз, но вормиз зырдыт сюлэм, дышетскыны пуромем мылкыд. Тамара Ивановналэн школаын дышетскыкуз ик аслаз быръем сюресэз вал ини.

Т. И. Тепляшина. Школаын дышетскыкум ик, кылъя предметъёсты мон яратйсько вал. Со предметъёсын мон зеч дышетскылй. Мон дышетйсь луыны малпасько вал. Сыче малпанэн дышетски мон 5–6-тй классысен ик. Средней школаез быдтыса, пединститутлэн кылъя но литературая факультетаз пыри.

Корреспондент. Но тани зеч улон вакытэз туга шимес война. Асьме Родинамылэн оскымон нылпиосыз фронтэ кошко. Пединститутысь нылъёс но чош дышетскем пиоссэс тушмонэз жугыны келяло. Секытэсь вал со люкиськон нуналъёс. Кин тодэ, оло, ноку но уз кылды ни чош дышетскем эшъёсын пумиськыны. Война уз учкы, кин тон, ма тыныд кулэ. Сое нылъёс но зеч валаллязы. Та шимес вакытэ Тамара Ивановна пединститутлэсь нырысетй курссэ гинэ быдтйз вал ай.

Тамара нимо егит нылашез Дэбес районысь одйгаз школае нылпиосты дышетыны келязы. Но зырдыт сюлэмо адями таче вакытэ шыпыт интыын пукыны чидалоз шат?

Т. И. Тепляшина. Фронтэ мон кошки 1942-тй арын. Асьме страна понна соку туж секыт югдур кылдэмын вал. Фронтлэн мышказ юрттылйз котькин но. Но егит калыклы со тырмыт öй вал, эшшо но тросгес юрттэмез потэ вал. Соку тросэз нылъёс мы-

[96] Бöрысьгес со доклад нимысьтыз статья карыса поттэмын вал конгресслэн материалъёсызлы сйзем книгаын [Тепляшина 1981].

ныло вал военкоматэ, курисько фронтэ. Нуналлы быдэ отчы пырись-потасьёс вал, фронтэ куриськыса. Асьме республикаысь нылъёсты мобилизовать карыса, нимысьтыз артдивизион кылдытэмын вал. Магнитогорскын куинь-а, ньыль-а толэзь дышетыса, фронтэ келязы.

Диктор. Бен, туж секыт вал странамылы та вакыт. Фашистъёс Москва доры вуэмын ни, фронт Сталинград пала кыстйськемын, Ленинград блокадае шедемын. Таче секыт югдур кылдыса но, советской калыклэн осконэз öз бырылы. Странаысьтымы вань калыкъёс тушмон пумитэ султйзы. Тани удмурт нылашъёс но вуизы ож луд вылэ. Со – артдивизионысь 17–18 аресъем нылъёс, техникаез ӟеч тодйсь-валась боецъёс. Соос пöлын ик вал приборист Тамара Тепляшина но. Шедизы нылъёс Мурманск пала, уйпал фронтэ. Кольской полуостровысь Кола станция дорын нырысьсэ пумиськизы фашистъёсын, нырысьсэ кылйзы бомбаослэсь шимес шуласа васькемзэс, соослэсь музъем пилиськымон пуштылэмзэс, татысен ик соос нырысьсэ валазы, ма со секыт ыштон.

Т. И. Тепляшина. Только ми отчы вуим но школае интыяськым вал. Со школа вадьсын вылэм казарма военнойёслэн. Фашистъёс бомбить каризы но, осколокъёс ми доры вуыса, отын нырысь уе ик тросэз нылъёсмы ранить каремын вал. Нырысь со уе ми войналэсь кышкытлыксэ адӟим.

Корреспондент. Тамара Ивановналэн та ож сюресэзлэн кутсконэз гинэ. Нош кыче но шуг-секытъёсын пумиськылоно öз луы нылашъёслы! 1944-тй арын полк, кудаз Тамара Тепляшина 76 миллиметръем пушкаосын приборист луыса служить кариз, расформировать каремын вал. Нош Тамараез Тихоокеанской флотлэн нимысьтыз кылдытэм 29-тй артдивизияз келязы. Татын, Владивосток вöзын, удмурт ныл японской милитаристъёслэсь утиз асьмелэсь чылкыт инбаммес. Япон солдатъёсын кышкатэк ожмаськемез понна Тамара Ивановналы “За победу над Японией” медаль сётйзы. Бöрысь ини солэн луозы “За боевые заслуги”, “За оборону Советского Заполярья”, “За победу над Германией”, “За Победу” медальёсыз но трос мукет.

Вормон нунал. Йылпумъяськиз самой кышкыт война. Берытско фронтысь солдатъёс. Соослы табере куашкатэм юртъёсты ӝу-

тоно, снарядъёсын бугыръям аныкай музъемзэс гыроно но утялтоно, наукаез азьланьтоно.

Армиысь демобилизовать карем беразы, Т. И. Тепляшина Ижевскысь областной партшколае келямын вал. Сое быдтыса, Удмурт научно-исследовательской институтлэн куремезъя, Ленинградысь Жданов нимо университетэ пыриз. Отысь – Восточной факультетлэн финн-угор отделенияз. 1949-тй арын сое йылпумъяз но выльысен Ижевске берытскиз.

Нырысь-валысь УдНИИ-ын покчи научной сотрудник луыса ужаз. Мукет авторъёсын ӵош бадзым ӟуч-удмурт кыллюкам[97] лэсьтон бордын ужаны кутскиз. 1952-тй арын Тамара Ивановна Москваысь аспирантурае пыре. Аспирант дыръяз ик учёной ужзэ куинь удысъёсъя радъя. Со – вашкала кыл памятникъёсыз эскерон, ономастика но диалектология. Нош кудйз аслыз юнгес кельше шуыса юанлы Тамара Ивановна тазьы шуэ.

Т. И. Тепляшина. Финно-угорской отделениын дышетскыкум ик мыным тодмо вал, удмурт диалектъёс туж ляб эскеремын шуыса. Соин ик кыӵе материалъёс вань удмурт диалектологияя, мон тодыны тырши, университетын дышетскыкум ик. Мон реферат но аспирантурае пырыкум гожтӥ диалектъёсъя. Кандидатской диссертация но мон со ужпумен ик лэсьтӥ.

Диктор. Со дырысен трос аръёс ортчемын ини. Тамара Ивановналэсь йырсизэ аръёс азвесь пужмерен пазьгизы ни. Со вера одйгзэ гинэ: улон сюресэз капчи ӧй вал. Бен, дан озьы гинэ ӧз лыкты. Али Тамара Ивановнаез тодо ини кунгож сьӧрысь но тодосчиос.

Т. И. Тепляшина. Зарубежной учёнойёс кемалась тодо асьме кылэз. XIX даурлэн пумаз татчы Венгриысь учёнойёс лыктылйзы. Соос люкаллязы материалъёс. Удмурт кыллэсь пуштроссэ изучать каризы. Вал бадзым учёной финно-угровед Фокош-Фукс[98]. Мынам соин пумиськылэме но вань. Со удмурт кылэз ӟеч

[97] Та кыллюкам 1956-тй арын поттэмын вал [РУС 1956].

[98] Давид Рафаэль Фокош-Фукс (Fokos-Fuchs Dávid Raphael, 1884–1977) – тодмо венгер финно-угровед, удмурт но коми кылъя бадзым специалист, Бернат Мункачилэн дышетскисез но эшез. Нырысетйез ик син шоры йӧтымон ужез сйземын вал удмурт кылысь ужпумлы – «A lo-

тодэ вал. Отын солэн дышетэм муртъёсыз вань, кылсярысь, Карой Редеи[99]. Со бадзым специалист луиз али. Перм кылъёсъя трос ужъёс гожъя, коми кылын ӟеч вераськe. Соосын ужаськомы ӧош. Финляндиын но асьме кылъёсты изучать каро. Татчы, Удмурт шаере, ас вакытазы Т. Г. Аминофф[100], Ю. Вихманн[101] вуылӥзы,

---

kativusz-féle határozók a votják nyelvben» (’Интыез возьматӥсь обстоятельствоос удмурт кылын’) – [Fokos-Fuchs 1906]). Б. Мункачи кулэм бере, солэсь люкам материалъёссэ пумозяз радъяса, нимысьтыз книгаен поттӥз: «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (’Удмуртъёслэн калык сямъёссы но калык кылбуретсы’) [Munkácsi 1952] нимаськe со. Бӧрысьгес – дышетӥсезлэн ӵектэмезъя, луоз – коми кылэз эскерон борды выжиз (пыр-почгес учкы та книгаысь 2.6. люкетсэ).

[99] Карой Редеи (Rédei Károly, 1932–2008) – венгер кылчи, профессор, академик, асьме вакытэ финно-угроведение удысын дуннеысь одйгез самой кужмо специалист. Данак ужъёсыз сӥземын удмурт кыллы но, соос пӧлын, кылсярысь, таӵеез: «Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen» (’Коми кылысь нимберъёс удмурт кылысьёссэ но лыдэ басьтыса’) [Rédei 1962]. Удмурт но коми кылъёслэн исторической фонетикаысьтызы но исторической морфологиысьтызы туж трос ужпумъёс эскеремын венгер тодосчилэн уно лыдъем статьяосаз. Пӧртэм интыосын печатлам статьяосыз (соос пӧлын перм кылъёслы сӥземъёсыз но) 2002-тӥ арын поттэмын нимысьтыз книгаен: «Rédei Károly válogatott írásai» (’Карой Редеилэн быръем гожъямъёсыз’) [Rédei 2002].

[100] Торстен Густафф Аминофф (Torsten Gustaff Aminoff, 1838–1881) – финн кылчи. Кунгож сьӧрысь финно-угроведъёс пӧлысь ныръсетӥез, кин удмурт кылэз эскерон вылысь юромо вуиз асьме шаере (1878). Люкам материалэз но удмурт диалектъёслы сӥзем гожетэз (очеркез) Ю. Вихманнлэн тыршеменыз поттэмын вал ини, Аминофф кулэм бере гинэ: «Wotjakilaisia kielinäytteitä» (’Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы’) [Aminoff 1886] но «Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos» (’Удмурт кыллэн фонетикаезъя но морфологиезъя гожет’) [Aminoff 1896] (пыр-почгес учкы та книгаысь 2.1. люкетсэ).

[101] Юрьё Йооссппи Вихманн (Yrjö Jooseppi Wichmann, 1868–1932) – туж тодмо финн тодосчи, удмурт но коми кылъёсъя бадзым специалист. 1891–1892-тӥ но 1894-тӥ аръёсы удмуртъёс пӧлын ужаса, узыр фольклорно-диалектологической материал люказ но бӧрысьгес кык томен «Wotjakische Sprachproben» (’Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы’) [Wichmann 1893; 1901] нимын печатласа поттӥз. Солэн нимыз удмурт

диалектъёсъя материалъёс люкаллязы. Микко Корхонен[102] али Вихманнлэн люкам материалъёсызъя поттэ удмурт кыллюкам. Ветлыло финнъёс Москвае, ӵем вуыло институтамы. Огъя ужпумъёсты ми огъя ик быдэсъяны тыршиськомы.

Диктор. Али Ижевске вуылыкуз, Тамара Ивановна Тепляшина туж ушъяса вераз будйсь кадръёс сярысь. Ӟеч кылын пусйиз университетысь удмурт кылъя но литературая кафедраез. Кафедраын ужасьёс туж квалифицированноесь, шуэ со. Тамара Ивановна адӟытэк уг улы удмурт кылтодонлэсь лябыт интыоссэ но. Со ватытэк вера, удмурт литературной кыллэсь историзэ эскерон уж дыг мынэ шуыса.

Тӥни озьы котькуд уже ӵектонъёссэ, котькуд ужпум ласянь малпанъёссэ вераны быгатэ удмурт тодосчи Тамара Ивановна Тепляшина. Вань сюлэмзэ, тодэм-валамзэ сётӥз но сётэ со удмурт наукаез азинтонлы.

2.10.2. Т. И. Тепляшина и удмуртская лингвистика

1. Знаковая фигура в удмуртском языкознании. Тамара Ивановна Тепляшина, кандидат филологических наук, автор свыше сотни научных трудов, ветеран войны, некогда счастливая су-

---

кылтодонын тодмо на мукет бадӟымесь но пичиесь ужъёсыныз но: «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» (’Кыллюкамен удмурт лыдӟос’) [Wichmann 1901a], «Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen» (’Перм кылъёсын чуваш асэстэмъёс’) [Wichmann 1903], «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische» (’Удмурт кылын нырысетӥ слогысь вокализмлэн историез коми кылысь вокализмен ӵошатыса’) [Wichmann 1915] нимо книгаосыныз но данак статьяосыныз (пыр-почгес учкы та книгаысь 2.5. люкетсэ).

[102] Вели-Микко Корхонен (Veli-Mikko Korhonen, 1936–1991) – финн кылчи, финно-угровед, Хельсинки университетысь профессор. Трос ужаз саами кылэз но огъя финно-угроведениысь ужпумъёсыз выльдан бордын. Удмуртъёс понна бадӟым уж лэсьтӥз, Ю. Вихманнлэсь кигожтэтын кылем удмурт кыллюкамзэ поттыса [Wichmann 1987] (со сярысь ик ивортэ Т. И. Тепляшина но).

пруга и коллега В. И. Лыткина, ныне мать двоих детей и (пра)бабушка многих (пра)внуков-(пра)внучек, является знаковой фигурой в удмуртском языкознании, ибо с ее именем и научной деятельностью связано возрождение к развитию на новом этапе ряда отраслей удмуртской лингвистики: диалектологии, ономастики и изучения памятников ранней письменности.

2. ***Путь в лингвистическую науку*** для Тамары Ивановны Тепляшиной, как и для многих молодых людей предвоенного времени, оказался весьма трудным и извилистым. Родилась она 9 марта 1924 г. в д. Малая Кизня (*Пичи Кизьна*) Дебесского района Удмуртской автономной области (впоследствии Удмуртская АССР и Удмуртская Республика) в крестьянской семье. В 1931–1934 гг. училась в начальной школе в своей родной деревне, в 1934–1937 гг. – в Усть-Лемской неполной средней школе. Получив семилетнее образование, она перебралась в Ижевск, и здесь начались для нее трудовые будни (с трехлетнего возраста лишилась отца); одновременно училась в школе рабочей молодежи. В 1941 г. поступила на литературный факультет Удмуртского педагогического института. Но недолго длилась ее студенческая жизнь в Ижевске – в декабре 1942 г. она 18-летней девушкой ушла на фронт и всю войну (до января 1946 г.) служила зенитчицей в различных воинских частях (вначале на Карельском фронте и затем на Дальнем Востоке).

Страстное желание получить филологическое образование привело ее в сентябре 1946 г. – после недолгой учебы в Удмуртской областной партшколе в Ижевске – на финно-угорское отделение восточного факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. Здесь в полной мере раскрылся ее интерес к различным языкам и к самой госпоже Науке о них. В 1949 г. с защитой дипломной работы на тему «Из истории спряжений пермских языков» (Ленинград, 1949) она закончила университет и возвратилась в Ижевск. Начав свою трудовую деятельность на поприще лингвистики как лексикограф (она некоторое время, будучи младшим научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР, участвовала в составлениии «Русско-удмуртского словаря» [РУС

1956]), Т. И. Тепляшина по счастливому стечению обстоятельств оказалась аспиранткой в Институте языкознания АН СССР (сектор финно-угорских языков)[103]. В 1952–1955 гг. она под руководством известного финно-угроведа, диалектолога и фонетиста В. И. Лыткина написала кандидатскую диссертацию на тему «Тыловайский диалект удмуртского языка», успешная защита которой состоялась в 1955 г. Проработав несколько лет ассистентом на кафедре русского языка Рязанского педагогического института, в 1959 г. она вернулась в Москву и с сентября этого года вплоть до самого выхода на пенсию работала в Институте языкознания АН СССР, вначале младшим, а затем старшим научным сотрудником сектора/лаборатории финно-угорских языков.

3. ***Первое направление в ее научной деятельности.*** Т. И. Тепляшина оказалась первой в удмуртском языкознании профессиональным диалектологом из удмуртов.

3.1. «Тыловайский диалект удмуртского языка» [Тепляшина 1955; 1955а], ее многолетний труд, был посвящен описанию фонетических и морфологических особенностей одного из северных говоров удмуртского языка (родного для самой диссертантки). В нем впервые в росийской традиции были применены при изучении диалектных фонем удмуртского языка элементы экспериментальной фонетики – рентгеноснимки; тем самым Т. И. Тепляшина положила начало широкомасштабному исследованию в новых условиях фонетики удмуртских диалектов с помощью различных инструментальных методов[104] на диссертационном уровне

[103] Весьма примечательно, что данный академический институт сыграл огромную роль в развитии удмуртского языкознания – здесь обучались в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации, помимо Т. И. Тепляшиной, ныне доктора наук В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, А. Ф. Шутов, кандидаты наук Б. И. Каракулов, Л. Е. Кириллова (Зверева).

[104] Экспериментальное исследование отдельных фонем удмуртских диалектов впервые было предпринято венгерским фонетистом Й. Балашшой [Balassa 1915–1916]; результаты его исследований были позднее использованы Д. Р. Фокош-Фуксом при подготовке к изданию фольклорно-диалектологических текстов Б. Мункачи [Munkácsi 1952: XXVIII–XXXII].

[Тараканов 1959; 1959а; Акмаров 1965; 1965а; Денисов 1980; 1980а; Краснова 1985; 1985а; Воронцов 1999; Белова 2000; 2000а] и др.

Однако научная значимость данного труда, положившего начало ***первому*** – *ведущему* – ***направлению*** в творческой деятельности Т. И. Тепляшиной, и для удмуртского языкознания оказалась более существенной, чем просто синхронное описание одного из говоров. Дело в том, что удмуртская научная диалектология, зародившаяся в середине XIX в. работой Ф. Й. Видеманна «Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache» ('К изучению диалектов удмуртского языка') [Wiedemann 1858], развивалась на I этапе своей истории (1858–1928 гг.) преимущественно в "прагматическом" направлении – собирания и издания образцов бытовой и поэтической речи и составления диалектологических словарей, а второй период (1929–1954 гг.) характеризовался застоем в изучении удмуртских диалектов, обусловленным не только крайне неблагоприятной для творческой деятельности ученых "политической обстановкой в нашей стране и положением СССР на международной арене" [Кельмаков 1992а: 28], но и необходимостью направить небольшие наличные языковедческие силы "на составление нормативных грамматик и словарей, что подсказывалось задачами языкового строительства молодой социалистической республики. ... В силу этого диалектологическая работа оказалась как бы на втором плане и начала развертываться очень поздно" ([Тепляшина 1963а: 291], см. также: [Кельмаков 1992а: 28]). Именно рукописная монография Т. И. Тепляшиной положила начало целой серии диссертаций на диалектологическую тему, выполненных и защищенных в дальнейшем И. В. Таракановым [1959; 1959а], В. К. Кельмаковым [1969; 1970а], С. К. Бушмакиным [1971; 1971а], Р. Ш. Насибуллиным [1973; 1973а], Б. Ш. Загуляевой [1980; 1980а], Л. Л. Карповой [1997] и др. Таким образом, работа «Тыловайский диалект удмуртского языка» оказалась не только блестящей путевкой для ее автора в удмуртскую диалектологию, но и ознаменовала собой начало III этапа истории науки об удмуртских диалектах – так называемого "теоретического" периода ее развития (1955–)[105].

[105] "С середины 50-х годов в истории удмуртской диалектологии отчетливо наметился третий, ***теоретический***, период (с 1955 г. по наше

Сама Т. И. Тепляшина опыт диалектолога, приобретенный при работе над диссертацией, использовала для изучения ряда других удмуртских говоров как северного наречия (тыловайского [Тепляшина 1957], глазовского [Лыткин и др. 1959], нижнечепецкого [Тепляшина 1964; 1970а]), так и южного (шошминского [Тепляшина 1961], закамских [Тепляшина 1966в; 1969а]) и бесермянского наречия (см. ниже), а также промежуточных срединных говоров (верхнеижских [Тепляшина 1973]) и др. Кроме того, ею "в целях планомерного изучения удмуртских говоров" [Тепляшина 1963а: 292] составлена и издана **«Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах»** (первоначальный рукописный вариант – в соавторстве с В. И. Лыткиным) [Тепляшина 1966], значительно облегчившая работу других удмуртских диалектологов по сбору языкового материала в полевых условиях.

3.2. «Язык бесермян». Центральное место в творчестве Т. И. Тепляшиной как диалектолога занимает, естественно, монография «Язык бесермян» [Тепляшина 1970] – ее *радость* и *боль*, *взлет* и *падение* одновременно. Работа была написана на основе глубокого изучения почти всех письменных источников и исследований о бесермянах и их языке, с одной стороны, и собранного ею в течение многих лет в полевых условиях фактического диалектного материала на территории современного (в 60-х гг. XX в.) проживания различных групп бесермян, – с другой. Рассматриваемая книга состоит из «Введения» (с. 5–58), содержащего обзор различных гипотез об их загадочном и вплоть до сегодняшнего дня не разгаданном этногенезе, сведений о былом и современном расселении бесермян, и истории изучения их языка; раз-

---

время), начало которого ознаменовалось завершением первого монографического исследования – защитой кандидатской диссертации Т. И. Тепляшиной «Тыловайский диалект удмуртского языка» [Кельмаков 1992а: 29; см. также: Кельмаков 1998: 39]. "Т. И. Тепляшина является одним из зачинателей теоретической разработки и описания удмуртских диалектов, т. к. до нее шли работы лишь по собиранию образцов речи по тем или иным диалектам" [Тараканов 1994: 3].

дела «Фонетика» (с. 59–168); бóльшей части «Морфологии» (с. 169–241); «Заключения» (с. 242–244); «Списка литературных источников» (с. 245–249); «Приложения» в виде образцов речи в транскрипции на латинской графической основе с параллельным переводом их на русский язык (с. 250–284) и «Условных сокращений» (с. 285–287). С сожалением приходится констатировать, что часть морфологии (разделы о причастиях, деепричастиях, наречиях и служебных частях речи) и словарь данного наречия до сих пор не изданы.

Тем не менее эта книга оказалась не только первой опубликованной “монографией”, посвященной описанию конкретного удмуртского диалекта, но и энциклопедически богатым по охвату языкового (в первую очередь, лексического и фонетического) материала изданием. Включенный в книгу неисчерпаемо обширный материал, отражающий состояние говоров бесермянского наречия в 60-е гг. XX столетия, представляет собой хорошую эмпирическую базу для современных и будущих исследований, в той или иной степени касающихся языка бесермян. По моему глубокому убеждению, именно прагматический материал, представленный автором в книге «Язык бесермян» и в ряде публикаций автора по этой теме в виде статей и тезисов к докладам [Тепляшина 1963; 1966б; 1970б; 1970к; 1971б; 1971г; 1975; 1975г; и др.], более значителен, чем теоретическая интерпретация их и те выводы, которые сделала автор на их основе. В первую очередь, именно благодаря добротному фактическому материалу эта книга навсегда вошла в “золотой фонд” удмуртского языкознания, принеся *радость* не только автору, но и для всех нас и составляя *взлет* в научном творчестве Т. И. Тепляшиной в области диалектологии. Не случайно эта работа в целом получила весьма высокую оценку коллег-современников: “...книгу делает интересной попытка автора комплексно решить проблему, первенство в области собирания материала, с точки зрения частностей уже упомянутая мелочность. Мы уверены в том, что «Язык бесермян» станет хорошим руководством для познания диалектной системы удмуртского языка” [Szíj 1972: 256]; “Богатое по содержанию и интересное исследование Т. И. Тепляшиной – образец для изучения дру-

гих диалектов, значительный вклад не только в удмуртское, но и финно-угорское языкознание" [Калинина 1973: 74]; "Работа, требующая большой точности, проведена квалифицированно, систематически и с достаточной полнотой, что дает право положительно оценивать исследование в целом... Трудоемкая работа намного продвинула вперед дело изучения удмуртского языка" [Алвре 1976: 150, 153].

Правда, те же самые рецензенты книги отмечают и ряд ее пробелов, упущений и ошибок (см.: [Szíj 1972: 256; Алвре 1976: 150–153]), среди которых наиболее серьезным, на мой взгляд, является все же излишнее увлечение автора гипотезой о тюркском происхождении бесермян и о "каком-то тюркском", "древнетюркском", "древнебулгарском", "древнечувашском" и т. д. субстрате в их языке. Если те историко-фонетические и этногенетические выводы, к которым приводит нас автор на основе собранного ею и представленного в монографии материала, не всегда соответствуют действительности, причиной является, на мой взгляд, не только/не столько то, что в пространстве исторической фонетики удмуртского языка к тому времени, когда писалась книга «Язык бесермян», "белых пятен" было значительно больше, нежели "окрашенных"; а самой Тамаре Ивановне не всегда удавалось самостоятельно решать множество исторических проблем фонетики языка бесермян, но и/столько то, что автор, подвластная *idea fixa*, абсолютное большинство особенностей фонетики бесермянского языка без всякой попытки внутрисистемного объяснения причин и времени их происхождения сходу относила к результатам влияния субстрата даже в тех случаях, когда эти явления легко могли бы быть диахронически интерпретированы как дальнейшее развитие праудмуртской фонетики в специфически бесермянских условиях и не всегда соотносимы с особенностями языка-субстрата[106].

[106] Неперспективность объяснения особенностей исторического развития языка "с помощью субстрата сводится ⟨...⟩ к отсылке от непонятного к неизвестному", как образно выразился В. М. Жирмунский [1956: 93].

Яркий пример тому – падение в отдельных бесермянских говорах фонемы *ӧ* (*ɵ* < праудм. **ȯ*), которое объясняется автором как результат влияния “какого-то” [Тепляшина 1970: 78], “тюркского (по-видимому, древнебулгарского)” [Тепляшина 1970: 165], “иноязычного (тюркского)”, “булгарского (древнечувашского)” [Тепляшина 1970в], “древнебулгарского” [Тепляшина 1975: 566–567] и т. д. субстрата, хотя собственно “древнебулгарский” (= “древнечувашский”, по мнению автора) язык, будучи языком с развитой гармонией гласных по ряду и лабиальности, устойчиво сохранял в своей вокалической системе переднерядный огубленный гласный *ӧ*[107] (весьма напоминающий собой прабесермянский **ȯ*), сингармонически противополагаемый гласному заднего ряда *о*; следовательно, оппозиция *ӧ – о* коррелятивно соотносилась с сингармоническими парами *і – ї*, *ӥ – ы*, *ӓ – а* [Хакимзянов 1987: 45]). Разумеется, (древне)булгарский язык, имевший в вокалической системе гласный *ӧ*, никак не мог “субстратно” влиять на язык бесермян в направлении утраты последним этого самого гласного *ӧ* (*ɵ – ȯ*), которая в наше время легко объясняется закономерными фонетическими процессами, в той или иной степени охватившими все удмуртские диалекты (см.: [Кельмаков 1975; 1992: 39–53]). Аналогичным образом, вопреки мнению Т. И. Тепляшиной, диахронически могут быть объяснены без апелляции к какому бы то ни было субстрату очень многие различительные признаки бесермянской фонетики, напр.: палатализация зубных *н* (= *n*), *д* (= *d*), *т* (= *t*), *с* (= *s*) и альвеолярного *л* (= *l*) в соседстве (в окружении) переднерядных гласных *и* (= *i*) и *э* (= *e*); утрата велярных аффрикат *ӝс* (= *ǯ*) и *ӵ* (= *č*), спорадическое озвончение этимологических глухих смычных согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными согласными [Кельмаков 1985], замена шипящих *ж* (= *ž*) и *ш* (= *š*) свистящими *з* (= *z*) и *с* (= *s*) [Серебренников 1972] и т. д. Следовательно, именно в плане историко-теоретической интерпретации фонетического материа-

[107] “*Ӧ* – полуширокий лабиальный гласный переднего ряда”, ср., напр.: *ӧlti* ’он умер’, *ӧksüzlär* ’сироты’, *özägе* ’его сердцевина, центр’, *tört ~ törüt* ’четыре’, *köɵel* ’сердце’, *körke* ’его красота’ [Хакимзянов 1978: 56; 1987: 43–44].

ла бесермянского языка и заключается, на мой взгляд, слабая сторона рассматриваемого труда Т. И. Тепляшиной – ее *боль* и *падение*, если можно так выразиться[108].

3.3. Последний труд Т. И. Тепляшиной в области диалектологии – это ареальное описание удмуртских диалектов, выполненное по общему плану лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. В результате стечения неблагоприятных обстоятельств эта монография до сих пор находится в рукописи[109], и долг современных удмуртских лингвистов – довести ее до рядового читателя.

4. Вторая отрасль удмуртского языкознания, в которой Тамара Ивановна явилась также своеобразным пионером, – это ономастика, которая начала интенсивно развиваться в нашей стране в 50–60-е гг. XX столетия. Юбиляр оказалась на гребне этой волны не только потому, что начало сознательной научной деятельности ее хронологически совпало с возрождением ономастики в СССР, но и по той простой причине, что Т. И. Тепляшина смогла удачно совместить свои диалектологические изыскания в полевых условиях с ономастическими. Свидетельством тому служит хотя бы тот простой факт, что из более чем трех десятков опубликованных статей по топонимике (ср., напр.: [Тепляшина 1967; 1968; 1968а; 1970д; 1970ж; 1975а; 1977; 1997; и др.]), антропонимике [Тепляшина 1969; 1969б; 1970г; 1970е; 1970и; 1971д; и т. д.] и этнонимике [Тепляшина 1967а; 1968б; 1970з; 1971в; и др.] абсолютное большинство связано с той территорией проживания удмуртов, говоры которых она исследовала.

---

[108] Из более конкретных недостатков книги венгерским финно-угроведом Э. Сий – с моей точки зрения, весьма справедливо – отмечены следующие: “Не недовольство всем, а объективность говорит нам, что из-за непропорциональности книги между объемом и содержанием – в определенных случаях излишней мелочности, а в других случаях бегло предпринятых, должным образом не аргументированных или частичных замечаний, описательства, неточности понятий – книга в целом оставляет после себя желать много лучшего” [Szíj 1972: 256].

[109] Аналогичные исследования по коми [Баталова 1982], эрзя-мордовскому [Ермушкин 1984] и марийскому [Коведяева 1987] языкам своевременно были изданы.

Фундаментальной работой автора в этой области удмуртской (и пермской) лингвистики явилась монография **«Антропонимические модели пермских языков»** [Тепляшина 1978а], источником для которой послужили [Тепляшина 1978а: 18]:

1) “для раннего периода – *писцовые* и переписные книги XV–XVII вв., в которых перечисляются населенные пункты, указывается национальный состав жителей селений, отмечается принадлежность дворов представителям той или иной народности, во многих регистрируется все наличное количество лиц мужского пола...”;

2) “для более позднего периода были использованы различные материалы, собранные исследователями XIX–XX вв., а также Списки населенных мест по губерниям второй половины XIX – нач. XX в.”;

3) “современная антропонимия удмуртов, коми и коми-пермяков прослежена на материалах похозяйственных книг”, а также по сведениям, собранным ею самой “на местах во время командировок в районы расселения пермских народов”.

Эта монография удмуртского языковеда получила в целом хороший отзыв рецензента: “Хотя и были опубликованы отдельные исследования по удмуртским, коми и коми-пермяцким личным именам, не оказалось работы, которая бы имела обобщающий характер. И Т. И. Тепляшина хотела восполнить этот пробел своей книгой («Антропонимические модели пермских языков»)”, что явилась “ценным вкладом в литературу о личных именах, используемых финно-угорскими народами, проживающими в Советском Союзе, поскольку только несколько подобных исследований появилось за последнее время” [Simm 1980: 231, 232].

Огромная заслуга Т. И. Тепляшиной как ономаста перед удмуртским языковедением заключается еще и в том, что она своими трудами и энтузиазмом “заразила” наукой о собственных именах более молодых лингвистов – Г. А. Архипова, С. К. Бушмакина, С. В. Соколова, Р. Ш. Насибуллина, В. К. Кельмакова и др., которые, хотя и не стали ономасиологами, тем не менее стали известны в этой области удмуртской лингвистики рядом своих публикаций. Не без ее прямого или косвенного влияния избрали

в качестве основной своей специализации именно ономастику ныне доктор филологических наук М. Г. Атаманов и кандидаты филологических наук Л. В. Вахрушева и Л. Е. Кириллова.

5. Третье направление в удмуртской лингвистике, где Т. И. Тепляшина добилась определенных успехов и тем самым подвигнула молодое поколение языковедов на дальнейшее его развитие – это изучение и публикация ранних памятников удмуртской письменности. В этой области, помимо нескольких статей [Тепляшина 1965а; 1971; 1973а], ею издана книга **«Памятники удмуртской письменности XVIII века»** [Тепляшина 1965], включающая свыше 10 наиболее ранних документов: удмуртских материалов Ф. И. Страленберга (с. 25–29), Г. Ф. Миллера (с. 30–64), И. Э. Фишера (с. 65–70), П. С. Палласа (с.71–115), П. Фалька (с. 116–120), В. Пуцек-Григоровича [Соч. 1775] и Дамаскина (Д. Семенова-Руднева) (с. 121–224), Ф. Аделунга (с. 229–233), М. Могилина (с. 234–293), а также два стихотворения – в честь посещения Екатериной II г. Казани (с. 225) и в честь открытия Казанского наместничества (с. 226–229). Автор данной книги не просто издает впервые или переиздает ранние письменные памятники удмуртского языка, но и сопровождает эти материалы с историей их составления и первоначальной публикации, снабжает весьма квалифицированными комментариями графического, фонетического и диалектологического характера с привлечением данных из современных удмуртских говоров и литературного языка, а в некоторых случаях и родственных языков, в необходимых случаях производит расшифровку неясных слов и их форм.

Непреходящее значение данной работы Т. И. Тепляшиной заключается в том, что, во-первых, она представила веское основание к тому, чтобы положить конец неверным измышлениям об отсутствии у удмуртов письменности до Октябрьской революции[110]; во-вторых, совершенно не доступные для большинства

[110] Официальные документы очень любили писать, что удмуртский народ был “лишен царизмом печатного слова” [Удмуртия за 40 лет, 206] или – еще более конкретно – “До Великой Октябрьской социалистической революции удмуртский народ ни своей письменности, ни тем более художественной литературы не имел” [Тридцать лет Сов. Удм., 144],

ученых и рядовых читателей ранние письменные документы сделала достоянием широкого круга исследователей и пользователей[111]; в-третьих, дала начало целой серии изданий и переизданий ранних памятников удмуртской письменности: первой удмуртской грамматики [Соч. 1775], словаря Захарии Кротова [Кротовъ 1785], грамматики Михаила Могилина [Могилинъ 1786], первопечатных книг на глазовском [Еванг. Гл. 1847; Азбука Гл. 1847] и сарапульском [Еванг. Сар. 1847; Азбука Сар. 1847] наречиях удмуртского языка, ранних печатных и рукописных трудов первого удмуртского ученого и литератора Г. Е. Верещагина [2001; 2002; 2004; 2006], имеющих прямое или косвенное отношение и к языкознанию.

Огромная роль Т. И. Тепляшиной в интенсификации этой области удмуртского языкознания состоит еще в том, что в свое время были сняты ею в различных книгохранилищах страны копии с ряда ранних рукописных документов и переданы в архивный фонд Удмуртского научно-исследовательского института, тем самым значительно облегчив их издание.

Научный опыт, приобретенный Т. И. Тепляшиной в работе над кандидатской диссертацией и в исследовании частных проблем, позволил ей в дальнейшем переходить к выполнению тем общего и обобщающего характера. К таковым я мог бы отнести,

---

и т. п. Подобные неверные сведения из публицистической литературы перекочевывали и в серьёзные научные и учебные издания: “У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских – издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого – на русской основе (с 30-х годов XX в.)” [Реформатский 1967: 422; 2006: 425]).

[111] “Выход в свет первого выпуска «Памятников удмуртской письменности XVIII века» – значительное событие в области удмуртской лексикологии и лексикографии. С появлением его широкий круг удмуртского населения получил возможность ознакомиться с литературой, относящейся к раннему периоду развития удмуртской письменности, а в руки языковедов попал благодатный материал для сравнительного изучения отдельных вопросов исторической грамматики и диалектологии пермских языков” [Тараканов 1967в: 60].

напр., главы «Фонетика» и «Графика» 1-го тома «Грамматики современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 5–55], написанные совместно с В. И. Лыткиным (думается, что соавторское с профессором В. И. Лыткиным исполнение ряда работ оказалось хорошей школой для удмуртского лингвиста); главы **«Удмуртский язык»** в коллективном труде «Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки» [Тепляшина 1966а]; раздел **«Пермские языки»** в трехтомном обобщающем исследовании «Основы финно-угорского языкознания» [Тепляшина и др. 1976]; статей об истории удмуртской графики [Тепляшина 1965а], по диалектной и исторической морфологии [Тепляшина 1975б; 1975в; 1981] удмуртского языка, а также по истории удмуртского и финно-угорского языкознания в форме рецензий на диссертации своих младших коллег – В. К. Кельмакова, С. К. Бушмакина, Б. Ш. Загуляевой [Тепляшина 1971а, 1972а, 1981а] и статей, анализирующих творческую деятельность специалистов в области финно-угроведения [Тепляшина 1979; 1987] и др.

6. Своего рода ***“лебединая песнь” юбиляра*** – это ее историко-фонетическое исследование **«Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках»**, выполненная в рамках коллективной темы лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР [Тепляшина 1978]. В данном исследовании автор на достаточно репрезентативном этимологическом материале анализирует развитие фонетической структуры финно-угорского слова в условиях пермского праязыка и частично в современных удмуртского и коми языков (“превращение одного микротипа в другой” [Тепляшина 1978: 324]). Исследование ведется в основном вокруг трех кардинальных проблем для исторической фонетики пермских языков: 1) отпадения конечных гласных и согласных финно-угорской основы в пермском праязыке; 2) озвончения глухих согласных в различных позициях в фонетической структуре основы; 3) эволюции инлаутных финно-угорских гласных в пермском языке-основе, прапермских гласных – в удмуртском и коми языках.

1. Отпадение/сохранение конечных гласных и согласных основы:

1) отпадение конечных гласных финно-угорской основы, в результате чего на базе финно-угорских непроизводных основ с фонетической структурой VCV, VCCV, CVCV, CVCCV формировались корни с фонетической структурой новых типов [Тепляшина 1978: 266–270]. Хотя Т. И. Тепляшина речь ведет лишь о двух типах непроизводных основ[112], однако их, судя по ее же примерам (101 пример именных основ[113], список “может быть увеличен до 200 за счет глаголов” [Тепляшина 1978: 269]), значительно больше, ср.:

VC – фуг. **ɐŋз* > удм. *ан* ’челюсть’, к. *ан* ’десна’; фуг. **ūče* > удм., к. *ыж* ’овца’; фуг. **ala* > удм. *ул* ’низ’, к. *ув*; *фуг. **elə̈* > удм. *ул* ’сук’, к. *ув* и др.;

CVC – фуг. **wuδ'e* > удм., к. *выль* ’новый’; фуг. **wōre* > удм. *выр* ’холм’, к. *вӧр* ’лес’; фуг. **joks'e* > удм., к. *юсь* ’лебедь’; фуг. **čänčä* > удм. *ӟӧж* ’утка’, к. *чӧж* и др.;

CV – фуг. **jäje* > удм. *е* ’перевясло’, к. *йи*; фуг. **jäŋe* > удм. *йӧ* ’лед’, к. *йи*; фуг. **luke-* > удм., к. *лыд* ’счет’ (э: непроизводная основа *лы-*, *-д* – словообразовательный суффикс [КЭСК, 164]);

CVCC – CV*r*C: фуг. **pertз* > удм. *борд* ’стена’, к. *берд-*; фуг. **kзrkз* > удм. *гырк* ’дупло’, к. *гырк* ’грудная и брюшная полости’; фуг. **šürtз* > удм. *шорт* ’пряжа’, к. *шӧрт*; CV*u̯*C: фуг. **kūte* > удм. *куать* ’шесть’, к. *квайт*; фуг. **kos'kз* > удм. *куась* ’мелкий’, к. *кось* ’речной порог’ и др.

Пронаблюдав сохранение/отпадение конечных гласных основы в современных финно-угорских языках, Т. И. Тепляшина приходит к следующим – в деталях, возможно, небезупречным – выводам: а) “Древняя финно-угорская основа лучше всего сохранилась в прибалтийско-финских языках (в частности, в финском) и саамском языках”; б) “По наличию односложных слов финно-

[112] “⟨...⟩в связи с отпадением конечного гласного в пермских языках появилось определенное число односложных слов, оканчивающихся на согласный (тип СГС) или на гласный (тип СГ), которых в прафинно-угорском языке не было” [Тепляшина 1978: 270; см.также: с. 280].

[113] Это, разумеется, далеко не предел, если принимать в расчет этимологические параллели, приведенные автором в других разделах исследования (ср., напр., сс. 275–279, 281–285 и др.).

угорского происхождения первое место занимают пермские языки и венгерский, за ними идут марийский и обско-угорские; в мордовских языках, как и в эстонском и вепсском, отпадение конечных гласных происходило лишь частично"; в) "Отпадение конечных гласных основы не следует относить к глубокой древности, к периоду финно-угорского языкового единства. Оно имело место в отдельных языках (венгерском, эстонском, вепсском, хантыйском, мансийском) или праязыках отдельных ветвей (прапермском, прамарийском)" [Тепляшина 1978: 274];

2) "случаи сохранения древних конечных гласных" в удмуртском языке при отпадении их в коми, напр.: удм. *боды* ~ к. *бедь* 'палка', удм. *гижы* ~ к. *гыж* 'ноготь; коготь', удм. *жӟуйы* (*жӟуй*) ~ к. *рой* 'мох', удм. *ӟиры* ~ к. *дзир* 'шарнир', удм. *йыды* ~ к. *ид* 'ячмень', удм. *ӧды* 'сила' ~ к. *ӧд* 'жара' и т. д. – всего приведено 30 сопоставлений; причем большинство удмуртских слов с конечным гласным *-ы* представляет собой, по ее мнению, производные основы, "сохраняющие древний конечный гласный в значении уменьшительно-ласкательного суффикса, функция которого ныне говорящими не воспринимается" [Тепляшина 1978: 271]. Последняя гипотеза, конечно, интересна, однако она автором не подтверждена ни с помощью отсылки на другие исследования, ни собственными этимологическими выкладками. Суффикс же субъективной оценки *-и*, употребляющийся в настоящее время в удмуртских личных именах (и только!) (*Иви* 'Ванюша', *Коли* 'Коленька' и др.) и приведенный автором в качестве подтверждения суффиксального происхождения конечного *-ы* в словах вышеприведенного типа (*ӧды* 'сила', *пӧлы* 'большой палец', *лымы* 'снег' и др.), этимологически едва ли связан с последним;

3) отпадение финальных согласных, обнажившихся после исчезновения ауслаутных гласных основы. При рассмотрении данного явления автор обращает особое внимание на: а) бесследное исчезновение в пермских языках интервокальных финно-угорских согласных *p*, *t*, *k*, *w*, оказавшихся в прапермском языке в абсолютном исходе основы (CVCV > CV), напр.: фуг. **kɜpɜ* > удм. *гы-*: *гыаны* 'волноваться, колыхаться', к. *гы* 'волна'; фуг. **käte* >

удм., к. *ки* ’рука’; фуг. **wete* > удм. *ву* ’вода’, к. *ва*; фуг. **joke* > удм. *ю-*: *Юшур* – название деревни, к. *ю* ’река’; фуг. **luwe* > удм., к. *лы* ’кость’; фуг. **täwe* > удм., к. *ты* ’легкие’ и др. Однако автор, вопреки своей декларации, представил примеры на выпадение и некоторых других согласных (*-j-*: фуг. **säje* > удм., к. *си* ’волос’; *-γ-*: фуг. **māγe* > удм., к. *му* ’земля’ и др.) и даже сочетания их (*-jk-*: фуг. **pojka* > удм., к. *пи* ’сын’, ’детеныш’), приведших аналогичную основу CVCV в CV [Тепляшина 1978: 275]; б) выпадение одного из согласных в сочетаниях различных согласных и упрощение геминаты, ср.: фуг. **s'ilmä* > удм., к. *син* ’глаз, глаза’; фуг. **sзksз* > удм. *сусы-*: *сусыпу* ’можжевельник’, к. *сус* ’кедр’; фуг. **sarwe* (э: **śarwe*) > удм., к. *сюр* ’рог’; фуг. **käktз* > удм., к. *кык* ’два’; фуг. **kočka* > удм. *куӵ* ’орёл’, к. *кутш*; фуг. **witte* > удм. *вить* ’пять’, к. *вит*; фуг. **leppä* или **lappə̈* > удм. *луп* ’селезенка’, к. *лоп* и др. [Тепляшина 1978: 276–279]. По наблюдениям Т. И. Тепляшиной, в ауслауте смогли сохраниться в обоих пермских языках лишь консонантные группы, “состоящие из сонорных *р*, *л*, *ль* + шумные согласные *т*, *д*, *с*, *сь*, *ш*, *ч*” [Тепляшина 1978: 280].

2. Спорадическое озвончение финно-угорских глухих согласных в различных позициях прапермской основы:

1) в интервокальном положении (фуг. **wšč'з* > удм. *возь* ’луг’, к. *видз*; фуг. **kōse* > удм. *кыз* ’ель’, к. *коз*; фуг. **pesä* > удм. *пуз* ’яйцо’, к. *поз* ’гнездо’ и т. д.) [Тепляшина 1978: 281–284]. Как свидетельствуют приведенные в этих разделах исследования материалы, озвончению в указанной позиции подвергаются преимущественно глухие аффрикаты и щелевые; на озвончение смычных представлен один-единственный коми-удмуртский пример (удм. *дугдытыны* ’остановить’ ~ к. *дугӧдны*), в остальных немногочисленных случаях или отсутствует удмуртское соответствие (*идӧра* ’аккуратный’, *ӧдны* ’нагноиться’, *чабыр* ’кулак’), или этимологическое сопоставление ошибочно (удм. *чигын* ’упрямый’ (ср. тат.: ср. *чигенү* ’пятиться, попятиться, отступать, отойти, ретироваться’) ~ к. *чиг* ’привередливый’);

2) между гласным и сонорным (фуг. **wзrta-* > удм. *вордыны* ’воспитывать’, к. *вердны* ’родить’; фуг. **sertз-* или **sšrtз-* > удм.

сурд ’роща’, к. *сорд*; фуг. **s′äč′nä* > удм., к. *сизь* ’дятел’ и др.) [Тепляшина 1978: 284];

3) в анлауте (фуг. **ponč3* > удм. *быж* ’хвост’, к. *бöж*; фуг. **kanš3-* > удм. *гожъяны* ’писать’, к. *гижны*; фуг. **tüŋe-* > удм. *дïнь* ’комель’, к. *дін*; фуг. **čšč3-* > удм. *ӝажы* ’полка’, к. *джадж*; **t3k3ra* > удм. *дэра* ’холст’, к. *дöра* и др.) [Тепляшина 1978: 285–286];

Спорадическое озвончение анлаутных глухих в пермских языках, по мнению Т. И. Тепляшиной, состоялось: 1) “под влиянием определенных согласных середины слова, в первую очередь, под ассимилятивным воздействием звонкого согласного, образованного при деназализации сочетаний **-nt-*, **-nč-*, **-n′č′-*, **-nk-* (э: **-ŋk-*. – *В. К.*), **-mp-*, **-mt-* и под влиянием сонорных *r* и *l*” [Тепляшина 1978: 286]. Правда, эта гипотеза не нова, ее (в различных вариантах и комбинациях) придерживались В. Штейниц, Э. Итконен, Д. Лако [Лыткин 1968: 20]; 2) в результате действия “закона омонимического отталкивания. Начальный звонкий согласный, появившийся в силу разных причин, удержался, вероятно, благодаря тому, что стал выполнять фонологическую функцию, с целью дифференциации значения слов” [Тепляшина 1978: 287][114]; 3) под “влиянием иранских заимствований, которые имели звонкий согласный. ⟨...⟩ Индо-иранские начальные звонкие и глухие согласные в пермских языках передаются без изменений”, ср.: удм. *бун*, к. *бон* ’мочало’ (ср. др.-инд. *banhá*); удм. *дуры*, к. *дар* ’разливательная ложка’ (ср. иран. *dárvi-*); удм., к. *дас* ’десять’ (ср. осет. *däs*, авест. *dasa*) и др. – удм. *курег*, к. *курöг* ’курица’ (иран. *kark′*, осет. *курк*); удм. *пыд* ’нога’,

[114] Эта гипотеза в более системной форме была выражена В. И. Лыткиным: “Выпадение конечных гласных, отпадение одного компонента в сочетании согласных⟨...⟩, исчезновение ряда согласных первого слога⟨...⟩, сужение корневых гласных и т. д. значительно обеднили фонологическую систему общепермского языка – образовалась масса омонимов. В качестве компенсации потерь в фонологическом строе прапермского языка выступают вновь появившиеся звонкие согласные” [Лыткин 1968: 24].

к. *подӧн* ’пешком’ (ср. авест. *pǎd*)[115] и др. [Тепляшина 1978: 287]. Эта гипотеза, не лишенная оснований, принадлежит, как мне кажется, самой Т. И. Тепляшиной;

4) в инлауте в составе сочетаний типа **-mp-*. Этот вид озвончения, в отличие от предшествующих типов (1–3), сопровождался утратой носовых согласных. К общеизвестным сочетаниям носовых согласных со смычными и аффрикатами: **-nt-* (фуг. **šəntа* > удм., к. *шуд* ’счастье’), **-mt-* (фуг. **tumtз-* > удм. *тодыны* ’знать’, к. *тӧдны*), **-ŋk-* (фуг. **č'eŋkä* > удм. *чигыны* ’сломать’, к. *чегны*), **-mp-* (фуг. **kəmpз-* > удм. *кибы* ’мошка’, к. *геб*), **-nč-* (фуг. **penčä-* > удм. *пужым* ’сосна’, к. *пожӧм*), **-n'č'-* (фуг. **lən'č'ə* > удм. *лузь* ’слепень’, к. *лӧдз* ’овод’), – Т. И. Тепляшина [1978: 287–291] добавила еще три сочетания, встречающиеся в единичных словах [Тепляшина 1978: 291]:

а) **-nš-* (фуг. **vanša* (ɔ: **wanša*? – *В. К.*) > удм. *вуж* ’старый’, к. *важ*; фуг. **kəntšз-* > удм. *гожъяны* ’писать’, к. *гижны*);

б) **-ms'-* (**koms'*, **komәs'* > удм., к. *кызь* ’двадцать’);

в) **-mč'-* (фуг. **šəmč'з* > удм. *шудзӓм* (ɔ: *шудӟам*), к. *жодза* ’скисшее (молоко)’).

В итоге лишь в 1/6 части (16 %) финно-угорских корней глухой анлаут заменился в прапермском языке на звонкий; “около 30 % инлаутных согласных в пермских языках озвончились” [Тепляшина 1978: 287]; в существенной части праязыковой лексики озвончение не состоялось [Тепляшина 1978: 293–300].

3. Раздел «Изменения гласных середины слова» анализируемой работы Т. И. Тепляшиной посвящен одной из самых сложных проблем преобразования финно-угорской вокалической системы в прапермскую, и далее некоторым процессам эволюции

[115] В. И. Лыткин иранские заимствования использовал для хронологизации рассматриваемого фонетического процесса: “Этот закон озвончения имел силу ещё в глубокой древности – вероятно, в ранний период существования общепермского языка-основы, и прекратил свое действие до отделения коми языка от удмуртского. ⟨...⟩ Знаменательно, что в иранских заимствованиях общепермского или более раннего периода начальные согласные в отношении глухости и звонкости не претерпели изменения (имеются лишь отдельные исключения)⟨...⟩” [Лыткин 1957: 89].

прапермских гласных в современные удмуртские и коми [Тепляшина 1978: 300–325]. Сложность данного вопроса заключается у выводу ни о количественном составе, ни о качестве гласных как в финно-угорском праязыке, так и общепермском. В этих условиях, разумеется, можно вести разговор не столько о преобразовании финно-угорской вокалической системы в прапермскую (“езда из неизвестности в незнаемое”) и далее прапермской в современные удмуртскую и коми, сколько лишь о множественности репрезентации фонетических единиц, постулируемых для более ранней вокалической системы, в единицы хронологически более поздних систем. Например, касаясь эволюции фуг. **ä* первого слога в прапермском, автор находит серию этимологических субститутов его, состав которых к тому же автором точно и не обозначен [Тепляшина 1978: 301–302]:

1) перед твердыми согласными фуг. **ä* > прап. **ȯ*, напр.: фуг. **kärз-* > прап. **kȯr* > удм. *корел* ’вкусный’, к. *кӧр* ’вкус’; фуг. **tälä* > прап. **tȯl* > удм. *тол* ’зима’, к. *тӧл*; и др. – приведено 11 примеров, среди которых одно коми слово не имеет удмуртского соответствия (к. *сӧвны* ’сесть (в сани, автобус и т. д.’), а другой коми лексеме удмуртская параллель определена неверно – к. *чӧлан* ’ломтик’ едва ли может быть сближена с удм. *чалыштыны* ’затесать (кол)’ (производное от *чалыш* ’косой, кривой’), восходящим к татарскому источнику, ср.: тат. *чалыш* ’косой, кривой’ [ТРС 1966: 630];

2) перед мягкими согласными фуг. **ä* > прап. **a*, напр.: фуг. **äjз-* > прап. **ajз-* > удм. *айы* ’отец’, ’самец’, к. *ай* – всего 2 примера);

3) “В части слов ф.-у. **ä* перешло в праперм. **ɛ* (к. *ӧ*, удм. э)”: фуг. **säppä* > прап. **sɛp* > удм. *сэп* ’желчь’, к. *сӧп* – 3 примера;

4) “В некоторых случаях финно-угорское **ä*, подчиняясь фонетическим законам пермских языков, претерпело и другие изменения” – какие изменения и в скольких примерах они представлены, в работе не указываются.

4. В целом же работа Т. И. Тепляшиной «Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских

языках» знаменательна в творчестве ученого в нескольких отношениях:

во-первых, она совместно с предшествующими пробными статьями и тезисами автора по исторической фонетике удмуртских диалектов («Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья» [Тепляшина 1971г], «Об одном волжско-камском ареальном явлении» [Тепляшина 1972], «Исторические изменения фонетики пермских языков – признаки диалектного членения» [Тепляшина 1973б], «Die Realisierung des Lautes **j* in den udmurtischen Mundarten» (’Реалитзация звука **j* в удмуртских диалектах’) [Tepljašina 1973]) наметила возникновение в лингвистическом творчестве юбиляра ***четвертого направления*** – историко-фонетического;

во-вторых, эта работа продемонстрировала творческую зрелость исследовательницы, готовность Т. И. Тепляшиной браться за решение серьезных историко-фонетических вопросов удмуртского (и пермского) языкознания. Этому в немалой степени способствовали (1) владение ею важнейшей источниковой базой (фонетикой современного удмуртского литературного языка, материалами диалектов и ономастики, сведениями из ранних письменных памятников, результатами контактирования удмуртского языка с соседними в сфере терминов родства и ономастики (ср., напр.: [Тепляшина 1966б; 1966в; 1973в и др.]) и т д.); (2) богатый опыт научного исследования различных уровней (фонетического, лексического, морфологического) системы удмуртского языка; (3) знание фундаментальных трудов в области финно-угроведения, тюркологии и русистики; (4) умение оценивать диссертационные работы своих младших коллег – В. К. Кельмакова «Кукморский диалект удмуртского языка» [Тепляшина 1971а], С. К. Бушмакина «Фонетические и морфологические особенности средне-восточных говоров удмуртского языка» [Тепляшина 1972а], Б. Ш. Загуляевой «Прикильмезские говоры удмуртского языка» [Тепляшина 1981а] и, (5) возможно, не в последнюю очередь, бескорыстная помощь со стороны профессора В. И. Лыткина в виде консультаций в ходе выполнения ею исследовательских работ и редакторской правки готового к публикации научного исследования;

в-третьих, этот же труд свидетельствует также и об определенной скованности Тамары Ивановны при выдвижении проблем по истории языка и самостоятельном их решении, о бóльшей, чем следовало бы, зависимости ее от ранее опубликованных другими исследователями работ в данном направлении. Это проявляется также и в том, что автор в рассматриваемом исследовании нередко лишь фиксирует те или иные фонетические изменения определенного периода, не выясняя причин их появления, напр.: делабиализацию прапермских гласных **ȯ* и **u̇* [Тепляшина 1978: 314–315]; лабиализацию гласных непервого слога слова в удмуртском языке [Тепляшина 1978: 319][116]; переход прапермского **o* (**o̧* и **ó̧*) в удмуртское *у* [Тепляшина 1978: 319–321][117] и др.

5. Тем не менее этим трудом Т. И. Тепляшина вплотную подошла к углубленному исследованию исторической фонетики удмуртского языка. Дальнейшее же продвижение ее в этом труднейшем направлении в языковедении было преостановлено неумолимым ходом Времени, которое в конечном счете не оставило шансов на выполнение благих намерений и далеко идущих планов исследовательницы...

7. *Тамаре Ивановне Тепляшиной исполнилось 85 лет*, и мы очень рады видеть ее, старейшую исследовательницу удмуртского языкознания, в наших рядах. Она уже отошла от лингвистической науки и занимается тем, чем может и к чему в данное время душа ее лежит – общественными, национальными и ветеранскими делами. Т. И. Тепляшина имеет на это полное право, ибо свое земное предначертание как исследователя удмуртского языка она уже, по моему глубокому убеждению, выполнила с лихвой.

Земной поклон Вам, дорогая Тамара Ивановна, за это! Юн тазалык но кузь улон даур Тйледлы!

---

[116] Время и причины протекания этого фонетического изменения подробно объяснены в работе [Кельмаков 1975а].

[117] О сужении прапермского **o* в удм. *у* несколько более подробно см. [Бубрих 1929; 1948; Кельмаков 1978].

Ф О Т О

2.11. И. В. ТАРАКАНОВ
(1928)

“И. В. Тараканов как ведущий специалист по удмуртскому языку и финно-угровед ⟨...⟩ известен во всех центрах уралистики как в нашей стране, так и за рубежом ⟨...⟩” [Кельмаков 1990б: 171].

“Ведущие мировые позиции в своей сфере научных знаний занимает университетская школа финно-угроведения. Бесспорными лидерами в разработке важнейших вопросов удмуртского языкознания являются доктора филологических наук, профессора И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Г. А. Ушаков [Пузанов и др. 2006: 275].

“Несмотря на то, что И. В. Тараканов, оставив в свое время академическую науку, перешел на преподавательскую деятельность, в его судьбе неразрывно связаны наука и педагогическая работа, которые, взаимно дополняя друг друга, гармонично сочетаются в его биографии. ⟨...⟩ Научная деятельность профессора И. В. Тараканова очень многогранна. Она распространяется на самые разные области не только удмуртского, но и отчасти пермского и финно-угорского языкознания: лексикографию, лексикологию, морфологию, фонетику, диалектологию” [Кириллова и др. 1999: 10; Шутов 2008: 12].

Удмурт лексикая очеркъёс (1971. – 96 б.).

Иноязычная лексика в современном удмуртском языке (1981. – 105 с.).

Заимствованная лексика в удмуртском языке (1982. – 188 с.).

Туала удмурт кыл: Лексикология (1992. – 140 б.).

Исследования и размышления об удмуртском языке (1998. – 484 с.).

Туала удмурт кыл: Нимвоштос (2003. – 32 б.).

Туала удмурт кыл: Каронкыллэн сям но дыр категориосыз (2004. – 38 б.).

Удмуртский язык: становление и развитие (2007. – 288 с.).

Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка (2010. – 40 с.).

2.11.1. Иван Васильевич Тараканов
(К 80-летию со дня рождения)

0. В 2008 г. исполнилось 80 лет известному финно-угроведу, одному из ведущих специалистов в области удмуртского языкознания, доктору филологических наук, профессору Ивану Васильевичу Тараканову.

Родился он 2 июля 1928 г. в удмуртском селе Покрово-Урустамак (удмуртское название *Урсыгурт*) Бавлинского района Татарской АССР – в одном из центров удмуртской культуры за пределами Удмуртской Республики: в этих краях учительствовали один из зачинателей удмуртской литературы Михаил Григорьевич Можгин (1890–1929) и современный писатель Евгений Васильевич Самсонов (1925–1989), выросли, учились и вступили в мир удмуртской филологии видный языковед Василий Иванович Алатырев (1908–1984) и поэт Владимир Васильевич Романов (1943–1989).

Закончив в годы войны среднюю школу в своем родном селе, Иван Васильевич в 1944–1948 гг. работал учителем начальных классов. В 1948–1952 гг. он учился на историко-филологическом факультете Удмуртского государственного педагогического института имени 10-летия УАО (с 1972 г. – Удмуртский государственный университет имени 50-летия СССР), после завершения которого в 1952–1953 учебном году работал учителем русского языка и литературы в Бавлинской средней школе. Впоследствии по приглашению Совета Министров Удмуртской АССР И. В. Тараканов перевелся в сектор языка Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы (с 1988 г. – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР). В 1955–1958 гг. он учился в аспирантуре Тартуского государственного университета, в одном из ведущих в стране центров уралистики и подготовки кадров высшей квалификации в области финно-угроведения, где под ру-

ководством академика АН Эстонской ССР, профессора Пауля Аристэ, написал свою кандидатскую диссертацию на диалектологическую тему и в 1959 г. успешно защитил ее [Тараканов 1959, 1959а]. С начала 1960 г. работает в Удмуртском государственном педагогическом институте: с 1962 г. он доцент кафедры удмуртского языка и литературы (с 1983 г. – кафедра удмуртского и финно-угорского языкознания), а с 1988 г. занимает должность профессора. С 1967 г. по 2005 г. (с небольшими перерывами) заведовал кафедрой: “сначала – удмуртского языка и литературы, затем, по мере расширения и отпочкования кафедр, кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания (с 1983 года) и кафедрой современного удмуртского языка и методики его преподавания (с 1995 года)” [Шутов 2008: 12]. С 1988 г. в течение нескольких лет по совместительству заведовал сектором языка Удмуртского института ИЯЛ УрО АН СССР.

1. Хотя И. В. Тараканов, приступив в начале 50-х гг. к работе в Удмуртском НИИ, и принял участие в выполнении плановой работы института – в составлении «Русско-удмуртского словаря» (был издан в Москве в 1956 г. [РУС 1956]), – все же истинная научная карьера его началась с ***диалектологии***, с написания диссертации на тему **«Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)»**.

Глубокое проникновение в недра удмуртского диалектного языка имело весьма положительное значение как для всего удмуртского языкознания в целом, так и для творческого пути самого ученого: с одной стороны, именно фундаментальное исследование ключевых диалектов стало той базой, на которой удмуртская лингвистика 50–70-х гг.[118] поднялась на более высокую теоретическую ступень; с другой стороны, экспериментальное изучение фонетики одного из сложных в фонетическом отношении периферийно-южных говоров – бавлинского – позволило учено-

[118] Именно в эти годы был защищен ряд кандидатских диссертаций по диалектологии удмуртскими лингвистами Т. И. Тепляшиной (1955), И. В. Тараканом (1959), В. К. Кельмаковым (1970), Р. Ш. Насибуллиным (1973), издана первая монография на диалектологическую тему – «Язык бесермян» [Тепляшина 1970] и др.

му войти во все многообразие проблематики описательной и исторической фонетики удмуртского языка.

Не случайно ряд работ автора, опубликованных им по теме диссертации и с использованием ее материалов, имеет исключительно важное значение как для диалектологии, так и для нормативной и исторической фонетики удмуртского языка. Такими являются, к примеру, статьи «Об ударении в удмуртском языке» [Тараканов 1959б], «О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка» [Тараканов 1959в], «Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта удмуртского языка)» [Тараканов 1960] и др. И в последующие годы Иван Васильевич время от времени обращался к различным вопросам удмуртской диалектологии: «Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned» [Tarakanov 1963], «К вопросу истории и развития неслогового *ӳ* в удмуртском языке» [Тараканов 1964], «Малы куддыр одйг кылэз пӧртэм сямен вераськом» [Тараканов 1964а], «Об употреблении и значении некоторых диалектных слов в удмуртском языке» [Тараканов 1967], «О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка» [Тараканов 1967а], «Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка» [Тараканов 1975а], «Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века» [Тараканов 1977]. В работах «История изучения удмуртских диалектов» [Тараканов 1981] и «Удмуртская диалектология и история языка на современном этапе» [Тараканов 1987], написанных опытным ученым в 80-е гг., подведены некоторые итоги полуторавекового развития удмуртской диалектологии, отмечены ее достижения, недостатки и намечены перспективы развития.

2. Изыскания в области диалектологии стали для И. В. Тараканова своеобразным трамплином к двум весьма далеким друг от друга областям удмуртского языкознания: с одной стороны, к проблемам ***исторической фонетики*** не только бавлинского диалекта, но и литературного языка (подробнее об этом см. раздел 2.12.2. «И. В. Тараканов и проблемы исторической фонетики

удмуртского языка» данной книги); с другой стороны, к размышлениям о судьбах ***удмуртского литературного языка***: об отдельных проблемах его возникновения и этапах развития; о тех функциях, которые выполняются им в современном обществе; о взаимоотношениях его с диалектами, об обогащении и развитии его выразительных возможностей; о развитии терминологии на удмуртском языке: «Удмурт литературной кыллэн кылдэмез сярысь» [Тараканов 1959е], «Тазьы кылдйз удмурт литературной кыл» [Тараканов 1966], «Огъя сюлмаськонмы» [Тараканов 1986], «Современное состояние и некоторые тенденции развития удмуртского литературного языка: Лексика и терминология» [Тараканов 1994б], «Кылмылэн азинскемез сярысь малпанъёс» [Тараканов 1997], «Кылэз узырмытон – удмурт калыклэн огъя ужез» [Тараканов 1997а], «Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху» [Тараканов 1998а] и др. С вопросами функционирования кодифицированной формы национального языка связана и работа профессора по усовершенствованию современной удмуртской орфографии и пунктуации в качестве одного из разработчиков и ответственного редактора новой версии свода правил письма и нового издания орфографического словаря [УКШГК 2002].

3. С начала 60-х гг. в творчестве И. В. Тараканова наметился устойчивый интерес к проблемам ***современной удмуртской грамматики***, особенно ***морфологии.*** Этому способствовали два фактора.

Во-первых, коллектив удмуртских языковедов приступил в конце 50-х – начале 60-х гг. к написанию нормативной научной грамматики удмуртского языка; и результатом многолетних изысканий явилось издание в трех книгах: «Грамматики современного удмуртского языка: Фонетика и морфология» [ГСУЯ 1962], «Грамматики современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения» [ГСУЯ 1970] и «Грамматики современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения» [ГСУЯ 1974]. Иван Васильевич, естественно, не мог оставаться в стороне от этого исключительно важного для филологической науки в республике дела: им были написаны разделы «Место-

имение» (с. 167–187), «Модальные слова» (с. 365–370) для первой книги; «Полное и неполное предложения» (с. 212–213) – в книге «Синтаксис простого предложения».

Во-вторых, его интерес к грамматическим вопросам поддерживался еще и тем, что, начиная с 60-х г. вплоть до последних лет, И. В. Тараканов читает в Удмуртском государственном университете курс морфологии современного удмуртского языка, и поэтому в этой области удмуртского языкознания у него, естественно, накопилось много точных наблюдений и ценных мыслей, которые частично обобщены им в ряде статей и выступлений на всесоюзных конференциях и международных конгрессах финно-угроведов: «Условное наклонение, его значения и происхождение суффикса *-сал* в удмуртском языке» [Тараканов 1967б], «Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке» [Тараканов 1975б], «Аналитические глагольные образования в пермских и марийском языках» [Тараканов 1981б], «Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке» [Тараканов 1984а], «Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке» [Тараканов 1990а], «Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках» [Тараканов 1996], «Удмурт кылын прилагательной тодметлэсь макем луэмзэ возьматӥсь категория» [Тараканов 1996а], «Функции и значения *л*-овых падежей в удмуртском языке» [Тараканов 1997б], «Есть ли в пермских языках флексия (окончание)?» [Тараканов 2000], «К вопросу о классификации разрядов местоимений в пермских языках» [Тараканов 2002а] и ряд др. Когда на факультете возникла проблема создания новой версии морфологии удмуртского языка (на удмуртском языке), не случайно И. В. Тараканов определенное время оказался во главе авторской группы, и сам написал некоторые разделы, которые были изданы предварительно отдельными брошюрами: «Туала удмурт кыл: Нимвоштос» [Тараканов 2003], «Туала удмурт кыл: Каронкыллэн сям но дыр категориосыз» [Тараканов 2004].

4. В 70-е гг. XX столетия И. В. Тараканов вновь вернулся к той проблематике, которая едва наметилась в самом начале его творческой молодости – к ***лексикологии*** (***и лексикографии***).

4.1. Серьезной заявкой ученого в этом направлении явилась книга **«Удмурт лексикая очеркъёс»** [Тараканов 1971], написанная в популярной форме и изданная в качестве методического пособия для учителей школ и учебника для студентов удмуртского отделения филологического факультета.

В этом учебном пособии, как в капле воды, отразились не только положительные стороны будущих монографических исследований автора, но и, к сожалению, их возможные недостатки.

С одной стороны, подведя итоги развития удмуртской лексикологии и лексикографии, книга в эскизной форме осветила все многообразие проблем, связанных с указанной тематикой (ср., напр., хотя бы названия отдельных ее глав: «Понятие о лексике и лексикологии» (с. 11–21), «Омонимы, синонимы, антонимы, паронимы и явления парономазии» (с. 22–37), «Лексика, составляющая словарный состав удмуртского языка» (с. 37–46), «Слова, заимствованные из соседних языков» (с. 46–60), «Общенародные слова и диалектная лексика» (с. 60–66), «Активный и пассивный словарь» (с. 66–72), «Фразеологизмы и фразеологические обороты» (с. 73–80), «Удмуртская лексикография» (с. 81–93) и т. д.), одновременно высветила недостаточную разработанность многих вопросов и разделов этой отрасли удмуртского языкознания. Восполнению определенных пробелов в этой области и был посвящен ряд лексикологических работ автора, опубликованных в последующие годы: «Лексические синонимы в удмуртском языке» [Тараканов 1973а], «Обозначение масти в удмуртском языке» [Тараканов 1975в], «Б. Мункачи и удмуртская историческая лексикология» [Тараканов 1987а], «Удмуртские термины цветообозначения в сравнении с восточными финно-угорскими языками» [Тараканов 1987б], «Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками» [Тараканов 1990], «Ю. Вихманн как исследователь исторической лексикологии удмуртского языка» [Тараканов 1991], «Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка» [Тараканов 2010] и пр.

С другой же стороны, в ней оказались такие типичные неточности, неувязки, недостатки и ошибки, которые в изрядном коли-

честве встречаются во всех последующих монографических исследованиях и учебных пособиях автора[119]: 1) излишне вольное обращение с датами и временны́ми отрезками [Тараканов 1971: 38, 39; 1992: 49, 50, 52, 53]; 2) не всегда правильное распределение удмуртской лексики по хронологическим пластам [Тараканов 1971: 41–43]; 3) логическое несоответствие между определением (теоретическим положением), с одной стороны, и подтверждающими его языковыми примерами, – с другой [Тараканов 1971: 39; 43]; 4) смешение частеречных и грамматических форм (ср.: [Тараканов 1971: 62]); 5) ошибочная передача на письме иноязычных (чувашских, татарских и др.) форм и пр. И т. д., и т. п.

4.2. Исследованию сложнейшей проблемы ***исторических пластов в лексике удмуртского языка***, в частности, тюркских заимствований в ней, и была посвящена докторская диссертация И. В. Тараканова «Удмуртско-тюркские языковые контакты» [Тараканов 1985; 1985а], защищенная в 1986 г. в Институте языкознания АН СССР. Ее положения получили печатное воплощение в книгах **«Иноязычная лексика в современном удмуртском языке»** [Тараканов 1981а], **«Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты»** [Тараканов 1982], **«Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь»** [Тараканов 1993] и в серии статей, напр.: «История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов» [Тараканов 1975], «Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции» [Тараканов 1976], «Удмурт вераськонэ пырем араб но перс кылъёс» [Тараканов 1978], «Некоторые особенности лексико-семантических изменений татаризмов в удмуртском языке» [Тараканов 1979], «О булгарских заимствованиях в удмуртском языке» [Тараканов 1980], «Проникновение тюркских элементов в удмуртское словообразование» [Тараканов 1980а], «Об исторических связях удмуртов

[119] Сказанное касается всех его публикаций книжного характера ([Тараканов 1981а; 1982; 1992; 1993; 1998; 2004; УКШГК 2002]; и др.), за исключением, пожалуй, самой последней работы – «Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка» [Тараканов 2010].

с другими народами по данным языка» [Тараканов 1982а] и др. В этих исследованиях, в особенности в последнем, автором сделана попытка использовать лингвистические данные для обобщений исторического характера, а также проделана определенная работа по выявлению удмуртских элементов в лексике контактирующих соседних языков (как правило, на основе материалов предшествующих исследователей) – чувашского, татарского, башкирского и марийского.

Достойным итогом многолетних размышлений юбиляра над историческими путями формирования и развития лексического богатства удмуртского языка, хочется надеяться, станет монография, посвященная исторической лексикологии, над которой ученый работает в последние годы[120].

5. Заботой о развитии удмуртского (и финно-угорского) языкознания проникнуты обзорные и юбилейные статьи И. В. Тараканова: «О первой научной грамматике удмуртского языка» [Тараканов 1959д], «Некоторые замечания о подготовке финно-угроведов» [Тараканов 1968], «Die Entwicklung der udmurtischen Sprachwissenschaft in der UdSSR (1971–1977)» [Tarakanov 1978], «Ӟыжы-выжы кылъёсмыя научной центр» [Тараканов 1984]. Об этом же свидетельствуют его взыскательные и доброжелательные рецензии на научные издания своих коллег, напр., на книги «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (М.: Наука, 1965) Т. И. Тепляшиной [Тараканов 1967в], «Уд-

[120] “В настоящее время мною разрабатывается и читается спецкурс по исторической лексикологии удмуртского языка под названием «Материалы к исторической лексикологии удмуртского языка» (по заимствованиям уже опубликованы три названия монографических работ⟨...⟩ К 80-летию своего дня рождения планирую издание учебного пособия **«Историческая лексикология удмуртского языка»**” (цитируется по: [Шумилов 2006: 131]). “И планов у него все также – громадье: подготовить разделы «Глагол» и «Местоимение» для сборника «Морфология удмуртского языка», отредактировать этот коллективный научный труд; опубликовать учебное пособие для студентов по **исторической лексикологии удмуртского языка** (2008); переиздать ряд методических разработок кафедры...” (выделение мое.– *В. К.*) [Краснова 2006: 239].

муртско-русский словарь» (М.: Русский язык, 1983) [Тараканов 1983; 1984б], «Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст.» (Устинов, 1986) [Тараканов 1987в], на кандидатскую диссертацию В. К. Кельмакова «Кукморский диалект удмуртского языка» (АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1970) [Тараканов 1998б]; и др.

Как ***историк удмуртского языкознания***, И. В. Тараканов известен не только обзорными и юбилейными статьями (см. выше), но и галереей портретов удмуртских лингвистов: Ф. Й. Видеманна [Тараканов 1959д], П. Н. Перевощикова [Тараканов 1966а], В. И. Алатырева [Тараканов 1968а; 1968б], Д. В. Бубриха [Тараканов 1992а], Т. И. Тепляшиной [Тараканов 1994; 1994а], В. К. Кельмакова [Тараканов 1998: 378–383; 2002; 2002в], Б. А. Серебренникова [Тараканов 1998: 384–390], В. М. Вахрушева [Тараканов 1998: 401–404], С. П. Жуйкова [Тараканов 2001а], М. Н. Булычева [Тараканов 2002г], Г. Н. Никольской [Тараканов 2007: 267–272], Р. И. Яшиной [Тараканов 2002б], С. В. Соколова [Тараканов 2007: 276–277], М. Г. Атаманова [Тараканов 2007: 277–281], А. Ф. Шутова [Тараканов 2007: 281–283], П. Аристе [Тараканов 2007: 283–285] и др.

О глубокой заинтересованности И. В. Тараканова судьбами удмуртской гуманитарной науки свидетельствуют еще и следующие факты:

1) в трудные застойные десятилетия, в период молчаливого игнорирования интересов удмуртской нации в республике, он нашел силы, настойчивость и возможности для направления творческой молодежи в науку. Благодаря его стараниям и моральной поддержке стали кандидатами исторических наук Л. С. Христолюбова и Е. П. Никонова, педагогических наук – Г. А. Ушаков, филологических наук – автор этой книги;

2) в последние десятилетия 7 человек писали под его руководством диссертации и стали кандидатами наук.

6. И. В. Тараканов как один из ведущих специалистов по удмуртскому языку и финно-угровед (он является автором свыше 200 опубликованных работ, среди них 7 монографий) пользуется заслуженным авторитетом в международной уралистике, ибо его

труды, опубликованные в различных изданиях Ижевска, Москвы, Ленинграда, Таллинна, Тарту, Саранска, Сыктывкара, Чебоксар, Еревана, Ужгорода, Будапешта, Гамбурга, Турку и других городов, пользуются заслуженным авторитетом, его доклады, прочитанные на III (Таллин – 1970), IV (Будапешт – 1975), V (Турку – 1960) и VI (Сыктывкар – 1985), VII (Дебрецен – 1990), VIII (Ювяскюля – 1995), IX (Тарту – 2000) и X (Йошкар-Ола – 2005) Международных конгрессах финно-угроведов, в многочисленных всесоюзных, зональных, республиканских конференциях и симпозиумах, вызывают большой интерес.

2.11. 2. И. В. Тараканов и проблемы исторической фонетики удмуртского языка

0. Первый из удмуртских лингвистов историк удмуртского языка. До начала творческой деятельности И. В. Тараканова проблемами исторической фонетики удмуртского языка занимались преимущественно зарубежные исследователи, в их числе Т. Г. Аминофф, Ю. Вихманн, Т. Е. Уотила, Д. Лако, Э. Итконен и некоторые другие. Что касается отечественных пермистов, то предшественниками удмуртского ученого явились со своими частными и/или обобщающими исследованиями – преимущественно в рамках прапермской лингвистики – А. И. Емельянов, Д. В. Бубрих и В. И. Лыткин. И лишь в творчестве проф. Тараканова впервые был представлен глубокий интерес собственно удмуртского языковедения к сложнейшей области национальной лингвистики – к истории фонетики родного языка.

1. Зарождение интереса к исторической фонетике было обусловлено двумя факторами: с одной стороны, именно И. В. Тараканов впервые в истории отечественного удмуртоведения всерьез обратился к широкомасштабному инструментальному изучению фонетики удмуртского языка, и, во-вторых, он же приступил к детальному описанию современного состояния фонетики одного из говоров архаичного периферийно-южного диалекта удмуртского языка – именно подобных материалов так не хватало его предшественникам, как зарубежным финно-угроведам, так и оте-

чественным исследователям удмуртского языка. Речь, разумеется, идет о его кандидатской диссертации «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)», защищенной в 1959 г. [Тараканов 1959; 1959а]. В рамках данного исследования, посвященного синхронному описанию весьма непростой и во многих отношениях архаичной фонетики своего родного говора, И. В. Тараканов обратил серьезное внимание отдельным вопросам истории удмуртской (в первую очередь диалектной) фонетики, чему были посвящены специальные главы рукописной монографии. Определенные ее положения по данной проблематике были вкраплены в публикациях по рассматриваемой диссертации, произведенных в конце 50-х – начале 60-х гг. истекшего столетия: «Об ударении в удмуртском языке» [Тараканов 1959б], «О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка» [Тараканов 1959в], «Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта» [Тараканов 1960]; значительная же часть – совместно с предыдущими публикациями – была обнародована через сорок лет в книге «Исследования и размышления об удмуртском языке» [Тараканов 1996: 8–165]. К этой же серии примыкают несколько работ, выполненных в начале 60-е гг. и посвященных вопросам фонетики других диалектов: «Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned» [Tarakanov 1963], «К вопросу истории и развития неслогового *ў* в удмуртском языке» [Тараканов 1964], «О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка» [Тараканов 1967а].

Вторично И. В. Тараканов вернулся к проблемам исторической фонетики спустя десятилетие на новом материале – в связи с исследованием удмуртско-тюркских языковых контактов им рассматривались особенности фонетической адаптации булгарских и татарских заимствований в удмуртском языке и обусловленные ими фонетические инновации и консервации в удмуртских диалектах. Основные положения этого этапа изложены автором в следующих публикациях: «Об особенностях развития

островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции» [Тараканов 1976], «О булгарских заимствованиях в удмуртском языке» [Тараканов 1980: 127–128]; «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» [Тараканов 1982: 25–29, 109–129] и др.

Поскольку И. В. Тараканов подошел к исторической фонетике удмуртского языка через призму бавлинского диалекта, фонетические особенности именно этого говора и послужили не только отправным пунктом для исторического анализа ряда явлений и процессов в фонетике удмуртского языка, но во многом и преимущественным объектом исследования.

2. В области фонемной парадигматики им рассматривался целый ряд явлений и процессов, характерных не только для бавлинского диалекта, но и для других, а также в той или иной степени и для удмуртского литературного языка:

1) огубленная фонема *ӧ̈* (= *ȯ*), которую со ссылкой на мнение В. И. Лыткина, выводит “из прапермского языка-основы”, где она “очевидно, была лабиализованной”. Древнее состояние данной фонемы сохранилось в бавлинском и некоторых окраинных диалектах, в основной же массе удмуртских диалектов она пережила делабиализацию [Тараканов 1959в: 188; 1998: 81];

2) огубленная фонема *ӱ* (= *ȕ*): удмуртский ученый, отклоняя мнение Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихманна и др. о вторичном характере *ӱ*, возникшего в абсолютном большинстве случаев из *и* под влиянием фонетического окружения (в соседстве с палатальными согласными, в положении перед переднерядными гласными *і* и *е*), а в определенном количестве случаев проникшего в удмуртский язык вместе с татарскими заимствованиями, принимает предположение В. И. Лыткина о первичности данной фонемы в диалектах [Тараканов 1959в: 189]: “Фонема *ӱ*, сохранившаяся в бавлинском и других окраинных диалектах, ***имеет глубокие исторические корни*** (здесь и далее выделение полужирным курсивом мое. – *В. К.*) и восходит к общедревнепермскому закрытому *о̑*” [Тараканов 1998: 86]. Здесь явственно звучит полемика автора с Д. В. Бубрихом, утверждавшим (как впоследствии выяснилось, ошибочно), что “диалектное удмуртское *ыы* (= *ȕ* = по Тараканову

ӟ), как принято думать, ***не имеет особенно глубоких исторических корней***. Наблюдено, что это *ы* употребляется почти всегда в соседстве мягких согласных, а в немногочисленных остающихся случаях вроде *пы* „дерево" может быть извлечено из форм, где было в соседстве с *й* – ср. *пы(й)ын* „в дереве" и т. п. Во всяком случае это диалектное *ы* не имеет никакой поддержки в коми языке" [Бубрих 1948: 33]. И последнее утверждение Д. В. Бубриха, как было указано уже выше в цитате из статьи И. В. Тараканова, оказалось преждевременным;

3) фонема *ӓ*, возникновение которой в бавлинском диалекте И. В. Тараканов первоначально объясняет внесистемным фактором – "ничем иным, как влиянием татарского языка" [Тараканов 1959в: 188, 203; см. также: 1982: 128]. Позднее (в 1976 г.) он воспринимает интралингвистический фактор как причину появления новой фонемы *ӓ* в отдельных удмуртских диалектах: "Причину проникновения фонемы *ӓ* в островные говоры[121]

[121] Выражение "островные говоры" (удмуртского языка) характеризует особенности размещения небольших групп их носителей в сплошной массе иноязычного (в нашем случае татарского и/или русского) населения, но отнюдь не указывает на конкретную территорию распространения рассматриваемых говоров и отнесение их к определенной группе единиц диалектного членения. Соответственно имеются *северноудмуртские* **"островные говоры"**, распространенные в Слободском, Унинском, Зуевском и др. районах Кировской области, *срединные* **"островные говоры"** (говоры деревень Вятско-Полянского района Кировской области), *южноудмуртские* **"островные говоры"** (Агрызский, Менделеевский районы Республики Татарстан), *периферийно-южные* **"островные говоры"** (кукморский, шошминский, бавлинский, татышлинский, красноуфимский и др.). Следовательно, употребление выражения "островные говоры" в смысле ***юго-западные*** или ***периферийно-южные***, как это имеет место в публикациях И. В. Тараканова, следует считать в научном отношении неудачным. Кстати, в работе, на которую ссылается автор приведенной цитаты, вместо выражения: "фонема *ӓ* может возникнуть во всех ***островных диалектах***", – стоит: "мы вправе ожидать возникновения фонемы *ӓ* во всех ***диалектах юго-западного наречия***" (выделение полужирным курсивом мое. – *В. К.*) [Кельмаков 1968: 195].

В. К. Кельмаков объясняет наличием так называемой “пустой клетки” в системе вокализма. Поскольку фонема *ӓ* включилась в систему корреляции по ряду, которая уже существовала у огубленных гласных верхнего и среднего подъема, то Кельмаков допускает мысль о том, что фонема *ӓ* может возникнуть во всех островных диалектах, имеющих почти сходную с кукморским диалектом систему вокализма и контактирующих в той или иной степени с тюркскими языками. Нам кажется, что данное предположение не лишено научного основания” (цитируется по: [Тараканов 1998: 159]);

4) заднерядный вариант *ə̂* фонемы *i̯*: вопреки мнению Э. Итконена и Д. В. Бубриха, считавших гласный *ə̂* вторичным (из более раннего **i̯*), И. В. Тараканов склоняется к гипотезе В. И. Лыткина о первичности *ə̂*: “Учитывая тот факт, что заднерядное *ы* (*ə̂*) встречается лишь в окраинных диалектах коми и удмуртского языков, сохранивших наиболее архаичные черты этих двух языков, В. И. Лыткин, наоборот, склонен за первоначальную форму брать именно данный вариант (т. е. *ə̂*. – *В. К.*). Мы также придерживаемся этого мнения” [Тараканов 1959в: 190; см. также: 1998: 87–88]. Следует заметить: апелляция при определении первичности какого-либо языкового явления лишь к маргинальному характеру диалекта, содержащего искомое явление, весьма шатка, ибо окраинные диалекты способны не только сохранить архаичные элементы, но и выработать поздние инновации. Не случайно позднее (1976) И. В. Тараканов вынужден был отказаться от своего первоначального мнения относительно первичности *ə̂* в сравнении с *i̯*: “Однако новые данные не подтвердили наше предположение” (цитируется по: [Тараканов 1998: 161]); далее, сославшись на одну из работ В. К. Кельмакова, где изменение *i̯* > *ə̂* произошло под влиянием произносительной нормы татарского языка, замечает: “С таким мнением, пожалуй нельзя не согласиться, так как функционирование заднерядного варианта наблюдается именно в тех диалектах, которые развиваются в непосредственном контакте с татарским населением” [Тараканов 1998: 118] (кстати, если быть более точным, то диалекты развиваются в контакте с “диалектом” (“говором”, “языком” и т. п.), но не с “населением”);

5) заднеязычный носовой согласный *ŋ*, который удмуртский автор, в подтверждение мнения А. Пенттилы, А. И. Емельянова [1927: 52–53], возводит к “общефинно-угорскому языку-основе” [Тараканов 1959в: 190–191; 1998: 88], хотя ряд его предшественников считали *ŋ* поздней инновацией в удмуртском языке, обусловленной иноязычным (татарским) влиянием [Верещагинъ 1895 (ссылка производится по: Верещагин 2002: 15); Aminoff 1896: 17–18]; сохранение в бавлинском диалекте рассматриваемой фонемы, давно утраченной северными и срединными говорами и постепенно идущей к исчезновению даже в южных диалектах удмуртского языка, автор совершенно справедливо объясняет соседством “с тюрко-татарскими народностями, из языков которых они (окраинные диалекты. – *В. К.*) в течение нескольких столетий заимствовали слова с заднеязычным звуком *ŋ*” [Тараканов 1959в: 191];

6) согласный *ў* (= *u̯*), употребляющийся в анлауте перед *а* в составе “15–16 корневых слов”[122]: *ўапум* ’век’, *ўайыж* ’оглобля’, *ўал′ес* (э: *ўал′эс*) ’постель’, *ўад′ес* (э: *ўад′эс*) ’время, период’, *ўаз′ен* (э: *ўаз′эн*) ’раньше, прежде’ и т. д. – в праудмуртском языке представлял собой самостоятельную фонему, противопоставленную фонеме *в*, т. е. “эти звуки некогда представляли в удмуртском языке две различные самостоятельные фонемы” [Тараканов 1964: 76–77]. Причем фонема *в* “по происхождению восходит к общефинно-угорскому языку-основе” и сохранилась во всех диалектах до сих пор [Тараканов 1964: 77]; согласный же *ў* ученый, со ссылкой на В. И. Лыткина, возводит к общепермскому периоду: “другая фонема (*ў* неслоговое) берет свое начало от другого источника. В. И. Лыткин возводит ее к общепермскому языку-основе, предполагая, что за неслоговым *ў* в общепермском языке последовало закрытое *о̂*. ⟨...⟩ Следовательно, там, где в общепермском языке-основе выступало *ў* с последующим закрытым *о̂*, в глазовском, куединском, уфимском диалектах и в некоторых

[122] В последнее время количество корневых слов на *ўа-* обнаружено в удмуртских диалектах около 30 корневых слов [Кельмаков 1997: 61–70].

срединных (в вавожско-кизнерско-можгинских) говорах удмуртского языка сохранился дифтонг *ўа*, а там, где его не было, имеем губно-зубное *в*. В других же диалектах удмуртского языка неслоговое *ў* перешло в губно-зубное *в*" [Тараканов 1964: 77–78). Здесь приходится акцентировать внимание на трех положениях этой пространной и несколько путаной цитаты:

а) в приведенном отрывке все же нет ясности, к какой до- и/или прапермской фонеме восходит *ў*, поскольку лишь констатируется наличие данной фонемы: "В. И. Лыткин возводит ее (фонему *ў*. – *В. К.*) общепермскому языку-основе, предполагая, что за неслоговым *ў* в общепермском языке последовало закрытое *о̂*";

б) непонятно также, откуда могло появиться "губно-зубное *в*" "там, где **его** (по цитате не определить, что́ имеется в виду под достаточно "коварным" местоимением *его*: то ли *ў*, то ли *о̂*, то ли сочетание *ўо̂* или дифтонг *ўа*) не было", т. е. на пустом месте;

в) в чем действительно прав И. В. Тараканов (с легкой руки В. И. Лыткина), так это в том, что корни удмуртского *ў* простираются вглубь не далее прапермского языка, ибо в допермском языке-основе не было оппозиции **u̯* : **v*, и, как показали исследования последних лет, она выработалась лишь в общепермском праязыке [Кельмаков 1997: 58–60]. И ряд других явлений.

3. В области фонемной синтагматики объектом внимания удмуртского ученого стали следующие процессы и явления, имевшие место в истории бавлинского и ряда других диалектов удмуртского языка:

1) употребление *ə̂* перед велярными согласными или в позиции между *ž*, *š* и палатальными, характерное для некоторых диалектов (бесермянского наречия, кукморского, бавлинского и др. говоров) на месте *i* большинства диалектов удмуртского языка (см. примеры по бавлинскому диалекту: *gə̂žə̂* 'ногти, когти', *žə̂l'ə̂* 'цепь', *žə̂ŋgə̂rtə̂nə̂* 'звенеть, зазвенеть', *ə̂škanə̂*, *ə̂škaltə̂nə̂* 'дергать, выдернуть', *šə̂pə̂rtə̂nə̂* 'шептаться', *ʤ̌ə̂katə̂nə̂* 'удушить, задушить, стиснуть' и др. – эти слова "в говорах северных и средних (э: срединных? – *В. К.*) удмуртов произносятся через *i*" [Тараканов 1959в: 201]). Это явление до сих пор не нашло достоверного ис-

торического объяснения – не выяснено, который из членов корреспонденции *ə̑* // *i* (*ə̑* или *i*) является исторически первичным; не определено, не восходят ли оба к третьей фонеме (см., напр.: [Кельмаков 1992: 163; 2003в]). У профессора Тараканова свой ответ на эти вопросы: “Впрочем, произношение приведенных и им подобных слов через *i* является результатом позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 201]. К сожалению, это вскользь (“впрочем”) выдвинутое положение ничем и никак не аргументировано автором, и посему научная значимость его (положения) существенно снижается;

2) свойственное для многих южноудмуртских диалектов, в их числе и бавлинского, замещение первичного *ы* (*i̮*) гласным *и* (*i*) в соседстве с палатальными согласными и *й* (*j*) в различных категориях морфем и в зависимости от этого завершившееся с различными последствиями (на эти последствия автор еще не обратил своего внимания, они впервые анализированы в: [Кельмаков 1992; более подробно см.: Кельмаков 2004: 158–163]):

а) в пределах первого слога корневой морфемы (слоговой состав слова в данном случае безразличен. – *В. К.*): *vil′* вм. *və̑l′* ’новый’, *tiś* вм. *tə̑ś* ’зерно, семя’, *piź* вм. *pə̑ź* ’мука’, *biźə̑nə̑* вм. *bə̑źə̑nə̑* ’бежать, протекать, струиться, выйти замуж’ [Тараканов 1959в: 198; 1960: 134]. Это явление, имевшее место в позиции перед палатальными согласными, на обильном материале было обследовано в свое время Ю. Вихманном [Wichmann 1915: 19–20, 22] и подтверждено А. И. Емельяновым [1927: 16–17];

б) конечного гласного *-ы* многосложных основ перед суффиксальным *й* (*j*), напр.: *šundə̑* ’солнце’, *šundijez* ’солнца (э: ’солнце (акк.)’. – *В. К.*)’ вм. *šundə̑jez* [Тараканов 1959в: 196]; *tə̑pə̑* ’дуб’ – *tə̑pijos* ’дубы’, *gӱmə̑* (лит. *гумы*) ’стебель’ – *gӱmijos* ’стебли’, *purtijen* (лит. *пуртыен*) ’с котлом’, *tӧd′ijez* (лит. *тӧдьыез*) ’белый (этот)’, *dʒ̑ə̑nijo* (э: *ḍʒ̑ə̑nijo*) (лит. *жсыныё*) ’половинчатый’ из *ḍʒ̑ə̑nə̑* ’половина’, *lə̑mijanə̑* (лит. *лымыяны*) ’идет снег (букв. снежить)’ (э: ’идти о снеге (букв. снежить)’. – *В. К.*) из *lə̑mə̑* ’снег’ и др. [Тараканов 1960: 129–130]. Это явление ранее было уже отмечено Т. Г. Аминоффом в “казанском” (ныне кукморском) диалекте, ср.: *busy* ’поле’ – *busi-jë* ’в поле (куда?)’, *busi-jen* ’(с) полем’ [Aminoff

1896: 14]) В отличие от предыдущего случая, комбинаторное замещение фонемы *-ы(-)* (*-i̯(-)*) гласным *-и-* (*-i-*) в данных формах привело к возникновению в южноудмуртских говорах (в их числе и в бавлинском) чередования *-ы(-)* // *-и-*, напр.: *лым**ы*** ’снег’, *лым**ы**-тэк* ’без снега’, *лым**ы**-лы* ’снегу’ // *лым**и**-йэн* ’(со) снегом’, *лым**и**-йис′* ’из снега’ и др.;

в) перед палатальным *ś* в составе суффиксов “во всех именных, отглагольных, послеложных и всяких других образованиях”, напр.: *kə̑tiś* (лит. *кытысь*) ’откуда’, *gurtiś* (лит. *гуртысь*) ’из деревни’, *uramiśen* (лит. *урамысен*) ’с улицы’, *vil′iś* (лит. *выльысь*) ’снова’, *matiś* (лит. *матысь*) ’ближний’, *mugorə̑z pit′ijiś* (лит. *мугорыз пичиысь*) ’от того (э: оттого. – *В. К.*), что ростом мал’ и др. [Тараканов 1960: 132]. Это изменение привело к возникновению варьирования определенных служебных морфем и тем самым умножило количество дифференциальных признаков между северным и южным наречиями, ср.: сев. *-ыс′* // южн. *-ис′*, сев. *-ыс′эн* // южн. *-ис′эн* и др.;

3) переход гласного *и* первого слога под влиянием палатальных согласных и *j* в *ӥ* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 189, 196; 1998: 86]. Причем этот звукопереход возведен им в абсолют: “Как видно, ***во всех тех случаях, когда*** (выделение полужирным курсивом мое. – *В. К.*) звук *ӥ* употребляется в соседстве с палатальными согласными, он вторичного происхождения. ⟨...⟩ Гораздо легче проследить процесс рассматриваемого звукоперехода в заимствованиях, так как их исходный фонетический состав в большинстве случаев установить нетрудно, ср. например: *kӥl′t′o* (из *kul′t′š′o* < рус. *кольцо*), *t′ӥjə̑n* < рус. *чугун*, (заимствовано, очевидно, через татарский язык из *чуен*), *kӥi̯ma* (э: *kӥi̯ma*) < тат. *койма* ’забор’, *t′ӥmer* < тат. *чумар* ’клецки’, *kӥjə̑* < тат. *кое* ’колодец’, *t′ӥjak* < тат. *туяк* ’копыто’, *mӥńt′olo* ~ *mińt′olo* < тат. *мунчала* ’тряпка‘” [Тараканов 1960: 136–137]. Возникновение *ӥ* (= *и̇*) из *и* в положении перед палатальными согласными – факт общеизвестный в фонетике периферийно-южных говоров (ср., например: [Aminoff 1896: 11; Wichmann 1915: 9–10; Емельянов 1927: 13–14]), но этот звукопереход все же не сто́ит абсолютизировать, поскольку в указанной позиции возможен и первичный *и̇*, не восхо-

дящий к более раннему *и*, например, в словах: *ńu̇l'* (лит. *ньыль*) ’четыре’, *ku̇d'okə̑n* (лит. *кыдёкын*) ’далеко, вдали’, *mu̇ńo* (лит. *мунё*) ’кукла’ и др.;

4) редкие случаи лабиализации узких гласных *i* и *ə̑* в *ӱ* “очевидно, под воздействием последующих огубленных гласных”: *kӱd'okə̑n ~ kid'okə̑n* (из *kə̑d'okə̑n*) ’далеко’, *bӱd'd'ə̑nal ~ bӱd'd'ə̑nnal* (из *bə̑d'd'ə̑n* ’великий’ + *nunal* ’день’) ’пасха’, *kӱśpə̑* (из *kə̑źpu*, ср. лит. *кызьпу*) ’береза’ и др. [Тараканов 1960: 137]. Этот случай фонетического изменения не так уж и *очевиден*: в свете исследований последнего времени, в вышеприведенных и им подобных формах имел место, напротив, процесс спорадической делабиализации праудм. **u̇* в *i̯* (> лит. *ы*, бавл. *ə̑*) с последующим изменением его в палатальном окружении в *i*, т. е. **u̇* > бавл. *ӱ ~ ə̑* (>) *~ i*. С явной делабиализацией *и ~ ӱ* (> *ə̑*) >*i* имеем дело и в следующих случаях, приведенных автором по несколько иному поводу: *munt'o ~ mӱńt'o ~ mińt'o* < чув. *m'unźa*, тат. *munča* ’баня’, *muńo ~ mӱńo* (э: *mӱńo*) *~ mińo* (лит. *мунё*) ’кукла’ [Тараканов 1960: 137];

5) “под влиянием переднесреднеязычно-палатальных согласных палатализации подвергается также гласный звук *о* в слове *d'ӧl'gə̑ri* (из *d'ol'gə̑ri* < *d'orgə̑l'i*)[123] ’воробей’; аналогичным образом, по мнению И. В. Тараканова, *ӧ* возникло из *о* и в таких словах с междиалектной корреспонденцией *ӧ* // *о*, как: *vӧś* // *voś* ’боль, больно’, *пӧськы* // *pośkə̑* ’фурункул’, *пӧсьтыны* // *pośtə̑nə̑* ’износиться, порваться, лопнуть’ [Тараканов 1960: 137]. При ближайшем рассмотрении выявляется, что вышеназванная корреспонденция возникла на месте праудмуртского – следовательно, первичного – **ȯ*, и гласный *ӧ*, таким образом, едва ли мог возникнуть из *о*;

6) устранение сочетания согласных в начале и конце слова, имевшее место в истории прапермского (> удмуртского) языка: *кырым* из < *кырм-*, ср. мр. *кормыж*, мдМ. *курмозь*; *turə̑m*, лит. *турын* ’трава’, ср. фин. *tarna* и др.; далее: бавл. *gə̑rə̑k*, лит. *гырк* ’дупло’, коми *гырк* ’внутренность’, *pariś*, лит. *парсь* ’свинья’,

[123] При переиздании данной работы [Тараканов 1960] в рассматриваемом слове допущен ряд описок: *d'ӧl'gə̲ri* вм. *d'ӧl'gə̲ri*, *d'orgə̑l̲i* вм. *d'orgə̑l̲'i* ’воробей’ [Тараканов 1998: 51].

коми *парсь* (э: *порсь*)[124], *metə̑r*, лит., рус. *метр* и др. [Тараканов 1959в: 193–194; 1960: 142; 1982: 128]. Сюда же ошибочно отнесены автором и такие общеудмуртские слова, как *ыскал ~ искал ~ скал* ’корова’, *тырос ~ трос* ’много’ [Тараканов 1959в: 194] со “вставочными” в пределах первого слога гласными *ы* и *и*, хотя в данных случаях дело обстояло скорее наоборот: гласные *ы* и *и* (или какие иные) здесь являются первичными. Как известно, на возможное выпадение первичного “гласного безударного корневого слога” в различных диалектах обратил некогда свое внимание Т. Г. Аминофф, напр.: *sļaļ* и *syļaļ* ’соль’, *skaļ* и *iskaļ* ’корова’, *drinći* и *durinći* ’оса’, *kryž* и *kyryž* ’кривой’ и др. [Aminoff 1896: 14–15]. По этому же поводу Д. В. Бубрих писал: “В удмуртском языке сочетание согласных в начале слова могло возникнуть в связи с выпадением гласного первого слога. Примеры: *трос* из *тырос* ’много’, *крэз′* из *кырэз′* (диалектно сохранившегося) ’гусли’, *прак* из *пырак* ’точь-в-точь’, *скал* из *ыскал*, *искал* или *сыкал* (диалектно сохранившихся) ’корова’ (примеры и их переводы оформлены по современным правилам. – *В. К.*)” [Бубрих 1948: 80]. Несколько позднее при рассмотрении другого фонетического явления Иван Васильевич также – возможно, неожиданно и для самого себя – счел нужным “исправить” свою преж-

[124] Приводя примеры эпентетической вставки неэтимологического *ы* после сочетаний согласных в ауслауте заимствованных через татарское посредство слов (*н′эфты* вм. лит. *нефть*, *банкы* вм. *банк*), автор замечает, что “по аналогии с тюркскими заимствованиями произошло в окраинных говорах увеличение числа случаев подстановки эпентетических гласных в исходе собственных удмуртских слов”, напр.: *гырык* вм. лит. *гырк* ’дупло’, *мырык* вм. лит. *мырк* ’тупой, пень’, *парис′* вм. лит. *парсь* ’свинья’, *кырис′* вм. лит. *кырсь* ’грязный’ [Тараканов 1982: 128]. Вопреки мнению автора, последнее синтагматическое явление обусловлено не “влиянием произносительных норм контактирующих татарских диалектов”, а представляет собой результат самостоятельного развития, характерная и для северных и срединных говоров, напр.: *корым* < рус. *корм* ’корм, фураж’, *горыб* < рус. *горб* ’горб; горбатый’ и др. К тому же и способ устранения ауслаутной консонантной группы в последнем случае несколько иной, нежели в первом: ср.: *пар**и**с′* – но: *н′эфт**ы***.

нюю ошибку: “Стечение нескольких согласных встречается лишь в начале отдельных слов, которые, очевидно, составляют исключение. К ним относятся *tros* (< *tįros*) ’много’, *kreź* (< *kįrež́*) ’гусли’, *skal* (диал. *iskal*, *įskal* ’корова’), где сочетание возникло в связи с выпадением гласного первого слова (э: слога. – *В. К.*)” [Тараканов 1967а: 191];

7) историческое изменение первичного *а* (возможно, и *е*) непервых слогов слова в *о*, обусловленное, по его мнению, “ассимиляторным воздействием ⟨...⟩ огубленных гласных *о*, *и*, *ӧ* и *ӱ*” первого слога, которое охватило не только исконные слова, но и тюркские и единичные русские заимствования, напр.: удм. *luo*, коми *луа* (э: *лыа*) ’песок’; удм. *ožo*, коми *ежа* (э: *эжа*) ’дерн’; *d'ubo* (лит. *юбо*) < чув. *juba* ’столб’, *urobo* < чув. *uraba*, *oraba* ’телега’, *śurlo* < чув. *śurla* ’серп’; *uko* < тат. *ука* ’позумент’, *ńukto* < тат. *нукта* ’недоуздок’, *tel'bugo* < тат. *тилбиге* (э: *дилбегә*) ’вожжи’; *kuso* < рус. *коса* (орудие), *murdo* < рус. *морда* ’мерёжа’ и др. [Тараканов 1960: 128–129; см. также: 1982: 110]. Причину возникновения этого весьма заметного в истории удмуртского языка и уже до И. В. Тараканова замеченного его предшественниками (см., напр.: [Wichmann 1903: 26–27; Емельянов 1927: 33–34; и др.]) фонетического изменения удмуртский ученый видит исключительно в ассимилятивном (лабиализирующем) воздействии огубленных гласных 1-го слога на неогубленный(-е) гласный(-е) “конца” слова: “...***во всех тех случаях, когда*** в позиции первого слога выступали фонемы *и*, *ӱ* или *о*, в двух или трехсложных словах в **конечной позиции** мы **везде** (выделение полужирным курсивом мое. – *В. К.*) встречаем в настоящее время фонему *о*” [Тараканов 1960: 128]. Эта цитата, раскрывая определенную **тенденцию** в замещении неогубленных гласных непервых слогов гласным *о* в конкретно взятых словах, все же в целом содержит ряд неточностей:

а) историческая субституция **а* гласным *о* имела место не столько “в конечной позиции”, т. е. в ауслауте, сколько в непервом слоге слова (ауслаут лишь частный случай), о чем недвусмысленно свидетельствуют материалы, в том числе и Ю. Вихманна и самого автора, ср.: удм. *k u z o n* ’г. Казань’ = чув. *χ u z a n*, **xozan;** удм. *tušmon* ’неприятель, враг’ = чув. *tᵕšman*, **tušman**; удм.

t'śokmor ’дубина’, коми *t'śokmar* ’колотушка’ = чув. **čukmár**, **čokmár**; удм. *t'šumon*, коми *t'śuman* ’посуда из бересты’ = чув. *+čuman*; удм. *t'šibor* ’пестрый’ = чув. *t'šiBar* [Wichmann 1903: 26–27]); *уко* > тат. *ука* (ɔ: *уко* < тат. *ука*. – *В. К.*) ’позумент, галун, канитель’, *умой* > тат. *уңай* (ɔ: *умой* < тат. *уңай*. – *В. К.*) ’удобный, подходящий’ [Тараканов 1982: 127];

б) не соответствует действительности и абсолютизирование соотношения «огубленный гласный первого слога – **a* > *o* в непервом слоге»: возможно сохранение первичного *a* в непервых слогах слова даже при наличии огубленного гласного в первом (*бурлат* ’кумач’, *сюан* ’свадьба’, *юача* ’сдобная удмуртская коврижка’, *тушак* ’перина’, *чонари* ’паук, мизгирь’; в воршудных наименованиях – *Дурга*, *Пурга*, *Пудга*, *Уча*, *Кушъя*, *Можга*, *Коньга* и т. д.), с одной стороны; и появление вторичного *o* (< **a*) в тех случаях, когда первый слог слова содержит неогубленный гласный, напр.: (гласный *e*) *кекон* ’зимовник осенний’, *ӵемон* ’зоб (у птиц)’, (гласный *i*) *кион* ’волк’, *ӟиллё* ’овсянка’, (гласный *a*) *айшон* ’айшон (старинный головной убор замужней женщины)’, *ардо* ’окно (в болоте)’, (гласный *i̮*) *кышно* ’жена’, *йылол* ’привычка, обычай’ и т. д., – с другой;

в) ассимилирующее (лабиализирующее) воздействие огубленного гласного первого слога на гласные непервых слогов не может быть квалифицировано как основная причина праудмуртского фонетического изменения **-a(-) > -o(-)*, ибо такое объяснение не ставит точку над i, т. е. не дает ответа на простой вопрос, почему эта ассимиляция стала возможна лишь в определенный период истории удмуртского языка – не раньше, не позже, не в прапермском или в близкородственном коми языке, в которых также не было и нет недостатка в огубленных гласных в пределах первого слога (подробнее о внутрисистемной причине этого фонетического изменения см.: [Кельмаков 1975а]);

8) субституция анлаутного *j* в бавлинском диалекте различными фонемами: 1) “переднесреднеязычно-палатальным” *d'*; 2) “в позиции перед заднеязычными *g*, *k* второго слога”[125] – “пе-

[125] Корректность такой формулировки страдает в двух отношениях: во-первых, искомый анлаутный *j* непосредственно не примыкает к “зад-

реднесреднеязычно-палатальным” *l′* [Тараканов 1959в: 191, 201, 203][126]; причем причину звукоперехода *j-* > *d′-* в начале своей творческой деятельности (1959) он находил “на удмуртской почве благодаря артикуляционной близости среднеязычного *j* к переднесреднеязычно-палатальным согласным, как это произошло в отдельных диалектах прибалтийско-финских языков” (цитируется по: [Тараканов 1998: 92–93]), позднее (1976), отказавшись от своего прежнего мнения, присоединился к “выводам тех исследователей, которые возникновение деканья объясняют влиянием контактирующих диалектов татарского языка” (цитируется по: [Тараканов 1998: 163; см. также: 1982: 122, 128]). Правда, и в последнем случае одну причину не следовало бы противопоставить другой, поскольку звукопереход *j-* в *d′-* явился, по существу, результатом взаимодействия, с одной стороны, внутренних факторов, и не столько “благодаря артикуляционной близости среднеязычного *j* к переднесреднеязычно-палатальным согласным”, сколько иных, таких как: а) наличие в консонантной системе удмуртских диалектов согласных фонем *й* и *д′*; б) звонкий анлаут (звонкие согласные из пары “глухой/звонкий” начали употребляться в анлауте в общепермский период)[127];

неязычным *g* и *k*” – между ними находится какой-либо гласный; во-вторых, вышеназванные “*g* и *k*” не всегда входят в состав второго слога – этими согласными нередко завершается первый слог, напр.: южн. *л′угыт* ~ *л′угът* ’свет; светлый; светло’ (удм. лит. *югыт*, коми *югыд*) – но: удм. *лёг* ’шишка, волдырь’ (ср. коми *йӧг*), удм. *люкмес* ’прорубь’ (коми *юкмӧс*). В данном случае, вместо выражения “в позиции перед заднеязычными *g*, *k* второго слога”, более приемлема формулировка “в позиции перед -V*g(-)* и -V*k(-)*”, имея в виду под V любой гласный.

[126] Эти процессы, протекавшие в различных диалектах удмуртского языка, были замечены пермистами уже в конце XIX – начале XX в. [Aminoff 1896: 17; Емельянов 1927: 55; Uotila 1933: 70–73; и др.]).

[127] “В тех языках, где существует абсолютное глухое начало слова, начальный *j* вообще не подвергается никаким изменениям, в том числе аффрикатизации”. “Сохранение начального *j* возможно и при наличии звонких согласных в начале слова, но превращение *j* в аффрикату при наличии абсолютного глухого начала слова невозможно” [Серебренников 1964: 30–31].

в) отсутствие первичной оппозиции *й* : *д′* в абсолютном начале слова [Кельмаков 1969: 215–216; 1974: 57; 1993: 43]; с другой стороны, “влиянием контактирующих диалектов татарского языка”, о чем, кажется, впервые высказался еще Т. Г. Аминофф [Aminoff 1896: 17].

9) палатализация переднеязычных согласных – чаще всего *n* и несколько реже *d*, *t* – под “влиянием соседних переднеязычных (э: переднерядных. – *В. К.*) узких гласных” [Тараканов 1959в: 199], причем процесс распространяется не только на лексику исконного происхождения, но и на заимствованную, напр.: *iń* (лит. *ин*) ’небо’, *kiń* (лит. *кин*) ’кто’, *śiń* (лит. *син*) ’глаз’, *pińal* (лит. *пинал*) ’молодой’, *git′* (лит. *гид*) ’хлеб (э: хлев. – *В. К.*)’, *iń-ze* < тат. *инде*[128] ’уже’, *puŋit′* (лит. *пумит*) ’напротив’; (булг.) *burt′t′iń* (лит. *буртчин*) ’шелк’; (тат.) *d′etiń* (лит. *етин* (э: *етӥн*)) ’лен’, *mińder* ~ *minder* < тат. *мендер* (э: *мендәр*) ’подушка’; (рус.) *kukšiń* < рус. *кувшин*, *puržiń* < рус. *пружина* и т. д. [Тараканов 1960: 139–140] (об изменении *t* > *t′*, *d* > *d′*, *n* > *ń* в отдельных диалектах под влиянием предшествующего *i* см. также: [Емельянов 1927: 41, 51]);

10) вставочные звуки *m*, *n*, *k* и *t* удмуртский ученый вслед за В. И. Лыткиным считает результатом сохранения в соответствующих условиях звукосочетаний *-ńm-* ~ *-nm-*, *-ź́n-*, *-sk-*, восходящих “к общефинно-угорским сочетаниям *-lm-*, *-sk-* и, очевидно, *-ź́n-*”: *iń* (лит. *ин*) – *ińme* (лит. *инме*) ’в небо’, коми *ен* ’бог’ (*енмос* (э: *енмӧс*) ’бога’), эст. *ilm* ’свет, мир, погода’, фин. *ilma* ’воздух,

[128] Частица *ińze* не восходит к тат. *инде* (в таком случае мы получили бы форму *индэ*, что и имеем ныне в закамских говорах, или *инды*), а является стяженным вариантом удм. *инизэ* (< *ини-зэ*). Все эти варианты (*ини*, *инизэ, иньзэ, индэ*) получили отражение в языке произведений удмуртских писателей, напр.: *Дас ар дышетскиз* ***ини***, *семинариез быдтӥз. Туж уно тодэ кадь* ***инизэ*** (П. Блинов. Улэм потэ, 91). – *Туж мӧзмисько* ***ини***, *пие. Чылкак огнам кыли* ***иньзэ*** (А. Клабуков. Можай тыпы, 57). *Иське*, *тӥ но дӥськут кана басьтӥды* ***индэ***... (А. Клабуков. Можай тыпы, 29). *Соку ик соос шур дурысь куакъёсты котыртӥллям но Пугачёвез утчасьёсты ваньзэс ик кутылӥллям*, ***индэ*** (С. Самсонов. Кам вадьсын гудыръя, 29).

погода’; *piź* (лит. *пызь*) ’мука’ – *piźnanə̑* (лит. *пызьнаны*) ’посыпать мукой’, коми *пызьна* (диал.) ’мучной’; *kȳs* (лит. *кус*) – *kȳskə̑m* (э: *kȳskə̑n*) (лит. *кускын*) ’в пояснице’, коми *кос* (*коск*-), эст., фин. *kesk*, *keski* ’средний, центральный’; *sajes* ’рукав’ – *sajeskaz* ~ *sajesaz* ’в рукаве (э: в его рукаве)’, коми *сос* (*соск*-), мр. *шокш* ’рукав’; *kə̑k* ’два’ – *kə̑kteti* ’второй’, коми *кык* (без вставочного звука), мр. *кокты*т, фин. *kahte*- ’два’ и др. [Тараканов 1960: 144]. При этом автор в ряде слов, по крайней мере в таких, как: *puš* ’внутренность’ – *puškə̑n* ’внутри, в (предлог)’, *urdes* ’бок’ – *urdeskiś* (лит. *урдсысь*) ’с боку, с боковой стороны’, *pə̑des* ’дно’ – *pə̑deskə̑n* ~ *pə̑desə̑n* (лит. *пыдсын*) ’на дне’, *bə̑des* ’целый, полный’ – *bə̑deskə̑n* ’целиком, полностью’; *ulep* ’живой’ – *ulepkə̑n* ’заживо, живьём’; и др. – появление в косвенных формах сочетаний *-sk-*, *-pk-* ошибочно считает не восстановлением прежнего сочетания, а результатом действия аналогии [Тараканов 1960: 144–145]. Положения автора, приведенные в данном абзаце, нуждаются, по-видимому, в определенных поправках и уточнениях:

а) вопреки мнению автора, далеко не *очевидно*, что сочетание *-źn-* является “общефинно-угорским”, поскольку звонкая фонема *ź* в финно-угорский период отсутствовала;

б) в слове *pušk*- элемент *k* является не результатом действия аналогии, как квалифицирует его автор, а реликтом древней основы, ср.: к. *пытшкын* ’внутри’, *пытшкӧ* ’внутрь чего-л.’ < оп. **pu̇čk*- или **pučk*- ’внутренняя часть’ || мр. *пу́шко* ’внутренности животных’ < доперм. **pučkз*- [КЭСК, 237];

в) в словах типа *urdes(k-)*, *pə̑des(k-)*, *bə̑des(k-)* сочетание *-sk-*, вопреки мнению И. В. Тараканова, также является результатом сохранения в косвенных формах более раннего сочетания: суффикс *-эс* (Аминофф: *-es(k)*) исторически восходит к доперм. **-ksз* (см., напр.: [Aminoff 1896: 22[129]; Uotila 1933: 318–320]);

[129] “Если поближе рассмотрим этот словообразовательный суффикс, то заметим, что он как по звуковому составу, так и в семантическом отношении соответствует финскому *kse*- (ном. *-s*). И в других финно-угорских языках встречаем этот суффикс, например в мордовском (*-ks*)” [Aminoff 1896: 22].

г) *-pk-* в слове *ulep(k-)* ’живой’ Т. Э. Уотила считает возможным квалифицировать как сочетание двух суффиксов (правда, он не определил, каких) [Uotila 1933: 284]. И ряд других явлений.

4. Проблемы истории акцентуации удмуртским ученым специально не исследованы, имеется лишь попутное замечание в статье, посвященной синхронному описанию современного словесного ударения в бавлинском диалекте: “...весьма трудно на материале одного или нескольких диалектов установить причину колебания ударения в них, так как неизвестно, является ли произношение слов с ударением не на первом слоге рефлексом прежнего ударения (поскольку фиксированный современный тип ударения в удмуртском языке сложился не столь давно под влиянием тюрко-татарских языков), или же оно – явление еще более позднего развития...” [Тараканов 1998: 76]. Судя по этой пространной цитате, И. В. Тараканов, во-первых, придерживается мнения о первичном ударении не на последнем слоге слова, и, во-вторых, удмуртское ударение на последнем слоге появилось “не столь давно” под влиянием тюркских языков. Ни та, ни другая мысль в финно-угроведении не была нова.

5. И. В. Тараканов о хронологизации фонетических процессов. Серьезное место в лингвоисторических штудиях отводится определению *времени* и *причины языковых изменений*.

В ранних трудах И. В. Тараканова в подавляющем большинстве исследованных им случаев *время* протекания фонетических процессов в абсолютных датах (ни приблизительно, ни точно) не определяется; имеются лишь редкие замечания типа: “результат позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 201], “продукт позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 203], “не столь давно” [Тараканов 1998: 76] или, несколько более точно – “в прошлом, в истории развития общеудмуртского языка” [Тараканов 1960: 128] и т. д. Лишь изредка автор счел возможным дать относительную хронологию двух фонетических процессов – в частности, перехода *j-* в *l′-*, с одной стороны, и *j-* в *d′-*, – с другой: “Надо полагать, что эти звуковые явления происходили, очевидно, неодновременно. **Нам кажется** (выделение мое – *В. К.*), что переходу *j* в *d′* несколько предшествовал переход *j*

в *l′*, так как первое звуковое явление охватывает менее широкий круг диалектов, чем последнее” [Тараканов 1998: 91]. В более поздних исследованиях автора имеется попытка определить абсолютную хронологию определенных фонетических изменений. Например, переход *а* > *о* в непервых слогах слова, по его мнению, произошел “в массовом порядке в период до XVII века”, при этом автор ссылается на работы других исследователей: “Венгерский ученый Чуч Ш. переход *о* > *у* относит к XV–XVI векам⟨...⟩ Кельмаков В. К. склонен датировать более ранним временем XIV–XV вв.⟨...⟩” [Тараканов 1982: 111]. Эта красивая гипотеза напрашивается, однако, на некоторые недоуменные замечания: 1) “период до XVII века” охватывает слишком большое время – от энных веков до н. э. до XVI в. н. э. (включительно), и посему эффективность такой датировки фонетического процесса имеет минимальную значимость для науки; 2) в целях аргументации своей гипотезы относительно времени звукоизменения *а* > *о* (в непервых слогах) автор по не совсем понятной для читателя причине ссылается на ту часть работ других исследователей, в которой речь ведется о времени протекания совершенно иного фонетического процесса – **о* > *и* (*у*) (в пределах первого слога).

6. Что же касается **выявления причин фонетических изменений** или неожиданного сохранения архаичных явлений в той или иной системе, то в них нет недостатка, хотя справедливости ради следует заметить, что зачастую автор не оригинален: он или придерживается и подтверждает гипотезу предшествующих исследователей, или же при наличии множества предположений выбирает одно из них. К тому же следует заметить, что причину языковых изменений И. В. Тараканов ищет преимущественно среди видимых, внешних факторов, таких как:

1) “ассимиляторное воздействие” (развитие *ӱ* из *и* под влиянием палатальных согласных [Тараканов 1959в: 189; 1960: 136; 1998: 86], изменение *тə̑рə̑* из *тə̑ри* [Тараканов 1960: 127], *о* > *ӧ* в соседстве с палатальными [Тараканов 1960: 137], замена велярных *n*, *d*, *t* их палатальными соответствиями *ń*, *d′*, *t′* после *і* [Тараканов 1959в: 199; а также: 201; Тараканов 1960: 139–140], и др.);

2) “следствие диссимиляции” (переход *j-* в *l′-*, происходивший в позиции перед задненебными *g* и *k* [Тараканов 1998: 91]);

3) “по аналогии” (*kӱśpə̑* (лит. *кызьпу*) ’береза’ и *puppə̑* ’лутошка, лутоха’ “очевидно, по аналогии со словом *tə̑pə̑*” [Тараканов 1960: 127]);

4) “благодаря артикуляционной близости” (изменение *j-* > *d′-* в ряде периферийно-южных диалектов [Тараканов 1959в: 191; 1998: 92–93]);

5) влияние соседних языков – татарского (возникновение фонемы *ӓ* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 188], сохранение лабиального характера гласной фонемой *ӧ* [Тараканов 1982: 128–129], сохранение *ӱ* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 189; 1982: 128–129], *i̯* > *ə̑* в “диалектах периферийно-южного наречия и бесермянском наречии” [Тараканов 1982: 129], сохранение *η* в том же диалекте [Тараканов 1959в: 191; 1982: 128–129], фиксация ударения на последнем слоге слова [Тараканов 1998: 76] и др.);

6) влияние соседних диалектов (“В звуковом же составе южных удмуртов, проживающих на территории Удмуртской АССР, произошло, очевидно, изменение под воздействием соседних удмуртских диалектов, претерпевших в этом отношении изменение несколько раньше[130]. Только этим можно объяснить, по нашему мнению, передвижение в ту или иную сторону артикуляции звуков *ӧ*, *ə̑*, а также исчезновение в части южных говоров фонемы *ӱ*” [Тараканов 1959в: 202]);

7) изолированное или окраинное положение диалекта (сохранение *ӱ*, *ӧ*, *η* и *ə̑* в бавлинском [Тараканов 1998: 87–88]. И т. д.

При выяснении И. В. Тараканом причинно-следственных отношений в фонетических изменениях все же смущает некоторая категоричность его высказываний. Речь здесь идет не только

[130] При таком объяснении причинности указанных ниже фонетических изменений в южноудмуртских говорах все же открытым остается важнейший вопрос исторической фонетики: по какой же причине “претерпели в этом отношении изменение несколько раньше” те диалекты, которые повлияли на южные?

о весьма частом употреблении модального слова *очевидно*, хотя факты при ближайшем рассмотрении оказываются не столь уж и **очевидными**, как квалифицирует их автор (примеры см. выше); но и в утверждении типа: “*во всех тех случаях*, *когда...*” (выше также была указана на неуместность такого безапелляционного заявления).

7. Недочеты, мешающие “жить” как автору, так и (в особенности) читателям. В трудах И. В. Тараканова, в их числе обзорно использованных мною в данной работе, в большом количестве встречаются описки, оговорки, неточности, случаи недоговоренности и попросту ошибки (см. также выше: 2.11.1: 4.1).

Одни описки вроде бы не нарушают смысла текста, поскольку можно догадаться, чтó должно было стоять на месте неточно и/или ошибочно написанного; однако имеются и такие, которые, к сожалению, приводят к неверным представлениям относительно анализируемого в работе явления. Часть ошибок, описок и неточностей, обнаруженных мною в попутно цитированных отрывках и предложениях из трудов И. В. Тараканова, была исправлена по ходу изложения (в скобках за знаком ɔ:). Вот еще несколько типичных примеров; большинство из них извлечено из десятка (всего!) страниц одной из монографий по теме его докторской диссертации [Тараканов 1982].

Так, в предложении: “Нам кажется, что из всех выдвинутых учеными положений о происхождении *ӧ* наиболее близким к действительному положению вещей является последнее мнение, принадлежащее В. И. Лыткину. На основе сравнительного анализа языкового материала рассматриваемого диалекта он показывает, что бавлинскому *ӧ* последовательно соответствует общекоми открытое *о*, а звуку *ӧ* соответствует диалектное верхнесысольское закрытое *ô* и коми-язьвинское ударное *у*, идущие своими корнями к общепермскому языку-основе” [Тараканов 1998: 82] – ***очевидно*** (если использовать излюбленное слово самого автора), что под “бавлинским *ӧ*” в первом случае скрывается одна фонема, во втором случае – иная. Когда какая – читателю сложно догадаться. А вообще должен ли читатель заниматься угадыванием того, что хотел сообщить ему автор, но ошибся в знаках, буквах,

выражениях? Конечно, есть возможность справиться по другим источникам[131], что довольно накладно для читателя и не очень вежливо со стороны автора.

Автор лишь декларирует: “Нижнефарингальный *h* татарского языка во всех случаях опускается *эс′* (э: опускается: *эс′*. – *В. К.*) < тат. *ич*, башк. *ис* (частица), *айбат* южн. < тат. *әйбәт*, башк. *әйбәт* ’приличный, славный, хороший‘” [Тараканов 1982: 121], – однако нигде не демонстрирует “обещанного” согласного татарского *h*. Кстати сказать, возможный тюркский оригинал последнего слова в обоих тюркских языках выступает в двух вариантах – с начальным *h* и без него: тат. *әйбәт* ~ *һәйбәт* [ТРС 1966: 726, 784] и башк. *әйбәт* разг. ~ *һәйбәт* [БРС 1996: 812, 756], так что “опущение” анлаутного *h* в южноудмуртском *айбат* можно и не постулировать: в качестве тюркского этимона для южноудмуртского слова *айбат* могла послужить “разговорная” тюркская форма *әйбәт* (без анлаутного *h*), а не *һәйбәт* (с инициальным *h*).

“Как и в тюркских языках (в том числе и татарском), в указанном диалекте огласовка второго слога зависит в ряде случаев от качества гласных предшествующего слога. Так, гласные *и*, *ӓ* (*ə*) и *ӗ* (*ə*) обусловливают употребление в последующем слоге передне-среднерядного гласного *ӗ* (*ə*), а гласные *о*, *у*, *а*, ъ, э первого слога – употребление гласного заднего ряда ъ” (далее идут несколько примеров, иллюстрирующих **лишь часть** указанных в цита-

[131] В. И. Лыткин по данной проблеме высказался весьма недвусмысленно: “⟨...⟩в удмуртском диалекте д. Покрово-Урустамак (по-удмуртски Урсыгурт) Бавлинского района Татарской АССР (бывш. Самарской губ., Бугульминского уезда) общекоми открытому *о* последовательно соответствует *у*, а общекоми закрытому *ǫ* соответствует *ӥ* (*ш*)” [Лыткин 1956: 139]. Да и сам И. В. Тараканов в ранней своей публикации выразился предельно точно: “В. И. Лыткин считает фонему *ӥ* первичной, восходящей к общедревнепермскому языку-основе. На основе сравнительного анализа языкового материала рассматриваемого диалекта он показывает, что бавлинскому заднеязычному (э: заднерядному? – *В. К.*) *и* последовательно соответствует общекоми открытое *о*, а звуку *ӥ* соответствует диалектальное верхнесысольское закрытое *ô* и коми-язьвинское ударное *ý*⟨...⟩” [Тараканов 1959в: 189].

те случаев. – *В. К.*) [Тараканов 1982: 128]. Оригинал этого положения, “сконспектированного” автором (без ссылки на источник, но зато с ошибками и недоговоренностями), звучит так: “Как и в тюркских языках (в том числе и татарском), в указанном диалекте огласовка второго слога зависит в ряде случаев от качества гласных предшествующего слога. Так, гласные *и̇*[132], *ӓ* и *ə* обусловливают употребление в последующем слоге передне-среднерядного гласного *ə*, а гласные *о*, *и*, *а*, *э̂*, *е* первого слога – употребление гласного заднего ряда *э̂*, гласные *і* и *о̇* первого слога индифферентны к выбору гласных *ə*/*э̂* последующего слога (далее идут примеры **на все** перечисленные комбинации. – *В. К.*)” [Кельмаков 1974: 58]. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни.

В цитате: “В учинском говоре кукморского и бавлинском диалектах влияние произносительных норм татарского языка привело к слиянию общепермских аффрикат *ӟ* (*ʒ́*), *ч* (*č*) с фрикативными *з′* (*z′*), *т′* (*t′*)[133], в результате чего произошло уменьшение состава фонем в ряду согласных указанных говоров” [Тараканов 1982: 129] – мысль автора может показаться не искушенному в области исторической фонетики удмуртского языка читателю (студенту, аспиранту, специалисту по другим финно-угорским

[132] В статью, к сожалению, вкралась описка: вместо буквы *и̇* стоит *и*; но в ближайшей публикации она была исправлена [Кельмаков 1975а: 35].

[133] В работе, откуда заимствовано – правда, без указания источника – сведение об изменении палатальных аффрикат в учинском говоре кукморского диалекта, это положение звучит несколько иначе, при этом указываются не только внешняя причина рассматриваемого процесса (влияние татарского языка), но и внутрисистемные предпосылки: “Подобно согласным *ʒ́* и *č*, восходящим к древнетюркским аффрикатам и превратившимся в современных татарских диалектах в щелевые, удмуртские *ʒ́′*, *č′* потеряли в учинском говоре кукморского диалекта смычный элемент, слившись тем самым с палатальными фрикативными *z′*, *s′*. Внутриструктурной предпосылкой для совпадения *ʒ́′* с *z′* и *č′* с *s′* явилось то, что оппозиция указанных аффрикат с щелевыми имела чрезвычайно слабую функциональную нагрузку и ограниченную дистрибуцию” [Кельмаков 1974: 59].

или иным языкам) заслуживающей полного доверия. Однако она содержит ряд неточностей и ошибок, о которых сразу не каждый догадается:

а) “общепермские” (наверное, достаточно было бы: “общеудмуртские”) палатальные аффрикаты *ӟ* и *ч* в транскрипции на латинице обозначаются не теми знаками, что у автора (*ǯ* и *č*), а несколько иначе – *ʒ̑* (или *ǯ′*) и *č̑* (или *č′*) соответственно;

б) вышеуказанные аффрикаты “сливаются” в учинском говоре кукморского диалекта с фонемами *з′* (*z′*) и *с′* (*s′*), а в бавлинском диалекте – фонемами *д′* (*d′*) и “фрикативным” (?!) *т′* (*t′*) соответственно, а не “среднеарифметическими” *з′* и *т′* в обоих диалектах одинаково, как представлено автором;

в) утверждение, что дезаффрикация *ӟ* (> *з′*) и *ч* (> *с′*) (в учинском говоре) состоялась под влиянием татарского языка, вполне убедительно, поскольку соответствующие им современные татарские фонемы – бывшие аффрикаты – *җ* и *ч* в абсолютном большинстве диалектов татарского языка имеют уже щелевое произношение; предположение же об изменении удмуртских палатальных аффрикат в палатальные смычные *д′* и *т′* (в бавлинском диалекте) под влиянием татарских щелевых (?!) согласных требует весьма серьезной аргументации (она у автора отсутствует).

И еще: “В татышлинском диалекте произошло аллофоническое расхождение, т. е. расщепление общеудмуртского, твердого *л* на два варианта: первый из них обычно произносится после заднерядных гласных *у*, *о*, *ы* (ъ), *а* (*тол* ’зима’, *тълъ* ’перо’), а второй – полумягкий “среднеевропейский” вариант – после передне – и передне-среднерядных (э: передне- и передне-среднерядных. – *В. К.*) *и*, э, *ӱ*, *ӓ*, *ӗ* (*ə*) (э: фонема *ӧ*° (*ȯ*) пропущена. – *В. К.*) гласных (*пӱл* ’доска’, *пиэлӗ* (*ə*) ’своему сыну’ (э: *пийэлӗ* ’моему сыну’. – *В. К.*)” [Тараканов 1982: 129]. По приведенной цитате весьма затруднительно представить себе два комбинаторных аллофона фонемы *л*, поскольку во всех словах (в обоих комбинаторных условиях) они отмечены автором с помощью одного и того же знака – *л*, хотя в той работе, откуда заимствовано это положение (правда, опять-таки без ссылки на источник, с определенными описками и

сокращениями за счет примеров) [Кельмаков 1974: 56], эти варианты *л* четко обозначены. И т. д., и т. п.

8. В соответствии с жанровыми особенностями очерка об определенной грани творческой деятельности известного профессора вроде бы не совсем уместны указания на недостатки и ошибки, встречающиеся в его работах, однако в данном случае я вынужден акцентировать внимание и на них (недочетах) по следующим весьма, как мне кажется, серьезным причинам:

1) описки и ошибки – нередкие, к сожалению, гости в публикациях И. В. Тараканова, в особенности в изданиях последнего времени (ср., напр.: «Заимствованная лексика в удмуртском языке» [Тараканов: 1982], «Туала удмурт кыл: Лексикология» (Тараканов 1992), «Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь» [Тараканов 1993], «Исследования и размышления об удмуртском языке» [Тараканов 1998], «Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам. Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын» [УКШГК 2002], «Удмурт кыл: 6–7 классъёслы» [Удмурт кыл 2005] (о недочетах последних двух изданий подробнее см.: [Кельмаков 2003: 31–78; 2008а; 2008б] и др.), и замалчивание их (ошибок и описок) привело бы к необъективному "глянцеванию" творческой деятельности ученого;

2) все вышеназванные и ряд прочих публикаций предусмотрены автором в качестве вузовских и школьных учебных пособий[134], и в определенной мере монографии действительно ис-

[134] Ср., напр.: "Пособие предназначается для студентов удмуртского отделения Удмуртского государственного университета. Оно может быть использовано учителями средних школ и специалистами по удмуртскому, коми, марийскому, мордовскому и другим финно-угорским языкам" [Тараканов 1981а: 2]; "Книга предназначена для специалистов по финно-угорским и тюркским языкам. Она может быть использована как учебное пособие студентами филологических факультетов финно-угорского профиля, а также учащимися и учителями удмуртского языка в школах УАССР" [Тараканов 1982: 2]; "Книга предназначается для специалистов финно-угроведов, тюркологов, а также для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов вузов Волго-Камского региона" [Тараканов 1993: 2].

пользуются в учебном процессе на факультете удмуртской филологии УдГУ (в частности при изучении таких дисциплин, как удмуртская лексикология, историческая лексикология и историческая фонетика удмуртского языка и др.), и поэтому имеется настоятельная необходимость предупредить студентов, аспирантов, преподавателей вузов, а также учителей школ быть по возможности осторожными при пользовании этими изданиями;

3) И. В. Тараканов – личность творческая; он, к счастью, продолжает создавать и будет, естественно, издавать свои научные труды, в том числе и по теме данного очерка. Очень бы хотелось, чтобы они, прежде чем попасть в печать, были тщательно отредактированы, основательно откорректированы и не содержали досадных описок, ошибок и ляпсусов. Ведь: “Изучение неверных взглядов приносит вред” (*Кун Фу-цзы (Конфуций)*), – и прежде всего, разумеется, читателю...

9. Подведя итог несколько эскизному – с позиций современности – исследованию вклада И. В. Тараканова в историческую фонетику удмуртского языка, я бы сделал следующие предварительные замечания:

1) хотя исходным пунктом для его историко-фонетических штудий оказались в первую очередь фонетические особенности родного для него бавлинского говора удмуртского языка, однако объектом анализа в его трудах стал широкий спектр проблем возникновения, формирования и развития отдельных явлений и сторон фонетической системы различных удмуртских диалектов и литературного языка; по крайней мере, никто из удмуртских лингвистов – его предшественников и старших современников – не касался стольких вопросов в истории удмуртской фонетики;

2) для выполнения подобных целей И. В. Тараканов, как никто другой из удмуртских лингвистов, предельно полно использовал богатый арсенал как отечественных, так и зарубежных публикаций, исполненных на самых различных (русском, немецком, финском, эстонском и др.) языках; именно в трудах своих предшественников и современников он черпал мысли, догадки и гипотезы о важнейших категориях исторического языкознания, как-то: о причинах, времени, способе протекания и др. историче-

ских процессов, возникновения инноваций, сохранения архаизмов в фонетической системе удмуртского диалектного и литературного языка;

3) при всей широте интересов и охвата проблем в области исторической фонетики удмуртского языка И. В. Тараканов исследовал явления и процессы изолированно, "атомистично" (в чем обвиняли младограмматиков оппоненты из стана структуралистов)[135], и в этом, по всей вероятности, кроется причина того, что он не построил целостной картины формирования и развития фонетической системы удмуртского языка. Да он такой цели и не ставил, поскольку его историко-фонетические выкладки, во-первых, были изложены в основном на заре его творческой деятельности – в годы учебы в аспирантуре; во-вторых, зачастую оказались не ведущими в его исследовательской практике, а лишь попутными при решении других, не менее важных, проблем – диалектологических, лексикологических, контактологических, грамматических и т. д.;

4) удмуртский ученый не стремился выявить системность диахронических изменений в фонетике, т. н. "давление системы" на фонетические изменения, системную обусловленность их – отсюда и его довольствование выявлением лишь внешних причин фонетических процессов, как-то: ассимиляция, диссимиляция,

[135] "В паулевской концепции языкового развития (она подробно изложена в книге «Принципы истории языка» Г. Пауля [1960]. – *В. К.*) есть еще один существенный недостаток, – "атомизм", о котором преимущественно говорят критики младограмматизма из числа структуралистов. Действительно, Пауль рассматривает развитие языка не как развитие системы, а как ряд не связанных между собой линий развития. Каждое явление языка имеет в изображении младограмматиков свою собственную историю, независимую от истории других строевых элементов. Если младограмматизм не сумел раскрыть причинность и закономерность языковых изменений, то в значительной степени это объясняется атомистическим подходом к явлениям языка, неумением раскрыть взаимосвязь и сцепление явлений, образующих ткань языка. Нужно, однако, сказать, что "атомизм" до сих пор еще не преодолен в науке о языке" [Кацнельсон 1960: 19].

взаимовлияние языков и диалектов, окраинное и изолированнное положение их и т. д., отсутствие в абсолютном большинстве случаев хронологизации исторических процессов в фонетике.

Тем не менее именно И. В. Тараканов своими статьями-кирпичиками еще в далекие 50–60-е гг. уже истекшего столетия сложил ту мало-мальскую печку в исторической фонетике удмуртского языка, от которой можно было уже начать “танцевать” его ученикам и последователям. И каждый желающий получал от этой печки столько тепла, сколько хотел и насколько способен был сам.

Что касается лично меня, то историко-фонетические штудии профессора И. В. Тараканова (тогда еще не доктора, и даже не кандидата наук), включенные в рукопись его диссертации «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)» [Тараканов 1959], стали для меня теми вратами, через которые я вошел – возможно, даже сам до конца не осознавая того в свое время – в диахроническую фонетику удмуртского языка. Об этом недвусмысленно свидетельствуют первые мои историко-фонетические опусы, написанные под несомненным влиянием соответствующих разделов диссертации Ивана Васильевича и включенные в рукопись моей кандидатской диссертации под общим заголовком «Из истории некоторых фонем кукморского диалекта» («Вопрос о возникновении фонемы *ӓ*», «История анлаутных *d′*- (~ *ʒ́*-) и *j*-», «История аффрикат» и «История фонемы *ŋ*») [Кельмаков 1969: 200–253] и частично опубликованные в виде статей и тезисов докладов, напр.: «О некоторых специфичных фонемах кукморского диалекта удмуртского языка» [Кельмаков 1968], «Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения: Татарское влияние на удмуртские диалекты» [Кельмаков 1970; 1975г], «Опыт классификации удмуртских диалектов по составу гласных» [Кельмаков 1973; 1976а], «Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка» [Кельмаков 1974] и ряд др.

Ф О Т О

2.12. В. К. КЕЛЬМАКОВ
(1942)

“[Кельмаков] убеждает читателя не только познаниями удмуртских диалектов и общей финно-угристики, но и строгой методикой. Описывая фонетические преобразования, он четко отличает парадигматические явления от синтагматических. Он рассматривает фонетику и фонемный инвентарь языка по лучшим структуралистическим принципам как систему, состоящую из функциональных единиц, в которой сдвиг одного элемента неизбежно оказывает воздействие и на другие” [Сааринен 1997: 195].

“В самом конце пединститутского периода удмуртоведение получило ценное приобретение в лице В. К. Кельмакова, будущего доктора наук, авторитетного ученого” [Пузанов и др. 2001: 60].

“Весь жизненный уклад Кельмакова, его самозабвенное служение родной лингвистике, помноженные на природные и приобретенные дарования, постепенно привели к тому, что он встал в один ряд с выдающимися отечественными (и, может, не только) финно-угроведами” [Владыкин 2002: 79].

Образцы удмуртской речи [1]: Северное наречие и срединные говоры (1981. – 299 с.);

Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры (1990. – 368 с.).

Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (1992. – 176 с.).

Udmurtin murteet / Удмурт диалектъёс 1994. – 368 s.) (*В совт.*)

Краткий курс удмуртской диалектологии (1998. – 386 с.; *изд. 2-е, стереотипное.* – 2006).

Udmurtin kielioppia ja harjoituksia (’*Грамматика удмуртского языка и упражнения*’) (1999. – 319 s.; *изд. 2-е, испр.* – 2008. – 335 s.) (*В соавт.*)

Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте (2000а. – 72 с.).

Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние (2001. – 140 с.).

Очерки истории удмуртского языкознания (2001. – 232 с.).

К истории удмуртского и пермского языкознания (2002. – 445 с.).

«Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс: Азьпечатлос (2003. – 98 б.).

Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка (1. – 2003. – 276 с.); (2. – 2004. – 395 с.)

Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания (2004. – 140 с.).

Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания (2005. – 182 с.)

Очерки истории удмуртского литературного языка (2008. – 420 с.).

Удмурт синоним кыллюкам (2009. – 296 б.).

Удмурт диалектология (*6-тӥ поттэмез*. – 2010. – 181 б.).

2.12.1. О себе*

1. *Ф. и. о*: Кельмаков Валентин (Валей) Кельмакович.

2. *Должность, звания*: Доктор филологических наук (1994), профессор (1996), заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (1995), академик АН Удмуртской Республики (1998), заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1991) и Российской Федерации (1997), рядовой и почетный член Финно-Угорского Общества (Финляндия – 1994 и 2008 гг. соответственно).

3. *Какой вуз закончили?*: Удмуртское отделение историко-филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института имени X-летия УАО (Ижевск), 1964.

4. *Тема кандидатской диссертации, год и место защиты*: «Кукморский диалект удмуртского языка» – 1970, Институт языкознания АН СССР (Москва).

5. *Тема докторской диссертации, год и место защиты*: «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (по совокупности трудов – на основе 86 публикаций, в том числе 3 книг по теме) – 1993, Институт языкознания РАН (Москва).

6. *Что значит для Вас понятие “научная школа”? Относите ли Вы себя к какой-нибудь из них?*: У меня крайне смутное представление о том, что такое “научная школа”, и, естественно, затрудняюсь отнести себя к какой-либо из них.

7. *Можете ли Вы назвать кого-либо своим Учителем? Что Вы смогли перенять у него?*: Да, могу, но не одного-единствен-

---

* Представляет собой ответы на вопросы анкеты, составленной Е. Ф. Шумиловым для работников УдГУ в связи с его 75-летием. Несколько сокращенный вариант этого “заочного интервью” было включено в кн.: [Шумилов 2006: 125–128]. В данном случае публикуется полный вариант, уточненный и дополненный в свете последних данных фактическим материалом.

ного человека, ибо их, Учителей, обладавших/обладающих разносторонними талантами, у меня было много, хотя некоторые из них об этом не знали и даже не догадывались и увы! уже никогда не будут знать:

● Шагей Мамашевич Мамашев, учитель географии Ошторма-Юмьинской средней школы Кукморского района Татарской АССР. Именно на его уроках по географии СССР (отнюдь не на уроках удмуртского языка и литературы!) я впервые узнал о существовании финно-угорских народов и языков. Заметив мой неподдельный интерес к ним, он во время одной из поездок в Москву приобрел для меня марийско-русский, русско-эстонский и венгерско-русский словари, и эти бесценные подарки я храню в своей библиотеке до сих пор. В деревенской глуши 50-х гг. XX в., где не было ни электричества, ни радио, ни соответствующей литературы, это был единственный человек, с кем я мог советоваться относительно дальнейшей учебы с целью удовлетворения моего интереса к удмуртскому и родственным финно-угорским языкам;

● Иван Васильевич Тараканов, доктор филологических наук, профессор. Удмурты, как правило, сами не рвутся в аспирантуру, даже если и хотят связать свою дальнейшую судьбу с наукой и имеют для этого определенные основания; надо их не только готовить в научном отношении, но и “толкать”. Таким “толкачом” в лучшем смысле этого слова явился для меня Иван Васильевич (еще не доктор наук и профессор, а кандидат наук и доцент). Без его деятельного участия в моем вузовском и послевузовском образовании и воспитании мой путь в науку мог бы оказаться более долгим и менее прямым;

● Василий Ильич Лыткин, доктор филологических наук, профессор, финно-угровед, специалист в области диалектологии и исторической фонетики пермских и финно-угорских языков – мой научный руководитель в аспирантуре. Долгое время до выхода на пенсию заведовал сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. На заре своей научной юности он стажировался в Финляндии, Венгрии и Германии у видных специалистов в области уралистики и посему имел завидное для многих советских финно-угроведов старшего поколения качество –

органичное сочетание российского обилия материалов с европейской точностью, дотошностью, предельной скрупулезностью работы над источниками и своими и редактируемыми им чужими рукописями при подготовке их к изданию;

● Клара Евгеньевна Майтинская, доктор филологических наук, профессор, финно-угровед, специалист в области исторической морфологии уральских языков. Говорили, что она некогда работала преподавателем венгерского языка в каком-то военном вузе Москвы – судя по тому, как она старательно, как курица-наседка цыплят, опекала своих аспирантов, Клара Евгеньевна была отличным преподавателем и наставником учащейся молодежи. Клара Евгеньевна, хотя и провела бóльшую часть своей сознательной жизни в Москве, тем не менее говорила с сильным венгерским акцентом, однако обладала прекрасным стилем письменной речи и была отличным редактором диссертаций своих аспирантов, монографий коллег и коллективных сборников.

● Борис Александрович Серебренников, доктор филологических наук, профессор, действительный член АН СССР, изначально специалист по индоевропеистике, впоследствии же выдающийся финно-угровед, успешно сочетавший свои исследования по уралистике со штудиями в области тюркологии и общего языкознания. Он постоянно удивлял меня изобилием идей и гипотез, за которыми не всегда поспевала его рука, оформляющая их в доклады, статьи, монографии. Однако из-за множества недоделок, описок и неточностей его труды, к сожалению, не пользуются в мировом финно-угроведении тем авторитетом, коего они, вне всякого сомнения, заслуживают;

● Энвер Ахмедович Макаев, доктор филологических наук, профессор, специалист высокого класса по германистике и общему языкознанию, человек исключительно широкого кругозора и превосходных лекторских способностей. На семинарах по общему языкознанию он попутно с виртуозным изложением теорий и проблем лингвистики мог поражать мою аспирантскую любознательность неожиданно и к месту приведенными фактами и сведениями из славянской мифологии, жизни античных греков и латинян, цитатами из авестийской мудрости и литературы на санскри-

те... Я не только вчитывался в его труды по общему и индоевропейскому языковедению и германистике ради их глубокого содержания, но и буквально штудировал их с той целью, чтобы учиться, как писать в высшей степени красиво и научно (с использованием соответствующих научных терминов) и одновременно доступно для специалиста.

Я старался заимствовать все ценные качества у этих и ряда других не названных здесь моих старших современников, у которых я имел счастье учиться, с которыми общался и, естественно, труды которых читал и к которым нередко обращаюсь и в настоящеее время. Я старался, но приобрел соответствующие качества лишь в той мере, насколько это позволили мои природные наклонности, способности и уровень моей образованности.

8. *В чём Вы видите своеобразие своей науки, своего научного направления?*: Любая наука требует от своих служителей напряжения ума и лошадиного труда. В языкознании же, в том числе в той его области, в которой до сих пор я трудился, вторая сторона научно-исследовательской деятельности, возможно, превалирует над первой, хотя и здесь без божьего дара далеко не ускачешь.

9. *Назовите два-три опубликованных научных труда из тех, что Вы считаете главными у себя. (Возможно и приложение полного перечня)*: Жанр книги, куда, будут включены мои ответы на анкетные вопросы, едва ли даст возможность “приложить полный перечень” – как это альтернативно предлагают “обязательные вопросы анкеты” – всех моих более чем 350 публикаций. Но и две-три опубликованные книги (в моем списке опубликованных трудов свыше 50 книг и брошюр) едва ли дадут представление о научной деятельности ученого. Исходя из сказанного, я позволил бы себе назвать “два-три” сериала (моя слабость!) научных публикаций, которые я основал за 40 с лишним лет преподавательской и исследовательской работы:

1) «Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы» / «Образцы удмуртской речи» – изданы два выпуска:

1) Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 299 с.;

2) Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. – Ижевск, 1990. – 368 с.;

2) «Удмурт вераськетъёс» / «Удмуртские говоры» – вышли в свет 8 выпусков:

1) Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах («Удмурт вераськетъёс» 1). – Ижевск, 1992. – 177 с.;

2) Udmurtin murteet («Удмурт вераськетъёс» 2). – Turku; Iževsk, 1994. – 368 s.;

3) Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография («Удмурт вераськетъёс» 3). – Ижевск, 1998. – 386 с.; *изд. 2-е, стереотипное* – Ижевск, 2006. – 386 с.;

4) Очерки истории удмуртского языкознания («Удмурт вераськетъёс» 4). – Ижевск, 2001. – 232 с.;

5) К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Часть I («Удмурт вераськетъёс» 5). – Ижевск, 2002. – 445 с.;

6) Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1 («Удмурт вераськетъёс» 6). – Ижевск, 2003. – 276 с.;

7) Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2 («Удмурт вераськетъёс» 7). – Ижевск, 2004. – 395 с.;

8) Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие («Удмурт вераськетъёс» 8). – Ижевск, 2008. – 420 с.;

9-й выпуск на стадии подготовки к изданию;

3) удмурт кылосбур факультетлэн азьпечатлосъёсыз / препринты факультета удмуртской филологии – изданы 9 номеров, из них 8 принадлежат мне:

1) Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева. – Ижевск, 1999. – 59 с.;

2) Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс. – Ижкар, 1999. – 60 б.;

3) Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте. – Ижевск, 2000а. – 72 с.;

4) Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. – Ижевск, 2001. – 140 с.;

5) «Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс. – Ижевск, 2003. – 98 б.;

6) Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание: [Препринт]. – Ижевск, 2009. – 34 с.

7) И. В. Тараканов и вопросы исторической фонетики удмуртского языка: [Препринт]. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 33 с.

8) Удмурт кылын синонимъёс но синоним кыллюкамъёс: [Азьпечатлос]. – Ижкар, 2009. – 95 б.;

4) “Удмурт кылосбур” (’Удмуртская филология’):

Удмурт синоним кыллюкам: Дышетскисьёс но дышетйсьёс понна. – Ижевск: Удмуртия, 2009г. – 296 б.

Каждый труд дорог его автору, как и любой ребенок для родной матери. Какие из моих исследований являются лучшими, пусть судит об этом читатель и пользователь.

10. *В какой работе Вы смогли наиболее полно раскрыть свой научный, творческий потенциал и своеобразие своего подхода?*: Это, пожалуй, двухтомная книга «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка», изданная под грифом Министерства образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов по курсу «Историческая фонетика удмуртского языка»[136]. Это книга, работу над которой я исподволь начал в аспирантские годы (один из разделов был опубликован в виде статьи еще в 1968 г.), явилась основой моей докторской диссертации. Издание «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (2003б; 2004), где впервые системно дано развитие вокализма и консонантизма удмуртского языка от периода распада прапермской общности до наших дней, представляет собой своеобразный синтез моих собственных исследований в области удмуртской диалектологии, современного удмуртского языка и проблем его истории, с одной стороны, и достижений моих предшественников и современников в указанных направлениях удмуртской и финно-угорской лингвистики, – с другой.

11. *Можете ли Вы расценить что-либо среди своих достижений как открытие (изобретение; новое художественное явление)?*: Понятие “открытие” ассоциируется у меня прежде всего с техническими, физико-математическими или естественными нау-

[136] “Допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов педвузов, обучающихся по специальности «Родной язык и литература»”.

ками, в филологии же львиная доля открытий все же остается, на мой взгляд, на уровне “достижений”. К разряду последних я мог бы отнести:

во-первых, свои научные труды – обобщающие исследования по удмуртской диалектологии, исторической фонетике, истории удмуртского языкознания и истории удмуртского литературного языка, которые пришли взамен небольшому количеству разрозненных, бессистемных статей. Именно в этих областях удмуртское языкознание настоящего времени перестало оставаться в арьергарде современного финно-угроведения;

во-вторых, организацию (с 1986 г.) зонального симпозиума “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” и основание сборника «Пермистика» в качестве его “печатного органа”. Название для симпозиума непосредственным его организатором было придумано таким образом, чтобы: 1) в нем (симпозиуме) могли участвовать исследователи самых различных областей (фонетики, грамматики, лекскикологии, диалектологии, ономастики и т. д.) удмуртского, коми и коми-пермяцкого языкознания; 2) он был привлекателен и для специалистов по другим (марийскому, мордовским, прибалтийско-финским, тюркским, русскому и т. д.) языкам, исследующим свой объект сравнительно-историческим, сопоставительно-типологическим, контактологическим и др. методами; 3) тематика его не была исчерпана в результате проведения одного-двух симпозиумов. Расчеты организатора вполне оправдались: 2-й симпозиум состоялся в 1988 г. (через два года, как и было решено на 1-ом) в Ижевске, 3-й – в 1990 г. в Сыктывкаре и т. д. Вскоре он стал международным, и в его работе стали принимать участие представители финно-угроведения, тюркологии, русистики не только России (Удмуртии, Республики Коми, Мари-Эл, Татарстана, Чувашии, Москвы, Перми и т. д.), но и ученые зарубежных стран (Финляндии, Венгрии, Германии, Эстонии, Швеции, Белорусии). В 2008 г. уже состоялся 12-й симпозиум и опубликован по его материалам сборник «Пермистика XII»[137], в 2010-м – XIII;

[137] Оба эти явления (симпозиум и и его печатное издание) как факты большой науки получили высокую оценку современных финно-уг-

в-третьих, свой определенный вклад в создание “финно-угорского отделения” (т. е. специализации “удмуртский язык и литература, венгерский язык” / “удмуртский язык и литература, финский язык”), 15-летие которого было торжественно отмечено в марте 2010 г. (подробнее об этом см.: [Кельмаков 2010а]);

12. *Какие собственные эксперименты (методики, приборы, приемы) Вы считаете наиболее эффективными?*: В той области науки, к которой я позволяю себя причислить, мне не потребовалось открывать никаких новых методов, методик и приемов (тем более создавать приборов) – к счастью (или к сожалению?), в большинстве своем они были открыты и издавна применялись в исследовательской практике российских и зарубежных языковедов. В некоторой мере себе в заслугу могу приписать лишь то, что из удмуртских диалектов, как важнейшего источника изучения истории удмуртского языка (тезис о современных диалектах как одном из источников изучения истории любого языка также общеизвестен, см. также: [Кельмаков 1990в]), я постарался “выжать” максимальную информацию, чем это – кажется – было сделано моими предшественниками, это во-первых. А во-вторых, с учетом системности не только синхронии, но и диахронии (открытие, разумеется, опять-таки не мое), мною была сделана по-

---

роведов, ср., напр.: “У каждого из них (пермских и волжских народов. – *В. К.*) имеется богатая литература по своей отрасли, достаточно назвать один из сериалов «Пермистика», а также ряд ценных изданий по волжским (финно-волжским) народам” [Домокош 2004: 62]; “...благодаря симпозиуму “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” и его печатному изданию «Пермистика», не только переосмысляются устоявшиеся взгляды ученых на структуру языка и пишется современная история пермской лингвистики, но и формируется новый корпус для их исследования следующими поколениями” [Кондратьева 2009: 68]; “...хотелось бы выразить надежду, что, несмотря ни на какие трудности, традиции проведения симпозиумов по пермским языкам не будут прерваны, и их благотворное влияние на развитие как удмуртского, так и коми языкознания в дальнейшем будут только усиливаться; чтобы симпозиумы, как и прежде, оставались настоящей школой приобщения к большой науке все новых и новых поколений талантливой молодежи” [Ракин 2009: 74].

пытка в важнейших фонетических изменениях в истории удмуртского языка выявить не только внешние, “поверхностные”, причины, но и внутренние, обусловленные системным характером фонологических преобразований[138]. Кроме того, большинство фонетических процессов получило в моих исследованиях не только относительную хронологию, но и абсолютную. Удалось все это мне или нет, судить тоже, вероятно, не мне.

13. *Какие принципиально новые группы источников (исторических и иных) освоены Вами?*: Это что, источники неземного происхождения что ли? Их у меня не было и нет.

14. *Получили ли Ваши научные изыскания какое-либо практическое применение в Удмуртии, России, ... ?*: Да, и весьма широко. Собственно монографических публикаций у меня нет, поскольку всю свою научно-исследовательскую работу почти с самого начала я был вынужден – при полном отсутствии учебников по большинству удмуртоведческих учебных дисциплин – подчинить преподавательской деятельности в вузе: написанию и составлению учебных пособий и учебно-методических разработок самого различного уровня по ряду читаемых мною в УдГУ курсов[139], имеющих, разумеется, также и теоретическую значимость:

---

[138] Именно эту сторону моей методики заметила С. Сааринен [1997: 195]: “Описывая фонетические преобразования, он четко отличает парадигматические изменения от синтагматических. Он рассматривает фонетику и фонемный инвентарь по лучшим структуралистическим принципам как систему, состоящую из функциональных единиц, в которой сдвиг одного элемента неизбежно оказывает воздействие и на другие”.

[139] “Следует отметить, такого количества учебников и учебно-методических пособий на факультете удмуртской филологии до сих пор никто ещё не создавал”. И еще: “За 36 лет научно-исследовательской и преподавательской работы юбиляром опубликовано свыше 200 наименований научных трудов и учебно-методических пособий по самым малоразработанным вопросам удмуртского языкознания – исторической фонетике, диалектологии и истории изучения удмуртского языка. Так, если до него вопросами исторической фонетики занимались преимущественно зарубежные (венгерские, финские) учёные или отечественные финно-угроведы, но не сами удмурты, то благодаря упорному повседневному труду, ему удалось поставить преподавание указанных сложных дисциплин в уни-

1) по **удмуртской диалектологии** – создан учебно-методический комплекс, включающий:

а) типовую программу (два издания): Удмурт диалектология курсъя программа. – Ижевск, 1974. – 18 б.; Университетысь филологияя факультетлы программаос: Удмурт диалектология. – Ижевск, 1992. – 38 б.;

б) рабочую программу (два издания): Удмурт диалектология: Ужан программа. – Ижевск, 1991. – 24 б.; *2-тӥез, азьвыл сямен ик поттэмез*. – Ижевск, 1997. – 24 б.;

в) сборник вопросов и упражнений: Удмурт диалектология: Юанъёс но ужъёс. I / Удмурт гос. ун-т. – Устинов, 1986. – 42 б.;

г) учебно-методическое пособие по проведению полевой практики и выполнению контрольных работ (шесть изданий): Удмурт диалектология: Методической юрттэт. – Устинов, 1985. – 32 б.; *2-тӥез, ватсам изд.* – Ижевск, 1990. – 36 б.; *3-тӥ изд.* – Ижевск, 1994. – 36 б.; *4-тӥез, тупатъяса, выльдыса но ватсаса поттэмез.* – Ижкар, 1998. – 77 б.; *5-тӥез, тупатъяса, выльдыса но ватсаса поттэмез.* – Ижкар, 2002. – 175 б.; *6-тӥез, тупатъяса но ватсаса поттэмез.* – Ижкар, 2002. – 181 б.;

д) учебник, включающий также и хрестоматию диалектных текстов и относительно полную библиографию публикаций по удмуртской диалектологии с XVIII в. по 1998 г. (два издания): Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск, 1998. – 386 с.; *2-е, стереотипное изд.* – Ижевск, 2006;

2) по **исторической грамматике удмуртского языка –** изданы:

а) типовая программа с относительно полной библиографией (два издания): Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Филол. факультетын дышетскисьёслы программа. – Ижевск, 1976. – 32 б.; Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Программа / *2-тӥез, тупатъяса но ватсаса поттэмез.* – Ижкар, 2002. – 50 б.;

верситете на должную научно-теоретическую основу, создать целый комплекс общих и рабочих программ и учебно-методических пособий, учебников и работ хрестоматийного характера” [Тараканов 2002: 16, 27–28].

б) рабочая программа: Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Ужан программа. – Ижевск, 1989. – 34 б.; *2-тӥез, тупатъяса поттэмез*. – Ижевск, 1994. – 46 б.;

в) учебно-методическое пособие: Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Дышетскон-амалтодослыко юрттос – Ижкар, 2007. – 86 б.;

3) по **исторической фонетике удмуртского языка** – изданы:

а) рабочая программа: Удмурт кыллэн исторической фонетикаез: Ужан программа. – Ижкар, 2002. – 32 б.;

б) учебно-методические пособия: Удмурт кыллэн исторической фонетикаез: Удмурт-ӟуч ёзлюкет понна дышетскон-амалтодослыко юрттос. – Ижкар, 2007. – 64 б.; Удмурт кыллэн исторической фонетикаез: Удмурт но кунсьӧр кылъёсъя ёзлюкетъёс понна дышетскон-амалтодослыко юрттос. – Ижкар, 2007. – 86 б.;

в) учебное пособие: Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1. – Ижевск, 2003. – 276 с; Часть 2. – Ижевск, 2004. – 395 с.;

3) по **истории удмуртского языкознания** – в распоряжение студентов представлен ряд опубликованных учебно-методических пособий:

а) расширенная программа с библиографией (Удмурт кылэз дышетон история: Программа. Библиография. – Ижкар, 2002. – 132 б.;

б) рабочая программа (два издания): Удмурт кылэз дышетон история: Ужан программа. – Ижевск, 1988. – 19 б.; *2-тӥез, тупатъяса но выльдыса поттэмез.* – Ижевск, 1992. – 22 б.;

в) ряд книг и брошюр, не являющихся учебником, но используемых при изучении курса “История изучения удмуртского языка”: Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию. – Ижевск, 1998. – 58 с.; Очерки истории удмуртского языкознания. – Ижевск, 2001. – 232 с.; Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. – Ижевск, 2001. – 140 с.; К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Ч. I. – Ижевск, 2002. – 445 с.; Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. – Ижевск, 2004. – 140 с.; Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкозна-

ние. – Ижевск, 2009. – 34 с.; И. В. Тараканов и вопросы исторической фонетики удмуртского языка. – Ижевск, 2009. – 33 с.; и др.;

4) по **истории удмуртского литературного языка** – разрозненные частные публикации объединены в учебное пособие для студентов: Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. – Ижевск, 2008. – 420 с.

Эти и ряд других не названных здесь работ в своей совокупности являются важнейшими учебными пособиями при преподавании соответствующих учебных дисциплин в Удмуртском университете и Глазовском пединституте, а также в некоторых вузах Венгрии и Финляндии. Отдельные публикации в виде брошюр и статей находят применение в гуманитарных вузах Удмуртской Республики при изучении курсов по современному удмуртскому языку, введению в удмуртскую и финно-угорскую филологию, удмуртской ономастике, сравнительной грамматике пермских и финно-угорских языков и др.

Материалы учебного пособия «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (2003; 2004) используются в преподавании исторической грамматики коми (Сыктывкарский государственный университет) и коми-пермяцкого (Пермский государственный педагогический университет) языков. Одна из последних книг – «Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания» (Пермь, 2005. 182 с.) – уже используют преподаватели и студенты коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского ГПУ.

По книгам «Udmurtin murteet» (Turku; Iževsk, 1994. – 368 s.), «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» (Helsinki, 1999. – 319 s.; *2-e, исправл. изд.* – Helsinki, 2008. – 335 s.), изданным в соавторстве с проф. С. Сааринен (первая) и С. Хянникяйнен (вторая), изучают удмуртский язык и его диалекты в вузах Финляндии (в первую очередь), а также Венгрии и Германии.

15–16. *Кого Вы относите к своим лучшим ученикам? Количество подготовленных аспирантов, докторантов*: К настоящему времени под моим рукодством написали и защитили кандидатские диссертации 10 человек: М. А. Самарова (1999), Д. А. Ефремов (2002), Н. В. Кондратьева (2002), Л. Г. Пономa-

рева (2002), Н. М. Люкина (2008), Л. М. Ившин (2009), О. Б. Стрелкова (2009), А. В. Егоров (2010), О. В.Титова (2011), Е. А. Сундукова (2011).

Из бывших аспирантов четверо работают на факультете удмуртской филологии: М. А. Самарова, Н. В. Кондратьева, Д. А. Ефремов – на кафедре общего и финно-угорского языкознания факультета удмуртской филологии УдГУ, которой имею честь заведовать я; О. Б. Стрелкова – на кафедре удмуртского языка и методики его преподавания; трое (Л. М. Ившин, А. В. Егоров и О. В. Титова) – в Удмуртском институте ИЯЛ УрО РАН; одна (Л. Г. Пономарева) – на филологическом факультете Пермского ГПУ; одна (Н. М. Люкина) – в Глазовском государственном пединституте; одна (Е. А. Сундукова) – в Национальном музее им. К. Герда. При этом все они пользуются как специалисты достаточным уважением и высоким авторитетом среди сотрудников, преподавателей и студентов соответствующих вузов и научного учреждения. Некоторые из них имеют уже свои монографии: «Имя прилагательное в удмуртском языке» – Д. А. Ефремов [2009]; «Наименования топообъектов Верхней Чепцы» – М. А. Самарова [2010]; «Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта)», «Категория падежа имени существительного в удмуртском языке» и «Формирование падежной системы в удмуртском языке» – Н. В. Кондратьева [2010; 2011; 2011а]; «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» – Л. М. Ившин [2010]. Н. В. Кондратьева защитила докторскую диссертацию «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)» [2011б; 2011в].

Кто из них кем станет, покажет жизнь.

17. *Принципиально новые лекционные курсы, разработанные Вами*: Как и в 13-м вопросе в связи с “принципиально новыми группами источников”, мне не совсем понятно выражение “принципиально новые лекционные курсы”. Если под ними подразумеваются общие и специальные учебные дисциплины, впервые в полном объеме введенные в учебные планы факультета (университета) и тем самым впервые читаемые в республике, то к ним я

могу причислить следующие: “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию”, “Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков”, “Удмуртская диалектология”, “История изучения удмуртского языка”, “Удмуртская ономастика”, “Историческая грамматика удмуртского языка”, “Сравнительная грамматика финно-угорских языков”, “Практический курс венгерского языка” и некоторые другие. Эти предметы как самостоятельные “полнометражные” учебные дисциплины появились в учебном плане филологического факультета лишь после преобразования Удмуртского пединститута в университет в 1972 г., и по поручению кафедры удмуртского языка и литературы пришлось впервые разработать их и в течение многих лет читать мне (см. также: [Кельмакоов 2010а: 8]).

18. *Что Вам дала работа в УдГУ в творческом плане?*: Я морально и психологически готовил себя к научно-исследовательской работе в институте академического типа, и мне было крайне трудно сделать решительный шаг, когда в нем появилась настоятельная необходимость, – перейти из Удмуртского научно-исследовательского института, где я после аспирантуры приступил к работе как научный сотрудник, в Удмуртский государственный педагогический институт на преподавательскую должность. Для меня не было и не является секретом, что педагогическая работа отнимет/отнимает львиную долю рабочего времени и сил преподавателя в ущерб научно-исследовательской. Однако определенные преимущества преподавательской работы в УГПИ/УдГУ, способствующей исследовательской деятельности, выявились несколько позднее, и они заключаются, на мой взгляд, в следущем:

во-первых, четко определились основные направления и тематика моих научных исследований (удмуртская дилектология, история удмуртского языка и языкознания), которые были связаны с потребностями преподавания соответствующих учебных дисциплин;

во-вторых, появилась хорошая перспектива для сбора фактического материала по диалектологии через руководство полевой практикой, контрольными, курсовыми и дипломными (выпускными квалификационными) работами студентов;

в-третьих, представились широкие возможности публиковать результаты своих научных исследований в виде учебников, учебных и учебно-методических пособий и разработок;

в-четвертых (отнюдь не в последнюю очередь), университет достаточно полно финансировал и финансирует мои издания, значительную часть научных командировок не только в пределах страны, но и зарубежные центры финно-угроведения.

19. *В чем, как Вы считаете, научный коллектив УдГУ наиболее зарекомендовал себя за прошедшие 75 лет?*: Обо всей большой науке, разрабатываемой в Удмуртском государственном университете, судить мне сложно, что касается одной из отраслей финно-угристики – удмуртского языкознания, развиваемого на факультете удмуртской филологии в течение 75 лет, – то оно весьма достойно оценивается в мировой уралистике.

20. *Что можно и нужно сделать для того, чтобы "большая наука" в УдГУ развивалась еще успешнее?*: Наверно, почаще замечать и морально и материально поощрять ученых за их труды, достижения и открытия; оказывать им содействие в выдвижении в сообществе ученых нашей страны и, естественно, изыскивать средства для издания их работ. По крайней мере, в ежегодные традиционно "обезличенные" научные отчеты университета по возможности вводить элементы конкретности: наука делается не столько учреждением, сколько конкретными людьми, работающими в нем...

21. *Ваши творческие планы*: Разумеется, пока Быдӟым Инмар – Всевышний – сохранит мой разум, остатки здоровья и желание и возможность трудиться, я постараюсь заниматься исследованием теоретических и прикладных проблем удмуртского (resp. финно-угорского) языкознания. Однако конкретный план, уже озвученный и обнародованный, теряет для меня притягательность, ибо я, как "кот, гуляющий сам по себе", с увлечением работаю над такими "дикими" темами, которые неожиданно для меня самого всплывают в моем сознании и которые ни в каких официальных или неофициальных документах еще не обозначены.

2.12.2. Валентин (Валей) Кельмакович Кельмаков*

– доктор филологических наук (1994), профессор Удмуртского государственного университета (1996), Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1991) и Российской Федерации (1997), почетный член Финно-Угорского Общества (Финляндия, 1994), член редколлегии журналов – международного «Linguistica Uralica» (Таллинн, 1996) и всероссийского «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола, 1995) – родился 14 января 1942 г. в д. Верхняя Юмья (*Тыло*) Кукморского района Татарской АССР в семье колхозных крестьян. Его детские годы совпали с труднейшим для страны временем – с военными и послевоенными годами, что наложило свою печать и на семью: его отец Байкеев Кельмак Байметович погиб под Ленинградом за два месяца до его рождения, и воспитание троих оставшихся детей (он был младшим) легло тяжелым бременем на мать Байкееву Камилю Ганеевну и тетку (младшую сестру отца) Байкееву Зямбике Байметовну.

Начальное образование получил в своей родной деревне, и с пятого по десятый класс продолжил обучение в соседнем удмуртско-кряшенском селе Ошторма-Юмья (*Улынгурт*). Эта Ошторма-Юмьинская средняя школа знаменита тем, что будучи одной из самых старинных школ в Кукморском районе (в бывшем Мамадышском уезде Казанской губернии) и в 50-е гг. XX в. – единственной удмуртской на всю округу, давала среднее образование удмуртам, проживающим не только в соседних, но и в отдалении до 20–40 километров от него деревнях, а также марийцам, татарам и кряшенам близлежащих населенных пунктов. В свое время услугами учителей и выпускников этой школы пользовались зарубежные исследователи-финно-угроведы Торстен Густафф Аминофф, Уно Нилс Харва-Хольмберг, Бернат

* Статья, составленная самим исследователем, впервые была включена в кн. “Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник” [Писат. и литерат. Удм. 2006: 197–199] под авторством составителя вышеназванного справочника А. Н. Уварова. Для данного издания уточнена, несколько расширена и дополнена.

Мункачи; воспитанниками этой школы являются и удмуртский просветитель И. С. Михеев, поэт-революционер М. П. Прокопьев и др. Однако эти славные традиции школы в те времена – в 50–60-е гг. прошлого столетия – были напрочь “забыты”, по крайней мере в преподавании родного языка и литературы и в воспитании удмуртских школьников они не применялись. Более того, рано возникший интерес к удмуртскому языку и финно-угроведению у В. К. Кельмакова поддерживался и подогревался, как ни странно, не столько уроками удмуртского языка и литературы, сколько личным обаянием учителя географии Шагея Мамашевича Мамашева, который, заметив у ученика определенную тягу к финно-угорским языкам, привез из Москвы и подарил ему словари венгерского, эстонского и марийского языков (имевшиеся в то время в продаже).

Интерес к языку и культуре родного и финно-угорских народов привело его на удмуртское отделение историко-филологического факультета УГПИ (отсутствие материальных средств и информации не дало ему возможности попасть на финно-угорское отделение Ленинградского университета), а после его завершения в 1964 г. – в аспирантуру сектора финно-угорских языков Института языкознания АН СССР (1964–1968), прерванную годичной службой в рядах Советской Армии (1965–1966). Закончив учебу в аспирантуре, поступил на работу в Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР (1968–1971), затем с 1971 г. – в Удмуртский государственный педагогический институт / Удмуртский государственный университет, где и трудится по сей день. В настоящее время (с 1995 г.) заведует кафедрой общего и финно-угорского языкознания. И на этом пути его творческого становления деятельное и моральное участие в его судьбе принимали И. В. Тараканов (ныне профессор УдГУ), доктора филол. наук, профессора В. И. Лыткин (научный руководитель в аспирантуре) и К. Е. Майтинская, удмуртский диалектолог и ономаст Т. И. Тепляшина, эрзя-мордовский лингвист Г. И. Ермушкин (ныне покойный доктор филол. наук) и др.

Свою научную карьеру В. К. Кельмаков начал с диалектологии, наименее разработанного раздела удмуртского языкознания того времени: в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему **«Кукморский диалект удмуртского языка»**. Опыт работы над диалектологической темой и знакомство с отечественными и зарубежными исследованиями и публикациями в этой области (благо Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина давала для этого прекрасную возможность) направили в дальнейшем углубленный интерес исследователя в две, казалось, несовместимые ветви удмуртской филологии: историческую фонетику и фольклористику.

Из более чем 350 научных и учебно-методических публикаций (в их числе свыше 50 книг и брошюр) львиную долю, естественно, составляют исследования по удмуртской диалектологии и исторической фонетике; именно по данной тематике и была защищена им докторская диссертация в форме научного доклада по совокупности опубликованных трудов – **«Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов»** (57 с.) [Кельмаков 1993а]. На основе материалов докторской диссертации им опубликованы учебные пособия «Udmurtin murteet»/«Удмурт диалектъёс» (396 с.) [Kel'makov и др. 1994], «Краткий курс удмуртской диалектологии» (386 с.) [Кельмаков 1998], «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (Ч. 1. – 276 с.; Ч. 2. – 395 с.) [Кельмаков 2003б; 2004]. Эти исследования, имеющие во многих отношениях новаторский характер, выдвинули рассматриваемые области удмуртского языкознания на передовые рубежи современного финно-угроведения. Кроме того, в его научном багаже имеются научные труды по морфологии, синтаксису, этимологии удмуртского языка и истории литературного языка и языкознания. Последняя отрасль удмуртоведения получила отражение в ряде книг: «Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева» (59 с.) [Кельмаков 1999], «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» (140 с.) [Кельмаков 2001в], «Очерки истории удмуртского языкознания» (232 с.) [Кельмаков 2001г], «К истории удмуртского и пермского языкознания» (445 с.) [Кельмаков 2002] и др.

Интерес к устно-поэтическому творчеству удмуртского народа, зародившийся еще в школьные годы и подкрепленный в дальнейшем работой над изучением удмуртских диалектов, привел В. К. Кельмакова к осознанию необходимости возродить опыт научной публикации фольклорных произведений, начатый в конце XIX столетия Б. Г. Гавриловым, Б. Мункачи, Т. Г. Аминоффом, Ю. Вихманном и др., и незаслуженно на многие десятилетия забытый в годы советской власти. В осуществление этой идеи им создан специальный сериал «Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы»/«Образцы удмуртской речи», отражающий состояние народного творчества удмуртов на рубеже XX–XXI вв. ([1]: «Северное наречие и срединные говоры» (299 с.) [Кельмаков 1981а]; 2: «Срединные говоры» (368 с.) [Кельмаков 1990]; готов к изданию вып. 3). Фольклорно-диалектологические тексты обильно включены в уже упоминавшиеся выше книги «Udmurtin murteet»/«Удмурт диалектъёс» (С. 156–368) и «Краткий курс удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998: 173–193, 199–214, 217–233, 244–285, 305–311], а также в книги «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах» [Кельмаков 1992: 101–107, 111–158], «Удмурт диалектология: Студентъёслы но аспирантъёслы юрттос» [Кельмаков 2002а: 61–171] и др. Именно эти и подобные им публикации были замечены фольклористкой Т. Г. Владыкиной: “Традиции дореволюционных собирателей удмуртского фольклора достойно продолжены трудами В. К. Кельмакова – диалектолога, историка удмуртского языка, ныне профессора Удмуртского государственного университета. Фольклорные тексты, изданные им в качестве образцов удмуртской речи, преследуют прежде всего профессиональную задачу – дать представление о разнообразии и особенностях диалектов и говоров удмуртского языка [Кельмаков 1981а; 1981б; 1990; Kel'makov и др. 1994]. Но для фольклористики они ценны тем, что здесь в качестве примеров представлены почти все основные жанры фольклора. ⟨...⟩ Поскольку все приводимые тексты записаны в наше время, они дают возможность говорить о факте живого бытования фольклора, его роли в жизни удмуртского народа, о современном состоянии традиционных жанров и происходящих

в них изменениях в ходе исторического развития” [Владыкина 1998: 34]). В отношении публикаций последнего времени образцов бытовой и поэтической речи удмуртов диалектологами (в их числе и Кельмаковым) венгерский профессор П. Домокош высказался следующим образом: “Высокой оценки заслуживают описания диалектов, собрания диалектных текстов у мордвы, коми, точность фиксации материала у удмуртов” [Домокош 2004: 64].

В последнее время В. К. Кельмаков обратил самое серьезное внимание на историю удмуртского литературного языка, формирование его норм, улучшение стиля изданий и учебных пособий для школ, что явилось своего рода логическим развитием его работы по исследованию удмуртских диалектов и научному изданию фольклорных произведений. Это направление его творчества получило отражение в отдельных изданиях (напр.: «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур» (60 б.) [Кельмаков 1999а], «“Удмурт дунне”-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс» (98 б.) [Кельмаков 2003], «Шонересь-а гожъяськонысьтымы шонертэтъёс?» (93 б.) [Кельмаков 2008а], «Удмурт кылъя школаын дышетскон книгаос сярысь» (86 б.) [Кельмаков 2008б] и др.) и в серии статей: «Г. Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка (К 225-летию первой удмуртской грамматики)» [Кельмаков 2001а], «О некоторых диалектизмах в языке ранних произведений М. Петрова: Лингвистическое эссе» [Кельмаков 2001б], «О трудах Т. К. Борисова в области удмуртской филологии (К 110-летию со дня рождения)» [Кельмаков 2002д], «Мои “встречи” с Кедра Митреем, или Кедра Митрей и удмуртские диалекты» [Кельмаков 2003а], «Пӧрмиз ик-а выль учебник?» [Кельмаков 2004б], «Дихотомия “диалекты – литературный язык” в трудах Г. Е. Верещагина» [Кельмаков 2004в], «Г. Красильников но калык сямъёс (“Вуж юрт” повестья куд-ог чакланъёс но тодэ ваёнъёс)» [Кельмаков 2005а], «Пиналъёслы удмурт литература кылмы сярысь: Удмурт кылъя 8–9-тӥ классъёслы учебникен валче кылдэм малпанъёс» [Кельмаков 2005б] и др. Часть этих материалов была объединена в одном учебном пособии «Очерки истории удмуртского литературного языка» (420 с.) [Кельмаков 2008].

Ф О Т О

2.13. CSÚCS SÁNDOR / ШАНДОР ЧУЧ
(1943)

“[Шандор Чуч] международно признанный специалист в области пермских языков, в первую очередь его занимали история, диалектология удмуртского языка” [FÉL 1990: 57].

“Научная деятельность Шандора Чуча направлена главным образом на историю удмуртского языка, благодаря чему наши родственные народы (и что отнюдь не немаловажно: и в Удмуртии!) считают его международно признанным специалистом ⟨...⟩

Нелегко поверить, что так быстро пролетели десятилетия. С зеркала уже смотрит на человека не то же самое лицо, что было когда-то давным-давно при первой встрече. Хотя внешне Шандор уже не тот же самый человек, но в отношении внутренних ценностей он не изменился, ибо остался таким же заслуживающим доверия, рассудительным другом, каким я знал его в годы работы лектором в Финляндии. Время, к счастью, и с другой точки зрения не пошло во вред, ибо благодаря своей педагогической и научной деятельности Шандор Чуч уже вписал себя в когорту выдающихся фигур финно-угорского языкознания” [Keresztes 2003: 10, 13].

A votják nyelv orosz jövevényszavai (’*Русские заимствования в удмуртском языке*’) (I. – 1970. – 323–362 old.; II. – 1972. – 27–47 old.).

Unkarin alkeet (’*Венгерский язык для начинающих*’) (1973. – 148 s.).

A votják-tatár nyelvi kapcsolatok és történeti hátterük (’*Удмуртско-татарские языковые контакты и их исторический фон*’) (I. – 1979. – 365–372 old; II. – 1980. – 135–148 old.).

A votják nyelvtörténet korszakai (’*Периоды в истории пермских языков*’) (1983. – 85–94 old.).

Egy 18. századi votják nyelvemlék (’*Памятник удмуртской письменности XVIII века*’) (1983. – 311–320 old.).

A votják nyelv a 18. században (’*Удмуртский язык в XVIII веке*’) (1984. – 63–80 old.).

Einige Probleme der Phonologie des Wotjakischen (’*Некоторые проблемы фонологии удмуртского языка*’) (1984. – 167–181 S.).

Die wotjakische Sprache (’*Удмуртский язык*’) (1988. – S. 131–146).

Chrestomathia Votiacica (’*Удмуртская хрестоматия*’) (1990. – 224 l.)

Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen (’*Татарские заимствования удмуртского языка*’) (1990. – 306 S.).

Периодизация истории удмуртского языка (1992. – С. 48–61).

Udmurt (’*Удмуртский язык*’) (1998. – P. 276–304).

Die Rekonsruktion der permischen Grudsprache (’*Реконструкция пермского языка-основыа*’) (2005. – 410 S.).

2.13.1. Венгер-удмурт профессор Шандор Чучлы – 60 арес*

Быдэс финн-угор дуннеын тодмо луись венгер кылчи, кылосбур тодосъёсъя доктор, Петер Пазмань нимо Католической университетысь профессор **Шандор Чуч** (Csúcs Sándor) – Тодосъёсъя Венгер Академилэн Урал кылъёсъя ӧриезлэн но Регули нимо дэменлыклэн тӧрозы, Финно-угроведъёслэсь конгрессъёссэс ортчытонъя Калыккуспо но Венгер комитетъёслэн ёзмуртсы, «Nyelvtudományi Közlemények» (’Кылтодонъя ивортонъёс’) журналлэн редколлегиезлэн ёзмуртэз, «Finnugor Világ» (’Финн-угор дунне’) журналлэн редколлегиезлэн тӧроез, Хельсинкиысь «Suomalais-Ugrilainen Seura» (’Финн-Угор Дэменлык’)-лэн член-корреспондентэз но Германиысь «Societas Uralo-Altaica» (’Урал-Алтай Дэменлык’)-лэн ёзмуртэз – 2003-тӥ арын 7-тӥ оштолэзе пусйиз аслэсьтыз 60 арес тырмон нуналзэ. Та паймымон адямилэн вылйын верам пумтэм-йылтэм нимъетъёсыз (званиосыз) но титулъёсыз вӧзы шумпотыса ватсаны быгатйськом на: со – удмурт кылэз эскерись туала тодосчиос пӧлысь одйгез самой тыршыса но пайдалыко ужасез, удмурт кылчиослэн матысь эшсы...

Мон соин тодмо ини 1970-тӥ арысен.

Пумиськыны быгатысалмы вить арлы вазьгес но, 1966-тӥ арын ик, куке Шандор – Будапешт университетысь студент – Москваысь Кылтодонъя институтэ огдырлы стажировкае вуылыны быгатйз[140]: соку со ужа вал аслаз «Удмурт кылын ӟуч асэстэмъёс» нимо диплом ужезлы (“магистерской диссертациезлы”) материал люкан бордын[141]. Нош мон Москваысь со ик институ-

---

* Вордскем кыл. – 2003. – 4-тӥ №. – 78–95-тӥ б. Татчы кӧня тупатъяса но ватсаса пыртэмын.

[140] Со сярысь одйгаз статьяяз ивортэ Ш. Чуч [1995: 125] ачиз но.

[141] Туала егит лыдӟисьёс, оло, ӟудозы: малы, пе, венгер студент удмурт кылъя диплом ужезлы материал люкан понна лыктоно кариськиз Москвае, Ижевске ӧз. Ужъюгдур капчиен валэктйське: кема дыр ӵоже

тысь аспирантураын дышетскисько вал ке но ини, ӵапак со вакытэ Москваын öй кемды – армиын служить карисько вал (аспирантураысь но одйг арлы басьтйзы).

Кык егит венгер финно-угроведъёсын – Шандор Чучен но Эникö Сиен (Szíj Enikő) – мон но куд-ог удмурт филологъёс тодматскыны быгатймы Таллиннын 1970-тй арын гудырикошконэ, отын Финно-угроведъёслэн III калыккуспо конгрессы[142] мынон нуналъёсы. Со дырысен ми тодмоесь ини, дырын-дырын пумиськылймы Ижевскын, Будапештын но куд-ог мукет интыосын, кытчы огдыре вуттылйзы милемыз финн-угор тодослэн шонересь яке читыр-чутыресь сюресъёсыз – конгрессъёс, конференциос, симпозиумъёс дыръя, тодос ужъёсъя ог-огмылэн улон но ужан инты-

---

Удмурт Элькун пытсам улосвыл вал, соин ик кунгож сьöрысь адямиосыз, соин валче удмурт кылэз, литератураез но культураез эскерись кунсьöр тодосчиосыз но, Удмуртие пырыны öз лэзьылэ.

Кылсярысь, Петер Домокош профессор, «Az udmurt irodalom története» (’Удмурт литературалэн историез’) [Domokos 1975] нимо монографизэ гожтыкуз, куинь пол кутскыса куриськылйз Удмурт шаере лыктыны, нокудаз учыре но солэн сюрес вылаз вож тыл öз жуатскы. Озьы ик кык венгер тодосчиос, Ласло Викар крезьгурчи но Габор Берецки кылчи, «Votyak Folksongs» (’Удмурт калык кырӟанъёс’) [Vikár и др. 1989] нимо книга поттон азязы материал люказы Башкириысь но Татариысь пöртэм ёросъёсын улйсь удмуртъёс пöлын гинэ, удмурт кырӟанъёсын туж узыр луись Удмурт шаере пыратэк – лэземын öй вал.

Со выллем ик югдуре пуктэмын вал 70–80-тй аръёсы Микко Корхонен финн кылчи но. Ю. Вихманнлэсь XIX даурлэн пумаз люкам лексической материалъёссэ кыллюкам карыса поттыны дасякуз (со потйз 1987-тй арын «Wotjakische Wortschatz» (’Удмурт кыллюкам’) нимын [Wichmann 1987]), М. Корхоненлы куд-ог диалект кылъёсыз удмурт лингвистъёс юрттэмъя эскерыны кулэ луиз, нош сое Удмурт шаере лыктыны öз лэзе. Соин ик, куке Корхонен Москваысь Кылтодонъя институтэ вуиз, солэн куремезъя, отчы, удмурт кылъя консультант карыса, В. И. Алатырев командировать каремын вал.

[142] Та вал нырысетйез Калыккуспо финн-угор конгресс, кудйзлэн ужаз удмурт филологъёс трос кузя пыриськыны быгатйзы; финно-угроведъёслэн I (Будапешт – 1960) но II (Хельсинки – 1965) конгрессъёсазы Ижевскысь нокин но öз на шедьы вал.

осамы командировкаосы вуылыкумы. Соин валче лыдӟисьёслы тунсыко луоз кадь потэ таӵе тодэт: венгер тодосчиос пӧлысь Ш. Чуч но Э. Сий вал нырысьёсыз, кинъёс, быдэс даур ортчыса гинэ, 1987-тӥ арын, выльысен шара сюрес лёгыны быгатӥзы адямиосын пытсам но Инмарен вунэтэм Удмурт шаере – соослэсь азьло удмуртъёс доры берпумзэ вуылӥз вал венгер академик Бернат Мункачи 1885-тӥ арын. Та кык егит венгер кылчиослэн пыдзы капчи кемласькиз: соос бӧрсьы финн-угор кылъёсыз эскерон туж трос пӧртэм шоринтыосысь (Венгриысь, Финляндиысь, Германиысь, Франциысь, Япониысь...) вуылӥзы ини Удмурт Элькунэ тодосчиос, вузъёсысь дышетйсьёс, аспирантъёс, студентъёс...

Со кемалась 70-тӥ аръёсысен кутскыса туннэ нуналозь вис карытэк чакласько мон Шандорлэсь (удмурт сямен – *Сандыр*) но Эникӧлэсь творческой ужан сюресъёссэс, шумпотйсько соослэн тодос удысын басьтэм азинсконъёссылы, выль поттэм ужъёссылы...

Шандор Чучлэн бадӟым финн-угор тодосэ сюресэз кунгож сьӧрысь мукет тодосчиослэн сюресъёссылэсь номырин но нимысьтыз уг висъяськы шуыны луысал: вордйськиз, гимназиын но вузын тыршыса дышетскиз, университетын огдыре ик трос пӧртэм специальность басьтӥз, ӵемысь кунгож сьӧры потальляз (мае милям вуоно тодосчиосмы кема дыр ӧоже – XX даурысь 80-тӥ аръёсозь – ӧз быгатылэ)...

Зэмзэ ик, вордйськиз со 7-тӥ оштолэзе 1943 арын лымшор Венгриысь Сегед (Szeged) карын. 1961-тӥ арын Михай Танчич нимо гимназиез (Táncsics Mihály Gimnázium) йылпумъямез бере, 1962–1967-тӥ аръёсы Лоранд Этвеш нимо Будапешт университетысь (Eötvös Loránd Tudományegyetem) гуманитарной (историко-филологической) факультетын дышетскиз. Со вакытэ ик ини мур тунсыкъяськиз кылтодон ужпумъёсын: кылъя студенческой кружокын докладъёс лыдӟылӥз, одйг ар солэн секретарез но вал. 1967-тӥ арын куинь – “венгер кыл, ӟуч кыл но финно-угристика” – специальностьёсъя устолыко диплом басьтыса, ньыль ар ӧоже ужаз шоръёзо школаын (X. Sibrik Miklós úti Általános Iskola), огдыре ик финно-угроведение удысын ужаса, 1969-тӥ арын азин-

лыко (“summa cum laude”) утиз **«A votják nyelv orosz jövevényszavai»** (’Удмурт кылын ӟуч асэстэмъёс’) нимо диплом ужзэ (“магистерской диссертацизэ”). 1970–1976-тӥ аръёсы со, Финляндия ласянь ӧтёнъя, Турку университетын венгер кылъя лектор луыса ужаз: туала венгер кылъя сяна, занятиос нуиз на венгер кыллэн, литературалэн но культуралэн историезъя, озьы ик финн-угор тематикая но (удмурт но коми кылъёслэн историзыя, финн-угор но тюрк кылъёс вискысь герӟетъёсъя). Со дыр куспын венгер кыллы дышетскыны кутскисьёс понна нимысьтыз **«Unkarin alkeet»** нимо учебник [Csúcs 1973] кылдытӥз (ваньзэ со 9 пол поттэмын), диплом ужзэ «Nyelvtudományi Közlemények» нимо венгер журналын кык люкетэн печатласа поттӥз [Csúcs 1970: 323–362; 1972: 27–47], мылысь-кыдысь басьтӥськиз кандидат диссертациезлы материал люкан борды.

1976-тӥ арысен али дырозь (кӧнялы ке вис карылыса) Тодосъёсъя Венгер Академиысь Кылтодонъя институтын (Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézete) ужа, 1984–1993-тӥ аръёсы кивалтӥз та ик институтысь финн-угор кылъёсъя ёзлюкетэн. 1992-тӥ арысен, Петер Пазмань нимо Католической университет усьтӥськем дырысен, Ш. Чуч огдыре ик ужа на та университетын, кытын солэн кичӧлтэмезъя финн-угор ёзлюкет но финно-угроведениея кафедра усьтэмын вал; татын со ӵапак та кафедраен кивалтэ. Та аръёсы ик пыриськиз «Uralisches Etymologisches Wörterbuch» (’Урал кылъёслэн этимологическоӥ кыллюкамзы’-лы) [UEW 1986–1991] материал люкан уже; со сяна, солэн кичӧлтэмезъя та кыллюкам вӧзы ватсэт карыса кылдытэмын вал «Statistik der uralischen Lautentsprechungen» (’Урал кылъёсын куара тупанъя статистика’) нимо исследование [Statistik 1991]. 80-тӥ аръёсысен солэн ик малпамезъя финн-угор ёзлюкет “Урал этимологическоӥ архив” кылдытон бордын ужаны кутскиз – та уж йылпумъяськыны кулэ 2003-тӥ арын. 1993–1998 аръёсы, Хельсинкиысь Венгер культурая но тодосъя шоринтыен кивалтыса, трос кужымзэ понӥз Финляндиын но Балтика дурысь элькунъёсын (Литваын, Латвиын но Эстониын) венгер культураез вӧлмытонлы. Дырын-дырын финнъёслы венгер кыл сярысь лекциос лыдӟылӥз;

ваньмон дыръяз – тодам вайисько на – вуылйз мынам удмурт кыллэн исторической фонетикаезлы сйзем лекциосам но, кудъёссэ мон лыдзи Хельсинки университетын 1993–1994-тй аръёсы...

Пöртэм кунъёсын ужамез, куд-огъёсаз (кылсярысь, Финляндиын) трос аръёс ӧоже улэмез, огъя финно-угроведенилы сйзем уно пöртэм дэмен ужъёсы пыриськемез азьланяз солы зеч луонлык кылдытйзы, одйг ласянь, данак кылъёсыз пыр-поч тодыны, мукет ласянь, нимаз сюбег темаослы – соин валче ик удмурт кылысь ужпумъёслы но – сйзем ужъёссэ вылй научной ӧошталаен (уровенен) гожъяны.

Шандор Чуч профессорлэн творческой сюресэз кутскемез дырысен туннэ нуналозь люконтэм юн герзаськемын удмурт кылэз, солэсь историзэ эскеронэн, удмурт калыклэсь кылзэ но культуразэ кунгож сьӧрын (Венгриын, Финляндиын, Германиын, Эстониын но о. а.) вöлмытонэн. Солэн удмурт кылэз эскерон но кунгож сьӧрын удмурт кыллы дышетон бордын ужамез пöртэм направлениосын азьланьтйськиз.

1. Ш. Чучлэн тодос удысын будон сюрес вылысьтыз самой йӧнлыко (важной) этапъёсыз герзаськемын удмурт тематикая ужъёсын: 1969-тй арын «A votják nyelv orosz jövevényszavai» (’Удмурт кылын зуч асэстэмъёс’) [Csúcs 1970; 1972] темая магистерской диссертацизэ утиз, 1983-тй арын – «Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen» (’Удмурт кылын бигер асэстэмъёс’) [Csúcs 1990a] нимо кандидат диссертацизэ, нош 2000-тй арын – «A permi alapnyelv rekonstrukciója» (’Перм дйнькыллы реконструкция’) [Csúcs 2000] темая доктор диссертацизэ[143].

Аслаз **магистер диссертацияз** кӧня ке сюрс зуч асэстэмъёс пӧлысь Ш. Чуч эскерыны быръе 600 кыл гинэ – “удмурт калык кылэ зуч асэстэмъёсыз”; валамон ини, соос пӧлы книга-газет пыр удмуртэ шедем пумтэм асэстэмъёс уг пыро. Таин валче автор вашкала асэстэмъёсыз утча тачё ошмессинъёсысь: 1) Т. Г. Аминоффлэн [Aminoff 1886], Ю. Вихманнлэн [Wichmann 1893; 1901;

[143] Доктор диссертациез али нимысьтыз книгаен поттэмын [Csúcs 2005].

1901a], Б. Мункачилэн [Munkácsi 1952][144] фольклор-диалект куэтъёсысьтызы; 2) Т. И. Тепляшиналэн XVIII даурысь гожъям синпельметъёслы сйзьыса поттэм книгаысьтыз [Тепляшина 1965]; 3) XIX дауре печатласа поттэм удмурт кыллюкамъёсысь [Wiedemann 1880; Munkácsi 1896][145] но куд-ог мукет. 600 асэстэмъёс пӧлын, Шандорлэн лыдъямезъя, 77,5 %-эз – макенимъёс; 8,8 %-эз – тодмоснимъёс; 0,8 %-эз – нимвоштосъёс; 6,4 %-эз – каронкылъёс; 3,0 %-эз – сямкылъёс; 2,7 %-эз – герӟеткылъёс [Csúcs 1972: 41][146] но о. а. Та выллем сётэтъёс вылэ пыкиськыса, автор тунсыко визьпумъянэ (выводэ) вуэ: ӟуч кыллэн удмурт кыл вылэ влияниез, кужмо ке но вал, бер кутскемын. Самой вашкалаосыз – XVI даурлэсь азьло пыремъёсыз – асэстэмъёс туж ӧжыт на ай; вань ӟуч асэстэмъёс пӧлысь кык куиньмосэз удмуртэ шедемын XIX дауре гинэ, соин ик соос удмурт кылын фонетика ласянь воштйськытэк ик кутйсько[147].

Кандидат диссертациез вылэ пыкиськыса лэсьтэм книгазэ Ш. Чуч 1990-тй арын **«Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen»** (’Удмурт кылын бигер асэстэмъёс’) нимын [Csúcs 1990a] поттйз, Тодосъёсъя Венгер Академилэн «Bibliotheca Uralica» сузьетэзлэн 10-тй номерез карыса. Вераны кулэ, та тема выль ӧй вал ини; сое сэрттон-пертчон бордын ужаны кутскемын вал XIX даурлэн пумаз ик. Солы сйзем трос пичиесь но бадзымесь ужъёс

[144] Материал люкамын вал 1915–1917 аръёсы, I Дунневыл ожмаськон дыръя.

[145] Ас вакытаз Ш. Чуч вашкала асэстэмъёсыз возьматйсь таче туж узыр вуж ошмессинъёсыз: З. Кротовлэсь удмурт-ӟуч кыллюкамзэ (5000 пала удмурт кыл) [Кротовъ 1785], М. Могилинлэсь удмурт грамматиказэ [Могилинъ 1786], Ю. Вихманнлэсь удмурт кыллюкамзэ [Wichmann 1987] – уже кутыны ӧз на быгаты, угось ваньмыз соос бӧрысьгес печатласа поттэмын.

[146] Бигер асэстэмъёс пӧлын вераськон люкетъёсъя лыдпусъёс кӧнялы ке мукетгес: 63,0 %-эз – макенимъёс; 10,4 %-эз – тодмоснимъёс; 0,37 %-эз – нимвоштосъёс; 19,3 %-эз – каронкылъёс; 5,9 %-эз – сямкылъёс но о. а. [Csúcs 1990a: 56].

[147] Ш. Чучлэн та ужез сярысь пыр-почгес учкыны луоз таче рецензиись: [Кельмаков 1974в].

пӧлысь ниманы луысал, дыр, Б. Мункачилэсь «Удмурт кылъя эскизъёс» [Munkácsi 1884], Х. Паасоненлэсь «Votják-török szóegyeztetések» (’Удмурт-тюрк кыл ӵошатонъёс’) [Paasonen 1902] статьяоссэс но И. В. Тараканвлэсь, данак статьяоссэ сяна, «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» [Тараканов 1981а: 28–98], «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» [Тараканов 1982] книгаоссэ. Чучлэн ужез шӧдскымон висъяське вылӥын нимам исследованиослэсь: статьяослэсь – паськыт теоретической огъянъёсыныз но туж узыр материалэныз (ваньмыз-ӧвӧлэз пыртэмын 1389 асэстэм кыл); И. В. Тараканвлэн монографиосызлэсь – ӝытпал кылтодонлы характерной луись методикаеныз (со сярысь кӧня ке кыл улӥын верамын луоз).

Исследованияз висъяське кык бадӟым люкет: 1) теоретической но 2) асэстэмъёслы этимологиосын лыдмет (список).

Нырысетӥ, теоретической, люкетаз пыртэм йыретъёсын автор таӵе ужпумъёслы саклык висъя: удмурт кылэ пырем тюрк кылъёсыз эскерон историлы; удмурт но бигер кылъёс вискын контактъёс кылдон исторической условиослы; бигер асэстэмъёслэсь фонетика но морфология ласянь удмурт кыллы тупатскемзэс эскеронлы; асэстэм лексикалэсь пӧртэм вераськон люкетъёсъя но диалектъёсъя классификацизылы; удмурт кылэ бигер асэстэмъёслэн пӧртэм лексико-семантической туркымъёслы (группаослы) люкиськемзылы но трос мукет со выллем – ваньмыз со вылӥ научной ӵошталаын лэсьтэмын.

Нимаз асэстэмъёслы сӥзем люкетаз, кылъёслы лыдметын, котькуд кыллэсь пӧртэм удмурт диалектъёсын но гожтэм синпельметъёсын пумиськись формаоссэс нимаса, автор тупен-тупен, пыр-поч эскере асэстэмъёслэсь этимологизэс, соин валче тырмыт лыдэ басьтэ азьвыл поттэм специальной литератураысь этимологиосъя тодэтъёсыз. Тани, кылсярысь, огъя тодмо *абдраны* “удмурт” кыллы сӥзем этимологической статьяяз Ш. Чуч таӵе тодэтъёс сётэ [Csúcs 1990a: 92]:

> *abdra-* ’удивиться, изумиться’, (Munk.) S K *abdi̯ral-*, *abdral-* ’staunen, sich verwundern’, (Wichm. Mskr.) G *adra-*, B *abdî̯ra-*, J *abdra-* ’sich verwundern’, (MF 220) UB *aptra-* ’staunen’, (Tepl. Pam. 193)

T *adra-* id., (Nas.: Dial. 105) KU *aptə̑ra-* ’удивиться, быть удрученным’ (Tar. ILU 55) Ku. Ba. BT *aptra-* (Soč. 99) *абдрасько* ’сомневаюсь, задумываюсь’.

< tat. *aptïra-* ’оставаться в безвыходном положении; недоумевать, растеряться, смущаться’, (TDial.) *abdïran-* ’растеряться, не знать что делать’, (Bal.) *aptı̊ra-*, *aptra-* ’sich verwirren’ < alttürk. **ab-dïra-*.

Munkácsi: NyK 18: 56; Fedotov, 1965: 72, 1968: 97; Maksutova: VFUJ 1967: 151; Tar.: FU 110, ZLU 88.

Кызьы ке огшоры лыдӟись яке школаын дышетйсь, озьы ик та выллем исследованиослы дышымтэ тодосчи но нырысь-валысь пумозяз уз, дыр, вала, макем тырмыт тодэтъёс сётэмын *абдраны* кыллэн удмурт диалектъёсын но гожъям ошмессинъёсын пумись-кемез пумысен но этимологиез сярысь та этимологической статьяын; соин ик кӧня ке валэктонъёс сётыны кулэен лыдъясько. Куинь абзацлэсь сылйсь этимологической статьялэн:

1) нырысетй абзацаз сётэмын та кыллэн пӧртэм диалектъёсын но гожъям синпельметъёсын кутйськись формаосыз но соослэн значениоссы: отчы нырысь ик пуктэмын удмурт литературной (огъя удмурт) форма (*abdra-*)[148]; собере мыно Б. Мункачилэн «A votják nyelv szótára» (’Удмурт кыллэн кылюкамез’) нимо удмурт кыллюкамаз [Munkásci 1896] пусъем “сарапульской” (S) но “казанской” (K) диалект формаос (*abdi̯ral-*, *abdral-*); со бӧрсьы – Ю. Вихманнлэн кигожтэм удмурт лексической картотекаысьтыз[149] “глазовской” (*adra-*), “бесермян” (*abdi̯ra-*) но “елабужской” (*abdra-*) формаос но Б. Мункачилэн люкам куэтъ-

[148] 1983-тй арын поттэм удмурт-ӟуч кыллюкамын солы таче валэктон сётэмын: **абдраны** (*с дат.*, *разд.*) удиви́ться, удивля́ться, изуми́ться, изумля́ться, порази́ться, пораже́ться *кому-чему*; прийти́ (приходи́ть) в изумле́ние *от чего*; восхити́ться, восхища́ться *кем-чем*; **учкисько шорад но чылкак абдрасько** смотрю я на тебя, и диву даюсь [УРС 1983: 17].

[149] Ю. Вихманнлэн та картотекаез 1987-тй арын поттэмын вал нимысьтыз «Wotjakische Wortschatz» нимо книгаен [Wichmann 1987], но Ш. Чуч, аслаз книгаез бордын ужакуз, кыллюкамлэсь печатлам вариантсэ кутыны öз на быгаты вал – со, кызьы адӟиськомы – бергес потйз.

ёсызъя поттэм «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (’Удмуртъёслэн калык сямъёссы но калык кылбуретсы’) книгаысь [Munkácsi 1952] “уфимско-бирской” (*aptra-*) вариант; азьланяз пуктэмын туала вакытэ пусъем диалект формаос – Т. И. Тепляшиналэн «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965] книгаысьтыз тыловай (*adra-*), Р. Ш. Насибуллинлэн «Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов» [Насибуллин 1978] статьяысьтыз красноуфимской (*aptə̂ra-*), И. В. Тараканновлэн «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» книгаысьтыз [Тараканов 1981а] кукмор, бавлы но буй-танып (камсьӧр) (*aptra-*); лыдмет йылпумъяське XVIII дауре поттэм «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка» нимо грамматикаын [Соч. 1775] сётэм вариантэн (*абдрасько*);

2) кыкетӥ абзацаз автор вае удмуртын пумиськись *абдраны* кыллы тупась сыӵе пӧртэм бигер формаосыз, кудъёсыз пусъемын бадзым бигер-зуч кыллюкамын [ТРС 1966] (*aptïra-*), бигер кыллэн диалект кыллюкамаз [ТТДС 1969] (*abdïran-*) но Г. Балинтлэн «Kazáni-tatár szótár» (’Кузон бигер кыллюкам’) книгаяз [Bálint 1877] (*aptůra-*, *aptra-*), бератаз сётэ на та кыллэсь вашкала тюрк формазэ (**abdïra-*);

3) куинетӥ абзацаз нимамын ваньмыз сыӵе научной ужъёс (бамъёссэс но пусйылыса), кытын сётэмын ини *абдраны* кыллэн удмурт кылын историез: Б. Мункачилэн «Votják nyelvtanulmányok» (’Удмурт кылъя эскизъёс’) [Munkácsi 1884] статьяез, М. Р. Федотовлэн «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми» но «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» [Федотов 1965; 1968] книгаосыз, Н. Х. Максютовалэн «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков» [Максютова 1967] статьяез, И. В. Тараканновлэн «Некоторые особенности лексико-семантических изменений татаризмов в удмуртском языке» статьяез [Тараканов 1979] но «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» книгаез [Тараканов 1982][150]. Таӵе амалэн эскеремын лыд-

[150] Вераны кулэ, таӵе куиньмо люкетлэсь – (1) кылъёсъя но диалектъёсъя материаллэсь, (2) этимологической валэктонлэсь но (3) науч-

метэ пыртэм ваньмыз 1389 кыл; пӧртэмлыкез со гинэ: куд-ог асэстэм кылъёс сярысь материал яке ӧжытгес, яке уногес.

Ш. Чучлэн книгаысьтыз одйг этимологической статьязэ пырпоч валэктоно карискьки кык муген: нырысь ик, удмурт лыдӟисьлы возьматэме потйз, макем бадӟым но ӝег уж лэсьтэм автор, та книгазэ гожтыкуз, котькуд кыллэсь историзэ эскерон понна; кыкетйез, та урет (отрывок) вылын гинэ но возьматыны луоно, маин аспӧртэмлыко луэ кылысь материалэз эскерон удысын кунсьӧр методика асьмелэнэзлэсь. Таӵе методикаысь куд-ог элементъёссэ асьмелы но асэстыны сьӧлык ӧй луысал, дыр...

Жаляса верано, та уж асьме дорын кулэезъя дунъямын ӧвӧл на ай: тодэмея, элькун печатьын яке палэнын удмурт кылчиен гожтэм одйг рецензия но та книгалы ӧз на поты, удмурт кыллэсь мукетъёсыныз кусыпъёссэ эскерон бордын ужась тодосчиосмы вань ке но; малы ке но та книгаез лыдэ басьтымтэ И. В. Тараканов но, аслэсьтыз та темая ик «Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь)» книгазэ [Тараканов 1993] поттыкуз. Нош кунгож сьӧрысь кылчиос ас вакытаз солы вылй дунъет сётйзы ини: “Трос ошмессинъёсысь люкам куӵо-каӵо материалэз радъян понна, Шандор Чучлы кулэ вал исследованиез бордын туж тыршыса ужаны. Солэн результатэз – финно-угроведъёслэн асэстэмъёслы сйзем монографиоссы радэ ӟеч ваёс (вклад). Соин валче пӧртэм финн-угор кылъёслэсь лексиказэс эскерисьёслэн ки улазы вуиз туж кулэ луись ужан амал” [Eiras 1991: 167]. Эшшо: “Чуч кылдытйз вераны луонтэм шумпотымон но пайдаё справочник, кудзэ уже кутыны луысал удмурт кылэз гинэ ӧвӧл, Волгакузянаысь мукет финн-угор кылъёсыз эскерон дыръя но. Тюркологъёс но отысь выль сямен учконъёс шедьтыны быгатысалзы...” [Saarinen 1992: 282–283].

ной литературалэсь – сылйсь этимологической статьяос кунсьӧр финно-угроведениын берло дыре кылдытэм этимологической кыллюкамъёсын традиционной луо, кылсярысь, пӧртэм финн-угор кылъёсысь вашкала фондъя [MSzFE 1967–1981; UEW 1986–1991], венгер [MTESz 1967–1976] но финн [SSA 1992–2000] кылъёсъя бӧрысь поттэмъёсаз.

Куинетйез диссертациез, **докторскоез – («A permi alapnyelv rekonstrukciója»** (’Перм дӥнькыллы реконструкция’), – перм дӥнькылэз реконструировать каронлы сӥземын: татын со ӵемысь выль сямен но быгатыса восстановить каре перм дӥнькыллэсь – вашкала удмуртъёслэн но комиослэн огъя вераськон кылзылэсь – фонетической сӧзнэтсэ (системазэ), грамматической стройзэ но лексической составзэ[151]. Диссертациез 2000-тӥ арын утемын вал, нимысьтыз книгаен бӧрысьгес потӥз, статья гожтон вакытэ Удмурт Элькунысь лыдӟисьлэн ки улаз вакчияк авторефератэз [Csúcs 2000] но диссертациезлэн темаезъя поттэм одйг-ог статьяосыз гинэ вань на вал. Статьяын авторефератысьтыз куд-ог, мынам малпамея, тунсыко положениосыз вылэ гинэ дугдыны кулэен лыдъясько.

Вашкала перм вакыт – со финн-перм дӥнькыл куашкам дырысен кутскыса, огъя перм дӥнькыл бырытозь кыстӥськем дыр: дауръёсын вераса, асьме вапумлэсь азьло XV даурысен асьме вапумысь IX–X даурозь [Чуч 1992: 50]. Та вакыт туж кузь (оглом 2500 ар пала); но, Ш. Чучлэн ивортэмезъя, сравнительно-исторической кылтодонлэн амалъёсыныз реконструировать карыны луэ вашкала перм вакытлэсь берпум этапсэ гинэ. Та вакытысь удмуртъёс но комиос понна огъя луись кылэз финн-угор кылтодонын *перм дӥнькыл* шуыса нимало, нош куд-огъёсыз кылчиос – *берлось перм дӥнькыл* (венгер сямен *kései őspermi*, немец сямен *Späturpermisch* [Csúcs 2000: 5]).

Та дӥнькыллэн вокалической сӧзнэтаз, Чучлэн малпамезъя, 9–10 гласной фонема (**i*, **u̇*, **į*, **u*, **e*, **o̤*, **o*, ?**ä*, **a*, **ɔ*) кутӥськем. В. И. Лыткинлэн, Э. Итконенлэн но К. Редеилэн традиционной реконструкцизылэсь пӧртэм луыса, Ш. Чучлэн реконструкцияз пытсам **ę*, **o̧*, **ǫ* гласнойёс уг пумисько; соосыз эсэплан понна, кызьы Ш. Чуч валэктэ, фонологилэн огъя теориез но, перм

[151] Эшшо 10 ар талэсь азьло Ш. Чуч одйгаз ужаз гожтӥз вал: “Еще никто не пытался реконструировать состояние полной прапермской системы до распада пермской общности, хотя по причине значительной близости удмуртского и коми языков она, кажется, с относительной легкостью достоверно восстановима” [Чуч 1992: 53].

но урал дӥнькылъёс вискысь куара соответствиос но нокыче пыкъет уг сёто. Озьыен, Чучлэн реконструкцияз гласной фонемаос куинь пӧртэм жутскемъя гинэ радъясько (Лыткинлэн, Итконенлэн, Редеилэн традиционной луэм реконструкциязы – 4 пӧртэм) [Csúcs 2000: 6].

Согласнойёслэн сӧзнэтазы 28 единица кутӥськем – сомында но сыӵеесь ик согласной фонемаос, кӧнязэ но кыӵеоссэ вашкала удмурт кылэ но восстановить каро [Csúcs 2000: 12][152]:

1) 8 смычнойёс: **p*, **t*, **t′*, **k*, **b*, **d*, **d′*, **g*;
2) 9 спирантъёс: **s*, **ś*, **z*, **ź*, **š*, **ž*, **w*[153], **v*, **j*;
3) 4 аффрикатаос: **č*, **ć*, **ǯ*, **ǯ́*;
4) 4 ныпыръемъёс: **m*, **n*, **ń*, **ŋ*;
5) 2 кылдуръемъёс: **l*, **l′* но
6) 1 дырекъясь: **r*.

Та сӧзнэтысь *w* но *ŋ* фонемаос коми диалектъёсын быдэсак ышемын (*ŋ* фонема эшшо XIV–XV дауръёсы кытын но отын кутӥськем на ай); удмурт кылын но та фонемаос тросысьтыз диалектъёсысь ышиллям (*w* возиськемын *kwa-* куаратэчетын гинэ), куд-ог диалектъёсысь ышемын аффрикатаос но, тужгес но чурытъёсыз (*č* но *ǯ́*). Быдэс сӧзнэт (ваньмыз 28 согласной фонема) парадигматика ласянь чик вошттӥськытэк кутӥськем на ай, кызьы гожъяло, вашкала удмурт кылын [Кельмаков 1985а], туннэ нуналозь (паймымон учыр: кызё даур ӧоже!) возиськем Агрыз ёросысь Варклет-Бодья но Алнаш ёросысь Кузёбай котырысь одйгог гуртъёслэн вераськетазы.

Уно тунсыко малпанъёсыз пумисько перм дӥнькылысь морфология сярысь но, кылсярысь, вераськон люкетъёслэн составзы, вошъетъёс (падежъёс), асъян категория, глаголъёслэн вошъяськемзы пумысен но трос мукет. Таин валче куд-ог реконструкциосыз ласянь мынам шекланонъёсы но кылдо. Кылсярысь, автор перм дӥнькылын тодмотэм ортчем дырлэн парадигмаысьтыз

[152] Таӵеесь ик согласнойёс перм дӥнькыл понна эсэплаз вал ас вакытаз финн кылчи Т. Э. Уотила но [Uotila 1933], нош вашкала удмурт кылэ – та статьялэн авторез [Кельмаков 1985а].

[153] Куд-ог авторъёслэн транскрипциязы та куара пусйиське *ӵ* буквaен.

пусъе 4 формазэ гинэ, эшшо ке ик соос пӧлысь кыкез кык юан-пусэн [Csúcs 2000: 23]:

Одйг лыд 1 л.: ?
2 л.: **munemi̯d*
3 л.: **munem*
Трос лыд 1 л.: ?
2 л.: ?? **munemdi̯*
3 л.: ?? **munemzi̯*.

Удмурт кыллэн куд-ог палэнысь лымшор вераськетъёсаз (бавлы, красноуфимской), литературной *мынӥськем*, *мынэмед*, *мынэм*, *мынӥськеммы*, *мынӥллямды*, *мынӥллям* формаослэсь висъяськыса, туннэ нуналъёсы но кутйсько таӵеосыз; кылсярысь, бавлы вераськетын: *мы̆нэмэ*, *мы̆нэмэд*, *мы̆нэм(эз)*, *мы̆нэммы̆*, *мы̆нэмды̆*, *мы̆нэмзы̆* [Кельмаков 1998: 150–151]; красноуфимскойын: *шъlэмэ* ’сылэме’, *шъlэмэД*, *шъlэм*, *шъlэммъ*, *шъlэмдъ*, *шъlэмжъ* ’сылэмзы’ [Насибуллин 1978: 101]. Мынам малпамея, кылдэмзыя пӧртэм луись[154] но туала вакытэ ог-огзылы туж кыдёке интыяськем удмурт диалектъёсысь – бавлыись но красноуфимскойысь – чылкак одйг выллемесь формаос вашкала луыны кулэ; озьы бере, соос капчиен ватсаны но юнматыны быгатысалзы Ш. Чучлэн вашкала перм парадигмаысьтыз тырмымтэ (1-тй мурт) но юан пусэн (трос лыдысь 2–3-тй мурт) сётэм формаоссэ.

Перм дйнькылэ косон сямлэсь парадигмазэ Ш. Чуч тазьы реконструировать каре [Csúcs 2000: 23]:

Одйг лыд 1 л.:
2 л.: **mun*
3 л.: **med munas*/*munaz*
Трос лыд 1 л.: **munam(e)*
2 л.: **mune*
3 л.: **med munasi̯*/*munazi̯*.

[154] Диалект тодметъёссэс лыдэ басьтыса, малпан кылдэ: красноуфимской вераськетлы исторической инъет кылдытэм “казанской” шуон (туала шошма но кукмор) палэнысь лымшор вераськет, нош бавлы вераськет кылдэмын лымшор удмурт диалект вылэ пыкиськыса.

Данак удмурт диалектъёсын *мед*/*медам* частица (?) глагол формаосын герӟаськыса кылдытэ нимысьтыз мылкыдан сям (желательной наклонение): *мэд мыном*, *мэд мынод*, *мэд мыноз*, *мэд мыномы*, *мэд мыноды*, *мэд мынозы*; *мэдам мын*, *мэдад мын*, *мэдаз мын*, *мэдам мынэ(лэ)*, *мэдад мынэ(лэ)*, *мэдаз мынэ(лэ)*. Тросаз удмурт диалектъёсын та парадигма куашкамын ини, возиськемын ӵемысь 3-тӥ мурт формаез гинэ. Удмурт литература кылын солэн кылем-мылемъёсыз бӧрысь кыстӥськизы косон сямлэн парадигмаяз [Кельмаков 1998: 145–146]. Вылӥын вераме шонер ке, соку Ш. Чучлэн сётэм индикатив (косон сям) парадигмаез исторически вашкала ӧвӧл – кык нимаз наклонениослэсь валчеяськыса берло кылдэмын луыны кулэ (*мед*/*медам*-ен но сотэк), сыӵе ик амалэн бер кылдэмын, луоз, со коми кылын но; озьы бере, перм дӥнькылэ реконструировать кароно, Ш. Чучлэн эсэплам кык глагол наклонениез (ивортон но косон) интые [Csúcs 2000: 24], куинь наклонение (ивортон, косон но мылкыдан).

Перм дӥнькылэ вуттэ Ш. Чуч **-етеп* суффиксэн деепричастиез но [Csúcs 2000: 24], кылсярысь: туала коми *мунӧмӧн* ’мыныса’ но удмурт *мынэмен*. Та формаос туала перм кылъёсын значенизыя чылкак мукетэсь. Уг тодӥськы, кызьы комиын, нош удмурт кылын со бер кылдэмын кадь потэ, малы ке шуоно со капчиен интыяське *-(э)м* итэтэн пӧрмем отглагольной нимъёс бордысь лэсьтон но потон падеж кылпумъёсын пӧрмем формаос радэ: *-(э)мен* (*мынэмен*), *-мтэен* (*мынымтэен*), *-(э)мысь* (*мынэмысь*), *-мтэысь* (*мынымтэысь*). Та формаослэн али но яркыт шӧдӥське на нимъёслэн косвенной падеж тус луэмзы, соин сэрен соосты куд-ог исследовательёс деепричастиос пӧлы уг но пырто, кылсярысь, П. Н. Перевощиков профессор [1959]. Но куд-ог мукет.

Тунсыко малпанъёсыз пумисько перм дӥнькылысь кылпӧрмытон, синтаксис но лексика пумысен но [Csúcs 2000: 25–29].

Оглом вераса, асьме азьын туж кулэ луись исследование.

2. Ш. Чучлэн тодос публикациосыз пӧлын бадзым инты басьто удмурт кылысь пӧртэм ужпумъёсын герӟаськем уно лыдъем статьяосыз; соос сӥземын удмурт кыллэсь лексической узырлыксэ сэрттон-пертчонлы, удмурт морфонологилы, исторической фонетикалы но исторической морфологилы, удмурт диалектологи-

лы но трос мукет. Ваньмызлэсь соослэсь пуштросэс эскерыны татын луонлык но, кулэлык но ӧвӧл, соин ик одйг-огъёсыз вылэ гинэ дугдылоно луисько.

Кылсярысь, «Zur Geschichte des wotjakischen Wortschatzes» (’Удмурт кылысь лексикалэн историез’) [Csúcs 1985: 327] нимо статьяяз Ш. Чуч лыдпусъёсын возьматэ, кызьы возиськемын удмурт но коми кылъёслэн кылкудыязы (лексикаязы) вашкала урал, финн-угор но финн-перм дінькылъёсысь элементъёс:

Дінькылъёс	Кылвыжыослэн возиськемзы		
	Кыказ ик кылын	Удм./коми кылын гинэ	Удм./коми кылын ваньмыз
Урал	116	9/28	125/144
Финн-угор	235	33/70	268/305
Финн-перм	180	26/43	206/223
ОГЛОМ	531	68/141	599/672

Кызьы таблица возьматэ, вашкала асэстымтэ лексика удмурт кылын 73 кыллы (12 %) ӧжытгес возиськем, комиын сярысь. Ш. Чуч сое валэктэ кык муген: 1) удмурт литературной кыллэн но диалектъёслэн лексической узырлыксы, коми кыллэн сярысь, лябгес эскеремын на ай, соин ик вашкала лексика кыллюкамъёсын тырмыт пусъемын ӧвӧл; 2) удмурт кыл вылэ юн кужмо влияние лэсьтӥзы бускель кылъёс, тужгес ик тюркъёсыз, соин ик данакез зэмос удмурт кылъёс вошттйськиллям асэстэмъёсыныз.

Вашкала удмурт кылкудылэн (лексикалэн) историез сярысь вераськон жутйськиз ини бере, Ш. Чучлэн эшшо одйг публикациез вылэ дугдылоно луисько. «Периодизация истории удмуртского языка» [Чуч 1992: 50–52] статьяяз венгер тодосчи нырысьсэ паськыт панорама сётэ удмурт но коми кылысь кылкудыослэн вужвашкала перм вакытэ – ог 24–25 даур ӵоже – азинскемзылы. Солэн малпамезъя, та дыр ӵоже кылдэм удмурт но коми кылъёс таӵе туркымъёс пӧрмыто:

1) ог 600–700 пала сыче ёзнаськисьтэм (непроизводной) кылдйньёс, кудъёсызлэн мукет финн-угор кылъёсын соответствиоссы уг пумисько (озьы бере, малпан кылдэ, соос огъя перм вакытэ кылдэмын шуыса), кылсярысь: удм. *бӧрдыны* ~ к. *бӧрдны*, удм. *бубыли* ~ к. *бобув*, удм. *висьыны* ~ к. *висьны*, удм. *вӧлдыны* ~ к. *вӧвдны*, удм. *вужер* ~ к. *вуджӧр*, удм. *горд* ~ к. *гӧрд*, удм.-к. *гу*, удм. *гурт* ~ к. *горт*, удм. *дурыны* ~ к. *дорны*, удм. *йӟыны* ~ к. *джын*, удм. *кор* ~ к. *кер*, удм.-к. *ляб*, удм.-к. *пась* ’шуба’, удм. *пус* ~ к. *пас*, удм. *сётыны* ~ к. *сетны* но трос мукет;

2) итэтъёсын но кылдйньёс ватсаськыса пӧрмем кылъёс, кылсярысь: удм. *паськыт* ~ к. *паськыд*, удм. *пеймыт* ~ к. *пемыд*, удм. *пересь* ~ к. *пӧрысь*, удм. *сюро* ~ к. *сюра*, удм. *пужым* ~ к. *пожӧм*, удм. *сиён* ~ к. *сёян*, удм.-к. *пуксьыны*, удм.-к. *пуктыны*, удм. *сынаны* ~ к. *сынавны*, удм. *сомында* ~ к. *сы мында*, удм. *сиён-юон* ~ к. *сёян-юан* но о. а.;

3) пӧртэм кылъёсысь огъя перм вакытэ асэстэмъёс, кылсярысь:

а) иран кылъёсысь: удм. *зарезь* ~ к. *саридз*, удм. *курег* ~ к. *курӧг*, удм. *майыг* ~ к. *майӧг*, удм. *эгыр* ~ к. *ӧгыр* но музон;

б) булгар кылысь: удм. *удыс* ~ к. *адас*, удм. *бам* ~ к. *бан*, удм. *энер* ~ к. *ӧныр*, удм. *кун* ~ к. *кан* ’эксэй’, удм.-к. *кись*, удм. *культо* ~ к. *кольта*, удм. *тысь* ~ к. *тусь*, удм. *усьтыны* ~ к. *восьтны* но трос мукет.

Та статьяяз [Чуч 1992: 53–54], азьвылгес поттэм «A votják nyelvtörténet korszakai» (’Удмурт кыл историысь вакытъёс’) нимояз выллем ик [Csúcs 1983: 89–91], венгер тодосчи удмурт кыллэсь пушпал историзэ солэн педпал историениз но удмурт калыклэн историениз герӟаса эскере но отысь таче вакытъёссэ висъя):

1) *вуж-вашкала перм вакыт* (= “прапермский период”) – асьме вапумлэсь азьвыл XV даурысен асьме вапумысь IX–X даурозь;

2) *вуж-вашкала удмурт вакыт* (= “праудмуртский период”) – 1237-тй арозь (та арын Булгар кун куашкатэмын вал но булгар кыллэн удмурт кыл вылэ влияниез лябомиз);

3) *вашкала удмурт вакыт* (= “древнеудмуртский период”) – 1552-тй арозь (та арысен, Кузонэз Иван IV басьтэм бере Кузон

ханлык куашкамен валче, удмурт кыл бигер кыллэн кужмо влияниез улысь мозмытскиз);

4) *шор удмурт вакыт* (= “среднеудмуртский период”) – 1775-тй арозь (та арын поттэмын вал нырысетй удмурт грамматика – «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка»);

5) *азьлось выль удмурт вакыт* (= “ранний новоудмуртский период”) – XX даур кутскытозь;

6) *выль удмурт вакыт* (= “новоудмуртский период”) – туннэ нуналъёсозь.

Та периодизация шӧдскымон висъяське соизлэсь, кудйз азьвылгес мынам статьяям фонетикалэн историез вылэ гинэ пыкиськыса лэсьтэмын вал [Кельмаков 1976в]. Со сяна, методикаез ласянь но со кӧня ке шугъяськонъёс но шеклanонъёс кылдытэ:

1) кызьы тодмо, кыл сӧзнэтлэн турлы люкетъёсыз пӧртэм ӝоглыкен воштйсько, соин ик отысь вань ярусьёссэ огдыре ик ӵош лыдэ басьтыса, периодизация лэсьтыны луонлык ӧвӧл[155], таиз одйг ласянь;

---

[155] “Прежде всего языки непрестанно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь. В любой момент своего существования они представляют собой продукт временного равновесия. Следовательно, это равновесие является равнодействующей двух противоположных сил: с одной стороны, традиции, задерживающие изменение, которое несовместимо с нормальным употреблением языка, а с другой – активных тенденций, толкающих этот язык в определенном направлении... Кроме того, ***присущие языку тенденции проявляются в отдельных частях системы неодинаково***” [Балли 1955: 29]. “Характерно, например, что ***периодизация истории конкретного языка не может быть фактически построена или разработана на основе учета развития всех уровней языка одновременно***, и это невозможно как раз в силу того, что сущность языка определяется внешнелингвистическими факторами и в первую очередь тем, что язык должен быть бесперебойным и постоянно действующим средством общения, а для этого необходима определенная степень устойчивости его состояния. ⟨...⟩ [Эта] устойчивость обеспечивается неравномерностью и разновременностью развития не только трех уровней языка, но и отдельных компонентов каждого из этих уровней” (выделение мое. – *В. К.*) [Дегтерева 1964: 13].

2) нош мукет ласянь, кыллэн азинскон историысьтыз пöртэм вакытъёссэ висъян понна, кызьы ке калыклэн историысьтыз событиосыз (та учыре, кылсярысь, Булгар кунлэн куашкамез, Иван Грозныйлэн Кузонэз басьтэмез но о. а.), озьы ик кыллэн азинскон сюресысьтыз педпал фактъёсыз (кыӵе ке гожъям синпельметлэн кылдэмез) уже кутон нокызьы но уз возьматы вераськон кыллэн сöзнэтэзлэн но пуш структураезлэн азинсконысьтыз пöртэм этапъёслэсь ог-огзэсыз пумен воштэмзэс. Самой троссэ, мае соос возьматыны быгато, со: кыллэн улон-вылонын кутӥськись функциосызлэсь пумен воштӥськемзэс яке литературной кыллэн (сыӵе вашкала вакытъёсы луысал ке со!) азинсконысьтыз этапъёсты.

Туж тунсыко луэ солэн XVIII даурысь удмурт кыллэн аспöртэмлыкъёсызлы сӥзем кык ужез: «Egy 18. századi votják nyelvemlék» (’XVIII даурысь удмурт кыл синпельмет’) [Csúcs 1983a] но «A votják nyelv a 18. században» (’Удмурт кыл XVIII даурын’) [Csúcs 1984] ог-огеныз герӟаськем статьяосыз.

Оглом вераса, Ш. Чучлэн кöня ке дасо статьяосыз туж тунсыкоесь но удмурт кыллэсь историзэ но туала состоянизэ эскерон понна пайдаёесь луо, соин ик соосыз, удмурт яке ӟуч кылэ берыктыса, асьме дорын нимаз книгаен поттыны умой луысал вылэм.

3. Шандор Чуч венгер тодосчилэн удмурт кылтодон азьын бадӟым заслугаез эшшо тани ма бордын на: калыккуспо огъясь финн-угор изданиосыз дасясьёс ӵапак сое гожтыны курылӥзы удмурт кыл сярысь статьяос. Кылсярысь, Д. Шинорлэн редакциез улын дасям но Лейден, Нью-Йорк, Копенгаген но Кёльн каръёслэн огъя коньдонэнызы поттэм «The Uralic Languages» (’Урал кылъёс’) нимо калыккуспо изданилы «Удмурт кыл» нимо немец кылын статья гожтӥз Чуч [Csúcs 1988]; сыӵе ик нимын солэсь англи кылын гожтэм бадӟымос статьязэ печатлаз Д. Абондололэн редакциез улын Англиын поттыны дасям «The Uralic Languages» (’Урал кылъёс’) книга но [Csúcs 1998].

4. Ш. Чуч котьку сямен пыриськылӥз пöртэм ӧошталаё калыккуспо тодослыко кенешонъёслэн ужазы: Финно-угроведъёслэн калыккуспо конгрессъёсазы (Тарту – 1970, Турку – 1980,

Сыктывкар – 1985, Дебрецен – 1990, Ювяскюля – 1995, Тарту – 2000 но мукет); Урал кылъёслэн фонологизылы сӥзем калыккуспо симпозиумъёсы (Матрафюред – 1979, Кишмартон – 1984, Гамбург – 1989); Урал кылъёслэн диалектологизыя калыкккуспо симпозиуме (Гамбург – 1984) но куд-ог мукет. Шумпотыса вераны быгатйськом, данаказ учыръёсы солэн докладъёсыз сӥземын вал удмурт тематикалы, кылсярысь: Матрафюредын (1979) – «Einige Probleme der Phonologie des Wotjakischen» (’Удмурт кыллэн фонологиысьтыз куд-ог ужпумъёс’) [Csúcs 1984a]; Гамбургын (1984) – «Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Votjakischen» (’Удмурт кыллэсь диалектъёссэ классифицировать карон критерийёс’) [Csúcs 1984b], (1989) – «Morphonologie der permischen Personalpronomina» (’Перм кылъёсысь муртъем нимвоштосъёслэн морфонологизы’) [Csúcs 1989]; Сыктывкарын (1985) – «Zur Geschichte des wotjakischen Wortschatzes» (’Удмурт кылысь лексикалэн историез’) [Csúcs 1990b]; Тартуын (2000) – «The Conjugation in Proto-Permian» (’Перм дӥнькылын спряжение’) [Csúcs 2001] но куд-ог мукет. Таӵе амалэн но венгер тодосчи кунгож сьӧрысь исследовательёс пӧлын вӧлмытӥз удмурт кыл сярысь тодэтъёсыз.

5. Удмурт кыл сярысь но солы сӥзем ужъёс ачиз гожъям сяна, Ш. Чуч вис карытэк эскере-чакла, мар лэсьтйське Удмурт шаерын удмурт кылтодон удысын. Со сярысь валаны луэ удмурт изданиослы рецензиосызъя. Венгер журналын со пӧртэм вакытэ пыр-поч информация сётӥз таӵе удмурт изданиослы: Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2 (Ижевск, 1973) [Csúcs 1975]; Первая научная грамматика удмуртского языка (Ижевск, 1975) [Csúcs 1977]; Материалы по удмуртской диалектологии (Ижевск, 1981) [Csúcs 1982]. 80-тӥ аръёсы потэм данак удмурт книгаослы обзор лэсьтыса гожтэмын солэн «Самой выль удмурт изданиос» нимо обзорной статьяез [Csúcs 1989a]. Вылӥ дунъет сётӥз со мынам «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (Ижевск, 1993), «Udmurtin murteet» (’Удмурт кыллэн диалектъёсыз’) (Turku; Iževsk, 1994) нимо книгаосылы но [Чуч 1995; Csúcs 1997].

6. Ш. Чуч удмурт кылэз эскерон удысысь научной ужзэ азинлыко герӟаны тыршиз кунгож сьӧрысь пӧртэм интыосын удмурт

кыллы дышетонэн но удмурт культураез вӧлмытонэн. Эшшо Турку университетын венгер кылъя лектор луыса ужакуз (1970–1976-тӥ аръёсы), со финн студентъёсыз удмурт кыллы но дышетӥз; бӧрысьгес солэн кичӧлтэмезъя Венгриысь Петер Пазмань нимо Католической университетын усьтэмын финно-угроведениея кафедра но радъямын студентъёсыз удмурт кыллы дышетон. Трос каръёсысь университетъёсы – Хельсинки, Турку, Тампере, Ювяскюля (Финляндия); Санкт-Петербург, Ижевск (Россия); Тарту (Эстония); Гамбург, Гёттинген, Мюнхен, Кобленц (Германия); Гронинген (Голландия) – лекциос лыдӟыны вуылыкуз, венгер тодосчи дыр но луонлык шедьтылӥз, венгер кылъя но культурая сяна, удмурт кыл сярысь но лекциос лыдӟылыны.

Оло нош, ӵапак 70-тӥ аръёсы, финн студентъёсын удмурт кылъя занятиос нуыкуз, солы малпан лыктӥз удмурт кылъя венгер кылын лыдӟон книга гожтыны, угось со вакытэ кунсьӧр адямиослы удмурт кыллы дышетскон понна нокыӵе юрттосъёс но ӧй на вал, Ю. Вихманнлэн Финляндиын поттэм но материалэз но грамматической гожетэз (очеркез) ласянь укыр вужмем «Кыллюкамен удмурт лыдӟос» [Wichmann 1901a; 1954] книгаез сяна. Венгриын нош со дыре дасяны кутскемын ини вал пичиесь финн-угор кылъёсъя венгер кылын лыдӟон книгаослэн сузьетсы, туннэ нуналозь поттэмын ини манси [Kálmán 1976], коми [Rédei 1978], ханты [Honti 1984], пор [Bereczki 1990], юкагир [Nyikolajeva 2000] но мукет кылъёсъя. Та радын ик аслэсьтыз сйё-дано интызэ шедьтӥз Ш. Чучлэн «Chrestomathia Votiacica» (’Удмурт лыдӟос’) [Csúcs 1990] книгаез.

Та «Удмурт лыдӟосын», «Азькылыз» сяна, вань на таӵе люкетъёсыз:

1) «Пыртон» (удмурт кылэз дышетонлэн вакчияк историез, удмурт диалектъёс но литературной кыл) (7–22-тӥ б.);

2) «Фонетика» (согласнойёс, гласнойёс, куара пусъён, ударение, морфонология) (23–32-тӥ б.);

3) «Морфология» (макеним, тодмосним, лыдним, нимвошtос, каронкыл, сямкылъёс но нимберъёс, мукет вераськон люкетъёс; соослэн грамматической категориоссы, пӧрмон но вошъяськон амалъёссы) (33–61-тӥ б.);

4) «Синтаксисъя гожет» (шуослэн ёзъёсыз, кылъёслэн шуосын интыяськон радзы, именной конструкциос, кушето шуосъёс) (62–66-тй б.);

5) «Куэтъёс» (кылдытэм куэтъёс (текстъёс), диалект куэтъёс, литературной кылын куэтъёс) (67–114-тй б.): диалект куэтъёсыз автор быръем кызьы ке Б. Мункачилэн но Ю. Вихманнлэн XIX–XX дауре лэсьтэм публикациосыз пӧлысь, озьы удмурт тодосчиослэн (Т. И. Тепляшиналэн, И. В. Тараканович, Г. А. Архиповлэн, В. К. Кельмаковлэн, М. Г. Атамановлэн, А. В. Гильмаевлэн, Р. Ш. Насибуллинлэн, Б. Ш. Загуляевалэн, Т. Г. Перевозчиковалэн, М. И. Федотовлэн) ужъёсысьтызы. Литературной куэтъёс кутско XVIII дауре но 1912-тй арын поттэм «Милям Атаймы» вӧсяськон бордысен, бӧрысь сётэмын К. Гердлэн, Ашальчи Окилэн, Ф. Васильевлэн гожъямъёсысьтызы уретъёс но книга-газетысь басьтэм куд-ог материалъёс;

6) «Кылвалэктон» (115–147-тй б.): та выллем кунсьӧр хрестоматиосын кылдэм традицияя, венгер кылэ берыктыса валэктэмын сыӵе удмурт кылъёс гинэ, кудъёсыз пумисько книгае пыртэм куэтъёсын;

7) «Куэтъёслэн берыктосъёссы» (148–191-тй б.): ваньмыз текстъёс берыктэмын венгер кылэ;

8) «Литература» (192–218-тй б.): лыдметэ пыртэмын удмурт кыллы сӥзем книгаослэн, бичетъёслэн, статьяослэн туж трос нимъёссы. Та библиография удмурт кыл сярысь ас кожазы лыдзыны мылкыд карисьёслы туж бадзым юрттэт сётыны быгатоз.

9) «Вакчиятонъёс» (219–222-тй б.).

Оглом та выллем люкетъёслэсь ик сыло Венгриын поттэм ваньмыз сямен финн-угор кылъёсъя хрестоматиос.

Вераны кулэ, ог дасо ар ӧоже та лыдзӧос кунсьӧр адямиослы удмурт кыллы дышетскон понна одйг гинэ книга вал; бӧрысьгес ини И. Козмач венгръёс понна поттӥз «Удмурт кыл: Дышетскон книга» [Козмач 1998], В. К. Кельмаков но С. Хянникяйнен – финнъёс понна [Kel'makov и др. 1999].

7. Шандор Чуч венгер кылчилэн творческой улон сюресэз трос пӧртэм амалъёсын герӟаськемын Удмурт Элькунэн но Удмурт кун университетэн. Выльдйськон кутскем бере, Ш. Чуч ӵем гинэ

вуылйз асьме шаере: удмурт студентъёсын но дышетйсьёсын ӧош 5 пол поталляз Удмуртиысь но солэн палэнысьтыз удмурт гуртъёсы диалектологической экспедициосы – со дыр куспын магнитофон лентае гожтыны быгатйз турлы удмурт диалектъёсын ог 20 часъем материал; Удмурт университетысь удмурт кылосбур факультет но Тодосъёсъя Венгер Академилэн Кылтодонъя институтысьтыз финн-угор кылъёсъя сектор вискын огкыл гожтыса, удмурт но венгер финно-угроведъёслэсь валче ужанзэс выль амалэн радъяны юрттйз; татчы вуылыкуз, удмурт студентъёс но дышетйсьёс понна нимысьтыз лекциос лыдзылйз; егит удмурт кылчиослы научной консультациосын юрттылйз. Солэн тодослыко исследованиосыз уже кутйсько удмурт кылосбур факультетысь студентъёсын туала удмурт кылъя, удмурт кылэз дышетон историяя но удмурт кыллэн исторической грамматикаезъя занятиос ортчытъяку, озьы ик выль научной исследованиос лэсьтон дыръя.

Шандор Чуч профессорлэсь удмурт кылэз эскерон удысын туж тыршыса но пайдалыко ужамзэ, Венгриын но солэн палэназ удмурт кыллы дышетонэ мылысь-кыдысь пыриськемзэ, удмурт но венгер тодосчиос куспысь герзетъёсыз юнматон бордын ужамзэ лыдэ басьтыса но 60 арес тырмонэныз валче Удмурт кун университетлэн Учёной Кенешез алигес кылосбур тодосъёсъя доктор, Петер Пазмань нимо Католической университетысь профессор Шандор Чучлы Удмурт кун университетлэн Сйё-дано профессорез ним сётон пумысен решение кутйз.

Нош ми, удмурт филологъёс, «Вордскем кыл» журналэз лыдзисьёсын валче, вань сюлмысьтымы зечкыласьком Тонэ, венгер-удмурт Профессор, вордскем нуналэныд, мылкыд кариськом Тыныд юн тазалык, зеч мылкыд, гажано ужад устоесь азинсконъёс но яратоно семьяяд – туж бадзым шуд! Быдзым Инмар мед юрттоз Тыныд югыт малпанъёстэ уж вылын быдэстыны!

3. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Данный труд едва ли нуждается в традиционных **выводах** или **заключении**, поскольку он представляет собой не завершенное исследование по большой и серьезной теме – истории удмуртской лингвистики от его возникновения (XVIII в.) до наших дней, а лишь определенный этап в ее разработке. Этот том книги в более систематизированном виде продолжает обсуждение проблем, поднятых в предшествующих изданиях: «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» [Кельмаков 2001в], «Очерки истории удмуртского языкознания» [Кельмаков 2001г], «К истории удмуртского и пермского языкознания» [Кельмаков 2002], это с одной стороны; и является началом очеркового описания научного творчества целой гвардии исследователей удмуртского языка (см. «Предисловие»), причем таких, научная деятельность которых укладывается в пределах последних четырех (II–V) этапов в истории удмуртского языковедения, – с другой.

Рекогносцировочный обзор истории удмуртской лингвистики, представленный в данной работе, свидетельствует о том, что:

1) за весь период ее существования – с XVIII в. вплоть до наших дней – традиционными явились/являются *описательный* метод, восходящий еще к ее начальному этапу, и *сравнительно-исторический* (с его ведущим тезисом: “Как и всякий продукт человеческой культуры, язык – предмет исторического рассмотрения” [Пауль 1960: 25]), внедренный в финно-угроведение (в том числе в пермистику и удмуртоведение) во второй половине XIX в. Лишь в последние десятилетия удмуртская компаративистика оплодотворилась некоторыми элементами структурно-типологической лингвистики, внутренней реконструкции (см., напр.: [Vászolyi 1967; 1968; 1968a]), количественного анализа (напр., в публикациях В. И. Лыткина, И. В. Тараканова, В. К. Кельмакова и др.) системным подходом в диахронической фонологии (в частности, в отдельных работах В. И. Лыткина, В. К. Кельмакова) и морфологии (напр.: [Кондратьева 2011а]) и т. д. В удмуртской диалектологии в настоящее время, наряду с описательным, уверенно внедряется метод лингвистической географии (см., напр.: [ДАУЯ 2009; ДАУЯ 2010]);

2) из относительно новых и новейших лингвистических направлений, характерных для современного мирового языкознания, таких как:

психолингвистика, социолингвистика, коммуникативная лингвистика, этнолингвистика, антропологическая лингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, политлингвистика, лингвистика текста, лингвокультурология и др., а также методов дистрибутивного анализа, трансформационного анализа, непосредственных составляющих, компонентного анализа, лингвостатистики и т. д. (подробнее о них см., напр.: [Алефиренко 2005; и др.] – в удмуртском языкознании (преимущественно в зарубежной его ветви) в последние годы начинает приобретать относительную популярность, пожалуй, лишь социолингвистика (ср.: [Salanki 2002; 2003; 2004; 2004a; 2008; 2008a; 2009; 2010; Salanki и др. 2007];

3) удмуртское языкознание, сосредоточившееся на решении прикладных задач (составление школьных учебников, методических пособий для учителей и учащихся средних школ, переработка правил орфографии и пунктуации и т. д.), с одной стороны, и конкретном описании различных ярусов системы удмуртского языка или ее элементов в синхронном и частично в диахроническом аспектах, с другой, – почти полностью избегает обращения к разработке общеязыковедческих проблем;

4) удмуртская лингвистика по своему уровню развития весьма далека от удовлетворения потребностей современного общества, о чем красноречиво говорит не только отсутствие серьезных монографических исследований и справочных изданий по многим областям и вопросам языкознания, но и учебных пособий по ряду вузовских дисциплин удмуртоведческого цикла. Выход из сложившейся ситуации видится не только в интенсификации научно-исследовательской работы имеющихся научных кадров (это вне всякого сомнения), но и в расширении рабочих мест для специалистов в области удмуртского языковедения.

Последняя задача едва ли разрешима без деятельного участия властных структур республики в развитии этой отрасли удмуртоведческой науки.

4. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

а) языков и диалектов:

авест. – авестийский язык (язык священной «Авесты»)
бавл. – бавлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
башк. – башкирский язык
бес. – бесермянское наречие удмуртского языка (Бор. и др.);
бт. – буйско-таныпский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
булг. – булгарский язык
в. – венгерский язык
вс. – верхнесысольский диалект коми языка
в. св. – восточные говоры северного наречия (Бор.)
вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
вят. – вятский говор с. Якшур-Бодья (Т. Г. Аминофф)
глаз. – глазовский диалект северного наречия удмуртского языка (Ю. Вихманн и др.)
диал. – диалектный, диалектная форма, диалектное
доперм. – допермский (уральский, финно-угорский, финно-пермский) язык-основа
древнесам. – древнесамодийский язык; древнесамодийская форма
др.-инд. – древне-индийский язык
елаб. – елабужский диалект удмуртского языка (Ю. Вихманн и др.)
елабИсл. – елабужский диалект по Вл. Ислентьеву
з. – (?) западные говоры удмуртского языка (Бор.)
з. св. – западные говоры северного наречия удмуртского языка (Бор.)
ие. – индоевропейские языки; индоевропейский праязык
иран. – иранские языки, иранский язык
к. – коми(-зырянский) язык

каз. – казанский диалект удмуртского языка (Т. Г. Аминофф, Б. Мункачи и др.)
казАм. – казанский диалект по материалам Т. Г.Аминоффа
казГ. – казанский диалект по Б. Гаврилову
камас. – камасинский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
кр. юж. – крайне-южное наречие удмуртского языка (Бор.);
кукм. – кукморский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
кя. – коми-язьвинский диалект
лит. – см. *удм. лит.*
м. – (?) малмыжский диалект удмуртского языка (Бор.), см. *малм.*
малм. – малмыжский диалект удмуртского языка (по Ф. Й. Вихманну), см. *м.*
манс. – мансийский язык (см. *мс.*)
мар. – марийский язык (см. *мр.*)
мд. – мордовские языки
мдМ. – мокшанский (мокша-мордовский) язык
мдЭ. – эрзянский (эрзя-мордовский) язык
мр. – марийский язык (см. *мар.*)
мс. – мансийский язык (см. *манс.*)
м.-урж. – малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (по Ю. Вихманну)
нен. – ненецкий язык
оп. – общепермский праязык (язык-основа)
осет. – осетинский язык
прап. – прапермский язык(-основа) (см. *праперм.*)
праперм. – прапермский язык [у Т. И. Тепляшиной] (см. *прап.*)
праудм. – праудмуртский язык
рус. – русский язык
с. – саамский язык
сар. – сарапульский диалект северного наречия удмуртского языка (Ю. Вихманн и др.)
св. – средневосточные говоры удмуртского языка
сев. – северное наречие удмуртского языка
ср. – срединное наречие удмуртского языка (Бор.);
сред. – срединные говоры удмуртского языка
сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
тат. – татарский язык

татш. – татышлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
тюрк. – тюркские языки
ув. – увинско-вавожская группа (срединных) говоров
удм. – удмуртский язык
удм. лит. – удмуртский литературный язык
уфим. – уфимский диалект удмуртского языка (Т. Г. Аминофф, Ю. Вихманн)
уфимСм. – уфимский диалект по И. Н. Смирнову (в кн.: «Вотяки...»)
ф. – финский язык (см. *фин.*)
фин. – финский язык (см. *ф.*)
ф.-уг. – финно-угорский праязык [у Т. И. Тепляшиной] (см. *фуг.*)
фуг. – финно-угорский праязык; финно-угорская форма (см. *ф.-уг.*)
х. – хантыйский язык
чув. – чувашский язык
шошм. – шошминский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
эст. – эстонский язык
юж. – южное наречие удмуртского языка (Бор.)
южМ. – южный говор д. Муважи Алнашского района
южн. – южный диалект (наречие) удмуртского языка
якш. – говор с. Якшур-Бодья (Т. Г. Аминофф)

б) наименований административных единиц:

Алн. – Алнашский район Удмуртской Республики; *Балт.* – Балтасинский район Республики Татарстан; *Глаз.* – Глазовский район Удмуртской Республики; *Калт.* – Калтасинский район Республики Башкортостан; *Красног.* – Красногорский район Удмуртской Республики; *Можг.* – Можгинский район Удмуртской Республики; *М-тур.* – Маритурекский район Республики Мари-Эл; *Селт.* – Селтинский район район Удмуртской Республики; *Слоб.* – Слободской район Кировской области; *Юкам.* – Юкаменский район Удмуртской Республики.

в) прочие:

абл. – аблатив; ***акк.*** – аккузатив; ***букв.*** – буквально; ***вопр.*** – вопросительное (местоимение); ***ген.*** – генитив; ***илл.*** – иллатив; ***инесс.*** – инессив; ***инстр.*** – инструменталь; ***неопр.*** – неопределенное (местоимение); ***ном.*** – номинатив; ***элат.*** – элатив.

5. ИСТОЧНИКИ

Азбука Гл. 1847 – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Глазовскому). – Казань, 1847. – 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 387–558.].

Азбука Сар. 1847 – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Сарапульскому). – Казань, 1847. – 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 249–439.]

Архипов Т. А. Лудӟи шур дурын: Роман. Нырысетӥ люкетэз. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – 176 б.

Багинъ С. Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда: Этнографическій очеркъ // Этнографическое обозреніе. – 1897. – № 2. – С. 59–92.

Библия 1988 – Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвящ. тысячелетию Крещения Руси / Изд. Московской Патриархии. – М., 1988. – 1371 + 5 с.

Блинов П. Улэм потэ: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 167 б.

Валишин Р. Г. Тӧл гурезь: Повесть, веросъёс, дневникысь люкетъёс, статья. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 352 б.

Васильевъ І. Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ Казанской и Вятской губерній // Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. – Казань, 1906. – Т. XXII. – Вып. 3. – С. 185–219; Вып. 4. – С. 253–276; Вып. 5. – С. 321–349.

Гаврилов И. Г. Вордйськем палъёсын: Роман. Нырысетӥ книга. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – 268 б.

Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос: Куинь томен. 1. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 496 б.

Гусев И. Ӟукыртэ, жуштэ сюрес // Емельянов К. В., Гусев И. И. Капка сьӧрын; Ӟукыртэ, жуштэ сюрес: Повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 117–140-тй б.

Еванг. Гл. 1847 – Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 13–386.].

Еванг. Сар. 1847 – Господа нашего Іисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанского университета, 1847. – 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 11–248.].

Еванг. 1877 – Милям Господь Іисус Христослэн чӹн Евангеліеез. Матѳей гожтэм Евангеліе / Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе. Отъ Матѳея / Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 82 б.

Еванг. 1912 – Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на удмуртском языке. – Казань, 1912. – 327 с.

Емельянов Л. П. Кудпала берга дунне питран: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 248 б.

ЖУК 1960 – Жингырты, удмурт кырӟан!: Нотаосын кырӟан сборник / Историяя, экономикая, литературая но кылъя Удмурт НИИ; дасяз П. К. Поздеев. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1960. – 396 б.

Кедра Митрей. Секыт зӥбет: Роман / 3-тӥ изд. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. – 128 б.

Кедра Митрей. Зурка Вужгурт: Повесть. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – 150 б.

Кедров Ф. Быръем произведениос. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 207 б.

Клабуков А. Н. Можай тыпы: Повесть, веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1979. 112 б.

Красильников Г. Тонэн кылисько. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1960. – 278 б.

Перевощиков Г. К. Гужем лымы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 264 б.

Петров I – М. П. Петров. Люкам сочиниениос. Нырысетӥ томез: Кылбуръёс, кырӟанъёс, поэмаос. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 228 б.

Петров М. П. Вуж Мултан = Люкам сочиниениос. Витетӥ томез: Вуж Мултан. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 368 б.

Самсонов Е. Зор бере: Веросъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 165 б.

Самсонов Никвлад. Койык мус: Веросъёс // *Самсонов Никвлад.* Агбай: Веросъёс, повестьёс, роман. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 5–136-тӥ б.

Самсонов С. А. Кам вадьсын гудыръя: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1969. - 168 б.

Св. Ист. 1877 – Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ / Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 190 с.

Уд. – «Удмурт дунне» газет / газета «Удмурт дунне».

Ӱгет 1878 – Ӱгет. Святой Тихон дӟшетем жеҫ кылъёс / Наставленіе христіанское Св. Тихона – Казань: Изд-ие Православнаго Миссіонерскаго Об-ва, 1878. – 35 с.

Чернов П. Егит дыр кырӟанъёс: Тодэ ваёнъёс. – Ижкар: Тодон, 1998. – 444 б.

Шихарев С. Т. Пушнер веник: Веросъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1968. – 76 б.

5. ЛИТЕРАТУРА

Акмаров 1965 – *Акмаров А. М.* Спектральный и рентгенографический анализ английских и удмуртских гласных (Экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук / Москов. гос. пед. ин-т им. М. Тореза. – М., 1965. – 174 + (Библиография) 11 с.

Акмаров 1965а – *Акмаров А. М.* Спектральный и рентгенографический анализ английских и удмуртских гласных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Москов. гос. пед. ин-т им. М. Тореза. – М., 1965а. – 11 с.

Акмаров 1965б – *Акмаров А. М.* Удмуртские гласные по данным рентгенографического и палатографического исследования // Вопросы теории и методики изучения русского языка / Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск: Удмуртия, 1965б. – Вып. 4. – С. 144–156.

Алатырев 1959 – *Алатырев В. И.* Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., яз. и лит. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – Т. 1. – 216 с.

Алатырев 1970 – *Алатырев В. И.* Выделительно-указательная категория в удмуртском языке: Расширенный доклад на III Междунар. конгрессе финно-угроведов в г. Таллине / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1970. – 74 с.

Алатырев 1970а – *Алатырев В. И.* Языкознание // Об исследованиях культуры удмуртского народа / Удмурт НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1970а. – С. 3–40.

Алатырев 1975 – *Алатырев В. И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15.

Алатырев 1976 – *Алатырев В. И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1976. – С. 15–36.

Алатырев 1977 – *Алатырев В. И.* К вопросу о древнетюркских заимствованиях в пермских языках // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов 27–30 октября. – Ужгород, 1977. – С. 6.

Алатырев 1988 – *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1988. – 240 с.

Алашеева 2003 – *Алашеева А. А.* Туала удмурт кыл: Сямкыл: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. Туала удмурт кылъя но сое дышетон амалъёсъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 31 б.

Алвре 1976 – *Алвре П.* [Рецензия] // Fenno-Ugristica: Труды по финно-угроведению. – Tartu, 1976. – Вып. 3. – С. 149–153.

Рец. на: Т. И. Т е п л я ш и н а. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Алефиренко 2005 – *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 426 с.

Алпатов 1991 – *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм / АН СССР. Ин-т востоковед. Комиссия по ист. филол. наук. – М.: Наука. Главн. ред. вост. лит., 1991. – 240 с.

Анисимова и др. 2008 – *Анисимова О. В., Кибардина Т. М.* Модальные слова гипотетической достоверности в удмуртском и марийском языках // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симп. / Удмурт. гос. ун-т; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 53–57.

Арзамазов 2005 – *Арзамазов А. А.* Тэ-тэ: Учебник удмуртского языка / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2005. – 147 с.

Атаманов 1977 – *Атаманов М. Г.* Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов // СФУ. – 1977. – № 1 (XIII). – С. 121–127.

Атаманов 1980 – *Атаманов М. Г.* Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1980. – С. 3–6.

Атаманов 1980а – *Атаманов М. Г.* Отражение микроэтнимов в топонимии // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1980а. – С. 67–88.

Атаманов 1980б – *Атаманов М. Г.* Размещение воршудно-родовых групп // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1980б. – С. 89–117.

Атаманов 1981 – *Атаманов М. Г.* Исторические пласты удмуртской антропонимии // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Turku, 20–27 VIII 1980. – 1981. – Pars VII. – С. 3–8.

Атаманов 1982 – *Атаманов М. Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 81–127.

Атаманов 1983 – *Атаманов М. Г.* Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ. – 1983. – № 2 (XIX). – С. 115–125.

Атаманов 1983а – *Атаманов М. Г.* Личные имена закамских удмуртов // Вопросы удмурт. диал. и ономастики: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1983а. – С. 65–89.

Атаманов 1984 – *Атаманов М. Г.* Архаическая лексика в удмуртской топонимии // СФУ. – 1984. – № 4 (XX). – С. 178–183.

Атаманов 1987 – *Атаманов М. Г.* Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 68–75.

Атаманов 1988 – *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.

Атаманов 1989 – *Атаманов М. Г.* Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1989. – С. 169–181.

Атаманов 1990 – *Атаманов М. Г.* Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов: Около 6800 имен / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск. 1990. – 396 с.

Атаманов 1997 – *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.

Атаманов 2000 – *Атаманов М. Г.* Следы племенного объединения удмуртов *калмез* в топонимии Волго-Камья // Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы междунар. науч. конф. – Ижевск, 2000. – С. 381–385.

Атаманов 2001 – *Атаманов М. Г.* По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 216 с.

Атаманов 2003 – *Атаманов М. Г.* По следам воршуда *Ӟумья* // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2003. – № 1. – С. 65–73.

Атаманов 2005 – *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 216 с.

Атаманов 2007 – *Атаманов М. Г.* Еще раз о происхождении этнонима *удмурт* // LU. – 2007. – № 2 (XLIII). – С. 90–97.

Атаманов 2010 – *Атаманов М. Г.* Происхождение удмуртского народа: Монография. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.

Атаманов-Эграпи 2005 – *Атаманов-Эграпи М. Г.* Песни и сказы ушедших веков = Эгра кырӟа, Эгра вера. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.

Балли 1955 – *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.

Баталова 1982 – *Баталова Р. М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1982. – 168 с.

Белова 2000 – *Белова Е. Б.* Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении): Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2000. – 149 с.

Белова 2000а – *Белова Е. Б.* Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2000а. – 19 с.

Белова 2000б – *Белова Е. Б.* Функционирование удмуртских аффрикат / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2000б. – 48 с.

Белых 2009 – *Белых С. К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности: Монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 150 с.

Библ. публ. Тар. – Библиография публикаций И. В. Тараканова (1956–1998) // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1999. – С. 17–32.

Библ. трудов Тепл. – Библиография научных трудов Т. И. Тепляшиной / Подготовлена к изд. Л. Е. Кирилловой // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн.; Сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 29–41 с.

Библ. указ. 1981 – Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР: 1931–1980 / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1981. – 80 с.

Библ. указ. 1997 – Библиографический указатель трудов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и его сотрудников: 1981–1996 гг. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1997. – 136 с.

Блиновъ 1867 – *Блиновъ Н. Н.* Лыдзонъ. Азбука для вотскихъ дѣтей. – Вятка, 1867. – 24 с.

Борисов 1929 – *Борисов Т. К.* Песни южных вотяков. – Ижевск: Удкнига, 1929. – XVII + 102 с.

Борисов 1932 – *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. – XXII + 374 с.

Борисов 1991 – *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / 2-е, стереотипное изд. // АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; Удмурт. отделение Всесоюзного фонда культуры. – Ижевск, 1991. – 384 с.

БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / РАН. Уфим. НЦ. АН Республики Башкортостан. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.

Бубрих 1929 – *Бубрих Д. В*. К вопросу о пермском вокализме // Бюллетень Ленинград. общества исследователей культуры финно-угорских народностей. – Вып. 4. – Л., 1929. – С. 18–19.

Бубрих 1948 – *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 112 с.

Бубрих 1948а – *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика финского-суоми языка / АН СССР. Карело-фин. науч.-иссл. база. Ин-т ИЯЛ. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948а. – 232 с.

Бубрих 1948б – *Бубрих Д. В.* Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Учен. зап. ЛГУ. – № 105. – Серия востоковед. наук. – Вып. 2. – Л., 1948. – С. 47–80.

Бубрих 1949 – *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного коми языка / Ленинград. гос. ун-т. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1949. – 126 с.

Бубрих 1953 – *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1953. – 272 с.

Бубрих 1955 – *Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка / АН СССР. Карело-Фин. филиал. Ин-т ЯЛИ – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 186 с.

Бубрих 1992 – *Бубрих Д. В.* Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – С. 3–28.

Будагов 1988 – *Будагов Р. А.* Портреты языковедов XIX–XX вв.: Из истории лингвистических учений / АН СССР. ОЛЯ. – М.: Наука, 1988. – 320 с.

Булычев 1947 – *Булычев М. Н.* Порядок слов в удмуртском простом предложении / НИИ ист., яз., лит. и фолькл. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. – 86 с.

Бусыгина 2009 – *Бусыгина Л. В.* «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузебая Герда / Удмурт. гос. ун-т.

Финно-угор. НОЦ гуманитар. технологий. Лаб. лингвист. картографирования и ист. лексикол. удмурт. яз. – Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. – 248 с.

Бусыгина и др. 2006 – *Бусыгина Л. В., Максимов С. А., Семенов В. Г.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Насибуллин Риф Шакрисламович: к 70-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / сост. И. В. Никитина; Удмурт. гос. ун-т, Науч. б-ка; комп. верстка И. В. Никитиной. – Ижевск, 2006. – С. 5–15.

Бутолин 1941 – *Бутолин А.* [*С.*] Вопросы развития удмуртской поэзии // Записки / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при СНК Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. – С. 35–61.

Бушмакин 1971 – *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск; М., 1971. – 397 + [Приложение] 350 с.

Бушмакин 1971а – *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1971а. – 28 с.

Ванюшев и др. 1988 – *Ванюшев В. М.*, *Тараканов И. В.* XVII Всесоюзная конференция финно-угроведов // СФУ. – 1988. – № 3 (XXIV). – С. 233–237.

Вахрушев 1975 – *Вахрушев В. М.* Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики // Вопросы удмурт. языкозн.: Сб. ст. / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 3–23.

Вахрушев 1975а – *Вахрушев В. М.* К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка // Вопросы удмурт. языкозн.: Сб. ст. / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975а. – Вып. 3. – С. 42–56.

Вахрушев 1977 – *Вахрушев В. М.* Библиография по удмуртскому языкознанию (со второй половины XVIII в. по 1976 год) // Филологические исследования в Удмуртии: Сб. ст. и библиография / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 89–134.

Вахрушев 1988 – *Вахрушев В. М.* Удмуртская лексикография. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 73 с.

Вахрушев 1995 – *Вахрушев В. М.* Синонимъёсын удмурт-ӟуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов: Около 3200 синонимических рядов. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 280 с.

Вахрушев и др. 1992 – *Вахрушев В. М., Денисов В. Н.* Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 144 с.

ВГКЯ 1990 – Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. / АН СССР. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – 182 с.

ВГУЯ 1984 – Вопросы грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1984. – 108 с.

ВДИУЯ 1992 – Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – 148 с.

ВДЛУЯ 1990 – Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – 176 с.

Верещагинъ 1886 – *Верещагинъ Г.* Вотяки Сосновскаго края (= Записки ИРГО по отделенію этнографіи. Т. XIV, вып. 2). – Спб., 1886. – 218 + 3 с.

Верещагинъ 1889 – *Верещагинъ Г.* Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи (= Записки ИРГО по отделенію этнографіи. Т. XIV, вып. 3). – Спб., 1889. – 198 с.

Верещагинъ 1895 – *Верещагинъ Гр.* О книгахъ на вотскомъ языкѣ. – Вятка, 1895. – 21 с.

Верещагин 1924 – *“Удморт”*. Руководство к изучению вотского языка. – Ижевск, 1924. – 120 с.

Верещагин 2001 – *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки / Отв. за выпуск и автор предисл., предметно-тематического указателя жанровых разновидностей устной прозы Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2001. – 222 с. (Памятники культуры). Предм.-темат. указ.: с. 197–213; Указ. жанр. разновидностей уст. прозы: с. 214–217.

Верещагин 2002 – *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2002. – 291 с. (Памятники культуры).

Верещагин 2004 – *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 5: Литературные сочинения / Отв. за выпуск В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; Текстологическая подготовка рукописей к печати В. М. Ванюшева, Т. С. Зыкиной; Предисловие В. М. Ванюшева; Комментарии В. М. Ванюшева, Т. С. Зыкиной. Ижевск, 2004. – 416 с. (Памятники культуры). – Удмурт., рус.

Верещагин 2006 – *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин. Ижевск, 2006. – 288 с. (Памятники культуры).

Веске 1889 – *Веске М.* Изслѣдованія о нарѣчіяхъ черемисскаго языка. I // Извѣстія Общества археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. – Т. VII. – Казань, 1889. – С. 1–50.

Владыкин 2002 – *Владыкин В. Е.* Кельмаков – это Кельмаков (Совсем не официальные заметки) // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 71–81.

Владыкин и др. 1980 – *Владыкин В., Поздеев П.* Сю аресъем удмурт книга // Молот. – 1980. – 12-тӥ №. – 48–49-тӥ б.

Владыкин и др. 1984 – *Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 144 с.

Владыкин и др. 2004 – *Владыкин В. Е., Загребин А. Е.* Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – С. 19–23.

Владыкина 1988 – *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1998. – 356 с.

Воронцов 1999 – *Воронцов П. И.* Вокализм удмуртских говоров (в экспериментальном освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1999. – 19 с.

ВУД 1977 – Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1977. – 149 с.

ВУДО 1983 – Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1983. – 124 с.

ВУПФ 1987 – Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Устинов, 1987. – 192 с.

ВУЯ 1973 – Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1973. – Вып. 2. – 229 с.

ВУЯ 1975 – Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – 242 с.

ВУЯ 1976 – Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1976. – Вып. 4: *В. И. Алатырев.* Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов. – 174 с.

ВФГУЯ 1986 – Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Устинов, 1986. – 180 с.

ВФУК XVII I 1987 – XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т. – Устинов, 1987. – I: Языкознание. – 251 с.

ВФУО 1989 – Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1989. – 182 с.

Гавриловъ 1880 – *Гавриловъ Б.* Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Гавриловъ 1891 – *Гавриловъ Б. Г.* Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода // Труды IV археологическаго съѣзда. – Казань, 1891. – С. 80–156.

Галкин 1992 – *Галкин И. С.* Мои встречи с профессором Д. В. Бубрихом // Д. В. Бубрих: к 100-летию со дня рождения: Сб. ст. / РАН. Карельский НЦ. Ин-т ЯЛИ – СПб.: Наука. 1992. – С. 98–100.

Ганеев и др. 2005 – *Ганеев И., Перевозчиков Ю.* Марым, лэся...: Удмурт кыл нырысь кутскисьёслы. Дышетскон ёзэт. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 204 б.

Герд 1929 – *Герд К.* Удмурт литература сярись. 3: Удмурт калыккылосэз бичан уж // Кенеш. – 1929. – 3–4 (21–22)-тй №. – 9–21-тй б.

Герд 1929а – *Герд К.* Калыккылос книгаёс // Кенеш. – 1929а. – № 5 (23)-тй №. 40–41-тй б.

ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 1980. – 430 с.

Голдина 2001 – *Голдина Р. Д.* Университет – его судьба. – Ижевск: НИЦ “Регулярная и хаотическая динамика”, 2001. – 220 с.

Гришкина 1976 – *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – Вып. 2. – С. 197–229.

Грузов 1960 – [*Грузов Л. П.*] Современный марийский язык: Фонетика / Мар. НИИ ЯЛИ – Мар. кн. изд-во, 1960. – 162 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удмурт. НИИ ист., экон., яз. и лит.; отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика, современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР; под. ред. В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 250 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР; под ред. В. М. Вахрушева и др. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 167 с.

Гуя 1974 – *Гуя Я.* Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1974. – С. 55–98.

ДАУЯ 2009 – *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Научное издание. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2009. – 260 с.

ДАУЯ 2010 – *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. II. Научное издание. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2010. – 364 с.

ДГЮН 1978 – О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1978. – 159 с.

Дегтерева 1964 – *Дегтерева Т. А.* Пути развития современной лингвистики. Кн. третья: Структурализм и принципы марксистского языкознания. – М.: Мысль, 1964. – 212 с.

Денисов 1980 – *Денисов В. Н.* Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Дис. ... канд. филол. наук / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1980.

Денисов 1980а – *Денисов В. Н.* Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1980а. – 21 с.

Дзюина 1967 – *Дзюина К. Н.* Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь / Ред. П. Поздеев. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 132 с.

ДКФУН I 1997 – Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 г.) / Мин-во культ. УР; Комитет по делам национ. при Правит. УР; Администр. г. Глазов; Глазов. гос. пед. ин-т; Библиот.-

информ. центр г. Глазова. – Глазов, 1997. – Ч. I: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. – 144 с.

ДКФУН II 1997 – Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 г.) / Мин-во культ. УР; Комитет по делам национ. при Правит. УР; Администр. г. Глазов; Глазов. гос. пед. ин-т; Библиот.-информ. центр г. Глазова. – Глазов, 1997. – Ч. II: Православие и финно-угры. Мировоззрение и традиционная обрядность. Этнокультурные процессы: история и современность. Семантика и символика в этнической культуре. – 144 с.

Домокош 1967 – *Домокош П.* Удмурты и Венгрия // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн.; Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Вып. IV. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – С. 90–94.

Домокош 2004 – *Домокош П.* Некоторые заметки по поводу языковых и литературных вопросов финно-угорских народов между Волгой и Уралом // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Междунар. симп. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 61–66.

ДСиК 2001 – Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Тез. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2001. – 181 с.

Дубровина 1962 – *Дубровина З. М.* Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь финно-угорских языков // Ученые записки / Ленинград. гос. ун-т. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. – № 314: Серия филол. наук. – Вып. 63: Финно-угорская филология. – С. 5–18.

Егоров 2002 – *Егоров А. В.* Сопоставительная фразеология венгерского, удмуртского и русского языков (классификация по соматическому признаку) // Вестник Удмуртского университета: Личность и история в удмуртской филологии. – (Ижевск) 2002. – № 7. – С. 163–167.

Егоров 2005 – *Егоров А. В.* Соматические фразеологические единицы удмуртского, венгерского и русского языков с компонентами *син – szem* ’глаз’, *ым – száj* ’рот’ и *пель – fül* ’ухо’ // Национальные языки России: Региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-рус. отд. филол. фак. Перм. гос. пед. ун-та: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пермь, 2005. – С. 99–102.

Егоров 2006 – *Егоров А. В.* Классификация фразеологических единиц удмуртского, венгерского и русского языков по системным семан-

тическим признакам // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 170–174.

Егоров 2008 – *Егоров А. В.* Основные параллели и расхождения в структуре удмуртских и венгерских фразеологических единиц (на материале “Удмуртско-венгерско-русского фразеологического словаря”) // Россия и Удмуртия: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 951–958.

Егоров 2008а – *Егоров А. В.* Универсальное и национально-специфичное в удмуртской и венгерской фразеологии // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симп. / Удмурт. гос. ун-т; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008а. – С. 102–107.

Егоров 2009 – *Егоров А. В.* Структурно-грамматическая характеристика удмуртских и венгерских фразеологических единиц с сенсонимической лексикой // Пермистика 10: Вопросы перм. и финно-угор. филол.: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – С. 149–160.

Егоров 2010 – *Егоров А. В.* Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010. – 305 с.

Егоров 2010а – *Егоров А. В.* Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010а. – 19 с.

Едыгарова 2010 – *Едыгарова С.* Категория посессивности в удмуртском языке (= Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis). – [Tartu:] Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – 287 + 3 с.

Емельянов 1927 – *Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе. – Л.: Изд-во Ленинград. вост. ин-та, 1927. – 160 с.

Ермушкин 1984 – *Ермушкин Г. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык) / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1984. – 142 с.

Ефремов 1999 – *Ефремов Д. А.* О способах выражения превосходной степени в современном удмуртском языке // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / УрО РАН. Коми НЦ. Ин-т ИЯЛ. – Сыктывкар, 1999. – С. 72–79.

Ефремов 2000 – *Ефремов Д. А.* О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке // Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия». – Саранск: Красн. Окт., 2000. – С. 92–96.

Ефремов 2002 – *Ефремов Д. А.* Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 135 с.

Ефремов 2002а – *Ефремов Д. А.* Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002а. – 20 с.

Ефремов 2002б – *Ефремов Д. А.* История изучения имени прилагательного в удмуртском языке // LU. – 2002б. – № 2 (XXXVII). – С. 122–129.

Ефремов 2009 – *Ефремов Д. А.* Имя прилагательное в удмуртском языке / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 124 с.

Ефремов 2010 – *Ефремов Д. А.* Туала удмурт кыл: Тодметним (= Современный удмуртский язык: Имя прилагательное): Амалтодослыко юрттос. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттонни, 2010. – 32 б.

Жеребцов и др. 1997 – *Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А., Демин В. Н.* Василий Ильич Лыткин / Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1997. – 48 с.

Живут слова 2011 – Живут и здравствуют слова // Удмуртский университет. – 2011. – № 10 (150). – С. 3.

Жирмунский 1956 – *Жирмунский В. М.* [Выступления] // Доклады и сообщения. IX. / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 93–99.

Жуйков 1935 – *Жуйков С. П.* Удмурт АССР-ысь удмуртъёслэсь интыен-интыен вераськемзэс возьматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка). – Свердловск, 1935.

Загребин 1998 – *Загребин А. Е.* Т. Г. Аминофф как исследователь фольклора и мифологии удмуртов // История и культура финно-угорских народов: Материалы междунар. студ. науч.-практ. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т. Часть I: Языкознание. Фольклор и краеведение. – Глазов, 1998. – С. 84–86.

Загуляева 1980 – *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1980. – 174 с.

Загуляева 1980а – *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1980а. – 16 с.

Загуляева 1990 – *Загуляева Б. Ш.* Названия растений в удмуртских диалектах // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 39–52.

Загуляева 1991 – *Загуляева Б.* Русско-удмуртский разговорник / Послеслов. И. В. Тараканова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 272 с.

Загуляева и др. 1998 – *Загуляева Б. Ш.*, *Решетникова А. Е.* Дуно эше: Интенсивный курс удмуртского языка (начальный этап) / Мин-во народн. обр. УР; Удмурт. гос. ун-т; Гуманитарный лицей г. Ижевска. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1998. – 222 с.

Зап. Филол. 1970 – Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21: Филология. – 268 с.

Зеленина 1996 – *Зеленина Т. И.* Интернациональная лексика в удмуртском языке / Удмурт. гос. ун-т. Фак. романо-герман. филол. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1996. – 83 с.

Зеленина 2000 – *Зеленина Т. И.* Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь / Удмурт. гос ун-т. Нац. ин-т вост. языков и цивилизаций (Париж, Франция). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – 255 с. – *2-е изд., испр. и доп.* – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. – 274 с.

Зеленина 2001 – *Зеленина Т. И.* Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах: Учеб. пособие / Удмурт. гос. ун-т. Ин-т иностр. яз. и лит. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 139 с.

Зеленина 2002 – *Зеленина Т. И.* Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт / С. Петербург. ун-т. Филол. фак. – СПб., 2002. – 202 с.

Зеленина 2003 – *Зеленина Т. И.* Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 41 с.

Зеленина и др. 2003 – *Зеленина Т. И., Загуляева Б. Ш., Бутурина Н. В.* Многоязычный словарь на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками / Удмурт. гос. ун-т. Ин-т

иностр. яз. и лит. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 99 с.

Иванов 1964 – *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 452 с.

Ившин 1999 – *Ившин Л. М.* Графические особенности удмуртско-русского словаря Захария Кротова // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1999. – С. 140–144.

Ившин 2001 – *Ившин Л. М.* Некоторые графические особенности переводного евангелия 1847 года // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. – Сыктывкар, 2001. – С. 99–103.

Ившин 2001а – *Ившин Л. М.* Еще раз к вопросу о графике памятников удмуртской письменности // Вордскем кыл. – 2001а. – № 6. – С. 54–59.

Ившин 2002 – *Ившин Л. М.* Письменный памятник удмуртского языка на основе латиницы // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 194–201.

Ившин 2002а – *Ившин Л. М.* О некоторых диалектных особенностях Евангелия от Матфея 1847 года // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. ст. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002а. – С. 153–158.

Ившин 2002б – *Ившин Л. М.* Об удмуртской орфографии XVIII века // Вордскем кыл. – 2002б. – № 2. – С. 57–62.

Ившин 2004 – *Ившин Л. М.* О русско-вотском словаре 1820 года // Формирование и развитие литературных языков Поволжья: Материалы V Междунар. симп. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 91–95.

Ившин 2005 – *Ившин Л. М.* Удмуртский материал в «своде некоторых слов...» 1833 года // Флор Васильев и современность: Материалы науч.-практ. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2005. – С. 135–136.

Ившин 2006 – *Ившин Л. М.* Об «Азбуке» 1867 года Н. Блинова // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 93–97.

Ившин 2006а – *Ившин Л. М.* Об орфографических особенностях первых печатных азбук удмуртского языка // Ашмаринские чтения: Ма-

териалы межрегион. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006а. – С. 101–107.

Ившин 2007 – *Ившин Л. М.* Памятники удмуртской письменности как источник пополнения лексики удмуртского языка // Конф. по уральским языкам, посвящ. 100-летию К. Е. Майтинской (Москва, 12–16 ноября 2007 г.): Тез. / РАН. Ин-т языкозн. – М., 2007. – С. 85–88.

Ившин 2009 – *Ившин Л. М.* Памятники удмуртской письменности в трудах Т. И. Тепляшиной // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. – С. 58–64.

Ившин 2010 – *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Екатеринбург–Ижевск, 2010. – 236 с.

Игушев 1987 – *Игушев Е. А.* Давид Рафаэль Фокош-Фукс как исследователь коми языка (1884–1977) // Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Устинов, 1987. – С. 105–108.

Игушев 2000 – *Игушев Е. А.* Перым кывъяслӧн ӧткодялан грамматика (Сравнительная грамматика пермских языков): Учеб. пособие. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2000. – 71 лб.

Игушев и др. 2007 – *Игушев Е. А., Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г.* Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь = Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет = Адасалӧм роча-удмурта-комиа кывкуд: Раздел 1. Человек (продолжение); Раздел 2. Вселенная. Раздел 3. Человек и Вселенная / Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина: Коми респ. ин-т развития образования и переподготовки кадров. – Сыктывкар, 2007. – 154 с.

Износковъ 1884 – *Износковъ И. А.* Список населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда // Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшего в Казани с 31 іюля по 18 августа 1877 года. – Казань, 1884. – С. 116–148.

ИКФУН I 1997 – История и культура финно-угорских народов: Материалы междунар. студ. науч.-практ. конф. Глазов 11–13 ноября 1996 г. / Глазов. гос. пед. ин-т. – Ч. 1: Археология. Этнология. История. Краеведение. – Глазов, 1997 – 152 с.

ИКФУН II 1998 – История и культура финно-угорских народов: Материалы междунар. студ. науч.-практ. конф. Глазов 11–13 ноября

1996 г. / Глазов. гос. пед. ин-т. – Ч. 2: Языкознание. Фольклор и краеведение. – Глазов, 1998. – 96 с.

Калинина 1973 – *Калинина Л. И.* [Рецензия] // СФУ. – 1973. – № 1 (IX). – С. 73–74.

Рец. на: Т. И. Т е п л я ш и н а. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Калинина 2001 – *Калинина Л. И.* Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 188 с.

Каракулов 1987 – *Каракулов Б. И.* Диалектная основа удмуртского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1987. – 19 с.

Каракулов 1987а – *Каракулов Б. И.* Диалектная основа удмуртского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987а. – 201 с.

Каракулов 1987б – *Каракулов Б. И.* Принципы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. науч. тр. / Ин-т языкозн. АН СССР. – М., 1987б. – С. 184–191.

Каракулов 1991 – *Каракулов Б. И.* К истории создания письменных памятников марийского и удмуртского народов // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 115–123.

Каракулов 1994 – *Каракулов Б. И.* К проблеме изучения памятников удмуртской письменности дооктябрьского периода // Всерос. науч. конф. Духовная культура: Проблемы и тенденции развития: Тез. докл. / Сыктывкар. гос. ун-т. – Сыктывкар, 1994. – Филология II: Русская литература. – С. 10–12.

Каракулов 1997 – *Каракулов Б. И.* К истории формирования удмуртского литературного языка // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 33–42.

Каракулов 1997а – *Каракулов Б. И.* Русско-удмуртский разговорник / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 1997а. – 60 с.

Каракулов 1997б – *Каракулов Б. И.* Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития / Мин-во культ. УР; Комитет по делам нац. при Правит. УР; Администр. г. Глазова; Глаз. гос. пед. ин-т; Библиот.-информ. центр г. Глазова. – Глазов, 1997б. – Ч. I: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. – С. 3–8.

Каракулов 2004 – *Каракулов Б.* Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая страница истории удмуртской лингвистики // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára (= Uralisztikai Tanulmányok 14) / Szerk.: Csepregi Márta és Várady Ester. – Budapest, 2004. – С. 528–536.

Каракулов 2006 – *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс=История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.

Каракулов и др. 2000 – *Каракулова М. К.*, *Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2000. – 92 с.

Карпова 1990 – *Карпова Л. Л.* О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 85–97.

Карпова 1997 – *Карпова Л.* [*Л.*] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка (= Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2). – Тарту, 1997. – 224 с.

Карпова 1998 – *Карпова Л. Л.* Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // LU. – 1998. – № 2 (XXXIV). – С. 121–127.

Карпова 2001 – *Карпова Л. Л.* Бессоюзные сложные предложения однотипной структуры в среднечепецком диалекте удмуртского языка // Congressus Nonus Internatinalis Fenno-Ugristarum (Тарту, 7.–13.8.2000). – Тарту, 2001. – Pars V: Dissertationas sectionum: Linguistica II. – С. 50–54.

Карпова 2005 – *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Карпова 2008 – *Карпова Л. Л.* Отличительные явления в морфологии северноудмуртских диалектов // Congressus Decimus Internatinalis Fenno-Ugristarum / Материалы X Междунар. конгр. финно-угроведов (Йошкар-Ола, 15.08.–21.08.2005. – Йошкар-Ола, 2008. – Pars IV: Linguistica. – С. 448–456.

Карпова 2008а – *Карпова Л. Л.* Об особенностях словесного ударения в северноудмуртских диалектах // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (Ижевск, 20–22 мая 2008 г.) / Сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008а. – С. 931–937.

Карпова 2008б – *Карпова Л. Л.* О синтаксических особенностях северноудмуртских диалектов // Вестник Читинского гос. ун-та. – № 6 (51). – Чита, 2008б. – С. 95–98.

Карпова 2009 – *Карпова Л. Л.* Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Читинского гос. ун-та. – № 5 (56). – Чита, 2009. – С. 144–150.

Кацнельсон 1960 – *Кацнельсон С. Д.* Вступительная статья // Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. Вступит. статья С. Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 5–20.

КБС 1978 – Краткий удмуртско-русский и русско-удмуртский биологический словарь / Сост. Ф. Главатских, М. Прокопьев (русско-удмуртский), К. Корепанова (удмуртско-русский). – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 224 с.

Кельмаков 1968 – *Кельмаков В. К.* О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка // СФУ. – 1968. – № 3 (IV). – С. 187–196.

Кельмаков 1969 – *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1969. – XXX + 475 + [Приложение] 175 с.

Кельмаков 1970 – *Кельмаков В. К.* Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения: Татарское влияние на удмуртские диалекты // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum (Tallinn 17.–23.VIII 1970): Тез. – Т. I. [Б. м. и б. г.] – С. 123.

Кельмаков 1970а – *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1970а. – 24 с.

Кельмаков 1973 – *Кельмаков В. К.* Опыт классификации удмуртских диалектов по составу гласных // Совещ. по вопр. диалектологии и ист. языка: Тез докл. и сообщ. / АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектологии и ист. яз. Ин-т рус. яз. – М., 1973. – С. 15–17.

Кельмаков 1974 – *Кельмаков В. К.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // Советская тюркология. – 1974. – № 3. – С. 53–60.

Кельмаков 1974а – *Кельмаков В. К.* Фокош-Фукс но удмурт языкознание // Молот. – 1974а. – 12-тй №. – 46–47-тй б.

Кельмаков 1974в – *Кельмаков В. К.* [Рецензия] // СФУ. – 1974в. – № 1 (X). – С. 63–69.

Рец. на: *Csúcs S.* A votják nyelv orosz jövevényszavai. I // NyK. 1970. 72/2. 323–362 old.; II // NyK. 1972. 74/1. 27–47 old.

Кельмаков 1975 – *Кельмаков В. К.* Судьба праудмуртского огубленного *ӧ* в современных диалектах // СФУ. – 1975. – № 4 (XI). – С. 259–270.

Кельмаков 1975а – *Кельмаков В. К.* Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975а. – Вып. 3. – С. 65–89.

Кельмаков 1975б – *Кельмаков В. К.* Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах // СФУ. – 1975б. – № 2 (XI). – С. 96–104.

Кельмаков 1975г – *Кельмаков В. К.* Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения: Татарское влияние на удмуртские диалекты // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum (Tallinn 17.–23.VIII 1970). Pars I: Acta Linguistica. Tallinn: Valgus, 1975г. С. 547–549.

Кельмаков 1976 – *Кельмаков В. К.* Дореволюционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка // 200 лет удмуртской письменности / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1976. – С. 104–111.

Кельмаков 1976а – *Кельмаков В. К.* Опыт классификации удмуртских диалектов по некоторым особенностям вокализма // Лингвистическая география, диалектология и история языка / АН СССР. Науч. совет по диалект. и ист. яз. / АН Арм. ССР. Ин-т яз. – Ереван, 1976а. – С. 20–29.

Кельмаков 1975в – *Кельмаков В. К.* К вопросу о периодизации истории удмуртского языка: На материале исторической фонетики // СФУ. – 1976в. – № 4 (XII). – С. 283–289.

Кельмаков 1977 – *Кельмаков В. К.* Венгер учёнойёслэн удмурт кыл сярысь ужъёссы // Молот. – 1977. – 4-тй №. – 54–57-тй б.

Кельмаков 1977а – *Кельмаков В. К.* Вунонтэм сюресъёс, синмаськымон ужъёс // Молот. – 1977а. – 12-тй №. – 54–58-тй б.

Кельмаков 1978 – *Кельмаков В. К.* К вопросу о “двух *о*” в праудмуртском языке // СФУ. – 1978. – № 1 (XIV). – С. 20–40.

Кельмаков 1978а – *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II: Образцы речи //

О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1978а. – С. 65–85.

Кельмаков 1978б – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект // Fenno-Ugristica. – Tartu, 1978б. – Вып. 5: Грамматический строй уральских языков. – С. 101–122.

Кельмаков 1978в – *Кельмаков В. К.* Исследователь удмуртского языка: [110-летие со дня рождения Юрьё Вихманна] // Удмурт. правда. – 1978в. – 9 дек.

Кельмаков 1980 – *Кельмаков В. К.* Удмурт калыклэн матысь эшез: Венгер академиклэн Бернат Мункачилэн вордскемез дырысен 120 ар // Советской Удмуртия. – 1980. – 13-тй апрель.

Кельмаков 1980а – *Кельмаков В. К.* Удмурт кыл мукет странаосын // Советской Удмуртия. – 1980а. – 29-тй ноябрь.

Кельмаков 1981 – *Кельмаков В. К.* Труды зарубежных ученых по вопросам удмуртского языкознания // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1981. – С. 96–113.

Кельмаков 1981а – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры / Науч. ред. М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 1981а. – 299 с.

Кельмаков 1981б – *Кельмаков В. К.* Кырыкмасские говоры III // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1981б. – С. 137–148.

Кельмаков 1982 – *Кельмаков В. К.* Проблемы взаимовлияния удмуртского и соседних языков в трудах зарубежных ученых // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР: По материалам автономных республик Поволжья и Приуралья / Казанский гос. пед. ин-т. – Казань, 1982. – С. 47–53.

Кельмаков 1982а – *Кельмаков В. К.* Калыкын тодо на // Молот. – 1982а. – 6-тй №. – 45–47-тй б.

Кельмаков 1985 – *Кельмаков В. К.* К вопросу о булгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков / АН СССР. Башк. филиал. Ин-т ИЯЛ. – Уфа, 1985. – С. 114–122.

Кельмаков 1985а – *Кельмаков В. К.* К вопросу о праудмуртской системе согласных // СФУ. – 1985а.– № 4 (XXI). – С. 272–280.

Кельмаков 1987 – *Кельмаков В. К.* Венгерские ученые об удмуртском языке // Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Устинов, 1987. – С. 142–177.

Кельмаков 1987а – *Кельмаков В. К.* К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и ис-

тории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. ун-т. – Ижевск, 1987а. – С. 26–51.

Кельмаков 1988 – *Кельмаков В. К.* Венгриысь учёнойёс удмурт кыл сярысь // Советской Удмуртия. – 1988. – 23–24-тй, 29-тй апрель.

Кельмаков 1988а – [*Кельмаков В. К.*] Библиография научных трудов кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1988а. – 30 с. [Соавт.]

Кельмаков 1989 – *Кельмаков В. К.* II зональный симпозиум “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” // СФУ. – 1989. – № 2 (XXV). – С. 153–158.

Кельмаков 1990 – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1990. – 368 с.

Кельмаков 1990а – *Кельмаков В. К.* Удмуртское языкознание между VI и VII Международными конгрессами финно-угроведов: Краткий очерк / Удмурт. гос. ун-т; АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990а. – 45 с.

Кельмаков 1990б – *Кельмаков В. К.* Иван Васильевич Тараканов: К 60-летию со дня рождения // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмуртю ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990б. – С. 165–171.

Кельмаков 1990в – *Кельмаков В. К.* Современные диалекты и вопросы исторической фонетики удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990в. – С. – 85–97.

Кельмаков 1991 – *Кельмаков В. К.* Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 95–109.

Кельмаков 1992 – *Кельмаков В. К.* Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 176 с.

Кельмаков 1992а – *Кельмаков В. К.* Современная удмуртская диалектология: Этапы формирования, некоторые итоги и задачи // *Кельмаков В. К.* Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992а. (= Удмурт вераськетъёс 1). – С. 25–33.

Кельмаков 1993 – *Кельмаков В. К.* Еще раз о качестве “восьмой” праудмуртской гласной фонемы // Hajdú Péter 70 éves. – Budapest, 1993. – С. 159–163.

Кельмаков 1993а – *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Науч. докл., представл. в качестве дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. / РАН. Ин-т языкозн. – М., 1993а. – 57 с.

Кельмаков 1993б – *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993б. – 58 с.

Кельмаков 1995 – *Кельмаков В. К.* Удмуртское языкознание между VII и VIII Международными конгрессами финно-угроведов: Библиография / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995. – 58 с.

Кельмаков 1997 – *Кельмаков В. К.* Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 52–75.

Кельмаков 1998 – *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. – 386 с.; *2-е, стереотипное изд*. – Ижевск, 2006. – 386 с.

Кельмаков 1998а – *Кельмаков В. К.* Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию: Материалы к спецкурсам / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998а. – 59 с.

Кельмаков 1998в – *Кельмаков В. К.* Удмурт диалектология: Методической юрттэт / 4-тйез, тупатъяса, выльдыса но ватсаса поттэмез. – Ижкар, 1998в. – 78 б.

Кельмаков 1999 – *Кельмаков В. К.* Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 59 с.

Кельмаков 1999а – *Кельмаков В. К.* Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс. – Ижкар: “Удмурт университет” книга поттон юрт, 1999а. – 60 б.

Кельмаков 2000 – *Кельмаков В. К.* Нырысетйез удмурт тодосчи // Вордскем кыл. – 2000. – 6-тй №. – 67–81-тй б.

Кельмаков 2000а – *Кельмаков В. К.* Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удмурт. гос. ун-т. – Каф. общ. и финно-угор. языкозн.; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2000а. – 72 с.

Кельмаков 2001 – *Кельмаков В. К.* К истории преподавания финно-угорских языков и дисциплин финно-угроведения в УдГУ // Вордскем кыл. – 2001. – № 6. – С. 6–19.

Кельмаков 2001а – *Кельмаков В. К.* Г. Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка (К 225-летию первой удмуртской грамматики) // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угор. языкозн. Сыктывкар, 2001а. – С. 118–125.

Кельмаков 2001б – *Кельмаков В. К.* О некоторых диалектизмах в языке ранних произведений М. Петрова: Лингвистическое эссе // Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: Воспоминания, статьи, речи, письма. – Ижевск: Удмуртия, 2001б. – С. 318–332.

Кельмаков 2001в – *Кельмаков В. К.* Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт // Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001в. – 140 с.

Кельмаков 2001г – *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского языкознания / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001г. – 232 с.

Кельмаков 2002 – *Кельмаков В. К.* К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Ч. I / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – 445 с.

Кельмаков 2002а – *Кельмаков В. К.* Удмурт диалектология: Студентъёслы но аспирантъёслы юрттос / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф.; 5-тйез, тупатъяса, выльдыса но ватсаса поттэмез. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2002а. – 175 б.

Кельмаков 2002б – *Кельмаков В. К.* Удмурт кылэз дышетон история: Программа. Библиография / Удмурт кун ун-т. Удмурт филология фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2002б. – 132 б.

Кельмаков 2002в – *Кельмаков В. К.* Татарские элементы в языке коротких песен казанских удмуртов (по материалам Б. Гаврилова) // Языковые контакты Поволжья: Симп. в городе Турку 16–18.8.2001 / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. – Turku, 2002в. – С. 108–118.

Кельмаков 2002г – *Кельмаков В. К.* Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Программа / 2-тйез, тупатъяса но ватсаса поттэмез. Удмурт. кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2002г. – 49 б.

Кельмаков 2002д – *Кельмаков В. К.* О трудах Т. К. Борисова в области удмуртской филологии (К 110-летию со дня рождения) // LU. – 2002д. – № 3 (XXXVIII). – С. 207–214.

Кельмаков 2003 – *Кельмаков В. К.* «Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижевск: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 98 б.

Кельмаков 2003а – *Кельмаков В. К.* Мои «встречи» с Кедра Митреем, или Кедра Митрей и удмуртские диалекты // Опаленный подвиг Батыра: Жизнь и творчество Кедра Митрея: Воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедра Митрея. – Ижевск: Удмуртия. 2003а. – С. 192–202.

Кельмаков 2003б – *Кельмаков В. К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка: Учеб. пособие для студентов. Часть 1 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003б. – 276 с.

Кельмаков 2003в – *Кельмаков В. К.* Об одной междиалектной корреспонденции гласных в удмуртском языке // Ünnepi kötet Honti László tiszteletére / Szerk.: Bakró-Nagy Marianne, Rédei Károly. – Budapest, 2003в. – 226–233 с.

Кельмаков 2004 – *Кельмаков В. К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка: Учеб. пособие для студентов. Часть 2 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – 395 с.

Кельмаков 2004а – *Кельмаков В. К.* Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2004а. – 140 с.

Кельмаков 2004б – *Кельмаков В. К.* Пӧрмиз ик-а выль учебник? // Вордскем кыл. – 2004б. – 5–6-тй №. – 74–94 б.

Кельмаков 2004в – *Кельмаков В. К.* Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2004в. – С. 24–32.

Кельмаков 2005 – *Кельмаков В. К.* Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания (= Труды Ин-та яз., ист. и тради-

ционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 2) / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2005. – 182 с.

Кельмаков 2005а – *Кельмаков В. К.* Г. Красильников но калык сямъёс («Вуж юрт» повестья куд-ог чакланъёс но тодэ ваёнъёс») // Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова; отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск, 2005а. – 18–23-тй б.

Кельмаков 2005б – *Кельмаков В*. Пиналъёслы удмурт литература кылмы сярысь: Удмурт кылъя 8–9-тй классъёслы учебникен валче кылдэм малпанъёс // Кенеш. – 2005б. – 3-тй №. – 76–88-тй б.

Кельмаков 2008 – *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – 420 с.

Кельмаков 2008а – *Кельмаков В. К.* Шонересь-а гожъяськонысьтымы шонертэтъёс?: Лекциослы но семинаръёслы материалъёс / Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2008а. – 93 б.

Кельмаков 2008б – *Кельмаков В. К.* Удмурт кылъя школаын дышетскон книгаос сярысь: Лекциослы но семинаръёслы материалъёс / Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2008б. – 86 б.

Кельмаков 2008в – *Кельмаков В. К.* Ранние памятники удмуртской письменности и современное языкознание // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегиональной науч. конф., посвящ. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка «Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермятскаго Языка Составленныя Города соликамска Свято Троицкаго Собора Протоиереемъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8-го дня». 28–29 февраля 2008 года, Пермь / Департамент Внутрен. политики администрации губернатора Перм края. ГОУ ВПО «Пермский гос. пед. ун-т». Ин-т исследований языка, ист. и традиц. культуры коми-пермяц. народа. – Пермь, 2008в. – С. 16–26.

Кельмаков 2008г – *Кельмаков В. К.* Ранние письменные памятники удмуртского языка в вузовском учебном процессе // Fenno-Ugrica 1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Ин-та финно-угроведения, вып. 5, посвящ. 60-летию д-ра филол. наук и проф. Куклина Анатолия Николаевича / Мар. гос. ун-т. Ин-т финно-угроведения. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008г. – С. 215–219.

Кельмаков 2008д – *Кельмаков В. К.* Ранние памятники удмуртской письменности в филологической науке и вузовском преподавании // LU. – 2008д. – № 4 (XLIV). – С. 282–296.

Кельмаков 2009 – *Кельмаков В. К.* Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание: [Препр.] / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 34 с.

Кельмаков 2009а – *Кельмаков В. К.* И. В. Тараканов и вопросы исторической фонетики удмуртского языка: [Препр.] / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009а. – 33 с.

Кельмаков 2009б – *Кельмаков В. К.* Удмурт кылын синонимъёс но синоним кыллюкамъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2009б. – 95 б.

Кельмаков 2009в – *Кельмаков В. К.* Заметки по поводу древнетюркских заимствований в удмуртском языке // Многоязычие в образовательном пространстве: Сб. ст. к 60-летию проф. Т. И. Зелениной: в 2 ч. / Под ред. А. Н. Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шутовой. – М.: Флинта: Наука, 2009в. – Ч. 1: Филология. Лингвистика. – С. 171–175.

Кельмаков 2009г – *Кельмаков В. К.* Удмурт синоним кыллюкам: Дышетскисьёс но дышетйсьёс понна. – Ижевск: Удмуртия, 2009г. – 296 б. – («Удмурт кылосбур» серия).

Кельмаков 2010 – *Кельмаков В. К.* Удмурт диалектология / 6-тйез, тупатъяса но ватсаса поттэмез. Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар, 2010. – 181 б.

Кельмаков 2010а – *Кельмаков В. К.* Ab ovo ... до “финно-угорского отделения” / Финно-угорские языки в образовательном пространстве: Материалы Международной науч.-практ. конф. / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филологии. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010а. – С. 7–15.

Кельмаков и др. 1973 – *Кельмаков В. К.*, *Тепляшина Т. И.* [Рецензия] // Этимология 1971 / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1973. – С. 388–397.

Рец. на: В. И. Л ы т к и н, Е. С. Г у л я е в. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. М.: Наука, 1970. 386 с.

Кельмаков и др. 1997 – *Кельмаков В. К., Ефремов Д. А.* О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес ~ -гем* в удмуртском языке // LU. – 1997. – № 2 (XXXIII). – С. 119–127.

Кельмаков: Биобиблиогр. указ. 2002 – Кельмаков Валей Кельмакович: к 60-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / Науч. б-ка УдГУ; сост.: Л. М. Васильева, Х. Г. Сарварова, Л. Н. Коняева; компьютер. верстка А. В. Данилова. – Ижевск, 2002. – 54 с., [1] л.: 1 л. портр. – (Биобиблиография ученых УдГУ).

Кельмаков: Биобиблиогр. указ. 2007 – Кельмаков Валей Кельмакович: к 65-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / Науч. б-ка УдГУ; сост.: Л. М. Васильева, Х. Г. Сарварова, Л. Н. Коняева; ред. И. В. Никитина. – Ижевск, 2007. – 106 с.: 1 л. портр. – (Биобиблиография ученых УдГУ).

Керт 1992 – *Керт Г. М.* Д. В. Бубрих – основатель отечественного финно-угроведения // Д. В. Бубрих: к 100-летию со дня рождения: Сб. ст. / РАН. Карельский НЦ. Ин-т ЯЛИ – СПб.: Наука. 1992. – С. 5–16.

Кибардина 1999 – *Кибардина Т. М.* Понятие модальности в удмуртском языке // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / УрО РАН. Коми НЦ. Ин-т ИЯЛ. – Сыктывкар, 1999. – С. 97–100.

Кибардина 20029 – *Кибардина Т. М.* Грамматическое значение модальных слов в удмуртском языке // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. ст. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 164–171.

Кибардина 2002а – *Кибардина Т. М.* Модальные словосочетания в удмуртском языке // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. – С. 223–234.

Кибардина 2003 – *Кибардина Т. М.* Средства выражения модальности в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2003. – 23 с.

Кибардина 2009 – *Кибардина Т. М.* Заимствованные русские модальные слова в удмуртском языке // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 195–201.

Кириллова 1992 – *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1992. – 320 с.

Кириллова 1992а – *Кириллова Л. Е.* Удмуртские метафорические микротопонимы // Ономастика Поволжья: Материалы шестой конф.

по ономастике Поволжья / РАН. Ин-т этнологии и антропологии; Волгоград. гос. пед. ин-т. – М., 1992а. – Ч. II. – С. 78–84.

Кириллова 1999 – *Кириллова Л. Е.* Удмуртские глагольные микротопонимы / Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1999 – С. 153–162.

Кириллова 2000 – *Кириллова Л. Е.* Диалектные особенности апеллятивов в микротопонимии бассейна Кильмези // Studia ad geographiam linguarum pertinentia: Eesti keele instituudi toimetised 6. – Tallinn, 2000. – С. 27–37.

Кириллова 2002 – *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – 571 с.

Кириллова 2006 – *Кириллова Л. Е.* Апеллятивы для обозначения низинного рельефа в удмуртской топонимии и их некоторые соответствия в коми языках // Марийская филология: Уч. зап. ист.-филол. фак. – Вып. 7. (Посвящен 75-летию проф. Ивана Степановича Галкина) / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 99–105.

Кириллова 2007 – *Кириллова Л. Е.* Апеллятивы для обозначения населенных мест в удмуртской топонимии // Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков: Материалы Междунар. науч. конф. “Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков”, посвящ. 80-летию проф. Д. В. Цыганкина (Саранск, 25–27 окт. 2005 г.). – Саранск, 2007. – Финно-угристика 7. – С. 143–147.

Кириллова 2007а – *Кириллова Л. Е.* И. Н. Смирнов и удмуртская ономастика // Этнография восточно-финских народов: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения проф. И. Н. Смирнова (Ижевск, 17–18 окт. 2006 г.): Сб. ст. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2007а. – С. 44–51.

Кириллова 2007б – *Кириллова Л. Е.* Удмуртские микротопонимы, связанные с пчеловодством // Материалы X Междунар. конгр. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2007б. – Ч. IV: Лингвистика. – С. 477–486.

Кириллова 2009 – Библиография научных трудов Т. И. Тепляшиной // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. – С. 29–41.

Кириллова 2011 – *Кириллова Л. Е.* Атаманов и удмуртская топонимика // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2011. – Вып. 1. – С. 67–74.

Кириллова и др. 1999 – *Кириллова Л. Е. Лесникова Г. Н.* И. В. Тараканов и развитие удмуртского языкознания (К 70-летию со дня рождения) // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1999. – С. 9–16.

КНК 2006 – Кылтодон нимкылъёсын удмурт-ӟуч но ӟуч-удмурт кыллюкам=Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь лингвистических терминов / Дасязы Т. Р. Зверева но А. А. Шибанов. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 56 б.

Коведяева 1987 – *Коведяева Е. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1987. – 160 с.

Козмач 1998 – *Козмач И.* Удмурт кыл: Дышетскон книга. – Сэгед – Кечкемет, 1998. – 103 б.

2-тй поттэмез: *Козмач И.* Удмурт кыл / Udmurt nyelvkönyv. Сегед, 2002. 133 б.

Коми язык – Коми язык: Энциклопедия / Мин-во обр. и высш. школы РК; РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: ДиК, 1998. – 608 с.

Кондратьева 2000 – *Кондратьева Н. В.* Особенности выражения прямого объекта в удмуртском языке в зависимости от характера глагола и объекта // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 100–102.

Кондратьева 2001 – *Кондратьева Н. В.* Употребление аккузатива для выражения дуративных отношений // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угор. языкозн. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2001. – С. 138–140.

Кондратьева 2001а – *Кондратьева Н. В.* К проблеме определенности/неопределенности в удмуртском языке // Междунар. симп. по дейктическим системам и квантификации в языках Европы, Северной и Центральной Азии: Тез. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2001а. – С. 109–110.

Кондратьева 2001б – *Кондратьева Н. В.* К вопросу о формах залога в удмуртском языке // Тез. докл. 5-й Российской университетско-академической науч.-практ. конф. – Ижевск, 2001б. – Ч. 1. – С. 101–103.

Кондратьева 2002 – *Кондратьева Н. В.* Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 22 с.

Кондратьева 2002а – *Кондратьева Н. В.* Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002а. – 22 с.

Кондратьева 2002б – *Кондратьева Н. В.* К вопросу об употреблении винительного падежа в удмуртских письменных памятниках XVIII–XIX веков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002б. – С. 255–261.

.Кондратьева 2009 – *Кондратьева Н. В.* Роль симпозиума по пермским языкам в развитии удмуртского языкознания // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – С. 65–68.

Кондратьева 2010 – *Кондратьева Н. В*. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта): монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 249 с.

Кондратьева 2011 – *Кондратьева Н. В*. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 256 с.

Кондратьева 2011а – *Кондратьева Н. В*. Формирование падежной системы в удмуртском языке: монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011а. – 154 с.

Кондратьева 2011б – *Кондратьева Н. В*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): Дис. ... докт. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011б. – 540 с.

Кондратьева 2011в – *Кондратьева Н. В*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011в. – 48 с.

Кондратьева и др. 2004 – *Кондратьева Н. В., Федорова Л. П.* Удмуртский язык: Начальный курс: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 98 с.

Кондратьева и др. 2010 – *Кондратьева Н. В., Сергеева Н. А.* Финн-угор кылосбуре пыртон: Дышетскон-амалтодослыко комплекс. – Ижкар: Удмурт кун ун-тлэн книгапоттонниез. – 2010. – 105 б.

Конюхов 2002 – *Конюхов М. Н.* Русско-удмуртский и удмуртско-русский словарь химических терминов=Хими нимкылъёсын ӟуч-удмурт

но удмурт-ӟуч кылбугор: Около 1800 слов / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2002. – 248 с.

Кошурниковъ 1879 – *Кошурниковъ В*. Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи // ИОАИЭ. – Казань, 1879. – Т. 2. – С. 1–44.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. и при соавт. проф. В. И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Кралина 1960 – *Кралина Н. П.* Пословицы и поговорки удмуртского народа / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1960. – 208 с.

Краснова 1985 – *Краснова Т. А*. Просодическая интерференция при взаимодействии лексико-грамматических и интонационных средств (экспериментально-фонетическое исследование на материале вопросительных предложений удмуртского, русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1985. – 186 с.

Краснова 1985а – *Краснова Т. А*. Просодическая интерференция при взаимодействии лексико-грамматических и интонационных средств (экспериментально-фонетическое исследование на материале вопросительных предложений удмуртского, русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1985а. – 14 с.

Краснова 2006 – *Краснова В. В.* Alma mater в лицах – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; Институт компьютерных исследований, 2006. – 284 с.

Кротовъ 1785 – *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Кузнецова 2000 – *Кузнецова А*. Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7.–13. 8. 2000 Tartu. – Tartu, 2000. – Pars I: Orationes plenariae & Orationes publicae. – С. 93–108.

Куликов 1991 – *Куликов К. И.* Реабилитирован посмертно (к биографии Т. К. Борисова) // *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов // АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; Удмурт. отделение Всесоюзного фонда культуры. – Ижевск, 1991. – С. V–XIII.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Лесникова 1992 – *Лесникова Г. Н.* Заметки о некоторых диалектных фразеологизмах в удмуртском языке // Вопр. диалектологии и истории удмурт. языка / Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – С. 106–108.

Лесникова 1992а – *Лесникова Г. Н.* Удмуртские фразеологизмы с компоненами *ки*, *йыр* // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ; отв. ред. Г. В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992а. – С. 79–84.

Лесникова 1994 – *Лесникова Г. Н.* Фразеология удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1994. – 233 с.

Лесникова 1994а – *Лесникова Г. Н.* Фразеология удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1994а. – 24 с.

Лесникова 1997 – *Лесникова Г. Н.* Особенности употребления удмуртских фразеологизмов // Пермистика 4: Перм. языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 92–96.

Лесникова 1998 – *Лесникова Г. Н.* Вераськонмес узырмытӥсь кылтэчетъёс // Вордскем кыл. – 1998. – 2-тӥ №. – 72–76-тӥ б.

Лесникова 2003 – *Лесникова Г. Н.* Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар – Будапешт, 2003. – 130 б.

Лесникова 2010 – *Лесникова Г. Н.* О соотношении сравнительных конструкций и фразеологических единиц в удмуртском языке // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14.VIII.2010. – Piliscsaba, 2010. – Pars II: Summaria acroasium in sectionibus / Redigunt Sándor Csúcs, Nóra Falk, Viktória Püspök, Viktória Tóth, Gábor Zaicz. – P. 122–123.

Лыткин 1924 – *Лыткин В. И.* Коми числительные // Коми му. – 1924. – № 7–10. – С. 65–70.

Лыткин 1926 – *Лыткин В. И.* О коми литературе: Древнепермская письменность // Югыд туй. – 26 февр. 1926.

Лыткин 1930 – *Лыткин В. И.* Диалект Кобры // Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 29–47.

Лыткин 1930а – *Лыткин В. И.* Краткий обзор диалектов коми языка // Записки Общества изучения Коми края. – Устьсысольск–Сыктывкар, 1930а. – Вып. 5. – С. 31–40.

Лыткин 1930б – *Лыткин В. И.* Некоторые фонетические особенности ижемского говора // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930б. – Вып. 1. – С. 65–68.

Лыткин 1931 – *Лыткин В. И.* К истории коми письменности // Культура и письменность Востока. – Москва, 1931.– № 7–8. – С. 172–188.

Лыткин 1931а – *Лыткин В. И.* О говоре древне-коми письмен // Сборник комиссии по собиранию коми словаря и изучению диалектов коми языка. – М., 1931а. – Вып. 2. – С. 32–50.

Лыткин 1931б – *Лыткин В. И.* К происхождению суффикса множественного числа *-yos* в удмуртском языке // Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. – М., 1931б. – Вып. 2: На удмуртские темы: Сб. ст. – С. 107–111.

Лыткин 1932 – *Лыткин В. И.* Древне-коми тексты // Сборник комиссии по собиранию коми словаря и изучению диалектов коми языка. – М., 1932.

Лыткин 1948 – *Лыткин В. И.* Происхождение древнепермской азбуки // Советское финно-угроведение. – Ленинград, 1948. – Т. 3. (Ученые записки / Ленинград. гос. ун-т. Восточный ин-т; № 105). – С. 233–239.

Лыткин 1951 – *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1951. – Вып. 4 (X). – С. 385–392.

Лыткин 1952 – *Лыткин В. И.* Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 175 с.

Лыткин 1952а – *Лыткин В. И.* К вопросу о вокализме пермских языков // Труды Ин-та языкозн. / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1952а. – Т. I. – С. 58–106.

Лыткин 1953 – *Лыткин В. И.* Из истории словарного состава пермских языков // ВЯ. – 1953. – № 5. – С. 48–69.

Лыткин 1955 – *Лыткин В. И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам: С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. I // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 128 с.

Лыткин 1955а – *Лыткин В. И.* Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками // Ученые записки / Рязанск. пед. ин-т. – Рязань, 1955а. – Вып. 10. – С. 115–134.

Лыткин 1956 – *Лыткин В. И.* [Рецензия] // ВЯ. – 1956. – № 3. – С. 138–144.

Рец. на: I t k o n e n E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // FUF. (Helsinki) 1953–1954. – № 3 (XXXI). – S. 149–345.

Лыткин 1956а – *Лыткин В. И.* Вепсско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. / АН СССР. ОЛЯ. – М., 1956а. – С. 179–189.

Лыткин 1957 – *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 136 с.

Лыткин 1957а – *Лыткин В. И.* Понудительный залог в пермских языках // Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1957а. – Вып. 18. – С. 93–113.

Лыткин 1958 – *Лыткин В. И.* О некоторых тюркских заимствованиях в коми языке // NyK. – (Budapest) 1958. – 1 (LX). szám. – С. 109–112.

Лыткин 1960 – *Лыткин В. И.* О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.; Л., 1960. – 22 с. [С таблицами].

Лыткин 1961 – *Лыткин В. И.* Карельско-вепсские заимствования в коми языке // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии: Тез. докл. – Петрозаводск, 1961. – С. 13–14.

Лыткин 1961а – *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1961а. – 228 с.

Лыткин 1962 – *Лыткин В. И.* Об имени прилагательном в коми языке // Ученые записки / Коми гос. пед. ин-т. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 10. – С. 180–183.

Лыткин 1962а – *Лыткин В. И.* Некоторые вопросы вокализма финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – М.; Л., 1962а. – С. 178–221.

Лыткин 1962б – *Лыткин В. И.* Д. Р. Фокош-Фукс (К 75-летию со дня рождения) // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – М.; Л., 1962а. – С. 270–274.

Лыткин 1963 – *Лыткин В. И.* К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы грамматики и лексикологии. – М.; Л., 1963. (Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 39). – С. 3–11.

Лыткин 1964 – *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1964. – 270 с.

Лыткин 1964а – *Лыткин В. И.* Этимологии некоторых марийских слов // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола, 1964а. – С. 60–62.

Лыткин 1965 – *Лыткин В. И.* Вопросы акцентуации пермских языков // Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. – Berlin, 1965. – С. 257–265.

Лыткин 1965а – *Лыткин В. И.* Некоторые вопросы вокализма непервого слога финно-угорских языков // Referate der Vorträge und Mitteilungen. Zweiter Internationaler Finnougristenkongress. – Helsinki, 23.–28.8.1965а. – С. 73.

Лыткин 1967 – *Лыткин В. И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн.; Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 131–142.

Лыткин 1968 – *Лыткин В. И.* К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках // СФУ. – 1968. – № 1 (IV). – С. 19–25.

Лыткин 1968а – *Лыткин В. И.* К этимологии марийских слов // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола, 1968а. – Вып 11. – С. 30–31.

Лыткин 1968б – *Лыткин В. И.* Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках // ВЯ. – 1968б. – № 1. – С. 85–94.

Лыткин 1968в – *Лыткин В. И.* Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum Helsingiae habitus 23.–28.VIII.1965. – Pars I: Acta Linguistica. – Helsinki, 1968в. – С. 324–331.

Лыткин 1968г – *Лыткин В. И.* К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка // СФУ. – 1968г. – № 4 (IV). – С. 233–238.

Лыткин 1969 – *Лыткин В. И.* Древнейшие русские заимствования в коми языке // Вопросы филологии: К семидесятилетию со дня рождения заведующего кафедрой общего языкознания доктора филол. наук проф. Ивана Афанасьевича Василенко. – М., 1969. (Ученые записки / Московский гос. пед. ин-т; 341). – С. 242–248.

Лыткин 1969а – *Лыткин В. И.* Об огласовке *s*-овых словообразовательных суффиксов в пермских языках // СФУ. – 1969а. – № 2 (V). – С. 115–126.

Лыткин 1970 – *Лыткин В. И.* Введение: Звуковые соответствия в финно-угорских языках // Л ы т к и н В. И., Г у л я е в Е. С. Краткий

этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – С. 9–28.

Лыткин 1970а – *Лыткин В. И.* Об огласовке некоторых девербальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков // Вопросы финно-угроведения / Мар. НИИ при Сов. Мин. Мар. АССР; АН СССР. Ин-т языкозн. – Йошкар-Ола, 1970а. – Вып. V: Лингвистика, фольклористика, этнография, археология. – С. 109–115.

Лыткин 1970б – *Лыткин В. И.* О вокализме непервого слога финно-угорских языков // СФУ. – 1970б. – № 3 (VI). – С. 211–238.

Лыткин 1970в – *Лыткин В. И.* Проблема лексического ударения в финно-угорских языках // ALH. – (Budapest) 1970в. – № 3–4 (XX). – С. 245–263.

Лыткин 1970г – *Лыткин В. И.* Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка // ALH. – (Budapest) 1970г. – № 3–4 (XX). – С. 185–188.

Лыткин 1972 – *Лыткин В. И.* К этимологии русского слова *туес* // Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-кор. АН СССР Р. И. Аванесова / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1972. – С. 176–179.

Лыткин 1972а – *Лыткин В. И.* Лабиализация гласных в пермских и марийском языках // СФУ. – 1972а. – № 2 (VIII). – С. 101–113.

Лыткин 1972б – *Лыткин В. И.* Финно-угорские заимствования в русском языке // Русская речь. – 1972б. – № 3. – С. 128–131.

Лыткин 1973 – *Лыткин В. И.* О современном состоянии и задачах удмуртского языкознания: Докл. на юбилейной науч.-теоретической конф., посвящ. 50-летию Удмуртской автономии, 19–20 октября 1970 г. в Ижевске // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1973. – Вып. 2. – С. 3–8.

Лыткин 1973а – *Лыткин В. И.* Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков // Commentationes Fenno-Ugricae: In honorem Erkki Itkonen sexagenarii. Die XXVI mensis Aprilis anno MCMLXXIII. – Helsinki, 1973a. (MSFOu. 150). – С. 205–210.

Лыткин 1974 – *Лыткин В. И.* Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1974. – С. 108–212.

Лыткин 1975 – *Лыткин В. И.* К вопросу о происхождении прапермского **ȯ* // Fenno-Ugristica. – Tartu, 1975. – № 1. – С. 189–197.

Лыткин 1975а – *Лыткин В. И.* Лабиализация общепермского **е* в удмуртском языке // СФУ. – 1975а. – № 3 (XI). – С. 168–172.

Лыткин 1975б – *Лыткин В. И.* Отражение закрытого *ǫ и открытого *ǫ пермских языков в словах, заимствованных из этих языков в другие // СФУ. – 1975б. – № 2 (XI). – С. 85–89.

Лыткин 1975в – *Лыткин В. И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. – 1975в. – № 3. – С. 84–97.

Лыткин 1977 – *Лыткин В. И.* Зачатки объектного спряжения в коми языке // СФУ. – 1977. – № 4 (XIII). – С. 280–283.

Лыткин 1977а – *Лыткин В. И.* Коми кывлӧн историческӧй морфология / Пермса гос. ун-т; Сыктывкарса гос ун-т. – Пермь–Сыктывкар, 1977а. – 86 лб.

Лыткин 1979 – *Лыткин В. И.* Коми кывлӧн историческӧй лексикология: Учеб. пособие / Сыктывкарса гос. ун-т. – Сыктывкар, 1979. – 73 лб.

Лыткин и др. 1959 – *Лыткин В. И.*, *Тепляшина Т. И.* Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.

Лыткин и др. 1962 – *Лыткин В. И.*, *Майтинская К. Е.* Дмитрий Владимирович Бубрих // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения члена-кор. АН СССР Д. В. Бубриха / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 5–8.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Люкина 2005 – *Люкина Н. М.* История изучения бесермянского наречия // LU. – 2005. – № 4 (XLI). – С. 279–286.

Люкина 2005а – *Люкина Н. М.* Некоторые фонетические особенности жувамского говора бесермян // Флор Васильев и современность / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2005а. – С. 153–154.

Люкина 2005б – *Люкина Н. М.* Язык бесермян – наречие удмуртского языка // X Междунар. конгр. финно-угроведов: Тез. секционных заседаний. Ч. II. – Йошкар-Ола, 2005б. – С. 103–104.

Люкина 2006 – *Люкина Н. М.* Юндинский говор бесермянского наречия удмуртского языка // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., г. Пермь) / Ин-т яз., ист. и традиционной культуры коми-пермяц. народа; Департ. промыш. и природопольз. Перм. обл. – Пермь, 2006. – С. 120–124.

Люкина 2007 – *Люкина Н. М.* Словесное ударение в бесермянских говорах удмуртского языка // Современные проблемы науки и образования. – М.: Академия Естествознания, 2007. – № 6. – С. 132–135.

Люкина 2008 – *Люкина Н. М.* Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): Дис. канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 2008. – 249 с.

Люкина 2008а – *Люкина Н. М.* Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): Автореф. ... дис. канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 2008а. – 22 с.

ЛЯФУН 1993 – Материалы научной конференции по теме “Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов (7–8 апреля 1993 г.) / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, – 1993. – 47 с.

Майтинская 1981 – [*Майтинская К. Е.*] Финно-угорские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и перспективы / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1981. – С. 259–275.

Максимов 1995 – *Максимов С. А.* Лексические параллели в сопредельной зоне коми-зырянского и удмуртского языков // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1995. – № 5. – С. 44–48.

Максимов 1995а – *Максимов С. А.* Общие лексические элементы в контактной зоне удмуртского и коми языков // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995а. – С. 356–358.

Максимов 1999 – *Максимов С. А.* Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1999. – 19 с.

Максютова 1967 – *Максютова Н. Х.* Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн. Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 149–153.

Матезиус 2003 – *Матезиус В.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с чеш., англ. / Закл. ст. Д. В. Сичинавы. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Миллеръ 1791 – *Миллеръ Г. Ф.* Описаніе живущихъ в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чувашъ и вотяковъ... – Спб., 1791.

Михеевъ 1907 – *Михеевъ И. С.* Первая книга для чтенія на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1907. – 80 с.

Могилинъ 1786 – *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / УИИЯЛ УрО РАН; отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

МУД 1981 – Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1981. – 182 с.

МУОТ 1980 – Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1980. – 160 с.

Напольских 1995 – *Напольских В. В.* О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. – 1995. – № 3–4. – С. 38–50.

Напольских 2001 – *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

Насибуллин 1972 – *Насибуллин Р. Ш.* К вопросу о происхождении новых фонем: По материалам удмуртских диалектов // Вопросы советского финно-угроведения: Тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посв. 50-летию образов. СССР / АН СССР. Ин-т языкозн.; НИИ яз, лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Морд. АССР. – Саранск, 1972. – С. 49–51.

Насибуллин 1973 – *Насибуллин Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 202 + [Приложение] 325 с.

Насибуллин 1973а – *Насибуллин Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1973а. – 22 с.

Насибуллин 1978 – *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.

Насибуллин 1995 – *Насибуллин Р. Ш.* Динамика русских заимствований в удмуртском языке дооктябрьского периода // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1995. – № 5. – С. 38–44.

Насибуллин 1997 – *Насибуллин Р. Ш.* Путь иноязычных слов, вошедших в русский язык в XVIII веке, из С.-Петербурга в Ижевск // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении: Тез. междунар. науч. конф. (Москва, 18–19 нояб. 1997 г.) – М., 1997. – С. 73–75.

Насибуллин 1999 – *Насибуллин Р. Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке (Дооктябрьский период): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Казань, 1999. – 47 с.

Насибуллин 2000 – *Насибуллин Р. Ш.* Удмуртские диалекты – идеальный объект для лингвогеографических исследований // Studia ad Geographiam Linguarum Pertinentia. – Tallinn, 2000. – С. 70–86.

Насибуллин 2001 – *Насибуллин Р. Ш.* Соотношение русских и тюркских заимствований в произведениях Кузебая Герда // Тез. докл. 5-й Российской университетско-академической науч.-практ. конф. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2001. – Ч. 1. – С. 80–81.

Насибуллин 2001а – *Насибуллин Р. Ш.* Соотношение русских и тюркских заимствований в романе М. Петрова «Вуж Мултан» («Старый мултан») // Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: Воспоминания, ст., речи, письма / Сост. и подгот. З. А. Богомоловой. – Ижевск, 2001а. – С. 339–350.

Насибуллин 2002 – *Насибуллин Р. Ш.* Периодизация русских заимствований в удмуртском языке // Volgan alueen kielikontaktit: symposiumi Turussa, 16.–18.08.2001. – Turku, 2002. – С. 167–175.

Насибуллин 2005 – *Насибуллин Р. Ш.* Динамика фиксации русских заимствований советского и постсоветского периода // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Joshkar-Ola 15.08.–25.08.2005. – Joshkar-Ola, 2005. – P. II: Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. – С. 112.

Насибуллин 2006 – *Насибуллин Р. Ш.* Эллинизмы в удмуртском языке: Учеб. пособие / Удмурт. гос. ун-т. Фак. журналист. Каф. яз. СМИ и лит-худож. критики. – Ижевск, 2006. – 70 с.

Насибуллин и др. 1992 – *Насибуллин Р. Ш.*, *Дудоров В. Ю.* Обратный словарь удмуртского языка. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, – 1992. – 234 с.

Насибуллин и др. 1995 – *Насибуллин, Максимов 1995* – Краткий удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь / Сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов. Под ред. Л. И. Калининой. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995. – 368 с.

Насибуллин и др. 2004 – *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Игушев Е. А., Аксенова О. П.* Сравнительный словарь пермских языков. – Сыктывкар. гос. ун-т. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. – 258 с.

Насибуллин и др. 2004а – *Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет: дышетскыны юрттэт / Под общ. ред. Р. Ш. На-

сибуллина; Удмурт. гос. ун-т, Лаб. мат. лингвистики УдГУ. – Ижевск: Ассоц. «Научная книга», 2004а. – 264 с.

Насибуллин и др. 2005 – *Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г., Игушев Е. А.* Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь = Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет = Адасалӧм роча-удмурта-комиа кывкуд: Раздел 1. Человек / под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина. – Сыктывкар: ГОУ ДПО КРИРОиПК, 2005. – 208 с.

Насибуллин и др. 2006 – *Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет: дышетскыны юрттэт / Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина; Удмурт. гос. ун-т, Лаб. мат. лингвистики УдГУ. – Ижевск: Ассоц. «Научная книга», 2006. – 350 с.

Насибуллин: Биобиблиогр. указ. 2006 – Насибуллин Риф Шакрисламович: к 70-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / сост. И. В. Никитина; компьютер. верстка И. В. Никитина; УдГУ, Науч. б-ка; – Ижевск, 2006. – 74 с.

Некрасова 2000 – *Некрасова Г. А.* Коми кывлӧн историческӧй фонетика / Россияса НА. УрО. Коми шӧрин. Кыв, литература да история ин-т. – Сыктывкар, 2000. – 168 лб.

Некрасова 2002 – *Некрасова Г. А.* Система *L*-овых падежей в пермских языках: Происхождение и семантика / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ – Сыктывкар, 2002. – 168 с.

Некрасова 2004 – *Некрасова Г. А.* Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног (Падежи в пермских языках: форма, семантика, происхождение): Велӧдчан небӧг / Сыктывкарса канму ун-т. – Сыктывкар, 2004. – 118 лб.

Овчинников 1987 – *Овчинников В.* Юрьё Вихманн Карлыганын // Молот. – 1987. – 11-тӥ №. – 51-тӥ б.

Овчинников 1988 – *Овчинников В.* Карлыганын вал со // Советской Удмуртия. – 1988. – 14-тӥ октябрь.

ОРУЯ 1982 – Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1982. – 174 с.

Осипов 1994 – *Осипов Б. И.* К сопоставительному изучению русской и удмуртской фразеологии // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1994. – № 7. – С. 34–37.

Осипов 1995 – *Осипов Б. И.* Типология удмуртских фразеологизмов в плане их сопоставления с русскими // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1995. – P. II: Summaria acroasium in sectionibus et symposis factarum. – С. 146–147.

Осипов 1996 – *Осипов Б. И.* Типология фразеологизмов некоторых пермских языков в плане их сопоставления с русскими фразеологизмами // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1996. – P. V: Sessiones sectionum. Lexiologia et onomastica. – С. 144–145.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

Павлов 1994 – *Павлов Н. П.* Трофим Борисов: Научно-документальный очерк. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 304 с.

Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка / Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. Вступит. статья С. Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.

Пашуто 1985 – *Пашуто В. Т.* Труды польского академика Х. Ловмяньского по истории народов Восточной Европы // Х. Л о в м я н ь с к и й. Русь и норманны. – М.: Прогресс, 1985. – С. 5–22.

Первухинъ 1888 – *Первухинъ Н.* Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ). – Вятка, 1888. – 82 + II с.

Перевощиков 1939 – *Перевощиков П. Н.* Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке / Удмурт. НИИ соц. культуры. – Ижевск, 1939. – 76 с.

Перевощиков 1954 – *Перевощиков П. Н.* [Рецензия] // Записки / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1954. – Вып. 16. – С. 225–227.

Рец. на: В. И. Л ы т к и н. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.

Перевощиков 1959 – *Перевощиков П. Н.* Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке / Ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 328 с.

Пермистика 1987 – Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т; отв. ред. Б. Ш. Загуляева и В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1987. – 204 с.

Пермистика 1991 – Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1991. – 206 с.

Пермистика 1992 – Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ; отв. ред. Г. В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992. – 176 с.

Пермистика 1997 – Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкозн.; отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1997. – 211 с.

Пермистика 1999 – Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ; отв. ред. А. Н. Ракин. – Сыктывкар, 1999. – 204 с.

Пермистика 2000 – Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финго-угор. языкозн.; сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – 266 с.

Пермистика 2001 – Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угор. языкозн.; отв. ред. В. М. Лудыкова. – Сыктывкар, 2001. – 297 с.

Пермистика 2002 – Пермистика 5: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т.; отв. ред. И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд дом «Удмуртский университет», 2002. – 274 с.

Пермистика 2002а – Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод.; сост. и отв. ред. И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд дом «Удмуртский университет», 2002а. – 500 с.

Пермистика 2006 – Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., г. Пермь) / Ин-т яз., ист. и традиционной культуры коми-пермяц. народа; Департ. промыш. и природопольз. Перм. обл. – Пермь, 2006. – 328 с. + (Приложение) 104 с.

Пермистика 2008 – Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симп. (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Удмурт. гос. ун-т; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН; отв. ред. А. Ф. Шутов. – Ижевск, 2008. – 386 с.

Пермистика 2009 – Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн.; сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 406 с.

Писат. и литерат. Удм. 2006 – Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск: Ассоциация “Научная Книга”, 2006. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – 220 с.

Писат. Удм. 1989 – Писатели Удмуртии: Биобиблиографический справочник / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 464 с.

Поздеев 1970 – *Поздеев П. К.* Венгер калыклэн дано пиез // Советской Удмуртия. – 1970. – 12-тй март.

Поздеев 1976 – *Поздеев П. К.* Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века // 200 лет удмуртской письменности / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1976. – С. 116–119.

ПУГ 2002 – Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. ст. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2002. – 250 с.

Пузанов и др. 2001 – *Пузанов В. В., Верижникова И. В*. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931–2001 гг. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 272 с.

Пузанов и др. 2006 – *Пузанов В. В., Верижникова И. В., Кутявин А. Н., Халявин Н. В*. Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2005. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 564 с.

Ракин 1996 – *Ракин А. Н.* Антропотоминимическая лексика в пермских языках / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ – Сыктывкар, 1996. – 156 с.

Ракин 2009 – *Ракин А. Н.* Исследования по пермским языкам / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ – Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2009. – 272 с.

Реформатский 1967 – *Реформатский А. А*. Введение в языковедение / Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

Реформатский 2006 – *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / Изд. 5-е; испр. – М.: Аспект Ресс, 2006. – 536 с.

Роговъ 1860 – *Роговъ Н.* Опытъ грамматики пермяцкаго языка. – С.-Петербургъ, 1860. – 166 с.

РУС 1942 – Русско-удмуртский словарь / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора; Под. ред. Бутолина. – Ижевск: УдГИЗ, 1942. – 408 с.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов; С приложением краткого очерка грамматики удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., яз. и лит. – М.: ГИИНС, 1956. – 1360 с.

Сааринен 1997 – *Сааринен С.* [Рецензия] // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 192–196.

Рец на: В. К. К е л ь м а к о в. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Науч. докл., представл. в качестве дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук / РАН. Ин-т языкозн. М., 1993. 57 с.

Савваитовъ 1850 – *Савваитовъ П. И.* Грамматика зырянского языка. – СПб., 1850.

Самарова 1994 – *Самарова М. А.* Микротопонимы с оценочным значением // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1994. – № 7. – С. 32–34.

Самарова 2000 – *Самарова М. А.* Апеллятивы русского происхождения в микротопонимии Верхней Чепцы // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 159–162.

Самарова 2001 – *Самарова М. А.* Структурные типы микротопонимов Верхней Чепцы // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. – С. 247–252.

Самарова 2002 – *Самарова М. А.* Локативные микротопонимы // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 2002. – № 7. – С. 155–158.

Самарова 2005 – *Самарова М. А.* Эллиптические названия в микротопонимии // Седьмая науч.-практ. конф. преподавателей и сотрудников УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: Материалы конференции: Ч. 2. – Ижевск, 2005. – С. 20–22.

Самарова 2006 – *Самарова М. А.* Гидронимический суффикс *-ка* в удмуртской микротопонимии // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (Пермь, 30–31 марта 2006 г.) / отв. ред. Л. Г. Пономарева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 84–87.

Самарова 2007 – *Самарова М. А.* Чолӧм! Дышетон пособие = Чолӧм! Велӧдан пособие / Удмурт кун ун-т. – Ижкар, 2007. – 182 б.

Самарова 2007а – *Самарова М. А.* Апеллятивная лексика в удмуртской микротопонимии // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 2007а. – № 5: Филологические науки. – Вып. 1. – С. 69–74.

Самарова 2008 – *Самарова М. А.* Прозвищные имена удмуртов // Fenno-Ugrica1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-

Поволжья: Труды Института финно-уговедения. Вып. 5 / Мар. гос. ун-т. Ин-т финно-угроведения. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. – С. 184–187.

Самарова 2008а – *Самарова М. А.* Собственные имена в дилогии Г. Красильникова «Вуж юрт» // Язык, литература, национальное образование: диалог культур и поколений: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2008а. – С. 52–60.

Самарова 2010 – *Самарова М. А.* Наименования топообъектов Верхней Чепцы: Монография / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 246 с.

Самарова 2010а – *Самарова М. А.* Топоформаты в гидронимии Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – (Ижевск) 2010а. – Вып. 2. – С. 22–28.

Сенкевич-Гудкова 1950 – *Сенкевич-Гудкова В. В.* Д. В. Бубрих как исследователь финно-угорских языков // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. IX. – Вып. 3. – С. 186–195.

Сергеева 2007 – *Сергеева Н. А.* Удмурт кыллэн типологиез: Методической юрттэт / Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар, 2007. – 36 б.

Сергеева 2008 – *Сергеева Н. А.* Удмурт литературной кыллэн кылдонэз но азинсконэз = Формирование и развитие удмуртского литературного языка: Амалтодослыко юоттос. – Ижкар, 2008. – 115 б.

Сергеева 2009 – *Сергеева Н. А.* Удмурт кылын каронкыллэн бичето кабъёсыз: Дышетскон-амалтодослыко юрттос / Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур фак. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – Ижкар, 2009. – 53 б.

Серебренников 1952 – *Серебренников Б. А.* Предисловие // В. И. Л ы т к и н. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 3–7.

Серебренников 1960 – *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 300 с.

Серебренников 1963 – *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.

Серебренников 1972 – *Серебренников Б. А.* Еще раз о замене шипящих свистящими в языке бесермян // СФУ. – 1972. – № 1 (VIII). – С. 39–45.

Сий 1998 – *Сий Э*. Термины родства и свойства в удмуртском языке. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998. – 216 с.

СКЯ 1955 – Современный коми язык / Коми филиал АН СССР. Под ред. проф. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – Часть 1: Фонетика, лексика, морфология. – 312 с.

Слав.-вот. сл. 1892 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань, 1892. – 70 с.

Смирновъ 1890 – *Смирновъ И. Н.* Вотяки: Историко-этнографическій очеркъ (= Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. Т. 8, вып. 2). – Казань, 1890. – 308 + [Приложение] 39 + 4 с.

Со вал... 2003 – Удмурт Республикалэн Президентэзлэн но Правительствоезлэн пресс-службазы. Со вал нырысетйез // Удмурт дунне. – 2003. – 15-тй август. – 4-тй б.

СОВУЯ 1996 – Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост., перев. К. Н. Дзюиной. – Ижевск, 1996. – 144 с.

Соколов 2004 – *Соколов С. В.* Туала удмурт кыл: Юрттйсь (служебной) вераськон люкетъёс: Студентъёслы дышетскон пособие: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2004. – 24 б.

Соколов и др. 1994 – *Соколов С. В.*, *Туганаев В. В.* Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.

Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. – Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академїи наукъ 1775 года. – 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

Спис. публ. Атам. – Список публикаций Михаила Гавриловича Атаманова (протодиакон Михаил Атаманов; М. Г. Атаманов-Эграпи; Эграпи Гавир Микаль) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 141–165.

Спис. трудов Перев. – Список трудов П. Н. Перевощикова // Словосочетания в удмуртском языке: К 80-летию проф. П. Н. Перевощикова // НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1980. – С. 169–170.

Стрелкова 2005 – *Стрелкова О. Б.* Неопределенно-количественные слова в удмуртском языке // VII науч.-практ. конф. преподавателей и со-

трудников УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: Материалы конф. – Ч. 2. – Ижевск, 2005. – С. 22–24.

Стрелкова 2005а – *Стрелкова О. Б.* Способы выражения приблизительного значения числительных в удмуртском языке // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Кудымкар: Алекс-принт, 2005а. – С. 231–235.

Стрелкова 2006 – *Стрелкова О. Б.* К вопросу о числе существительного, употребляющегося с именем числительным в удмуртском языке // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 256–260.

Стрелкова 2007 – *Стрелкова О. Б.* Об употреблении имен числительных удмуртского языка с послелогами // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 2007. – № 5. – Вып. 1: Филологические науки. – С. 187–191.

Стрелкова 2007а – *Стрелкова О. Б.* Об употреблении имени числительного со вспомогательными частями речи в удмуртском языке // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. “Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи”. – Т. 2. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2007а. – С. 108–113.

Стрелкова 2008 – *Стрелкова О. Б.* К вопросу о выделении категории числа имен числительных в удмуртском языке // Язык, литература, национальное образование: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения профессора Ф. К. Ермакова (24 октября 2007 г.). – Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2008. – С. 67–71.

Стрелкова 2009 – *Стрелкова О. Б.* Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте): Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 192 + (Приложение) 12 с.

Стрелкова 2009а – *Стрелкова О. Б.* Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2009а. – 24 с.

Стрелкова 2009б – *Стрелкова О. Б.* Принципы классификации имен числительных удмуртского языка // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009б. – Вып. 36. – С. 118–121.

Стрелкова 2011 – *Стрелкова О. Б.* Туала удмурт кыл. Лыдним (Современный удмуртский язык. Имя числительное): Дышетон-амал-тодослыко юрттос. – Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 37 б.

Сундукова 2005 – *Сундукова Е. А*. Образование вторичных ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики // VII науч.-практ. конф. преподавателей и сотрудников УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: Материалы конф. Ч. 2. – Ижевск, 2005. – С. 24–26.

Сундукова 2005а – *Сундукова Е. А*. Апеллятивная лексика в неофициальной ойконимии Балезинского и Дебесского районов Удмуртской Республики // Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2005 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. С. Лобанова. – Пермь, 2005а. – С. 146–149.

Сундукова 2005б – *Сундукова Е. А*. Образование русско-удмуртских ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики // «Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы межрегион. науч.-практ. конф.» – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005б. – С. 235–237.

Сундукова 2005в – *Сундукова Е. А*. О семантическом переосмыслении ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики // XXI IFUSCO International Finno-Ugric Students Conferens=XXI Междунар. финно-угорская студенческая конф. / Удмурт. гос. ун-т; отв. ред. М. А. Самарова. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005в. – С. 181–183.

Сундукова 2006 – *Сундукова Е. А*. Ойкографические апеллятивы в названиях населенных пунктов севера Удмуртии // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т; отв. ред. Л. Г. Пономарева. – Пермь, 2006. – С. 87–92.

Сундукова 2006а – *Сундукова Е. А*. Русификация народных названий населенных пунктов с апеллятивом *-гурт* (на примере ойконимов севера Удмуртии) // Междунар. науч. конф. «75 лет высшему образованию в Удмуртии»: Материалы конф. Ч. 1. Гуманитарные науки. – Ижевск, 2006а. – С. 267–269.

Сундукова 2010 – *Сундукова Е. А*. Локативные ойконимы севера Удмуртии / Вестник Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Вып. 45. – С. 120–123.

Сундукова 2011 – *Сундукова Е. А*. Ойконимы севера Удмуртии: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011. – 445 с.

Сундукова 2011а – *Сундукова Е. А*. Ойконимы севера Удмуртии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011а. – 24 с.

СУЯ 1980 – Словосочетания в удмуртском языке: К 80-летию профессора Петра Николаевича Перевощикова / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1980. – 172 с.

Тараканов 1959 – *Тараканов И. В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дис. ... канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1959. – 310 с.

Тараканов 1959а – *Тараканов И. В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1959а. – 19 с.

Тараканов 1959б – *Тараканов И. В.* Об ударении в удмуртском языке // Известия АН ЭССР. – Т. 8: Серия общественных наук. – № 2. – Таллинн, 1959б. – С. 170–177.

Тараканов 1959в – *Тараканов И. В.* О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Ученые записки / Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1959в. – Вып. 77: Труды по языкознанию. – С. 186–205.

Тараканов 1959г – *Тараканов И. В.* Образцы урсыгуртской речи удмуртского языка // Ученые Записки / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1959г. – Вып. 77: Труды по языкознанию. – С. 45–55.

Тараканов 1959д – *Тараканов И. В.* О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959д. – Вып. 19. – С. 148–166.

Тараканов 1959е – *Тараканов И. В.* Удмурт литературной кыллэн кылдэмез сярысь // Советской Удмуртия. – 1959е. – 7-тй окт.

Тараканов 1960 – *Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // Труды / Ин-т яз. и лит. АН ЭССР. – Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. – С. 117–153.

Тараканов 1964 – *Тараканов И. В.* К вопросу истории и развития неслогового *ӳ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн. Петрозаводский ин-т ЯЛИ. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 75–82.

Тараканов 1964а – *Тараканов И. В.* Малы куддыр одйг кылэз пӧртэм сямен вераськом // Молот. – 1964а. – 7-тй №. – 52–54-тй б.

Тараканов 1965 – *Тараканов И. В.* Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // СФУ. – 1965. – № 3 (I). – С. 229–230.

Тараканов 1966 – *Тараканов И. В.* Тазьы кылдйз удмурт литературной кыл // Советской Удмуртия. – 1966. – 15-тй апр.

Тараканов 1966а – *Тараканов И. В.* П. Н. Перевощиков // СФУ. – 1966а. – № l (II). – С. 70–71.

Тараканов 1967 – *Тараканов И. В.* Об употреблении и значении некоторых диалектных слов в удмуртском языке // СФУ. – 1967. – № 2 (III). – С. 115–121.

Тараканов 1967а – *Тараканов И. В.* О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка // СФУ. – 1967а. – № 3 (III). – С. 191–198.

Тараканов 1967б – *Тараканов И. В.* Условное наклонение, его значения и происхождение суффикса *-сал* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн. Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967б. – Вып. IV. – С. 198–210.

Тараканов 1967в – *Тараканов И. В.* [Рецензия // СФУ. – 1967в. – № 1 (III). – С. 59–60.

Рец на: Т. И. Т е п л я ш и н а. Памятники удмуртской письменности XVIII века (Выпуск первый). М., 1966. 324 с.

Тараканов 1968 – *Тараканов И. В.* Некоторые замечания о подготовке финно-угроведов // СФУ. – 1968. – № 1 (IV). – С. 71–73.

Тараканов 1968а – *Тараканов И. В.* Юбилей В. И. Алатырева // СФУ. – 1968а. – № 3 (IV). – С. 213–219.

Тараканов 1968б – *Тараканов И. В.* Тодмо лингвист // Молот. – 1968б. – 7-тй №. – 46–47-тй б.

Тараканов 1971 – *Тараканов И. В.* Удмурт лексикая очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 96 б.

Тараканов 1973 – *Тараканов И. В.* Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции: На материале удмуртско-татарских языковых контактов // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектол. и ист. яз. Ин-т рус. яз.; АН Арм. ССР. Ин-т яз. – М., 1973. – С. 142–144.

Тараканов 1973а – *Тараканов И. В.* Лексические синонимы в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1973а. – Вып. 2. – С. 176–195.

Тараканов 1975 – *Тараканов И. В.* История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов // СФУ. – 1975. – № 2 (XI). – С. 135–141

Тараканов 1975а – *Тараканов И. В.* Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975а. – Вып 3: Сб. ст. – С. 169–190.

Тараканов 1975б – *Тараканов И. В.* Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17.–23. XIII 1970 / Acta redigenda curavit P. Ariste. – Tallinn: Valgus, 1975б. – Pars I: Acta linguistica. – С. 557–561.

Тараканов 1975в – *Тараканов И. В.* Обозначение масти в удмуртском языке // Fenno-Ugristica: Труды по финно-угроведению. – Тарту, 1975в. – Вып. 1. – С. 313–324..

Тараканов 1976 – *Тараканов И. В.* Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции // Лингвистическая география, диалектология и история языка / АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектол. и ист. яз.; АН Арм. ССР. Ин-т яз. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1976. – С. 272–282.

Тараканов 1977 – *Тараканов И. В.* Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 85–100.

Тараканов 1978 – *Тараканов И. В.* Удмурт вераськонэ пырем араб но перс кылъёс // Молот. – 1978. – 7-тй №. – 47–48-тй б.

Тараканов 1979 – *Тараканов И. В.* Некоторые особенности лексико-семантических изменений татаризмов в удмуртском языке // Финно-угристика: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 1979. – Вып. 2. – С. 104–116.

Тараканов 1980 – *Тараканов И. В*. О булгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды / Чув. НИИ. – Чебоксары, 1980. – Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – С. 127–136.

Тараканов 1980а – *Тараканов И. В*. Проникновение тюркских элементов в удмуртское словообразование // Финно-угристика: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 1980а. – Вып. 3. – С. 23–51.

Тараканов 1981 – *Тараканов И. В.* История изучения удмуртских диалектов // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка [Межвуз. темат. сб. науч. тр.] / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1981. – С. 114–133.

Тараканов 1981б – *Тараканов И. В.* Аналитические глагольные образования в пермских и марийском языках // Congressus Quintus Interna-

tionalis Fenno-Ugristarum. – Turku, 1981б. – Pars VII: Dissertationes sectionum: Lexicologica et onomastica, alia linguistica et litteraria. – С. 151–156.

Тараканов 1981а – *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и лит. – Ижевск, 1981а. – 105 с.

Тараканов 1982 – *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.

Тараканов 1982а – *Тараканов И. В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1982а. – С. 145–175.

Тараканов 1983 – *Тараканов И. В.* Бадӟым но кулэ уж // Молот. – 1983. – 9-тй №. – 47–48-тй б.

Удмурт-ӟуч словарь = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 592 б. – книгалы рец.

Тараканов 1984 – *Тараканов И. В.* Ӵыжы-выжы кылъёсмыя научной центр // Молот. – 1984. – 2-тй №. – 44–45-тй б.

Тараканов 1984а – *Тараканов И. В.* Повелительное наклонение, формы его выражения и значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1984а. – С. 25–37.

Тараканов 1984б – *Тараканов И. В.* [Рецензия] // СФУ. – 1984б. – № 2 (XX). – С. 147–150.

Рец. на: Удмурт-ӟуч словарь = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.

Тараканов 1985 – *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Дис. ... докт. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Устинов, 1985. – 542 с.

Тараканов 1985а – *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. – Устинов, 1985а. – 44 с.

Тараканов 1986 – *Тараканов И. В.* Огъя сюлмаськонмы // Молот. – 1986. – 8-тй №. – 43–45-тй б.

Тараканов 1987 – *Тараканов И. В.* Удмуртская диалектология и история языка на современном этапе // Пермистика: Вопросы диалекто-

логии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 7–18.

Тараканов 1987а – *Тараканов И. В.* Б. Мункачи и удмуртская историческая лексикология // Венгерские учёные и пермская филология: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Устинов, 1987а. – С. 49–52.

Тараканов 1987б – *Тараканов И. В.* Удмуртские термины цветообозначения в сравнении с восточными финно-угорскими языками // XVII Всесоюз. финно-угор. конф.: Тез. докл. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т. – Устинов, 1987б. – Т. I: Языкознание. – С. 192–194.

Тараканов 1987в – *Тараканов И. В.* [Рецензия] // СФУ. – 1987в. – № 2 (XXIII). – С. 152–154.

Рец. на: Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. – Устинов, 1986. – 180 с.

Тараканов 1990 – *Тараканов И. В.* Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 103–125.

Тараканов 1990а – *Тараканов И. В.* Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Debrecen, 1990а. – 1 B: Sessiones plenares et symposia. – С. 209–214.

Тараканов 1991 – *Тараканов И. В.* Ю. Вихманн как исследователь исторической лексикологии удмуртского языка // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 60–66.

Тараканов 1992 – *Тараканов И. В.* Туала удмурт кыл: Лексикология. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 140 б.

Тараканов 1992а – *Тараканов И. В.* Бубрих как исследователь пермских языков // Д. В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. / РАН. Карельский НЦ. Ин-т ЯЛИ – СПб, 1992а. – С. 35–46.

Тараканов 1993 – *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.

Тараканов 1994 – *Тараканов И. В.* Юбилей ученого-лингвиста // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1994. – № 7. – С. 3–5.

Тараканов 1994а – *Тараканов И. В.* Юбилей Т. И. Тепляшиной // LU. – 1994а. – № 2 (XXX) – С. 133–134.

Тараканов 1994б – *Тараканов И. В.* Современное состояние и некоторые тенденции развития удмуртского литературного языка: Лексика и

терминология // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994б. – С. 155–162.

Тараканов 1996 – *Тараканов И. В.* Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä,10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1996. – P III: Sessiones Sectionum: Phonologia & Morphologia. – С. 220–223.

Тараканов 1996а – *Тараканов И. В.* Удмурт кылын прилагательной тодметлэсь макем луэмзэ возьматйсь категория // Вордскем кыл. – 1996а. – 4-тй №. – 67–70-тй б.

Тараканов 1997 – *Тараканов И. В.* Кылмылэн азинскемез сярысь малпанъёс // Кенеш. – 1997. – 2-тй №. – 50–54-тй б.

Тараканов 1997а – *Тараканов И. В.* Кылэз узырмытон – удмурт калыклэн огъя ужез // Вордскем кыл. – 1997а. – 5-тй №. – 89–95-тй б.

Тараканов 1997б – *Тараканов И. В.* Функции и значения *л*-овых падежей в удмуртском языке // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997б. – С. 161–168.

Тараканов 1998 – *Тараканов И. В*. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 484 с.

Тараканов 1998а – *Тараканов И. В.* Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Бюллетень № 1 / Удмурт Элькун Кун Кенешлэн Тöроез бордысь Удмурт нимкылъёсъя но шонер гожъяськонъя элькун ӧри (= Республиканский термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики). – Ижевск, 1998а. – С. 108–117.

Тараканов 1998б – *Тараканов И. В.* Отзыв о работе В. К. Кельмакова «Кукморский диалект удмуртского языка», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Ин-т языкозн АН СССР, 1970) // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998б. – С. 445–450.

Тараканов 2000 – *Тараканов И. В.* Есть ли в пермских языках флексия (окончание)? // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 166–175.

Тараканов 2001 – *Тараканов И. В*. История удмуртской графики // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. – Tartu, 2001. – Pars VI: Dissertationes sectionum: Linguistica III. – С. 297–301.

Тараканов 2001а – *Тараканов И. В.* Ныръсетйосыз пӧлысь удмурт тодосчи. – Жуйков С. П. 110 арес тырмысал (1891–1967) // Вордскем кыл. – 2001а. – 4-тй №. – 37–41-тй б.

Тараканов 2002 – *Тараканов И. В.* В. К. Кельмаков как исследователь удмуртского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2002. – С. 13–31.

Тараканов 2002а – *Тараканов И. В.* К вопросу о классификации разрядов местоимений в пермских языках // Пермистика 5: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т.; отв. ред. И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. – С. 216–221.

Тараканов 2002б – *Тараканов И. В*. Ветерану УдГУ Р. И. Яшиной 70 лет // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 2002б. – № 7: Личность и история в удмуртской филологии. – С. 3–5.

Тараканов 2002в – *Тараканов И. В.* Юбилей профессора В. К. Кельмакова // LU. – 2002в. – № 3 (XXXVIII). – С. 222–225.

Тараканов 2002г – *Тараканов И. В*. Удмурт кылтодосысь кизили // Кенеш. – 2002г. – 11–12-тй №. – 99–102 -тй б.

Тараканов 2003 – *Тараканов И. В.* Туала удмурт кыл: Нимвоштос: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 32 б.

Тараканов 2004 – *Тараканов И. В.* Туала удмурт кыл: Каронкыллэн сям но дыр категориосыз: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2004. – 38 б.

Тараканов 2007 – *Тараканов И. В.* Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. ст. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 288 с.

Тараканов 2010 – *Тараканов И. В.* Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. удмурт. яз. и метод. его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2010. – 40 с.

Тараканов: Биобиблиогр. указ. 2003 – Тараканов Иван Васильевич: к 75-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / Науч. б-ка УдГУ; сост. Л. М. Васильева; компьютер. верстка И. В. Артанова. – Ижевск: [б. и.], 2003. – 51, [1] с. – (Биобиблиография ученых УдГУ).

Тепляшина 1955 – *Тепляшина Т. И.* Тыловайский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955.

Тепляшина 1955а – *Тепляшина Т. И.* Тыловайский диалект удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955а. – 20 с.

Тепляшина 1957 – *Тепляшина Т. И.* Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1957. – Вып. 18. – С. 114–140.

Тепляшина 1961 – *Тепляшина Т. И.* Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Мар. НИИ яз., лит., ист. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – Вып. XV: Вопросы языка, литературы и фольклора. – С. 125–139.

Тепляшина 1962 – *Тепляшина Т. И.* Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободский диалект. Тыловайский диалект. Шошминский диалект // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 283–304.

Тепляшина 1963 – *Тепляшина Т. И.* О терминах родства у бесермян // Тез. докл. и сообщ. к Всесоюз. конф. по вопросам финно-угор. языкозн. / АН СССР. Ин-т языкозн.; Ужгород. гос. ун-т. – Ужгород, 1963. – С. 40–42.

Тепляшина 1963а – *Тепляшина Т. И.* Об основном содержании программы по изучению удмуртских диалектов // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum: Budapestini habitus 20.–24.IX.1960. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963а. – С. 291–294.

Тепляшина 1964 – *Тепляшина Т. И.* О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозавод. ин-т ЯЛИ. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 136–145.

Тепляшина 1965 – *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1965. – Вып. 1. – 324 с.

Тепляшина 1965а – *Тепляшина Т. И.* Из истории удмуртской графики // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965а. – С. 111–114.

Тепляшина 1966 – *Тепляшина Т. И.* Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1966. – 96 с.

Тепляшина 1966а – *Тепляшина Т. И.* Удмуртский язык // Языки народов СССР / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме “Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций”. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1966а. – Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. – С. 261–280.

Тепляшина 1966б – *Тепляшина Т. И.* Бесермянские термины, выражающие понятия “мать” и “отец” // СФУ. – 1966б. – № 1 (II). – С. 51–56.

Тепляшина 1966в – *Тепляшина Т. И.* Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии // Башкирская лексика: Темат. сб. / АН СССР. Уфим. ин-т ИЯЛ. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966в. – С. 103–114.

Тепляшина 1967 – *Тепляшина Т. И.* О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн. Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 211–233.

Тепляшина 1967а – *Тепляшина Т. И.* К вопросу об этнониме *пор* // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967а. – С. 261–264.

Тепляшина 1968 – *Тепляшина Т. И.* Специфика удмуртской топонимии // Географические названия Прикамья / Перм. гос. ун-т; Перм. отд. Географ. об-ва Союза ССР. – Пермь, 1968. – С. 95–99.

Тепляшина 1968а – *Тепляшина Т. И.* Основные типы топонимии юга Удмуртии // Географические названия Прикамья / Перм. гос. ун-т; Перм. отд. Географ. об-ва Союза ССР. – Пермь, 1968а. – С. 100–103.

Тепляшина 1968б – *Тепляшина Т. И.* Термины бесермяне и чуваши в письменных источниках // Ученые записки Чуваш. НИИ. – Чебоксары, 1968б. – Вып. XI. – С. 177–187.

Тепляшина 1969 – *Тепляшина Т. И.* О древнеудмуртских личных именах // СФУ. – 1969. – № 1 (V). – С. 49–57.

Тепляшина 1969а – *Тепляшина Т. И.* Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии // СФУ. – 1969а. – № 2 (V). – С. 127–131.

Тепляшина 1969б – *Тепляшина Т. И.* Становление бесермянских фамилий // СФУ. – 1969б. – № 3 (V). – С. 189–194.

Тепляшина 1970 – *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

Тепляшина 1970а – *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1970а. – Вып. 21: Филология. – С. 156–196.

Тепляшина 1970б – *Тепляшина Т. И.* Мена бесермянских шипящих и свистящих аффрикат палатальными согласными // СФУ. – 1970б. – № 1 (VI). – С. 63–66.

Тепляшина 1970в – *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян (К проблеме происхождения бесермян) // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinn, 17.–23.VIII.1970в. – [Б. м. и Б. г.]. – Т. 1: Тез. – С. 128.

Тепляшина 1970г – *Тепляшина Т. И.* Двойные имена удмуртов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970г. – С. 162–166.

Тепляшина 1970д – *Тепляшина Т. И.* Топонимы на *-кар* и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // Вопросы географии – 81. – М., 1970д. – С. 164–171.

Тепляшина 1970е – *Тепляшина Т. И.* Заметки по фонетике бесермянских личных имен // Ономастика / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970е. – С. 112–124.

Тепляшина 1970ж – *Тепляшина Т. И.* Еще раз о топоформанте *-ым* (*-им*) // Ономастика / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970ж. – С. 216–220.

Тепляшина 1970з – *Тепляшина Т. И.* Этноним *бесермяне* // Этнонимы / АН СССР. Ин-т этнографии. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970з. – С. 177–188.

Тепляшина 1970и – *Тепляшина Т. И.* Древние бесермянские фамилии // Вопросы тюркологии. – Казань, 1970и. – С. 124–133.

Тепляшина 1970к – *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян: К проблеме происхождения бесермян // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum (Tallinn, 17.–23.VIII. 1970к). [Б. м. и Б. г.]. Т. 1: Тез. – С. 128.

Тепляшина 1971 – *Тепляшина Т. И.* Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ. – 1971. – № 2 (VII). – С. 129–139.

Тепляшина 1971а – *Тепляшина Т. И.* [Рецензия] // СФУ. – 1971а. – № 2 (VII). – С. 152–157.

Рец. на: В. К. К е л ь м а к о в. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Тепляшина 1971б – *Тепляшина Т. И.* Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян // СФУ. – 1971б**.** – № 3 (VII). – С. 201–204.

Тепляшина 1971в – *Тепляшина Т. И.* Удмуртские личные имена, связанные с этнонимами // Этнография имен / АН СССР. Ин-т этнографии. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971в. – С. 80–85.

Тепляшина 1971г – *Тепляшина Т. И.* Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья // СФУ. – 1971г. – № 1 (VII). – С. 5–12.

Тепляшина 1971д – *Тепляшина Т. И.* О современных бесермянских фамилиях // Структура и история тюркских языков. – М., 1971д. – С. 187–197.

Тепляшина 1972 – *Тепляшина Т. И.* Об одном волжско-камском ареальном явлении // Советская тюркология. – 1972. – № 3. – С. 35–40.

Тепляшина 1972а – *Тепляшина Т. И.* [Рецензия] // СФУ. – 1972а. – № 4 (VIII). – С. 296–301.

Рец. на: С. К. Б у ш м а к и н. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + [Приложение] 350 с.

Тепляшина 1973 – *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1973. – Вып. 2: Сб. ст. и материалов. – С. 196–223.

Тепляшина 1973а – *Тепляшина Т. И.* Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова // Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1973а. – Вып. 2: Сб. ст. и материалов. – С. 224–226.

Тепляшина 1973б – *Тепляшина Т. И.* Исторические изменения фонетики пермских языков – признаки диалектного членения // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез докл. и сообщ. // АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектол. и ист. яз. Ин-т рус. яз; АН Арм. ССР. Ин-т яз. – М., 1973б. – С. 44–46.

Тепляшина 1973в – *Тепляшина Т. И.* Удмуртское влияние на патронимию каринских татар // СФУ. – 1973в. – № 1 (IX). – С. 43–47.

Тепляшина 1975 – *Тепляшина Т. И.* Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17.–23. VIII. 1970 / Acta redigenda curavit P. Ariste. – Tallinn: Valgus, 1975. – Pars I: Acta linguistica. – С. 562–567.

Тепляшина 1975а – *Тепляшина Т. И.* Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975а. – Вып. 3. – С. 203–227.

Тепляшина 1975б – *Тепляшина Т. И.* Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. – 1975б. – № 3 (XI). – С. 179–185.

Тепляшина 1975в – *Тепляшина Т. И.* Способы выражения вокативности в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975в. – Вып. 3.: Сб. ст. – С. 191–202.

Тепляшина 1975г – *Тепляшина Т И.* Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства // Вопросы финно-угроведения / Ин-т

языкозн. АН СССР; НИИ яз., лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Морд. АССР. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975г. – С. 195–200.

Тепляшина 1977 – *Тепляшина Т. И.* Об удмуртском топониме *Аргурт* // Историческая ономастика / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1977. – С. 292–296.

Тепляшина 1978 – *Тепляшина Т. И.* Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1978. – С. 266– 325.

Тепляшина 1978а – *Тепляшина Т. И.* Антропонимические модели пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн.; отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1978а. – 138 с.

Тепляшина 1979 – *Тепляшина Т. И.* К столетию со дня рождения А. И. Емельянова (1879–1979) // СФУ. – 1979. – № 4 (XV). – С. 256–257.

Тепляшина 1981 – *Тепляшина Т. И.* О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27.VIII.1980. – Turku, 1981. – Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – С. 285–292.

Тепляшина 1981а – *Тепляшина Т. И.* [Рецензия] // СФУ. – 1981а. – № 4 (XVII). – С. 306–310.

Рец. на: Б. Ш. З а г у л я е в а. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1980. 174 с.

Тепляшина 1987 – *Тепляшина Т. И.* Дауръёс, калыкъёс, учёнойёс // Молот. – 1987. – 6-тй №. – 48–51-тй б.

Тепляшина 1997 – *Тепляшина Т. И.* О названии *Кизьна* // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 169–172.

Тепляшина 1998 – *Тепляшина Т. И.* Рукописная грамматика Михаила Могилина // *Могилин М.* Краткой отяцкія грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск, 1998. – С. 193–202 (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие).

Тепляшина и др.1976 – *Тепляшина Т. И., Лыткин В. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1976. – С. 97–228.

Тимерханова 1995 – *Тимерханова Н. Н.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1995. – № 5. – С. 24–37.

Тимерханова 1998 – *Тимерханова Н. Н.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1998. – 203 с.

Тимерханова 1998а – *Тимерханова Н. Н.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998а. – 25 с.

Тимерханова 1998б – *Тимерханова Н. Н.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в русском и удмуртском языках: Учебно-метод. пособие. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998б. – 45 с.

Тимерханова 2006 – *Тимерханова Н. Н.* Удмурт кыл: Нырысь кутскисьёслы дышетскон книга / Кылосбур факультетын дышетскисьёслы. – Ижкар – Пилишчаба, 2006. – 201 б.

Тимерханова 2009 – *Тимерханова Н. Н.* Выражение темпоральных отношений в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени в удмуртском и венгерском языках // Пермистика 12: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы XII Междунар. симп. “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”. – Ижевск: Изд-во “Удмуртский унивреситет”, 2009. – С. 321–325.

Тимерханова 2010 – *Тимерханова Н. Н.* Сложноподчиненные предложения с придаточными условия в русском и удмуртском языках // Исследования ученых Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики: Сб. ст. – Ижевск, 2010. – С. 125–134.

Титова 2005 – *Титова О. В*. Названия телег и саней в удмуртском языке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 203–205.

Титова 2006 – *Титова О. В*. О названиях деталей телег в удмуртском языке // Русский Север и восточные финно-угры: Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Междунар. конф. и VII Междунар. школы молодого фольклориста (23–26 октября 2005 г., Ижевск) / Отв. ред В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. – Ижевск, 2006. – С. 385–390.

Титова 2008 – *Титова О. В*. О наименованиях гужевого транспорта в южноудмуртских говорах // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 3. – С. 186–190.

Титова 2008а – *Титова О. В*. О названиях гужевого транспорта (на материале северноудмуртских говоров) / Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симп. (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Удмурт. гос. ун-т. Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН; отв. ред А. Ф. Шутов. – Ижевск, 2008а. – С. 329–334.

Титова 2008б – *Титова О. В*. Терминология снаряжения верхового и упряжного коня в удмуртском языке // Материалы X Междунар. конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2008б. – С. 304–310.

Титова 2009 – *Титова О. В*. О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в южноудмуртских говорах // Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». – М., 2009. – № 1 / УА (1). – С. 96–99.

Титова 2009а – *Титова О. В*. О наименованиях принадлежностей снаряжения верхового коня в говорах удмуртского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск) / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009а. – С. 359–364.

Титова 2005б – *Титова О. В*. О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в северноудмуртских говорах // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всерос. конф. финно-угроведов. – Ханты-Мансийск, 2009б. – С. 143–145.

Титова 2010 – *Титова О. В*. О наименованиях гужевого транспорта в пермских языках // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. – Piliscsaba, 2010. – Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. – С. 153–154.

Титова 2011 – *Титова О. В.* Лексика конного транспорта в удмуртском языке: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011. – 205 с.

Титова 2011а – *Титова О. В.* Лексика конного транспорта в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011а. – 24 с.

Тридцать лет Сов. Удм. – Тридцать лет Советской Удмуртии. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. – 164 с.

ТРС 1966 – Татарско-русский словарь / АН СССР. Казанский ин-т ЯЛИ. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 864 с.

ТТДС 1969 – Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1969. – 644 б.

Туганаев и др. 2003 – *Туганаев В. В., Воронцов П. И., Перевощиков А. П.* Русско-удмуртский словарь географических терминов=Географи нимкылъёсын удмурт-ӟуч кыллюкам: Более 1700 слов / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2003. – 184 с.

Туркин 1978 – *Туркин А.* Давид Р. Фокош-Фукс // СФУ. – 1978. – № 1 (XIV). – С. 78–79.

Туркин 1991 – *Туркин А. И.* Ю. Вихманн – исследователь коми диалектов Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 45–52.

Уваров 1980 – *Уваров А.* [*Н.*] Вунэм кырӟан // Молот. – 1980. – 4-тӥ №. – 38–42-тӥ б.

Уваров 1981 – *Уваров А.* [*Н.*] Бернат Мункачи – удмуртъёс сярысь // Молот. – 1981. – 4-тӥ № – 53–56-тӥ б.

Уваров 1983 – *Уваров А. Н.* В дар поколениям // Подарок Мункачи / Сост. А. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – С. 15–18.

Уваров 1988 – *Уваров А.* [*Н.*] Дружба: 11 октября исполняется 25 лет со дня создания в Удмуртии Общества советско-венгерской дружбы // Пропагандист и агитатор. – 1988. – № 18. – С. 15–18.

Уваров 1989 – [*Уваров А. Н.*] Бернат Мункачилэн удмуртъёсын ӧош пуксем фотоосыз // Молот. – 1989. – 9-тӥ № . – 25-тӥ б.

Уваров 2000 – *Уваров А. Н.* Роль переводов библии в формировании дореволюционной удмуртской литературы // Вордскем кыл. – 2000. – № 5. – С. 65–70.

УдГУ 1996 – 65 лет УГПИ – УдГУ / Авт. колл.: А. А. Александров, Е. А. Подшивалова, В. В. Пузанов, С. М. Решетников, Б. Н. Шульга. – Ижевск, 1995. – 136 с.

Удм. грамм. – *Верещагин Гр.* Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын [Кигожтэт] (НРА-лэн УО-ысьтыз ИЛК удмурт институтлэн КФ-эз. Оп. № 2–Н. Д № 399).

Удм. письм. 1976 – 200 лет удмуртской письменности / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975. – 160 с.

Удмуртия за 40 лет – Удмуртия за 40 лет советской власти. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. – 260 с.

УКК 1936 – Удмурт калык кырӟан‘ёс (Ньыльчур‘ёс) / Удмурт соцкультураез научно-эскерон ин-т. Сб. дасяз М. Петров. – Ижевск: УдГИЗ, 1936. – 176 б.

УКШГК 2002 – Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам. Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын: 30 000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос / Ответств. редакторез И. В. Тараканов; РНА. УрЛ. Ист., кылъя но лит. Удмурт ин-т. – Ижевск, 2002. – 416 б.

УОС 1959 – Удмурт орфографической словарь / Ист., экон., кылъя но лит. Удмурт. НИИ. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 216 б.

УОС 1984 – Удмурт орфографической словарь: 25 000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 352 б.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. – 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 591 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Ушаков: Биобиблиогр. указ. 2008 – Ушаков Геннадий Афанасьевич: к 70-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / НБ УдГУ; сост. И. В. Никитина. – Ижевск, 2008. – 46.: 1 л. портр. – (Биобиблиография ученых УдГУ).

Ушаков 1982 – *Ушаков Г. А.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.

Ушаков 2008 – *Ушаков Г. А.* Поэзия и проза моей жизни: Статьи. Воспоминания / ГОУВПО «УдГУ». – Ижевск, 2008. – 272 с.

Ушаков 2009 – *Ушаков Г. А.* Стилистика: текст бордын ужан: учеб.-метод. юрттэт / Удмурт кун университет. – Ижевск, 2009. – 76 б.

Федотов 1965 – *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 160 с.

Федотов 1968 – *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 213 с.

Федюнева 2007 – *Федюнева Г. В.* Указательные местоимения и их происхождение в пермских языках / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 2007. – 240 с.

Федюнева 2008 – *Федюнева Г. В.* Первичные местоимения в пермских языках / РАН. УрО. Коми НЦ. – Екатеринбург, 2008. – 427 с.

ФИУ 1977 – Филологические исследования в Удмуртии: Сб. ст. и библиогр. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1977. – 136 с.

ФУЯОП 2010 – Финно-угорские языки в образовательном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 2010. – 118 с.

Хайду 1985 – *Хайду П.* Уральские языки и народы / Перев. с венгер. Е. А. Хелимского. Под ред. К. Е. Майтинской. Предисл. Б. А. Серебренникова. – М.: Прогресс, 1985. – 392 с.

Хакимзянов 1978 – *Хакимзянов Ф. С.* Язык эпитафий волжских булгар / АН СССР. Казан. филиал. Ин-т яз., лит. и ист. – М.: Наука. 1978. – 206 с.

Хакимзянов 1987 – *Хакимзянов Ф. С.* Эпитафические памятники Волжской Булгарии и их язык / АН СССР. Казан. филиал. Ин-т ЯЛИ – М.: Наука. 1987. – 192 с.

Харламповичъ 1907 – *Харламповичъ К.* П. П. Масловскій и его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (Материалы для исторіи русской миссіи) // Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ унтѣ. – 1907. – Т. XXIII. Вып. 2. С. 67–109; Вып. 3. С. 163–224.

Цыпанов 2007 – *Цыпанов Й.* Удмурт кыввор да лыддянкуд / Россияса наукаяс академия. Урал юкӧн. Коми туялан шӧрин. Кыв, литература да история ин-т. – Сыктывкар, 2007. – 208 лб.

Цыганкин 1992 – *Цыганкин Д. В.* Д. В. Бубрих и мордовское языкознание // Д. В. Бубрих: к 100-летию со дня рождения: Сб. ст. / РАН. Карельский НЦ. Ин-т ЯЛИ – СПб.: Наука, 1992. – С. 25–35.

Черных 1962 – *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк. – Изд. 32-е. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. прос. РСФСР, 1962. – 375 с.

Чернышев 1971 – *Чернышев Е. И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / АН СССР. Ин-т ЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – Казань, 1971. – С. 272–292.

Чичерин 1977 – Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. – М.: Худож. лит., 1977. – 445 с.

Чуч 1992 – *Чуч Ш.* Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – С. 48–61.

Чуч 1995 – *Чуч Ш.* О творческой деятельности В. К. Кельмакова и его научном докладе “Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов”, представленном в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук // Вестник Удмуртского университета. – (Ижевск) 1995. – № 5. – С. 125–127.

Шахматовъ 1915 – *Шахматовъ А. А.* Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. – Петроградъ, 1915. – 339 с.

Шибанов 2005 – *Шибанов А. А*. Заимствованные наречия в удмуртском языке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 221–224.

Шибанов 2006 – *Шибанов А. А*. Изобразительные слова в пермских языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. С. Лобанова. – Пермь, 2006. – С. 265–267.

Шибанов 2008 – *Шибанов А. А*. Сложные наречия в удмуртском языке // Материалы науч. конф. «Молодежь и наука на Севере» (в 3-х тт.). Т. II. (14–18 апреля 2008 г., Сыктывкар, Республика Коми). – Сыктывкар, 2008. – С. 97–99.

Шибанов 2008а – *Шибанов А. А*. Морфологически недифференцированные слова в удмуртском языке // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (20–22 мая 2008 г., Ижевск) / Сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008а. – С. 938–942.

Шибанов 2009 – *Шибанов А. А*. Структурные типы удмуртских наречий // Третьи Флоровские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2009. – С. 134–138.

Шибанов 2009а – *Шибанов А. А*. Статус местоименных наречий в удмуртском и русском языках // Материалы Всерос. науч. конф. «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)» (15–16 декабря 2009 г., Ижевск). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009а. – С. 738–734.

Шибанов 2010 – *Шибанов А. А*. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Серия: Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. – № 34 (215). – С. 133–137.

Шибанов 2011 – *Шибанов А. А.* Наречия в удмуртском языке: Дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011. – 220 с. + 14 (Приложения 1–4).

Шибанов 2011а – *Шибанов А. А.* Наречия в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011а. – 23 с.

Школы УАССР – Школы Удмуртской АССР: Справочник / Сост. Е. А. Никифорова. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 264 с.

Шумилов 2006 – *Шумилов Е. Ф.* Большая наука. УдГУ: коллективный автопортрет. – Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика"; Ин-т компьютерных исследований, 2006. – 234 с.

Шутов 1978 – *Шутов А. Ф.* О субъектных конструкциях в удмуртском языке: на материале южных диалектов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 65–85.

Шутов 1978а – *Шутов А. Ф.* Абсолютные обороты в удмуртском языке // СФУ. – 1978а. – № 4 (XIV). – С. 283–289.

Шутов 1984 – *Шутов А. Ф.* К вопросу о дифференциации сложных и осложненных предложений в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1984. – С. 101–106.

Шутов 1990 – *Шутов А. Ф.* Пути развития гипотактических отношений в пермских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 230–232.

Шутов 1990а – *Шутов А. Ф.* Об одном способе выражения гипотаксиса в пермских языках // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Debrecen, 1990a. – 3 C: Sessiones sectionum: Dissertationes: Linguistica. – C. 191–195.

Шутов 1992 – *Шутов А. Ф.* Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ; отв. ред. Г. В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992. – С. 169–173.

Шутов 1992 – *Шутов А. Ф.* Об исследовании истории синтаксического строя удмуртского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1996. – P. IV. – С. 141–144.

Шутов 1999 – *Шутов А. Ф.* Гипотаксис в удмуртском языке: Пособие для студентов по синтаксису / Удмурт. гос. ун-т. Каф. совр. удмурт. яз. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 101 с.

Шутов 2000 – *Шутов А. Ф.* Некоторые переходные случаи выражения гипотаксиса в удмуртском языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 154–202.

Шутов 2000а – *Шутов А. Ф.* Роль порядка слов в развитии гипотактических отношений в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки)». – Саранск, 2000а. – С. 322–324.

Шутов 2002 – *Шутов А. Ф.* Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: Дис. ... докт. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 305 с.

Шутов 2002а – *Шутов А. Ф.* Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2002а. – 44 с.

Шутов 2002б – *Шутов А. Ф.* О сложноспаянных предложениях (на материале удмуртского языка) // Научные издания московского Венгерского Колледжа. – II/1: Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. – М.: 2002б. – С. 348–353.

Шутов 2003 – *Шутов А. Ф.* Туала удмурт кыл: Каронсям: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. Туала удмурт кылъя но сое дышетон методикая каф. – Ижкар: “Удмурт университет” книга поттон корка, 2003. – 24 б.

Шутов 2008 – *Шутов А. Ф.* Профессор И. В. Тараканов: жизненный путь, трудовая и научная деятельность // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симп. (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Удмурт. гос. ун-т; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. – С. 11–17.

Шутов: Биобиблиогр. указ. 2007 – Шутов Александр Федорович: к 60-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / Науч. б-ка УдГУ; сост. И. В. Никитина; компьютер. верстка И. В. Никитина. – Ижевск, 2007. – 26 с. – (Биобиблиография ученых УдГУ).

Энц. Удм. Респ. 2000 – Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 800 с.

Яковлев 1919 – *Яковлев И. В.* Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктйсь книга (Сравнительный словарь вотских наречий: 1. Вотско-русский, 2. Русско-вотский). – Казань, 1919. – 82 б.

Яковлев 1927 – *Яковлев И. В.* Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 87 б.

Яшин 1948 – *Яшин П.* Об удмуртском фольклоре // Удмуртские народные сказки / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – С. 3–15.

Яшина 1990 – *Яшина Р. И.* Удмурт стилистикая очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 145 б.

Alvre 1989 – *Alvre P.* [Рецензия] // СФУ. – 1989. – № 1 (XXV). – S. 73–74.

Рец. на: Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU XXI). – XXIII + 421 S.

Aminoff 1873 – *T. G.* Lyhyt silmäys itäisten suomensukuisten kansojen historiaan ennen heidän joutumistansa Wenäjän wallan alle // Koitar. Savo-Karjalaisen osakunnan albumi. – Helsinki, 1873. – № 2.

Aminoff 1879 – *Aminoff T. G.* Jumala käsitteen kehkiäminen votjakin kielessä // Kirjallinen kuukauslehti. – 1879. – S. 93–96.

Aminoff 1879a – *Aminoff T. G.* Reseberättelse afgifven till Finska Vetenskapssocieteten // Öfversigt af Finska Vetenskaps-societetens Förhandlingar. – Helsingfors, 1879a. – XXI. – S. 224–238.

Aminoff 1886 – *Aminoff T. G.* Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. – (Helsinki) 1886. – 1. – S. 32–55.

Aminoff 1893 – *Aminoff T. G.* Tietoja votjaakkien mytoloogiasta. – Helsinki, 1893. – 47 s.

Aminoff 1896 – *Aminoff T. G.* Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu. – (Helsinki) 1896. – 2 (XIV). – P. 1–48.

Balassa 1915–1916 – *Balassa J.* A votják nyelv néhány hangjáról // KSz. – (Budapest) 1915–1916. – 1–3 (16). szám. – 101–104 old.

Bálint 1977 – *Bálint G.* Kazáni-tatár szótár. – Budapest, 1877.

Bartens 1979 – *Bartens R.* Mordvan, tšeremissin ja votjakin infiniittisten muotojen syntaksi (= MSFOu 170). – Helsinki, 1979. – 251 s.

Bartens 2000 – *Bartens R.* Permilästen kielten rakenne ja kehitys (= VSFOu 238). – Helsinki, 2000. – 372 s.

Bátori 1969 – *Bátori I.* Wortzusammensetzung und Stammformbildung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen (Ural-Altaische Bibliothek XVII). – Wiesbaden, 1969.

Beke 1913–1915 – *Beke Ö.* Türkische Einflüsse in die Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // KSz. – (Budapest) 1913–1915. – XV. szám.

Bereczki 1977 – *Bereczki G.* Permi-cseremisz lexikális kölcsönzések // NyK. – (Budapest) 1977. – 1–2 (79). szám. – 57–77 old.

Bereczki 1983 – *Bereczki G.* A Volga-Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1983. – 207–236 old.

Bereczki 1990 – *Bereczki G.* Chrestomathia Ceremissica. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 171 l.

Buch 1882 – *Buch M.* Wotjaken, eine ethnologische Studie. – Helsingfors, 1882. – 190 S.

Budenz 1864 – *Budenz J.* Cseremisz tanulmányok // NyK. – (Budapest) 1864. – 3. szám. – 397–475 old.

Budenz 1867–1869 – *Budenz J.* A magyar és finnugor nyelvekbeli szóegyezések // NyK. – (Budapest) 1867–1869. – 6. szám. – 374–478, 1–62 old.

Csúcs 1970 – *Csúcs S.* A votják nyelv orosz jövevényszavai. I // NyK. – (Budapest) 1970. – 2 (LXXII). szám. – 323–362 old.

Csúcs 1972 – *Csúcs S.* A votják nyelv orosz jövevényszavai. II // NyK. – (Budapest) 1972. – 1 (LXXIV). szám. 27–47 old.

Csúcs 1973 – *Csúcs S.* Unkarin alkeet (Ungarisch für Anfanger). – Turku, 1973. – 148 l.

Csúcs 1975 – *Csúcs S.* [Рецензия] [Рец.] // NyK. – (Budapest) 1975. – 2 (77). szám. – 256–259 old.

Рец. на: Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973.

Csúcs 1977 – *Csúcs S.* [Рецензия] // NyK. – (Budapest) 1977. – 2 (79). szám. – 384–387 old.

Рец. на: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.

Csúcs 1979 – *Csúcs S.* A votják-tatár nyelvi kapcsolatok és történeti hátterük I // NyK. – (Budapest) 1979. – 2 (81). szám. – 365–372 old.

Csúcs 1980 – *Csúcs S.* A votják-tatár nyelvi kapcsolatok és történeti hátterük II // NyK. – (Budapest) 1980. – 1–2 (82). szám. – 428–431 old.

Csúcs 1982 – *Csúcs S.* [Рецензия] // NyK. – (Budapest) 1982. – 2 (84). szám. – 428–431 old.

Рец. на: Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981.

Csúcs 1983 – *Csúcs S.* A votják nyelvtörténet korszakai // Uralistikai tanulmányok / Szerkesztők Bereczki G., Domokos P. – Budapest, 1983. – 85–94 old.

Csúcs 1983a – *Csúcs S.* Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. – (Budapest) 1983a. – 2 (85). szám. – 311–320 old.

Csúcs 1984 – *Csúcs S.* A votják nyelv a 18. században // NyK. – (Budapest) 1984. – 86. szám. – 63–80 old.

Csúcs 1984a – *Csúcs S.* Einige Probleme der Phonologie des Wotjakischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. – Budapest, 1984a. – S. 167–181.

Csúcs 1984b – *Csúcs S.* Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Votjakischen // Dialectologia Uralica: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. – Heft 6. – Hamburg, 1984b. – S. 18–21.

Csúcs 1985 – *Csúcs S.* Zur Geschichte des wotjakischen Wortschatzes // NyK. – (Budapest) 1985. – 2 (87). szám. – S. 326–330.

Csúcs 1988 – *Csúcs S.* Die wotjakische Sprache // The Uralic Languages. Ed. D. Sinor. E. J. Brill. – Leiden–New York–Kobenhavn–Köln, 1988. – S. 131–146.

Csúcs 1989 – *Csúcs S.* Morphonologie der permischen Personalpronomina // Viertes Internationales Symposion «Uralische Phonologie». – Hamburg, 1989. – S. 31–34.

Csúcs 1989a – *Csúcs S.* Újabb votják kiadványok (Ismertetés) // NyK. – (Budapest) 1989a. – 1 (90). szám. – 199–208 old.

Csúcs 1990 – *Csúcs S.* Chrestomathia Votiacica. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 224 l.

Csúcs 1990a – *Csúcs S.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990a. – 306 S.

Csúcs 1990b – *Csúcs S.* Zur Geschichte des wotjakischen Wortschatzes // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1990b. – Т. 2. – S. 248–251.

Csúcs 1997 – *Csúcs S.* Zur Dialektologie des Wotjakischen [Рецензия] // FUF. – Helsinki, 1997. – Bd. 54., H. 3. – S. 373–377.

Рец.: *Kel'makov V. K., Saarinen S.* Udmurtin murteet / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47; Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. Turku; Iževsk, 1994. 368 s. – книгалы.

Csúcs 1998 – *Csúcs S.* Udmurt // The Uralic Languages. – London, 1998. – P. 276–304.

Csúcs 2000 – *Csúcs S.* A permi alapnyelv rekonstrukciója: Akadémiai doktori értekezes tézisei. – Budapest, 2000. – 31 l.

Csúcs 2001 – *Csúcs S.* The Conjugation in Proto-Permian // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, 7–13.8.2000 Tartu. – Tartu, 2001. – Pars II. – P. 43–44.

Csúcs 2005 – *Csúcs S.* Die Rekonsruktion der permischen Grudsprache. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 410 S.

DEWOS – *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache – 1–13. – Berlin, 1966–1991.

Domokos 1975 – *Domokos P.* Az udmurt irodalom története. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. – 550 l.

Eiras 1991 – *Eiras V.* Votjakin tataarilaiset lainasanat // Sanajalka. – 1991. – (33). – S. 165–176.

Рец. на: *Sándor Csúcs.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Bibliotheca Uralica 10. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1990.

FÉL 1990 – Finnugor Életrajzi Lexikon / ELTE. Bölcsészettudományi kar; szerkesztette Domokos Péter. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 366 l.

Fischer 1995 – *Fischer J. E.* Vokabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet ung herausgegeben von János Gulya. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Lang, 1995. – 247 S.

Fokos 1906 – *Fokos-Fuchs D. R.* A lokativusz-féle határozók a votjákban // NyK. – (Budapest) 1906. – 36. szám. – 207–250, 399–447 old.

Fokos 1912–1913 – *Fokos D.* Egy zürjén-votják képzőről // KSz. – (Budapest) 1912–1913. – 13. – 85–99 old.

Fokos 1913–1918 – *Fokos D.* Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen // JSFOu. – (Helsinki) 1913–1918. – XXX_{14}. – S. 1–10.

Fokos 1949 – *Fokos D.* Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. – (Helsinki) 1949. – 30. – S. 147–230.

Fokos 1954 – *Fuchs D. R.* Grammatikalischer abriss // *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer abriss von D. R. Fuchs / 2., ergänzte auflage. – Helsingfors, 1901a. – S. 135–166.

Fokos 1958 – *Fokos D.* Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // ALH. – (Budapest) 1958. – 8. – S. 273–342.

Fokos 1958a – *Fokos D.* A permi nyelvek határozói igenéveiről // NyK.– (Budapest) 1958a. – 60. szám. – 275–319 old.

Fokos 1959 – *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch. – I–II. – Budapest, 1959. – 1564 S.

Fokos 1962 – *Fokos-Fuchs D. R.* Die Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft, mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachverwandtschaft. – Wiesbaden, 1962. – 137 S.

Fokos 1963 – *Fokos-Fuchs D. R.* Eine neue ausführliche wotjakische Grammatik // UAJb. – (Wiesbaden) 1963. – 35. – S. 215–218.

Fokos 1963a – *Fokos D.* [Рецензия] // NyK. – (Budapest) 1963a. – 1 (65). szám. – 215–218 old.

Рец. на: Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 376 с.

Fokos 1973 – *Fokos-Fuchs D. R.* Zur Transkription der permischen Sprachen // FU-transkription yksinkertaistaminen / Lauri Posti ja Terho Itkonen. – Helsinki, 1973. – 65. – P. 85–87.

Joki 1973 – *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen (= MSFOu 151). – Helsinki, 1973. – 419 S.

Gabelentz 1846 – *Gabelentz H. C.* Zur wotjakische Declination // Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache (Berlin). – 1846. – I B. – S. 112–116.

Geisler 2005 – *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 68). – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. – 320 S.

Gombocz 1933 – *Gombocz Z.* Wichmann György (1868.IX.8 – 1932.V.3) // NyK. – (Budapest) 1933. – 2 (48). szám. – 348 old.

Hajdú 1962 – *Hajdú P.* Finnugor népek és nyelvek. – Budapest: Gondolat, 1962. – 427 l.

Harms 1967 – *Harms R. T.* Split, Shift and Merger in the Permic Vowels // UAJb. – 1967. – № 3–4 (39). – P. 163–198.

Honti 1984 – *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica (Osztják nyelvjárási szövegyűjtemény nyelvtani válattal és történeti magyarázatokkal). – Budapest: Tankönyvkiadó, 1984. – 285 l.

Itkonen 1954 – *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen ind in den permischen Sprachen // FUF. – (Helsinki) 1954. – № 3 (XXXI). – S. 149–345.

Kálmán 1960 – *Kálmán B.* Fokos Dávid hetvenöt éves // MNy. – (Budapest) 1960. – 1 (56) szám.

Kálmán 1976 – *Kálmán B.* Chrestomathia Vogulica. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1976. – 149 l.

Kálmán 1981 – *Kálmán B.* Munkácsi Bernát. – Budapest, 1981. – 181 l.

Kel'makov 1996 – *Kel'makov V. K.* Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // Lapponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium, 20–23. April 1994. – Uppsala, 1996. – S. 211–224.

Kel'makov и др. 1994 – *Kel'makov V.*, *Saarinen S.* Udmurtin murteet (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47) / Удмурт диалектъёс (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. «Удмурт вераськетъёс» 2). – Turku; Iževsk / Турку; Ижевск, 1994. – 368 s.

Kel'makov и др. 1999 – *Kel'makov V.*, *Hännikäinen S.* Udmurtin kielioppia ja harjoituksia (= Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XIV). – Helsinki, 1999. – 319 s.

2., korjattu painos. – Helsinki: Suomalais Ugrilainen Seura, 2008. – 335 s.

Keresztes 2003 – *Keresztes L*. Csúcs Sándor 60 éves // Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére / Pázmány Péter Katolikus Egyetem. Bölcsészettudományi Kar. Finnugor Tanszék. Szerk.: Molnár Zoltán és Zaicz Gábor. – Piliscsaba, 2003. – 9–13 old.

Kirillova 2002 – *Kirillova L. Y.* The Histiry of Udmurt Toponyms // Onomastica Uralica 2: Histiry of the Study of Toponyms in the Uralian Languages. – Debrecen–Helsinki, 2002 – P. 179–198.

Kirillova 2005 – *Kirillova L. Y.* Udmurt Oikonymy // Onomastica Uralica 3: Settlement Names in the Uralian Languages. – Debrecen–Helsinki, 2005. – P. 101–116.

Klemm 1912 – *Klemm A.* A mellérendelő es alárendelő viszony kifejezése az északi osztják es votják nyelvben // A Pannonhalmi Főapátsági Főiskola Evkönyve. – Pannonhalma, 1912. – 219–284 old.

Kozmács 2001 – *Kozmács I.* Az udmurt (votják) nyelv alapjai (oktatási segédanyag). – Budapest, 2001. – 94 l.

Kozmács 2008 – *Kozmács I.* Megválosult gyermekálom (Munkácsi Bernat udmurtföldi útja). – Ab-Art, 2008. – 487 l.

Kövesi 1965 – *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. – 432 l.

Lach 1926 – *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. – Wien und Leipzig, 1926. – S. 1–99.

Lakó 1934 – *Lakó Gy*. A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. – Budapest, 1934. – 65 l.

Lakó 1965 – *Lakó Gy.* A magyar hangállomány finnugor előzményei. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. – 65 l.

Lakó 1969 – *Lakó Gy*. Yrjö Wichmann // MNy. – (Budapest) 1969. – 4 (LXV). szám. – 391–398 old.

Liimola 1953 – *Liimola M.* Volksdichtung der permischcn Völker // FUF. – 1953. – 31. Anzeiger. – S. 47–50.

Lytkin 1927 – *Lytkin V.* Az *-s* névszókézők a permi nyelvekben. – Budapest, – 1927. – 20 l.

Lytkin 1930 – *Lytkin V.* A többes szám *-jas* (*-jos*) és *-jan* képzői a permi nyelvekben // Magyar Nyelvőr. – (Budapest) 1930. – № 3–6. – 76–77 old.

Lõtkin 1970 – *Lõtkin V.* Läänemeresoome laensõnad permi keeltes // Keel ja Kirandus. – 1970. – № 8. – Lk. 467–469.

Medveczky 1911–1912 – *Medveczky K.* A votják nyelv szóképzése // NyK. – (Budapest) 1911–1912. – 3–4 (41). szám. – 310–338, 413–455 old.

MF 1952 – см. Munkácsi 1952.

MNyTESz – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III; IV: Mutató. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1984.

Molnár 1974 – *Molnár F.* A permi nyelvek szóvégi magánhangzóinak történetéről // NyK. – (Budapest) 1974. – 1–2 (76). szám. – 77–118 old.

MSzFE – A magyar szókészlet finnugor elemei: Etimológiai szótár. – I–III; Szómutató... – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1981.

MTESz – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. – I–III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1976.

Munkácsi 1883 – *Munkácsi B*. Votják nyelvmutatványok // NyK. – (Budapest) 1883. – XVII. szám. – 247–302 old.

Munkácsi 1884 – *Munkácsi B*. Votják nyelvtanulmányok // NyK. – (Budapest) 1884. – XVIII. szám. – 35–155, 428–447 old.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 335 l.

Munkácsi 1887–1890 – *Munkácsi B*. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I–III. Составилъ Н. Первухинъ, Вятка, 1888. = Vázlatok a glazovi kerület idegen ajkú lakóinak (a votjákoknak) hagyományai és életmódja köréből. Írta: Pervuchin Miklos. I–III. füzet. Vjatka, 1888 [Рец] // NyK. – (Budapest) 1887–1890. – 21. szám. – 220–239, 463–477 old.

Munkácsi 1892 – *Munkácsi B.* A votjákok közt / Munkácsi Bernát naplójegyzeteiből összeallította Jankó János // Ethnográphia. – (Budapest) 1892. – 3. szám. – 93–108 old.

Munkácsi 1896 – *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.

Munkácsi 1901 – *Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. I. köt.: Magyar szójegyzék. – Budapest, 1901. – 669 l.

Munkácsi 1909 – *Munkácsi B.* Votják varázsige egy volgai bolgár esküben // Ethnográphia. – (Budapest) 1909. – 20. szám. – 253–254 old.

Munkácsi 1910 – *Munkácsi B*. Zürjén-votják nyelvű hettita feliratok // Ethnográphia. – (Budapest) 1910. – 21. szám. – 256 old.

Munkácsi 1916 – *Munkácsi B.* Jelentés az esztergomi fogolytáborban végzett votják nyelvi és néprajzi tanulmányaimról // Akadémiai Értesítő. – 1916. – 27. – 61–77 old.

Munkácsi 1927 – *Munkácsi B.* Újabb votják irodalom // Nyr. – (Budapest) 1927 – 56. szám. – 18–24 old.

Munkácsi 1927a – *Munkácsi B.* Újabb votják kiadványok // Nyr. – (Budapest) 1927a. – 56. szám. – 116 old.

Munkácsi 1928 – *Munkácsi B.* Egy magyar szó a votják nyelvújításban // Nyr. – (Budapest) 1928. – 57. szám. – 127–128 old.

Munkácsi N 1952 – *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. – Helsinki, 1952. – XXXVII + 715 S.

Munkácsi N 1943 – *Munkácsi N.* Egy nagy magyar nyelvész: Munkácsi Bernát élete. – Budapest, 1943.

Nyikolajeva 2000 – *Nyikolajeva I.* Chrestomathia Jucagirica. – Budapest, 2000. – 155 l.

Paasonen 1902 – *Paasonen H.* Votják-török szóegyeztetések // NyK. – (Budapest) 1902. – 32. szám. – 257–270 old.

Paasonen 1907 – *Paasonen H.* Zur Frage der Urverwandschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen Sprachen // FUF. – (Helsinki) 1907. – VII. – S. 13–31.

Paasonen 1917 – *Paasonen H.* Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte. – Budapest, 1917. – 375 S.

Penttilä 1927 – *Penttilä A.* Die Vertretung des urpermischen inlautenden $*\eta$ im heutigen syrjänischen und wotjakischen // FUF. – (Helsinki) 1927. – XVIII. – S. 108–115.

Rédei 1962 – *Rédei K.* Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. – Budapest, 1962. – 223 S.

Rédei 1969 – *Rédei K.* Neue Aspekte zur permischen Vokalforschung // UAJb. – 1969. – 41. – S. 130–141.

Rédei 1973 – *Rédei K.* A votják nyelvjárások fonematikus átírása // FU-transkription yksinkertaistaminen / Lauri Posti ja Terho Itkonen. – Helsinki, 1973. – 65. – S. 88–91.

Rédei 1973a – *Rédei K.* A zürjén nyelvjárások fonematikus átírása // FU-transkription yksinkertaistaminen / Lauri Posti ja Terho Itkonen. – Helsinki, 1973a. – 65. –S. 92–94.

Rédei 1973b – *Rédei K.* A zürjén nyelv KP. nyelvjárásának fonematikus átírása // FU-transkription yksinkertaistaminen / Lauri Posti ja Terho Itkonen. – Helsinki, – 1973b. – 65. – S. 95–97.

Rédei 1978 – *Rédei K.* Chrestomathia Syrjaenica. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1978. – 197 l.

Rédei 1980 – *Rédei K.* A permi elativusrag eredete // NyK. – (Budapest) 1980. – 1–2 (82). szám. – 265–270 old.

Rédei 1982 – *Rédei K.* Szófejtések // NyK. – (Budapest) 1982. – 84. szám. – 221–228 old.

Rédei 2002 – *Rédei 2002* – Rédei Károly válogatott írásai. Készült Rédei Károly 70. születésnapja alkalmából. – Budapest, 2002. – 315 l.

Rédei и др. 1973 – *Rédei K.*, *Róna-Tas A.* A permi nyelvek őspermi kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. – (Budapest) 1973. – 2 (74). szám. – 281–298 old.

Rédei и др. 1975 – *Rédei K.*, *Róna-Tas A.* A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. – (Budapest) 1975. – 1 (77). szám. – 31–44 old.

Rédei и др. 1980 – *Rédei K.*, *Róna-Tas A.* Őspermi és votják jövevényszavak a csuvasban // NyK. – (Budapest) 1980. – 1–2 (82). szám. – 125–133 old.

Rubinyi 1947 – *Rubinyi M.* Balassa József // MNy. – (Budapest) 1947. – 3 (43). szám. – 235–239 old.

Saarinen 1992 – *Saarinen S.* Tatarisches im Wotjakischen // FUF. – (Helsinki) 1992. – S. 276–283.

Рец. на: *Sándor Csúcs.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen (Bibliotheca Uralica 10.) Akadémiai Kiadó. Budapest, 1990.

Salanki 2002 – *Salanki Zs*. Nyelvújítás Udmurtiában // Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére / Pázmány Péter Katolikus Egyetem. Bölcsészettudományi Kar. Finnugor Tanszék. Szerk.: Molnár Zoltán és Zaicz Gábor. – Piliscsaba, 2003. – 212–217 old.

Salanki 2003 – *Salanki Zs*. Hogyan számolnak az udmurtok? // Ünnepi kötet Honti László tiszteletére / Szerk.: Bakró-Nagy Marianne, Rédei Károly. – Budapest, 2003. – 349–352 old.

Salanki 2004 – *Salanki Zs*. The Udmurt language // The Finno-Ugric World / Editor-in-Chief: Nanovszki György. Teleki László Foundation. – Budapest, 2004. – P. 227–234.

Salanki 2004a – *Salanki Zs*. Nemzedékek nyelvelsajátítása a mai udmurt nyelvközösségben // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára (= Uralisztikai Tanulmányok 14) / Szerk.: Csepregi Márta és Várady Ester. – Budapest, 2004. – 342–346 old.

Salanki 2008 – *Salanki Zs*. Egy jelzős szerkezet megítélése a mai udmurt beszélőközösségben // Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére (= Uralisztikai Tanulmányok 18) / Szerk.: Bereczki András, Csepregi Márta, Klima László. – Budapest, 2008. – 679–682 old.

Salanki 2008a – *Salanki Zs*. Részletek Pjotr Csernov Az ifjúkor dalai című önéletrajzi regényéből // Ünnepi írások Bereczki Gábor tiszteletére (= Ura-

lisztikai Tanulmányok 19) / Szerk.: Bereczki András, Csepregi Márta, Klima László. – Budapest, 2008a. – 715–719 old.

Salanki 2009 – *Salanki Zs*. Nyelvi attitűdök finnugor beszélőközösségben // Nyelvideológiák, attitűdök és sztereotípiák (15. Élőnyelvi konferencia) / MTA Nyelvtudományi Intézet – Gramma Nyelvi iroda – Konstantin Filozófus Egyetem Közép-európai Tanulmányok kar. Szerk.: Borbély Anna, Vančoné Kremmer Ildikó, Hattyár Helga. – Budapest – Dunaszerdahely – Nyitra: Tinta Könyvkiadó, 2009. – 293–301 old.

Salanki 2010 – *Salanki Zs*. Some Grammatical Variables in Udmurt with Respect to Modern Bilingual Language Use // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14.VIII.2010. – Piliscsaba, 2010. – Pars II: Summaria acroasium in sectionibus / Redigunt Sándor Csúcs, Nóra Falk, Viktória Püspök, Viktória Tóth, Gábor Zaicz. – P.

Salanki и др. 2007 – *Salanki Zs*., *Lesnikova G*. Future Perspectives of the Udmurt Language – Language Usage and Speaker Attitudes // Language and Identity in the Finno-Ugric World (= Studia Fenno-Ugrica Groningana 4) / Edited by Rogier Blokland, Cornelius Hasselblatt. – Maastricht, 2007. – P. 222–233.

Sebestyén 1928 – *Sebestyén I. N.* Wichmann György hatvanadik születésnapjára // MNy. – (Budapest) 1928. – 7–8 (XXVI). szám. – 225–232 old.

Serebrennikov 1962 – *Serebrennikov B. A.* Über die Herkunft der Akkusativendung *-sę* und *-ęs* im Syrjänischen und *-zɛ*, *-ez* im Wotjakischen // MSFOu. – (Helsinki) 1962. – 125. – S. 549–552.

Setälä 1901 – *Setälä E. N.* Über Transkription der finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. – (Helsinki) 1901. – I. – S. 15–52.

Setälä 1902 – *Setälä E. N.* Zur finnisch-ugrischen Lautlehre: Vorläufige Mitteilungen aus einer grösseren Arbeit // FUF. – (Helsinki) 1902. – II. – S. 219–276.

Setälä 1933 – *Setälä E. N.* Yrjö Wichmann: 8.IX.1868 – 3.V.1932 // FUF. – (Helsinki) 1933. – № 1–2 (XXI). – S. 1–4.

Simm 1980 – *Simm J.* [Рецензия] // СФУ. – 1980. – № 3 (XVI). – P. 231–232.

Рец. на: *Тепляшина Т. И.* Антропонимические модели пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1978. – 138 с.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VI; VII: Sanahakemisto. – Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. – 1–3. – Helsinki, 1992–2000.

Statistik 1991 – Statistik der uralischen Lautentsprechungen. Zusammengestellt von Sándor Csúcs, László Honti, Zsuzsa Salánki, Judit Varga. – Budapest, 1991. – 239 S.

Stipa 1960 – *Stipa G. J.* Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen (= MSFOu 121). – Helsinki, 1960. – 290 S.

Strahlenberg 1730 – *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet... – Stokcholm, 1730. – 431 S.

Suihkonen 1990 – *Suihkonen P.* Korpustutkimus kielitypologiassa sovellettuna udmurttiin (= MSFOu 207). – Helsinki, 1990. – 343 + 22 + 6 s.

Suihkonen 1995 – *Suihkonen P.* (with the cooperation of *B. Zagulyayeva* and *G. Tronina*). Udmurt Texts (= Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XII). – Helsinki, 1995. – 204 p.

Suihkonen 1995a – *Suihkonen P.* (with the cooperation of *B. Zagulyayeva* and *G. Tronina*). Udmurt – English – Finnish Dictionary with a Basic Grammar of Udmurt (= Lexica Societas Fenno-Ugricae XXIV). – Helsinki, 1995a. – 327 p.

Szíj 1972 – *Szíj E.* [Рецензия] // NyK. – (Budapest) 1972. – 1 (LXXIV). szám. – 253–256 old.

Рец на: Т. И. Т е п л я ш и н а. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

Szilasi 1896 – *Szilasi M.* Votják nyelvészeti irodalom // NyK. – (Budapest) 1896. – 26. szám. – 492–495 old.

Szily 1910 – *Szily K.* Hunfalvy Pál emlékezete // MNy. – (Budapest) 1910. – 1 (VI). szám.

Szinnyei 1903 – *Szinnyei J.* Munkácsi Bernát // Magyar írók élete és munkái. IX. – Budapest, 1903. – 379–385 old.

Tarakanov 1963 – *Tarakanov I.* Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned // ESA. – 1963. – IX. – Lk. 188–202.

Tarakanov 1978 – *Tarakanov I. V.* Die Entwicklung der udmurtischen Sprachwissenschaft in der UdSSR (1971–1977) // СФУ. – 1978. – № 4 (XIV). – S. 293–296.

Tepljašina 1973 – *Tepljašina T. I.* Die Realisierung des Lautes **j* in den udmurtischen Mundarten // СФУ. – 1973. – № 3 (IX). – S. 201–204.

Toivonen 1929 – *Toivonen Y. H.* Beiträge zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute // FUF. – (Helsinki) 1929. – XIX. – S. 47–82.

Toivonen 1938 – *Toivonen Y. H.* Bernhard Munkácsi // FUF. – (Helsinki) 1938. – № 1 (26). Anzeiger. – S. 29–32.

UEW 1986–1991 – *R. Károly*. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. I–III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, – 1986–1991.

UMSz. 2002 – *Kozmács I.* Udmurt-magyar szótár. – Szombathely: Savaria University Press, 2002. – 532 l.

Uotila 1933 – *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1933. – XVIII + 446 S.

USS 2008 – *S. Maksimov, V. Danilov, S. Saarinen*. Udmurttilais-suomalainen sanakirja: Yli 20 000 sanaa (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja). – Turku, 2008. – 664 s.

Vászolyi 1967 – *Vászolyi E.* A finnugor személyjelek kérdéséhez (A permi nyelvek névszói személyjeleinek leíró vizsgálata és belső rekonstrukciója) // NyK. – (Budapest) 1967. – 69. szám. – 3–56 old.

Vászolyi 1968 – *Vászolyi E.* Prolativusz, tranzitivusz, lokativusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben // NyK. – (Budapest) 1968. – 1 (70). szám. – 47–85 old.

Vászolyi 1968a – *Vászolyi E.* Az uráli -*Ń* lativuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben // NyK. – (Budapest) 1968a. – 2 (70). szám. – 373–382 old.

Vikár и др. 1989 – *Vikár L.*, *Bereczki G.* Votyak Folksongs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. – 521 p.

VNpk. 1887 – см. Munkácsi 1887.

Wasiljev 1902 – *Wasiljev J.* Übersicht über die heidnischen Gerräiche, Aberglauben und Religionen der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan (= MSFOu. – XVII). – Helsingfors, 1902.

Wichmann 1893 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. – Helsingfors, 1893. – I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – XX + 200 S.

Wichmann 1893a – *Wichmann Y.* Matkakertomus votjaakkien maalta. I–II // JSFOu. – (Helsinki) 1893a. – XI. – P. 8–17.

Wichmann 1901 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. – Helsingfors, 1901. – II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. – IV + 200 S.

Wichmann 1901a – *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. – Helsingfors, 1901a. – V +134 S.

Wichmann 1903 – *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsingfors, 1903. – XXVIII + 171 S.

Wichmann 1906 – *Wichmann Y.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden *s*- und *č*-Laute im Tscheremissischen // FUF. – (Helsinki) 1906. – VI. – S. 17–39.

Wichmann 1907 – *Wichmann Y.* Zum Stufenwechsel im Ungarischen // FUF. – (Helsinki) 1907. – VII. – S. 31–53.

Wichmann 1911 – *Wichmann Y.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden Affrikaten nebst einem Exkurs über die finnisch-ugrischen anlautenden Klusile // FUF. – (Helsinki) 1911. – № 1–3 (XI). – S. 173–290.

Wichmann 1913–1918 – *Wichmann Y.* Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre // JSFOu. – (Helsinki) 1913–1918. – XXX_6. – S. 1–42.

Wichmann 1915 – *Wichmann Y.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. – Helsinki, 1915. – XIV + 96 S.

Wichmann 1915a – *Wichmann Y.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute (**l* und **l'*), bes[onders]. in den permischen Sprachen und im Ostjakischen // FUF. – (Helsinki) 1915a. – № 1–3 (XV). – S. 1–55.

Wichmann 1923–1924 – *Wichmann Y.* Zur permischen Grammatik // FUF. – (Helsinki) 1923–1924. – XVI. – S. 143–163.

Wichmann 1954 – *Wichmann Y.* Wotjakische chrestomathie mit glossar. Anhang: grammatikalischer abriss von D. R. Fuchs. – 2., erganzte aufl. – Helsinki, – 1954. – 167 S.

Wichmann 1987 – [*Wichmann Y.*] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.

Wiedemann 1851 – *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann 1858 – *Wiedemann F. J.* Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de 1' Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg 1858. S. 240–256; а также: Melanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg, III, 5e livraison. – St.-Péterbourg, 1858. – S. 533–555.

Wiedemann 1880 – *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register. – St.-Petersburg, 1880. – XIV + 692 S.

Wiedemann 1884 – *Wiedemann F. J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St.-Petersburg, 1884. – 255 S.

Winkler 2001 – *Winkler E.* Udmurt (= Languages of the World/Materials 212). – [Muenhen] 2001. – 85 p.

Winkler 2011 – *Winkler E.* Udmurtische Grammanik (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 81). – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. – 181 + 7 S.

Yédigarova и др.2007 – *Yédigarova S., Mantel B.* Guide de conversation français-oudmourte = Француз-удмурт кылбугор. – Tartu, 2007. – 226 p.

Zsirai 1936 – *Zsirai M.* Budenz József (születésének századik évfordolójára). – Budapest, 1936.

Zsirai 1937 – *Zsirai M.* Finnugor rokonságung. – Budapest: MTA, 1937. – 578 l.

Zsirai 1938 – *Zsirai M.* Munkácsi Bernát // MNy. – (Budapest) 1938. – 1–2 (34). szám. – 1–4 old

В. К. Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

ФОТО

ПУСТАЯ с.

УДМУРТ ВЕРАСЬКЕТЪЁС 9

*

УДМУРТСКИЕ ГОВОРЫ 9

[[[Россия Федерациысь дышетонъя но тодосъя министерство
Удмурт кун университет
Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра

Россиысь тодосъёсъя академия. Урал ёзлюкет.
Историяя, кылъя но литературая удмурт институт]]]

[[[В. К. Кельмаков]]]

[[[УДМУРТ КЫЛТОДОСЛЭН ДЫРСЮРЕСЫСЬТЫЗ МАЙЫГЪЁС]]]

(НЕВЕРНОЕ)

«Удмурт университет» книгапоттонни
Ижкар 2011

Россия Федерациысь дышетонъя но тодосъя министерство
Удмурт кун университет
Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра

Россиысь тодосъёсъя академия. Урал ёзлюкет
Историяя, кылъя но литературая удмурт институт

В. К. Кельмаков

УДМУРТ КЫЛТОДОСЛЭН ДЫРСЮРЕСЫСЬТЫЗ МАЙЫГЪЁС

Ижкар
2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Удмуртский государственный университет
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

Российская академия наук. Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы

В. К. Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Ижевск
2011

УДК 811.511.131
ББК 81.664.1г
К 345

Рецензенты:
Е. А. Цыпанов, доктор филол. наук, зам. директора
Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
Н. Н. Тимерханова, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой
удмуртского языка и методики его преподавания УдГУ

Научный редактор: канд. филол. наук, доцент кафедры
общего и финно-угорского языкознания УдГУ **Н. В. Кондратьева**

Кельмаков В. К.
К 345 Вехи истории удмуртского языковедения / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. – 518 с.

ISBN 978-5-4312-0074-8

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой эскизную историю возникновения и развития удмуртской лингвистики. Она состоит из двух частей: в первой дается краткая история удмуртского языкознания с XVIII в. до наших дней; во второй части приведены очерки об отдельных личностях, причастных к изучению удмуртского языка (и фольклора).

Книга, составленная как научное издание для специалистов в области удмуртского и финно-угорского языкознания, может быть использована в качестве учебного пособия студентами-филологами и студентами-журналистами, аспирантами, а также окажется полезной для учителей и учащихся удмуртских школ республики и за ее пределами, а также всем тем, кто интересуется проблемами истории духовной культуры удмуртского народа.

УДК 811.511.131
ББК 81.664.1г

ISBN 978-5-4312-0074-8

© В. К. Кельмаков, 2011
© ФГБОУВПО «Удмуртский государственный университет», 2011
© Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН, 2011

Валентин Кельмакович Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Монография

Авторская редакция
Компьютерный набор и верстка В. К. Кельмаков
Компьютерный макет А. В. Кельмаков
Компьютерная обработка фотографий В. Е. Романов

Подписано в печать 24.11.2011. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 32,30. Усл. печ. л. 30,11.
Тираж 300 экз. Заказ № 2320

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru

Азьвыл поттэм ужъёс ∗ Предыдущие публикации

1. ***В. К. Кельмаков.*** Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 1). – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 177 с.

2. ***V. Kel'makov, S. Saarinen.*** Udmurtin murteet / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47 (Удмурт диалектъёс / Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. («Удмурт вераськетъёс» 2). – Turku; Iževsk (Турку; Ижевск), 1994. – 368 s.

3. ***В. К. Кельмаков.*** Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 3). – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. – 386 с.; *2-е, стереотип. изд.* – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 386 с.

4. ***В. К. Кельмаков.*** Очерки истории удмуртского языкознания / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 4). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 232 с.

5. ***В. К. Кельмаков.*** К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Часть I / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 5). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – 445 с.

6. ***В. К. Кельмаков.*** Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 6). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 276 с.

7. ***В. К. Кельмаков.*** Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 7). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – 395 с.

8. ***В. К. Кельмаков.*** Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. («Удмурт вераськетъёс» 8). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – 420 с.

В. К. Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Удмуртский государственный университет
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

Российская академия наук. Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы

В. К. Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Ижевск
2011

УДК 811.511.131
ББК 81.664.1г
К 345

Рецензенты:
Е. А. Цыпанов, доктор филол. наук, зам. директора
Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
Н. Н. Тимерханова, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой
удмуртского языка и методики его преподавания УдГУ

Научный редактор: канд. филол. наук, доцент кафедры
общего и финно-угорского языкознания УдГУ **Н. В. Кондратьева**

Кельмаков В. К.
К 345 Вехи истории удмуртского языковедения / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. – 518 с.

ISBN 978-5-4312-0074-8

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой эскизную историю возникновения и развития удмуртской лингвистики. Она состоит из двух частей: в первой дается краткая история удмуртского языкознания с XVIII в. до наших дней; во второй части приведены очерки об отдельных личностях, причастных к изучению удмуртского языка (и фольклора).

Книга, составленная как научное издание для специалистов в области удмуртского и финно-угорского языкознания, может быть использована в качестве учебного пособия студентами-филологами и студентами-журналистами, аспирантами, а также окажется полезной для учителей и учащихся удмуртских школ республики и за ее пределами, а также всем тем, кто интересуется проблемами истории духовной культуры удмуртского народа.

УДК 811.511.131
ББК 81.664.1г

ISBN 978-5-4312-0074-8

© В. К. Кельмаков, 2011
© ФГБОУВПО «Удмуртский государственный университет», 2011
© Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН, 2011

Валентин Кельмакович Кельмаков

ВЕХИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Монография

Авторская редакция
Компьютерный набор и верстка В. К. Кельмаков
Компьютерный макет А. В. Кельмаков
Компьютерная обработка фотографий В. Е. Романов

Подписано в печать 24.11.2011. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 32,30. Усл. печ. л. 30,11.
Тираж 300 экз. Заказ № 2320

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru